Фонд изучения наследия П.А. Столыпина
Федеральное архивное агентство
Российский государственный исторический архив

П.А. Столыпин

ПЕРЕПИСКА

Москва
РОССПЭН
2004

ББК 63.3(2)52
С 81

Работа над проектом и его издание осуществлены
Фондом изучения наследия П.А. Столыпина

Под общей редакцией
Президента Фонда изучения наследия П.А. Столыпина
П.А. Пожигайло

Редакционная коллегия:
И.И. Демидов, А.Р. Соколов, В.В. Шелохаев

С 81 **П.А. Столыпин: Переписка.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 704 с.

В публикацию впервые включен комплекс документов личной и официальной переписки П.А. Столыпина, позволяющей в своей совокупности всесторонне показать его облик и раскрыть его роль в политической истории России начала XX в. В книгу вошли письма, записки и телеграммы Николаю II, представителям политической, общественной и культурной элиты страны.

Издание снабжено предисловием, введением и комментариями.

ISBN 5 - 8243 - 0555 - 2

© Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, 2004.
© «Российская политическая энциклопедия», 2004.

Предисловие

Характерной приметой последнего десятилетия является нарастание интереса и общественности, и исследователей к личности и деяниям выдающихся людей России начала XX в. Это вполне объяснимо, ибо в посткоммунистической России масштабные трансформационные перемены со всей очевидностью и остротой поставили вопрос о типе политического лидера, реально способного предложить обществу такие системные реформы и такие технологии их реализации, которые в своей совокупности позволили бы, наконец, решить двуединую задачу: во-первых, вывести страну из перманентного кризисного состояния, достигнуть стабилизации и согласия в обществе и, во-вторых, создать предпосылки и условия для ее динамичного развития во всех сферах жизнедеятельности, найти в ходе реализации программы преобразований оптимальное соотношение между традициями и новациями. Отсюда понятен и устойчивый интерес к личности П.А. Столыпина. Получив назначение на ключевые посты сначала министра внутренних дел, а затем премьер-министра в период революционных катаклизмов, он сумел в предельно сжатые сроки покончить с анархией и хаосом в стране и приступить к реализации системных реформ, давших реально ощутимые результаты.

В последние годы широкие слои российской общественности получили возможность познакомиться с двумя документальными публикациями[1]. В состав первой вошли тексты выступлений П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете, которые давали общее представление о замысле, механизмах и технологии намечавшихся преобразований. Публичный характер выступлений премьер-министра в законодательных палатах преследовал не только ознакомительную, но и разъяснительную задачу, выполнял общественно значимую мобилизационную функцию, ибо каждая конкретная личность и социальная страта, каж-

---

[1] *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия…: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М., 1991; *Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. – М., 2003.

дая политическая партия и думская фракция, искренне желавшие понять цели и задачи исполнительной власти, могли лучше осознать собственное место и роль в общей системе преобразований, реально ощутить на себе их последствия. Вторая публикация знакомила читателя со всем комплексом системных реформ, представленных в правительственных законопроектах и принятых законодательными палатами законах. Данная работа впервые в историографии всесторонне раскрыла роль П.А. Столыпина как генератора инновационных идей, сумевшего сформулировать единую по своему замыслу и по технологии системную программу реформ.

Однако специфика источников, вошедших в названные публикации, не позволяла детально раскрыть творческую лабораторию П.А. Столыпина, всесторонне показать его личное участие в разработке системообразующих идей, объединяющих отдельные проекты в единую цельную программу преобразований. Одновременно они не давали возможности составить конкретное представление о том огромном организационном таланте, которым обладал Столыпин, сумевший объединить вокруг себя команду единомышленников. Кроме того, характер источников не предоставлял читателю возможности познакомиться со Столыпиным как с человеком – мужем, отцом, другом, сослуживцем. Едва ли нужно доказывать, что объективная информация о личных качествах человека крайне важна для понимания его ролевых функций как политического лидера всероссийского масштаба.

Учитывая общественное желание знать о новом политическом лидере «все» или, по крайней мере, «почти все», предпринята давно назревшая попытка публикации таких видов источников, которые в своей совокупности могли бы составить емкое представление о П.А. Столыпине как о личности, о системе его мировоззренческих представлений, об организаторских способностях и т. д. Такого рода информацию заключают в себе личные и официальные письма, записки и телеграммы. В личных письмах, адресованных родным и близким, друзьям, наиболее ярко и зримо раскрывается образ П.А. Столыпина со всей гаммой его природного темперамента и черт характера: любящий муж, заботливый отец, верный друг, готовый в любую минуту прийти на помощь. В официальных письмах, записках и телеграммах представлены другие его ипостаси: логик-рационалист, последовательный государственник, для которого характерны непререкаемая вера в принцип монархизма, единство и целостность России, историческую миссию русского народа и Православной церкви. Поэтому введе-

ние в научный оборот такого рода источников станет качественно новым этапом в изучении П.А. Столыпина.

Отметим, что значимость эпистолярного наследия П.А. Столыпина уже давно осознавалась исследователями. Первая публикация отдельных писем П.А. Столыпина С.Ю. Витте появилась еще в 1915 г. на страницах либерального журнала «Русская мысль». Характерно, что она вышла в свет менее месяца спустя после смерти С.Ю. Витте. Едва ли можно сомневаться в том, что публикация была специально инициирована редакцией данного журнала, которая на протяжении целого десятилетия «разоблачала» с кадетских позиций политический курс П.А. Столыпина[2].

После большевистского переворота в октябре 1917 г. на страницах журналов «Былое», «Красный архив» была опубликована подборка писем П.А. Столыпина Николаю II[3], великому князю Николаю Николаевичу[4], графу И.И. Воронцову-Дашкову[5], С.М. Лукьянову[6], П.Г. Курлову[7]. Уже сама по себе подборка писем и особенно телеграмм по преимуществу преследовала идеологическую цель: с одной стороны, разоблачить «реакционную» и «репрессивную» сущность авторитарного режима в целом, а с другой – в негативном свете показать роль высших представителей политической элиты царской России и, прежде всего, П.А. Столыпина[8].

В 1928 г. в юбилейном сборнике «Лев Николаевич Толстой» было опубликовано письмо П.А. Столыпина великому русскому

---

[2] Переписка графа С.Ю. Витте и П.А. Столыпина // Русская мысль. – М., 1915. – Кн. 3. – С. 134–152.

[3] Письмо П.А. Столыпина Николаю II // Былое. – 1917 – № 5–6 (27–28). – С. 3–4; Письмо П.А. Столыпина Николаю II // Там же. – 1918. – № 2 (30). – С. 3; Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. – 1924. – Т. 5. – С. 103–121; Переписка П.А. Столыпина с Николаем Романовым // Там же. – 1928. – Т. 5 (30). – С. 80–88.

[4] Письма П.А. Столыпина вел. кн. Николаю Николаевичу от 27 января и 10 февраля 1908 г. // Красный архив – 1926. – Т. 6 (19). – С. 215–221.

[5] Письмо П.А. Столыпина гр. И.И. Воронцову-Дашкову 11 апреля 1908 г. // Красный архив. – 1929. – Т. 3 (34). – С. 184–221; – Т. 4. – С. 128–150.

[6] Письма П.А. Столыпина обер-прокурору Синода С.М. Лукьянову // Былое. – 1926. – № 36. – С. 110–132.

[7] Письма П.А. Столыпина П.Г. Курлову 1909–1911 // Былое. – 1918. – № 1 (29). – С. 128–131.

[8] Подобную цель преследовали и составители тематических сборников по истории первой российской революции. См., например: Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. – Ч. 1–2. – М., 1955; Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции. Документы и материалы. – Баку, 1956.

писателю[9]. К сожалению, на протяжении последующих нескольких десятилетий публикаций эпистолярного наследия П.А. Столыпина не было.

Перелом наступил лишь в начале 90-х гг. XX в., когда на страницах журналов[10], документальных сборников[11], в воспоминаниях[12] стали вновь публиковаться письма П.А. Столыпина. При этом особо следует подчеркнуть инициативную роль в этом важном деле П.Н. Зырянова[13], Г.П. Сидоровнина[14], Б.Г. Федорова[15], которые начали интенсивно вводить в научный оборот новые документы и материалы П.А. Столыпина, в том числе и его письма родным и близким (прежде всего, жене О.Б. Столыпиной), государственным и политическим деятелям, представителям отечественной культуры.

Вместе с тем до сих пор не предпринималась попытка систематического обследования архивных фондов на предмет выявления всего комплекса переписки П.А. Столыпина. Данная публикация, осуществляемая Фондом изучения наследия П.А. Столыпина, является первым таким опытом. Результаты этой работы позволяют, на наш взгляд, внести весьма существенные коррективы в бытовавшие в советской, а порой реанимированные и в современной отечественной историографии оценки как самой личности П.А. Столыпина, так и его практической деятельности на высших государственных постах.

Чтобы объективно оценить результаты проделанной составителями и подготовителями работы, кратко напомним современному читателю, что в дооктябрьской и особенно советской историографии на протяжении семи десятилетий воспроизводилось и варьировалось идеологическое клише о Столыпине как

---

[9] Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. – М.: Л., 1928. – С. 91–92; см. также: Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 37–38; Литературное наследство. – М., 1990. – Кн. 2.

[10] Из писем П.А. Столыпина О.Б. Столыпиной // Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 98–106; Письмо П.А. Столыпина по поводу подготовки еврейских погромов // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1993. – № 4;. – С. 168–179; Письмо П.А. Столыпина томскому губернатору Е.Е. Извекову // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 86–88.

[11] *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия…

[12] *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М. 1994.

[13] *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. – М., 1992.

[14] *Сидоровнин Г.П.* П.А. Столыпин. Жизнь за отечество. Жизнеописание. (1862–1911). – Саратов, 2002.

[15] *Федоров Б.Г.* Петр Аркадьевич Столыпин. – М., 2002.

«махровом реакционере», «националисте и антисемите». «обервешателе» (тиражировалось высказывание Ф.И. Родичева о «столыпинских галстуках»), инициаторе так называемых «столыпинских вагонов». При этом читателю внушалась мысль о том, что П.А. Столыпин, будучи «типичным консерватором и реакционером», уже по определению не был способен выработать и предложить обществу самостоятельную и цельную программу прогрессивного реформирования России, будто бы он был «всеядным» и «беспринципным эклектиком», выдававшим «за свои» те реформы, которые якобы были разработаны в кабинетах его предшественников, прежде всего С.Ю. Витте. Публикуемые источники опровергают подобного рода идеологические мифы и недобросовестные наветы на П.А. Столыпина. Было бы, разумеется, неверно безапелляционно утверждать, что Столыпин начал свои реформы вообще «с чистого листа», игнорируя опыт своих талантливых предшественников-реформаторов – В.К. Плеве и С.Ю. Витте. Его историческая заслуга состояла в том, что он, аккумулируя уже имевшиеся разрозненные законодательные наработки, впервые предложил российскому обществу именно системные и масштабные преобразования. Причем важно подчеркнуть, что столыпинская программа реформ всецело соответствовала объективным потребностям России начала XX в., отражала и выражала ведущие тенденции общемирового развития.

Обратим внимание читателя на ряд принципиально важных итоговых выводов и наблюдений, которые логически вытекают из данной публикации и в своей совокупности дают существенное *приращение знания*, а, в конечном счете, позволяют воссоздать подлинный образ выдающегося государственного и политического деятеля России начала XX в. – Петра Аркадьевича Столыпина.

Во-первых, источники раскрывают многомерный образ и облик П.А. Столыпина как талантливой личности, для которой были характерны: пытливый, разносторонний и глубокий природный ум, творческое и созидательное начало, мощная жизнеутверждающая энергия и непререкаемая воля в достижении поставленной цели, личная смелость и самоотверженность.

По своему миропониманию, миросозерцанию и мироощущению П.А. Столыпин был человеком современной европейской культуры. Вместе с тем, оставаясь по своему менталитету истинно русским человеком, он сочетал в своем мировоззрении и идеи западноевропейского рационализма, и идеалистические, религиозные представления. Что касается характеристики его политических взглядов, то в их основе лежало, как отмечалось выше, при-

знание исторической обусловленности и значимости принципа монархизма, необходимости сохранения единства и неделимости российского государства. Акцентируя в своих думских выступлениях внимание именно на исторических особенностях формирования российского государства, его национальных корнях и «историческом стволе» – монархии, П.А. Столыпин, вместе с тем, неизменно подчеркивал правовой характер постоктябрьского политического режима, считая, что правовое государство должно было базироваться на «твердом основании» законов. В мировоззренческих представлениях П.А. Столыпина и его непосредственной практической деятельности «государство», «государственность», «закон», «право» – неизменно выполняли функцию конструктообразующих элементов, «сцепка» которых в одно органическое целое должна была обеспечить рациональное и эффективное функционирование всей политической системы.

В этом русле П.А. Столыпин рассматривал и оценивал ролевые функции «русского начала» и «русской Православной церкви» как в процессе формирования российского государства, так и в современной истории. Последовательно отстаивая идею их приоритетной роли, выступая за укрепление государственности как по вертикали, так и по горизонтали, П.А. Столыпин, вместе с тем, считал неоправданной политику насильственной русификации и преследования других конфессий. Суть его представлений и основанных на них практических действий, направленных к упрочению государственности, сводилась, прежде всего, к унификации правового поля в масштабах Российской империи, включая соответственно и ее национальные регионы (Польша, Финляндия, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия), что позволило бы, по его мнению, «уравнять» гражданские права русских и нерусских народов. Причем это положение о единстве гражданских прав дополнялось емкой столыпинской формулой «независимо от национальной и конфессиональной принадлежности личности». Эта последовательная позиция свидетельствовала о том, что П.А. Столыпин был и до конца своей жизни оставался подлинным государственником и патриотом, сделавшим максимально возможное для создания Великой России.

Во-вторых, вводимые в научный оборот источники опровергают давно бытующую в советской историографии идею о том, что, якобы, П.А. Столыпин оказался на посту премьер-министра по протекции именитых родственников своей жены. Разумеется, было бы неверно огульно утверждать, что разветвленные родственные связи, которые действительно имел П.А. Столыпин в при-

дворных кругах, вообще не играли какой-либо роли в его карьерном росте. Тем не менее, имеющийся в распоряжении исследователей материал позволяет сделать иной вывод. Карьерный рост П.А. Столыпина был обусловлен его природными интеллектуальными данными и организаторскими способностями.

На всех ступенях административной службы (сначала в должности уездного, а затем губернского предводителя дворянства Ковенской губернии, исполняющего обязанности гродненского губернатора, а затем на посту саратовского губернатора) П.А. Столыпин показал себя в качестве творческого, волевого и твердого администратора, способного оперативно реагировать на вызовы времени, инициативно и энергично решать поставленные задачи. Известно, что всеподданнейшие доклады, а также записки П.А. Столыпина неизменно получали одобрение Николая II и министров внутренних дел В.К. Плеве и П.Д. Святополк-Мирского. В условиях нарастающих хаоса и анархии в стране объективно возникла настоятельная потребность именно в такого рода людях, способных и готовых взять на себя и тяжелое «бремя власти», и одновременно нести ответственность за принимаемые ими решения соответственно сначала в масштабах отдельной губернии, а затем и страны в целом. Если даже допустить, что Николай II внял рекомендациям относительно П.А. Столыпина «со стороны», то в данном конкретном случае царь действительно сделал правильный выбор.

В-третьих, документы, вошедшие в публикацию, убедительно раскрывают весьма широкий диапазон личного участия П.А. Столыпина в разработке программы системных реформ в целом и, в частности, в подготовке конкретных законопроектов; текстов своих речей в Государственной думе, Государственном совете и Совете по делам местного хозяйства; в подборе и расстановке кадров на всех уровнях административного управления – министров, главноуправляющих, губернаторов. Сделать этот вывод помогает такой вид источника, как «записи для памяти», введение в научный оборот которых окончательно опровергает миф о Столыпине-«плагиаторе» и «эклектике». «Записи для памяти» содержат уникальную информацию о столыпинской лаборатории разработки реформ, об оперативном принятии мер в конфликтных ситуациях, в том числе и мер идеологического воздействия с использованием правительственной прессы.

В-четвертых, публикация содержит уникальную информацию, позволяющую поэтапно проследить технологию реализации реформ. Для П.А. Столыпина было важно найти равнодействую-

щую между интересами различных социальных страт, привлечь на сторону правительства все творчески активные элементы, заинтересованные в мирной трансформации страны. На этом стратегическом направлении П.А. Столыпину пришлось сталкиваться с массой трудностей, тратить много времени на урегулирование разного рода конфликтов. Материалы переписки с Николаем II и главноуправляющими показывают наличие расхождений в правящих кругах как по концептуальным, так и по технологическим проблемам преобразования России, что, естественно, не могло не влиять как на темпы, так и на результативность реформ. Безоговорочная поддержка Николаем II П.А. Столыпина обеспечивала вплоть до 1909 г. проведение системных реформ. Начавшиеся же расхождения между царем и премьер-министром приводили к «сбою» в системе, выразившемуся в «изъятии» целого ряда законопроектов из III Думы и их передачу для «корректировки» в Совет по делам местного хозяйства. Суть проблемы состояла, разумеется, не в том, что правительственные законопроекты ни при каких обстоятельствах не подлежат корректировке, а, прежде всего, в том, что в процесс преобразований все активнее стали вмешиваться правоконсервативные силы, которым покровительствовал царь. В результате нарушались ритм и последовательность реализации реформ. Прекрасно осознавая опасность «откатных» намерений в высших придворных сферах и правоконсервативных политических кругах, П.А. Столыпин пытался в диапазоне «возможного и допустимого» препятствовать данной тенденции, используя для этой цели крайний аргумент – уход в отставку, что, естественно, вызывало раздражение у самолюбивого царя, предпочитавшего иметь дело с покладистыми министрами. Рано или поздно конфликт между царем и Столыпиным становился неизбежным. Николай II, ревниво относившийся к росту политического и общественного влияния своих министров, по сути, отказал П.А. Столыпину в своей поддержке.

В-пятых, публикация позволяет лучше понять причины и степень подспудно развивающегося и нарастающего конфликта между Столыпиным и Николаем II, отдельными правоконсервативными представителями придворной камарильи, исполнительной и законодательной власти, которых, в той или иной степени, пугал рост политического и общественного влияния премьер-министра, не желавшего идти навстречу их амбициям и удовлетворению все более нарастающих экономических аппетитов. Именно поэтому рост политического влияния Столыпина, его смелость и напористость в осуществлении преобразований не могли не встре-

тить противостояния со стороны всех тех, кто по разным причинам как «справа», так и «слева» выражал свое несогласие с правительственным курсом. Правые консерваторы усматривали в реализации «революционной», по их оценке, столыпинской программы реформ потерю своих сословных преимуществ, монополии на крупную поместную земельную собственность, на власть в органах местного управления и отчасти самоуправления, на сохранение методов первоначального накопления в процессе ведения своего отсталого хозяйства. В свою очередь, левые видели в П.А. Столыпине умного и опасного классового противника, который шаг за шагом разрушал почву для подготовки ими насильственной революции.

Таким образом, данная публикация вносит вполне определенный вклад в изучение малоизвестных сторон жизни и деятельности П.А. Столыпина. Вместе с тем она стимулирует исследователей на дальнейшие поиски новых источников как в отечественных, так и в зарубежных архивах.

Введение

Данная книга является логическим продолжением двух фундаментальных документальных публикаций, подготовленных и изданных по инициативе Фонда изучения наследия П.А. Столыпина[1]. В отличие от предшествующих работ, базирующихся по преимуществу на сравнительно компактном комплексе документов и материалов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), работа составителей и подготовителей над данной книгой оказалась более сложной и трудоемкой и в плане выявления источников, и в процессе их комментирования. Об этом, в частности, свидетельствует состояние личного фонда самого П.А. Столыпина.

Учитывая обстоятельный анализ процесса формирования личного фонда П.А. Столыпина, высоко профессиональную экспертную оценку его структуры и содержания[2], ограничимся некоторыми итоговыми наблюдениями.

После трагической смерти П.А. Столыпина была сформирована специальная комиссия в составе А.Д. Арбузова, И.Г. Григорианца, С.Е. Крыжановского, Е.Д. Львова, Н.В. Плеве, А.А. Столыпина и А.Б. Нейгардта, которой предстояло выявить и изучить материалы покойного премьер-министра. Комиссия обследовала кабинет Столыпина в Елагинском дворце, на квартире на набережной Фонтанки, а также доставленные документы из его имения Колноберже. В результате было выявлено 55 автографов писем и записок П.А. Столыпина по различным вопросам государственного управления; 123 записки с просьбами к Николаю II о назначении времени для всеподданнейших докладов; 8 черновых проектов и 57 записок с кратким изложением всеподданнейших докладов; 18 писем на его имя от министров, главноуправляющих, депутатов Государственной думы и других лиц.

---

[1] *Столыпин. П.А.* Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. – М., 2003; Тайна убийства Столыпина. – М., 2003.

[2] См.: *Соминич Г.Е.* Личный фонд Петра Аркадьевича Столыпина в ЦГИА СССР // Советские архивы. – 1991. – № 1. – С. 84–92.

После ознакомления с всеподданнейшим докладом комиссии Николай II приказал изъять все документы, которые касались его лично, и отправить на хранение в архив Александровского дворца в Царском Селе. Одновременно царь удовлетворил просьбу наследников П.А. Столыпина об оставлении «для хранения в семейном архиве» его (Николая II) нескольких личных писем к премьер-министру от 17 января 1908 г., 11 и 26 марта 1909 г., 9 марта 1911 г., в которых были зафиксированы «чувства особого высочайшего благоволения». Кроме того, родственникам передавался ряд записок П.А. Столыпина с резолюциями Николая II. Брату П.А. Столыпина – Александру и шурину – А.Б. Нейгардту было разрешено взять личную переписку П.А. Столыпина. Г.Е. Соминич высказала, на наш взгляд, обоснованное предположение, что после 1917 г. часть документов личного архива Столыпина была вывезена его родственниками из России и в настоящее время находится в зарубежных архивах.

В 1921 г. при Петроградском отделении Главного управления архивными делами была создана Комиссия в составе П.А. Шафранова, Б.А. Надеждина, А.С. Путилова, которой было поручено заняться обследованием «пустующих» квартир, прежде всего представителей «бывших господствующих классов», на предмет выявления документов и материалов. В отчете Комиссии за май-июнь 1921 г. отмечалось, что ею обнаружен архив П.А. Столыпина, состоящий из 18 связок, переданных затем на хранение в отделение частных архивов историко-культурной секции. Высоко оценивая содержание найденного архива, Комиссия вместе с тем констатировала, что «большая часть его исчезла». К сожалению, в отчете отсутствует информация, обосновывающая данный итоговый вывод.

В 1925 г. фонд П.А. Столыпина был перевезен в Москву, где последовательно хранился в Архиве Октябрьской революции, в Архиве феодально-крепостнической эпохи, ЦГИА г. Москвы и ЦГАОР СССР. В декабре 1961 г. фонд был возвращен в Ленинград, в ЦГИА СССР (современное название – РГИА), где и находится в настоящее время (фонд 1662). Составителями произведено комплексное обследование данного фонда на предмет выявления материалов переписки П.А. Столыпина.

Учитывая огромные масштабы официальных и личных связей П.А. Столыпина, составители провели обследование государственных архивов С.-Петербурга и Москвы в поисках неопубликованных писем П.А. Столыпина. В Российском государственном историческом архиве просмотрены следующие фонды: Канцеля-

рия Министерства Императорского Двора (ф. 472), Контора Двора великого князя Александра Михайловича (ф. 521), Государственный Крестьянский поземельный банк (ф. 592), Главное управление по делам печати (ф. 776), Канцелярия обер-прокурора Синода (ф. 797), Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (ф. 821), Государственная канцелярия (ф. 1162), Совет министров (ф. 1276), Государственная дума (ф. 1278), Канцелярия министра внутренних дел по делам дворянства (ф. 1283), Департамент общих дел Министерства внутренних дел (ф. 1284), Земский отдел Министерства внутренних дел (ф. 1291); а также личные фонды – Э.Ю. Нольде (ф. 727), Н.А., М.А., В.А. и Ю.Н. Милютины (ф. 869), гр. В.Ф., А.В. и Е.Н. Адлерберг (ф. 882), Н.П., Е.А., И.П. Балашовы (ф. 892), гр. А.А. и В.А. Бобринские (ф. 899), гр. И.И., Е.А. Воронцовы-Дашковы (ф. 919), П.М. Кауфман (ф. 954), гр. В.Н. Коковцов (ф. 966), кн. А.Ф., Н.А., В.Н. Орловы (ф. 1012). П.П. Извольский (ф. 1569), А.В. Кривошеин (ф. 1571), С.В. Рухлов (ф. 1576), О.П. Герасимов (ф. 1597), М.Г. Акимов (ф. 1615), Е.В. Богданович (ф. 1620), С.Ю. Витте (ф. 1622), Ф.А. Головин (ф. 1625), И.Л. Горемыкин (ф. 1626), И.Я. Гурлянд (ф. 1629), А.Б. Нейдгардт (ф. 1649), С.А. Панчулидзев (ф. 1652), И.Н., А.И., С.А., С.С. Подолинские (ф. 1653), гр. В.Б. Фредерикс (ф. 1669), Н.К. Шауфус (ф. 1671), А.Н. Шварц (ф. 1672), И.Г. Щегловитов (ф. 1675).

В Государственном архиве Российской Федерации обследованы: Коллекция рукописей Царскосельского дворца (ф. 543), Коллекция отдельных документов личного происхождения (ф. 1463), Чрезвычайно-следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (ф. 1467); фонды Николая II (ф. 601), вдовствующей императрицы Марии Федоровны (ф. 642), великих князей Александра Михайловича (ф. 645), Алексея Александровича (ф. 681), Владимира Александровича (ф. 652), Константина Константиновича (ф. 660), Михаила Александровича (ф. 668), Михаила Николаевича (ф. 649), Николая Михайловича (ф. 670), Николая Николаевича (ф. 671), Петра Николаевича (ф. 653), Сергея Михайловича (ф. 684); личные фонды А.И. Гучкова (ф. 555), А.П. Извольского (ф. 559), А.Ф. Кони (ф. 564), А.А. Макарова (ф. 570), А.Ф. Мейендорфа (ф. 573), семьи Мясоедовых (ф. 578), В.К. Плеве (ф. 586), Б.В. Никольского (ф. 588), П.Н. Милюкова (ф. 579), Д.Ф. Трепова (ф. 595), М.В. Родзянко (ф. 605), гр. Н.Ф. Карловой (ф. 618), Б.В. Штюрмера (ф. 627), Л.А. Тихомирова (ф. 634),

И.П. Игнатьева (ф. 730), М.В. Челнокова (ф. 810), В.Ф. Джунковского (ф. 826), семьи Горчаковых (ф. 828), гр. П.А. Гейдена (ф. 887), А.А. Гирса (ф. 892), В.Е. Львова (ф. 972), семьи Мансуровых (ф. 990), А.А. Мосолова (ф. 1001), семьи Олсуфьевых (ф. 1019), семьи Кристи (ф. 1052), семьи князей Волконских (ф. 1146), семьи Чичериных (ф. 1154), кн. П.Д. Святополк-Мирского (ф. 1729), А.А. Корнилова (ф. 5102), семьи князей Васильчиковых (ф. 5849).

В Российском государственном военно-историческом архиве просмотрены личные фонды А.А. Поливанова (ф. 89), А.Ф. Редигера (ф. 280), а также фонд Верховной комиссии для всестороннего рассмотрения обстоятельств, послуживших принятию несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии. 1915–1916 (ф. 962).

В Архиве внешней политики Российской империи обследован личный фонд А.П. Извольского (ф. 340).

В Российском государственном архиве литературы и искусства обследованы личные фонды К.К. и К.И. Арсеньевых (ф. 40), А.А. Голенищева-Кутузова (ф. 143), М.А. Кузьмина (ф. 232), семьи Олсуфьевых (ф. 367), А.А. Суворина (ф. 459), семьи Свербеевых (ф. 472), семьи Энгельгардтов (ф. 572), Л.М. Клячко-Львова (ф. 1208), коллекция Д.И. Эварницкого (ф. 1335), А.Н. Шварца (ф. 1353), В.А. Грингмута (ф. 1393).

В Российском государственном архиве древних актов – фонды князей Гагариных (ф. 1262), князей Голицыных (ф. 1263), князей Нарышкиных (ф. 1272), графов Шереметевых (ф. 1287), графов Шуваловых (ф. 1288), князей Юсуповых (ф. 1290), графов Бобринских (ф. 1412).

В Архиве Российской Академии наук – личные фонды В.И. Вернадского (ф. 518), В.О. Ключевского (ф. 640), Т.И. Полнера (ф. 648), В.Ю. Скалона (ф. 649).

В Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея – личный фонд А.Ф. Кони (ф. 101).

В Рукописном отделе Института русской литературы – личные фонды А.Ф. Кони (ф. 134), М.А. Стасюлевича (ф. 193), К.К. Арсеньева (ф. 359), семьи Свербеевых (ф. 598).

В Центральном историческом архиве г. Москвы – личный фонд А.А. Чупрова (ф. 2244).

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея просмотрены личные фонды В.А. Маклакова (ф. 31), семьи Куломзиных (ф. 42), семьи Арсеньевых (ф. 43), семьи Боткиных-Гучковых (ф. 122), семьи Олсуфьевых (ф. 164),

семьи Хомяковых (ф. 178), графа Н.Л. Муравьева (ф. 241), князей Щербатовых (ф. 270), князей Мещерских (ф. 329), князей Барятинских (ф. 342), графов Бобринских (ф. 357), князей Гагариных (ф. 361).

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) – личные фонды П.Л. Вакселя (ф. 124). К.А. Военского (ф. 152), С.Ф. Платонова (ф. 585), А.Ф. Стеммана (ф. 739), П.Б. Струве (ф. 753).

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки – личные фонды П.А. Базилевского (ф. 15), князей Барятинских (ф. 19), графа И.И. Воронцова-Дашкова (ф. 58), И.И. Восторгова (ф. 59), князей Вяземских (ф. 63), В.И. Герье (ф. 70), семьи Дурново (ф. 95), М.М. Осоргина (ф. 215), семьи Самариных (ф. 265), А.Н. Шварца (ф. 338), графов Шереметевых (ф. 341), Д.Н. Шипова (ф. 440), В.А. Грингмута (ф. 497), С.Д. Урусова (ф. 550), Е.В. Богдановича (ф. 664), И.И. Толстого (ф. 781).

Общее число писем, телеграмм, записок, включенных в публикацию, составляет 468, из них 36 писем к Николаю II, 254 – к государственным, политическим, общественным и культурным деятелям, 178 – к жене и друзьям.

При отборе документов и материалов для включения их в публикацию составители руководствовались следующими принципами. Во-первых, в издание включены все выявленные автографы личного характера, направленные разным адресатам. Во-вторых, письма, записки и телеграммы официального характера, либо написанные собственноручно П.А. Столыпиным, либо по его личному указанию с четким предварительным определением содержания, текст которого затем правился им самим. Причем в публикацию включались материалы, отражающие наиболее сущностные проблемы внутренней и внешней политики, позволяющие в совокупности с другими, уже введенными в научный оборот, источниками, лучше понять основной замысел реформ и технологию их реализации.

Учитывая объем данной публикации, составители сочли необходимым максимально возможно задействовать в комментариях информацию, содержащуюся в письмах на имя П.А. Столыпина, воссоздавая, в зависимости от состояния источников, широкую картину диалога по самым различным проблемам.

В первый раздел вошли все известные и вновь выявленные письма и телеграммы П.А. Столыпина, адресованные Николаю II. В своей совокупности эта переписка является одним из базовых источников для понимания стратегического замысла реформ и механизмов их реализации. Вместе с тем она является важным ин-

дикатором личных отношений царя и премьер-министра, в которых были свои «приливы» и «отливы». В периоды «единения» и безоговорочной поддержки главы кабинета министров были достигнуты наиболее ощутимые результаты в деле реализации курса преобразований. Об интенсивности встреч царя с премьер-министром свидетельствует дневник Николая II. По подсчетам К.А. Соловьева, таких встреч произошло соответственно в 1906 г. – 34, в 1907 г. – 44, в 1908 г. – 29, в 1909 г. – 23, в 1910 г. – 23, в 1911 г. – 17. Причем эти беседы, происходившие, как правило, в вечерние часы, длились порой до 2 часов ночи.

Во второй раздел включены письма, записки, телеграммы Столыпина представителям правящей элиты – министрам, главноуправляющим, генерал-губернаторам, губернаторам, директорам департаментов, а также великим князьям, политическим и общественным деятелям. В своей совокупности этот комплекс источников показывает, что Столыпин был реальным лидером, продемонстрировавшим качества генератора реформаторских идей, способным сформировать собственную команду единомышленников, нацеленных на решение приоритетных стратегических задач. Одновременно публикуемые в данном разделе источники раскрывают суть разногласий, имевших место в министерском и губернаторском корпусе, «прорисовывают» позиции отдельных министров и губернаторов, придерживавшихся иных мировоззренческих и политических позиций.

Письма Столыпина председателям II и III Государственной думы Ф.А. Головину, Н.А. Хомякову и А.И. Гучкову свидетельствуют о постоянном внимании премьер-министра к представительной ветви власти, о его стремлении наладить с ней взаимоприемлемое сотрудничество. Одновременно переписка с думскими представителями позволяет лучше понять существо конфликтных ситуаций, перманентно возникавших между правительством и Думой. Значимость данной переписки позволяет показать роль П.А. Столыпина в подготовке и реализации всего законотворческого процесса в 1906–1911 гг.

В свою очередь, письма П.А. Столыпина общественным деятелям, представителям науки и культуры (например, Л.Н. Толстому, В.И. Вернадскому, В.И. Герье), показывают, что он настойчиво добивался привлечения на свою сторону общественного мнения, оперативно реагировал на личные просьбы своих адресатов. Напомним, что в историографии и литературоведении уже не раз обращались к анализу переписки Л.Н. Толстого и П.А. Столыпина, однако в общем контексте публикуемых источников эта перепис-

ка приобретает особое значение для раскрытия миропонимания и ментальной сущности той роковой «сшибки», которая имела место в России в начале XX в.

В третьем разделе публикуются письма П.А. Столыпина жене и друзьям. В переписке с женой Столыпин предстает любящим и нежным мужем, заботливым отцом, рачительным хозяином, интересующимся малейшими деталями быта. Личные письма содержат богатую, нередко уникальную, информацию о материальном положении семьи Столыпиных. Вместе с тем письма Столыпина жене представляют собой подлинную «хронику» революционных событий в Саратовской губернии и источник уникальной информации об усилиях губернатора по восстановлению порядка и спокойствия.

В приложение включены речи П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства, которые являются логическим продолжением и развитием его выступлений в Государственной думе и Государственном совете и, безусловно, способствуют более полному пониманию столыпинских реформ. Одновременно составители посчитали важным включить ряд официальных писем и всеподданнейших докладов, посвященных реализации и совершенствованию текущего законодательства, а также освещающих конкретные действия в области административного управления. Эти источники позволяют выявить «болевые точки» в процессе формирования гражданского общества и правового государства в России, раскрыть настойчивые стремления П.А. Столыпина, направленные на совершенствование юридической базы для закрепления гражданских и политических прав личности.

Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности источников сохраняются, орфографические ошибки исправлены без оговорок, пропущенные слова или части слов восстановлены в квадратных скобках. Места текста, не поддающиеся исправлению, оставлены без исправлений с оговоркой «так в тексте», встречающиеся географические названия даются в прежнем написании.

Выявление документов и материалов в архивах и библиотеках, их отбор, комментирование, написание предисловия и археографического введения осуществлены доктором исторических наук, профессором В.В. Шелохаевым, кандидатами исторических наук Н.И. Канищевой и Н.М. Корневой, аспирантами К.И. Могилевским (МГОПУ) и К.А. Соловьевым (РГГУ). Перевод с иностранных языков осуществлен Т.Т. Гиоевой.

Раздел I

ПЕРЕПИСКА П.А. СТОЛЫПИНА С НИКОЛАЕМ II

Письмо Николаю II

13 августа 1906 г.

Получив милостивую телеграмму Вашего Императорского Величества, имею счастие всеподданнейше доложить, что жизнь моя принадлежит Вам, Государь; что все помыслы, стремления мои – благо России; что молитва моя ко Всевышнему – даровать мне высшее счастие: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Родину на путь законности, спокойствия и порядка.

Вашего Императорского Величества
Верноподданный
Петр Столыпин
13 августа 1906 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо Николаю II

3 декабря 1906 г.

Ваше Императорское Величество.

Если долг генерал-адъютанта Дубасова[1] побудил его просить милости для покушавшихся на его жизнь, то мой долг ответить на вопрос Ваш: «что Вы думаете?» всеподданнейшею просьбой возвратить мне его письмо и забыть о том, что оно было написано.

Мне понятно нравственное побуждение Дубасова, но когда в Москве мятежники покушались на чужие жизни, не он ли железною рукою остановил мятеж?

Тяжелый, суровый долг возложен на меня Вами же, Государь. Долг этот, ответственность перед Вашим Величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови, благость Вашего Величества да смягчает отдельные, слишком суровые приговоры, – сердце царево – в руках Божьих, – но да не будет это плодом случайного порыва потерпевшего!

Министр внутренних дел
Столыпин
3 декабря 1906 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 80–80об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 105.

[1] Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – генерал-адъютант (1905), адмирал (1906). В 1897–1899 гг. командующий Тихоокеанской эскадрой. В 1901–1905 гг. председатель Морского технического комитета. В 1905 г. руководил подавлением крестьянских выступлений в Черниговской, Полтавской, Курской губерниях. Московский генерал-губернатор с ноября 1905 по июль 1906 гг., руководил подавлением московского восстания в декабре 1905 г. Покушение на Дубасова произведено 2 декабря 1906 г. членами Летучего боевого отряда эсеровской партии Березиным и Воробьевым в Таврическом саду (Петербург). Дубасов, получив контузию, остался жив и обратился к царю с просьбой о помиловании покушавшихся, приговоренных к смертной казни.

Письмо Николаю II

10 декабря 1906 г.

Ваше Императорское Величество.

Только что получил Ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Вашему Величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать Вам затруднений и оберегать Вас, Государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо изменений решения Вашего по существу, я осмеливаюсь писать Вашему Величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 ок-

тября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Все это послужило основанием в обнародованном с одобрения Вашего Величества правительственном сообщении объявить, что коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены не оправдываемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения Совета министров, журнал которого и был представлен Вашему Величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проникло, конечно, в прессу, и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но Государь пожелал сохранить их.

Ваше Величество, мы не имеем права ставить Вас в такое положение и прятаться за Вас.

Это тем более неправильно, что Вы, Ваше Величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, Государь, на нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого Советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов Основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной думы».

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия Вашего Величества, а в настоящее время Вам, Государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы Вашему Величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на

87 статье, испрашивать разрешения Вашего Величества, внести ли вопрос в Думу, или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, Ваше Величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности. Если Ваше Величество не одобрите мои предположения и не разрешите мне прислать для наложения резолюции журнал, о возвращении которого никто пока не знает, позвольте приехать со словесным докладом в среду в 9 ½ вечера.

Вашего Императорского Величества верноподданный
П. Столыпин
10 декабря 1906 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 78–79об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 106–107.

Это письмо — ответ на письмо и записку Николая II

Царское Село. 10 декабря 1906 г.

Петр Аркадьевич.

Возвращаю Вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным.

Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.

Я знаю, Вы тоже верите, что «сердце царево в руцех божиих».

Да будет так.

Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ. Мне жалко только одного: Вы и Ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил.

Относительно помощи голодающим и способа объединения всего дела я говорил с Ее Величеством. Она охотно примет под свое покровительство высшее направление помощи. Очень важный вопрос о выборе достойного лица в виде помощника ей.

Мы еще никого не имеем в виду; прошу Вас с своей стороны подумать об этом. У меня в 1891 году таковым был Плеве.

Николай

(Красный архив. — 1924. — Т. 5. — № 5—7. — С. 105—106).

Ц[арское] С[ело]. 11 декабря 1906 г.

Из предложенных Вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле — внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87.

Это самый простой исход.

Приезжайте, когда хотите, я всегда рад побеседовать с Вами.

Николай

(Красный архив. — 1924. — Т. 5. — № 5—7. — С. 107).

Письмо Николаю II

20 февраля 1907 г.

Имею счастье доложить Вашему Величеству, что заседание Думы[1], под председательством д[ействительного] т[айного] с[оветника] Голубева[2] прошло благополучно.

Члены Думы правой партии после молебна дважды пропели гимн и огласили залы Таврического дворца возгласами «ура».

После привета Голубева от имени Вашего Величества правые встали, и член Думы Крупенский[3] громко провозгласил в честь Вашего Величества «ура», подхваченное всею правою стороною; левые не встали, но не решились на какую-либо контрманифестацию.

Председателем Думы выбран Головин[4] (кадет, председатель московской губернской земской управы) 356 шарами против 102. Приветственная речь Головина была прилична.

Председатель Совета министров
Столыпин
20 февраля 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 70.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 108.

[1] II Государственная дума была открыта 20 февраля 1907 г., существовала по 3 июня 1907 г., имела 53 заседания. Председатель ее был Ф.А. Головин, товарищами председателя Н.Н. Познанский (присяжный поверенный из Харькова, левый) и М.Е. Березин (земский деятель от Саратова, трудовик). Ко дню открытия Думы партийный состав ее был таков: правых – 63, октябристов и умеренных – 34, кадетов – 117, польских депутатов – 39, левых (в их числе трудовики) – 97, социалистов (социал-демократов, социалистов-революционеров, народных социалистов) – 83, беспартийных – 22.

[2] **Голубев** Иван Яковлевич (1841–1918) – действительный тайный советник (1901); член Государственного совета с 1895 г., товарищ председателя Государственного совета с 20 мая 1906 г., с июня 1914 г. – председатель Совета.

[3] **Крупенский** Павел Николаевич (1863–1927) – общественный и политический деятель; потомственный дворянин Бессарабской губернии, полковник в отставке (1897), камергер (1909), действительный статский советник. С 1897 г. член Хотинской уездной земской управы, с 1899 г. Хотинский уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья, гласный Хотинского уездного и Бессарабского губернского земств. Депутат II–IV Государственной думы от землевладельческой курии Бессарабской губернии; входил в II Думе во фракцию правых, в III Думе во фракцию националистов. В 1905 г. организовал Бессарабскую партию центра, занявшую политические позиции правее октябристов. Один из организаторов и руководителей Всероссийского нацио-

нального клуба (1909), призванного объединить политических деятелей от октябристов до крайне правых на платформе русской национальной идеи. В 1910–1911 гг. входил в совет Всероссийского национального союза. После парламентского кризиса 1911 г. вышел из фракции националистов и организовал фракцию независимых националистов. В IV Думе лидер фракции «центра». В декабре 1914 – январе 1915 гг. уполномоченный Красного Креста от Государственной думы. Один из организаторов Прогрессивного блока.

[4] **Головин** Федор Александрович (1867–1937) – юрист, общественный и политический деятель. Гласный Дмитровского уездного и Московского губернского земств, мировой судья. В 1898–1907 гг. член Московской губернской земской управы, с 1904 г. – председатель. Входил в кружок «Беседа», в «Союз земцев-конституционалистов»; в 1904–1905 гг. председатель бюро земских и городских съездов. Участвовал в депутации земцев к императору Николаю II в июне 1905 г. Член кадетской партии, в 1906 г. избран в ее ЦК, возглавлял московский губернский комитет кадетов. Активно участвовал в переговорах кадетского руководства с правительством в октябре 1905 г. о создании конституционного кабинета министров. Депутат II–III Государственной думы от Москвы, председатель II Думы, пытался установить деловой контакт между политическими силами в Думе и правительством. В 1910 г. в связи с получением железнодорожной концессии сложил депутатские полномочия. В 1912 г. избран городским головой Баку, однако не был утвержден в должности из-за принадлежности к кадетской партии. Во время Первой мировой войны активно участвовал в создании и деятельности ряда обществ: «Кооперация» (с января 1916 г. член Совета), Общество помощи жертвам войны (председатель), Московский народный банк (председатель правления); участвовал в работе Всероссийского Союза городов.

Письмо Николаю II

6 марта 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что сегодня мною прочитано в заседании Государственной думы сообщение правительства[1].

После бурных нападок левых с призывом к открытому выступлению и стойкого отпора правых, мною произнесена речь, прилагаемая при сем в стенограмме[2].

Государственная дума постановила принять простой переход к очередным делам.

Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка.

Председатель Совета министров

Столыпин

6 марта 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 66.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 17.

[1] Речь идет о правительственной декларации, с который выступил Столыпин в заседании Государственной думы 6 марта 1907 г. Она содержала длинный перечень законопроектов, выработанных министерством и внесенных в Думу. Декларации аплодировали только правые, центр и левые молчали (*см.: Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 1. – М., 2001. – С. 50–62*).

[2] К письму приложена стенограмма известной речи Столыпина, заканчивающейся словами: «Не запугаете!» (*см.: Там же. – С. 63–64*).

Письмо Николаю II

14 марта 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что меня сильно озабочивает забастовка судовых команд в Баку[1], во всех портах Каспийского моря, грозящая прекращением вывоза нефти и полною остановкою всей нашей заводской промышленности.

Я предупреждал об этом наместника[2], с разрешения Вашего Величества, шесть недель тому назад и рекомендовал ему увеличить гарнизон и принять другие меры. Однако кавказское начальство предупреждению не поверило и ничего не предприняло.

Теперь, по моему мнению, настоятельно необходимо: немедленно послать в Баку не менее двух полков (там теперь всего 3500 штыков) и под охраною войск поставить на суда новые команды, а забастовщиков, хотя бы 1000 человек, выслать из края.

На посылку соответственной телеграммы наместнику испрашиваю разрешения Вашего Величества.

В Государственной думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно. По вопросу о военно-полевых судах нам удалось, однако, свести вопрос на нет. Я не напоминаю Думе о необходимости работать и рассмотреть бюджет, так как это напоминание растолкуют нашим якобы желанием заключить заем.

Сильное осложнение вносит убийство в Москве сегодня Иоллоса[3], бывшего члена Государственной думы и приятеля Герценштейна[4].

Председатель Совета министров
Столыпин
14 марта 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 71–71об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 109.

[1] 10 марта 1907 г. в Баку среди судовых команд пароходов возникла забастовка, охватившая вскоре и другие порты Каспийского моря. Пассажирское и товарное движение остановилось. «Для принятия мер к немедленному восстановлению спокойствия» был командирован из Петербурга Отдельного корпуса жандармов генерал-майор Ф.Ф. Таубе.

[2] Имеется в виду **Воронцов-Дашков** Илларион Иванович (1837—1916) — граф, государственный деятель, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875). Участник Кавказской войны 1817—1864 гг. С 1861 г. адъютант великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III). В 1865 г. командирован контролером в Туркестан, где принимал участие в военных действиях, с 1866 г. помощник губернатора Туркестанской области. С 1874 г. начальник штаба гвардейского корпуса и одновременно член Главного комитета по устройству и образованию войск и совета Главного управления государственного казначейства. В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. начальник кавалерии Рушукского отряда. С 1881 г. главноуправляющий государственным коннозаводством, одновременно министр Императорского Двора и уделов; провел реформу деятельности ведомства: превращение удельных капиталов в земельную собственность, попытка создания фермерских хозяйств посредством сдачи в аренду земельных участков. Член Государственного совета с 1897 г. В 1904—1905 гг. председатель Российского общества Красного Креста, лично жертвовал значительные средства на благотворительные цели. С 1905 г. наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск. При нем был отменен закон о секвестре имущества армяно-григорианской церкви и закрытии армянских школ. Инициатор принятия законов 1912, 1913 гг., по которым прекращались временнообязанные отношения в Закавказском крае. Выдвинул законопроект по землеустройству государственных крестьян (1909), в котором предусматривалось предоставление в частную собственность отводимых крестьянам наделов. Намечалась широкая программа реформ на Кавказе: развитие предпринимательства и железнодорожного строительства, введение земских учреждений, создание высших учебных заведений. В начале Первой мировой войны назначен главнокомандующим Кавказской армией, однако не принимал участия в руководстве военными действиями, передав свои функции генералу Н.Н. Юденичу; назначен состоять при особе Его Императорского Величества.

[3] **Иоллос** Григорий Борисович (1859—1907) — литератор, сотрудник газеты «Русские ведомости», публиковал статьи в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство». В 1906 г. вступил в издательское товарищество «Русские ведомости», вместе с В.М. Соболевским возглавил газету. Член кадетской партии. Депутат I Государственной думы от Полтавской губернии, товарищ председателя бюджетной комиссии; автор кадетского закона о свободе печати. Смертельно ранен в Москве по дороге из редакции домой.

[4] **Герценштейн** Михаил Яковлевич (1859—1906) — экономист, общественный и политический деятель. В 1886—1901 гг. секретарь Земского банка (Москва). С 1884 г. активно сотрудничал в журналах «Русская мысль», «Юридический вестник», в газете «Русские ведомости» (с 1886 г. постоянный сотрудник). С 1903 г. приват-доцент Московского университета, с 1904 г. адъюнкт-профессор политэкономии и статистики Московского сельскохозяйственного института, одновременно читал лекции в Московском коммерческом институте. В 1904 г.

избран гласным Московской городской думы, гласным Московского губернского избирательного собрания. В 1904–1905 гг. принимал деятельное участие в земских и городских съездах. Член кадетской партии с момента ее создания, возглавлял партийную комиссию по аграрному вопросу. Депутат I Государственной думы от Москвы, в своих выступлениях в Думе подчеркивал необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель и передачу их крестьянам на правах аренды, критиковал финансовую политику правительства, его слова об «иллюминациях» помещичьих усадеб навлекли на него гнев крайне правых кругов. На переговорах с представителями власти о вхождении общественных деятелей в кабинет министров кадеты называли его кандидатом на пост министра финансов. Убит черносотенцами в Териоках.

Записка Николаю II

После 30 марта 1907 г.

В деле плодотворной работы Государственной думы громадное значение имеет правильное и беспристрастное направление прений председателем. Между тем Ф.А. Головин почти не останавливает левых ораторов, что особенно ярко вылилось в речах Алексинского[1] и Наливкина[2] по делу о привлечении к следствию членов Думы. Речи эти крайне резкого и неприличного характера были произнесены беспрепятственно, попытка же выразить [протест] им со стороны члена Думы Люце[3] была остановлена председателем[4].

Крайние речи по аграрному вопросу[5] рассылаются по всей России, а также печатные письма от имени депутатов[6], [они] представляют серьезную опасность для спокойствия деревни.

Газетные слухи о решении Комиссии о безработных (председатель – Горбунов[7], секретарь – Алексинский) вступить в прямые сношения с рабочими также наводят на размышления.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 73.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Алексинский** Григорий Алексеевич (1879–1967) – общественный и политический деятель, публицист, корректор. В 1901–1902 гг. один из руководителей движения московского студенчества. В 1905 г. агитатор в московской организации большевиков, с октября 1905 г. член петербургского комитета РСДРП, сотрудник газеты «Новая жизнь» и ряда других большевистских изданий. В 1906 г. член Центрального областного бюро РСДРП. Депутат II Государственной думы от Петербурга, был самым популярным оратором большевистского крыла социал-демократической фракции. В 1909 г. вошел в группу «Вперед», был членом редколлегии одноименных сборников группы, в качестве представителя группы принимал участие в Венской конференции РСДРП (1912), Брюссельской «объединительной» конференции российской социал-демократии (1914). В 1917 г. член группы «Единство».

[2] **Наливкин** Владимир Петрович (1852—?) — депутат II Государственной думы от Ташкента, бывший помощник военного губернатора Ферганской области, социал-демократ.

[3] **Лю[т]ц** Людвиг Готлибович (1879—?) — землевладелец Херсонской губернии, член ревизионной комиссии Херсонского земского банка, товарищ прокурора Одесского окружного суда. Депутат II Государственной думы от Херсонской губернии, октябрист.

[4] На заседании II Государственной думы от 30 марта 1907 г. обсуждалось сообщение министра юстиции о возбуждении уголовного преследования депутатов Думы А.С. Купстаса, А.А. Кузнецова и Л.Ф. Геруса. Г.А. Алексинский усмотрел в этот факте «нападение» Министерства юстиции, как «органа старой, отжившей свой век, самодержавной власти», на народных представителей с целью «ослабить органы борьбы за права народа, за свободу его». По его мнению, депутаты должны стоять не на почве «формального права, а на почве интересов тех, кто нас послал сюда», а эти интересы требуют, чтобы «орган борьбы народа, каким является Государственная дума, не был обессилен». Он категорично заявил, что «суду, который представляет из себя... систему угнетения народа, ... является органом подавления его, — этому суду мы не можем дать не только жертв, но даже временных заложников» (*Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. — Т. I. — СПб., 1907. — Стб. 1451—1452, 1453—1454*). Его поддержал депутат В.П. Наливкин, утверждая, что «суд, существующий в данный момент», «доверия не заслуживает», что он «продался администрации... за "20 число"», за чины, за ордена...» (*Там же. — Стб. 1463—1464*). Л.Г. Лютц, не вдаваясь в рассмотрение обсуждаемого вопроса по существу, в своем кратком выступлении протестовал против «одностороннего и пристрастного» рассмотрения деятельности прокуратуры и судебных следователей», против их, как он выразился, «жалкой критики» (*Там же. — Стб. 1463—1464*).

[5] Аграрный вопрос обсуждался II Государственной думой в течение 10 заседаний. По этому вопросу произносили речи 89 ораторов. Из социал-демократов выступило 9 ораторов, социалистов-революционеров — 10, дашнакцутюнов — 2, народных социалистов — 5, трудовиков — 11, кадетов — 16, октябристов — 13 и правых — 15.

[6] Печатные письма о деятельности Государственной думы, рассылавшиеся в большом количестве по провинции с.-д. депутатами, фигурировали в качестве вещественных доказательств по делу о социал-демократической фракции II Государственной думы.

[7] **Горбунов** Григорий Арсеньевич (1871—?) — врач, член II—III Государственной думы от Терской области, член эсеровской партии.

Письмо Николаю II

9 апреля 1907 г.

Приемлю долг послать Вашему Величеству, ввиду завтрашней аудиенции Головина, еще одну стенограмму, в которой отмечены обвинения Родичевым[1] правительства в мошенничестве, причем он не был остановлен председателем.

Смею напомнить, что крестьянин Кирносов[2], тоже не остановленный председателем, заявил о том, что его прислали «взять землю, а не покупать ее».

Я уверен, что твердое слово Вашего Величества Головину будет первым грозным предостережением против революционирования народа с думской кафедры.

Сегодня я был в Думе; впечатление тусклое и серое. В комиссиях, по словам наших чинов, не умеют взяться за работу ввиду неподготовленности и неумения работать вообще.

Дума «гниет на корню», и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство убоялось этого и все расстроило.

Ожидаю с нетерпением результатов аудиенции, данной сегодня Вашим Величеством Акимову[3], и завтрашнего знаменательного разговора с Головиным.

Видел сегодня князя Васильчикова[4] и на днях сведу его с Коковцовым[5].

Председатель Совета Министров
Столыпин
9 апреля 1907 года.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 72–72об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 110–111.

[1] **Родичев** Федор Измайлович (1854–1933) – общественный и политический деятель, присяжный поверенный (1898); землевладелец и владелец винокуренных заводов. С 1877 г. гласный Тверского губернского земства, с 1879 г. предводитель дворянства, с 1897 г. председатель уездной земской управы. Участник земских съездов 1870-х и 1904–1905 гг. Один из создателей и сотрудник журнала «Освобождение», организатор и активный член «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». В июне 1905 г. участвовал в депутации земских съездов, принятой императором Николаем II. В ноябре 1905 г. вошел в кадетскую партию, на II съезде (январь 1906 г.) избран в состав ЦК. Депутат I–IV Государственной думы от Тверской губернии, считался одним из лучших кадетских ораторов. Выступал с критикой «беззакония и произвола», царивших, по его мнению, в послереволюционной России. В заседании Думы от 6 апреля 1907 г. Родичевым, во время обсуждения законности выборов членов Думы от Тамбовской губернии, было сказано следующее: «Задачи нашей Думы напомнить стране, что существуют такие первоначальные условия честности в выборах, которые обязательны для всякого правительства»; когда перед нами «вскрывается картина того, что невежливо может быть названо «выборным мошенничеством», то мы должны поставить вопрос: достигло ли это мошенничество цели» (*Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. – Т. 1. – СПб.,*

1907. – Стб. 1730–1731). За использование в думской речи 17 ноября 1907 г. метафоры «столыпинские галстуки» (имелись в виду виселицы) вызван П.А. Столыпиным на дуэль и исключен из Думы на 15 заседаний.

[2] **Кирносов** Никита Савельевич (1859–?) – крестьянин, депутат II Государственной думы от Саратовской губернии, эсер.

[3] **Акимов** Михаил Григорьевич (1847–1914) – государственный деятель, землевладелец; действительный тайный советник (1907), статс-секретарь (1908). С 1881 г. товарищ прокурора Киевской судебной палаты, с 1883 г. председатель Одесского, с 1887 г. Пензенского окружных судов, с 1889 г. прокурор Одесской, с 1891 г. Московской судебных палат. В 1894–1899 г. старший председатель Одесской судебной палаты. С 1899 г. сенатор Уголовного кассационного департамента. С декабря 1905 по апрель 1906 гг. министр юстиции. В начале 1906 г. настаивал на немедленном принятии новой редакции Основных законов. С 1906 г. член Государственного совета, председатель Совета (с 10 апреля 1907 г. по 28 июня 1914 г.).

[4] **Васильчиков** Борис Александрович (1863–1931) – князь, государственный и общественный деятель, шталмейстер (1899). Землевладелец, владелец винокуренных и свеклосахарного заводов. В 1890–1900 гг. новгородский губернский предводитель дворянства, почетный мировой судья Старорусского уезда. В 1900–1903 гг. псковский губернатор. С февраля 1904 г. главноуполномоченный Российского общества Красного Креста в Манчжурии; с 1906 г. председатель Главного управления Общества. Член Государственного совета (1906–1917). В июле 1906 – мае 1908 гг. главноуправляющий земледелием и землеустройством, активно проводил столыпинскую аграрную реформу. С 1908 г. член фракции националистов в Государственном совете, один из организаторов Всероссийского национального клуба и первый председатель Совета старейшин (1910).

[5] **Коковцов** Владимир Николаевич (1853–1943) – государственный деятель, финансист, действительный тайный советник (1905), статс-секретарь (1905), сенатор (1900), член Государственного совета (1905), граф (1914). В 1896–1902 гг. товарищ министра финансов, ближайший помощник С.Ю. Витте. В 1901 г. одновременно руководил Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов. В феврале 1904 г. назначен министром финансов, с созданием кабинета С.Ю. Витте в октябре 1905 г. вышел в отставку. В 1905–1906 гг. возглавлял Комиссию по выработке рабочего законодательства. С 24 апреля 1906 по 1 января 1914 гг. министр финансов, одновременно с 11 сентября 1911 г. председатель Совета министров.

Письмо Николаю II

16 апреля 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что, обдумывая вопрос об имеющих последовать назначениях в Государственный совет и зная о намерениях Вашего Величества, я не могу не высказать некоторых опасений по отношению к кандидатуре Дмитрия Хомякова[1]: он известен как убежденный славянофил и

сторонник общины, в настоящее же время вся правительственная политика направлена к насаждению мелкой частной собственности, одинаково ненавистной и революционерам, и славянофилам.

Я уже высказывал эти свои соображения Вашему Величеству, теперь же убедился, что их разделяет и М.Г. Акимов, и поэтому осмеливаюсь вновь их повторить.

Вчера посетил меня Головин, в высшей степени предупредительный и высказывающий убеждение, что Дума поправеет. Однако он, видимо, побаивался сегодняшнего заседания и вполне сознавал, что в случае отказа Думы в утверждении контингента новобранцев она будет распущена[2].

Теперь 5 часов, а должны говорить еще 45 ораторов. Думаю, что вопрос все же пройдет, так как роспуска панически боятся. О результате, согласно приказанию Вашего Величества, немедленно доложу.

Председатель Совета министров
Столыпин
16 апреля 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 74–74об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 111.

[1] **Хомяков** Дмитрий Алексеевич (1841–1919) – сын известного славянофила А.С. Хомякова; общественный деятель, литератор. Член «Кружка москвичей».

[2] 16–17 апреля 1907 г. Государственная дума в закрытом заседании обсуждала и приняла законопроект Военного министерства о контингенте новобранцев на 1907 г. большинством 193 против 129 голосов.

Письмо Николаю II

17 апреля 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что, как видно из прилагаемого стенографического отчета, члену Думы Зурабову[1] (армянин), оскорбившему армию, было сделано замечание, и он лишен был слова.

Между тем, на вопрос Головина, сделанный мне по телефону во время перерыва заседания, о том, какой исход дела я признавал бы желательным, я ответил ему, что министры не вернутся в зал заседаний, если Зурабов не будет на это заседание из Думы исключен.

Не исполнив этого условия и будучи, вероятно, смущен моим распоряжением о том, чтобы сегодня вечером представители ми-

нистерства не явились в думские комиссии, Головин просил, чтоб я его принял, и был у меня в 12 часов ночи.

Он очень смущен и говорит, что не мог выполнить мое желание, ввиду отказа польского коло голосовать за исключение Зурабова, — без поляков же не образовывалось большинства, и предложение было бы отклонено, что еще ухудшало бы положение.

Я ему объяснил, что, во всяком случае, сделанным Зурабову замечанием я не считаю уничтоженным оскорбление, нанесенное в Думе русской армии, и что, пока Дума не даст достаточного удовлетворения армии, военный министр в Думе не покажется.

При этом я позволил себе упомянуть, что знаю, насколько чувствительно Ваше Величество относитесь ко всему, касающемуся чести армии, и что Дума должна помнить и об обязанностях своих к Вам, Государь, как к верховному вождю армии.

На вопрос Головина, что я советую ему делать, я сказал ему, что Дума в глазах правительства покажет желание удовлетворить армию, если 1) примет переход к очередным делам с выражением уважения к доблестной русской армии и уверенности в беззаветной ее преданности родине и царю и 2) если Головин завтра же сделает визит генералу Редигеру[2] с извинением за происшедшее.

Головин обещал мне все сделать, чтобы провести первое мое предложение и обещал завтра же быть у военного министра. Не мог я не высказать Головину, что в каждом иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы.

Председатель Совета министров
Столыпин
17 апреля 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 75–76.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 111–112.

[1] **Зурабов** Аршак Герасимович (1873—?) — журналист, депутат II Государственной думы от Тифлиса, социал-демократ, выступал в закрытом заседании Думы 16 апреля 1907 г. против обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев. Как видно из стенограммы заседания Государственной думы за № 1105, Зурабовым было сказано следующее: «Исходя из того соображения, что современная армия, во-первых, отрывает от производительного труда главные массы трудящегося населения, что ложится тяжелым бременем на самое общество, что современное нам самодержавное правительство, беря эти самые общественные силы, главным образом, трудящиеся, направляет их против самого народа, — признавая все это и признавая также, что наша армия в

самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами и вас, господа, разгонять и будет всегда терпеть поражения на Востоке...». На этом месте Зурабов был прерван и лишен слова. Присутствовавшие в Думе министры немедленно удалились, Ф.А. Головин сделал Зурабову замечание, лишив его слова, и в тот же день вечером посетил П.А. Столыпина и выразил ему сожаление. На другой день рано утром Головин был с визитом у военного министра и затем, открывая заседание Государственной думы, сделал следующее заявление: «Вчера мы были свидетелями печального инцидента в Государственной думе: по отношению нашей доблестной русской армии было высказано здесь мнение, которое, конечно, должно быть признано для нее обидным». Заканчивалось заявление словами: «Государственная дума, без сомнения, протестует против тех выражений по отношению к русской армии, которые были высказаны здесь одним из членов Думы». Стенографический отчет не подлежал оглашению в печати на основании статей 44–46 Учреждения Государственной думы (*Свод. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906*).

Депутат Думы Салтыков 24 апреля 1907 г. обратился к председателю Думы Головину от имени социал-демократической фракции с просьбой, «ввиду многочисленных односторонних, совершенно искажающих действительность сообщений в печати о сущности и обстоятельствах речи депутата Зурабова», о выдаче разрешения на оглашение в прессе полного текста речи Зурабова, выражая надежду, что поскольку в речи отсутствуют «какие-либо стратегические соображения или специальные исчисления состава армии», то «препятствий к оглашению речи не может встретиться». Однако в ответ на письмо председателя Думы от 2 мая военный министр А.Ф. Редигер 3 мая 1907 г. уведомил, что не считает возможным дать согласие на опубликование речи Зурабова.

[2] **Редигер** Александр Федорович (1853–1918) – генерал от инфантерии (1907). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1890 г. ординарный профессор Академии Генерального штаба. С июня 1905 по март 1909 гг. военный министр. Член Государственного совета (1905). Автор трудов по вопросам организации армии, в частности, монографии «Комплектование и устройство вооруженной силы».

Письмо Николаю II

13 мая 1907 г.

Представляя настоящий всеподданнейший доклад, приемлю долг доложить, что князь Челокаев[1] был сильно настроен против тамбовского губернатора Муратова[2], так как находил его слишком ретроградным. Теперь князя Челокаева сожгли, и он, вероятно, изменив свои взгляды, будет ходатайствовать о мерах строгости.

Независимо от сего, считаю долгом доложить, что я справлялся о московском Тютчеве[3], которого Ваше Величество предполагали назначить в Государственный совет, и получил о нем са-

мые лучшие сведения, как о весьма порядочном человеке самого лучшего направления. Что касается профессора Янжула[4], то говорят, что он очень состарился и уже мало пригоден к работе.

Председатель Совета министров
Столыпин
13 мая 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 77.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 112–113.

[1] **Челокаев** Николай Николаевич (1830–?) – князь, гофмейстер, тамбовский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета.

[2] **Муратов** Николай Павлович (1861–после 1917) – действительный статский советник, камергер. С 16 сентября 1906 г. до 7 мая 1912 г. – тамбовский губернатор.

[3] **Тютчев** Иван Федорович (1846–1909) – сын поэта, почетный опекун, гофмейстер, с декабря 1907 г. член Государственного совета.

[4] **Янжул** Иван Иванович (1846–?) – академик, заслуженный ординарный профессор, доктор финансового права; член Статистического совета при Министерстве внутренних дел.

Письмо Николаю II

30 мая 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что все готово к предъявлению Государственной думе в пятницу требования об устранении из своей среды 55 членов и к роспуску Думы в случае ее отказа в этом[1].

Одновременно будет предъявлено требование о разрешении немедленно заключить под стражу 15 наиболее уличаемых членов Думы, которые вместе с тем являются и цветом левых партий. Совет министров признал невозможным требовать разрешения ареста всех 55 членов, так как это имело бы характер не серьезного судебного обвинения, а политической мести. Но так как обвинение и требование исключения из Думы будет касаться всех пятидесяти пяти, то в случае попытки скрыться они все будут задерживаться полициею.

Избирательный закон переписывается и будет послан Вашему Величеству к подписи завтра.

Наместник усиленно просит не исключать совсем Кавказа[2], но мне представляется лучшим временно приостановить там выборы.

Манифест будет также готов завтра и прислан на окончательное благовоззрение Вашего Величества: в нем вчера в Совете министров сделано два–три ничтожных исправления в выражениях.

Председатель Совета министров
Столыпин
30 мая 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 64–64об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 113.

[1] Требование к Государственной думе об устранении из своей среды 55 депутатов на предмет привлечения их к следствию и взятии 15 депутатов под стражу было внесено правительством 1 июня 1907 г. для немедленного исполнения. В список были включены следующие депутаты: И.П. Озол, Г.А. Алексинский, Л.Ф. Герус, А.Г. Зурабов, И.И. Кириенко, П.А. Аникин, В.А. Анисимов, В.М. Серов, Махорадзе, И.Г. Церетелли, А.Л. Джапаридзе, Г.Е. Белоусов, С.Н. Салтыков, В.И. Митров и В.Е. Мандельберг. Дума уклонилась от немедленного исполнения и передала это требование на решение особой комиссии. 3 июня появился указ Николая II Правительствующему Сенату о роспуске II Государственной думы и о назначении новых выборов, начиная с 1 сентября и с указанием открытия новой Думы на 1 ноября 1907 г. В опубликованном одновременно манифесте роспуск Думы объяснялся медленностью рассмотрения и отклонением представленных правительством законопроектов, обращением права запросов (по поводу злоупотребления администрации) в метод борьбы с правительством, составлением частью Думы заговора против царя и неисполнением Думой требования о выдаче обвиняемых. Одновременно означенный манифест от 3 июня 1907 г. изменил избирательный закон по выборам в Государственную думу, ибо, по толкованию манифеста, при существующей избирательной системе Государственная дума «пополнялась» членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных».

[2] 3 июня 1907 г. Николай II подписал указ о роспуске Думы, одновременно с этим был издан новый избирательный закон, согласно которому избрание депутатов от Кавказского региона не исключалось, но уменьшалось их количество: вместо 29 депутатов Кавказ мог послать по новому закону только 10.

Письмо Николаю II

31 мая 1907 г.

Имею счастие представить при сем Вашему Величеству переписанный манифест к подписанию.

Если потребовались бы еще какие-либо исправления, то можно успеть его переписать еще раз.

В указе о роспуске Думы для Правительствующего Сената, уже подписанном Вашим Величеством, я впишу назначенный Вами срок созыва новой Думы (1 ноября) и, соответственно этому, срок начатия выборов.

При сем прилагаю к подписанию Вашего Величества указ об отсрочке до 1 ноября и заседаний Государственного совета.

Завтра вношу известное Вашему Величеству требование в Думу, и если в субботу она его не выполнит, то, согласно приказанию Вашего Величества, объявляю Высочайший манифест и указ о роспуске. Новый избирательный закон будет представлен к подписанию завтра, в пятницу.

Председатель Совета министров
Столыпин
[31 мая 1907 г.]

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 63–63об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 113–114.

Письмо Николаю II

2 июня 1907 г.

Только что получены мною исторические слова Вашего Величества, которые я позволил себе прочесть господам министрам.

Совет заседал до трех часов ночи, все было готово к роспуску. Манифест и все документы напечатаны, но ожидались подлинные документы за подписью Вашего Величества, чтобы дать сигнал для обнародования.

Верьте, Государь, что все министры, несмотря на различные оттенки мнений, проникнуты были твердым убеждением в необходимости роспуска, и колебаний никто не проявлял. Думе дан был срок, она законного требования не выполнила и по слову Вашему перестала существовать.

Я крепко верю, что Господь ведет Россию по предуказанному им пути и что Вашему Величеству предстоит еще счастье видеть ее успокоенною и возвеличенною.

Простите, Ваше Величество, за плохой почерк предыдущего донесения, – объясняется он переутомлением, так как не приходится спать, не разобранное Вашим Величеством слово было – (надпись «утверждаю»).

Председатель Совета министров
Столыпин
2 июня 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 65–65об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – № 5–7. – С. 114.

Письмо Николаю II

24 июня 1907 г.

Вашему Императорскому Величеству, 12/25 минувшего мая, министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского доложен был проект предложения сейму Финляндии, с законопроектом о промыслах, причем, как видно из его письма ко мне от 30 мая/12 июня сего года, генерал-лейтенант Лангоф[1] довел до Высочайшего сведения, что проект представлен на утверждение Вашего Императорского Величества без предварительного сношения с министрами Империи.

Необходимости в таком сношении генерал-лейтенант Лангоф не усматривал ввиду того, что, согласно объяснениям его, интересы Империи в этом законопроекте лишь затрагиваются по вопросу о тех правах, которые по новому законопроекту предположено предоставить в отношении производства промыслов уроженцам Империи, причем права эти сравниваются с таковыми же правами финляндских граждан; посему означенный проект не относится, по мнению министра статс-секретаря Финляндии, к тем постановлениям, по которым закон 1 августа 1891 года требует предварительных сношений с имперскими властями.

В действительности же, законопроект о промыслах вовсе не уравнивает нефинляндцев, а в их числе и русских с финляндцами, так как, согласно §15, только финляндские граждане будут пользоваться избирательным в промысловые депутаты правом. Такое ограничение в правах русских в Финляндии несомненно затрагивает интересы Империи, а потому министру статс-секретарю и надлежало запросить для доклада Вашему Величеству заключения имперских ведомств. Независимо сего, я полагаю, что вообще всякий финляндский законопроект, даже уравнивающий права финляндских и русских уроженцев в Финляндии, ближайшим образом касается интересов Империи и имперских ведомств. Так, например, предоставление русским уроженцам, наравне с финляндскими, права союзов и собраний могло бы вызвать возражения со стороны Министерства внутренних дел, которое в интересах охраны внутреннего спокойствия Империи высказалось бы, если бы спрошено было его заключение, против предоставления упомянутых прав русским в Финляндии, по крайней мере, в нынешнее время. Между тем, с точки зрения министра статс-секретаря, подобный вопрос также не подлежал бы предварительному заключению имперских ведомств.

О таком неправильном толковании, которое дает Высочайшему постановлению от 1 августа 1891 г. министр статс-секретарь Финляндии, всеподданнейшим долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству, присовокупляя, что одновременно с сим я предполагаю войти в сношение с генерал-лейтенантом Лангофом на предмет доставления вышеуказанного законопроекта о промыслах, по рассмотрении его сеймом и до доклада Вашему Императорскому Величеству, на заключение подлежащих министров Империи.

Председатель Совета министров Столыпин
24 июня 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 527. Л. 1–2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Лангоф Август Федорович — генерал-лейтенант, министр, статс-секретарь по делам Финляндии.

Письмо Николаю II

9 ноября 1907 г.

Ваше Императорское Величество.

Приказания Ваши получил[1]. Относительно текста указа и объявления жителям мною уже вчера даны соответствующим лицам заказы. Очень благодарен Вашему Величеству, что Вы изволили заблаговременно сообщить мне решение Ваше не принимать теперь Государственной думы. Я немедленно через преданных людей принял меры к тому, чтобы во всеподданнейшем адресе просьба об этом была выражена в более общих выражениях, дабы неприем Думы не имел характера отказа в приеме со стороны Вашего Величества. Конечно, ни одной душе неизвестно, что мною что-либо докладывалось об этом Вашему Величеству.

Вместе с тем почитаю долгом своим не скрыть от Вашего Величества, что у большинства членов Государственной думы желание видеть своего царя самое горячее и искреннее. Это все люди земли, одушевленные к Вашему Величеству лучшими верноподданническими чувствами. Независимо от их будущей думской работы, они сами по себе достойны милостивого внимания Ваших Величеств.

Простите, Государь, что смею высказать свое мнение, но пишу это в надежде, что Ваше Величество не изволили, быть мо-

жет, отказаться от первоначального своего намерения принять членов Думы отдельными группами.

Председатель Совета министров Столыпин
9 ноября 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 2–2об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 80.

[1] Это письмо является ответом на написанное в тот же день письмо Николая II:
Петр Аркадьевич.
С предположениями Вашими относительно предстоящих распоряжений по Финляндии я согласен. Так как Зейн — генерал, то мне кажется, что назначение его помощником ген[ерал]-губ[ернатора] должно состояться военным приказом. Будучи вызван сюда и узнав о состоявшемся решении без его ведома, Герард немедленно попросился оставить должность ген[ерал]-губ[ернатора] и уже более в Гельсингфорс не вернется.
Поэтому Зейну придется сразу исправлять должность ген[ерал]-губ[ернатора], тем более, что ген[ерал] Бекман будет в Выборге.
Очень важно теперь же приступить к выработке текста указа и правительственного сообщения, в которых нужно ясно и определенно изложить причины объявления Выборгской губернии на военном положении. Считаю также полезным опубликование оповещения от имени выборгского военного генер[ал]-губерн[атора] населению этой области — немедленно по вступлении его в должность. Лучше заранее все подготовить спокойно.
Относительно приема Гос[ударственной] думы я пришел к следующему заключению: теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила в смысле возлагаемых мною на нее надежд для совместной работы с правительством.
Следует избегать преждевременных выступлений с моей стороны и прецедентов.
Эту точку зрения безусловно разделяет и Государыня Императрица.
Поживем, увидим!
Николай

(*Красный архив. — 1924. — Т. 5. — С. 115*)

Письмо Николаю II

16 ноября 1907 г.

Ваше Императорское Величество,

После правительственного заявления поляк Дмовский[1] (саркастически определивший поляков гражданами второго разряда), а затем кадет Маклаков[2] произнесли сильные речи против правительства. Боясь, что Дума останется под впечатлением этих ре-

чей, я выступил с разъяснением[3], текст которого предлагаю милостивому вниманию Вашего Величества.

Председатель Совета министров Столыпин
16 ноября 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 522. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Дмовский** Роман (1864—1939) — общественный и политический деятель. Один из создателей Национальной Лиги, автор ее устава; с 1893 г. ее фактический руководитель. В 1897 г. разработал основные программные положения Национально-демократической партии. В 1905 г. возглавил польскую делегацию на переговорах с российским правительством о предоставлении Царству Польскому политической и территориальной автономии. Депутат II—III Государственной думы от эндеции, возглавлял в Думе польское коло. В конце 1908 — начале 1909 гг., после критики польскими депутатами пророссийского курса Национально-демократической партии, отказался от депутатского мандата и сложил с себя полномочия председателя партии.

16 ноября 1907 г., выступая по поводу правительственной декларации, он заявил, что «источник бедствий», поразивших российское государство, лежит «в самом устройстве государственной жизни», главными пороками которого он считает «культурное разорение окраин, разорение нерусских областей», а также «пассивность... национального великорусского центра». По его мнению, «расширение объема государственных задач... требует непременного участия общественных сил в государственной работе»; кроме того, жизненно необходимое обновление государственного строя предполагает перенесение центра тяжести многих дел, «которые теперь решаются... в центре — в Петербурге, на места, потому что там только они могут быть разрешаемы как следует, с пользою для населения». Между тем в декларации правительства он не усматривает ясного ответа на вопрос: «будут ли все эти органы, которые пригласит правительство к работе, только вспомогательными средствами для чисто бюрократического управления страной, или действительно государственная система будет обновлена в духе действительно широкого самоуправления, приглашения общественных сил, чтобы они пополнили те пробелы государственной жизни, которых бюрократия исполнить не способна». В частности, он убеждается в том, что правительство намерено и дальше вести по отношению к окраинам прежнюю политику, а это лишает надежды на проведение реформ в Царстве Польском. Поэтому он заявил, что польское коло не поддержит декларацию правительства (*Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия первая. — Ч. I. — СПб., 1908. — Стб. 338—343*).

[2] **Маклаков** Василий Алексеевич (1870—1957) — юрист, общественный и политический деятель. В 1897 г. вступил в московскую адвокатуру. В 1904 г. секретарь общества «Беседа», член его бюро. Участвовал в подготовке учредительного съезда кадетской партии, на ее II съезде (январь 1906 г.) избран в состав ЦК, член московского городского комитета. Депутат II—IV Государственной думы. В 1914 г. активно работал во Всероссийском земском союзе. Член Прогрессивного блока.

16 ноября 1907 г. Маклаков выступил по поводу декларации правительства. Он подчеркнул, что сотрудничество большинства Государственной думы и правительства возможно только на основе полного осуществления манифеста 17 ок-

тября. В декларации же, зачитанной премьер-министром, он усмотрел признаки отхода правительства от «здорового пути» реформ. То, что Столыпин заявил о необходимости сначала уничтожить крамолу, а лишь затем приступить к преобразованиям, Маклаков оценил как «отговорку», благодаря которой Россия «в течение 25 лет» не сделала ни шага вперед. По мнению Маклакова, вести борьбу с революцией возможно посредством утверждения правового строя, а правительство, напротив, выступило «с апологией... прежних средств борьбы исключительно силою», т. е. продемонстрировало свое неверие «в силу права». Критику Маклакова вызвало и заявление Столыпина о необходимости проведения принципа беспартийности относительно служащих на всех ступенях государственной лестницы. С точки зрения Маклакова, подобная мера свидетельствует лишь о том, что, «несмотря на свободу, возвещенную нам манифестом, отныне открывается новое преследование политических мнений». Маклаков призывал правительство не откладывать реформ, утверждая, что «тот, кто не проведет их сейчас, тот будет виноват перед историей за то, если он этим вызовет... пароксизм революции» (*Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия первая. — Ч. 1. — СПб., 1908. — Стб. 344—348*).

[3] В ответном выступлении П.А. Столыпин дал характеристику руководящим началам деятельности правительства. Он отвел упрек, будто правительство намерено опираться исключительно на репрессии и не желает заниматься созидательной работой; наряду с подавлением революции, правительство, заявил он, «задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами», т. е. обеспечить ему «хотя бы малую долю состоятельности». Для этого предполагается, прежде всего, облегчить крестьянам «переустройство их хозяйственного быта», освободить его от «тисков общины» и «из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности». «Вот тогда, тогда только, — подчеркнул Столыпин, — писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую...». По поводу требования о беспартийности государственных служащих, которое критиковал В.А. Маклаков, Столыпин подчеркнул, что сильное правительство должно иметь сильный исполнительный аппарат на местах из «исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами». Что касается призыва к децентрализации и опоре на местное самоуправление, прозвучавшего в выступлении Р. Дмовского, то Столыпин признал целесообразность этих мер, но оговорил необходимость сохранения целостности русского государства, поддержки власти, оберегающей Россию от распада. Поэтому децентрализация не должна наносить ущерба связям центра с окраинами, а «та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной». Обращаясь через Дмовского к полякам, Столыпин призвал их: «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права». В заключение Столыпин выделил главное в политическом курсе возглавляемого им правительства — «неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму», «страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противовес тем людям, которые хотят ее распада» (*Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия первая. — Ч. 1. — СПб., 1908. — Стб. 350—354*).

Письмо Николаю II

22 декабря 1907 г.

Ваше Императорское Величество.

Ввиду окончания дела с Кауфманом[1], я позволю себе переговорить со Шварцем[2] и с Кассо[3], которого вызову из Москвы. После переговоров с ними доложу Вашему Величеству о том, кто из них, по моему мнению, способнее повести дело просвещения юношества твердою и умелою рукою. Мне кажется, что тянуть с этим делом нельзя: раз бессилие теперешнего Министерства народного просвещения стало несомненным, то промедление было бы большою ошибкою, бросая тень какой-то неопределенности и двойственности на общую политику правительства.

Поэтому я был бы счастлив, если бы назначение нового министра и увольнение Кауфмана и Герасимова[4] состоялось до возобновления работ Государственной думы.

Вчера у нас было очень бурное заседание с Герардом[5] и Лангофом. Я счел нелишним громко заявить, что Ваше Величество твердо решили, в случае нарушения финляндцами закона и неподчинения законным требованиям, действовать силою "manu militari"*. По-видимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы, и мне кажется, что дело принимает удовлетворительный оборот.

Судейкина[6] я прекрасно знаю по Вильне, где он был правителем канцелярии у генерала Троцкого[7]. Умный человек, но лиса. Про его отношение к финляндскому вопросу я узнаю и доложу Вашему Величеству.

Председатель Совета министров Столыпин

22 декабря 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 4–4об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 81.

Письмо это — ответ на письмо Николая II от того же 22 декабря:
С Кауфманом объяснился.
Он просил об одном, — чтобы Герасимов не был уволен раньше его ухода.
С этим я согласился. Мне кажется, что увольнение обоих одновременно докажет всей России, что мною не одобрялась политика Мин[истерст]ва народн[ого] просвещения.

---

* военная сила (лат.).

Сейчас из моего кабинета вышел Герард. Он вовсе не кипятился, как при последнем докладе, и теперь относится спокойно к прежде волновавшим его вопросам. Он мне назвал имя знатока финляндских дел — сенатора Судейкина, бывшего при покойном Плеве управляющим делами статс-секретариата, как полезного члена вашего совещания. Наведите о нем справку.

Николай

22 декабря 1907 г.

(*Красный архив. — 1924. — Т. 5. — № 5—7. — С. 117*).

[1] **Кауфман**, Кауфман-Туркестанский (1914) Петр Михайлович (1857—1926) — государственный деятель, обер-гофмейстер (1914). С 1886 г. помощник статс-секретаря. С 1892 г. управляющий делами собственной Ее Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, в 1896—1903 гг. товарищ глвноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии, одновременно член Главного управления Российского общества Красного Креста. С 1898 г. сенатор, с 1903 г. присутствовал в 1-м департаменте Сената. С 1906 г. член Государственного совета. С 24 апреля 1906 г. по 1 января 1908 г. министр народного просвещения. После 1908 г. работал в Государственном совете, в комиссиях по народному образованию, по вопросам вероисповедания, о порядке издания касающихся Великого княжества Финляндского законов и постановлений общегосударственного значения.

[2] **Шварц** Александр Николаевич (1848—1915) — государственный деятель, педагог. В 1875—1900 гг. преподавал древние языки в Московском университете. В 1900—1908 гг. попечитель Рижского, Варшавского и Московского учебных округов. В 1908—1910 гг. министр народного просвещения, поборник «классического» школьного образования. С 1910 г. член Государственного совета.

[3] **Кассо** Лев Аристидович (1865—1914) — правовед, тайный советник. С 1895 г. профессор Харьковского университета, с 1898 г. заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Московского университета. Автор работ по вопросам местного и общего гражданского права. С сентября 1910 г. управляющий Министерством народного просвещения, с февраля 1911 г. министр. Инициатор решительных мер по пресечению студенческих беспорядков в Московском университете (начало 1911), что вызвало отставку ректора А.А. Мануйлова, проректора П.А. Минакова, а затем уход 21 профессора университета, ряда приват-доцентов и ассистентов (всего ок. 130 чел.). В 1911 г. он добился принятия постановления, запрещавшего любые студенческие собрания и союзы, кроме академических корпораций. Сторонник развития системы среднего и низшего образования, под его руководством приняты программы, детально регламентировавшие работу преподавателей средней и начальной школ, усилившие внешкольный контроль за учащимися и за посещением студентами лекций.

[4] **Герасимов** Осип Петрович (1867—1920) — учитель гимназии, личный секретарь предводителя московского дворянства князя П.Н. Трубецкого. В ноябре 1905 г. был назначен С.Ю. Витте товарищем министра народного просвещения, оставался на этом посту до 1908 г.

[5] **Герард** Николай Николаевич (1838—1917) — государственный деятель, юрист. Служил по ведомству юстиции. С 1871 г. и. д. правителя канцелярии Министерства юстиции. С 1874 г. и. д. обер-прокурора 4-го департамента Сената. С 1876 г. сенатор, с 1898 г. член Государственного совета, с 1902 г. предсе-

датель Департамента гражданских и духовных дел, и. д. главноуправляющего императорской канцелярии. С ноября 1905 г. по февраль1908 г. финляндский генерал-губернатор.

[6] **Судейкин** Власий Тимофеевич – действительный статский советник, с 1898 г. управляющий канцелярией виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, почетный член Кобринского Александро-Невского братства. Позднее сенатор, управляющий делами статс-секретариата при министре внутренних дел В.К. Плеве, управляющий делами статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

[7] **Троцкий** Виталий Николаевич – генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 6 декабря 1897 г. до 9 мая 1901 г. генерал-губернатор Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства и командующий войсками Виленского военного округа.

Письмо Николаю II

30 декабря 1907 г.

Сейчас статс-секретарь Танеев[1] сообщил мне, что так как в полученном им повелении Вашего Величества сказано об увольнении Герасимова от должности, то он заготовил указ об оставлении его по ведомству. Я полагаю, что это, во-первых, произведет такое впечатление, что он нужен в ведомстве, а, во-вторых, он сам просился в отставку и говорил о пенсии, что возможно лишь при отставке.

Вследствие сего я решился беспокоить Ваше Величество и просить точных указаний, дабы Танеев успел изменить редакцию указа, так как я от себя не могу этого сделать.

Сегодня я видел Шварца и говорил с ним о рескрипте. Дело это не так просто, так как высшие учебные заведения имеются в четырех министерствах, и текст рескрипта подлежал бы совместному обсуждению с заинтересованными министрами. Сделать этого до нового года я не могу, так как вчера вернулся от Вашего Величества больной. Задумываюсь я также над тем, нужен ли именно рескрипт, не свяжет ли он Ваше Величество в будущем и не лучше ли ограничиться программною речью нового министра к подведомственным ему чинам? Все это, конечно, не может задержать назначения нового министра, почему я и осмеливаюсь тревожить Ваше Величество, так как важно, чтобы все три указа – о Кауфмане, Шварце и Герасимове – появились в один день, 1 января.

На случай, если болезнь помешает мне лично принести Вашему Величеству новогоднее поздравление, позволяю себе еще

раз повергнуть перед Вашим Величеством мои самые горячие верноподданнические пожелания счастья, здоровья и успеха[2].

Председатель Совета министров Столыпин
30 декабря 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 5–5об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 81–82.

[1] **Танеев** Александр Сергеевич (1850–1918) – гофмейстер (1895), статс-секретарь (1904), главноуправляющий собственной Его Императорского Величества канцелярией (1897–1917), член Государственного совета (1906). Отец А.А. Вырубовой.

[2] В ответном письме от 30 декабря 1907 г. Николай II писал: «Танееву даны указания относительно увольнения Герасимова в отставку. Разделяю соображения Ваши по поводу неудобства, связанного с появлением рескрипта на имя Шварца» (*см.: Красный архив. – 1924. – Т. 5. – С. 117*).

Письмо Николаю II

7 марта 1908 г.

Думая над вопросом о кредитах на судостроение, я пришел к убеждению, что существует один только способ провести эти кредиты в Государственной думе и Государственном совете.

Как Вашему Величеству известно, против кредита восстают одинаково и правые[1], и левые. Поэтому какое-либо давление со стороны верховной власти послужило бы только к ущербу ее авторитета. Но к счастию большинство удалось, кажется, привести к тому убеждению, что линейный флот России необходим; отказывает в кредите это большинство по той причине, что думает этим отказом способствовать ускорению реформ. Этим настроением я воспользовался, чтобы сделать заявление о том, что Ваше Величество являетесь инициатором реформы флота, так что противники кредита ломятся в открытую дверь. Этим путем, вместо разногласия с патриотично настроенными людьми, в деле, касающемся жизненного вопроса и правильного расходования народных денег, я думал подчеркнуть, наоборот, солидарность с ними верховной власти. Теперь единственно верным ударом было бы явить этому доказательство на деле. Я разумею введение теперь же в строе морского ведомства несколько коренных реформ.

Это послужило бы доказательством тому, что реформы проводятся не из-под палки, вследствие отказа Думою в деньгах,

что период времени с конца войны не потерян и употреблен был на серьезную работу и, наконец, что реформы эти вводятся велением Вашего Величества, а не по инициативе законодательных учреждений.

Я очень хорошо понимаю, что преобразование ведомства не может быть произведено наспех, без серьезной разработки. Находясь далеко от этого дела, я не счел себя и вправе говорить об этом с морским министром ранее, чем изложить свои мысли Вашему Величеству. Но я знаю, что схема нового управления совершенно готова и думаю, что в части она могла бы быть приведена в действие немедленно, притом единоличною властью Вашею, Государь, так как это не вызывает новых расходов.

Я разумею отрасль судостроения и командования. Если разные комитеты будут заменены управлениями с ответственным начальником судостроения во главе и если отдельные флоты будут подчинены главным начальникам, ответственным за воспитание, обучение, материальную часть и боевую готовность своих судов, то будет сделан громадный шаг вперед и у противников морского ведомства будет выбит главный их аргумент против ассигнования кредитов.

Я слышал, что эти части реформы, которым придают в Думе и Совете наибольшее значение, уже детально разработаны. Чем больше их будут обсуждать в разных комиссиях, тем более затянется дело. Важны, конечно, подробности преобразования, но теперь особенно важен момент его проведения. Я полагаю, что теперь затруднительно было бы осуществить преобразование портовых управлений, т. е. одной из важнейших частей, так как это, видимо, требует наиболее кропотливой работы. Но ведь, вводя вышеупомянутые нововведения, можно было бы повелеть в известный срок провести и реформу портов.

Я решил изложить Вам, Государь, не покидающие меня мысли, не дожидаясь очередного доклада, так как думаю, что вопрос о флоте нельзя бросать на полпути, одними словами тут тоже не возьмешь, нужно дело, а с ним надо торопиться, если желательно добиться своего.

Статс-секретарь Столыпин

7 марта 1908 года

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 540. Л. 6–7об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] После гибели русского флота в ходе войны с Японией рассматривались две программы: либо воссоздать сильный эскадренный флот, либо ограничиться флотом береговой обороны. П.А. Столыпин был убежден, что России «необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований» (*см.: Программа реформ П.А. Столыпина. — Т. 1. — М., 2002. — С. 56*), однако большинство депутатов Государственной думы из-за недоверия к власти, неверия в выполнимость намеченной правительственной программы, придерживалось второй точки зрения. В обществе царило широкое недовольство руководством армии, в том числе рядом великих князей. Фактически решение вопроса о кредитах ставилось в зависимость от проведения глубокого реформирования морского ведомства, включая освобождение от должностей руководителей военных инспекций нескольких великих князей, учреждение морского Генерального штаба вместо Адмиралтейств-совета, в состав которого входили не подпадавшие под контроль члены царской семьи, модернизацию военного образования и т. д. Комиссия по государственной обороне отвергла ассигнование 11 250 тыс. руб. на начало программы. 24 мая 1908 г. Столыпин выступил в Государственной думе с речью, в которой призывал депутатов рассмотреть вопрос о русском флоте с точки зрения «государственной пользы и государственной необходимости». Он убеждал депутатов, что в морском ведомстве уже начата программа реформ: образован морской Генеральный штаб, установлено новое автономное устройство судостроительных заводов, придана новая организация высшему командованию флотом. По мнению Столыпина, «за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие» (*см.: Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... — М., 1991. — С. 156*). Если же ожидать окончательного переустройства морского ведомства, то это, как подчеркивал Столыпин, грозит продолжительной остановкой судостроения, что в свою очередь приведет к «расстройству наших заводов», утрате накопленного технического опыта, знаний, кадров, невозможности обучения личного состава на современных судах, а также грозит «беспомощным положением России в отношении морской обороны», что не соответствует «мирового положению» страны (*см.: Там же. — С. 157*). Однако аргументы премьер-министра не смогли переломить настроения думцев, которые продолжали отказывать в ассигнованиях на флот. Впрочем, Государственный совет в июне 1908 г. восстановил вычеркнутую ассигновку. Лишь спустя год, 19 марта 1909 г., председатель думской комиссии по государственной обороне А.И. Гучков, выступая по вопросу сметы Военного министерства, заявил, что возглавляемая им комиссия согласна одобрить запрашиваемые кредиты.

Письмо Николаю II

14 марта 1908 г.

Возвращая Вашему Величеству переданные мне записки по реорганизации флота, приемлю долг доложить, что все составленные до настоящего времени схемы преобразования морского ведомства очень друг к другу близки. Я слышал, что большая часть членов совещания, работающего у морского министра, схо-

дятся в главнейших вопросах преобразования. Главный пункт разногласия, это странное положение (висячее на воздухе) главного начальника судостроения, замеченное и Вашим Величеством.

Я вполне уверен, что единственная возможность вывести дело из заколдованного круга – это Ваш приказ, Государь, морскому министру в течение недели кончить работу совещания и представить Вашему Величеству согласованный в этом совещании план реформ морского ведомства. После этого, желательно было бы одно заседание под личным председательством Вашего Величества для вписания в проект угодных Вам поправок и для решения вопроса о способе и форме объявления Вашего, Государь, повеления.

Не имея отношения к вопросам военным и морским и не будучи в них компетентным, я могу лишь с общей политической точки зрения высказать, что общество поверит лишь толчку, данному в этом деле Вашим Величеством лично и что даже ошибка в подробностях дела (всегда поправимая) менее опасна, чем продолжение толчения воды в разных комиссиях, уже третий год преобразующих флот.

Провести же кредиты в законодательных учреждениях возможно лишь опираясь на начатые реформы.

Статс-секретарь Столыпин

14 марта 1908 года

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 540. Л. 8–8об.

Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо Николаю II

20 мая 1908 г.

Только что вышел от меня Кривошеин[1]. Не соизволите ли, Ваше Величество, принять его до отъезда в Ревель?

Очень важно, чтобы он немедленно вступил в должность[2]; положение же его было бы неудобно, если бы он принял ведомство, не представившись Вашему Величеству, а тем более в Ваше отсутствие*.

Статс-секретарь Столыпин

20 мая 1908 года

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 7.

Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* Сверху помета синим карандашом рукой Николая II: Могу принять его в четверг в 10 час. утра.

[1] **Кривошеин** Александр Васильевич (1857–1921) – государственный деятель, действительный статский советник (1904), гофмейстер (1906), статс-секретарь (1910), член Государственного совета с 1906 г. С 1896 г. помощник начальника вновь созданного Переселенческого управления Министерства внутренних дел, с 1902 г. и. д. начальника управления (утвержден в должности в 1904 г.). Участвовал в выработке закона о переселениях от 6 июня 1904 г. С 1905 г. товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством, разработал закон о местных землеустроительных комиссиях. С 6 октября 1906 г. товарищ министра финансов, управляющий Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками. С 21 мая 1908 г. по 26 октября 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием, сторонник уничтожения общины и насаждения хуторского хозяйства, по его инициативе был проведен закон от 29 мая 1911 г., предоставлявший отдельным хозяевам право выхода на хутора и отруба без предварительного укрепления надела. Осенью 1910 г. вместе с П.А. Столыпиным совершил поездки в Поволжье и Сибирь для анализа результатов переселенческой политики. Предпринял также поездки на Кавказ и в Туркестан, начал разработку плана колонизации этих районов. С 1914 г. член Комитета финансов. Один из организаторов Прогрессивного блока. В 1915–1916 гг. занимался организацией помощи раненым.

[2] Имеется в виду назначение А.В. Кривошеина на пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. 21 мая 1908 г. он вступил в должность.

Сохранилось письмо А.В. Кривошеина, адресованное П.А. Столыпину, в котором он делится сомнениями по поводу этого назначения:

Глубокоуважаемый

Петр Аркадьевич.

Ваше вчерашнее предложение застало меня врасплох. Мучительно обдумав его ночью и сегодня, должен сказать, что сомнения, переданные мною вчера, сегодня только усугубились. Не буду останавливаться ни на чем второстепенном или личном, но не могу не повторить Вам, что я считаю себя совершенно неподготовленным к руководству важнейшей, по моему мнению, отраслью Главного управления – земледелием. А раз это так, то у меня не будет ни должного авторитета в глазах других, ни, что еще важнее, достаточной уверенности в самом себе, без чего успех ни в каком деле немыслим. Кроме того, я не привык говорить с кафедры, и посему наладить отношения с Думой по весьма щекотливым вопросам Главного управления мне будет не под силу. Между тем с Кр[естьянским] банком я вполне освоился и надеюсь, что в моих руках это дело будет идти удовлетворительно. Стоит ли при таких условиях лишать Банк неплохого управляющего ради назначения сомнительного главноуправляющего? Я глубоко ценю Ваше лестное обращение ко мне, понимаю все его моральное значение и не ломаюсь, а пишу это не из эгоизма и не из боязни труда или ответственности. Я безгранично предан Государю и у меня нет иных побуждений кроме желания служить ему верой и правдой, но именно поэтому я по совести не считаю себя вправе приниматься за дело воистину первой государственной важности без уверенности в успешном его выполнении – откровенно пишу Вам об этом.

Жму Вашу руку, глубокоуважаемый П[етр] А[ркадьевич Столыпин], и надеюсь, что Вы меня поймете.

Всегда глубоко Вам преданный и благодарный <Краткая подпись>

16 мая 1908 г.

(РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 10–11. Рукопись. Подлинник. Автограф).

Письмо Николаю II

12 марта 1909 г.

Ваше Императорское Величество,

Я не нахожу слов, чтобы выразить чувства, вызванные во мне милостивым ко мне вниманием Вашего Величества во время моей болезни.

Вы знаете, Государь, что я не мастер, да и стесняюсь касаться этих вопросов, но есть вещи, которые не забываются и навсегда незабвенным останется для меня и жены то царственное отношение, которое Ваши Величества так человечески проявили к своему больному слуге.

Я молю Бога, чтоб он дал мне силы и возможность не словами, а делом отслужить своему Государю хоть частицу того добра, которое постоянно от него вижу.

Теперь я, благодарение Господу, совсем здоров, но еще слаб, и доктора действительно требуют поездки недели на три на Юг, чтобы окрепнуть ранее, чем взяться за серьезную работу.

Я думал было проехать заграницу, но это вызывало некоторые затруднения полицейского характера, теперь же, благодаря разрешению Ваших Величеств воспользоваться свитским домом или дачею министра в Ливадии, я могу осуществить поездку вместе с семьею, что мне особенно дорого. Надеюсь выехать в конце шестой или в начале страстной недели и вернуться на Фоминой уже в совершенно нормальном виде.

Отрешившись во время болезни от мелких дел и забот, я невольно думал о вопросах более важных и принципиальных.

По отношению к Финляндии я относительно последней меры держусь особого мнения. Права Империи в этом принципиальном вопросе не затронуты, а у нас достаточно вопросов, в которых придется отвоевывать жизненные интересы России. Поэтому в этом специальном вопросе мне казалось уместным проявить высшее беспристрастие монарха. Теперешнее решение мне представляется половинчатым. Но каково бы оно ни было, недопустимо дерзко решение Сената, наглость которого надлежит сломить[1]. Но это будет неминуемо продолжаться, пока генерал-губернатор идет сознательно против правительства и по недомыслию является покорным слугою Сената. Я имел в виду в ближайшем всеподданнейшем докладе доложить Вашему Величеству, что действительным наказанием для Сената явилась бы отставка ген[ерала] Бекмана[2] и замена его Зейном[3]. Конечно, последнему надо было бы начертать программу действий, так как со вре-

мен Бобрикова[4] многое изменилось и в теперешней борьбе нам приходится твердо стоять на почве сеймовых законов, дабы не дать какого-либо оправдания активному или пассивному сопротивлению финляндцев. Если мне до отъезда возможно будет иметь всеподданнейший доклад, разрешите, Ваше Величество, подробнее доложить этот вопрос[5].

Финляндцы, конечно, надеются на то, что нас втянут в войну, но Господь Бог поможет Вам предупредить кровопролитие.

Еще один вопрос, волнующий меня, это вопрос о морском Генеральном штабе. Способ направления подобного рода был далеко не выяснен; правительство должно его принципиально вырешить и принципиальный вопрос представить на Высочайшее благоусмотрение; пока дело принципиально не разрешено, правительство не могло спешный, частный вопрос о Генеральном штабе проводить иначе, как общим законодательным порядком; сделано это с Высочайшего соизволения, вопрос этот сепаратный и общий вопрос о правах Верховного вождя вооруженных сил не предрешает. Вот что, по моему мнению, надо морскому министру заявить в Государственном совете. Иначе в настоящем выйдет соблазн: вместе с искренними людьми, гр[аф] Витте[6] и другие политики будут громить крамольное правительство за умаление верховных прав! В будущем же неизбежный длительный конфликт между Государственным советом и Думою, которая в данном случае исполнила лишь требование правительства и в результате странное и ненормальное положение Генерального штаба, который годами придется содержать на 10-миллионный фонд, несмотря на согласие Г[осударственной] думы ассигновать нужный на это дело кредит.

Мое убеждение, что весь этот парад необходим в Государственном совете предупредить и что искусственно создавать осложнение в будущем не следует. Простите, Государь, за откровенное изложение моего мнения, которое и поручил В.Н. Коковцову более подробно доложить завтра Вашему Величеству.

Весьма важным делом считаю я также выбор лица на должность Виленского генерал-губернатора — край этот я хорошо знаю, он с 1905 года немного распустился и там много серьезной работы.

Я надеюсь до отъезда повидать Унтербергера[7], считая весьма важным, чтоб эти дальние генерал-губернаторы, приезжая в Петербург, осязали бы результат своего приезда и сами участвовали бы в Совете министров не в бумажном, а в окончательном разрешении поднятых ими принципиальных вопросов.

В заключение приемлю долг доложить Вашему Величеству, что я передал министру юстиции повеление о заготовлении к празднику Св. Пасхи указов о назначении в Сенат директора Департамента полиции Трусевича[8] и калужского губернатора Офросимова[9].

Решаюсь также напомнить о доложенном мною уже раз заветном желании министра иностранных дел Извольского[10] быть также членом Государственного совета (из министров он почти единственный не в Государственном совете).

Статс-секретарь Столыпин

12 марта 1909 года

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 395. Л. 16–18об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Речь идет о так называемой «сенаторской забастовке» в Финляндии. В марте 1909 г. несколько сенаторов во главе с вице-председателем хозяйственного департамента Сената Э. Ельтом подали в отставку, причем в своих прошениях выдвигали политические мотивировки — желание изменить порядок взаимоотношений финляндского Сената и императора. В частности, Ельт писал: «настоящий Сенат не пользовался успехом в своих стремлениях к изменению того порядка доклада финляндских дел Вашему Императорскому Величеству, который самым серьезным образом препятствует правильному и ненарушимому ходу финляндских законодательных и административных дел» (*цит. по: Обзор печати о Финляндии. — СПб., 1911. — С. 48*). В ответ на этот демарш 10 апреля 1909 г. состоялось Высочайшее повеление об увольнении в отставку всех его участников. Однако вскоре сенаторы судебного департамента во главе с его вице-председателем, а также прокурор Чильман последовали примеру своих коллег, в знак протеста против того, что император отказался рассмотреть прошение Сената об отмене порядка доклада финляндских дел, установленного правилами 20 мая 1908 г. Вице-председатель прямо заявил в прошении, что если не последует изменений в порядке доклада, то «для финляндского Сената, несомненно, окажется невозможным исполнять свои обязанности к удовлетворению Вашего Императорского Величества» (*Там же. — С. 50*). 29 мая и эта группа сенаторов была отправлена в отставку.

[2] **Бекман** Владимир Александрович — генерал от кавалерии, с 1906 г. находился в Гельсингфорсе в качестве командира 22-го корпуса и начальника «всех войск и крепостей, в крае находящихся»; летом 1907 г. и. д. финляндского генерал-губернатора в продолжение двухмесячного отпуска тогдашнего генерал-губернатора Н.Н. Герарда. Указом от 2 февраля 1908 г. назначен финлядским генерал-губернатором, 16 ноября 1909 г. освобожден от должности и назначен членом Государственного совета.

[3] **Зейн** Франц-Альберт Александрович (1862—1918) — с 1891 г. служил в Финляндии, занимая последовательно должности капитана в штабе Финляндского военного округа, старшего адъютанта мобилизационного отделения штаба. После того как Н.И. Бобриков в 1898 г. занял пост финляндского генерал-губернатора, был специально привлечен к работе по военной реформе, а в

1900 г. назначен директором канцелярии генерал-губернатора (оставался в должности до 1904 г.); генерал-майор. Затем гродненский губернатор, обратил на себя внимание П.А. Столыпина, который способствовал назначению его на пост помощника финляндского генерал-губернатора. Указом 16 ноября 1909 г. сменил В.А. Бекмана на посту финляндского генерал-губернатора, с производством в генерал-лейтенанты.

[4] **Бобриков** Николай Иванович (1839—1904) — генерал от инфантерии (1897), генерал-адъютант (1898), член Государственного совета (1900). В 1884—1898 гг. начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. С 17 августа 1898 г. финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа. Инициатор принятия Положения 3 февраля 1899 г. о порядке издания общегосударственных законов, которое резко ограничило права финляндского сейма и Сената. Провел указ 12 января 1899 г., запретивший назначение на должности сенаторов, губернаторов и начальников главных управлений лиц, не владевших русским языком. Добился введения русского языка в делопроизводство статс-секретариата и канцелярии генерал-губернатора, паспортной экспедиции, Сената, главных управлений и губернских правлений. Действия Бобрикова вызвали широкий протест финской общественности. По инструкции и Положению марта 1903 г. в руках Бобрикова была сосредоточена вся полнота власти и «особые полномочия». 3 июня 1904 г. был смертельно ранен в здании финляндского Сената выстрелом из револьвера; покушавшийся — сын бывшего финляндского сенатора Е. Шайман.

[5] 17 марта 1909 г. Совет министров под председательством П.А. Столыпина представил царю Положение об учреждении русско-финляндской комиссии для выработки проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. 28 марта Положение было утверждено царем. По рассмотрении представленных комиссией в Совет министров правил был составлен законопроект о порядке издания общегосударственных законов, который 14 марта 1910 г. был внесен в III Государственную думу; одобрен Думой 31 мая 1910 г. и 17 июня 1910 г. утвержден царем. Основная мысль проекта: законы и постановления, действие которых распространяется на Финляндию, в случаях, когда они относятся не только к ее внутренним делам, должны издаваться через общеимперские законодательные учреждения.

[6] **Витте** Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель, мемуарист, действительный тайный советник (1899), статс-секретарь (1896), граф (1905), почетный член Петербургской Академии наук (1893). В 1889—1892 гг. директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, активно содействовал постройке Великой Сибирской магистрали. В феврале-августе 1892 г. министр путей сообщения, проводил политику сосредоточения железных дорог в руках государства. С августа 1892 г. по август 1903 г. министр финансов, ориентировался на расширение вмешательства государства в экономику; ввел винную монополию (1894), провел денежную реформу (1897), реформу торгово-промышленного налогообложения (1898). Инициатор создания Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902—1905), его председатель. Отстаивал широкое привлечение земств к практической деятельности. Добился заключения Портсмутского мирного договора с Японией (1905). Под его руководством составлен манифест 17 октября 1905 г. С 19 октября 1905 г. до 22 апреля 1906 г. председатель Совета

министров. Вел переговоры о сотрудничестве с либералами, одновременно настаивал на ограничении прав Государственной думы и Государственного совета. После отставки отошел от активной политики, занялся публицистикой; критиковал действия П.А. Столыпина.

[7] **Унтербергер** Павел Федорович — генерал-лейтенант, с 1 октября 1888 г. до 27 мая 1897 г. губернатор Приморской области, с 28 мая 1897 г. до 18 ноября 1905 г. нижегородский губернатор, с 18 ноября 1905 г. до 1910 г. приамурский генерал-губернатор.

[8] **Трусевич** Максимилиан Иванович (1863—?) — юрист, с 1885 г. служил по судебному ведомству: с 1889 г. прокурор Рижского, затем Петербургского, с 1901 г. Новгородского окружных судов; с 1903 г. товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 13 июня 1906 г. по 9 марта 1909 г. директор Департамента полиции. С 1909 г. сенатор. 9 сентября 1911 г., по Высочайшему повелению, возглавил комиссию по расследованию действий Киевского охранного отделения и должностных лиц, участвовавших в организации охраны П.А. Столыпина во время киевских торжеств.

[9] **Офросимов** Александр Александрович — в звании камергера, действительный статский советник, с 14 ноября 1897 г. до 6 апреля 1909 г. калужский губернатор.

[10] **Извольский** Александр Петрович (1856—1919) — государственный деятель, действительный статский советник (1895). В 1875 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел: в1876 г. назначен на дипломатическую службу в Рим, в 1878 г. секретарь генерального консульства в Восточной Румелии, в 1879 г. генеральный консул, а в 1882 г. 1-й секретарь миссии в Бухаресте, в 1885 г. 1-й секретарь миссии в Вашингтоне, в 1894—1897 гг. министр-резидент при Папе римском, в 1897 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр сначала при короле Сербии, а затем при Баварском королевском дворе, в 1899—1902 гг. посланник в Японии, в 1903 г. посланник в Копенгагене. 24 апреля 1906 г. назначен министром иностранных дел; в 1907 г. заключил соглашение с Англией о разграничении сфер влияния в Персии и об Афганистане. В 1910 г. отставлен с поста министра, назначен послом в Париж. Член Государственного совета (1909—1917). В мае 1917 г. вышел в отставку, остался во Франции.

Письмо Николаю II

22 марта 1909 г.

Ваше Императорское Величество,

Отъезжая во всемилостивейше разрешенную мне отлучку, я считаю нравственным своим долгом довести до сведения Вашего Величества некоторые обстоятельства, имеющие отношение к предмету моего вчерашнего всеподданнейшего доклада.

Из беседы с пожелавшими меня видеть сегодня некоторыми политическими деятелями, между прочим, и крайне правого крыла Государственной думы, я убедился, что вокруг дела о мор-

ском Генеральном штабе[1] шумиха достигла размеров прямо колоссальных; о предмете и существе спора все забыли и говорят лишь о борьбе против настоящего правительства! Мои собеседники предупреждали меня о смущающем их «походе» против министерства, пристегнутом к настоящему делу. Из этого мне стало ясным, как учли бы широкие слои общества, как учла бы Россия первый пример неутверждения Вашим Величеством прошедшего через все инстанции законопроекта.

Имея в виду, что это повело бы и к возбуждению в Думе, при новом испрошении кредита в будущем году, споров о применении статьи 96 Основных законов и об объеме верховной власти, я не могу не предвидеть тех совершенно для меня непреодолимых и непосильных затруднений, которые создались бы фактом отклонения закона о штабе и сделали бы для правительства в настоящем его составе дальнейшее несение обязанностей невыполнимым.

Правильно и согласно видам Вашего Величества я в силах был бы направить это дело лишь путем правительственным, т. е. установлением раз навсегда твердой практики путем решения Совета министров, удостоенного Высочайшей санкции, но никак не возбуждением вновь принципиальных споров вокруг именно этого обостренного дела в Государственной думе.

Да едва ли в силах было бы вообще что-либо сделать правительство, в укор которому, в глазах общества, было бы поставлено преуменьшение прав верховного вождя армии и флота!

Простите великодушно, Государь, за представление этих мыслей на Ваше благовоззрение, несмотря на то, что Вы изволили решить не давать движения этому делу до моего возвращения, но я привык открыто все говорить Вашему Величеству и считал бы прямо бесчестным не высказать перед Вами всего, что думаю по делу, которое, помимо моей воли, приняло за время моей болезни весьма серьезный оборот.

Председатель Совета министров,
статс-секретарь Столыпин
22 марта 1909 года

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 395. Л. 19–20.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] 24 мая 1908 г. Государственная дума приняла законопроект о штатах морского Генерального штаба, однако Государственный совет, сославшись на то, что, утвердив штаты, Дума нарушила ст. 96 Основных законов (о прерогати-

вах верховной власти), его отклонила. П.А. Столыпин вновь внес законопроект в Государственную думу. 19 декабря 1908 г. Дума приняла его в прежней редакции. 19 марта 1909 г. законопроект 87 голосами против 75 был принят Государственным советом. Однако Николай II отказался утвердить законопроект. В связи с разгоревшимся конфликтом Столыпин в данном письме поставил вопрос о возможности своей отставки. В письме от 25 апреля 1909 г. император уведомил премьера о своем отказе утвердить проект о штатах морского Генерального штаба и одновременно категорически отверг право Столыпина на отставку. На следующий день Николай II подписал рескрипт на имя Столыпина, поручающий тому выработать (совместно с военным и морским министрами) правила, более четко разграничивающие права короны и законодательных палат в военных делах. Совет министров подготовил правила, утвержденные 24 августа царем, согласно которым была не только расширена компетенция верховной власти, но и вновь вводился отсутствовавший в Основных законах 1906 г. термин «законодательство» по отношению к акту верховного управления, являвшемуся после 1906 г. указом, а не законом. Сами правила, изменившие Основные законы, также были опубликованы в форме указа без санкции законодательных палат.

Телеграмма Николаю II

25 сентября 1909 г.

Телеграмма (шифрованная)
на имя Вашего Императорского Величества
от статс-секретаря Столыпина, отправленная из С.-Петербурга 25-го сентября 1909 г. в 3 ч[ас]. 10 м[ин]. ночи

Особое совещание по персидским делам, рассмотрев 23-го сего сентября вопрос о возможности уменьшить состав Тавризского отряда связи, с заключением по сему предмету нашего посланника в Персии, согласно предложению генерала Снарского[1], признает желательным немедленно отозвать две роты и полевую батарею, а в октябре – две роты и полуроту сапер. Тогда в Тавризе останется две роты военного состава, четыре сотни казаков, горная батарея и полурота сапер. Этот отряд Снарский ныне считает достаточным для обеспечения дороги и для безопасности русских и иностранных подданных в Тавризе и ближайших частях Азербайджана. На приведение означенной меры в исполнение всеподданнейше испрашиваю Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения.

Статс-секретарь Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 756. Л. 1.
На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

[1] Снарский – генерал-майор, начальник 1-й Кавказской стрелковой дивизии (штаб в г. Тифлисе).

Телеграмма Николаю II

27 сентября 1909 г.

Шифрованная телеграмма

Ливадия

Государю Императору.

Приемлю смелость доложить Вашему Величеству, что упразднение Сената и передача его полномочий генерал-губернатору обсуждались Советом министров, который полагал меру эту держать в резерве. При назревающем кризисе генерал-губернатор будет чувствовать себя сильнее, имея в руках послушный Сенат. При упразднении Сената мы дадим лишь повод и толчок к забастовке всех подчиненных ему экспедиций и главных управлений. При наличии законного Сената на забастовку теперь не решатся. Я уже рекомендовал генералу Бекману в качества сенаторов адмирала Вирениуса[1], адмирала Сильмана, полковника Крааца[2] и церемониймейстера графа Берга[3], о назначении которых генерал Бекман будет завтра по телеграфу всеподданнейше ходатайствовать. Эти лица готовы беспрекословно исполнять все веления Вашего Величества. Они составят в Сенате большинство и, после перечисления Сенатом в русскую казну 20-ти миллионов марок, теперешние сенаторы – старофинны могут быть уволены. Испрашиваю указаний Вашего Величества, соизволите ли одобрить этот план или изволите повелеть временно Сенат упразднить.

Статс-секретарь Столыпин

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 112. Л. 2–4.

На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

[1] **Вирениус** А.А. – адмирал, после обновления состава финляндского Сената весной 1911 г. занял должность начальника экспедиции торговли и промышленности.

[2] **Краа[т]ц** П.А. – полковник, инженер-механик флота, с 1911 г. занял в финляндском Сенате должность начальника экспедиции духовных дел.

[3] **Берг** Эрик – граф, церемониймейстер; потомственный финляндский дворянин. С 1911 г. начальник экспедиции путей сообщения в финляндском Сенате.

Телеграмма Николаю II

16 октября 1909 г.

Телеграмма (шифрованная)
на имя Его Императорского Величества
от председателя Совета Министров, отправленная из С.-Петербурга
16-го октября 1909 г. в 3 ч[ас]. 50 м[ин]. утра

Особым совещанием по персидским делам был рассмотрен возбужденный посланником в Тегеране вопрос об уменьшении

находящегося в Казвине русского отряда. Согласившись с мнением действительного статского советника Поклевского[1], Совещание нашло желательным осуществить эту меру до созыва меджлиса, чтобы не давать повода думать, что она предпринята нами под давлением со стороны последнего. Совещание полагает вывести в Россию весь отряд, оставив в Казвине лишь полсотни в виде конвоя при нашем временном консульстве в названном городе и разместив остальную часть входящего в состав отряда казачьего полка в Реште или Энзели, по соглашению между начальником отряда и генеральным консулом в Реште. На приведение в исполнение означенного мнения Совещания приемлю смелость испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения.

Подписано:
Председатель Совета министров,
статс-секретарь Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 756. Л. 3.
На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

[1] Возможно, Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович — в звании камергера, действительный статский советник, советник посольства в Лондоне, почетный попечитель Пермской гимназии.

Телеграмма Николаю II

21 октября 1909 г.

Телеграмма (шифрованная)
на имя Его Императорского Величества
от председателя Совета Министров, отправленная из С.-Петербурга 21-го октября 1909 г. в 11 ч[ас]. 45 м[ин]. пополудни

«Ввиду полученных тревожных известий об опасности, которой подвергаются наше консульство и русские подданные от осаждающих Ардебиль шахсевенцев[1], Совещание по персидским делам сочло неотложно необходимым немедля двинуть в Ардебиль отряд войск в составе, по усмотрению Наместника. Распоряжение, следствие крайней спешности, уже сделано, о чем приемлю долг всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству».

Статс-секретарь
Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 756. Л. 5.
На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

[1] Шахсевены — одна из этнографических групп азербайджанцев, живущих на Северо-Западе Ирана и частично на Юге Азербайджана. Начало образованию этой группы было положено в XVI в., когда шах Аббас I, с целью ослабить влияние племенных кызылбашских вождей, стал создавать специальную гвардию, вербовавшуюся из членов племенного объединения кызылбашей. Гвардия получила название шахсевены (азерб. шахысеван, букв. — любящие шаха). При Аббасе I шахсевенам были пожалованы земельные владения. В конце XIX в. большая часть шахсевенов перешла на оседлость. В годы иранской революции 1905—1911 гг. вожди шахсевенов выступали на стороне монархии.

Телеграмма Николаю II

23 октября 1909 г.

Телеграмма (шифрованная)
на имя Его Императорского Величества
от председателя Совета Министров, отправленная из С.-Петербурга 23-го октября 1909 г. в 3 ч[ас]. 55 м[ин]. утра

Ввиду полученных из Ардебиля тревожных известий об опасности, которой подвергается наше консульство и русские подданные от шахсевен, Совещание по персидским делам постановило, в дополнение к посланным в Ардебиль войскам, отправить туда немедленно отряд достаточной силы, для полного разгрома шахсевен и восстановления безопасности нашего консульства и русских подданных. Ввиду особой спешности дела, распоряжение Наместнику посылается вместе с сим по телеграфу, о чем приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству.

Председатель Совета министром статс-секретарь Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 756. Л. 6.
На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

Телеграмма Николаю II

16 июля 1910 г.

Телеграмма шифрованная
на имя Его Императорского Величества
из Колноберже от статс-секретаря Столыпина, отправленная 16-го июля в 10 часов попол[удни]

«Я имел счастье в Риге оставить Вашему Императорскому Величеству всеподданнейший доклад о ближайшем направлении финляндских дел, причем испрашивалось Высочайшее соизволе-

ние на созыв сейма 1-го –14-го сентября. Ныне финляндский генерал-губернатор объясняет, что, в случае промедления, созыв сейма окажется невозможным, ввиду недостатка времени для подготовительных работ. Вследствие этого приемлю долг испрашивать указаний Вашего Величества по сему предмету».

Статс-секретарь Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 956. Л. 1.
На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

В ответ П.А. Столыпину была направлена телеграмма от царя.
Радиотелеграмма
Станция радиотелеграфа Императорской яхты «Штандарт»
16 июля 1910 г.
Статс-секретарю Столыпину
Шифром
Доклад по финляндским делам мною одобрен и в воскресенье будет отослан статс-секретарю Коковцову.
Николай

(ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 956. Л. 2. На телеграфном бланке).

Телеграмма Николаю II

21 сентября 1910 г.

Телеграмма (шифрованная)
на имя Его Императорского Величества
от статс-секретаря Столыпина, отправленная из С.-Петербурга 21-го сентября 1910 года, в 1 час. 45 мин. ночи

Ознакомившись, по возвращении в С.-Петербург, с всеподданнейшим докладом о решении финляндского сейма об отказе от обсуждения дел в порядке общегосударственном, приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что, по мнению генерал-губернатора, разделяемому мною, составление такового сеймового акта без воздействия было бы истолковано как слабость имперской власти. Поэтому всеподданнейше ходатайствую о Высочайшем повелении министру статс-секретарю по делам Финляндии о роспуске настоящего сейма[1] и о новых выборах в установленный законом срок. Вместе с тем полагал бы необходимым обнародование Высочайшего повеления Совету министров о внесении непосредственно в Государственную думу законопроекта об уравнении русских подданных в правах с финляндскими гражданами и о денежных платежах взамен личной воинской повинности, ввиду отказа сейма сообщить по

означенным законопроектам свое заключение. Это исключит возможность возвратиться к этим вопросам следующему сейму и вернет его к текущей работе.

Подписал: Статс-секретарь Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 956. Л. 4. Машинопись.

В ответ П.А. Столыпину была направлена телеграмма от царя.

Телеграмма
22-го сентября 1910 г.

Статс-секретарю Столыпину, С.-П[етер]б[ург]

Передайте министру статс-секретарю по делам Финляндии мое повеление о роспуске сейма и о новых выборах.

Разрешаю обнародовать повеление Совету министров о внесении непосредственно в Госуд[арственную] думу указанных двух законопроектов.

Николай

(ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 956. Л. 5. На телеграфном бланке).

[1] 25 сентября 1910 г. финляндский сейм был распущен.

Письмо Николаю II

26 сентября 1910 г.

Ваше Императорское Величество.

Милостивые строки, которыми Ваше Величество меня осчастливили[1], заставляют меня нарушить покой, которым Вам, Государь, так редко приходится пользоваться.

Мысль Вашего Величества о рескрипте финляндскому генерал-губернатору, с предупреждением сейму, представляется мне весьма удобовыполнимою перед созывом нового сейма в феврале. Я думаю, что крепкое слово Вашего Величества может отрезвить часть финляндцев. Внушить финляндцам, что поворота в русской политике не будет, – это значит разрешить финляндский вопрос.

На днях будет представлен Вашему Величеству общий мой с А.В. Кривошеиным всеподданнейший отчет о нашей поездке.

Я говорю краткий, так как все поучительные впечатления наши и выводы заняли бы целые тома.

Общее мое впечатление более чем утешительное. После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический и нравственный подъем, которому сильно способствует и урожай двух последних лет.

Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Куландинска), которые два года тому назад признавались негодными для засе-

ления, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев – в общем, чудный и сильный колонизационный элемент. Прибавлю, элемент – крепко монархический, с правильным, чистым, русским миросозерцанием. «Мы верим в Бога, верим в Государя, просим: дайте нам церковь, дайте школу» – вот общий крик всех сибирских переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием Вашему Величеству, везде просили передать царю-батюшке о любви народной. Я уже телеграфировал об этом Вашему Величеству и прошу разрешить передать населению через губернаторов Высочайшую Вашу благодарность.

Но утешительное настоящее не должно заслонить от нас осложнений в будущем. А осложнения эти мы сами себе готовим: расточительно, даром, раздаем крестьянам, наравне с заемною землею, и землю, стоящую уже теперь до 100 рублей за десятину; искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности, в виде заимок; не подумали еще о насаждении частной земельной собственности там, где переселенец без заработков гибнет.

Все это и многое другое – вопросы срочно-настоятельные. Иначе бессознательно и бесформенно создастся громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую.

Впрочем, все наши предположения скоро будут представлены Вашему Величеству.

Бодро идет также землеустроительная работа и в поволжских губерниях, по которым мы проехали. Пока, конечно, брошены только зерна, и предстоит еще чрезвычайный труд. Но изменилась психология народная, между крестьянами появились уже апостолы землеустройства и земельных улучшений. Я видел членов первой Думы из крестьян-революционеров, которые теперь страстные хуторяне и люди порядка. И как Вы правы, Ваше Величество, как Вы правильно угадываете то, что творится в душе народной, когда пишете, что краеугольные для правительства вопросы – это землеустройство и переселение. Нужно приложить к этим двум вопросам громадные усилия и не дать им зачахнуть.

В городе много говорят о Кассо – это для всех большой знак вопроса. Говорят и о гибели капитана Мациевича[2]. Наши офицеры, действительно, достигли в области воздухоплавания замечательных результатов. Но мертвые необходимы! Жаль смелого

летуна, а все же общество наше чересчур истерично. В общем, все тут тихо и благополучно.

Дай Бог, чтобы лечение Ее Величества продолжалось так же успешно, как и началось, и помоги Господь Вашим Величествам вернуться на родину благополучно и в добром здравии.

Вашего Императорского Величества
верноподданный П. Столыпин
26 сентября 1910 г., С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1352. Л. 6–7об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 82–83.

[1] Это письмо — ответ на письмо Николая II от 22 сентября 1910 г.:

22 сент[ября] 1910 г.
Burg Friedberg
Петр Аркадьевич.

С удовольствием узнал о благополучном возвращении Вашем из интересной поездки по Сибири. Буду ожидать письменного доклада Вашего и Кривошеина по поводу всего виденного Вами и с предположениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устроительство переселенцев в Сибири — вот два краеугольные вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах — о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову.

Два слова о Финляндии.

Случилось то, что мы предвидели, — сейм отверг представленные ему для заключения законопроекты.

Поэтому мне приходит в голову следующие соображения. При покойном Бобрикове было два аналогичных случая. На имя генерал-губернатора был издан рескрипт с порицанием происшедшего, с пояснением моей точки зрения, с изъявлением моей воли относительно предстоящего направления данного вопроса и с напоминанием в конце рескрипта о сомнительной пользе дальнейшего существования или созыва сеймов.

Предлагаю издание подобного акта, как мысль. Если Вы ее найдете подходящею, разрешаю обсудить ее в Совете министров, в противном случае объясните письменно причину.

Итак, за мое отсутствие два министра ушло, Сазонов и неизвестный Кассо займут их места.

Дай Бог, чтобы они оправдали свое назначение.

Живем мы здесь спокойно. Лечение Ее Величество переносит хорошо, но оно еще далеко не кончено. Я много разъезжаю на моторе и знаю теперь окружающую местность не хуже Петербургской губернии. Что за дороги?!

До свиданья. Крепко жму Вашу руку.

Николай

(Красный архив. — 1924. — Т. 5. — С. 121—122).

[2] **Мациевич** Лев Макарович (1876—1910) — военный летчик, капитан корпуса инженеров-механиков флота. 22 сентября 1910 г. на празднике воздухопла-

вания П.А. Столыпин совершил полет на самолете «Фарман», которым управлял Мациевич. Полет продолжался 5 мин. 20 сек. Через два дня Мациевич погиб во время полета в результате технических неполадок, похоронен в Александро-Невской лавре.

Письмо Николаю II

20 ноября 1910 г.

Вследствие приказания Вашего Величества, приемлю долг доложить, что члены Совета по делам местного хозяйства[1], которые будут иметь счастие представляться Вашему Величеству во вторник, обсуждали в настоящую сессию три законодательные предположения министерства: 1) об организации кредита для городов и земств, 2) о мерах помощи населению в случае неурожая и 3) о земских гужевых дорогах.

Первый из этих вопросов весьма важен, так как городам и земствам весьма трудно осуществлять займы на предмет благоустройства и экономических улучшений – предполагается правительственный банк, который будет помогать им в этой трудной операции. Второй вопрос сводится к рассмотрению нового продовольственного устава, согласно которому «кормление» голодающего населения государством совершенно отпадает и заменяется для имущих – кредитом, для располагающих лишь мускульною силою – общественными работами, а для немощных – благотворительною помощью. Заведование этим делом предполагается передать земствам, которые, только в случаях всенародного бедствия, будут получать на этот предмет помощь от правительства.

Третий вопрос – о дорогах, заключается в установлении натуральной повинности и помощи земствам от государства на сооружение дорог, имеющих государственное значение.

В предыдущие сессии Совет рассмотрел законопроекты об управлении поселковом, волостном, уездном, губернском, о земстве в западных губерниях и многие другие, список которых при сем прилагается*.

Создан Совет для того, чтобы, прежде внесения министерских законопроектов в Государственную думу, их подвергнуть разбору, критике, исправлению со стороны местных людей, дабы проекты не были созданием одних чиновников, а получили жизненность.

---

* Список при письме отсутствует.

Должен засвидетельствовать перед Вашим Величеством, что учреждение это очень полезно, в нем дружно вместе работают чины министерств, губернаторы, предводители, городские головы и земские люди.

В обществе и печати Совет прозвали «Преддумье». В настоящем году кончается трехлетнее полномочие представителей в Совете от земств и городов.

После вторника останется работы на два—три дня, чтобы закончить продовольственный устав. Я боюсь, как бы, после представления Вашему Величеству, члены не начали разъезжаться, и потому было бы весьма полезно, если бы в отдельных разговорах Ваше Величество изволили высказать свое желание, чтобы работа эта была закончена.

Статс-секретарь Столыпин

20 ноября 1910 г.

ГАРФ. Ф. 610. Оп.1. Д. 1352. Л. 8–9.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 83–84.

[1] Совет по делам местного хозяйства был учрежден Положением от 22 марта 1904 г. в качестве структурного подразделения Министерства внутренних дел. В соответствии с планами тогдашнего министра В.К. Плеве и идеями помощника начальника Главного управления МВД по делам местного хозяйства С.Е. Крыжановского, Совет должен был стать инструментом для «привлечения к предварительной разработке мероприятий в области дел местного хозяйства местных деятелей, на долю которых выпадает их осуществление» (*РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 350. Л. 29*). В Совете должны были рассматриваться все законопроекты, подготовленные Министерством внутренних дел и касавшиеся местного самоуправления. В его состав должны были входить как чиновники министерств (прежде всего МВД, но также и министерств финансов, земледелия и государственных имуществ и т. д.), так и местные деятели, как правило, члены земских и городских собраний и управ, назначаемые министром внутренних дел. Решения Совета носили рекомендательный характер, но обязательно должны были быть присовокуплены к тексту законопроекта при внесении его в Государственный совет. Однако после убийства Плеве реализация идеи созыва Совета в этом виде была «приторможена». Первое заседание Совета состоялось 11 марта 1908 г. в здании Министерства внутренних дел на Морской улице. Затем Совет переехал в Мариинский дворец, где располагался Государственный совет. В первую сессию было внесено четыре законопроекта, для рассмотрения каждого из них из членов Совета была образована отдельная комиссия. В комиссии, как и в общее присутствие Совета, министерские чиновники входили наравне с местными деятелями, однако председательствовали в них последние. С 12 марта комиссии начали работать. Комиссия по поселковому управлению провела 11 заседаний, закончила работу 24 марта. Комиссия по выделению городов в самостоятельные земские единицы заседала 8 раз, также до 24 марта. Комиссия по волостному управле-

нию работала дольше всех — 17 заседаний до 31 марта. Комиссия по земской избирательной реформе провела 16 заседаний, закончила работу 30 марта. По итогам обсуждений каждая комиссия готовила доклад — своего рода рецензию на законопроекты. На обсуждение общего присутствия Совета по делам местного хозяйства вносились и конкретные поправки. Вариант, утвержденный общим присутствием, вносился министерством в законодательные учреждения, сопровождая сам законопроект. При Столыпине Совет собирался еще четырежды: осенью 1908 г., дважды осенью 1909 г. и осенью 1910 г. На этих сессиях по той же схеме, что и весной 1908 г., были рассмотрены следующие законопроекты: о преобразовании учреждений губернского управления, об уездном управлении, об участковом начальнике, о распространении Земского положения на белорусские, юго-западные и северо-западные губернии, Городового положения — на губернии Царства Польского, об организации кредита для городов и земств, о мерах помощи населению в случае неурожая, Устав земских гужевых дорог и другие. Столыпин выступал перед членами Совета каждый раз при открытии сессии и однажды принял участие в дискуссии. Открывая очередную сессию, он всегда обрисовывал круг задач, стоящих перед Советом, перечислял законопроекты, которые предстояло обсудить, и указывал, что лежит в их основе.

Письмо Николаю II

26 февраля 1911 г.

Ваше Императорское Величество.

Не могу не повергнуть на благовоззрение Ваше некоторые соображения, которые явились последствием выслушанного мною от Вашего Величества по поводу обер-прокурора Святейшего Синода.

Вашему Величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху и сознаю необходимость приставить к этому делу человека сильной воли и сильного духа. Поэтому всякую перемену в эту сторону я считал бы благом для церкви и России.

Но большою бедою было бы, если бы перемены в столь важной области, как церковная, общество связывало с политикою или партийностью! Поэтому весьма важен выбор минуты для таких перемен.

Между тем, вчера, по возвращении из Царского, я узнал, что в городе уже говорят об уходе С.М. Лукьянова[1] и толкуют это, как последствие мер, принятых им против иеромонаха Илиодора[2].

Сегодня я узнал, что иеромонах Илиодор приезжает завтра в Петербург. Несомненно, что, если уход обер-прокурора состоится теперь же, немедленно, то этот дерзновенный монах будет громко приписывать эту отставку себе. Так ее поймут все!

Я считаю самое направление проповеди Илиодора последствием слабости Синода и церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины.

Но при наличии факта, факта возвеличения себя монахом превыше царя, поставления себя вне и выше государства, возмущения народа против властей, суда и собственности, я первый нашел, что, если правительство не остановит этого явления, то это будет проявлением того, что в России опаснее всего, проявлением слабости...

Поэтому я Вашему Величеству неоднократно заявлял, что за действия по отношению к Илиодору, в период его открытого возмущения против Синода и даже Вашей царской воли, ответственен исключительно я. Это было известно и С.М. Лукьянову.

Если теперь вся видимость обстоятельства (хотя по существу это и не так) сложится таким образом, как будто С.М. Лукьянов отставлен за Илиодора, то совесть моя будет меня мучить, что я не отстоял его перед Вашим Величеством. Для государственного человека нет большего проступка и большего греха, чем малодушие.

Мое же самое глубокое и искреннее убеждение состоит в том, что интересам Вашего Величества в этом деле будет соответствовать лишь наличие общественного сознания, что решение Вашего Величества о замене обер-прокурора другим лицом принято вне зависимости от обстоятельств преходящих.

Поэтому я думаю, и мнение свое осмеливаюсь представить Вашему Величеству, что для выполнения угодной Вам перемены, без истолкований, спокойно, без возбуждения, желательно было бы выждать месяца два–три, до весны или начала лета.

Вашего Императорского Величества
верноподданный П. Столыпин
26 февраля 1911 г.

ГАРФ. Ф. 610. Оп.1. Д. 1352. Л. 10–11об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 84–85.

[1] **Лукьянов** Сергей Михайлович (1855–1935) – ученый-физиолог; заслуженный профессор (1917), тайный советник (1905). С 1886 г. экстраординарный (с мая 1889 г. ординарный) профессор общей патологии Варшавского университета, одновременно врач в Варшавском Александро-Мариинском девичьем институте. В 1894–1902 гг. директор Института экспериментальной медицины в Петербурге, автор ряда трудов по проблемам общей патологии. С апреля 1897 г. совещательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел, одновременно с декабря 1898 г. преподавал судебную медицину в Училище правоведения в Петербурге. С апреля 1902 г. товарищ министра народного просвещения, в октябре 1905 г. временноуправляющий министерством. Сенатор (1905), член Государственного совета по назначению (1906). С февраля 1909 г. обер-прокурор Синода, автор работ по проблемам взаимоотношения церкви и государства в России. Совместно с П.А. Столыпиным пред-

принял расследование деятельности Г.Е. Распутина, на основании которого Столыпин составил всеподданнейший доклад, но Высочайшего решения по нему не последовало. Тогда же по настоянию Столыпина и Лукьянова Синод принял постановление об удалении из Царицына иеромонаха Илиодора. Однако Илиодор вскоре самовольно вернулся в Царицын, а Лукьянов 2 мая 1911 г. был уволен с поста с оставлением членом Госсовета и сенатором.

[2] **Илиодор** (в миру Сергей Михайлович Труфанов) (1880—?) — иеромонах, один из лидеров черносотенцев. С 1905 г. член «Союза русского народа». С 1906 г. монах Почаевской лавры Волынской губернии. В 1908 г. переведен в Царицын, где в результате его деятельности Троицкое монастырское подворье приобрело репутацию центра черносотенной пропаганды. 20 января 1911 г. Синод, ввиду разных нарушений Илиодором церковной дисциплины, признал недопустимым дальнейшее пребывание Илиодора в Царицыне и назначил его настоятелем Новосильского монастыря в Тульской епархии. Илиодор отказался подчиниться этому распоряжению и заперся с громадной толпой в своем монастыре в Царицыне. Для «увещевания» Илиодора Синодом были посланы два архиерея, которым удалось его вызвать в г. Сердобск и на некоторое время задержать. Однако 9 марта он бежал в Царицын, объявил о своем неподчинении правительству и Синоду. В ответ на это Синод запретил Илиодору чтение проповедей. Однако ввиду выраженного в «высших сферах» желания, чтобы Илиодор был оставлен в Царицыне, 2 апреля Синод разрешил Илиодору совершать богослужения. Таким образом, Илиодор, действовавший при помощи Распутина и «тибетского врача» Бадмаева, одержал «победу», а обер-прокурор Синода Лукьянов вынужден был просить об отставке, которая, видимо, — согласно высказываемым в этом письме Столыпиным соображениям, — была временно отложена и состоялась 2 мая 1911 г.

Письмо Николаю II

После 17 марта 1911 г.

Вашему Императорскому Величеству на днях имеет быть представлен особый журнал Совета министров 17 марта сего года о прекращении временно-обязательных и зависимых отношений крестьян и поселян Закавказья. В этом журнале (стр. 18—20) сенатор Никольский[1] и присоединившийся к нему временно управляющий Министерством иностранных дел находят необходимым произвести выкуп у Эчмиадзинского монастыря за счет казны тиульных повинностей[2], в пользу чего высказалось также большинство членов Совещания сенатора Лыкошина[3], предварительно рассматривавшее вышеназванное дело.

Тиульная повинность есть пережиток от времен Персидского владычества и по существу является казенным сбором, от которого казна отказывалась в пользу владельца земель, на которых жили поселяне. Частным лицам тиул жаловался пожизненно, а для монастыря этот доход являлся вечным, пока монастырь существует. При присоединении края к России тиул был признан за вла-

дельцами и монастырские поселяне были освобождены от казенных и земских сборов.

По мнению большинства Совета министров, предположено пожизненный тиул у частных лиц выкупить, у монастыря же отменить его безвозмездно, с одновременным обложением монастырских поселян казенными и земскими сборами.

Крайне желательно утверждение мнения сенатора Никольского, так как *безмездная* отмена тиульных повинностей (стоящих приблизительно около 250 тыс. руб.) тяжело отзовется на материальном положении монастыря, а в то же время она является и принципиально несправедливой мерой, на которую Совет министров и не пошел по отношению пожизненных тиулистов — частных лиц, почему она может смутить умы религиозно настроенных армян, могущих объяснить ее исключительно желанием правительства утеснит их наиболее ценную святыню — Эчмиадзин, и тем до известной степени поколебать только что установившееся политическое спокойствие среди армянского населения Кавказа.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 423. Л. 5–6.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Никольский** Александр Петрович (1851–1918) — государственный деятель, тайный советник, сенатор (1906), член Государственного совета. С 18 января 1910 г. по 30 мая 1916 г. замещал кавказского наместника в законодательных установлениях.

[2] Тиульное право (от татарского «тиул» — пожалование, пожалованный) — в мусульманских странах право государства на $^1/_5$ часть урожая крестьянина, в отношении которого тиул представлял собой натуральную повинность. Русское правительство признало тиульное право после присоединения к России Эриванского ханства (1828), но впоследствии изданные 14 мая 1875 г. правила «Об изменении порядка получения тиульных доходов в Эриванской губернии» отменили тиульную повинность крестьян с назначением тем, кому предоставлялись до того тиульные доходы, пожизненной пенсии. Однако эти правила не получили практического применения в связи с трудностью переложения доходов от тиульной повинности крестьян Эриванской губернии на деньги. 17 марта 1911 г. в Совете министров в рамках вопроса «О прекращении временнообязательных и зависимых отношений крестьян-поселян к помещикам и землевладельцам в Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской губерниях» были рассмотрены разногласия, возникшие в межведомственном совещании, относительно выкупа надельных земель Эчмиадзинского монастыря. Суть разногласий сводилась к следующему. Представители Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия, отрицая за Эчмиадзинским монастырем юридического права на вознаграждение за выкуп тиульного дохода, считали возможным отменить тиульные повинности названного монастыря без всякого выкупа со стороны казны. В свою очередь представители Государственного контроля, учитывая затруднительное положение патриархата армяно-григорианской

церкви, наоборот, находили возможным выдать монастырю из казны, в качестве вознаграждения за отмену тиульной повинности, до 50 % выкупной ссуды, следующей монастырю за отмену дохода с надельных земель. Большинство же членов совещания полагало, что «лишать монастырь принадлежавшего ему за все время его существования тиульного дохода без всякого вознаграждения представляется несправедливым», потому «выкупные цены за надельные угодья монастыря, кроме виноградных садов, выкупаемых по капитализации денежного оброка из 6 %, должны быть назначены в полтора раза больше цен, установленных для прочих владельцев Эчмиадзинского уезда» (*см.: Особые журналы Совета министров России за 1911 год. – М., 2002. – С. 124*). Разногласия вызвал и вопрос об источнике покрытия расхода по выкупу монастырских земель. Меньшинство членов совещания настаивало на том, что выкуп должен быть произведен на средства поселян. Большинство же склонялось к тому, что издержки выкупа тиульной повинности у Эчмиадзинского монастыря, «составляющей $^{3}/_{30}$ урожая и 2 руб. 50 коп. с дыма, подлежат отнесению на средства Государственного казначейства и лишь остальная часть суммы, причитающейся за выкупные земли по капитализации ежегодного дохода монастыря, равняющаяся также $^{3}/_{30}$ части урожая, может быть возложена на средства поселян». Большинство членов межведомственного совещания также считало, что на счет казны должно быть отнесено вознаграждение за отмену денежной тиульной, а также существующих доныне некоторых натуральных повинностей поселян в пользу монастыря, исчисленное Советом наместника в 54 500 руб.» (*см.: Там же. – С. 124*). Обсудив изложенные сенатором Никольским разногласия, возникшие в межведомственном совещании, Совет министров «не нашел достаточного повода к выдаче монастырю за отмену тиульных повинностей особого вознаграждения, считая справедливым выкуп надельных земель приписанных к нему селений на принятых для прочих владельцев Эчмиадзинского уезда основаниях» (*см.: Там же. – С. 128*). Это решение Совета министров от 4 июня 1911 г. получило утверждение Николая II.

[3] **Лыкошин** Александр Иванович – чиновник Комитета по землеустройству, товарищ министра внутренних дел, член Совета министров (1908–1913), сенатор.

Письмо Николаю II

1 мая 1911 г.

Ваше Императорское Величество.

Вы изволили обратиться к моей совести, и я мучительно в эти дни передумал поставленный мне вопрос[1].

С одной стороны – упрек, который мне ставят некоторые, что я поддался личному чувству, чувству гнева, а главное – сомнение, что я непрошенною мерою мог поставить Ваше Величество в положение, неудобное по отношению к лицу, сослужившему Вам и России в 1905 году большую службу.

С другой стороны – государственная необходимость, спокойное течение государственных дел!

Начну с последнего. Когда Ваше Величество повелели мне остаться на моем посту, передо мною во весь рост встал вопрос о

непреодолимом препятствии на моем пути, в виде стены, которую я не могу сдвинуть с места. Я разумею искусственную обструкцию, создаваемую мне в Государственном совете. Неутомимая деятельность П.Н. Дурново[2] в этом направлении продолжится, несомненно, и впредь, что доказывается только что появившимся в печати памфлетом против правительства, вдохновленным, по общему отзыву, им.

Все это будет неистощимым источником для постоянного обеспокоения Вашего Величества, так как дела будут задерживаться в учреждении, которое, по природе своей, не должно этого делать.

Кроме этих двух сторон дела, есть еще третья – внешняя.

По моим сведениям, П.Н. Дурново уезжает завтра, в понедельник за границу. Через 2–3 недели сессия Государственного совета заканчивается. Следовательно, оказываемая ему милость не будет иметь реальных последствий. Мера будет понята поэтому лишь как демонстрация, доказательство какого-то нового поворота в политике. При разгоряченности, нервности и Думы и Государственного совета это поведет лишь к новым осложнениям и неприятностям, к колебаниям и по вопросу об окончательном принятии закона, проведенного по статье 87-й.

Поэтому, раз Ваше Величество изволили так милостиво дозволить мне высказать свое мнение не по намерению дела, а по летучей мысли, которая лишь промелькнула в голове Вашего Величества, я, чувствуя, с одной стороны, государственную свою ответственность перед Вами, Государь, а, с другой стороны, страшась заграждать от кого бы то ни было, хотя и политического противника, источник милости царской, осмеливаюсь высказать свое глубокое убеждение в том, что самое мудрое решение было бы отложить вопрос о милости до того времени, когда он естественно возникнет – при возобновлении занятий законодательных учреждений.

Вашего Императорского Величества
верноподданный П. Столыпин
1 мая 1911 г.

Простите, Государь, за смелость моего чистосердечного мнения, высказываемого мною по долгу службы и присяги, и верьте, что я менее всего хотел бы влиять на свободу Вашего решения.

ГАРФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1352. Л. 12–13.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – № 5–7. – С. 85–86.

[1] Письмо связано с историей об отклонении Государственным советом правительственного законопроекта о введении земства в шести западных губерниях. 4 марта 1911 г. Государственный совет (большинством 92 против 68) отверг правительственный законопроект. 5 марта Столыпин подал прошение об отставке; он согласился остаться на посту лишь при условии роспуска на три дня Государственной думы и Государственного совета и проведения законопроекта по ст. 87 Основных законов, а также «увольнения в отпуск» до 1912 г. членов Государственного совета П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова как инициаторов провала законопроекта.

[2] **Дурново** Петр Николаевич (1842—1915) — государственный деятель, сенатор (1893), действительный тайный советник (1906), статс-секретарь (1906). С 1881 г. управляющий судебным отделением Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел, ближайший помощник В.К. Плеве; после упразднения отделения (1893) вице-директор Департамента полиции. С июля 1884 по февраль 1893 гг. директор Департамента полиции, добивался расширения прав полиции. С февраля 1900 г. товарищ министра внутренних дел; руководил работой почты и телеграфа. С 23 октября 1905 г. управляющий Министерством внутренних дел, одновременно с октября член Государственного совета, лидер правой группы в Совете (1908—1915). В феврале 1906 г. был утвержден в должности министра внутренних дел (до 22 апреля 1906 г.). В марте 1911 г. за резкую оппозицию законопроекту П.А. Столыпина о введении земских учреждений в Западном крае отправлен в заграничный отпуск (вернулся в 1912 г.). Член «Русского собрания».

Раздел II

ПЕРЕПИСКА П.А. СТОЛЫПИНА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

1902

Письмо А.Э. Мейштовичу[1]

февраль 1902 г.

Многоуважаемый Александр Эдуардович.

Очень Вам благодарен за любезное письмо Ваше из Варшавы и надеюсь, что отдых после напряженной работы хорошо отзовется на Вашем здоровье.

Я теперь остался соломенным вдовцом, так как жена принуждена была уехать в Москву к серьезно заболевшей матери, хотя и дома больна старшая моя дочь.

Относительно дел нашего Общества[2] буду отвечать Вам по порядку.

Начнем с «Листка». Пропуск в смете о расходах на него произошел, конечно, по моей оплошности, но если припомните, мы все были вечером в Совете утомлены, Храповицкий[3] сказал, что смета у него будет готова только на следующий день и решено было, что Вы ее просмотрите с Храповицким перед внесением в Общее собрание и в Совете она не читалась. Ввиду спешности работы просто вопрос этот никому не пришел в голову и пропуск этот по-моему не имеет значения.

Гораздо серьезнее то, что, судя по смыслу Вашего письма, большинство в Совете будет против осуществления идеи «Листка», настаиваю на этом я один и дабы не насиловать мнения большинства, мне не следовало бы* категорически, без предварительных переговоров с каждым членом отдельно, ставить этот вопрос на баллотировку.

Вы даже как будто признаете наличность какого-то антагонизма между мною и остальными членами Совета, желания с моей стороны производить на них давление, так как советуете щадить Совет в трудные минуты. Извините, многоуважаемый Александр Эдуардович, но с такою постановкою вопроса я никак согласиться не могу.

В Совете, мне кажется, мы все работаем дружно, и при постановке вопросов прямо, без задних мыслей**, и разногласий между нами никаких быть не может.

Точно так же и в деле «Листка», если отбросить все постороннее, все теоретические*** соображения, совершенно напрасно вплетенные в дело, то вопрос предстанет настолько ясно, что никаких принципиальных прений и разномыслия возбудить он не может.

Врагов гласности и печатного слова в нашей среде, кажется, нет, и все соглашаются, что печатный орган имел бы громадное значение во всех почти отраслях деятельности Общества. Действительно, трудно себе представить успешную деятельность опытных полей, статистической комиссии, с[ельско]хоз[яйственной] выставки, бюро для найма служащих, дорожной комиссии и проч. без периодического органа, в котором сосредотачивались бы известия об этих предприятиях и происходил бы обмен мнениями относительно их деятельности.

Доказывать все это – enfoncer des ouvertes**** и несомненно, что, будь мы не в Ковне, а где-нибудь в Курске, то и возражений против «Листка» не поднималось бы.

Таким образом, все дело не в самом «Листке», а в том скрытом значении, которое некоторые ему придают.

Из Ваших слов в прошлом году я понял, что главное опасение состоит в том, чтобы «Листок» со временем, при последующих редакторах, не начал заниматься, вместо сельского хозяйства,

---

* Зачеркнуто: не должен.

** Зачеркнуто: мне кажется.

*** Зачеркнуто: посторонние.

**** ломиться в открытые двери (франц.).

уязвлением местного элемента из личных целей, далеко, конечно, не благовидных. Не говоря о том, что при теперешнем положении дел такое предположение незаслуженно и ничем не мотивируется*, оно отпадает еще потому, что «Листок» подчинен Совету, который дает ему направление, не потерпит бестактного ведения этого дела и может во всякое время прекратить его издание под предлогом финансовых или других соображений.

Наконец, такие опасения не существуют ни в Подольской, ни в Виленской губерниях, почему же в нашей несчастной губернии всякое благое начинание должно быть отравлено ядом подозрения?

Я знаю, что существует другое, более веское соображение. Это подцензурность издания. Ограничение это явилось новым козырем в руках противников «Листка»**. Но касается этот момент всего ближе одного меня. Моя обязанность устранять цензурные затруднения и не допускать в этом отношении никаких инцидентов. Мне кажется, что в этом отношении губ[ернский] пред[водитель] дворянства лицо достаточно авторитетное. В случае же неожиданных цензорских капризов Совет всегда может вернуться к прежнему способу печатания отчетов, докладов и проч.

Теперь, многоуважаемый Александр Эдуардович, прежде чем подводить итог всему сказанному, позвольте попросить Вас на одну минуту поставить*** себя на мое место. С одной стороны, хлопоты с изданием, новая работа, неприятности, а с другой**** приятное status quo и даже похвала коллег по Совету за отказ от поддержки почему-то неприятного им начинания И.Э. Гружевского[4].

Однако мне кажется, что и Вы, следуя чувству долга, приняли бы на себя тяготы и отвергли бы покой. Мне всегда представлялось, что мой долг по отношению к Обществу – не допускать***** в сферу его действий так называемой политики, то есть соображений, не имеющих отношения к прямым задачам Общества. В этом залог успеха его действий.

В обструкции же по отношению к «Листку» я явно вижу посторонние соображения.

---

* Зачеркнуто: и что желательно более доверчивое отношение местного элемента к правительству и обратно.

** Зачеркнуто: это, конечно, не есть причина новой оппозиции, существовавшей раньше, а удобный предлог.

*** Зачеркнуто: вообразить.

**** Зачеркнуто: стороны.

***** Зачеркнуто: исключать из.

Очевидно мне это и потому, что в разговорах по этому делу вне Совета я всегда старался соблюдать величайшую сдержанность, между тем вопрос о «Листке», конечно, уже со слов его противников, проник в широкие слои* публики, где прямо говорят, что «Листка» не будет из-за соображений**, ничего общего с сельским хозяйством не имеющих. Хотя у меня нет иллюзий насчет влияния моего, но каков бы ни был результат, обязанность моя, как предводителя, предупредить от совершения ложного шага. Вот почему даже страх черных шаров не заставит меня отступить в данном вопросе.

В Вашем письме есть простая, но прекрасная фраза: «нельзя же идти противу своих воззрений!». Примените ее ко мне, Александр Эдуардович. Я убежден, что действительная польза Общества – в издании «Листка»; я уверен, что оппозиция против него – ложный шаг и, наконец, я твердо верю в неверность*** взглядов тех, которые видят в «Листке» возможное орудие в будущем для нанесения вреда местному элементу.

Вы достаточно меня знаете, чтобы быть убежденным в нежелании с моей стороны создавать инциденты. Если суждено «Листку» провалиться, то, надеюсь, шума вокруг этого дела не будет. Оно будет иметь только глубокое поучительное воздействие на меня лично. Теперь же дело стоит так: в марте месяце думаю быть в Петербурге и узнаю, нет ли какой-либо возможности избавиться от цензуры. Вероятно, это уже трудно изменить. Во всяком случае, когда вопрос этот вылежится, я внесу дело**** в Совет, который пусть и разрешит его – подготовлять***** для этого почву я не буду, так как членам известно уже мое мнение.

Теперь перейдем ко второму вопросу – страховому. Я, конечно, нахожу, что привлечение генерала <фам. нрзбр.> к делу несомненно обеспечило бы ему успех и что лучшего председателя Наблюдательного комитета и придумать невозможно. Его согласие меня очень обрадовало бы. Насчет субсидий нашим инструкторам переговорю в министерстве.

Французские машины на конкурсе в Поневеже, конечно, желательны, но рекомендуемая Вами фирма <название фирмы

---

* Зачеркнуто: ковенской.

** Зачеркнуто: националистических.

*** Зачеркнуто: в то, что ложность.

**** Зачеркнуто: вопрос.

***** Зачеркнуто: разрешение.

нрзбр.>не пользуется по собранным справкам серьезною репутацией, а действует больше рекламою.

Не можете ли Вы узнать в Витебске, послан ли оттуда губернаторам ответ в страховой отдел? Мне бы желательно было узнать это до отъезда в Петербург, который предполагаем мною на 18 марта.

Что Вы думаете о предложенных министром на наше обсуждение в предстоящем сейме сельскохоз[яйственного] Совета вопросах относительно оживления с[ельско]х[озяйственных] обществ и учреждения за границею правит[ельственных] сельскохоз[яйственных] агентов для наблюдения за иностранными рынками.

Мне было бы крайне интересно знать Ваш взгляд на то, что желательно исходатайствовать в пользу обществ. Теперь благоприятный момент.

В Поневежский комитет переслано 800 руб. на огнестойкую постройку. Но кто этим займется? Ген. <фам. нрзбр.> в Англии. Я не желал бы фиаско в этом деле.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 214. Л. 1–4об.
Рукопись. Черновик. Автограф.

[1] Мейштович Александр Эдуардович (1864–?) – член правления Виленского земельного банка, член Государственного совета по избранию от землевладельцев Ковенской губернии (1909–1910, 1913), группа коло. Член Особого совещания по продовольствию (1915).

[2] Речь идет о ковенском Обществе приобретения и сбыта предметов сельского хозяйства (в Кейданах), председателем которого являлся П.А. Столыпин.

[3] Храповицкий А.А. – директор-распорядитель ковенского Общества приобретения и сбыта предметов сельского хозяйства (в Кейданах).

[4] Гружевский Иван Эдуардович – дворянин, член Шавельского уездного по чиншевым делам присутствия от землевладельцев, председатель Куршанского ссудо-сберегательного товарищества Шавельского уезда Ковенской губернии.

Письмо А.А. Савинскому[1]

17 июня 1902 г.

17 июня 1902 г.

г. Ковно

Многоуважаемый Александр Анастасьевич,

Вернувшись сюда на два дня, нашел Ваше сердечное, теплое письмо, которое доставило мне большое удовольствие.

Позвольте и мне, с своей стороны, пожелать Вам и многоуважаемой Авдотье Варламовне всех благ, здоровья и успеха в

Ваших начинаниях и особенно в Ваших неусыпных заботах о Братстве. Жена с детьми еще заграницею, и я ей передам Ваш поклон и привет.

В августе надеюсь приехать проститься с милыми нашими ковенскими знакомыми. Пока прошу Вас верить в совершенное мое уважение и преданность.

П. Столыпин

Мой поклон Вашему сыну.

ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4149. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Савинский Александр Анастасьевич — статский советник, член Виленского отделения Государственного Дворянского земельного банка от дворян Ковенской губернии, почетный мировой судья Ковенского судебного округа, член Ковенского православного Свято-Николаевского братства.

Письмо И.А. Кузьмину[1]

6 ноября 1902 г.

Многоуважаемый

Иван Аполлонович.

Сделайте мне удовольствие отобедать у меня завтра запросто в четверг в 6 часов вместе с приехавшим из Вильны составом судебной палаты.

Примите уверение в совершенном уважении моем и преданности.

П. Столыпин

6 ноября 1902 г.

Гродно

РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Д. 525. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Кузьмин Иван Аполлонович — статский советник, прокурор Ковенского окружного суда,

Письмо И.А. Кузьмину

30 ноября 1902 г.

Многоуважаемый

Иван Аполлонович.

Очень желал бы переговорить с Вами по одному дельцу. Всю эту неделю и днем и вечером был занят Комитетом о нуждах с[ельско]хоз[яйственной] промышленности, а сегодня дело ох-

ранительней*, так что заехать к Вам днем также не могу. Был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы заглянули ко мне на минутку сегодня до часа, а если это неудобно Вам, то не сочтете ли Вы возможным позвонить мне из номера в телефон, посредством которого мы переговорили бы.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

30 ноября 1902 г.

Гродно

РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Д. 525. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому[1]

2 декабря 1902 г.

Милостивый Государь
князь Петр Дмитриевич.

Первого сего декабря гродненский полицмейстер г. Гордынский[2] подал в отставку. Как я уже докладывал Вашему Сиятельству, причиною отставки является утомление после 35 лет службы, из которых последние 19 лет г. Гордынский прослужил по полиции. Зная его с самой хорошей стороны, как человека вполне честного и порядочного, чему доказательством служит полное отсутствие у него личных средств, я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, не сочтете ли Вы возможным в бытность свою в Петербурге подкрепить своим веским словом ходатайство мое о награждении г. Гордынского пенсией в полном размере получаемого им содержания. Официальное представление мое будет на этих днях представлено Вашему Сиятельству.

В бытность мою в Вильне забыл также исполнить просьбу бывшего товарища моего по Ковенской губернии, шавельского уездного предводителя дворянства А.Н.Яхонтова[3], который взял с меня слово, что я доложу Вам о надежде его быть награжденным при отставке чином действительного тайного советника.

Я согласился дать ему это обещание ввиду ссылки его на то, что я знаком был с его деятельностью как губернский предводитель дворянства и знал, что ковенский губернатор сделал Вам соответственное представление.

---

* Так в тексте.

Г-на Яхонтова я считаю вполне порядочным, добросовестно трудящимся и глубоко честным человеком; ему по каким-то соображениям необходимо заручиться чином при отставке и я был бы очень счастлив узнать, что Вы согласились осуществить его мечту.

Копию записки моей о введении земского управления в Северо-Западном крае[4], которую Вам угодно было получить, высылаю завтра.

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство принять уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга П. Столыпин

2-го декабря 1902 г.

г. Гродно

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

На это письмо была наложена следующая резолюция кн. П.Д. Святополк-Мирского: «Прошу включить в записку для памяти, которая будет мне дана при поездке в Петербург. Письмо же прошу мне вернуть завтра».

[1] **Святополк-Мирский** Петр Дмитриевич (1857—1914) — князь, генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии по Генеральному штабу (1913). С 1895 г. пензенский губернатор, с 1897 г. екатеринославский губернатор. С 1900 г. командующий Отдельным корпусом жандармов, в том же году назначен товарищем министра внутренних дел (с оставлением в занимаемой должности по корпусу жандармов). В мае 1902 г. возглавил Центральный статистический комитет; в сентябре того же года назначен виленским и гродненским генерал-губернатором. Министр внутренних дел с 26 августа 1904 г., уволен от службы 18 января 1905 г.

[2] **Гордынский** Георгий Николаевич — коллежский советник, с 1892 г. полицмейстер в Гродненской губернии.

[3] **Яхонтов** Алексей Николаевич — статский советник. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 1894 г. шавельский уездный предводитель дворянства

[4] В начале XX в. в правительственных кругах обсуждался вопрос о введении земства в западных губерниях. Учитывая преобладание в этих губерниях польских помещиков, правительство, сомневаясь в их лояльности, не хотело распространять на данную территорию общеземское Положение 1890 г. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин предложил ввести т. наз. «упрощенное» земское самоуправление, согласно которому земские гласные должны были назначаться губернатором. После убийства Сипягина 2 апреля 1902 г., в день назначенного обсуждения его проекта в Государственном совете, новый министр внутренних дел В.К. Плеве разослал проект на обсуждение местных «сведущих лиц», среди которых по долгу службы оказался и П.А. Столыпин. В своей докладной записке, направленной Плеве, он сделал ряд интересных выводов, обобщений. Во-первых, он подчеркнул, что свою главную задачу «эксперта» видит в том, чтобы оценить главные основания проекта «не с точки зрения административной их приемлемости и удобства, а тех результатов, каковыми реформа эта отразится на всем укладе местной жизни». Во-вторых, он дифференцированно подошел к ответу на вопрос о земских глас-

ных, разделив его на три пункта: 1) следует ли вообще вводить в земские комитеты гласных из местных жителей; 2) следует ли их назначать или избирать и 3) предоставить ли им право решающего голоса или только совещательного. Давая положительный ответ на первый вопрос, Столыпин высказался категорически против проведения земских выборов, ибо они в данной конкретной ситуации противостояния «русской и польской культур» приведут не к гражданскому миру, а, наоборот, к обострению борьбы и создадут «нездоровую атмосферу» в крае. Вместе с тем он считал неприемлемым и назначение гласных, ибо они не будут пользоваться авторитетом среди населения и неизбежно превратятся в пассивных наблюдателей. В поисках правильного решения Столыпин обращал внимание Плеве на порядок избрания присяжных заседателей для окружных судов. Имея десятилетний опыт руководства уездной комиссией по составлению списков заседателей, он убедился на практике, что среди местного населения они пользуются авторитетом и никто не считает их фиктивными представителями. На этом основании он полагал, что именно межведомственные уездные комиссии способны обеспечить «умный подбор» земских гласных. Для придания авторитета гласным они должны утверждаться министром внутренних дел. Акцентируя внимание на составе земских гласных, Столыпин высказал мысль о необходимости обязательного введения: во-первых, нескольких крестьян («по мотивам экономическим и политическим»); во-вторых, нескольких еврейских гласных, ибо они могут «дать хорошие практические советы». Что касается третьего вопроса, то, по мнению Столыпина, гласные, избранные авторитетной комиссией и утвержденные министром, должны пользоваться правом решающего голоса в земских делах (*РГИА. Ф. 1162. Д. 68. Л. 1–4*). Записка свидетельствует о неординарности взглядов П.А. Столыпина, его четкой и определенной общегосударственной позиции. Несмотря на то что замечания Столыпина не были учтены при доработке проекта Положения об управлении земским хозяйством в девяти западных губерниях, ставшего законом 2 апреля 1903 г., записка была замечена Плеве, который вскоре предложил ее автору занять должность гродненского губернатора.

1903

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому

3 февраля 1903 г.

Многоуважаемый Государь
князь Петр Дмитриевич.

Только что приехал из Петербурга и телеграфировал Вам в Вильну, но на всякий случай пишу и в Ковну, чтобы не вышло ошибки, так как мне было бы очень неприятно, если бы Вы от-

ложили свое посещение Гродно. При этом прошу Вас принять мою сердечную благодарность за Ваше письмо от 2 февраля, которое меня глубоко тронуло.

О результате разговора моего с В.К. Плеве[1] подробно доложу Вам в Гродне, которую покидать для меня настоящее горе.

С чувством искренней преданности

Ваш покорнейший слуга П. Столыпин

3 февраля 1903 г.

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Плеве фон Вячеслав Константинович (1846—1904) — действительный тайный советник (1896); государственный деятель. С 1867 г. на службе в Министерстве юстиции: занимал должности товарища прокурора во Владимирском, затем Тульском окружных судах, прокурора в Вологде, товарища прокурора Варшавской судебной палаты, прокурора Петербургской судебной палаты. В 1881—1884 гг. директор Департамента полиции Министерства внутренних дел, одновременно входил в Особую комиссию для составления проекта преобразования местного управления под руководством М.С. Каханова. С 1884 г. сенатор и товарищ министра внутренних дел. С января 1894 г. государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Государственном совете. В 1899 г. назначен и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, а в 1900 г. утвержден в этой должности. Возглавлял комиссию по пересмотру Устава о фабричной и заводской промышленности. С апреля 1902 г. министр внутренних дел. Убит эсером Е.С. Сазоновым.

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому

23 февраля 1903 г.

Милостивый Государь
князь Петр Дмитриевич.

Считаю долгом своим, помимо официального представления, донести Вам частным образом о белостокских событиях, так как некоторые побочные обстоятельства не могут найти места в официальной переписке.

Дело в том, что после выяснения на месте вице-губернатором всей картины происшедших беспорядков, на место в Белосток выехал начальник губернского жандармского управления и прокурор окружного суда для производства дознания о виновности задержанных лиц в государственном преступлении. Так как в Белостоке все было уже спокойно и делу был дан законный ход, я

выехал на два дня в деревню для того, чтобы закончить перед выездом из Гродно свои дела по имению.

Вернувшись в пятницу днем, я к изумлению своему узнал, что полковник Бекнев[1], привлекши, по соглашению с прокурором, 4 лиц по обвинению в государственном преступлении, всех остальных предложил полицмейстеру выпустить и привлечь по 38 ст. Улож[ения] о наказаниях[2].

Я немедленно вызвал к себе полковника Бекнева и из разговора с ним и прокурором убедился, что прокурор давал свое заключение исключительно с юридической точки зрения, совершенно оставив в стороне вопрос об административной репрессии. Полковник же Бекнев, видимо, совершенно упустил из виду существование в Белостоке положения усиленной охраны. Объясняет он свое распоряжение тем, что оно не служило препятствием полицмейстеру оставить своей властью под стражею задержанных лиц, тем более, что в своем предложении полицмейстеру об аресте он добавил, «если к тому не встретится препятствий», но переложить в данном случае ответственность на полицмейстера я не считаю возможным, так как он не имел права не исполнить предложения начальника жандармского управления, действовавшего по соглашению с прокурором.

Во всяком случае, как только я узнал об освобождении арестованных, я немедленно распорядился снова их арестовать и в субботу приказал лично явившемуся ко мне белостокскому полицмейстеру немедленно вернуться в Белосток и приложить все свое старание к успешному выполнению этого моего приказания, после чего ждать окончательного распоряжения относительно арестованных, долженствующего воспоследовать со стороны Вашего Сиятельства.

Я считал невозможным медлить и потому распорядился, не сносясь предварительно с Вашим Сиятельством, полагая, что предварительный арест не предрешит постановления Вашего по этому делу.

Телеграмма А.Н. Харузина[3] с требованием текста обязательного постановления, а затем Ваша телеграмма, категорически разрешающая вопрос о наказании, успокоила меня в этом отношении.

Теперь я с нетерпением ожидаю телеграмму полицмейстера о том, удался ли ему арест, так как выпущенные на свободу зачинщики беспорядка могли уже исчезнуть из Белостока, ввиду же шабата арест должен был быть произведен в воскресение на рассвете. Как только получу известие, донесу Вашему Сиятельству телеграммою.

Все дело это в глазах моих не имеет большой важности – это выходка молодых, нахальных жиденят; они будут продолжаться, но при наличности громадного в Белостоке гарнизона они не опасны. Опасным я считаю, однако, потакание еврейской молодежи к беспорядкам посредством безнаказанности и дискредитирования действий полиции.

На прокурора окружного суда подействовали неблагоприятно при дознании поправки, которыми снабжал полицмейстер показания своих подчиненных, и затем то обстоятельство, что после задержания в театре зачинщиков беспорядка полицмейстер, войдя в комнату, в которой они были заперты, скомандовал «на колени», и когда корреспондент Щербаков отказался исполнить это требование, лично прибегнул к силе. Полицмейстер же показывает, что Щербаков сам бросился на него и он его лишь устранил.

Все это совершенно частные сведения, нигде не зарегистрированные.

Причина, побудившая полковника Бекнева к снисходительности по отношению к производившим беспорядки заключается, по моему мнению, в его предположениях о том, что это соответствует «веяниям Департамента полиции».

С своей стороны я нахожу, что меры строгости, принятые Вашим Сиятельством, безусловно необходимы и будут иметь прекрасное воздействие на население. Так как полицмейстером были переписаны и некоторые рабочие, бросавшие камни в полицию, то я приказал ему арестовать и их для представления Вашему Сиятельству о наложении на них наказания за нарушение обязательного постановления. Буду только ходатайствовать в представлении своем об установлении некоторой градации в сроке наказаний, соответственно степени виновности задержанных.

Кроме сего, усердно прошу, не найдете ли Вы возможным объявить в «Виленском вестнике»[4] благодарность полицмейстеру Метленко[5] за распорядительность и усердие.

Его личная отвага и храбрость, безусловно, достойны похвал, что касается его башибузукских приемов после прекращения беспорядков, то я ему уже объявил, что они, безусловно, недопустимы. Тут распустили слухи, что Метленко будет наказан за произведенные выстрелы в воздух, что евреев всех высшее начальство приказало освободить и теперь вследствие сего агитаторы из рабочих подняли голову и распространяют слухи о том, что в начале марта будут новые демонстрации. Может быть упоминание о беспорядках в благодарности излишне, но если Вам угодно

будет печатно удостоить Метленко благодарности за его ревностную службу и распорядительность, это будет громовым ударом для агитаторов.

Спешу отправить письмо на поезд и потому прошу извинения за его бессвязность.

Надеюсь в субботу быть у Вашего Сиятельства по дороге в Петербург и откланяться, так как в пятницу желал бы, если ничего не задержит, быть в Ковне на заседании сельскохозяйственного общества и в тот же вечер выехать в Вильну, где пробыть сутки и подробно доложить Вам перед сдачею должности о всех текущих делах.

Покорнейше прошу принять уверение в отличном моем к Вам уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга П. Столыпин

Воскресенье 23 февраля 1903 г.

г. Гродно

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 9–12.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Бекнев** Александр Николаевич – полковник; начальник губернского жандармского управления Гродненской губернии.

[2] Согласно ст. 38 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, «продолжение заключения в тюрьме определяется ... по мере вины следующим образом,

Степень 1. На время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев.

Степень 2. На время от четырех месяцев до восьми месяцев.

Степень 3. На время от двух месяцев до четырех месяцев» (*см.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1873*).

[3] **Харузин** Алексей Николаевич (1864–1932) – государственный деятель. С 1902 г. управляющий канцелярией виленского генерал-губернатора; с 1904 г. бессарабский губернатор; с 1908 г. товарищ директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел; с 1911 г. директор Департамента общих дел МВД и товарищ министра внутренних дел. Сенатор (1913).

[4] «Виленский вестник» – ежедневная общественно-политическая и литературная газета Северо-Западного края, издавалась в 1841–1917 гг. в Вильно, а с октября 1915 г. в Гомеле. Редактор-издатель в 1901–1903 гг. П.Г. Бывалькевич, в 1903–1907 гг. В.А. Чуликов. С 1 февраля 1904 г. газета имела два ежедневных выпуска, во втором печатались телеграммы и вести о войне. С 28 июня 1915 г. выходил «Вечерний Виленский вестник».

[5] **Метленко** Петр Устинович – надворный советник; белостокский полицмейстер.

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому

27 февраля 1903 г.

Глубокоуважаемый Петр Дмитриевич.

Сердечно благодарен Вам за письмо и за приглашение отобедать у Вас в субботу. К сожалению, обстоятельства так складываются, что я не могу ехать в Ковну, а, следовательно, и в Вильне не буду в субботу. Надеюсь выехать в Вильну в понедельник, в крайнем же случае придется представиться Вам уже на обратном пути из Петербурга. В субботу и воскресенье (идет пьеса «На дне») у нас ожидают уличных демонстраций здесь в Гродне, но я полагаю, что ничего не будет. Во всяком случае, с понедельника сдаю должность В.Д. Лишину[1] и уезжаю в Петербург прямо или через Вильну.

Вчера донес Вам о дополнительных арестах в Белостоке лиц, бросавших камни в полицию. По сведениям самого жандармского управления, вторичные аресты выпущенных лиц в Белостоке очистили там воздух. К сожалению, 8 лиц скрылось.

Я не могу считать Метленко ответственным за освобождение арестованных, так как он на месте возражал полковнику Бекневу, и тогда последний сказал, что пришлет бумагу из Гродна после совещания с губернатором. Между тем Бекнев не обождал моего возвращения (всего 1 день), а Виктору Дмитриевичу [Лишину] лишь сообщил словесно о своем решении. Подробно же доложу Вам лично. Пользуюсь случаем, чтобы просить Вас принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга
П. Столыпин
27 февраля 1903 г.
Гродно

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 13.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Лишин** Виктор Дмитриевич — камергер, статский советник. С 17 апреля 1899 г. до 29 апреля 1905 г. гродненский вице-губернатор, почетный мировой судья Гродненского уезда. Товарищ председателя гродненского местного управления Российского общества Красного Креста, председатель гродненского отдела Российского общества покровительства животным, председатель Общества взаимного вспомоществования учащимся и учившимся в начальных народных училищах Гродненской губернии.

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому

28 февраля 1903 г.

Секретно

Милостивый Государь
князь Петр Дмитриевич.

Покидая Гродненскую губернию, считаю нравственным долгом своим доложить Вашему Сиятельству о том, какие я имел предположения относительно дальнейшего служебного движения некоторых должностных лиц и замещения некоторых вакансий земских начальников при введении этого института в Гродненской губернии.

Прежде всего, не могу не обратить внимание Вашего Сиятельства на правителя моей канцелярии кн[язя] А.В. Оболенского[1]. Близко ознакомившись с его нравственными и служебными качествами за время управления мною губернией, я могу смело аттестовать его за честного, добросовестного и способного труженика, с интересом относящегося к работе, получившего прекрасное воспитание в патриархальной, чисто русской, дворянской семье и вполне подготовленного к занятию самодеятельной и ответственной должности. Имея вместе с тем в виду, что кн[язь] Оболенский получил высшее образование и что в здешнем крае крайне важно вводить в непосредственное соприкосновение с местным землевладельческим элементом представителей администрации, воспитанных в традиции порядочности, я уже позволил себе ходатайствовать лично перед Вашим Сиятельством, вследствие чего смею надеяться, что служба кн[язя] Оболенского будет поощрена осуществлением тех надежд, которые были мною поданы ему при назначении на должность правителя.

В канцелярию мою младшим помощником правителя был мною приглашен молодой человек, также кончивший курс университета, с тем, чтобы подготовить его к занятию должности земского начальника. Это губернский секретарь Писарев[2], лично мне известный с очень хорошей стороны, почему я считал бы его вполне подходящим кандидатом на указанную должность.

Мною лично было также доложено Вашему Сиятельству, что состоящие при мне чиновниками особых поручений гг. Петерсон[3] и Алябьев[4] приняли эти должности при кн[язе] Урусове[5] ввиду предполагавшегося в то время введения в скором времени в губернии института земских начальников и кн[язь] Урусов, пе-

редавая мне должность, сообщил мне, что им были обоим названным лицам обещаны места земских начальников. Вследствие сего я был бы крайне признателен, если бы Ваше Сиятельство сочли возможным устроить их на указанную или другую соответствующую должность.

Переходя к гг. посредникам, я считаю необходимым письменно доложить Вашему Сиятельству в подтверждение словесной моей рекомендации, что мировой посредник Сокольского уезда г. Ушаков[6] по служебным и личным своим качествам вполне достоин заменить г. Обручева[7] в качестве Волковысского уездного предводителя дворянства. Затем все лица, назначенные на должности кандидатов к мировым посредникам, подбирались мною из разряда могущих с успехом занять должности земских начальников.

Кроме них и местных православных землевладельцев, выразивших соответственное желание, списки которых в настоящее время приводятся в порядок через гг. уездных предводителей дворянства, мною из посторонних были намечены отлично мне рекомендованные земский начальник Минской губернии г. Мореншильдт[8] и служащий в Лесном департаменте г. Звонарев.

Обращался ко мне также сын местного православного землевладельца г. Никотин, кончивший курс университета и состоящий кандидатом на судебные должности при Минском окружном суде. Не зная его лично, я тем не менее полагаю, что он имеет право на занятие просимой должности.

О всех вышеназванных лицах мною будет оставлена также памятная записка моему заместителю М.М. Осоргину[9].

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Ваш покорнейший слуга
П. Столыпин
28 февраля 1903 г.
г. Гродно
№ 728

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 5–7. Машинопись.

[1] **Оболенский Алексей Васильевич** — князь, титулярный советник; правитель канцелярии гродненского губернатора. Позднее чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Организатор Рабочей партии «Союза 17 октября» в Петербурге, член ЦК «Союза 17 октября».

[2] **Писарев Петр Александрович** — младший помощник правителя канцелярии.

[3] **Петерсон** фон Александр Карлович — коллежский асессор; старший чиновник особых поручений при гродненском губернаторе, наблюдавший за типографиями, литографиями и т. п. заведениями, а также за книжной торговлей в Гродненской губернии.

[4] **Алябьев** Борис Иванович — коллежский асессор; младший чиновник особых поручений при гродненском губернаторе.

[5] **Урусов** Николай Петрович (1864—1918) — князь, действительный статский советник. С 3 февраля 1894 г. до 24 марта 1895 г. председатель правления Томской губернии. С 24 марта 1895 г. до 22 января 1901 г. вице-губернатор Владимирской губернии, с 29 января 1901 г. до 28 апреля 1902 г. гродненский губернатор; шталмейстер (1906), сенатор (1907). С 3 марта 1908 г. до 1917 г. — екатеринославский губернский предводитель дворянства. Член Государственного совета от екатеринославского земства (1912—1915).

[6] **Ушаков** Александр Иванович — отставной поручик, мировой посредник 1-го участка Сокольского уезда Гродненской губернии, член сокольского отделения Епархиального училищного совета.

[7] **Обручев** Сергей Николаевич — штабс-ротмистр, с 1899 г. предводитель дворянства Волковысского уезда Гродненской губернии, член волковысского отделения Епархиального училищного совета.

[8] **Мореншильд[т]** фон Сергей Александрович — надворный советник, земский начальник 6-го участка в Случском уезде Минской губернии.

[9] **Осоргин** Михаил Михайлович (1861 — после 1920) — в 1890—1898 гг. земский начальник и калужский уездный предводитель; в 1903—1905 гг. гродненский губернатор; в 1905—1906 гг. тульский губернатор.

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому

15 марта 1903 г.

Глубокоуважаемый
князь Петр Дмитриевич.

Согласно выраженному Вами желанию, сообщаю Вам все, что может Вас интересовать из здешних новостей:

1) Внешняя история манифеста[1] такова — 25 февраля Государь потребовал к себе В.К. Плеве и передал ему основные положения манифеста для окончательного редактирования и опубликования 26-го. Плеве позвал к себе Любимова[2], Лопухина[3] и Мордвинова[4], и они сидели взаперти 4 часа, пока из-под их пера не вышла эта работа, достойная ученика 1-го класса. О манифесте Плеве знал смутно раньше, но предполагал, что он будет опубликован в Москве в первый день Пасхи.

2) Закулисная сторона манифеста менее выяснена. Уверяют, что Государь составлял его с моряком флиг[ель]-ад[ъютан-

том] гр[афом] Гейденом[5]. Несомненно, что у Государя бывал и Мещерский[6]. В Петербурге никто ясного отчета себе не отдает в значении манифеста и недоумевает.

3) Первое последствие манифеста – решение Государственного совета простить все недоимки, числящиеся по круговой поруке за крестьянами (около 100 миллионов), причем недоимки крестьян земству по земскому сбору (что-то около 30 миллионов) казна берет на себя и возмещает земству. О сложении недоимок будет манифест в Москве в первый день Пасхи.

Мне сказал сегодня утром Плеве, предупреждая, что всякое взыскание недоимок теперь не должно иметь место, но прибавил «никому об этом не говорите».

4) Много говорят о грустных событиях в Томске и Уфе[7]. В последнем городе во время фабричных беспорядков одним залпом много народа убито и ранено. В Томске же приказчики и мещане перебили массу студентов во время их шествия с красным флагом.

Настроение в Петербурге обычное. Заседают и болтают без конца. Спешу на поезд и поэтому заканчиваю письмо. У гр[афа] С.Д. Шереметева[8] был, но не застал его.

Позвольте мне еще раз выразить Вам искреннейшее сожаление мое, что так мало времени удалось мне прослужить под Вашим начальством и покорнейше просить Вас принять уверение в глубоком моем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга
П. Столыпин
15-го марта 1903 г.
С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 15–16.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Имеется в виду манифест 26 февраля 1903 г. В нем обосновывалась необходимость укрепить начала веротерпимости, улучшить имущественное положение православного сельского духовенства, направить деятельность Дворянского и Крестьянского банков на укрепление благосостояния дворянства и крестьянства, приступить к пересмотру законов о сельском состоянии в губернских совещаниях с участием общественных деятелей, причем иметь в виду, сохраняя неприкосновенность общинного землевладения, облегчить выход из общины желающим отдельным крестьянам. Отменить круговую поруку, преобразовать губернское и уездное управление, чтобы «земские нужды удовлетворялись трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью, пред нами строго ответственной», и чтобы «общественное управление сблизилось с деятельностью приходских попечительств при православных церквах» (*3 ПСЗ. – Т. 23. – № 22581*).

[2] **Любимов** Дмитрий Николаевич (1864—1942) — с 1902 г. начальник канцелярии министра внутренних дел; с 1906 г. виленский губернатор; с 1912 г. директор Департамента государственных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия; с 1913 г. товарищ главноуправляющего канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений; с 1914 г. сенатор, помощник варшавского генерал-губернатора.

[3] **Лопухин** Алексей Александрович (1864—1928) — действительный статский советник (1903). Однокашник П.А. Столыпина по орловской гимназии. С 1886 г. служил по судебному ведомству. В 1890—1893 гг. товарищ прокурора Рязанского, в 1893—1896 гг. — Московского окружных судов; в 1896 г. участвовал в расследовании причин Ходынской катастрофы. В 1896—1899 гг. прокурор Тверского, в 1899—1900 гг. — Московского, в 1900—1902 гг. — Петербургского окружных судов. В феврале-мае 1902 г. прокурор Харьковской судебной палаты, проводил следствие по делу о Полтавско-Харьковских крестьянских волнениях 1902 г. 9 мая 1902 г. назначен и. д. директора Департамента полиции, утвержден в должности 6 мая 1903 г. В декабре 1903 г. представлял Министерство внутренних дел в Совещании для подготовительных работ по пересмотру существующих законов о евреях. Расследовал причины Кишиневского погрома 1903 г., а также действия в ходе его местных властей. Содействовал назначению С.В. Зубатова начальником особого отдела Департамента полиции. 2 марта 1905 г., вскоре после убийства великого князя Сергея Александровича, смещен с поста директора Департамента полиции и назначен эстляндским губернатором. Во время еврейского погрома 15 октября 1905 г. в Ревеле разрешил создавать рабочую милицию. В Петербурге сочли его действия недопустимыми и потребовали подать в отставку, однако Лопухин отказался; 8 ноября 1905 г. по Высочайшему повелению уволен с должности без прошения и пенсии. В письме П.А. Столыпину (июнь 1906) сообщал о фактах провокаторской деятельности Департамента полиции. 13 июля 1906 г. окончательно уволен от службы. В 1906—1909 гг. занимался адвокатурой. В сентябре 1908 г. подтвердил В.Л. Бурцеву факт сотрудничества Е.Ф. Азефа с Департаментом полиции. Факт выдачи Азефа стал известен властям, по требованию Столыпина 18 января 1909 г. арестован и предан суду особого присутствия Правительствующего Сената, приговорен к 5 годам каторги, которая заменена лишением всех прав состояния и ссылкой на 5 лет в Сибирь. В феврале 1913 г. помилован Николаем II. С 1913 г. вице-директор Сибирского торгового банка в Москве, в 1916 г. сотрудничал с Международным коммерческим банком (Петроград).

[4] **Мордвинов** Николай Львович — в 1902—1908 гг. директор канцелярии Министерства внутренних дел по делам дворянства.

[5] **Гейден** Александр Федорович — граф, флигель-адъютант, капитан 1-го ранга гвардейского экипажа, начальник Императорской главной квартиры, затем контр-адмирал свиты, начальник военно-морской походной канцелярии, помощник начальника Главного морского штаба; в 1916 г. произведен в вице-адмиралы.

[6] **Мещерский** Владимир Петрович (1839—1914) — князь, писатель, журналист, издатель, общественный деятель; камергер (1869). Убежденный монархист. Входил в ближайшее окружение наследника престола великого князя Александра Александровича (будущий император Александр III), в 1866 г. сопровождал его в поездке по стране. В 1873 г. цесаревич, по настоянию жены и

великих князей, формально прекратил отношения с Мещерским. Сотрудничал в журнале «Русский вестник», газетах «Московские ведомости» и «Русский инвалид»; публицист охранительного направления. В 1872—1878 гг. издавал консервативную газету-журнал «Гражданин», возобновил издание с 1882 г. В 1876 г. подал в отставку с придворной службы и поступил в Министерство народного просвещения «без жалованья». В 1881 г. издатель-редактор журнала «Добро». В мае 1883 г. восстановил личные отношения с императором Александром III; пользовался большим влиянием при дворе. Его салон посещали И.А. Вышнеградский, И.Д. Делянов, С.Ю. Витте и др. видные государственные деятели. В 1887—1894 гг. издавал газету «Воскресенье», в 1894—1896 гг. газету «Русь». С воцарением императора Николая II влияние Мещерского упало, но в январе 1902 г. он был вновь приближен ко двору и фактически стал одним из ближайших советников царя. Выступал с проектами ряда реформ (крестьянской, губернского управления, народного образования). С конца 1903 г. наметилось охлаждение в отношениях Николая II и Мещерского, закончившееся разрывом осенью 1904 г. В 1903—1904 гг. редактор журнала «Дружеские речи». В марте 1905 г. один из руководителей «Союза русских людей».

[7] Имеется в виду расстрел рабочих в Златоусте (Уфимская губ.) 13 марта 1903 г. или так называемая «златоустовская бойня». По приказу уфимского губернатора Н.М. Богданова войска расстреляли толпу рабочих-стачечников оружейного завода, выступавших за освобождение арестованных уполномоченных, выбранных для переговоров с администрацией. По сведениям газеты «Искра», было убито 69 и ранено 250 человек. Согласно же официальным данным, 45 чел. погибли и 83 — были ранены.

[8] Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918) — граф, общественный деятель, историк; флигель-адъютант (1881), обер-егермейстер Двора (1903). С 1877 г. председатель Общества любителей древней русской письменности; почетный член Академии наук (1890); председатель Археографической комиссии (1900—1917). В 1885—1889 гг. московский губернский предводитель дворянства. Член Государственного совета (с 1900).

1904

Письмо графу Д.А. Олсуфьеву[1]

6 июня 1904 г.

Саратов

Дорогой граф Дмитрий Адамович,

Вы нас совсем забыли, а мы часто про Вас вспоминаем и теперь готовим уже второй отряд — уполномоченного при нем нет, а старшим врачом идет Ф.Ф. Йордан[2].

Все внимание саратовцев приковано теперь, конечно, к театру войны, а ваши бюллетени прервались, почти не начинаясь. Только Лухманова[3], которую Вы прикормили конфектами, поместила в газетах скверную корреспонденцию про наш Саратовский отряд[4]. Я уже хотел Вам телеграфировать, чтобы Вы ее выгнали.

Если Вы не перестали интересоваться Саратовом, то могу сообщить Вам, что заседания крестьянского комитета прошли благополучно, левая держала себя корректно, чрезвычайное земское собрание было бурное. В общеземскую организацию помощи раненым (которая запрещена в дальнейшем развитии) выбрали Львова[5] и московского Шипова[6].

Уваров[7] вызвал на дуэль графа Орлова-Денисова[8], но тот публично перед ним извинился[9]. Уваров продал свой дом и уезжает в Петербург – все уверены, что получает важное место.

У нас благополучно прошла мобилизация трех уездов: взяли массу земских начальников – Оболенский[10] и Яблонский[11] щеголяют в форме прапорщиков запаса. Сейчас уезжаю в Камышин в Царицынский уезд.

Моя belle-mere*, Мария Александровна[12], скончалась, и жена моя очень удручена.

Тут, в Саратове, все по-прежнему, и душок прежний, а почтеннейший А.Д. Юматов[13] совсем под давлением людей более сильных, чем он. В члены губ[ернской] з[емской] управы выбрали Малышева[14].

Я лично страстно жду успеха нашего оружия, столь заслуженного нашими воинами (но не интеллигентами). До сохранит Вас Господь. Пишите.

Преданный Вам П. Столыпин

ОПИ ГИМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 58. Л. 132–133.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862–1937) – граф, в звании камер-юнкера, статский советник; общественный деятель. В 1894–1903 гг. предводитель дворянства Камышинского уезда Саратовской губернии, одновременно в 1894–1895 гг. председатель уездной земской управы; в 1902–1904 гг. председатель Саратовской губернской земской управы. Депутат губернского дворянского собрания от Камышинского уезда, гласный губернского земского собрания по избранию от Камышинского уезда. Вице-председатель саратовского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, председатель Саратовской ученой архивной комиссии, председатель со-

* мать жены, теща (франц.).

вета саратовского Общества сельского хозяйства. Один из основателей кружка «Беседа». Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. работал на Дальнем Востоке в Российском обществе Красного Креста. С 1905 г. член «Союза 17 октября», глава саратовского отдела партии; член ЦК с 1906 г. В 1906—1917 гг. член Государственного совета по выборам от саратовского земства. В 1915 г. примкнул к Прогрессивному блоку. Входил в Совет объединенного дворянства.

[2] **Йордан** Федор Францевич — доктор медицины, титулярный советник. Практикующий врач в Саратове, преподаватель школьной гигиены в саратовской женской гимназии Министерства народного просвещения, почетный член Саратовского губернского попечительства детских приютов.

[3] **Лухманова** (урожд. Байкова) Надежда Александровна (1840—1907) — писательница, журналистка; сотрудничала в «Правде», «Петербургских новостях», «Новом времени»; автор рассказа «Двадцать лет назад» (1894), очерков сибирской жизни «В глухих местах» (1895).

[4] Имеется в виду саратовский санитарный отряд Российского общества Красного Креста, уполномоченным при котором был Д.А. Олсуфьев.

[5] **Львов** Николай Николаевич (1867—1944) — общественный деятель, крупный землевладелец. В 1892—1900 гг. предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губернии, почетный мировой судья. С 1893 г. земский губернский гласный. В 1899—1902 гг. возглавлял Саратовскую земскую управу. Активный участник земского либерального движения, член кружка «Беседа». Один из создателей «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов»; участвовал в заседаниях земских съездов 1904—1905 гг. Входил в депутацию земцев к императору Николаю II 6 июня 1905 г. Один из создателей конституционно-демократической партии в 1905 г., был избран в ее ЦК в 1906 г. Депутат I Государственной думы от Саратовской губернии, однако, не принимая позиции, занятой кадетами в Думе, вышел из состава кадетской фракции и из партии. Один из создателей Партии мирного обновления в июле 1906 г. Депутат II—IV Государственной думы, товарищ председателя IV Думы. В 1906—1907 гг. поддерживал контакты с П.А. Столыпиным, участвовал в переговорах о создании коалиционного кабинета. В 1912 г. один из основателей Партии прогрессистов.

[6] **Шипов** Дмитрий Николаевич (1851—1920) — общественный деятель. В 1891—1893 гг. председатель Волоколамской уездной земской управы, в 1893—1904 гг. председатель Московской губернской уездной управы. Инициатор проведения многих земских совещаний: председателей земских съездов (с 1893), председателей губернских земских управ (с 1896), а также земских съездов. Член кружка «Беседа». В 1905 г. участвовал в организации «Союза 17 октября», в 1905—1906 гг. председатель ЦК партии. В 1906 г. после заявления А.И. Гучкова о необходимости военно-полевых судов вышел из партии и присоединился к Партии мирного обновления; с 1907 г. председатель ЦК партии. В 1906—1909 гг. член Государственного совета от московского земства. В 1911 г. отошел от политической и общественной деятельности. Скончался в Бутырской тюрьме.

[7] **Уваров** Алексей Алексеевич (1859—1913) — граф, сын известного археолога А.С. Уварова; землевладелец Саратовской губернии, гласный Саратовского губернского земского собрания от Вольского уезда. Делегат II съезда «Союза 17 октября» от саратовского Союза землевладельцев монархистов-конституционалистов. Депутат III Государственной думы от Саратовской губернии.

[8] **Орлов-Денисов Василий Петрович** — граф, коллежский регистратор, гласный губернского земского собрания от Вольского уезда Саратовской губернии, помощник уездного предводителя дворянства Вольского уезда, гласный уездного земского собрания Вольского уезда, член попечительного совета женской гимназии Министерства народного просвещения.

[9] Конфликт возник из-за того, что А.А. Уваров на заседании губернского земского собрания неосторожно назвал земских гласных неблагонадежными.

[10] **Оболенский Николай Васильевич** — князь, чиновник особых поручений при саратовском губернаторе. В мае 1904 г. был мобилизован на фронт. С 1 июля 1908 г. чиновник особых поручений в Министерстве внутренних дел, нес личное дежурство при министре, коллежский секретарь.

[11] **Яблоновский Сергей Александрович** — коллежский асессор; член Саратовского губернского правления.

[12] **Нейгардт** (урожд. Талызина) Мария Александровна (1831—1904) — мать жены П.А. Столыпина.

[13] **Юматов Александр Дмитриевич** — статский советник; гласный Петровского уездного земского собрания, Саратовского губернского земского собрания от Петровского уезда, председатель Саратовской губернской земской управы; член судебного присутствия Петровского уезда. Член совета саратовского отдела Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию, председатель правления Общества взаимного вспомоществования учащимся и учившимся в начальных народных училищах Саратовской губернии, член саратовского Епархиального училищного совета.

[14] **Малышев Борис Андреевич** — гласный Саратовского губернского земского собрания от Петровского уезда, член уездного судебного присутствия Петровского уездного съезда, гласный уездного земского собрания.

1906

Письмо В.И. Вернадскому[1]

7 мая 1906 г.

Многоуважаемый Государь
Владимир Иванович.

Немедленно приказал доложить себе дело Каменецких и сделаю все возможное в пределах справедливости и возможности.

Очень Вам благодарен, что Вы обратили внимание мое на столь исключительный случай и жалею, что не виделся с Вами, тем более, что, как мне кажется, мы были с Вами в Пет[ербургском] университете не только одновременно на одном факультете, но и на одном курсе.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

7 мая 1906 г.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1576. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Вернадский** Владимир Иванович (1863—1945) — ученый, общественный и политический деятель; основатель геохимии, профессор Московского университета, академик Петербургской Академии наук (1912). Ректор Московских высших женских курсов (с 1905), один из основателей и членов московского бюро Академического союза. Активный участник земского движения, член «Союза освобождения». На I съезде кадетской партии в октябре 1905 г. избран в ЦК. Член Государственного совета в 1906 и 1907—1911 гг. В 1909 г. один из создателей университета им. А.Д. Шанявского. В 1917 г. выехал на Украину и в 1918 г. возглавил Академию наук Украины.

Телеграмма М.Н. Шрамченко[1]

17 мая 1906 г.

Телеграмма

Нижний Новгород

Губернатору

Комитет нижегородской группы конституционно-демократической партии сообщил, что Ваше Превосходительство не разрешаете Общих собраний членов группы.

Так как партия исполнила пункт седьмой указа 4 марта, представив своевременно устав к регистрации, группа является закономерно действующей и имеет право созывать общие собрания членов, если не воспоследует каких-либо изменений при регистрации устава партии[2].

Подп[исал:] Министр внутренних дел Столыпин

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 125. Л. 19.
На телеграфном бланке. Рукопись.

[1] **Шрамченко** Михаил Николаевич — действительный статский советник, с 10 февраля 1907 г. до 23 августа 1910 г. нижегородский губернатор. С 6 июля 1902 г. до 25 июля 1906 г. владимирский губернатор.

[2] Именным Высочайшим указом 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» общественные организации, образованные до обнародования этого указа, обязывались в трехнедельный срок со для обнародования указа подать заявления об утверждении устава общества или союза. В особых случаях министр внутренних дел мог продлить срок подачи заявлений до

шести недель. Члены ЦК кадетской партии, учрежденной на I съезде в октябре 1905 г., С.А. Муромцев и В.Д. Набоков внесли в Министерство внутренних дел ходатайство о разрешении созыва 21 апреля 1906 г. съезда Партии народной свободы (конституционно-демократической) в С.-Петербурге и о продлении, до созыва съезда, срока подачи заявления об утверждении устава партии. Министром внутренних дел П.Н. Дурново срок подачи заявления был продлен до 17 апреля 1906 г., проведение съезда разрешено, однако предложено сообразовать срок съезда с указанным предельным сроком подачи заявления об утверждении устава. 14 апреля 1906 г. проект устава партии, с правом открытия отделений, был предъявлен петербургскому градоначальнику для регистрации. По Временным правилам 4 марта 1906 г. проект должен был быть рассмотрен, в течение месяца, в особом городском по делам об обществах присутствии, в составе, определенном для местных особых по городским делам присутствий, под председательством градоначальника (по ст. 13 Городового положения 1892 г.). Однако уже 9 марта 1903 г. петербургский градоначальник возбудил вопрос о неправомерности образования особого присутствия по Городовому положению 1892 г., т. к. оно было заменено новым законом о петербургском городском общественном управлении от 8 июня 1903 г., на основании которого особое по делам города присутствие имело в столице иную организацию, в частности, председательствование возлагалось не на градоначальника, а на лицо, назначавшееся высочайшей властью. Министр внутренних дел представил спорное дело в Правительствующий Сенат. 12 мая 1906 г. последовало сенатское определение, подтвердившее, что состав петербургского по делам об обществах присутствия должен был устанавливаться на основании не Положения 1892 г., а Положения об общественном управлении С.-Петербурга от 8 июня 1903 г., ст. 10. Министерство внутренних дел, не согласившись с вынесенным решением, вернуло проект определения обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего Сената. Повторное рассмотрение дела в Сенате было намечено на конец сентября. Задержка в формировании петербургского по делам об обществах присутствия негативно сказалась на деятельности партийных и общественных организаций на местах, в том числе отделений кадетской партии. Так, 5 и 9 мая 1906 г. соответственно в МВД поступили телеграммы от председателя нижегородского комитета кадетской партии Г. Килевейна и председателя ЦК партии кн. П.Д. Долгорукова с сообщением о запрещении нижегородским губернатором собраний партии в Нижнем Новгороде и с просьбой сделать соответствующие указания местным властям о разрешении беспрепятственного проведения собраний партии.

Письмо В.И. Вернадскому

18 мая 1906 г.

Многоуважаемый
Владимир Иванович.

Только что мною подписано распоряжение об освобождении обоих братьев Каменецких.

Очень рад, что удалось сделать вам приятное.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин
18 мая 1906 г.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1576. Л. 2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо барону Э.Ю.Нольде[1]

21 мая 1906 г.

Милостивый Государь
барон Эммануил Юльевич.

В письме за № 182, Ваше Превосходительство, сообщая о возбужденном, через Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, правлением Бакинского Армянского человеколюбивого общества ходатайстве о восстановлении действия устава 21-го мая 1864 г. сего общества, отмененного согласно Высочайше утвержденному 26 марта 1898 г. Положению Комитета министров, просите заключения Министерства внутренних дел по этому ходатайству.

Из рассмотрения обстоятельств настоящего дела видно, что по уставу 1864 г., восстановления действий которого добивается ныне Армянское человеколюбивое общество, – это частное учреждение, имея, главным образом, характер просветительный, пользовалось некоторыми существенными льготами, состоявшими в том, что деятельность общества, будучи распространена (§ 2) на всю Империю, была освобождена от правительственного контроля, причем, согласно § 55 устава, общество освобождено было даже от представления своих отчетов правительственным установлениям.

Полагая, что привилегии, данные в 1864 году названному обществу во время его учреждения, могли иметь некоторое основание ввиду новизны дела и слабого развития в крае частного почина в области благотворительности и просвещения, я нахожу, что в настоящее время, при установившихся требованиях, предъявляемых к подобным обществам, перечисленных, между прочим, и в законе 4-го марта сего года, предоставление частному просветительно-благотворительному предприятию каких-либо преимуществ, не основанных на законе, не может быть ничем оправдано.

Вследствие этого, не видя никаких решительно оснований к восстановлению действий прежнего устава, я полагаю, что пре-

образование деятельности Бакинского Армянского человеколюбивого общества могло бы последовать лишь в порядке законоположения 4-го марта сего года об учреждении обществ и союзов.

Пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать Вашему Превосходительству совершенное мое уважение и истинную преданность.

П. Столыпин
21 мая 1906 г.
№ 3677

РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 95. Л. 8–9.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

[1] Нольде Эммануил Юльевич (1854—1909) — юрист, государственный деятель, действительный тайный советник (1908), статс-секретарь (1904). Член Государственного совета (с 1906). В 1902—1906 гг. управляющий делами Комитета министров, с 13 апреля 1905 г. заменял наместника Его Императорского Величества на Кавказе в заседаниях высших государственных установлений, представлял наместника по делам, вносимым на рассмотрение министерств и главных управлений.

Письмо А.П. Извольскому

12 июня 1906 г.

Многоуважаемый Александр Петрович,

Я знал, что за мною серьезная недоимка по отношению к Вам, но не хотел сообщать Вам не совсем проверенные сведения относительно Белостока[1].

Оттуда только что вернулся Фриш[2], — было несколько сложно, клевета так ужасна и умела, что я вероятно только завтра вечером подпишу Вам письмо с изложением сути дела.

Постараюсь и сам заехать к Вам, чтобы посвятить Вас в подробности.

Искренне уважающий Вас и преданный
П. Столыпин
12 июня 1906 г.

ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] 1—3 июня 1906 г. в г. Белостоке Гродненской губернии произошли погромы в отношении еврейского населения. 9 июня во время обсуждения думского запроса о белостокских событиях член социал-демократической фракции

И.И. Рамиашвили огласил проект резолюции фракции, в котором содержались резкие обвинения в адрес министра внутренних дел П.А. Столыпина в инициировании правительственными агентами погрома. Для подробного ознакомления с ситуацией в Белосток была направлена думская комиссия в составе М.П. Араканцева, Е.Н. Щепкина, В.Р. Якобсона, которая после встречи с представителями белостокской общественности подтвердила отдельные факты участия «правительственных агентов» в организации погромных действий. Позднее эти факты были опровергнуты Столыпиным.

[2] **Фриш** Владимир Эдуардович (1863—?) — в звании камергера, статский советник, с 28 апреля 1894 г. до 18 января 1900 г. ярославский вице-губернатор. Член совета министра внутренних дел (1905), управляющий продовольственной частью империи (1909). Петербургский вице-губернатор (1915), сенатор.

Письмо И.Л. Горемыкину[1]

16 июня 1906 г.

[Глубокоуважаемый Иван Логгинович,]

Считаю своим долгом уведомить Вас срочно, что кн[язь] Касаткин-Ростовский[2] открыто везде рассказывает, что Вы ему сообщили о том, что мемориею Совета представлено Государю о необходимости роспуска Думы.

Я боюсь, как бы такие слухи не встревожили преждевременно общественное мнение, а в Думе не укрепилась позиция левых.

Я поэтому счел долгом предупредить Вас о нескромности Ваших собеседников.

Извините за причиненное беспокойство, но полагаю лучшим осведомлять Вас обо всем происходящем. Прошу Вас верить в искреннее мое к Вам уважение и глубокую преданность.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1233. Л. 1.
На бланке «Министр внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Горемыкин** Иван Логгинович (1839—1917) — государственный деятель. В 1866 г. плоцкий вице-губернатор, в 1869 г. келецкий вице-губернатор. В 1882 г. назначен и. д. товарища обер-прокурора 1-го департамента Сената, в 1884 г. — обер-прокурором 2-го департамента Сената. В 1891—1894 гг. товарищ министра юстиции. С 1894 г. сенатор и управляющий межевой частью. В 1895 г. товарищ министра внутренних дел, затем министр (до 1900). Член Государственного совета с 1899 г. 21 апреля 1906 г. назначен председателем Совета министров, сменив на этом посту С.Ю. Витте; занимал антидумские позиции. Уволен по прошению в июле 1906 г., с оставлением членом Государственного

совета и Сената. В январе 1914 г. вновь назначен на пост председателя Совета министров, в январе 1916 г. заменен Б.В. Штюрмером.

[2] **Касаткин-Ростовский** Николай Федорович (1848—1908) — князь, камергер, действительный статский советник. С 8 февраля 1890 г. до 11 февраля 1893 г. предводитель дворянства в Курской губернии. Член Кружка дворян, член Отечественного союза, один из создателей организации Объединенных дворянских обществ. Один из лидеров отделения «Союза русского народа» в Курской губернии. Уполномоченный курского дворянства на съездах Объединенных дворянских обществ, товарищ председателя его Постоянного совета (1906—1908). Член Государственного совета от курского земства, правая группа (1906).

Письмо А.П. Извольскому

24 июня 1906 г.

Многоуважаемый Александр Петрович,

Я нахожу, что Вам необходимо переговорить с членами Государственного совета — из центра Алексеем Оболенским[1] (Дворц[овая] наб., дом Жеребцова) и Хомяковым*[2], из правой — с Ал[ександром] Алексеевичем Нарышкиным[3] и Гончаровым[4]. Иначе у Вас не будет целостности впечатления.

Преданный Вам

П. Столыпин

Забыл Ф. Самарина[5], олицетв[оряющего] Москву.

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 42. Л. 3.

Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Оболенский** Алексей Дмитриевич (1855—1933) — князь, государственный деятель. В 1897—1901 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1902—1905 гг. товарищ министра финансов. Член Государственного совета (с 1905), сенатор.

[2] **Хомяков** Николай Алексеевич (1850—1925) — общественный и государственный деятель. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. состоял уполномоченным Российского общества Красного Креста при Кавказской армии. В 1880—1886 гг. сычевский уездный предводитель дворянства, в 1886—1896 гг. смоленский губернский предводитель дворянства. В 1896—1902 гг. директор Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. Член Государственного совета с 1906 г. Депутат II—IV Государственной думы; председатель II Думы до марта 1910 г. Входил в «Союз 17 октября».

[3] **Нарышкин** Александр Алексеевич (1839—1916) — тайный советник (1898), действительный тайный советник (1915). Председатель Орловской губернской земской управы (1874), подольский губернатор (1892), товарищ министра государственных имуществ (1894), сенатор (1898), член Государственного сове-

* Зачеркнуто: «Гончаровым».

та по выборам (1906—1916), товарищ председателя Постоянного совета Объединенных дворянских обществ.

[4] **Гончаров** Сергей Сергеевич (1843—?) — сенатор (1891), гофмейстер, действительный статский советник (1904), член Государственного совета. 16 марта 1911 г., возмущенный действиями П.А. Столыпина по отношению к правой группе, подал прошение об отставке, 4 апреля уволен.

[5] **Самарин** Федор Дмитриевич (1858—1916) — общественный деятель, публицист. В 1884—1891 гг. предводитель московского уездного дворянства. Активный деятель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ; основатель Кружка москвичей. В 1906—1908 гг. член Государственного совета от дворянства.

Письмо И.Л. Горемыкину

25 июня 1906 г.

Глубокоуважаемый Иван Логгинович,

Считаю долгом обратить Ваше внимание на бунт в 7 кавалерийском полку в Тамбове. Неужели он останется безнаказанным?

Если не будет примерного и сурового наказания, то эти бунты будут заурядными.

Бунт этот тем более непонятен, что его ждали.

Искренне преданный Вам

Ваш покорнейший слуга

П. Столыпин

25 июня 1906 г.

РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1233. Л. 2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо Ф.Д. Самарину

11 июля 1906 г.

Многоуважаемый и дорогой

Федор Дмитриевич.

Государь просил Вас остаться еще несколько дней. Он желает непременно Вас видеть и сильно рассчитывает на Вас, видя Вас одним из крепких устоев в настоящую смутную годину[1].

Позвольте мне повидать Вас в четверг после переговоров с некоторыми лицами. Крепко верю, что Господь вдохновит Вас принять решение, полезное для России.

Очень желал бы знать, склонен ли Ваш брат Александр Дмитриевич[2] принять должность губернатора (свободен Владимир).

Искренно и глубоко преданный Вам

П. Столыпин

11 июля 1906 г.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 201. Д. 40. Л. 4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Речь идет о переговорах с Ф.Д. Самариным о его возможном вхождении в состав правительства.

[2] **Самарин** Александр Дмитриевич (1868—1932) — государственный и общественный деятель. В 1899—1908 гг. богородский уездный предводитель дворянства, в 1908—1915 гг. предводитель московского губернского дворянства. Член Государственного совета с 1912 г. В 1916—1917 гг. председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. В 1915 г. назначен и. д. обер-прокурора Синода. В 1918—1922 гг. неоднократно арестовывался, в 1925 г. сослан в Сибирь; в 1929 г. поселился в Костроме, где и скончался.

Записка Ф.Д. Самарину

13 июля 1906 г.

Многоуважаемый

Федор Дмитриевич.

Не можете ли посетить меня сегодня вечером в 8 ½ вечера?

Преданный Вам

П. Столыпин

13 июля 1906 г.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 201. Д. 40. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Телеграмма Временному военному генерал-губернатору

14 июля 1906 г.

Феодосия

Временному военному генерал-губернатору

К открытию отделения партии народной свободы ввиду циркуляра моего 27 июня № 24, разъясняющего законность существования партии, препятствий нет[1]. Собрания можно раз-

решить лишь не вызывающие опасения для общественного спокойствия.

Подп[исал:] Столыпин

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 125. Л. 83.
На телеграфном бланке. Рукопись.

[1] См. комментарий к телеграмме П.А. Столыпина от 17 мая 1906 г.

Письмо Ф.Д. Самарину

20 июля 1906 г.

Многоуважаемый
Федор Дмитриевич.

Его Величество примет Вас в пятницу 21-го в 6 часов пополудни. Мне необходимо видеть Вас раньше и, в котором бы часу Вы ни приехали, я немедленно приму Вас.

Преданный Вам
П. Столыпин
20 июля 1906 г.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 201. Д. 40. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Кони[1]

20 июля 1906 г.

Милостивый Государь,
Анатолий Федорович.

Получил Ваше письмо и постараюсь все устроить согласно Вашему желанию. Боюсь, что Ваш сердечный припадок вызван причиненным мною Вам волнением, и надеюсь, что он безусловно прошел.

Постараюсь Вас не беспокоить даже на будущей неделе и воспользоваться Вашим знанием и опытом, когда в Совете будут рассматриваться близкие Вам вопросы.

С искренним уважением и преданностью
готовый к услугам
П. Столыпин
20 июля 1906 г.

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3305. Л. 1.
Рукопись на бланке. Подлинник. Автограф.

[1] **Кони** Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист, государственный деятель, литератор, мемуарист; почетный академик Петербургской Академии наук (1900), действительный тайный советник (1910). С 1866 г. служил по судебному ведомству, с 1867 г. товарищ прокурора Сумского, Харьковского, с 1870 г. — Петербургского окружных судов, затем самарский губернский прокурор, прокурор Казанского, а с 1871 г. — Петербургского окружных судов, с 1875 г. вице-директор, а с 1877 г. директор департамента в Министерстве юстиции, одновременно в 1877—1881 гг. председатель Петербургского окружного суда. С 1881 г. председатель гражданского департамента Петербургской судебной палаты, в 1885—1891 и в 1892—1896 гг. обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Сената. Сенатор (1891), доктор уголовного права (1890). Один из самых активных практиков и теоретиков новых судебных установлений, введенных в ходе судебной реформы 1864 г.; выдающийся судебный оратор. Поддерживал тесные связи со многими деятелями либерального движения; в июле 1906 г. участвовал в переговорах группы либералов с П.А. Столыпиным о создании «общественного министерства», в котором ему предназначался пост министра юстиции. Член Государственного совета (с 1907).

Письмо А.В. Кривошеину

23 июля 1906 г.

Многоуважаемый Александр Владимирович.

Сегодня я получил от кн[язя] Кочубея[1] проект указа.

По существу хотелось мне высказать, не надлежит ли сказать в указе, что преимущество в приобретении удельн[ых] земель принадлежит местным крестьянам и что переселение на них допускается лишь в случае удовлетворения местных крестьян до норм среднего надела или неимения на месте желающих? Иначе я боюсь, особенно в губернии Самарской и вообще в средней России, побоищ местных крестьян с пришлыми.

Затем, желательно было бы включить упоминание о возможности приобретения удельных земель не только обществами и товариществами, но и отдельными домохозяевами, причем желательно было бы для нарезки и оборудования отдельных хуторов (колодцы и дороги) отчислять известный процент из покупной цены, получаемой уделами. Что касается самой редакции указа, то я полагал бы в I статье после слов «назначаются» добавить «в продажу на льготных для крестьян основаниях». Затем меня продолжает смущать пункт *б* этой статьи.

В статье III я заменил бы слова «по мере окончания сроков» выражением «по мере прекращения». В статье IV-ой я прибавил бы после слова «назначается» слова «в продажу».

Рассмотреть окончательно этот указ я полагаю в заседании Совета во вторник вечером. Вместе с тем желательно было бы,

чтоб от имени Государя было объявлено о предоставлении в распоряжение землеустроительных комиссий казенных земель, а также Алтайского и Нерченского округов.

Очень просил бы Вас составить ко вторнику проект соответствующего повеления относительно государственных земель. Я полагаю, что без Думы это могло бы пройти по 45 ст.

Искренне Вас уважающий П. Столыпин

23 июля 1906 г.

Центральная научная сельскохозяйственная библиотека С.-Петербурга. На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф. Опубл. во фрагментах: Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод. Документы, переписка, мемуары. – М., 2003. – С. 35–36.

Речь в письме идет о редакции отдельных статей Именного Высочайшего указа 27 августа 1906 г. «О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения».

[1] Кочубей Виктор Сергеевич (1860–?) – князь, генерал-адъютант (1909), крупный землевладелец Полтавской губернии. С 1892 г. адъютант наследника престола великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II); с декабря 1899 г. генерал-майор свиты, начальник Главного управления уделов (уволен от службы 7 июля 1917 г.).

Письмо А.Ф. Кони

1 августа 1906 г.

Многоуважаемый Анатолий Федорович.

Помня Ваше любезное обещание, обращаюсь к Вам с просьбою не отказать приехать переговорить со мною в четверг в 3 часа дня или, если это Вам удобнее, в субботу в 2 часа.

Примите уверение в моем искреннем уважении и преданности.

П. Столыпин

1 августа 1906 г.

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3305. Л. 2. На официальном бланке. Рукопись. Подлинник. Автограф.

Записка П.П. Извольскому[1]

8 августа 1906 г.

Многоуважаемый Петр Петрович,

Не откажите принять г-на Ярмонкина[2], редактора «Зорьки»[3], которую Его Величество считает необходимым распространить в церковно-прих[одских] школах и среди священников.

Преданный Вам П. Столыпин

8 авг[уста] 1906 г.

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 1. На обороте визитной карточки П.А. Столыпина. Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Извольский** Петр Петрович (1863–1928) – государственный деятель, гофмейстер (1915). Брат А.П. Извольского. С 1902 г. попечитель Киевского, с апреля 1904 г. – Петербургского учебных округов. Инициатор проведения и председатель Совещания директоров народных училищ по вопросу о введении в Петербургской губернии всеобщего образования. С ноября 1905 г. товарищ министра народного просвещения, с июня 1906 г. по февраль 1909 г. обер-прокурор Синода. Пользовался большим влиянием в придворных кругах. Деятельность П.П. Извольского, который «ни в чем не обнаруживал инициативы плыть против синодских течений», не удовлетворяла П.А. Столыпина. После неудачной попытки ввести автономию духовных школ Извольский подал в отставку. Обрадованный П.А. Столыпин 4 февраля 1909 г. послал государственному секретарю А.А. Макарову записку с объявлением распоряжения императора представить к подписанию указ о назначении П.П. Извольского членом Государственного совета. В Совете участвовал в работах комиссий, рассматривавших школьные законы (*см.: Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – СПб., 1996. – С.427–428*).

[2] **Ярмонкин** В.В. – редактор «Вестника Русского собрания» (1902–1906), 18 февраля 1907 г. избран членом правления Союза представителей правой русской печати.

[3] «Зорька» – ежедневная общественно-политическая и литературная крестьянская газета. Выходила в С.-Петербурге в 1906–1907 гг. вместо приостановленной газеты «Заря». Редактор-издатель В.В. Ярмонкин.

Телеграмма графу И.И. Воронцову-Дашкову

15 августа 1906 г.

Телеграмма

Отпр[авлена] 15 августа 1906 г.

Тифлис

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе.

К разрешению предполагаемого в Эчмиадзине на изложенных Вами основаниях съезда ввиду выраженного Вами согласия

препятствий не встречаю. Нахожу, однако, в принципе подобные съезды нежелательными в настоящее время.

Министр внутренних дел (подписал) Столыпин

РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 294. Л. 8а.
На телеграфном бланке. Машинопись. Заверенная копия.

Телеграмма послана в ответ на полученную от И.И. Воронцова-Дашкова телеграмму:

Разбор шифрованной телеграммы из Тифлиса от генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова на имя Председателя Совета министров за № 3859
подана « 8 » августа 1906 г. « 5 » ч[ас]. « 10 » м[ин]. пополудни
получена « 9 » августа 1906 г. « 8 » ч[ас]. « — » м[ин]. пополуночи

Эчмиадзинский Католикос письмом, полученным 5 августа, уведомил меня, что им приглашены особыми кондаками на пятнадцатое сего августа выборные представители народа на съезд [в] Эчмиадзин для обсуждения и урегулирования вопросов, касавшихся учебных заведений, церковных и монастырских имений и епархиальных собраний. По современному состоянию края, краткости срока, полагаю съезду не препятствовать, уведомив Католикоса [о] необходимости ограничить занятия съезда перечисленными вопросами. Так как распоряжение Католикоса касается также армянских духовных учреждений, находящихся вне Кавказа, то считаю необходимым сообщить на усмотрение Вашего Высокопревосходительства, прося меня о последующем уведомить (*РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 294. Л. 5—5об. Машинопись. Заверенная копия*).

В дальнейшем, по итогам съезда Воронцов-Дашков прислал на имя Столыпина новую телеграмму:

Разбор шифрованной телеграммы из Тифлиса от генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова на имя г. Председателя Совета министров за № 10332*
подана « 22 » августа 1906 г. « 9 » ч[ас]. « 36 » м[ин]. пополудни
получена « 23 » августа 1906 г. « 8 » ч[ас]. « — » м[ин]. пополуночи

Прокурор Эчмиадзинского Синода телеграфирует: Эчмиадзинский съезд постановил: считать себя учредительным, отделение церкви от государства [в] связи с русским освободительным движением, обсуждение вопросов, касающихся всей России. Шесть делегатов покинули собрание. Ввиду этого я предложил эриванскому генерал-губернатору, если сведения эти достоверны, съезд закрыть, главного руководителя съезда, секретаря патриарха архимандрита Тачата, не получившего, по имеющимся сведениям, разрешения [на] въезд [в] Россию, выслать, если он иностранный подданный, немедленно из пределов России и привлечь агитаторов к ответственности. Об этом сообщаю Вашему Высокопревосходительству.

<На эту телеграмму П.А. Столыпин наложил следующую резолюцию:> «Вот дали им съехаться и вместо того, чтобы дать добрый совет, упиваются общими либеральными фразами» (*РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 294. Л. 10—11. Машинопись. Копия*).

8 сентября 1906 г. Столыпин представил Николаю II всеподданнейший доклад

---

* Пометка Столыпина от руки: 23 авг[уста] Деп[артаменту] Пол[иции]. Д[епартаменту] Д[уховных] Д[ел] И[ностранных] И[споведаний]. Все дело [в] копии для составления всепод[даннейшей] записки с приведением моего [письма] Наместнику на его первое уведомление о съезде, я неодобрительно к нему отнесся.

«О созванном Патриархом Католикосом всех армян съезде в Эчмиадзине», в котором говорилось:

Наместник Вашего Императорского Величества на Кавказе телеграммой, полученной 9 минувшего августа, сообщил мне, что Эчмиадзинский Патриарх-Католикос Мкртич пригласил особыми кондаками выборных представителей армянского народа съехаться 15 августа в Эчмиадзин для обсуждения и урегулирования вопросов, касающихся учебных заведений, церковных и монастырских имений и епархиальных собраний. При этом генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков присовокупил, что по современному состоянию края и краткости срока, остающегося до дня, назначенного для съезда, он полагал бы сему съезду не препятствовать, уведомив Католикоса о необходимости ограничить занятия съезда перечисленными вопросами. Но так как распоряжение Католикоса касалось, между прочим, и армянских духовных учреждений, находящихся вне Кавказа, то граф Воронцов-Дашков представил об изложенном на мое усмотрение.

В ответ на это я сообщил Наместнику, что хотя к разрешению съезда на изложенных основаниях, ввиду выраженного им согласия, препятствий не встречаю, но, тем не менее, нахожу, в принципе подобные съезды в настоящее время нежелательными.

Как выяснилось из полученных ныне министерством сведений, созыв делегатского собрания в Эчмиадзине давно подготовлялся преимущественно под давлением группы социал-революционеров, совершенно овладевших дряхлым и болезненным Патриархом, с целью обсуждения не столько дел армянской церкви, сколько вопросов русской революции и оглашения Выборгского воззвания. Выборы делегатов производились на основании изданного Патриархом в мае месяце кондака, и хотя в июне уже был назначен срок съезда на 15 августа, но официальное на это разрешение испрошено лишь за 10 дней до его открытия. С другой стороны, Патриархом была получена масса протестов с требованием отмены созыва делегатского собрания, с указанием, что почти все выборы делегатов произведены при помощи давления и подтасовки со стороны крайних левых партий. Протестовали также 14 иерархов армянской церкви, группы финансистов и лиц свободных профессий.

Тем не менее съезд был своевременно открыт и, тотчас же выступив за пределы разрешенной ему программы, постановил, за исключением 6 делегатов, покинувших собрание, считать себя учредительным и отделить церковь от государства в связи с русским освободительным движением, а кроме того допустил обсуждение ряда вопросов, касающихся всей России. Ввиду сего распоряжением Наместника съезд 29 минувшего августа закрыт эриванским генерал-губернатором, который предложил прокурору Эчмиадзинского синода объявить об этом Католикосу и просить его не допускать дальнейших собраний и проживания делегатов в монастыре. Полиции предложено обязать делегатов подписками о выезде из Эчмиадзина в течение суток.

О вышеизложенном считаю всеподданнейшим долгом представить на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение.

8 сентября 1906 года

<На документе имеется пометка Столыпина:> «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: разъяснить Патриарху-Католикосу через Наместника Его Величества на Кавказе совершенную неправильность его действий.

8 сентября 1906 г. в Биорке

Министр внутренних дел Столыпин»

(*РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 294. Л. 35—36об. Машинопись. Копия*).

Письмо княгине З.Н. Юсуповой[1]

23 августа 1906 г.

Глубокоуважаемая княгиня
Зинаида Николаевна.

От всего сердца благодарю Вас и князя за Ваш искренний отклик к моему семейному горю. Верьте мне, что Ваше сочувственное письмо служит мне большим утешением в эти тяжелые дни моей жизни.

Примите уверения в отличном моем к Вам уважении и искренней преданности.

Ваш покорный слуга
П. Столыпин
23 авг[уста] 1906 г.

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3321. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Юсупова** Зинаида Николаевна (1869—1939) — княгиня, графиня Сумарокова-Эльстон, урожденная Юсупова. Вскоре после заключения брака ее муж — граф Ф.Ф. Сумароков-Эльстон получил высочайшее позволение носить титул князь Юсупов, дабы не прервался древний княжеский род, с тем чтобы этот титул передавался старшему из сыновей. Помощница попечительницы 1-й Васильевской школы Императорского женского патриотического общества в С.-Петербурге, помощница попечительницы петербургского приюта «В память 19 февраля 1861 г.».

Письмо Е.А. Нарышкиной[1]

28 августа 1906 г.

Милостивая Государыня
Елизавета Алексеевна.

В следующий приезд мой в Петергоф непременно буду иметь удовольствие посетить Вас.

Покорнейше прошу принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.

П. Столыпин
28 августа 1906 года

РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 254. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Нарышкина** (урожд. княжна Куракина) Елизавета Алексеевна — гофмейстерина императрицы Александры Федоровна, статс-дама, кавалер-дама, вдова А.Д. Нарышкина. Председательница петербургского Дамского благотворительного тюремного комитета, Убежища им. принца Ольденбургского для женщин, отбывающих наказание в петербургских местах заключения, Общества попечителей о семьях ссыльно-каторжан и приюта для арестантских детей.

Письмо великому князю Александру Михайловичу[1]

4 сентября 1906 г.

Ваше Императорское Высочество.

Я не имел возможности ответить Вам ранее свидания с Перцовым[2]. Видел его третьего дня и, несмотря на полное желание мое поддержать газету умеренного направления, все же думаю, что едва ли удастся его поддержать, настолько непомерны его требования. Он требует, кроме 15 т[ыс]. р[уб]. в месяц, уплаты 100 т[ыс]. р[уб]. единовременно на погашение старых долгов. Ввиду полного отсутствия у нас денег, надеюсь создать умеренный орган на условиях менее обременительных для казны.

Позвольте мне принести Вашему Высочеству мою глубокую благодарность за милостивое ко мне и семье моей внимание.

Вашего Императорского Высочества
всепреданный слуга
Петр Столыпин
4 сентября 1906 г.
Петербург

РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Александр Михайлович **Романов** (1866—1933) — великий князь, государственный и военный деятель, адмирал (1915), генерал-адъютант (1909), 4-й сын великого князя Михаила Николаевича. Женат (с 1894) на дочери императора Александра III Ксении. Близкий друг Николая II. В 1900—1903 гг. командир броненосца «Ростислав» (Черноморский флот), с 1903 г. младший флагман Черноморского флота. Поддержал создание морского Генерального штаба (1906). С 1898 г. член, затем председатель Совета по делам торгового мореплавания, в 1902—1905 гг. возглавлял созданное по его инициативе Главное управление торгового мореплавания и портов. С 1904 г. председатель Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования, после окончания русско-японской войны 1904—1905 гг. настаивал на ускоренной постройке линкоров новых типов и увеличении ассигнований на военно-морской флот. С февраля 1905 г. начальник отряда минных крейсеров на Балтийском море, в 1905—1909 гг. младший флагман Балтийского флота. Почетный член

Николаевской морской академии (1903), председатель Императорского Русского общества судоходства, Русского технического общества, Общества естествоиспытателей при Петербургском университете. Активно содействовал развитию авиации в России; возглавлял отдел воздушного флота при Комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования, инициатор создания офицерской школы авиации под Севастополем (1910).

[2] Перцов Н.Н. (1855—?) — статский советник, инженер путей сообщения, председатель правления Черноморской железной дороги. Редактор-издатель газеты «Слово», член ЦК «Союза 17 октября».

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

13 сентября 1906 г.

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе
13 сентября 1906 г.
По Высочайшему повелению

Ваше Сиятельство телеграммами от 8 и 22 мин[увшего] августа и 6 сего сентября изволили сообщить мне о созыве Патриархом-Католикосом всех армян Мкртичем[1] на 15 означенного августа особыми кондаками в Эчмиадзин выборных представителей армянского народа для обсуждения вопросов, касающихся учебных заведений, церковных и монастырских имений и епархиальных собраний, причем присовокупили, что указанный съезд, по открытии своем, выступив за пределы разрешенной ему программы, постановил считать себя учредительным и отделить церковь от государства в связи с русским освободительным движением и, кроме того, допустил обсуждение ряда вопросов, касающихся всей России, вследствие чего и был по распоряжению Вашего Сиятельства закрыт 29 того же августа эриванским генерал-губернатором[2].

Изложенные сведения я всеподданнейше повергал на благовоззрение Его Императорского Величества.

Государь Император в 8 день текущего сентября Высочайше повелеть соизволил разъяснить Патриарху-Католикосу через Наместника Его Величества на Кавказе совершенную неправильность действий Католикоса.

О таковой Высочайшей воле имею честь уведомить Ваше Сиятельство для зависящих распоряжений.

Министр внутренних дел (подписал) П. Столыпин
13 сентября 1906 г.
№ 4863

РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 294. Л. 37–37об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Машинопись.

[1] **Мкртич I Ванеци**, Хримян Айрик (1820—1907) — армянский церковный и общественно-политический деятель. Вел просветительскую и издательскую деятельность: в 1855 г. основал ежемесячник «Арцви Васпуракон». В 1869—1873 гг. патриарх армян Константинополя; активно отстаивал интересы западно-армянского населения перед турецким правительством. В 1879 г. перебрался в Ван, был избран духовным предводителем армян, содействовал созданию и деятельности тайных национально-освободительных организаций «Сев-Хач» (Ван) и «Паштпан айреняц» (Карин). Его деятельность в Западной Армении вызвала недовольство турецкого правительства, которое в 1884 г. отозвало его в Константинополь, установив за ним строгий контроль. В 1895 г. отправился в Петербург, где имел встречу с Николаем II, представив ему прошение относительно осуществления в Западной Армении обещанных реформ. Противник закона о конфискации имущества армянской церкви 1903 г., запретил армянским епархиям подчиняться ему. Автор многочисленных теологических, философских трудов, публицистических работ, а также художественных произведений в прозе и стихах.

[2] Имеется в виду **Тизенгаузен** Владимир Федорович — граф, тайный советник, с 20 февраля 1896 г. до 1916 г. эриванский губернатор.

Письмо И.П. Балашову[1]

30 сентября 1906 г.

Милостивый Государь,
Иван Петрович.

Принося Вашему Превосходительству мою искреннюю и глубокую благодарность за Ваше высокоценимое мною внимание, не могу не сказать Вам, что Ваше интересное сообщение я прочел с большим интересом.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Всегда готовый к услугам
П. Столыпин
30 сентября 1906 г.

РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 574. Л. 2.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

[1] **Балашов** Иван Петрович (1842—?) — обер-егермейстер, вице-президент Общества поощрения художеств.

Лаконизм столыпинского письма представляется не случайным, ибо премьер-министр, видимо, не хотел втягиваться в публичную полемику по «острым» вопросам. Правильность избранной им позиции иллюстрирует, напри-

мер, письмо И.П. Балашова от 20 марта 1911 г. Напомним, что именно в марте 1911 г. разразился острый парламентский кризис. Для выхода из него Балашов предложил Столыпину осуществлять амбивалентную тактику: с одной стороны, «не стесняться с Государственным советом», а с другой — попытаться найти «общий язык» с Государственной думой. Считая роспуск Думы и назначение новых выборов «при существующем ныне избирательном законе» нецелесообразным, он советовал премьер-министру создать в Думе проправительственную партию, в которую могли бы войти националисты и правые октябристы. «Вся соль Вашей политики, вся ее оригинальность и духовная мощь, — писал он, — заключается именно в здоровом национальном чувстве, т. е. в единственном жизненном начале, способном вывести наше государство на указанный ему самой историей путь». Если Столыпину удастся создать «достаточно многочисленную партию», то ему следовало пойти на «уступки думскому самолюбию». В противном случае, подчеркивал адресат, «я вижу для Вас один только ясный и логический образ действия: роспуск Думы». При таком исходе событий он советовал Столыпину уйти в отставку. Весьма любопытен предлагаемый им сценарий роспуска Думы. Балашов советовал Столыпину «явиться на думский запрос с роспуском в кармане» и, по мере обнаружения несговорчивости Думы, ее закрыть, одновременно приступив к «пересмотру и тщательной переработке избирательного закона», что должно найти поддержку в среде «истинных консерваторов и патриотов». Характерно, что Балашов предлагал одновременно с изменением избирательного закона пересмотреть и некоторые статьи Основных законов 1906 г. Только после реализации этих мер можно будет созвать «обновленную Думу», состоящую по преимуществу из земских элементов. Однако еще до начала работы Думы Балашов считал необходимым по 87-й ст. «ввести равноправие русских в Финляндии», возвратить России Выборгскую губернию, выделить из Царства Польского Холмскую Русь, установить «окончательно принцип «черты оседлости» для евреев и полное устранение их от школы, суда и печати». В заключение Балашов писал: «Пока Вы не исполните означенную национальную программу, Вы не имеете права уходить, ибо крушение этих наших надежд было бы несправедливым несчастьем для России и для ее Государя» (*Красный архив. — 1925. — № 2 (9). — С. 291—292*).

Письмо А.В. Кривошеину

15 октября 1906 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Будьте добры обратить внимание на ходатайство саратовской помещицы, княгини Еникеевой. Имение ее в центре революционного гнезда: ее жгли, в дочь ее стреляли и постоянным преследованием совершенно разорили.

Продав часть имения, она хочет сохранить остаток детям. Она выбивается из сил, несчастье ее преследует, — сделайте для нее что можно в пределах справедливости.

Искренно Вас уважающий и преданный

П. Столыпин

15-ое октября 1906 г.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 1.

На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел».

Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо П.Н. Милюкову[1]

17 октября 1906 г.

Милостивый Государь

Павел Николаевич.

Только что получил Ваше письмо и тотчас же отдал распоряжение по Департаменту полиции о немедленном принятии мер к охранению Вас и проф[ессора] Гессена[2] от нападения.

Такое же категорическое распоряжение будет сделано и по градоначальству.

Примите уверения в совершенном уважении.

П. Столыпин

17 октября 1906 г.

Петербург

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5832. Л. 1.

Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Милюков** Павел Николаевич (1859–1943) — общественный и политический деятель, историк, публицист. С 1886 г. приват-доцент Московского университета, в 1895 г. уволен с запрещением преподавания. Сотрудничал в журнале «Русская мысль», газете «Русские ведомости». С весны 1902 г. один из организаторов журнала «Освобождение», опубликовал в нем ряд своих статей. В мае-августе 1905 г. председатель Союза союзов. Участвовал в составлении проекта программы кадетской партии, фактический лидер партии, разрабатывал ее стратегический и тактический курс. В октябре 1905 г. участвовал в переговорах кадетов с С.Ю. Витте. С февраля 1906 г. совместно с И.В. Гессеном редактировал газету «Речь», автор почти всех ее передовиц. В мае-июне 1905 г. и в мае 1907 г. встречался с Витте, Д.Ф. Треповым и П.А. Столыпиным, обсуждая возможности сотрудничества кадетов с правительством. Депутат III–IV Государственной думы, лидер думской оппозиции; общепризнанный эксперт по международным отношениям. В 1915 г. инициатор создания и лидер Прогрессивного блока. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства.

[2] Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — юрист, общественный и политический деятель. С 1896 г. на службе в Министерстве юстиции. С 1898 г. сотрудничал в журнале «Образование», газетах «Русские ведомости», «Сын отечества». С начала XX в. в либеральном движении, участвовал в подготовке изданий кружка «Беседа», позже управляющий издательством кружка. С 1904 г. присяжный поверенный; занимался научной деятельностью. Входил в Совет «Союза освобождения», один из основателей конституционно-демократической партии (1905), товарищ председателя ее Петербургского комитета, с 1906 г. член ЦК. Совместно с П.Н. Милюковым редактировал газету «Речь», сотрудничал в журнале «Вестник партии народной свободы». В октябре 1905 г. участвовал в секретных переговорах между ЦК кадетов и С.Ю. Витте о создании конституционного кабинета. Депутат II Государственной думы от Петербурга, товарищ председателя кадетской фракции, возглавлял комиссии о реформе местного суда, о неприкосновенности личности.

Записка А.В. Кривошеину

29 октября 1906 г.

Прошу многоуважаемого Александра Васильевича не отказать обратить внимание на прилагаемую записку П.Н. Любовцова[1] — он председатель Петровской у[ездной] земской управы и выдающийся по патриотизму и энергии деятель.

П. [Столыпин]

29 октября 1906 г.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1 Д. 324. Л. 2.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Любовцов Платон Николаевич — гласный Петровского уездного земского собрания Саратовской губернии, председатель Петровской уездной земской управы.

Записка И.Я. Гурлянду[1]

3 ноября 1906 г.

Прошу составить мне справку об административном провинциальном устройстве Франции — пределы власти и обязанностей префектов и супрефектов.

П. Столыпин

3 н[оября 1]906 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.
На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Гурлянд Илья Яковлевич (1868 — после 1921) — правовед, преподаватель права, писатель; профессор Демидовского юридического лицея. Секретарь комиссии по организации московского литературно-художественного кружка (1897), член Русского Археологического общества, член комиссии по ревизии земских учреждений Тверской губернии (1903), чиновник особых поручений при министре внутренних дел В.К. Плеве, а затем П.А. Столыпина (с 1904). С 1907 г. член совета министра внутренних дел, ближайший сотрудник П.А. Столыпина. Редактор правительственной газеты «Россия» (1906—1914), директор Бюро прессы.

Записка П.П. Извольскому

12 ноября 1906 г.

Многоуважаемый
Петр Петрович,
Преосвященного Евлогия[1] могу принять во вторник в 3 часа*.
Искр[енне] Вас уважающий
П. Столыпин
12 ноября 1906 г.

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Евлогий (в миру Георгиевский Василий Семенович) (1868—1946) — экзарх, государственный и общественный деятель. 3 февраля 1895 г. пострижен в монахи и 12 февраля 1895 г. рукоположен в иеромонахи. С ноября 1897 г. по декабрь 1902 г. ректор Холмской духовной семинарии и одновременно благочинный Лестринского женского монастыря; архимандрит. С января 1903 г. епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии. С ноября 1905 г. епископ Холмский и Люблинский. Депутат II—III Государственной думы от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний. Во II Думе примкнул к группе монархистов-националистов. Активный сторонник выделения Холмщины из состава Царства Польского и образования самостоятельной Холмской губернии; постепенного введения веротерпимости в России. С 1912 г. архиепископ Холмский. С февраля 1912 г. член Главного совета Всероссийского национального союза. С 20 мая 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. Участвовал в Поместном Соборе Русской православной церкви 1917—1918 гг., избран членом Синода. Сторонник восстановления патриаршества.

* Сверху приписка: Прошу сообщить Преосвященству.

Письмо К.А. Военскому[1]

24 ноября 1906 г.

Милостивый Государь
Константин Адамович.

Примите мою искреннюю благодарность за любезно присланные Вами издания, с которыми я не премину познакомиться.

П. Столыпин
25 ноября 1906 г.

ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 687. Л. 1.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.

[1] **Военский** Константин Адамович — редактор ряда сборников Русского исторического общества в 1909 и 1911 гг.

Письмо И.Л. Горемыкину

26 ноября 1906 г.

26 ноября 1906 года
Глубокоуважаемый Иван Логгинович,

Спешу поблагодарить Вас за письмо с вырезками, за Ваше доброе внимание и старания на пользу общего дела.

Искренне уважающий и преданный
П. Столыпин

РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1233. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо В.Н. Коковцову

30 ноября 1906 г.

30 ноября 1906 г.
Глубокоуважаемый
Владимир Николаевич,

Письмо Ваше является, вероятно, последствием какой-нибудь моей неловкости или неумелости в личных сношениях. Я теперь в такой тревоге вследствие внезапного весьма опасного поворота в болезни дочери (воспаление в обоих легких), что, быть может, что-нибудь сделал или сказал не так, как следовало бы. Простите меня.

Теперь по существу: раз в такую трудную историческую минуту, когда власть не представляет никакой услады, а все мы стараемся лишь целиком себя использовать, пожертвовать лично собою, только бы вывести Россию из ужасного кризиса, если в такую минуту, перед самою Думою, Вы решаете уйти, то причиною этому, конечно, только я.

Вам известно, что, несмотря на все споры в Совете, все мы твердо уверены, что пока Вы ведаете финансами, для них нет опасности, в этом убеждена и Европа. Благодаря даже этой в Вас уверенности все, вероятно, и просят денег, думая, что Вы сумеете устроить. Вы, таким образом, необходимы и России, и Государю. Для меня это ясно.

Я совсем в другом положении. Никогда я себя не переоценивал, государственного опыта никакого не имел, помимо воли выдвинут событиями и не имею даже достаточно умения, чтобы объединить своих товарищей и сглаживать создающиеся меж ними шероховатости.

При таком положении, конечно, должен уйти я, а не Вы.

Все это я не премину представить на благоусмотрение Его Величества, но так как до Вашего доклада я, ввиду болезни дочери, не успею побывать в Царском, писать же об этом неудобно, то прошу извинить, если пройдет несколько дней.

Искренне Вам преданный
П. Столыпин

РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 14. Л. 2–3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Стемману[1]

7 декабря 1906 г.

Милостивый Государь
Александр Федорович.

Государь Император, по всеподданнейшему моему докладу, в 5 день сего декабря, Всемилостивейше соизволил на назначение Вас исправляющим должность Керчь-Еникальского градоначальника.

О таковом Высочайшем соизволении, сообщенном, вместе с сим, морскому министру, для поднесения к Высочайшему подписанию соответствующего указа Правительствующему Сенату и внесения настоящего назначения в Высочайший приказ по морскому ведомству, уведомляю Ваше Превосходительство, прося при-

нять меры к скорейшему, по опубликовании указа, отъезду Вашему – к месту нового служения.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

7 декабря 1906 г.

№ 1453

ОР РНБ. Ф. 739. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.

[1] Стемман Александр Федорович – контр-адмирал. С 11 февраля 1906 г. до 26 декабря 1909 г. – кречь-еникальский градоначальник.

Письмо А.Ф. Кони

21 декабря 1906 г.

Милостивый Государь
Анатолий Федорович.

Мне неизвестны намерения Государя Императора относительно Вас, но если бы Его Величеству угодно было оказать Вам милостивое внимание призванием в Государственный совет, то я затруднился бы доложить о том, что Вы считаете настоящий момент для этого неудобным, тем более, что и члены Государственного совета имеют одинаковое с сенаторами право пользоваться отпусками по болезни. Единственное, что я могу сделать, если Вам угодно, это доложить Государю, что Вам вообще не желательно быть назначенным в Совет.

Покорнейше прошу Вас принять уверение в искреннем уважении моем и преданности.

П. Столыпин

21 декабря 1906 года

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3305. Л. 3.
На официальном бланке. Рукопись.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

24 декабря 1906 г.

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе

В министерство поступило представление Патриарха-Католикоса всех армян Мкртича, заключающее в себе ходатайство о на-

значении членами Эчмиадзинского Армяно-Григорианского Синода: 1. Ректора Эчмиадзинской Армяно-Григорианской Духовной академии архимандрита Месропа Тер-Мовсесянца[1]; 2. Председателя Эчмиадзинского Типографического комитета архимандрита Мхитара Тер-Мкртчана и 3. Настоятеля Сурп-Хачского монастыря архимандрита Егише Мурядяна, причем вторыми кандидатами на указанные должности представлены: 1. Викарий Нухинского армянского Духовного правления архимандрит Эгише Агаронян; 2. Член Эчмиадзинского Типографического комитета архимандрит Исаак Тер-Микаелян и 3. Викарий г. Гори архимандрит Хорен Мурадбекян.

С своей стороны я нахожу, что представляемые ныне в качестве кандидатов на должности членов Синода архимандриты Мхитар, Месроп, Егише и Исаак являются теми лицами, о которых, по сообщенным канцеляриею Вашего Сиятельства министерству сведениям, было уже составлено секретарем Патриарха архимандритом Тангианцем, по соглашению с руководителями местной революционной организации Дашнакцутюна[2], от имени Патриарха представление на имя министра внутренних дел. Представление это было подано названным секретарем Патриарху к подписи в числе других бумаг, в момент его болезненного состояния, подписано Патриархом, сдано на почту и затем, по распоряжению Патриарха, взято с почты обратно после доклада архиепископа Сукиаса Парзянца, что представленные в члены Синода лица принадлежат к числу неблагонадежных, и что изложенное ходатайство подлежало бы направлению в министерство не непосредственно, а через Наместника Его Императорского Величества на Кавказе. При этом Католикос заявил, что он никакого представления в министерство о членах Синода писать не приказывал и даже не знает, кто представлен к назначению. За указанный поступок архиепископ Сукиас подвергся впоследствии личному оскорблению на улице со стороны собравшихся приверженцев революционных партий.

Ввиду вышеприведенных сведений, вызывающих сомнение относительно действительного значения в настоящее время изложенного представления, считаю необходимым препроводить оное (от 25 минувшего октября, № 1387) к Вашему Сиятельству, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, не отказать в распоряжении к разъяснению обстоятельств, при коих представление это, возвращенное по требованию Патриарха с почты обратно, ныне вновь получило движение, и о последующем уведомить меня,

с присовокуплением Вашего заключения по существу изложенного ходатайства.

Вместе с тем я не могу не обратить внимания на сообщенные министерству канцеляриею Вашего Сиятельства, на основании донесений прокурора Эчмиадзинского Синода, тревожные сведения о современном состоянии управления Армяно-Григорианскою церковью на Кавказе. Находящийся во главе этого управления Патриарх-Католикос Мкртич подпал, очевидно, под влияние окружающих его лиц из числа приверженцев армянских революционных партий, совершенно овладевших делами Эчмиадзинского Патриархата и личностью самого Патриарха, и не в силах противодействовать осуществлению составляемых ими всякого рода революционных проектов в пределах управления означенною церковью. Беспомощное положение его в этом отношении вполне характеризуется сообщенным Вашим Сиятельством в отзыве от 14 минувшего октября, № 1078, фактом, что объявленное Вами Патриарху Высочайшее указание на совершенную неправильность его действий по устройству в Эчмиадзине съезда представителей армянского народа было принято им, вследствие представленных в извращенном виде объяснений со стороны окружающих его лиц, в смысле принципиального одобрения правительством его действий. Вредное влияние на Патриарха его руководителей выразилось за последнее время в целом ряде дел первостепенной важности, возникавших по армяно-григорианскому духовному управлению. В этом отношении нельзя, прежде всего, не указать на распоряжения Патриарха, облеченные в форму кондаков, из коих обращают на себя внимание в особенности следующие: 1) об упомянутом армянском церковном делегатском съезде в Эчмиадзине, имевшем противоправительственный характер; 2) об образовании нового поселения из армян иностранных подданных и 3) об уменьшении вносимой монастырскими крестьянами земельной платы «багр», а равно на поддержку, оказываемую самим Патриархом аграрным волнениям среди монастырских крестьян. Сюда же следует отнести и распоряжение Патриарха о восстановлении в должности настоятеля армяно-григорианской церкви города Феодосии священника Нерсеса Эртевциана, уволенного от оной, с заключением в монастырь по требованию временного генерал-губернатора г. Феодосии, Эчмиадзинским Армяно-Григорианским Синодом за противозаконную деятельность, вызвавшую возмущение среди армянского населения города и распространившуюся на войска местного гарнизона.

Далее вредное влияние приверженцев армянских революционных партий на Патриарха проявляется в деле учебно-воспитательном: на должность ректора Тифлисской семинарии назначен Сиракан Тигранян без соблюдения закона 18-го октября 1903 года[3], а на должность ректора Эчмиадзинской Академии – архимандрит Месроп, оба крайние социал-демократы, проводящие притом в состав учительского персонала людей своей партии. Их развращающее влияние на молодежь уже обнаружилось: Эчмиадзинская Академия давно превратилась в арену пропаганды, склад оружия и нелегальной литературы, и в стенах этого заведения постоянно пребывают посторонние и местные агитаторы. Благонамеренная часть преподавателей не может ничего сделать, так как при малейшей попытке противодействия протестанты подвергаются оскорблениям со стороны распущенной молодежи, подстрекаемой частью своих же учителей. Несколько времени тому назад часть учеников Духовной академии решила упразднить все положенные по уставу молитвы и запрещает молиться своим товарищам. Не лучше дело обстоит и в остальных армяно-григорианских епархиях. Так, в Астраханской епархии местною консисториею в текущем году открыты, без предварительного испрошения разрешения министерства и не ожидая утверждения требуемого законом устава, классы для приготовления к поступлению в армянскую духовную семинарию, в настоящее время еще не существующую, и кроме того, тою же консисториею открыто в означенном городе, без разрешения учебного начальства, новое армянское женское училище, с прекращением выдачи существующему в этом городе женскому училищу средств на его содержание, отпускавшихся до сего времени частью из церковных сумм, частью же из сумм, специально завещанных на содержание этой школы, и с обращением этих средств на удовлетворение потребностей нового училища. При этом консистория, в оправдание своих действий, сослалась на Высочайший указ 1-го августа 1905 г.[4], к настоящему делу совершенно не относящийся, о возвращении в ведение армяно-григорианских духовных установлений принадлежащих последним имуществ, состоявших в заведовании правительственных учреждений. Такое же направление обнаружилось и в Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии. В настоящее время распоряжением Педагогического совета закрыты временно три старших класса существующей в этой епархии духовной армянской семинарии в городе Нахичевани-на-Дону, причем учениками предъявлено требование об обратном приеме в семинарию

одного из учеников 4 класса, уволенного за произнесение в церкви во время похорон умершего товарища-семинариста речи, ничего общего с этими похоронами не имеющей, в которой главным образом выдвигался вопрос о вреде для учащихся пансионной жизни.

Изложенные обстоятельства, с очевидность свидетельствуя о полном несоответствии в настоящее время личности Патриарха-Католикоса Мкртича занимаемому им высокому положению главы армяно-григорианской церкви и о неспособности его вести управление делами последней в духе законности, вместе с тем указывают, по моему мнению, на необходимость принятия мер к упорядочению управления духовными делами сей церкви. Я, конечно, сознаю, что принятие каких-либо исключительных мероприятий по отношению к Католикосу представлялось бы в настоящее время крайне нежелательным, но, с другой стороны, не считаю себя вправе допускать дальнейшее существование такого положения вещей, которое, свидетельствуя об отсутствии надлежащей твердости у правительства, могло бы, наконец, привести к таким последствиям, которые оказались бы уже совершенно неотвратимыми. По совершенно справедливому заявлению прокурора Эчмиадзинского Армяно-Григорианского Синода, при существующем положении вещей каждый выпуск Эчмиадзинской Духовной академии и семинарий будет давать подавляющий процент молодежи, воспитанной в революционных идеях, а потому нельзя, казалось бы, медлить в принятии в сем отношении необходимых и притом самых решительных мер.

Не предрешая пока, в чем бы должны заключаться эти меры, я полагаю, однако, что первым долгом надлежало бы Патриарху-Католикосу всех армян Мкртичу, ввиду его болезненного состояния и старости, предложить уйти по собственному желанию на покой, разрешив ему проживать в Эчмиадзинском монастыре и обеспечив его соответствующей пенсиею, но с полным устранением от заведования делами. Самое управление делами армяно-григорианской церкви надлежало бы возложить до смерти Католикоса на Эчмиадзинский Синод, а тем временем выработать и внести на законодательное утверждение новое законоположение об армяно-григорианской церкви, составленное применительно к положению об управлении другими церквами, и без присвоения ей той исключительной самостоятельности, которою она пользуется в настоящее время в ущерб государственным интересам. Затем надлежало бы во всяком случае незамедлительно

состоящему при Патриархе в качестве секретаря его архимандриту Мелику-Тангианцу воспретить жительство в Эчмиадзине, назначив ему для сего какую-либо местность на Кавказе, где армянское население было бы невелико.

Прежде, однако, чем представить о вышеизложенном на благоусмотрение Его Императорского Величества, я считаю долгом покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать в сообщении мне Вашего отзыва по настоящему делу.

Независимо от сего, при рассмотрении настоящего дела мною обращено также внимание на то, что, по имеющимся в министерстве сведениям, в Эчмиадзинском Синоде ныне остаются незамещенными лишь две вакансии членов Синода. Между тем Патриарх ходатайствует о назначении в последний членами трех лиц. Ввиду сего я покорнейше прошу Ваше Сиятельство не отказать в сообщении Министерству внутренних дел сведений о всех переменах, происшедших в составе Синода в течение последних двух лет, с указанием, какие именно лица остаются ныне в должностях членов Синода, вменив последнему в обязанность немедленно доводить до сведения министерства о всех изменениях, происходящих в личном составе высших сановников армяно-григорианской церкви.

Подписал: Министр внутренних дел Столыпин
24 декабря 1906 г.
№ 6942

РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 70. Л. 40–43об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Машинопись. Копия

В ответном письме И.И. Воронцов-Дашков заявил, что не считает целесообразным в настоящее время высказаться по вопросу об отправке католикоса всех армян Мкртича на покой и возложении на Эчмиадзинский Синод управление делами армяно-григорианской церкви (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 274. Л. 44–46*). После смерти Мкртича, последовавшей 19 октября 1907 г., Министерством внутренних дел была предпринята еще одна попытка урезать права католикоса и расширить вмешательство власти в процесс его избрания. Противодействие наместника побудило П.А. Столыпина снять требования о лишении католикоса «вселенского значения» и оставить неприкосновенными его личные права. Однако министр внутренних дел настаивал на необходимости овладения католикосом русского языка, на уравновешении голосов русских и заграничных армян при выборе католикоса и на издании более точных правил о правах католикоса как председателя Эчмиадзинского Синода (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 274. Л. 27–28; Оп. 4. Д. 830. Л. 138–143*). 17 августа 1908 г. последовало представление МВД по Департаменту духовных дел

иностранных исповеданий в Совет министров, 26 августа оно было рассмотрен (*см.: Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. — Ч. 3. — М., 1988. — С. 631—647*). При обсуждении предложений Министерства внутренних дел наместник на Кавказе вновь высказался против изменения прав католикоса и предполагавшегося удаления католикоса от должности. Совет министров постановил отложить решение вопроса до выбора нового католикоса, а с проектом нового закона «выступить в более спокойное время», при участии вновь избранного католикоса, выборы которого были назначены на 30 октября 1908 г. Новым католикосом стал Матеос II Измирдан.

[1] **Тер-Мовсесян** Месроп — с 22 сентября 1908 г. архимандрит Эчмиадзин Эриванской губернии, с 18 января 1913 г. епархиальный грузинский начальник.

[2] Дашнакцутюн — Союз армянских революционеров, армянская революционная партия Дашнакцутюн. Создана в 1890 г. в Тифлисе, объединив революционные кружки и организации, действовавшие среди армян на Кавказе в 1880-х гг. — народников, крайних националистов, интеллигентов. Программа и устав Союза были приняты на I Учредительном съезде в Женеве в 1892 г. Главной задачей партии провозглашалось освобождение Западной Армении от турецкого ига и создание автономного армянского государства на территории Турции. Программа Союза выдвигала также требования всеобщего избирательного права, равенства национальностей, свободы слова, наделения безземельных землей, подоходного налога, всеобщего обязательного обучения. Под влиянием армянских погромов в Турции в 1890-х гг. в Союзе усилились позиции сторонников террористической деятельности. В 1900 г. Союз провел операцию «Буря» по насильственному изъятию денег и ценностей у состоятельных армян России, отказавшиеся предоставить средства были казнены. III съезд Союза (1904) принял «стратегию революционных действий». В ходе революции 1905—1907 гг. партия радикализировалась. В феврале 1907 г. на IV съезде в Вене она провозглашалась «партией армянского трудового класса», была принята программа, в которой содержались требования создания Закавказской демократической республики (на основе всеобщего избирательного права, равенства всех народов и религий, уничтожения классовых и сословных привилегий), которая входила бы составной частью в Российскую федерацию.

[3] Высочайшее повеление от 18 октября 1903 г. «О порядке назначения должностных лиц Армяно-Григорианского духовного ведомства» указывало на необходимость при назначении епархиальных викариев испрашивать согласие главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, а при назначении членов консистории, ректора и преподавателей Духовных академии и семинарий, настоятелей монастырей, а также приходских священников — согласие «подлежащего по месту назначения губернатора или соответствующего должностного лица» (*3 ПСЗ. — Т. 23. — № 23458*).

[4] Имеется в виду Высочайший указ от 1 августа 1905 г. «О возвращении в ведение Армяно-Григорианской церкви недвижимых имуществ и капиталов, переданных в Министерство народного просвещения, согласно Высочайше утвержденным, 26 марта 1898 года и 12 июня 1903 года, положениям Кабинета министров». Согласно указу в ведение и управление армяно-григорианской церкви возвращались не только все недвижимое имущество и капитал, но и все полученные за время «казенного управления» доходы. Кроме того, кавказскому наместнику разрешалось в пределах наместничества открывать при церквах и монастырях церковно-приходские школы (*3 ПСЗ. — Т. 25. — 1905. — № 26613*).

1907

Письмо А.А. Савинскому

4 января 1907 г.

Милостивый Государь
Александр Анастасьевич,

Жена и я сердечно благодарим за Ваши поздравления и добрые пожелания.

Сохранив о Вас самые хорошие воспоминания, я в свою очередь желаю Вам всего лучшего в наступившем году.

<От руки приписано:> Надеюсь, что Вы здоровы и находите утешение в своих сыновьях.

Искренно Вас уважающий
П. Столыпин
4 января 1907 г.

ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4149. Л. 1.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.

Письмо В.Н. Коковцову

5 января 1907 г.

Доверительно
Милостивый Государь,
Владимир Николаевич.

Высочайшим постановлением от 1 августа 1891 года (Сборн[ик] постан[овлений] Финл[яндии], № 27) министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского Высочайше повелено: предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества, а также предложений Финляндскому сейму, запрашивать заключения министров Империи в тех случаях, когда дело вместе с тем касается интересов Империи, причем заключение подлежащего министра Империи, когда таковое было запрошено, должно быть представляемо Его Императорскому Величеству при всеподданнейших докладах законопроектов и предложений сейму. Засим в позднейшем Высочайшем повелении от 12 февраля 1900 года, по частному вопросу о железнодорожном строительстве, указано было, что предположения Финляндского Сената по расширению железнодорожной сети, за исклю-

чением подъездных путей местного значения, должны быть докладываемы Его Величеству вместе с заключениями министров военного, финансов и путей сообщения.

Ныне, за воспоследованием 19 октября 1905 г. и 23 апреля 1906 г. законоположений, имеющих целью объединение действий главных начальников ведомств Империи по предметам законодательства и высшего государственного управления, я считаю необходимым, чтобы заключения отдельных министров, сообщаемые министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского по делам, относящимся до Финляндии, были, в интересах единства управления, ближайшим образом согласованы с общим направлением деятельности Совета министров. Поэтому имею честь обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшею просьбою, в тех случаях, когда, по ходу дела, вверенному Вам ведомству будет предстоять надобность сообщить заключение министру статс-секретарю Финляндии, предварительно не отказать осведомлять меня о содержании проектированного заключения, дабы я имел возможность, в случае необходимости, предложить означенное дело на обсуждение Совета министров.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверения в глубоком моем уважении и истинной преданности.

Подписал: П. Столыпин

5 января 1907 г.

№ 137

РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 29–29об.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Копия.

Того же содержания письма были отправлены, 8 января 1907 г., барону В.Б. Фредериксу, А.Ф. Редигеру, А.А. Бирилеву, Н.К. Шауфусу, П.М. фон Кауфману, князю Б.А. Васильчикову, Д.А. Философову, А.П. Извольскому, П.Х. Шванебаху, И.Г. Щегловитову, П.П. Извольскому, С.Е. Крыжановскому.

Письмо А.П. Извольскому

12 января 1907 г.

Глубокоуважаемый Александр Петрович,

Жена Чайковского[1] вчера прислала мне свою визитную карточку с надписью на обороте «желание видеть мужа». Одновременно она, видимо, обратилась к великобританскому послу.

И, наконец, вчера же она обратилась к директору Департамента полиции. Достаточно было одного последнего, так как он ей тотчас же разрешил свидание с мужем. Мне непонятно, для чего ей понадобилось тревожить иностранные державы.

Ваш
П. Столыпин

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 42. Л. 1.
На бланке «Председатель Совета министров».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) – видный деятель народнического движения. В 1874–1905 гг. находился в эмиграции, являлся заграничным представителем «Красного Креста Народной воли», один из организаторов Общества друзей русской свободы (1889), входил в число учредителей Комитета Фонда вольной русской прессы (1891), редактировал издаваемые Фондом «Летучие листки»; посылал корреспонденции в газету «Русские ведомости». С 1904 г. член заграничного комитета эсеровской партии, его уполномоченный в Лондоне, один из организаторов доставки партийной литературы, а с 1905 г. и оружия в Россию. После опубликования манифеста 17 октября 1905 г. вернулся в Россию. 11 ноября 1907 г. был арестован при нелегальном переходе российской границы и до 3 октября 1908 г. содержался в Петропавловской крепости, затем в тюрьме «Кресты», откуда освобожден под залог 50 тыс. руб. После суда, состоявшегося в 1910 г., вышел из партии эсеров, занялся кооперативным движением.

Письмо Ю.Н. Милютину[1]

16 января 1907 г.

Милостивый Государь
Юрий Николаевич.

Вследствие письма от 8 сего января, считаю необходимым сообщить, что столичною высшею полицейскою властью не издавалось никакого циркулярного распоряжения, обязывающего председателей публичных собраний знать имена и адреса всех без исключения лиц, выступающих на означенных собраниях, и мною в этом направлении не могло быть даваемо С.-Петербургскому градоначальнику подобных указаний.

Что касается до описываемого Вами случая, имевшего место 7 января в Нарвском общественном собрании, то по этому поводу выяснено, что лицо, пытавшееся выступить с речью, присвоило себе непринадлежащее звание, было уже известно полиции по принадлежности к революционному сообществу и в том же собрании разбрасывало воззвания этой партии, почему полиция

обязана была задержать его и передать подлежащей власти для привлечения к ответственности по 129 ст. Угол. улож. Задержание его при описанных Вами условиях признано мною, однако, неправильным и соответственные указания уже преподаны с.-петербургскому градоначальнику.

Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

П. Столыпин

16 января 1907 года

РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1302. Л. 2–2об.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

[1] **Милютин** Юрий Николаевич (1856–1912) – общественный и политический деятель, журналист. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., произведен в офицеры, в 1879 г. вышел в отставку в чине поручика. В 1882–1883 гг. служил в Министерстве юстиции, Сенате. В 1885–1890 гг. чиновник особых поручений при заведующем управлением по постройке Закаспийской военной железной дороги. В 1892–1894 гг. редактор газеты «Кавказ» – печатного органа при главнокомандующем гражданской частью на Кавказе. В 1905–1907 гг. вместе с видными представителями петербургской либеральной интеллигенции входил во внепартийный «Кружок равноправия и братства». С 1905 г. член петербургского Клуба общественных деятелей. Один из основателей и лидеров «Союза 17 октября», секретарь его ЦК (до 1906). С 1906 г. председатель городского совета октябристов в Петербурге, руководитель избирательной кампании партии в столице; с 1907 г. товарищ председателя ЦК партии. В 1906 г. редактор-издатель журнала «Свободная речь» и газеты «Согласие». В 1907–1912 гг. гласный Петербургской городской думы.

Письмо князю Б.А. Васильчикову

28 февраля 1907 г.

Милостивый Государь
князь Борис Александрович,

Присланный мне Вашим Сиятельством, при письме от 3 сего февраля, проект Устава русского Сельскохозяйственного банка, с объяснительною к нему запискою, был сообщен мною на заключение министра финансов. Ныне, из полученного от него отзыва, при сем в печатном экземпляре прилагаемого, усматривается, что он затрудняется высказать окончательное суждение по существу означенного проекта, ввиду недостаточной, по его мнению, определенности заключающихся в нем предположений. Поэтому

статс-секретарь Коковцов считал бы необходимым, до обсуждения настоящего дела в Совете министров, просить Главное управление землеустройства и земледелия пересмотреть план намечаемых им широких преобразований, выяснить их главные основания и поставить последние на практическую и посильную для исполнения почву, дабы предстоящий по сему вопросу в Совете министров обмен мнений мог сосредоточиться на вполне определенных предметах.

Сообщая о сем и находя, что при подобных условиях немедленное рассмотрение этого дела в Совете министров являлось бы преждевременным, долгом считаю обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшею просьбою, не изволите ли Вы признать возможным передать возбужденный Вами вопрос на предварительное обсуждение особого междуведомственного совещания из представителей заинтересованных ведомств (Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства финансов, Министерства внутренних дел, Министерства торговли и промышленности и Государственного контроля) и засим заключение означенного совещания, в связи с окончательными по настоящему делу предположениями Высочайше вверенного Вам ведомства, представить на уважение Совета министров.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и преданности.

Подписал: П. Столыпин
28 февраля 1907 г.
№ 1115

РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 211. Л. 83. На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Отпуск.

Идея создания Сельскохозяйственного банка, который, в отличие от Дворянского банка, давал бы деньги под залог не земли, а сельскохозяйственной продукции, имела значительное число сторонников в аграрных кругах России в начале XX в. 2 февраля 1907 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков представил в Совет министров проект перестройки всей системы аграрного кредита, в том числе слияния Дворянского и Крестьянского банков в единый государственный земельный банк и создания Сельскохозяйственного банка. К этому официальному документу прилагалась записка «К разрешению аграрного вопроса», составленная П.П. Мигулиным по поручению Васильчикова, в которой также разъяснялась необходимость создания Сельскохозяйственного банка. Однако проект Главного управления землеустройства и земледелия не получил поддержки в Совете министров.

Письмо великому князю Николаю Михайловичу[1]

28 февраля 1907 г.

Ваше Императорское Высочество,

Спешу уведомить Вас, что заявление правительства I Думе последует в пятницу. Начало заседания в 11 часов, но я полагаю, что час или два пройдет на поверку полномочий.

Не думаю, чтобы чтение декларации представило какой-нибудь интерес, так как вероятно от каких бы то ни было прений воздержатся.

С глубоким высокопочитанием имею честь быть
Вашего Императорского Высочества
всеподданнейший слуга
П. Столыпин
28 февраля 1907 г.

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 31.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Николай Михайлович** Романов (1859–1919) – великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внук императора Николая I, двоюродный дядя Николая II; генерал-адъютант, историк, председатель Русского исторического общества. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г.

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому[1]

март 1907 г.

Конфиденциально

Его Высокопрев[осходитель]ству барону А.Н. Меллер-Закомельскому

Милостивый государь, барон Александр Николаевич.

Ваше Высокопревосходительство в письме от 20 минувшего февраля за № 1528 сообщили мне, что эстляндский губернатор за последнее время входил с некоторыми представлениями в министерство с очевидным намерением показать правильность его взглядов, несогласных с взглядами Вашего Высокопревосходительства, а также допустил ряд действий, обнаруживающих недостаточное понимание им обязанностей высшего представителя власти на месте.

Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов[2], которому было предложено сообщить по поводу сего объяснение, представил нижеследующие сведения по существу предъявленных ему Вами обвинений.

1) Ходатайство о разрешении Ревельской городской управе отнести на городские средства издержки по содержанию уличных ночных сторожей в г. Ревеле было им, губернатором, представлено, помимо Вашего Высокопревосходительства, непосредственно министру внутренних дел, по телеграфу, на точном основании п. 2 ст. 400 Общ. учр. губ., изд. 1892 г.

Для того, чтобы доказать закономерность этого порядка сношений в данном случае достаточно, по отзыву д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, привести следующие факты, свидетельствующие о том, что вышеупомянутое ходатайство было действительно экстренным.

Не входя в предварительные сношения с губернатором о том, нужны ли какие-либо особенные меры по охране общественного порядка в Эстляндской губернии, где в последние месяцы минувшего года жизнь населения и число нарушающих ее мирное течение преступлений входили в обычные нормы, Ваше Высокопревосходительство, через месяц по вступлении в должность, подписали 4 декабря 1906 г. опубликованные затем 14 числа того же месяца в «Эстляндских губернских ведомостях» обязательные постановления, пунктом XI коих на домовладельцев губернских городов под угрозою штрафа до 3000 рублей или тюремного заключения до 3 месяцев возложена была обязанность содержать для сменного дежурства по два, утверждаемых полициею, ночных сторожа на каждые десять домов.

Ввиду сложности приведения в исполнение изложенного постановления, губернатор предложил городскому голове внести этот вопрос на обсуждение экстренного заседания думы, которая в чрезвычайном собрании, состоявшемся в 6 час. вечера 28 декабря минувшего года, постановила: 1) назначить на содержание ночных сторожей города Ревеля общую суммы в 2000 рублей предварительно на один месяц, с отнесением сего расхода на текущие городские средства; 2) поручить городской управе немедленно представить сие постановление Эстляндскому губернатору на предмет исходатайствования телеграфным путем утверждения оного министром внутренних дел; 3) передать заведование ночными сторожами в руки полиции; 4) назначить депутацию для ходатайства перед Вашим Высокопревосходительством об освобождении

г. Ревеля от обязанности содержания упомянутых выше ночных сторожей, и 5) поручить городскому голове обратиться с тем же ходатайством к генерал-губернатору.

Это постановление сводилось, по мнению д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, к спешному изысканию источника для покрытия крупного расхода, непосильного для многих домовладельцев, коим, однако, грозили в административном порядке суровые кары. При таких условиях губернатор счел полученное им поздно вечером в экстренном пакете постановление городской думы делом спешным, предусмотренным пунктом 2 ст. 400 Общ. учр. губ., и он, губернатор, не исполнил бы своей обязанности, если означенное ходатайство не представил бы министру внутренних дел по телеграфу, непосредственно.

Копию этой телеграммы губернатор, на основании того же закона, немедленно представил Вашему Высокопревосходительству и до сего времени не получил от Вас указаний в смысле признания действий его по сему вопросу не соответствующими прямому смыслу закона. Впервые указание на несоблюдение установленной формы сношений было губернатором получено из министерства, в предложении от 30 января сего года за № 581, коим губернатор поставлялся в известность об отклонении ходатайства городской думы согласно с заключением генерал-губернатора.

Из вышеизложенного д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов усматривал, что ему ставится в вину принятие указанным в законе способом экстренных мер к незамедлительному осуществлению в Ревеле неожиданно изданных Вашим Высокопревосходительством обязательных постановлений, вступивших в законную силу тотчас по их опубликовании.

По поводу сего объяснения Эстляндского губернатора я полагаю, что формально он не может почитаться в данном случае правым, не послав мне телеграмму через Ваше Высокопревосходительство. Об этом вместе с сим мною сделано распоряжение о поставлении в известность д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова.

2) По жалобе 23 гласных Ревельской городской думы на неправильные действия Ревельского городского головы Лендера[3], Ваше Высокопревосходительство указываете, что в этом деле выразилось покровительство, оказываемое Эстляндским губернатором таким лицам, как Лендер и Пунг, признанным неблагонадежными в политическом отношении.

Губернатор считает себя вправе протестовать против приведенного обвинения, ибо из всех данных дела, которые, по мнению д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, не могли не быть известными и Вашему Высокопревосходительству, так как через Вас им, губернатором, было направлено в министерство представление по сему делу, очевидно, что ни о каком покровительстве со стороны губернатора Лендеру и Пунгу речи быть не могло. Скорее могло быть приписано губернатору чрезмерное отсутствие снисходительности по отношению к первому из них, ибо за маловажное нарушение им пределов своих полномочий, – нарушение, которое не имело и не могло иметь каких-либо вредных для дела последствий, – губернатор возбудил и довел до конца вопрос о предании его суду.

Заявлению 23 гласных был дан законный ход по присутствию по городским делам, и роль губернатора ограничилась одним только председательствованием в заседании, где рассматривалось означенное заявление.

Что же касается бывшего секретаря управы Пунга, то д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов полагает, что по отношению к названному лицу он едва ли мог оказать какое-либо покровительство, так как Пунг в декабре 1905 г. задолго до вступления г. Башилова в должность Эстляндского губернатора бежал из пределов Эстляндии и по настоящее время не возвращался, а когда был задержан в Петербурге, то начальник Эстляндского губернского жандармского управления не нашел даже оснований к дальнейшему содержанию его под стражею.

Отношение его, губернатора, к совершенно незнакомому ему Пунгу выразилось, по отзыву д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, в том, что городским гласным немецкой партии, явившимся с просьбой дать им частным образом совет как оформить удаление Пунга от должности городского секретаря, губернатор рекомендовал внести в городскую думу предложение о представлении ему ходатайства о совершенном удалении Пунга от службы ввиду его безвестного отсутствия в течение более десяти месяцев.

3) Ваше Высокопревосходительство ставите Эстляндскому губернатору в вину его ходатайства о назначении несоответствующих лиц на должность Везенбергского уездного начальника.

По поводу сего д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов сообщил, что, занимая ответственный пост начальника Эстляндской губернии, где смутное настроение, охватившее Империю,

усугубляется враждой немецкой и эстонской национальностей, он, губернатор, с особенной заботливостью должен останавливаться на выборе своих ближайших помощников, которыми он не может не признать начальников уездов.

Ваше Высокопревосходительство, входя в самые, по мнению губернатора, мелочные подробности управления Эстляндскою губерниею, настояли на незаслуженном, по его мнению, увольнении от службы начальника Везенбергского уезда Тимофеева[4], основываясь исключительно на дошедших до него слухах о несоответствии его занимаемой должности, хотя губернатор дважды подробными представлениями доказывал противное.

На освободившуюся вакансию губернатором был намечен лично ему по своей деятельности известный помощник ревельского полициймейстера, коллежский асессор Яниц, знакомый с краем, обладающий способностями, доказывающий понимание им розыскной части и с успехом исполнявший в особенно тяжелое время должность ревельского полициймейстера. Адресованное министру внутренних дел представление губернатора об этом назначении от 10 января сего года и препровожденное им, на основании ст. 400 Общ. учр. губ., при представлении от того же числа Вашему Высокопревосходительству, было оставлено Вами без движения, о чем губернатор был уведомлен 15 января сего года, с указанием, что Яниц не может считаться достойным испрашиваемого назначения, так как происходит из солдатских детей, женат на мещанке, обучался в приходском* училище и служил только в городской полиции, совершенно отличной от уездной. В заключение Вы рекомендовали губернатору представить другого кандидата, указывая на старших помощников начальников уездов, как на наиболее к тому подготовленный контингент.

Подчиняясь предложению Вашего Высокопревосходительства, губернатор обязан был подыскать для должности начальника самого ответственного уезда Эстляндской губернии кандидата, ранее служившего в уездной полиции Прибалтийского края.

К сожалению, из числа старших помощников четырех начальников уездов Эстляндской губернии ни один не годится, по мнению губернатора, для должности начальника уезда.

Наиболее опытным губернатор признавал старшего помощника начальника Ревельского уезда Брезинского, но он стар, более годится для письменных занятий и не имеет организаторских

---

* В текст карандашом внесено исправление: не приходское, а городское училище.

способностей, каковое свойство особенно проявлял Яниц при исправлении должности ревельского полициймейстера. Вторым по достоинству губернатор признавал старшего помощника начальника Гапсальского уезда Оффенберга[5], как по образованию, так и по знакомству с делопроизводством, но вне канцелярии это человек ненаходчивый и характер у него слабый. О старших помощниках начальников уездов: Вейсенштейнского – Алласе и Везенбергского – Петрове, не могло быть, по мнению губернатора, и речи: первый – хороший сыщик, но этим и исчерпываются его способности, так как он плохо владеет пером, мало сведущ в законах и совершенно не имеет организаторских способностей, Петров же едва справляется с работою по Везенбергскому полицейскому управлению. Губернатор заявляет, что он лично обревизовал делопроизводство этих лиц и его оценка основана на фактах, которые он наблюдал.

Не считая себя вправе отнестись к делу только формально, т. е. принять указание Вашего Высокопревосходительства к буквальному исполнению и представить Брезинского, как лучшего из старших помощников начальников уездов, на открывшуюся вакансию, губернатор путем расспросов и собрания сведений подыскал второго кандидата, ему лично, к сожалению, не знакомого, но подходящего к тем требованиям, которые предъявляются Вашим Высокопревосходительством. Таким вторым кандидатом явился потомственный дворянин, бывший офицер, женатый на дворянке, ранее служивший в Курляндской уездной полиции Гладыревский, который потом был исправником, затем земским начальником и ходатайствовал о предоставлении ему должности Везенбергского уездного начальника ввиду слухов о предстоящем упразднении института земских начальников; Вологодский губернатор дал о нем отличный отзыв и Эстляндский губернатор вошел с представлением о его назначении.

Лишь из данных письма Вашего Высокопревосходительства губернатор неожиданно узнал, что упомянутое ходатайство его признано неуважительным по причинам, о коих Ваше Высокопревосходительство не признали нужным поставить губернатора в известность.

По поводу настоящего объяснения д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова мне кажется, что в настоящем случае губернатор действовал правильно.

4) Ваше Высокопревосходительство вменяете губернатору в вину его покровительство лицу, принадлежащему к одной из край-

них партий и состоящему на государственной службе по ведомству Министерства внутренних дел, пройти на выборах в Государственную думу от крайних партий.

Обвинение это, по отзыву губернатора, лишено фактической обоснованности. Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов совершенно отрицает свое вмешательство в избирательную кампанию в смысле кого бы то ни было давления на избирателей для побуждения их выбрать в члены Государственной думы комиссара по крестьянским делам Гапсальского участка Юрине[6], о котором в данном случае только, по отзыву губернатора, и может быть речь, тогда как двое остальных членов Государственной думы избраны от податных сословий.

Титулярный советник Юрине на самом деле ни к какой политической партии не принадлежит, но как эстонец по происхождению не только в силу служебной добросовестности, но и по симпатиям к единоплеменникам, вносил всю свою душу в комиссарскую деятельность, вполне закономерно отстаивал интересы крестьян, являющиеся совершенно противоположными интересам немецкого дворянства, и, таким образом, считался в глазах последнего крайне нежелательным лицом на посту комиссара.

Со стороны местного дворянства неоднократно делались, по отзыву губернатора, попытки очернить деятельность Юрине в глазах администрации и высших правительственных учреждений, причем недовольные его деятельностью помещики не стеснялись обвинять Юрине в политической неблагонадежности.

На самом деле, по своей комиссарской деятельности, Юрине губернатору известен как хороший юрист, объективный посредник между землевладельцами и крестьянами и спокойный, уравновешенный человек, по нравственным своим качествам заслуживающий доверия.

В этих пределах, по мнению губернатора, только и можно говорить об оказывавшемся им г. Юрине покровительстве как комиссару и русскому чиновнику, т. е. губернатор отказывался верить всем голословным обвинениям, доходившим закулисным путем о противоправительственной окраске Юрине, ибо не раз беседовал с последним и вынес впечатление о нем, как о человеке умном, сведущем, верноподданном и корректном. Что же касается приписываемого губернатору без проверки предъявляемого ему обвинения в оказании Юрине покровительства в деле избрания его в члены Государственной думы, то в таком покровительстве администрации Юрине, по мнению губернатора, не только не нуж-

дался, так как был выбран огромным большинством голосов, но оно могло бы только дискредитировать его в глазах избирателей, внушая им мысль, что он ставленник губернатора.

5) Ваше Высокопревосходительство приписываете губернатору неумение вести заседания бывшего губернского подготовительного совещания, явную склонность в сторону эстонской партии и допущение обсуждения аграрного вопроса, несмотря на то, что было указано на неудобство такого допущения.

Обвинение это, по мнению д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, представляется противоречащим действительности. Будучи далек от самоуверенной смелости отстаивать свое умение руководить заседанием комиссии из 50 членов, интересы коих настолько же различны, насколько противоречат друг другу государственная политика в крае, сепаратистские вожделения дворянского сословия и требования пробудившегося народного эстонского самосознания, губернатор протестует против упрека в партийном пристрастии и объясняет, что никакой ни явной, ни тайной склонности в сторону эстонской партии им допущено не было. Напротив того, большинство резолюций и постановлений Эстляндской подготовительной комиссии вынесено скорее в духе немецкой, чем эстонской партии, благодаря тому обстоятельству, что в числе приглашенных губернатором представителей правительственных учреждений было несколько лиц немецкого происхождения. Эстляндская подготовительная комиссия, руководствуясь программными указаниям, преподанными из Риги, распалась на 5 подкомиссий в составе равного числа голосов как избранников дворянства, так и избранников крестьян, при участии приглашенных губернатором представителей правительственных учреждений. Такими подкомиссиями явились: земская, аграрная, церковно-приходская, школьная и судебная. Выработанные в подкомиссиях проекты вносились в губернскую комиссию, которая, обсуждая их и примиряя интересы партий, вырабатывала готовые проекты или высказывала свои пожелания о разрешении в законодательном порядке в том или ином смысле поставленных на ее рассмотрение вопросов.

В этом направлении многие статьи проекта Земского положения, в основу коего легло общеимперское Земское положение 1890 года, выработаны вопреки требованиям крестьян, и хотя будущие земские учреждения и проектированы, по форме, всесословными, но руководящая, по существу, роль дворянства представляется, по мнению губернатора, обеспеченною. По аграрному вопро-

су комиссия высказала пожелания о введении в действие землеустроительных комиссий, единогласно приняла предположения об отмене привилегий владельцев дворянских вотчин, и, следуя намерениям законодателя, выраженным в Положении о крестьянах 1856 г., признала соответственным точно определить границы крестьянской и вотчинной земли. В основание церковно-приходской реформы лег проект, составленный в канцелярии эстляндского дворянства и одобренный ландтагом. Школьная реформа мало изменила существующее ныне положение и, наконец, судебное устройство проектировалось, по мнению губернатора, в законных рамках судебных уставов. Сохраняя, по мере своего разумения, искреннюю объективность в вопросах, где сталкивались интересы двух враждебных друг другу, немецкой и эстонской, национальностей, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов не только устно, но и письменно, в форме оглашавшихся особых его мнений, отстаивал начала русской государственности и русского языка.

Когда эти начала совпадали с интересами крестьян, это толковалось представителями землевладельческого класса как сочувствие губернатора эстонцам.

Обсуждение аграрного вопроса было указано в числе программных вопросов, намеченных в Рижском совещании под председательством генерал-лейтенанта Соллогуба[7] и от Вашего Высокопревосходительства губернатор никаких предложений об исключении сего вопроса из программы не получал, и он составил предмет занятий особой подкомиссии. Вопрос этот был, даже, самым важным в ряду вопросов об устройстве быта крестьян, и, по мнению губернатора, если его в этом деле можно в чем-либо упрекнуть, так это в чрезмерном сужении в среде местного эстонского населения таких надежд на увеличение его землевладения, которые могли оказаться несбыточными.

Губернатор не знает, какими конкретными действиям или словами его доказано приписываемое ему Вашим Высокопревосходительством обвинение в недоброжелательном отношении к местному дворянскому и землевладельческому сословию. С гораздо бóльшим основанием эстонцы могли бы, по мнению губернатора, обвинить его в чрезмерной к их противникам доброжелательности, выражавшейся в том, что, привлекая к участию в совещании, на правах приглашенных губернатором, представителей правительственных и общественных установлений предводителя дворянства барона Деллингсгаузена[8], покойного ландрата барона Будберга[9], явившихся лидерами немецкой партии, генерал-суперинтен-

данта Лемма[10] и нескольких других лиц той же партии, губернатор тем самым дал возможность дворянству чрез посредство этих высокопросвещенных лиц выставить свои требования с сильною аргументациею, на что остальные представители дворянства далеко не были способны. Что касается инкриминируемой Вашим Высокопревосходительством речи, сказанной в конце заседаний губернского совещания одним из крестьянских депутатов, представителем умеренно-прогрессивной партии, бывшим членом Государственной думы Лубби[11], то речь эта, по отзыву д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, явилась негодующим протестом на сделанное губернатору представителями дворянства, вместо благодарности за совместную работу, заявление о том, что, по их мнению, труды комиссии теряют всякое свое значение вследствие участия в них представителей правительственных учреждений и того обстоятельства, что представителями крестьян выбирались исключительно владеющие русским языком, а потому и не могущие считаться настоящими избранниками народа.

По сему поводу Ваше Высокопревосходительство высказываете мнение, что хотя в деятельности губернатора желательно видеть и необходимую поддержку интересов лиц сельского состояния, но вместе с сим губернатор обязан стоять вне партий.

Не оспаривая сего положения, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов объясняет, что, по его убеждению, всякое не только сочувствие, но и закономерное удовлетворение справедливых претензий крестьянского сословия, другими словами, эстонского населения, делает каждого правительственного чиновника в глазах местного дворянства, как это было с комиссаром Юрине – человеком партийным и нежелательным. Та же самая мерка была приложена и к губернатору в роли председателя губернской комиссии, хотя в объективности его нельзя было усомниться, ознакомившись с журналами заседаний, но дело в том, что эта объективность отрицается представителями немецкой национальности, не могущими, по отзыву губернатора, простить ему, что он твердо стоял на стороне государственных начал неделимости России и обязательности государственного языка в правительственных и общественных установлениях и школах.

6) В деле недавнего убийства члена Государственного совета, бывшего Эстляндского губернского предводителя дворянства барона Будберга, по Вашему мнению, обнаруживается ненадлежащая постановка губернатором уездной полицейской стражи. Не отрицая, что нельзя защитить каждого обывателя от преступных посягательств, особенно в настоящее время, Ваше Высокопревос-

ходительство указываете, что при энергичном руководительстве полицией возможно сделать многое и теперь для охраны наиболее выдающихся лиц, за коих, как за барона Будберга, было основание опасаться.

Представив мне копию рапорта начальника Гапсальского уезда от 25 минувшего февраля за № 501 по делу об убийстве барона Будберга, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов доложил, что, по его мнению, чинами Гапсальской уездной полиции сделано и делается в данном случае все возможное для обнаружения истины и задержания убийц. Независимо от сего, им, губернатором, командирован особо на место полицейский чиновник, неоднократно доказавший свои способности в деле раскрытия преступлений.

Изложенные сведения представлены д[ействительным] с[татским] с[оветником] Башиловым Вашему Высокопревосходительству 27 минувшего февраля за № 768.

Что касается возможности предупреждения подобных преступлений путем энергичного руководительства полициею и при надлежащей постановке полицейской стражи, то пожелание это не содержит определенных указаний на способы своего осуществления, где-либо с успехом испытанные. На деле оказывается, что террористическая статистика последнего времени и ряд громких убийств свидетельствуют, по мнению губернатора, о том, насколько меры предупреждения опасности, грозящей даже очень высокопоставленным лицам, достигают цели.

При этом д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов присовокупляет, что покойному барону Будбергу он не раз намекал о неосторожности путешествий по лесным дорогам без охраны, но барон утверждал, что так любим крестьянами, что чувствует себя в полной безопасности. Кроме того, он настолько был бесстрашен, что предложения конвоя он, по отзыву губернатора, никогда бы не принял.

7) Относительно происходившего в Ревеле собрания домашней прислуги, на котором, по указанию Вашего Высокопревосходительства, было сделано постановление о самых невозможных требованиях, губернатор представил следующее объяснение.

12 февраля к губернатору на прием явились три представительницы предполагаемого к открытию в Ревеле профессионального союза лиц, нанимающихся в услужение, и просили его разрешить им собраться 18 февраля в 4 ½ часа дня в предоставленном им для этой цели помещении общества «Эстония», чтобы избрать комиссию для выработки проекта устава названного об-

щества, который они хотели затем представить на утверждение в губернское по делам об обществах присутствие. Совершенное спокойствие в крае, близость начала деятельности новой Государственной думы, нежелательность доставления ей материалов для обоснованного запроса о стеснении свободы собраний, а равно совершенная закономерность цели предполагавшегося собрания побудили губернатора разрешить таковое под условием наблюдения полициею за непревращением его в политический митинг.

Указанного числа, в присутствии чинов полиции, состоялось общее собрание членов предполагаемого союза, число которых простиралось до 1000 человек, причем, согласно рапорту полициймейстера, «произнесенные речи и переговоры относились лишь к профессиональным нуждам собравшихся и никаких разговоров о политике или вообще противоправительственного характера не велось».

8) Что касается происходившей 18 февраля манифестации при проводах члена Государственной думы Пярна[12], то подробное по настоящему делу объяснение представлено губернатором Вашему Высокопревосходительству 20 того же февраля за № 689.

9) Ваше Высокопревосходительство указываете на бесцельные и вредные для дела пререкания губернатора с командующим 23 пехотной дивизией генералом Пыхачевым[13].

По поводу возникшего между губернатором и генерал-майором Пыхачевым пререкания, вызванного, по мнению губернатора, пренебрежительною формою сношения с ним командующего 23 пехотной дивизией, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Башилов представил объяснение, что в данном случае он только отстаивал престиж и авторитет представителя правительственной власти в губернии в лице губернатора и что по настоящему делу командир 18 армейского корпуса барон фон Ашеберг[14] признал генерал-майора Пыхачева не удержавшимся на почве закона в сношениях с губернатором.

В настоящем случае я, согласно с мнением Вашего Высокопревосходительства, нахожу, что губернатор был неправ, об этом мною сделано распоряжение о поставлении в известность д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова.

10) Обращаясь к объяснению медленности в течении дел в губернском совещании и представлении его трудов генерал-губернатору, губернатор заявляет, что таковая медленность оправдывается, по его мнению, громадностью и сложностью работы, которую пришлось ему выполнить по редактированию проектов и приведению в порядок материала, при недопущении в то же время ка-

кого-либо застоя в постоянно увеличивающейся текущей переписке по должности губернатора.

В настоящее время, по заявлению д[ействительного] с[татского] с[оветника] Башилова, работы все закончены, сданы в типографию, и по частям будут представляться Вашему Высокопревосходительству.

Об изложенных выше объяснениях Эстляндского губернатора уведомляю Ваше Высокопревосходительство вследствие письма от 20 минувшего февраля за № 1528.

Примите уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

<пропуск числа> марта 1907 г.

ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 170. Л. 1–9об.
Машинописный текст черновика письма, не подписанного П.А. Столыпиным.

[1] **Меллер-Закомельский** Александр Николаевич (1844—1923) — генерал от инфантерии (1906). В 1898—1901 гг. командовал 10-й пехотной дивизией, в 1901—1904 гг. — 3-й гвардейской пехотной дивизией, в 1904—1906 гг. — 7-м армейским корпусом. В 1905 г. подавил вооруженное выступление моряков в Севастополе, в конце 1905 г. — начале 1906 г. возглавлял карательную экспедицию на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах. В 1906—1909 гг. временный прибалтийский генерал-губернатор. С 1909 г. член Государственного совета.

[2] **Башилов** Петр Петрович — действительный статский советник, с 21 января 1906 г. до 11 июля 1907 г. эстляндский губернатор, с 13 июля 1907 г. до 28 февраля 1911 г. новгородский губернатор, с 28 февраля 1911 г. до 1917 г. уфимский губернатор.

[3] **Лендер** Владимир Андреевич — инженер-технолог, ревельский городской голова.

[4] **Тимофеев** Всеволод Васильевич — коллежский секретарь, уездный начальник Везенбергского уезда Эстляндской губернии.

[5] **Оффенберг** Александр Христианович — надворный советник, старший помощник начальника Гапсальского уезда Эстляндской губернии.

[6] **Юрине** Теннис Янович (1873—?) — титулярный советник, член комиссии по крестьянским делам в Гапсальском уезде Эстляндской губернии. Депутат II Государственной думы от Эстляндской губернии, примыкал к кадетской фракции.

[7] **Соллогуб** Василий Устинович (1846—?) — генерал-лейтенант, прибалтийский генерал-губернатор (1905—1906).

[8] **Деллингсгаузен** Эдмунд Николаевич — барон, в звании камер-юнкера, статский советник, затем действительный статский советник. С 22 января 1902 г. до 1917 г. губернский предводитель дворянства Эстляндской губернии, позднее вице-губернатор Эстляндской губернии.

[9] **Будберг** Оттон Романович (1850—1907) — барон, действительный статский советник, камергер, эстляндский губернский предводитель дворянства. Член Государственного совета от съезда землевладельцев Эстляндской губернии, группа центра. 17 февраля 1907 г. убит и ограблен эсерами при выезде из имения.

[10] **Лемм** Даниил — генерал-суперинтендант, с 1885 г. служил в Министерстве внутренних дел, с 1904 г. вице-президент Эстляндской консистории.

[11] **Лубби** Август Янович — депутат I Государственной думы от Эстляндской губернии, учитель.

[12] **Пярн** Павел Гендрикович (1875—?) — рабочий, маляр на вагоностроительном заводе «Двигатель» в Ревеле, социал-демократ, депутат II Государственной думы от Эстляндской губернии. Привлечен к уголовной ответственности.

[13] **Пыхачев** Николай Аполлонович — генерал-майор, командующий 23-й пехотной дивизией.

[14] **Ашеберг** фон Николай Павлович — барон, генерал-лейтенант, командир 18-го армейского корпуса (штаб в г. Юрьеве).

Письмо великому князю Николаю Михайловичу

7 марта 1907 г.

Ваше Императорское Высочество,

Растроганный Вашим письмом, спешу принести Вам искреннюю благодарность за то чувство, которое Вы вложили в присланные мне строки.

С глубоким почитанием имею честь быть Вашего Императорского Высочества

всепреданнейший слуга

П. Столыпин

7 марта 1907 года

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 32.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо графу С.Ю. Витте

7 марта 1907 г.

Милостивый Государь

граф Сергей Юльевич

Примите мою глубокою благодарность за Ваш теплый привет, особенно для меня ценный, как идущий от государственного человека, перенесшего столько испытаний, как Вы.

Прошу Вас верить в искреннее уважение мое и преданность.

П. Столыпин

7 марта 1907 г.

РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.
Машинопись. Копия.

Письмо графу А.А. Бобринскому[1]

9 марта 1907 г.

Милостивый Государь,
граф Алексей Александрович.

В письме от 5 сего марта за № 94[2] Ваше Сиятельство сообщили ходатайство Постоянного совета Объединенных дворянских обществ[3] о том, чтобы составленные Министерством внутренних дел проекты губернской и уездной реформы, до внесения их в общем законодательном порядке в Государственную думу, были подвергнуты обсуждению дворянских и земских собраний.

В ответ на это письмо имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что внесение на уважение законодательной власти проектов местной реформы не может быть задержано по общим политическим соображениям. Дворянство и земские же собрания не лишены возможности высказать свое мнение по настоящим вопросам до разрешения их Государственной думой и Государственным советом.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. 1907. Д. 20. Л. 3.
Машинопись. Копия.

[1] **Бобринский** Алексей Александрович (1852—1927) — граф, политический деятель, землевладелец, сахарозаводчик; камергер (1883), действительный статский советник (1883), сенатор (1896). Петербургский уездный и губернский предводитель дворянства и гласный Петербургской городской думы. В 1905 г. основатель и председатель Отечественного союза, член Центрального совета Всероссийского союза земельных собственников, председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ (1906—1912). Избран в III Государственную думу от Киевской губернии (съезда землевладельцев), товарищ председателя бюро фракции правых (1908); деятельно поддерживал политику П.А. Столыпина, критикуя, однако, с позиции крайнего консерватизма отдельные законопроекты и мероприятия правительства. Устраивал у себя политические рауты, на которых пытался сблизить крайних правых с националистами и октябристами. Член Русского собрания (1908—1910), учредитель и член Совета старшин Всероссийского национального клуба (1909), 31 декабря 1911 г. сложил с себя звание депутата Государственной думы.1 января 1912 г. назначен членом Государственного совета; группа правых. Председатель Археологической комиссии (с 1886), в течение ряда лет вел раскопки на Юге России, главным образом в Керчи и в Киевской губернии. Результаты раскопок анализировались им в исследовательском труде «О курганах близ м. Смелы Киевской губернии» (т. I — 1886, т. II — 1894, т. III — 1901), а также

в повременных изданиях (*«Отчет Императорской Археологической комиссии» с 1882 по 1907 гг.; «Известия Императорской Археологической комиссии», Вып. 14, 16–18, 35, 37, 40*). Кроме того, Бобринскому принадлежат ряд работ по доисторической, классической и русской археологии.

[2] 5 марта 1907 г. Постоянный совет Объединенных дворянских обществ обратился к П.А. Столыпину с ходатайством, чтобы составленный правительством проект местной реформы до внесения его на рассмотрение Государственной думы был подвергнут обсуждению дворянских и земских собраний. На этом обращении есть резолюция Столыпина: «Ответить, что по общеполитическим соображениям внесение в закон[одательные] учреждения проекта местной реформы задержано быть не может, но совершенно не исключаю возможность для дворян и земских собраний высказать, до рассмотрения этих вопросов, свое по проектам мнение».

[3] Постоянный совет являлся исполнительным органом Объединенных дворянских обществ. Образован на I съезде уполномоченных дворянских обществ, состоявшемся 21–28 мая 1906 г. в Петербурге. Он состоял из председателя, избираемого съездом на три года, его заместителей (с 1907 г. – двух) и 10 членов (с 1907 г. – 12). В 1906–1912 гг. председателем Постоянного совета являлся граф А.А. Бобринский. В работе Совета принимали участие и губернские предводители дворянства. На местах действовали губернские советы, выполнявшие функции связующего звена между Постоянным советом и дворянскими обществами. Руководство Совета поддерживало постоянные связи с консервативными правительственными кругами, лидерами крайне правых монархических партий.

Письмо Ф.А. Головину

21 марта 1907 г.

Срочное

Милостивый Государь,
Федор Александрович.

Вследствие письма от 16 сего марта, имею честь уведомить, что сообщенный Вами проект новых правил об охранении порядка в помещениях Государственной думы и о допущении в заседания Думы посторонних лиц я затрудняюсь поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению по нижеследующим соображениям:

1) Упоминание в ст. 3 о предоставлении особых мест «для тех членов Государственной думы прежнего созыва, присутствие которых в Думе при обсуждении того или иного вопроса председатель Думы признает желательным», едва ли удобно после того, как самая деятельность Государственной думы первого созыва подверглась торжественному осуждению с высоты Престола в качестве явно незакономерной, а значительная часть членов ее при-

влечена к уголовной ответственности по обвинению в тяжком государственном преступлении; помимо сего, представляется непонятным, почему именно присутствие тех или иных лиц в заседании Думы в качестве посторонних зрителей вообще могло бы признаваться «желательным» или «нежелательным»; если же усматривать в отмеченной части правил указание на возможность какого-либо участия или содействия членов первой Думы в занятиях нынешнего состава последней, то подобное правило стояло бы в явном противоречии с законом, по силе коего состав Государственной думы ограничивается членами, избранными на данное пятилетие.

2) В той же ст. 3 п. *б* упоминается о местах «для лиц, приглашенных председателем Думы или комиссиями Думы в качестве сведущих лиц». Между тем, из Учреждения Государственной думы отнюдь не вытекает, чтобы в заседания последней или ее отделов и комиссий могли быть приглашаемы какие-либо сведущие лица. По общему началу, усвоенному нашим законодательством, право председателей всякого рода собраний и присутствий приглашать для заслушания объяснений сведущих лиц не предполагается, а должно быть определенно указано в законе. Соответствующие оговорки и содержатся в подлежащих узаконениях, например, в ст. 74 Учреждения Государственного совета, предоставляющей председателям департаментов последнего право приглашать для объяснений сведущих лиц. Посему в тех случаях, когда подобное право не оговорено, как не оговорено оно, например, в Учреждениях Правительствующего Сената и Государственной думы, сведущие лица не могут быть приглашаемы в заседания сих учреждений.

Эти общие соображения находят себе прямое и совершенно ясное подтверждение и в законодательных мотивах, положенных в основание Учреждения Государственной думы. В первоначальном проекте сего Учреждения, внесенном бывшим министром внутренних дел, гофмейстером Булыгиным[1] в Совет министров, на который возложено было изыскание способов к осуществлению высочайших предначертаний, возвещенных в рескрипте 18 февраля 1905 г., имелась статья следующего содержания: «В заседания отделов Государственной думы и комиссий, при них образуемых, могут быть приглашаемы председателями отделов, для представления объяснений, лица, кои знаниями и опытом своим могут быть полезны». Статья эта при обсуждении проекта была, однако, исключена. «Совет министров, – говорится по сему предмету

в Высочайше утвержденной мемории последнего, – находил бы осторожным исключить правила о допущении в отделы Думы посторонних лиц для представления объяснений, так как, с одной стороны, при этом легко мог бы извратиться самый характер заседаний отделов Думы, а с другой, в этом едва ли будет настоять надобность и по существу, ввиду наличия в значительном по численности составе Думы лиц, обладавших разносторонними местными и профессиональными познаниями (мемория стр. 14)».

Таким образом, право приглашения сведущих лиц для объяснений, предоставленное председателям департаментов Государственного совета, определенно и с прямым намерением исключено законодателем из Учреждения Государственной думы. Правительство обязано посему рассматривать всякую попытку приглашения посторонних сведущих лиц в заседания Государственной думы, ее отделов и комиссий как прямое и весьма серьезное нарушение предоставленных ей пределов власти и противиться сему всеми имеющимися в его распоряжении средствами, а, следовательно, упоминание о приглашаемых сведущих лицах ни в каком случае не может иметь места в повергаемых на Высочайшее утверждение правилах.

3) В той же ст. 3 проектируется постановление о том, что сообщение между правой стороной галереи, предназначенной для упомянутых выше лиц, и кулуарами Думы должно быть открыто, то есть отменяется в соответствующей части правило, действующее ныне. Между тем, если подобное изменение проектировалось ввиду предположений о возможности допущения сказанных лиц к участию в трудах Думы и ее отделов и комиссий, то за устранением этого предположения, по несоответствию его с законом, проектируемое правило, как лишнее, само собою отпадает. Если же проект исходит из мысли о желательности допустить общение публики и членов Думы в кулуарах последней, то с таковым предположением я затрудняюсь в какой-либо мере согласиться. Опыт первой Думы показал все неудобство подобного порядка для интересов спокойствия и правильности ее занятий. У самых дверей залы заседания образовывались шумные митинги, на которых самозванные советчики из посторонней публики и представители политических партий пытались диктовать членам Думы их поведение в последней, чего нередко и достигали. Случалось при этом, что посторонние лица проникали в самый зал заседания, а однажды приставом Думы были замечены и удалены два посторонних лица, сидевшие в зале на местах, предназначенных для членов Ду-

мы, и принимавшие участие в голосовании. Подобное положение вещей, создающее опасность постороннего давления на членов Государственной думы, представляется, конечно, совершенно нетерпимым. В видах устранения сего в законодательных собраниях западноевропейских государств, далеко опередивших нас и в культурном развитии и в политическом опыте, по крайней мере, в большинстве из них (например, в Английском парламенте, в Германском рейхстаге, в Прусской палате депутатов), посторонняя публика в кулуары не допускается; в этих же видах выполнены были и у нас сложные работы по перестройке Таврического дворца, целью которых именно и являлось разобщение публики от членов Государственной думы, а потому согласиться на допущение хотя бы некоторой части посторонних лиц в кулуары я считаю совершенно невозможным.

4) Проектируемый ст. 7 трехдневный срок, предоставляемый заведующему охраной Таврического дворца для собрания справок о представителях печати, должен быть признан слишком кратким по отношению к лицам, не проживающим постоянно в С.-Петербурге, тем более, что срок этот предположено исчислять с момента отправки извещения, а не действительного его получения заведующим охраною.

5) По смыслу ст. 8 проекта билеты, выдаваемые чрез посредство членов Государственной думы, свободны от контроля заведующего охраной Дворца. Не сомневаясь, с своей стороны, что члены Думы будут передавать билеты только лицам, благонадежность коих стоит в их глазах вне всяких сомнений, я полагаю, однако, что обстоятельство это не исключает возможности добросовестных ошибок; посему едва ли есть основание лишать заведующего охраной принадлежащего ему ныне права не соглашаться на допущение в Таврический дворец тех или иных посторонних лиц, тем более, что пользование этим правом до сих пор не давало повода к каким-либо нареканиям и впредь будет, конечно, осуществляться заведующим охраною с тою же осторожностью.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Подписал: П. Столыпин

21 марта 1907 года

№ 163

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 5–6об.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Копия.

[1] **Булыгин** Александр Григорьевич (1851—1919) — государственный деятель, обер-шенк (1916), статс-секретарь (1913). Гласный Петровского уездного и Саратовского губернского земств. В 1881—1887 гг. зарайский уездный предводитель дворянства, одновременно гласный Рязанского губернского земского собрания. С декабря 1886 г. тамбовский вице-губернатор, с декабря 1888 г. калужский, с 1893 г. московский губернатор. С 1902 г. помощник московского генерал-губернатора, ближайший сотрудник великого князя Сергея Александровича. С 1 января 1905 г. член Государственного совета, примыкал к фракции крайне правых. 20 января 1905 г. назначен министром внутренних дел. Рескриптом 18 февраля 1905 г. на него возлагалось председательствование в Особой комиссии, выработавшей проект Положения о Государственной думе. После принятия манифеста 17 октября 1905 г. покинул пост министра. С ноября 1913 г. главноуправляющий собственной Ее Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны.

Письмо Ф.А. Головину

29 марта 1907 г.

Вследствие письма за № 266, имею честь уведомить, что при обсуждении затронутого в нем вопроса Вы изволили упустить из виду статью 63 Учреждения Государственной думы, а равно раздел II Высочайшего указа Правительствующему Сенату 20-го февраля 1906 года и Высочайше утвержденные 18 февраля сего года правила о допущении в заседания Государственной думы посторонних лиц.

За силою приведенных узаконений правила о порядке допуска в заседания Думы посторонних лиц устанавливаются по соглашению председателя Государственной думы с председателем Совета министров и утверждаются Высочайшей властью, причем до издания их действуют временные правила, устанавливаемые соглашением председателя Совета министров с председателем Государственной думы. При таких условиях очевидно, что правила эти, как состоящие под охраною обеих приходящих в соглашение сторон, создают для них не только право, но и прямую обязанность вступать в сношения во всех тех случаях, когда возникает разномыслие в понимании правил или последние нарушаются одною из сторон.

Так именно Вы и изволили поступить, обратившись ко мне с требованием принять меры к точному соблюдению заведующим охраной Таврического дворца Высочайше утвержденных 18-го февраля сего года правил, и так как заявление Ваше вполне согласовалось со смыслом сих правил, то, не выжидая запроса по

этому предмету со стороны Государственной думы, я и отдал соответствующее распоряжение к удовлетворению Вашего требования.

В дальнейшем Вам угодно было вступать со мною в том же порядке в сношения по вопросу об изменении этих правил в смысле, между прочим, отвода в Думе особых мест для приглашенных в ее заседания посторонних сведущих лиц. Со своей стороны, письмом от 21-го марта за № 163, я сообщил Вам, что совершенно бесспорные, на мой взгляд, соображения исключают возможность допускать таковых лиц в заседания Государственной думы. Вслед за сим до сведения моего дошло, что, не выждав Высочайшего соизволения на изменение действующих правил и не получив даже моего на то согласия, Вы изволили допустить в Думу лиц, участие коих в занятиях последней законом не предусмотрено.

Отсюда возникла для меня обязанность принять немедленно меры к устранению сего нарушения и предупредить возможность его повторения в будущем. Предо мною лежали два пути. Первый из них, формально предуказанный законом, давал мне право распорядиться, на точном основании ст. 4 и 21 Высочайше утвержденных 18-го февраля сего года правил, чтобы заведующий охраной Таврического дворца не допускал в последний никого из лиц, не имеющих на то права. Другой путь, вытекавший, как мне казалось, из законов вежливости, побуждал меня обратиться предварительно к Вам с письмом, прося осведомить, какие меры угодно будет принять Вам и образованному для соображения общих вопросов президиуму в видах устранения замеченного нарушения закона. Этот именно путь и был первоначально избран Вами; этот же путь избрал и я. Но так как Вам не угодно далее на нем оставаться и Вы желаете придерживаться единственно лишь пути формального, то и мне приходится отказаться от всяких попыток устранить путем переписки возникающее между нами разномыслие и, пользуясь принадлежащим мне правом, отдать заведующему охраной Таврического дворца приказ не допускать в стены последнего никаких вообще посторонних лиц, за исключением указанных в высочайше утвержденных 18-го февраля сего года правилах.

29 марта 1907 г.

Опубл.: Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М., 1991. – С. 80–82.

Это письмо явилось ответом на послание Ф.А. Головина:

«В письмах Ваших от 22, 24, и 26 сего марта за №№ 164, 167 и 168 Вы изволите сообщать мне о незакономерных, по Вашему мнению, действиях дум-

ских комиссий и в то же время настаиваете на сообщении Вам в самом непродолжительном по возможности времени, какие меры приняты и будут принимаемы со стороны президиума Государственной думы к ограждению установленного законом порядка и к предупреждению возможности его нарушений на будущее время.

Я считаю своим долгом покорнейше просить Вас не отказать меня уведомить, на основании каких статей закона председатель Совета министров может обращаться с подобного рода запросом к председателю Государственной думы. В учреждении Государственной думы есть ст. 33, которая дает Государственной думе право обращаться к министрам и главноуправляющим с запросами по поводу их незакономерных действий, но нет статьи, которая давала бы право министрам делать запрос Государственной думе или ее председателю. (*Опубл.: Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... — М., 1991. — С. 80*).

Письмо П.Б. Струве[1]

9 апреля 1907 г.

Милостивый Государь
Петр Бернгардович,

Я буду иметь честь принять Вас завтра во вторник 10-го в 2 ½ часа дня.

Если это время Вам неудобно, не откажите сообщить об этом мне.

Примите уверения в совершенном уважении моем и преданности.

П. Столыпин
9 апреля 1907 года

ОР (Дом Плеханова) РНБ. Ф. 753. Д. 107. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Струве** Петр Бернгардович (1870—1944) — общественный и политический деятель, экономист, философ, публицист. В 1890-х гг. лидер «легального» марксизма. С 1895 г. по 1899 г. приват-доцент Петербургского университета. Фактический редактор марксистских журналов «Новое слово», «Жизнь», «Начало». Глава «критического направления» в русском марксизме. В декабре 1901 г. нелегально выехал за границу, с 1902 г. редактор либерального журнала «Освобождение». В 1903 г. один из учредителей «Союза освобождения», принял активное участие в выработке программы и тактики будущей либеральной партии. После опубликования манифеста 17 октября по приглашению С.Ю. Витте вернулся в Россию. На II съезде кадетской партии (январь 1906 г.) был избран в ЦК (оставался в составе ЦК до июня 1915 г.). С декабря 1905 г. редактор журнала «Полярная звезда», в апреле-июне 1906 г. редактор газеты «Дума», с конца 1906 г. редактор журнала «Русская мысль». С осени 1906 г. преподаватель политэкономии в Петербургском Политехниче-

ском институте, с 1910 г. приват-доцент Петербургского университета. В июне 1907 г. в составе группы депутатов посетил П.А. Столыпина с целью предотвратить роспуск Думы. В 1908 г. выдвинул концепцию «Великой России». В 1909–1913 гг. работал в Религиозно-философском обществе. С 1913 г. экстраординарный профессор Петербургского университета. Один из руководителей Всероссийского Земского союза.

У П.Б. Струве сохранился конспект его беседы со Столыпиным:

1) Тревожное состояние Думы. Неуверенность в дальнейшем ее существовании. Царь и Головин.

2) Необходимость вывести Думу из этого положения. Новые [разносоставности?] Думы инициатива в этом деле должна принадлежать правительству. Желательно*, чтобы правительство вполне ясно довело** теми или иными путями – до сведения *решающих* факторов Думы, каковы его условия и виды. Что приемлемо и что неприемлемо.

3) Идея совместной работы Госуд[арственной] думы и правительства построена на [выяснении?] как предметов думских занятий, тех законодательных предположений, по которым в существе и в конечном итоге между Г[осударственной] думой и правительством может быть достигнуто соглашение, или которые не могут служить материалом для конфликта и [безысходного?] обострения отношений.

4) *Бюджет.* Ускорение его обсуждения. Вопрос о расширении бюджетных прав. Возможный компромисс.

5)*** Законы по ст. 87. Аграрные законы.

6)**** Смертная казнь. Осуждение политических убийств. Телеграмма.

7) *Организация думского большинства.* Трудовики или поляки? Аграрный вопрос. Пусть Дума рассуждает об аграрном вопросе.

[Согласите?] и [осведомите?] Совещания по аграрному вопросу.

Поляки. Отношение правительства к полякам и поляков к правительству.

8) Правительств[енная] политика должна быть нац[иональной] (государственной) и народной.

(ОР – Дом Плеханова РНБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 107. Л. 2–3. Рукопись. Подлинник. Автограф).

Письмо В.Н. Коковцову

26 апреля 1907 г.

Милостивый Государь,
Владимир Николаевич.

Ознакомившись с сообщенною мне главноуправляющим землеустройством и земледелием перепискою между ним и Вашим Высокопревосходительством по вопросу о скорейшем ут-

---

* Зачеркнуто: вполне ясно.

** Зачеркнуто: через.

*** Зачеркнуто: органы.

**** Зачеркнуто: осуж.

верждении правил выдачи Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель, имею честь уведомить Вас, что, разделяя мнение по сему предмету, изложенное в обращенном к Вам письме шталмейстера князя Васильчикова, от 21 сего апреля, за № 1159, я и с своей стороны признавал бы необходимым возможно незамедлительное приведение закона 15 ноября 1906 года о залоге надельных земель в действие, так как считаю, что оставление этого закона не использованным не может соответствовать видам правительства, издавшего его в качестве меры неотложной, существенно необходимой для правильного хода землеустроительного дела.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
26 апреля 1907 г.
№ 2588

РГИА. Ф. 529. Оп. 44. Д. 490. Л. 213–213об.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо Ю.Н. Милютину

26 апреля 1907 г.

Многоуважаемый Юрий Николаевич,

Постараюсь исполнить Ваше желание. Не могу только прислать вам проекты, не внесенные в Госуд[арственную] думу.

Ваша мысль о продаже проектов мне нравится, и я постараюсь ее использовать.

Искренне Вас уважающий и преданный
П. Столыпин
26 апреля 1907 г.

РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1579. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо Ф.А. Головину

30 апреля 1907 г.

Милостивый Государь
Федор Александрович.

Харьковский губернатор[1] сообщил мне, что в июле месяце 1906 года против крестьянина Тимофея Ярового[2], бывшего в то время председателем Тучнянского волостного суда, а ныне со-

стоящего членом Государственной думы, возникло обвинение в краже кошелька с десятью рублями и должностного знака у крестьянина Михаила Молчанова.

Полицейское дознание по означенному обвинению, согласно определению Лебедянского уездного съезда, состоявшемуся 24 марта сего года в судебном заседании, передано для разбора в Верхосульский волостной суд.

Сообщая о сем ввиду пункта 1-го статьи 7 Положения о выборах в Государственную думу и ст. 20—21 Учреждения Думы (Свод. зак., т. 1, ч. 2., изд. 1906 года) на Ваше, Милостивый Государь, распоряжение, прошу Вас о последующем не оставить меня уведомлением.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

П. Столыпин

30 апреля 1907 года

РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 411. Л. 12–12об.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Копия.

[1] В это время пост харьковского губернатора занимал генерал-лейтенант Николай Николаевич Пешков.

[2] Яровой Тимофей Иванович (1857—?) — крестьянин с. Тучное Тучнянской волости Лебедянского уезда. Председатель волостного суда. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Депутат II Государственной думы от Харьковской губернии, входил в трудовую группу и фракцию Всероссийского крестьянского союза.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

2 июля 1907 г.

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе

Ваше Сиятельство возбуждаете вопрос об изменении статьи 1124 Свод. зак., т. XI, ч. I, изд. 1896 года и утвержденных главноуправлявшим Закавказским краем генерал-адъютантом Нейгардтом[1] правил о порядке избрания кандидатов на пост верховного Патриарха-Католикоса всех армян в том смысле, чтобы избрание сих кандидатов производилось не открытым голосованием, а закрытою баллотировкою.

Не возражая по существу против предположенного Вами мероприятия, хотя целесообразность его и вызывает у меня некоторое сомнение, я не могу не заметить, что осуществление его по-

требовало бы изменения не только упомянутой статьи 1124 и указанных правил, но и других статей ч. I тома XI Свод. зак., как, напр., ст. 1121, согласно коей депутаты от армянских епархий, в случае невозможности явиться в Эчмиадзин для выбора Патриарха, имеют право объявлять письменно свои мнения, так как такой способ подачи голоса несовместим с закрытою баллотировкою. Между тем поднятие в настоящее время вопроса о частичном изменении законоположений, касающихся Эчмиадзинского верховного Патриарха-Католикоса, едва ли было бы соответственным, ибо, возбудив, несомненно, некоторое брожение среди армянского населения, оно далеко не оправдывалось бы той пользой, которую от него можно было бы ожидать. Я держусь в этом отношении иного взгляда и полагаю, что упомянутые выше законоположения подлежат коренному пересмотру в целях уравнения армяно-григорианской церкви, в отношении управления, с другими инославными церквами, и устранения той ее исключительной самостоятельности, которою она пользуется в настоящее время в ущерб государственным интересам[2]. Такой пересмотр мог бы быть предпринят и теперь, но ввиду Вашего заключения, изложенного в письме Вашем от 29 января сего года, № 78*, я согласен отложить его до более благоприятного времени или же до кончины Патриарха, когда в период вакантности патриаршего престола можно было бы пересмотреть и законы, определяющие положение этого духовного лица. Само собой разумеется, что тогда будут приняты во внимание и подвергнуты обсуждению и соображения Вашего Сиятельства об изменении законоположений, касающихся открытой баллотировки.

Об этом имею честь уведомить Ваше Сиятельство вследствие отношения от 17 минувшего мая.

Министр внутренних дел (подписал) П. Столыпин

№ 10688

РГИА. Ф. 281. Оп. 7. Д. 214. Л. 29–30.

На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Машинопись.

[1] **Нейгардт** Александр Иванович — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 25 ноября 1842 г. до 27 декабря 1844 г. главноуправляющий в Грузии и командир Отдельного Кавказского корпуса.

* Рукописная вставка: о возможности обострения революционного движения среди армян.

[2] Вопрос об избрании каталикоса специально рассматривался на заседании Совета министров 26 августа 1908 г. В заседании приняли участие наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков, представитель Министерства иностранных дел Н.В. Чарыков и обер-прокурор Синода П.П. Извольский. Министерство внутренних дел в лице П.А. Столыпина настаивало на приостановлении выборов и принятии, «не ожидая предстоящего избрания нового каталикоса», «надлежащих мер к устранению безответственности Эчмиадзинского каталикоса перед государственной властью» и к точному определению его прав как главы армяно-григорианской церкви. Однако Воронцов-Дашков и Чарыков высказались за соблюдение сроков избрания каталикоса (30 октября 1908 г.) с некоторым изменением порядка проведения баллотировки. Причем Чарыков заявил, что «принятие мер, затрагивающих религиозные чувства армянского народа, может побудить последнего искать способов перенесения вселенского патриархата в другое место, вне пределов России». Этой же позиции придерживался и Извольский. Однако Столыпин в своем выступлении в ответ на это особо подчеркнул, что «соображения внешней политики не могут служить основанием, чтобы оставлять без внимания требования политики внутренней, которая не может мириться с тем, чтобы в Империи было должностное лицо, облечено экстерриториальной властью, не подчиняющееся велениям закона и открыто не исполняющее законных распоряжений правительства». Он потребовал четкого закрепления правового положения главы армяно-григорианской церкви, а также приравнивания каталикоса относительно служебной ответственности к другим высшим иерархам Российской империи, указав, вместе с тем, что каталикос увольняется от должности Высочайшею грамотою, в том же порядке, в каком он верховною властью и назначается; кроме того, Столыпин указал на необходимость знания кандидатом на пост главы армяно-григорианской церкви русского языка (*Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. – Т. 3. – М., 1988. – С. 631–637*).

Письмо В.Н. Коковцову

7 июля 1907 г.

Глубокоуважаемый
Владимир Николаевич,

Возвращаю Вам письмо Горбунова, которое, откровенно говоря, произвело на меня очень тяжелое впечатление. Горбунов не только открыто и официально критикует правительственную политику по землеустройству, но внушает и подчиненным лицам скептицизм и недоверие к ней.

Горбунов же сам не только не верит тому делу, которому призван служить, но вредит ему, так как, авторитетно уча других, сам, видимо, не усвоил себе даже азбуки аграрной политики.

Никогда и никто не предлагал нашим посланцам силком навязывать хутора, – очень понятно, что в Поволжье это дело весь-

ма трудное, но *расселение* там не только возможно, но уже давно началось; оно не может только развиться вследствие инертности и нищеты населения. В качестве б[ывшего] саратовского губернатора я это категорически утверждаю. Видимо, спохватившись, Горбунов в телеграмме своей теперь прикрывается расселением.

Едва ли проповедь г-на Горбунова, опорочивающая главнейшие задачи правительственной политики, может оказать пользу правительству перед выборами. Ведь в наши виды не входило через посланцев наших сеять на местах семена недоверия к правительству и его программе и поощрять оппозицию. Извините, что без обиняков высказываю свое мнение.

Искренно Вам преданный
П. Столыпин
7 июля 1907 года

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 4–4об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо М.Ф. Люце[1]

31 июля 1907 г.

Милостивый Государь,
Михаил Федорович.

Иркутский генерал-губернатор[2] уведомил меня, что, объехав лично Красноярский, Енисейский, Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии, он убедился, что революционная деятельность в губернии, хотя и не имеет того острого характера, как это было год тому назад, тем не менее, она настолько еще серьезна, что заставляет администрацию напрягать все свое внимание. Так, в ночь с 7 на 8 июня, в гор. Красноярске, революционеры пытались, нападением на гауптвахту, убийством караульного офицера и выпуском арестованных нижних чинов, создать вооруженную толпу, предводительствуемую двумя офицерами с революционными флагами и двинуть ее к тюрьме, освободить затем арестантов и попытаться захватить власть в городе. Преступное намерение это, однако, не удалось в самом начале, причем жертвами оказались только караульный офицер, убитый в караульном помещении на глазах всего караула, а также несколько лиц из числа нападавших и убегавших с гауптвахты. Вслед за сим, 11 минувшего июня в гор. Красноярске революционерами произведено одновременно обстреливание гауптвахты, тюрьмы,

станции железной дороги и других учреждений. 15 того же июня в Красноярске днем, на многолюдной улице, убит революционерами смотритель тюрьмы. За последнее время произведен ряд дерзких ограблений, приписываемых также участию революционных элементов, так, напр[имер], были совершены нападения: в мае – на Знаменский скит, вблизи Красноярска, в минувшем июне – на артельщика акцизного управления, сопровождавшееся убийством стражника и ограблением 1000 рублей и пр.

В городе Енисейске, в здании городской управы, в книжном складе Общества попечения о начальном образовании, обнаружено распространение секретарем городской думы нелегальной литературы.

В Минусинском уезде ведется усиленная агитация среди крестьян, причем задержано 9 террористов с перепискою, указывающей на связь с убийством в Красноярске смотрителя тюрьмы и с организациями в городах Иркутске и Томске.

В Ачинском уезде агитация ведется как среди старожилов-крестьян, так и среди переселенцев, в городе же Ачинске во время проезда генерал-губернатора готовилось покушение взрывом бомбы.

Преступные организации городов Сибири Иркутска, Читы, Красноярска, Томска, Енисейска, Минусинска и многих других, по полученным сведениям, вошли между собою в тесную связь.

Администрация в лице и. д. губернатора камер-юнкера Гирса[3] и подведомственных ему органов в пределах всякой возможности принимает решительные меры к подавлению брожения и локализации преступного элемента, но она не в силах уничтожить в корне политическую агитацию, так как деятели революционных партий встречают не только сочувствие, но и поддержку со стороны тех должностных лиц, которые, и по своему положению и по долгу присяги, обязаны подвергать их строгому преследованию. Так, администрация могла бы с полным успехом решительно бороться с распространением революционных организаций при условии быстрого и беспристрастного суда, между тем губернатору, по крайней мере, в Минусинском уезде, в лице чинов судебного ведомства, приходилось встречать только одно противодействие раскрытию политических преступлений и видимое желание тем или иным способом, если не совсем прекратить дело, то, по крайней мере, его ослабить.

Из данных, свидетельствующих о вредной и нежелательной деятельности чинов судебного ведомства усматривается, что одним из активных деятелей от преступных организаций выступал

мировой судья Максимов, который, разделяя революционные убеждения, участвовал на устраиваемых в гор. Минусинске митингах, где говорил речи противоправительственного содержания; на этих же митингах пелась «Марсельеза». 18 июня 1906 года Максимов устроил собрание, где допустил говорить ораторам противоправительственные речи, а затем ушел, оставив собрание не закрытым, чем дал возможность ему продолжаться. В период предвыборных собраний второго созыва Государственной думы, состоя председателем избирательного съезда, мировой судья Максимов принимал меры к освобождению из тюрьмы политических арестантов, оказавшихся затем выборщиками от волостей, и допустил в помещение съезда для агитации постороннее лицо. Ввиду таких данных постановление Енисейской губернской по делам о выборах в Государственную думу комиссии было, указом Правительствующего Сената от 15 июня 1907 года, отменено, причем определено о действиях председателя съезда уполномоченных мирового судьи Минусинского уезда Максимова довести до сведения министра юстиции. Между тем ныне названный Максимов назначен товарищем прокурора Красноярского суда в гор. Красноярске и ему поручено наблюдение за политическими делами. Таким образом, Максимов получил назначение из отдаленного уездного города в губернский город и возможность влиять на ход дел политического характера.

Судебный следователь 5-го участка Красноярского окружного суда Вонаго[4], будучи революционных убеждений, принимал участие на всех устраиваемых в гор. Минусинске митингах, где говорились противоправительственные речи и пелась «Марсельеза», причем на одном из таковых провел записку о законности митингов и собраний. При производстве следствий по делам политического характера Вонаго, стараясь оправдать обвиняемых, не записывал полностью показаний свидетелей, говоря им, что данного обстоятельства показывать не надо, так как об этом они показывали уже жандармским властям. По сообщению иркутского генерал-губернатора, Вонаго и до настоящего времени остается в прежней его должности.

Прокурор Красноярского окружного суда Верещагин[5] дал начальнику Енисейского губернского жандармского управления предложение о прекращении возбужденной им, в порядке положения об охране, переписки по раскрытию комитета революционных митингов, происходивших в 1905 и 1906 гг. в Минусинске

и вообще на почве формальности проявляет стремление воспрепятствовать жандармскому надзору раскрыть означенный комитет, в котором, несомненно, участвовали и чины судебного ведомства.

В то время, когда судебные власти в пределах ведомства Красноярского окружного суда оставляют ряд крупнейших политических преступлений, по недоказанности, без преследования, а местные тюрьмы переполнены тройным комплектом арестантов, обвиняемых в простых кражах и других незначительных преступлениях и числящихся в течение долгого времени за судебными следователями, прокурор Красноярского окружного суда Верещагин, по сообщению генерал-лейтенанта Селиванова, настойчиво требует предания суду лиц жандармского надзора за всякое сравнительно ничтожное упущение. Так, например, на станции Канск, 4 апреля сего года, жандармским унтер-офицером Флоровым был задержан неизвестный человек, показавшийся ему подозрительным, ввиду отсутствия у сего лица вида на жительство и нахождения в вещах японской медали, полученной во время пребывания его в плену. Так как жандарм заподозрил в задержанном японского шпиона, то он и отправил его в полицию, откуда арестованный, по установлении личности, был освобожден. Прокурор Верещагин, осведомясь об этом, настойчиво требует предания жандармского унтер-офицера суду по преступлениям, предусмотренным 348 и 349 ст. Улож. о нак. за его, будто бы, неосновательные и незаконные действия при исполнении им служебных обязанностей.

Подобные требования о предании суду младших чинов жандармского полицейского надзора предъявляются прокурором Верещагиным и к губернской администрации.

Действия прокурора Верещагина находят себе объяснение в том обстоятельстве, что еще в прошлом году он состоял членом партии народной свободы, т. е. партии, требующей в своих программах Учредительного собрания и предлагавшей не платить податей. Ныне, если согласно предъявленному требованию Верещагин наружно и вышел из состава этой партии, то едва ли можно допустить, что он, в действительности, изменил свои убеждения и порвал окончательно связи с своими единомышленниками.

Такой образ действий прокурорского надзора, при массе ответственной работы низших чинов полиции, действует на них подавляюще, причем, с другой стороны, постоянные убийства революционерами, угрозы и бойкот настолько терроризируют по-

лицейских чинов, что последние оставляют службу, в убеждении, что крупные политические деяния, даже чинов судебного ведомства, остаются без преследования, а ничтожные упущения полиции и притом формального порядка, совершенные без всякого злого умысла, влекут их на скамью подсудимых.

Товарищ прокурора Красноярского суда Киселев[6], будучи наблюдающим за Красноярскою тюрьмою, пользовался большою популярностью среди арестованных в тюрьме за вооруженное восстание и рядом своих действий при посещении тюрьмы не только не оказал хотя бы нравственной поддержки тюремной администрации, находившейся в исключительно тяжелых условиях при массе политических заключенных, но, наоборот, своим вмешательством в управление тюрьмы подрывал авторитет тюремной администрации.

Ввиду изложенного, признавая Максимова, Вонаго, Верещагина и Киселева лицами вредными для государственного порядка и не соответствующими занимаемому ими служебному положению, долгом считаю покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в распоряжении о немедленном устранении названных чинов судебного ведомства от занимаемых ими должностей, так как в противном случае я буду поставлен в необходимость предложить иркутскому генерал-губернатору устранить их от должностей на основании п. 19 приложения к ст. 23 Общ. губ. учр., т. II Свод. зак., изд. 1892 г. «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении».

О последующих Ваших распоряжениях благоволите, Ваше Превосходительство, меня уведомить.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Подписал П. Столыпин

31 июля 1907 года

РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 443. Л. 1–4об.

На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Копия.

[1] **Люце** Михаил Федорович — тайный советник, член Правительствующего Сената, товарищ министра юстиции.

[2] Имеется в виду генерал от инфантерии Андрей Николаевич **Селиванов**, который с 29 апреля 1906 г. до 24 июля 1910 г. занимал пост Иркутского генерал-губернатора.

[3] **Гирс** Алексей Николаевич — камер-юнкер, действительный статский советник. С 24 июня 1899 г. до 14 февраля 1901 г. вице-губернатор Астраханской губернии, с 14 февраля 1901 г. до 12 апреля 1903 г. вице-губернатор Нижегородской губернии, с 5 августа 1906 г. до 30 июня 1909 г. енисейский губернатор.

[4] **Вонаго** Бронислав Юрьевич — коллежский секретарь, и. д. судебного следователя 5-го участка (г. Минусинска) Красноярского окружного суда.

[5] **Верещагин** Андрей Андреевич — надворный советник, прокурор Красноярского окружного суда.

[6] **Киселев** Сергей Иванович — коллежский секретарь, товарищ прокурора Красноярского окружного суда.

Записка А.Д. Арбузову[1]

8 августа 1907 г.

А.Д. Арбузову

Сообщите Ермолаеву[2], что я очень тронут его письмом и лептою на памятник 12 августа[3].

Посланные им и прилагаемые 5 р[уб]. употребите на какие-нибудь украшения на памятник*.

8 авг[уста]

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 405.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Арбузов** Алексей Дмитриевич — действительный статский советник, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (1906—1913).

[2] **Ермолаев** Иван Афанасьевич, проживающий в Москве на ул. Петровка, 7 августа 1907 г. послал почтовый перевод на сумму пять рублей. 10 августа А.Д. Арбузов по поручению П.А.Столыпина передал его искреннюю признательность (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 406, 407*).

[3] Имеется в виду памятник, который был возведен в память о жертвах взрыва на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. На месте дачи разбили цветник, а через год, 12 августа 1907 г., П.А. Столыпин лично заложил первый камень будущего памятника. Еще через год был установлен высокий обелиск из финляндского красного гранита с соответствующей надписью (имена всех жертв) и иконой Воскресения Христова. На открытии памятника присутствовал Столыпин и члены его семьи.

---

* Сверху карандашом помета А.Д. Арбузова: Часть секрет[ная]. Прошу узнать имя, отчество Ермолаева и исполнить письмом от меня.

Телеграмма графу И.И. Воронцову-Дашкову

9 августа 1907 г.

Дешифрант

Тифлис, Наместнику

Из Петербурга

9 августа [1907 г.]

Эстляндский вице-губернатор Гирс[1] польщен доверием Вашего Сиятельства, благодарит за предложение; принять пост тифлисского губернатора не считает себя вправе ввиду незнакомства [с] местными условиями и сознания ответственности.

Министр внутренних дел Столыпин

РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2602. Л. 13. Рукопись.

[1] Гирс Алексей Федорович (1871—1958) — действительный статский советник, камергер. С 12 августа 1906 г. до 18 мая 1908 г. вице-губернатор Эстляндской губернии. С 18 мая 1909 г. до 17 декабря 1912 г. киевский губернатор, с 26 ноября 1912 г. до 1915 г. минский губернатор, в 1915—1917 гг. нижегородский губернатор.

Письмо О.П. Герасимову

22 августа 1907 г.

Милостивый Государь,

Осип Петрович.

Всеподданнейшим докладом от 17 сего августа[1] я испрашивал указаний, не благоугодно ли будет Его Императорскому Величеству повелеть рассмотреть в Совете министров возбужденный архиепископом Томским вопрос об ограничении приема евреев в Томский Технологический институт Императора Николая II, и Государь Император, в 19 день августа сего года, соизволил одобрить означенное предположение.

Ввиду сего имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству для исполнения копию с этого моего всеподданнейшего доклада.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

22 августа 1907 г.

№ 4744

РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 835. Л. 14.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] Всеподданнейший доклад П.А. Столыпина Николаю II
17 августа 1907 г.

По ходатайству архиепископа Томского Макария об ограничении приема евреев в Томский Технологический институт Императора Николая II.

Управляющим Томскою губерниею передана на мое имя телеграмма архиепископа Томского Макария следующего содержания:

«Группа молодых русских людей просит меня всеподданнейше просить Его Величество ограничить или прекратить прием евреев в Томский Технологический институт Императора Николая II, стеснительно для русских наполняемый евреями. Не благоволите ли таковое ходатайство повергнуть на Всемилостивейшее воззрение Его Императорского Величества».

Представляя означенную телеграмму на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение, приемлю долг всеподданнейше испрашивать указаний, не благоугодно ли будет Вашему Величеству повелеть возбужденный архиепископом Макарием вопрос рассмотреть в Совете министров.

Председатель Совета министров Столыпин
17 августа 1907 года

Собственною Его Величества рукою написано: «Съ» (согласен).
В Петергофе, августа «19» дня 1907 г.
Председатель Совета министров Столыпин

(РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 835. Л. 13. Машинопись. Подлинник с подписью).

Телеграмма барону В.Б. Фредериксу[1]

22 августа 1907 г.

22-го августа 1907 г.
Яхта Штандарт.
Министру Императорского Двора

Получены сведения, что на днях предполагается представление Его Величеству депутации финнов и шведов от Выборгской губернии. По имеющимся в Департаменте полиции данным прием такой депутации крайне опасен.

(Подписал:) Министр внутренних дел Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 6.
На телеграфном бланке.

[1] **Фредерикс** Владимир Борисович (1838–1927) – барон, генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900); граф (1913). Был на военной службе: с 1871 г. флигель-адъютант при императоре Александре II, в 1875–1883 гг. командир 1-го гвардейского конного полка, в 1884–1891 гг. командир гвардейской бригады. С 1891 г. на придворной службе: в 1891–1893 гг. управляющий придворной конюшенной частью; в 1893–1897 гг. помощник министра Императорского Двора и уделов на правах товарища министра, в 1897–1917 гг. министр Императорского Двора и уделов, один из ближайших сановников Николая II. Член Государственного совета (с 1905).

Телеграмма графу И.И. Воронцову-Дашкову

28 августа 1907 г.

Телеграмма

После моего разговора с Вашим Сиятельством у Шидловского[1] произошло столкновение с губернатором, немедленно после чего признаю неудобным его повышать. Не пожелаете ли предложить должность тифлисского губернатора действительному статскому советнику Лозина-Лозинскому[2], одному из старших кандидатов в губернаторы, занимающему в министерстве ответственный пост управляющего отделом земского хозяйства. Подробности об его службе сообщаю письмом.

РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2602. Л. 16. Рукопись.

[1] Вероятно, имеется в виду **Шидловский** Константин Михайлович – коллежский секретарь, 22 сентября 1907 г. назначен вице-губернатором Астраханской губернии, оставался в должности всего два месяца – до 16 ноября 1907 г. До этого он занимал пост воронежского вице-губернатора (с 19 августа 1906 г. до 19 сентября 1907 г.). С 16 ноября 1907 г. до 30 июня 1909 г. вице-губернатор Минской губернии, с 30 июня 1909 г. до 23 августа 1910 г. екатеринославский губернатор.

[2] **Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский** Михаил Александрович – действительный статский советник, управляющий отделом земского хозяйства в Главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. 22 сентября 1907 г. был назначен тифлисским губернатором, пребывал в этой должности до 10 мая 1911 г., в 1914–1917 гг. пермский губернатор.

Записка А.А. Столыпину[1]

1 сентября 1907 г.

Милый Саша!

Если будешь отвечать Л.Н. Толстому[2], напиши ему, пожалуйста, что я не невежа, что я не хотел наскоро отвечать на его письмо[3], которое меня, конечно, заинтересовало и взволновало и что я напишу ему, когда мне станет физически возможно сделать это продуманно.

Опубл.: Литературное наследство. – Т. 37–38. – М., 1939. – С. 328.

[1] **Столыпин** Александр Аркадьевич (1863–1925) – младший брат П.А. Столыпина; журналист, литератор, общественный деятель. Сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Русский вестник», в газете «Кавказ». С 1902 г. публиковался в «Петербургских ведомостях», позднее редактор газеты. С 1904 г. со-

трудник «Нового времени». Гласный Петербургской городской думы. Член ЦК «Союза 17 октября». Возглавлял общество «Русское зерно», занимавшееся изучением зарубежной передовой аграрной практики.

[2] **Толстой** Лев Николаевич (1828—1910) — граф, русский писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1873). Почетный академик (1900). В художественных произведениях, в философско-религиозных, эстетических и публицистических работах пытался решать нравственные проблемы, со временем в его трудах усиливаются социальный критицизм и одновременно христианско-морализаторские тенденции.

[3] Речь идет об ответе на письмо Л.Н. Толстого, посланного им на имя П.А. Столыпина, в котором писатель размышляет о проблеме собственности на землю:

26 июля 1907 г.

Петр Аркадьевич!

Пишу Вам не как министру, не как сыну моего друга, пишу Вам как брату, как человеку, назначение которого, хочет он этого или не хочет, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той воле, которая послала его в жизнь.

Дело, о котором я пишу Вам, вот в чем:

Причины тех революционных ужасов, которые происходят в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли.

Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это доходящее до озлобления недовольство народа.

Все, и революционеры, и правительство, сознают это, но, к сожалению, до сих пор ничего, кроме величайших глупостей и несправедливостей, не придумывали и не предложили для разрешения этого вопроса. Все эти меры — от социалистического требования отдачи всей земли народу до продажи через банки и отдачи крестьянам государственных земель, так же как переселение — все это или неосуществимые фантазии, или паллиативы, имеющие тот недостаток, что только усиливают раздражение народа признанием существующей несправедливости и предложением мер, не устраняющих ее.

Нужно теперь для успокоения народа не такие меры, которые увеличили бы количество земли таких или других русских людей, называющихся крестьянами (как смотрят обыкновенно на это дело), а нужно уничтожить вековую, древнюю несправедливость.

Несправедливость эта — совершенно подобная на моей памяти уничтоженной несправедливости права владения человеком, крепостного права, и столь же противная основным законам добра, — несправедливость эта, так называемое право земельной собственности, чувствуется теперь всеми людьми крестьянского мира, но особенно живо русскими людьми. Если и не одно сознание этой несправедливости породило русскую революцию, то поддерживает и дает ей главную силу именно это смутно сознаваемая и большей частью ложно понимаемая несправедливость.

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать *права* одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать *права* одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли, или не будет это уста-

новлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не должна, не может быть собственностью отдельных людей, точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждавшие рабство, все знали, что этого не должно быть.

То же теперь с земельной собственностью.

Но для того, чтобы это могло быть сделано, необходимо действительно уничтожить ее, а не распространять, перемещать это право с одних лиц на других, не только признавая это право за известным сословием, за крестьянами, но поощряя их в пользовании этим правом, как это делается по отношению крестьян. Для того, кто понимает этот вопрос в его истинном значении, должно быть ясно, что право владения как собственностью хотя бы одним осьминником земли, будь владелец распрокрестьянин, так же незаконно и преступно, как владение богачом или царем миллионом десятин. И поэтому вопрос не в том, кто владеет землей и каким количеством, а в том, как уничтожить право собственности на землю и как сделать пользование ею одинаково доступным всем.

И такое решение земельного вопроса уничтожением права собственности и установлением возможности равного для всех пользования ею, уже давно ясно и определенно выработано учением «Единого налога» Генри Джорджа.

Не стану излагать Вам этот способ. Он изложен с совершенной ясностью, неопровержимой убедительностью во всех сочинениях этого замечательного человека, в особенности кратко и ясно в его книге: Social Problems. Боюсь, что прочтя то, что я написал Вам, Вы скажите то, что я слыхал много раз: «Ах, Генри Джордж, знаю». Скажите это и не только не постараетесь узнать и понять сущность этого способа освобождения земли, но под влиянием распространенных отрицательных суждений о Генри Джордже людей не знающих, но отрицающих его, не потрудитесь вникнуть в то, что я вам предлагаю, и в тот способ осуществления этого предложения, который выработан этим писателем.

Пожалуйста, не делайте этого, а, хоть на короткое время освободясь от тех удручающих забот и дел, свойственных Вашему положению, постарайтесь не с чужих слов, а сами, своим умом познакомиться с учением Джорджа и подумайте о том, что я предлагаю Вам*.

Предлагаю я Вам великое, по своей важности, дело. Отнеситесь теперь Вы, правительство, к этому земельному вопросу не с жалкими, ничего не достигающими паллиативами, а как должно по существу вопроса, поставив его так, что бы не задабривать хотите какое-нибудь одно сословие или делать уступки революционным требованиям, а так, что Вы хотите восстановить с древнейших времен нарушенную справедливость, не думая о том, сделано ли это, или не сделано еще в Европе, и Вы сразу, не знаю, успокоите ли революцию, или нет, — этого никто не может знать, — но наверное будет то, что один из тех главных и законных поводов, которыми вызывается раздражение народа, будет отнято у революционеров.

---

* Если бы Вам хотелось более живым способом познакомиться с этим делом, я бы посоветовал Вам пригласить к себе моего приятеля, великого знатока, едва ли не лучшего в Европе, всего сделанного Генри Джорджем, Николаева. Он, я уверен, не откажется съездить к Вам для того, чтобы по мере сил содействовать этому великому делу (*Примеч. Л. Толстого*).

Советую это я Вам не ввиду каких-либо государственных или политических соображений, а для самого важного в мире дела если не уничтожения, то ослабления той вражды, озлобления, нравственного зла, которое теперь революционеры, так же как и борющееся с ними правительство вносят в жизнь людей.

В том, что все революционное раздражение держится, опирается на недовольство крестьян земельным устройством, кажется, не может быть сомнения. А если это так, то не сделать того, что может уничтожить это раздражение, вынув почву из-под ног революционеров, значит, имея в руках воду, которая может потушить начинающийся пожар, не вылить ее на огонь, а пролить мимо и заняться другим делом.

Думаю, что для энергического человека в Вашем положении это возможно.

Начните эту работу до Думы, и Дума будет не врагом Вам, а помощником, помощниками, а не врагами будут Вам и все лучшие люди как из образованных людей, так и из народа.

Пишу Вам, Петр Аркадьевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга.

Вам предстоят две дороги: или продолжать ту, начатую Вами деятельность не только участия, но и руководства в ссылках, каторгах, казнях, и, не достигнув цели, оставить по себе недобрую память, а главное, повредить своей душе, или, став при этом впереди европейских народов, содействовать уничтожению давней, великой, общей всем народам жестокой несправедливости земельной собственности, сделать истинно доброе дело и самым действительным средством — удовлетворением законных желаний народа, успокоить его, прекратив этим те ужасные злодейства, которые теперь совершаются как со стороны революционеров, так и правительства.

Подумайте об этом, Петр Аркадьевич, подумайте. Раз упущено время, оно уже не возвращается, и остается одно раскаяние. Если есть хоть один шанс из ста в том, что Вы успеете в этом великом деле, Вы обязаны начать его. Но я думаю, напротив, что шансы успеха больше, чем неуспеха. Только начните это дело, и Вы увидите, как тотчас же примкнут к Вам все лучшие люди всех партий; с Вами же будет все стомиллионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам. С Вами будет могущественнейшая сила общественного мнения. А когда эта сила будет с Вами, очень скоро само собою уничтожится, рассеется то все растущее озлобление и озверение народа, которое так тщетно пытается подавить правительство своими жестокостями.

Да, любезный Петр Аркадьевич, хотите Вы этого или нет, Вы стоите на страшном распутьи: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идете — дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха; другая дорога — дорога благородного усилия, напряженного осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей. Неужели возможно колебание? Дай Бог, чтобы Вы выбрали последнее.

Знаю я, что если Вы изберете предлагаемый мною путь, Вам предстоят великие трудности со стороны Вашего entourage'а*, великих князей, быть может Государя, и всех людей этих сфер.

Все трудности эти облегчит Вам сознание того, что то, что Вы делаете, Вы делаете не для себя, не для своей выгоды или славы, а для своей души, для Бога.

Помогай Вам Бог, и я уверен, что он поможет Вам, если Вы за это возьметесь.

---

* окружение (франц.).

Пожалуйста, простите меня, если Вам покажутся резкими выражения этого письма. Я писал его от души, руководимый самым хорошим, любовным чувством к Вам.

Лев Толстой

P.S. Письмо это я показал только одному близкому человеку и никому не буду говорить о нем.

Посылаю Вам при сем книгу Джорджа Social problems в русском переводе и кроме того одну мою брошюру, излагающую в самом кратком виде основные положения Генри Джорджа.

Л. Т[олстой] (*Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. — Т. 77. — М., 1956. — С. 164—168*).

Поскольку спустя месяц после отправки письма Толстой не получил ответа, он обратился 24 августа с письмом к младшему брату П.А. Столыпина — Александру Аркадьевичу Столыпину, — в котором повторил те же мысли о несправедливости земельной собственности и средствах ее уничтожения, подчеркнув, что уничтожение частной собственности на землю «было бы самым действенным и безошибочным средством успокоения народа, уничтожения того таящегося в сознании народа недовольства, которое одно дает силу и значение ложной и преступной деятельности революционеров». В письме к А.А. Столыпину Толстой писал: «Брат Ваш не отвечал мне, что мне было неприятно и вызвало во мне поднимающееся недружелюбное чувство, которому я не даю и не дам хода, но мне это больно. Не можете ли Вы спросить у него: получил ли он это письмо? И сказать ему, что я очень и очень прошу его подумать о том, что я предлагаю, что это нужно не мне и не ему, а это великое дело нужное Богу и что страшно не сделать того, что мог, для того, чтобы заменить все те ужасы репрессий, которые совершаются теперь, благодетельной мерой, осуществляющей давнишние справедливые пожелания всего народа и заменяющей зависть, ненависть, озлобление — успокоением, довольством и благодарностью.

Пожалуйста, спросите его и ответьте мне. Мне очень интересно знать его мотивы». (*Литературное наследство. — Т. 37—38. — М., 1939. — С. 326*).

В письме к Толстому от 2 сентября А.А. Столыпин засвидетельствовал получение Петром Аркадьевичем письма и передал его точку зрения. «По существу дела об уничтожении собственности на землю он говорил, как о совершенно невыполнимом перевороте, и это тем более естественно, что он теперь фанатически захвачен надеждою поставить Россию на путь благосостояния созданием и укреплением мелкой собственности, т. е. идеею противоположною Вашим мыслям» (*Там же. — С. 326*).

Письмо А.И. Гучкову[1]

2 сентября 1907 г.

Многоуважаемый Александр Иванович,

Присланное Вами письмо Кулешов получил — конечно, обращу внимание на это дело, которое уже и раньше привлекло мое внимание.

Что касается антиправит[ельственной] агитации на почве взыскания продовольственных долгов, то это неизбежно и не

страшно. В общем, мера эта безусловно необходима и в политич[еском] отношении принесет больше пользы, чем вреда.

Желаю Вам *полного успеха* и остаюсь преданный Вам
П. Столыпин
2 сентября 1907 года

ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1112. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф

[1] Гучков Александр Иванович (1862—1936) — общественный и политический деятель; предприниматель. В 1893—1897 гг. член Московской городской управы, в 1897—1907 гг. гласный Московской городской думы; в 1904—1905 гг. представитель думы и главноуполномоченный Российского общества Красного Креста на театре военных действий. В 1902—1908 гг. директор Московского учетного банка, затем член советов Петербургского учетного и ссудного банка, страхового общества «Россия», товарищества А.С. Суворина «Новое время». С 1905 г. участник земско-городских съездов, один из создателей «Союза 17 октября», лидер партии, с 1906 г. председатель ЦК. Принимал участие в переговорах С.Ю. Витте с общественными деятелями осенью 1905 г., в царкосельских совещаниях по выработке избирательного закона в Государственную думу (декабрь 1905 г.). В декабре 1906 г. основал газету «Голос Москвы». Первоначально поддерживал проводимые П.А. Столыпиным реформы. Летом 1906 г. отверг приглашение войти в состав правительства в качестве министра торговли и промышленности. С мая 1907 г. член Государственного совета, но в октябре отказался от членства. Депутат III Государственной думы, возглавил фракцию октябристов; председатель думской комиссии по государственной обороне; в марте 1910 — марте 1911 гг. председатель Думы, сложил с себя звание председателя в знак протеста против проведения закона о введении земства в западных губерниях в обход Думы. Инициатор перехода «Союза 17 октября» в оппозицию правительству в связи с усилением реакционных тенденций в политике последнего. С началом Первой мировой войны особоуполномоченный Российского общества Красного Креста, занимался организацией госпиталей. Один из организаторов Центрального военно-промышленного комитета. В 1915 г. вторично избран в Государственный совет. 2 марта 1917 г. в качестве представителя Временного комитета Государственной думы принял отречение Николая II. С 2 марта по 2 мая 1917 г. военный и морской министр во Временном правительстве.

Письмо А.В. Кривошеину

9 сентября 1907 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Меня очень смущает Ваш циркуляр от 5 июля за № 24451[1] и, что гораздо хуже, им очень смущены на местах, толкуя его как

дискредитирование Банком землеустроительной политики правительства.

Очень Вам буду благодарен, если Вы сочтете возможным приостановить его действие, впредь до принятия окончательного решения относительно посреднической деятельности Банка.

Искренно Вас уважающий
П. Столыпин
9 сентября 1907 года

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 5.
На бланке «Председатель Совета министров».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Согласно указанному циркуляру, отделениям Крестьянского поземельного банка поручалось, «при поступлении заявлений по сделкам о продаже земли Крестьянскому банку и крестьянам при содействии банка по соглашению с владельцами давать скорейшее и предпочтительное направление сделкам последнего рода, для чего надлежит по таким сделкам вне очереди производить осмотр и оценку земли и незамедлительно представлять их на рассмотрение центрального управления банка. Равным образом и из числа находящихся уже в производстве отделений дел следует направлять вне очереди дела по покупке земли крестьянами по добровольному соглашению их с земледельцами» (*Сборник циркуляров и распоряжений по Крестьянскому поземельному банку. 1883–1907 гг. – СПб., 1908. – Л. 331*).

Письмо А.В. Кривошеину

15 сентября 1907 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Я озабочен Курском. Я искал причину незначительных результатов по землеустройству в том, что там одинаково в оппозиции принимаемым мерам и правые, и левые, оказывается же, что причина якобы другая, а именно Эльберг, который считается трудовиком и тормозит все наши начинания. Не примите ли Вы какие-либо меры?

Искренно Вас уважающий
П. Столыпин
15 сентября 1907 г.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 6.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо В.И. Герье[1]

12 октября 1907 г.

Милостивый Государь
Владимир Иванович.

С нетерпением ожидая получение Вашего труда[2], прошу Ваше Превосходительство принять выражение моей искренней благодарности за любезное внимание и доброе ко мне отношение.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
12 октября 1907 года
№ 5737

ОР РГБ. Ф. 70. К. 53. Д. 25. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Герье** Владимир Иванович (1837—1919) — историк, политический деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902). С 1868 г. профессор по кафедре всеобщей истории Московского университета, впервые в России ввел систематические семинарские занятия по всеобщей истории в университете. Автор работ по истории Великой Французской революции. Основатель и первый директор Высших женских курсов в Москве (1872—1888, 1900—1905), после их закрытия Министерством народного просвещения в 1888 г. настойчиво добивался возобновления их деятельности. С 1876 г. гласный Московской городской думы (в 1892—1904 гг. председатель) и от города гласный губернского земства. Организатор участковых попечительств о бедных, первых в России «Домов трудолюбия». Основатель и руководитель Исторического общества при Московском университете (1895—1904). В 1890—1917 гг. сотрудничал в историческом отделе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона. В 1904 г. в результате обструкции, устроенной студентами, вынужден был уйти из университета. В начале 1905 г. забаллотирован на выборах ректора и покинул Высшие женские курсы. В 1906 г. вступил в «Союз 17 октября», претендовал на роль его идеолога. С 1907 г. член Государственного совета по назначению. Поддерживал политику П.А. Столыпина. В 1912 г. отошел от политической деятельности.

[2] Столыпин был знаком с серией книг и брошюр В.И. Герье, изданных в 1906—1907 гг.: «Первая русская Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906»; «Вторая Государственная дума. М., 1907»; «Первые шаги бывшей Государственной думы. М., 1907».

Письмо Л.Н. Толстому

23 октября 1907 г.

Лев Николаевич,

Письмо Ваше получил[1] и приказал пересмотреть дело Бодянского[2]. Если есть возможность, конечно, он будет освобожден.

Не думайте, что я не обратил внимания на Ваше первое письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело. Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, – за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян.

Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю.

Я не отвергаю учения Джорджа, но думаю, что «единый налог» со временем поможет борьбе с крупною собственностью, но теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность. Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови.

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и,

главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем. Сознаю, что все это пишу Вам напрасно — это и было причиною того, что я Вам не отвечал. Николаева все же с удовольствием повидал бы.

Простите.

Ваш П. Столыпин

Опубл.: Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. – М.; Л., 1928. – С. 91–92.

В ответ Толстой послал следующее письмо:

П.А. Столыпину

1908 г. Января 27. Я[сная] П[оляна]

Петр Аркадьевич

В первый раз хотя я и писал о деле важном, нужном, общем, но я писал и для себя: я знал, что есть один шанс из тысячи, чтобы дело сделалось, но мне хотелось сделать, что можно для этого. Теперь же я пишу о том же, но уже совсем не для себя и даже не для общего дела, а только для Вас, для того, что желаю Вам добра, истинного добра, потому что люблю Вас.

За что, зачем Вы губите себя, продолжая начатую Вами ошибочную деятельность, не могущую привести ни к чему, кроме к[ак] к ухудшению положения общего и Вашего? Смелому, честному, благородному человеку, каким я Вас считаю, свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а сознать ее и направить все силы на исправление ее последствий. Вы сделали две ошибки: первая, — начали насилием бороться с насилием и продолжаете это делать, все ухудшая и ухудшая положение; вторая, — думали в России успокоить взволновавшееся население, и ждущее и желающее только одного: уничтожения права земельной собственности (столь же возмутительного в наше время, как полстолетия тому назад было право крепостное), успокоить население тем, чтобы, уничтожив общину, образовать мелкую земельную собственность. Ошибка была огромная. Вместо того, чтобы, воспользовавшись еще жившим в народе сознанием незаконности права личной земельной собственности, сознанием, сходящимся с учением об отношении человека к земле самых передовых людей мира, вместе того, чтобы выставить этот принцип перед народом, Вы думали успокоить его тем, чтобы завлечь его в самое низменное, старое, отжившее понимание отношения человека к земле, которое существует в Европе, к великому сожалению всех мыслящих людей в этой Европе.

Милый Петр Аркадьевич, можете, дочтя до этого места, бросить письмо в корзину и сказать: как надоел мне этот старик с своими непрошенными советами, и, если Вы поступите так, это нисколько не огорчит, не обидит меня, но мне будет жаль Вас. Жизнь не шутка. Живем здесь один раз. Из-за partie pris* нельзя неразумно губить свою жизнь. Вам в Вашей ужасной суете это, может быть, не видно. Но мне со стороны ясно видно, что Вы делаете и что Вы себе готовите и в истории — но история Бог с ней — и в своей душе.

---

* раз принятое решение (франц.).

Я пишу Вам п[отому], ч[то] нет дня, чтобы я не думал о Вас и не удивлялся до полного недоумения тому, что Вы делаете, делая нечто подобное тому, что бы делал жаждущий человек, к[отор]ый, видя источник воды, к к[отор]ому идут такие же жаждущие, шел бы прочь от него, уверяя всех, что это так надо.

Обе Ваши ошибки: борьба насилием с насилием и не разрешение, а утверждение земельного насилия, исправляются одной и той же простой, ясной и самой, как это ни покажется Вам странным, удобоприменимой мерой: признанием земли равно собственностью всего народа и установлением соответствующего сравнительным выгодам земель налога, заменяющего подати или часть их. Одна только эта мера может успокоить народ и сделать бессильными все усилия революционеров, опирающихся теперь на народ, и сделать ненужными те ужасные меры насилия, к[отор]ые теперь употребляются против насильников. Не могу, не могу понять, как в Вашем положении можно хоть одну минуту колебаться в выборе: продолжать ту и мучительную, и неплодотворную, и ужасную теперешнюю Вашу деятельность, или сразу привлечь на свою сторону три четверти всего русского народа, всех передовых людей России и Европы и сразу стать, вместо препятствия к движению вперед, напротив, передовым деятелем, начинающим или хоть пытающимся осуществить то, к чему идет и готово все человечество, и даже Китай, и Япония, и Индия.

Знаю я, что Вы не отократический владыка и что Вы связаны отношениями и с Государем, и с Двором, и с Думой, но это не может мешать Вам попытаться сделать все, что Вы можете. Ведь приведение в исполнение земельного освобождения совсем не так страшно, как это обыкновенно представляют враги его. Я очень живо могу представить себе, как можно убедить Государя в том, что постепенное наложение налога на землю не произведет никакого особенного расстройства, а, между прочим, будет более могущественным ограждением от усилий революционеров, чем миллионы полиции и страж. Еще живее могу себе представить, как этот проект может захватить Думу и привлечь большинство на свою сторону. Вам же в этом деле предстояла бы le beau rôle*. Вы, пострадавший так жестоко от покушений и почитаемый самым сильным и энергичным врагом революции, Вы вдруг стали бы не на сторону революции, а на сторону вечной, нарушенной правды и этим самым вынули бы почву революции. Очень может быть, что, как бы мягко и осторожно Вы ни поступали, предлагая такую новую меру правительству, оно не согласилось бы с Вами и удалило бы Вас от власти. Насколько я Вас понимаю, Вы не побоялись бы этого, п[отому] ч[то] и теперь делаете то, что делаете, не для того, чтобы быть у власти, а п[отому], ч[то] считаете это справедливым, должным. Пускай 20 раз удалили бы Вас, всячески оклеветали бы Вас, все бы было лучше Вашего теперешнего положения.

Повторяю то, что я сказал сначала: все, что пишу, пишу для Вас, желая Вам добра, любя Вас. Если Вы дочли до этого места, то сделайте вот что, пожалуйста, сделайте. Вспомните, кто у Вас есть самый близкий Вам, любящий Вас, Вашу душу человек, — жена ли, дочь, друг Ваш — и, не читая ему всего длинного этого скучного письма, расскажите ему в кратких словах, что я пишу и предлагаю Вам, и спросите его, этого близкого человека, его мнения и сделайте то, что он скажет Вам. Если он любит Вашу душу, совет его может быть только один.

---

* прекрасная роль (франц.).

Очень прошу Вас еще об одном: если письмо это вызовет в Вас недоброе чувство ко мне, пожалуйста, подавите его. Было бы очень больно думать, что самое мое доброе чувство к Вам вызвало в Вас обратное.

28 янв[аря] 1908 [г.]

Любящий вас Лев Толстой

P.S. Николаев ждет Вашего призыва.

Хочется сказать еще то, что то, что я предлагаю, не только лучшее, по моему мнению, что можно сделать теперь для русского народа, не только лучшее, что Вы можете сделать для себя, но это единственный хороший выход для Вас из того положения, в к[отор]ое Вы поставлены судьбою.

Л. Т[олстой]

Прежде чем отсылать это письмо, я внимательно перечел Ваше. Вы пишите, что обладание собственностью есть прирожденное и неистребимое свойство человеческой природы. Я совершенно согласен с этим, но установление Единого налога и признание земли общей собственностью всех людей не только не противоречит этому свойству людей владеть собственностью, но одно вполне удовлетворяет ему, удовлетворяет п[отому], ч[то] не «священное», как любят говорить (священно только божественное), а истинное законное право собственности есть только одно: право собственности на произведения своего труда. А именно это-то право и нарушается присвоением людьми незаконного права на собственность земли. Это незаконное право больше всего отнимает у людей их законное право на произведения своего труда. Владение же землей при уплате за нее налагаемого на нее налога не делает владение это менее прочным и твердым, чем владение по купчим. Скорее наоборот.

Еще раз прошу Вас простить меня за то, что я мог сказать Вам неприятного, и не трудитесь отвечать мне, если Вы не согласны со мной. Но, пожалуйста, не имейте против меня недоброго чувства.

Л. Т[олстой] (*Лев Николаевич Толстой. — М.; Л., 1928. — С. 93—95*).

[1] В октябре 1907 г. Л.Н. Толстой обратился к П.А. Столыпину с просьбой об освобождении из тюрьмы своего последователя А.М. Бодянского. В конце Толстой сделал приписку: «Очень сожалею, что Вы не обратили внимание на мое письмо» (*Лев Николаевич Толстой. — М.; Л., 1928. — С. 91*).

[2] **Бодянский** Александр Михайлович (1842—1916) — помещик Екатеринославской и Харьковской губерний. В 1907 г. привлечен к ответственности за изданную им книгу «Духоборцы. Сборник рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам». (Харьков, 1907); тираж книги был конфискован. В начале февраля 1908 г. харьковская судебная палата в закрытом заседании приговорила его к 6-месячному тюремному заключению. С декабря 1908 г. отбывал наказание, просидев в тюрьме два с половиной месяца.

Письмо А.П. Извольскому

17 ноября 1907 г.

Глубокоуважаемый Александр Петрович,

Сердечно благодарю Вас за Ваши добрые строки[1]. Поверьте, что я глубоко ценю и Ваше сочувствие, и то отношение, кото-

рое царит между нами. Дай Бог нашими соединенными усилиями поднять Россию на ту высоту, на которой ей подобает быть.

Искренно Вам преданный

П. Столыпин

P.S. Я вчера совершенно забыл, что жена моя еще в глубоком трауре, так как еще не прошло трех месяцев со смерти ее брата[2]. Ввиду этого до конца ноября она принуждена отказываться от приглашений на большие обеды и очень извиняется, так что я буду один.

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 42. Л. 6.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] 17 ноября 1907 г. Извольский направил Столыпину письмо:

Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич,

Я только что прочел Вашу вчерашнюю речь и под впечатлением Вашей великолепной импровизации ощущаю непреодолимую потребность еще раз от души поздравить Вас с одержанною Вами новою нравственною победою. Дай Бог Вам силы и здоровья, чтобы продолжать вести Россию по намеченному Вами пути. Из чтения составленной мною Вам записки Вы увидите, что по моему глубокому убеждению, лишь этот путь может привести нас к успеху не только в области внутренней политики, но и на театре мировых и международных событий.

Присоединяясь всем сердцем к каждому произнесенному Вами вчера слову, прошу Вас еще раз верить моей горячей готовности всеми силами содействовать Вашей патриотической деятельности, а также искреннейшему моему уважению и неизменной преданности.

Извольский (*АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 42. Л. 8–9. На бланке «Министр иностранных дел». Рукопись. Подлинник. Автограф*).

[2] **Нейгадт** Александр Борисович (1857–1907) – старший брат О.Б. Столыпиной; церемониймейстер Двора. Был объявлен банкротом.

Письмо А.Ф. Редигеру

24 ноябрь 1907 г.

Милостивый Государь

Александр Федорович.

В исполнение Высочайшего Ее Императорского Величества Государыни-Императрицы Александры Федоровны[1] соизволения, мною предложено губернаторам повсеместно в Империи, за исключением областей, состоящих в ведении Военного министерства, безотлагательно образовать и открыть губернские комитеты

по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией.

Препровождая при сем циркулярное распоряжение мое по сему предмету на имя губернаторов, от 20 ноября сего года за № 87, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство, не признаете ли возможным со своей стороны предложить начальникам подведомственных Вам областей, а именно: Области Войска Донского и областей Туркестанского генерал-губернаторства, образовать и открыть в составе, какой Ваше Высокопревосходительство признаете наиболее соответственным по местным условиям, областные комитеты по приисканию мест пострадавшим на войне с Японией воинским чинам и о распоряжении, какое Вам угодно будет сделать по настоящему делу, не отказать меня уведомить.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

П. Столыпин
24 ноября 1907 года
№ 25999

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 572.
Машинопись. Копия.

[1] **Александра Федоровна** Романова (Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) (1872—1918) — дочь великого герцога Людвига IV Гессенского и Рейнского и дочери английской королевы Виктории. 21 октября 1894 г. приняла православие под именем Александры Федоровны, 14 ноября состоялось ее бракосочетание с императором Николаем II; императрица российская. Председательница Женского патриотического общества, покровительствовала комитету Общества по увековечению памяти всех русских воинов, погибших в русско-японскую войну 1904—1905 гг., почетная председательница ряда благотворительных комитетов и организаций. Расстреляна вместе с семьей по решению Уральского областного совета.

Письмо барону В.Б. Фредериксу

5 декабря 1907 г.

Милостивый Государь,
барон Владимир Борисович.

Государственный секретарь отношением, от 2 декабря сего года, за № 3369, уведомил меня о нижеследующем, состоявшемся в заседании 28 минувшего ноября, постановлении Государственного совета:

«Признать, что все законопроекты, поступившие из Государственной думы второго созыва в Государственный совет, но им до последовавшего, на основании статьи 105 Основных государственных законов, роспуска этой Думы не разрешенные, не подлежат рассмотрению Совета по существу».

При этом статс-секретарь барон Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт[1] пояснил, что из Государственной думы второго созыва поступили в Государственный совет, но им до последовавшего 3 июня сего года Именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату о роспуске Государственной думы не были рассмотрены нижеследующие законопроекты:

1) Об изменении правил о порядке назначения и увольнения служащих в канцелярии Государственной думы и состоящих при ней лиц, а равно о прохождении ими службы.

2) Об установлении штата канцелярии Государственной думы.

3) Об отмене действия правил 3 апреля 1892 года о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края, а также Царства Польского.

4) О продлении на 1907 год предоставленного министру финансов полномочия по установлению временных подесятинных окладов государственного поземельного налога для богарных[3] и необрабатываемых земель в Туркестанском крае.

5) О содержании срочных пароходных сообщений по озеру Байкалу частными предпринимателями при субсидии от казны.

6) Об обращении к расходованию предусмотренного по смете Министерства торговли и промышленности 1907 г. условного кредита на оплату контрактов по содержанию в этом году срочных рейсов между Владивостоком и русскими портами Дальнего Востока.

7) Об отпуске кредита в 6000 р[уб]. в пособие Императорскому обществу поощрения художеств на содержание художественно-ремесленных мастерских.

8) Об отпуске кредита в 4000 р[уб]. в пособие Мариинской практической школе кружевниц в С.-Петербурге.

9) Об отпуске кредита в 10 000 р[уб]. в пособие торговым классам Московского общества распространения коммерческого образования.

10) Об отпуске кредита в 6530 р[уб]. в пособие Гнединскому ремесленному училищу в с. Александровке, Екатеринославской губернии.

11) Об отпуске кредита в 50 000 р[уб]. в пособие земствам, городским поселениям, сословиям и местным обществам на учреждение и содержание торговых школ, классов и курсов коммерческих знаний.

12) Об отпуске кредита в 4000 р[уб]. в пособие Козловскому коммерческому училищу.

13) Об отпуске кредита в 10 500 р[уб]. на содержание С.-Петербургской школы пивоварения имени С.Ю. Витте.

14) Об отпуске кредита в 22 000 р[уб]. в пособие на содержание Музея прикладных знаний в Москве.

15) Об отпуске кредита в 1500 р[уб]. в пособие на издание журнала «Вестник учителей рисования».

16) Об отпуске кредита в 1000 р[уб]. в пособие подвижному музею при постоянной комиссии по техническому образованию Императорского Русского технического общества.

17) О содержании срочных пароходных сообщений по реке Лене частными предпринимателями при субсидии от казны.

18) О содержании срочных пароходных сообщений по рекам Амурского бассейна частными предпринимателями при субсидии от казны.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству.

Примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
5 декабря 1907 года
№ 6671

РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 38–39.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письма того же содержания были отправлены: В.Н. Коковцову, И.М. Дикову, А.Ф. Редигеру, Н.К. Шауфусу, П.М. фон Кауфману, кн. Б.А. Васильчикову, Д.А. Философову, А.П. Извольскому, П.А. Харитонову, И.Г. Щегловитову, П.П. Извольскому.

[1] **Икскуль фон Гильденбандт** Юлий Александрович (1852—после 1917) — барон, сенатор (1903), член Государственного совета (1899). С 1899 г. товарищ министра земледелия и государственных имуществ, в 1904—1909 гг. государственный секретарь.

[3] Богарные земли — земли в районах оросительного земледелия преимущественно в Средней Азии, на которых производились посевы без полива; на богарных землях выращивались наиболее засухоустойчивые зерновые и технические культуры.

Письмо А.Д. Арбузову

11 декабря 1907 г.

Милостивый Государь
Алексей Дмитриевич.

По предложению моему, в июне месяце текущего года тайным советником Савичем[1], издавшим сборник новейших узаконений Империи, в том числе и указов 1905–1906 гг. по крестьянскому делу, с разъяснениями, выработана программа издания «Сельского вестника»[2] в соответствии с существом этих законоположений.

Одобрив означенную программу и назначив составителя ее главным редактором «Сельского вестника», я поручил тайному советнику Савичу приступить к выпуску газеты по новому плану, с тем, чтобы выполнение последнего осуществлялось редакцией при содействии земского отдела Главного управления по делам печати и других центральных учреждений.

За истекающее полугодие «Сельский вестник» весьма улучшился как в содержании, так и во внешней стороне издания, и ныне представилось возможным окончательно установить его программу на будущий 1908 год.

Препровождая экземпляр названной газеты, в коем программа ее на 1908 год изложена, я долгом считаю обратить внимание Вашего Превосходительства на то обстоятельство, что одною из главных задач «Сельского вестника» является ознакомление крестьян и других сельских жителей с вновь издаваемыми узаконениями, правилами и правительственными распоряжениями по вопросам, ближайшим образом затрагивающим интересы сельской, народной жизни.

Поэтому представляется крайне необходимым своевременное получение редакцией «Вестника» всех проектов, печатных записок, книг, брошюр и других печатных материалов по указанным выше вопросам, издаваемых правительственными учреждениями вообще, и, в особенности, тех из них, которые направляются установленным законодательным порядком.

Руководствуясь изложенными соображениями, покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о том, чтобы упомянутые материалы и относящиеся к ним сведения были доставляемы Департаментом общих дел редакции «Сельского вестника» в ближайший по возможности срок, и чтобы в редак-

цию этой газеты были сообщены законопроекты, внесенные уже в Государственную думу.

Примите уверение в совершенном моем почтении.

П. Столыпин

11 декабря 1907 года

№ 1131

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 576–577об.
На бланке «Министр внутренних дел. По Главному управлению по делам печати». Машинопись.

[1] Савич Георгий Георгиевич – член совета министра внутренних дел и совета по горнопромышленным делам при Министерстве промышленности и торговли.

[2] «Сельский вестник» – информационная газета, выходила в С.-Петербурге в 1881–1917 гг. сначала еженедельно, с № 24 1905 г. 3 раза в неделю, с 1906 г. ежедневно. Редактор (с № 24 1905) М.М. Тебеньков, (с № 142 1907) В.Д. Лошаков, (с № 152 1907) Г.Г. Савич. Затем (с № 86 1908) разновременно: В.Д. Лошаков, П.П. Зубовский. Издатель – Министерство внутренних дел. Издавалась при редакции «Правительственного вестника» как приложение, с июня 1905 г. преобразована в самостоятельное издание. В 1906–1914 гг. воскресные очередные номера выпускались с иллюстрациями, с 1915 г. воскресные номера выделились в самостоятельный журнал «Воскресение». В 1908–1911 гг. номера, выходившие по средам, назывались «Деревенское хозяйство», которое с 1912 г. выделилось в особое приложение. С 1912 г. номера, выходившие в 1909–1911 гг. по пятницам с подзаголовком «Разъяснения и ответы на вопросы», выделились в особое приложение. Кроме того, в качестве приложения к «Сельскому вестнику» выходили журналы: «Бог помочь» (1901–1911); «Хроника учреждений мелкого кредита» (1902–1904); «Крестьянское дело» (1908–1911); «Кустарный труд» (1911–1916); «Деревенское хозяйство» (1912–1916). Объявление о подписке на ежедневную газету «Сельский вестник» на 1908 г. было напечатано в № 261 от 30 ноября 1907 г.

Письмо Н.А. Хомякову

14 декабря 1907 г.

Милостивый Государь

Николай Алексеевич.

Полагая не безынтересным для гг. членов Государственной думы иметь в ее помещении графические изображения важнейших общегосударственных статистических данных, я готов поручить Центральному статистическому комитету вверенного мне министерства изготовить некоторые соответствующие картограммы и диаграммы; но, предварительно исполнения сего, считаю долгом обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей

просьбой не отказать уведомить меня, признаете ли Вы, с своей стороны, указанное желательным.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершеннейшем моем почтении и таковой же преданности.

П. Столыпин

14 декабря 1907 г.

№ 2017

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 1.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Подлинник.

В ответном письме от 21 января 1908 г. за № 147 Н.А. Хомяков с благодарностью принял предложение П.А. Столыпина (*РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 2*).

Письмо П.П. Извольскому

16 декабря 1907 г.

Многоуважаемый

Петр Петрович,

Возвращаю Вам проект Указа. Он несколько резок и места, в которых Вы поставили нотабене, желательно смягчить. Если Церковь возвышает свой голос, то едва ли министерство должно вставать на дыбы, но пусть сама Дума решает вопрос — в Думе же против Синода мы не пойдем. Одно было бы опасно — какая-либо санкция Указа Синода Государем. Я бы очень протестовал, если бы Синод пожелал вперед забронироваться одобрением Царской власти, которую надо всячески беречь и не ставить в невозможное положение.

По существу, конечно, Синод не только совершенно забывает Манифест 17 октября о свободе совести, но и впадает в противоречие с основаниями Манифеста 17 апреля о веротерпимости.

Преданный вам П. Столыпин

16 декабря 1907 г.

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Н. Шварцу

25 декабря 1907 г.

Милостивый Государь

Александр Николаевич,

Очень Вам благодарен за Ваше откровенное письмо[1]. Для полного доклада дела Государю я желал бы выяснить еще неко-

торые обстоятельства именно по поводу высказанных Вами соображений.

Не думаете ли Вы, что первое из Ваших опасений могло бы быть парализовано рескриптом на Ваше имя при назначении, в котором были бы ясно очерчены задачи ведомства и выяснены пределы университетской автономии? Что касается второго Вашего сомнения, касающегося физической для Вас возможности осуществить на деле задуманную реформу, то тут мне, конечно, трудно быть судьею, так как зависит это, конечно, от запаса здоровья и физических сил. В настоящее безумное время не возраст определяет близость к смерти, но годы и немощь физическая могут, конечно, быть помехою в деле продуктивной работы. Хотя Вы мне показались очень сильным и бодрым, но я думаю, что все мы обязаны готовить людей и иметь помощников, способных продолжать дело. Поэтому я и позволил себе, в качестве кандидата на пост товарища министра, упомянуть проф[ессора] Кассо – я его не знаю и никогда не видел, но задавшись целью выискивать людей, я не мог не обратить внимание на все то, что слышал про настоящую культурность, образованность и благородство этого человека.

Не думайте только, что я его Вам навязываю – Вы гораздо лучше меня знаете персонал министерства и, быть может, найдете лицо, гораздо более подходящее и одинаково энергичное, и молодое.

Переходя, наконец, к последнему Вашему аргументу о той пользе, которую Вы можете принести в Государственном совете, то я не могу, конечно, ничего против этого возразить и думаю, что Ваши специальные знания окажут там драгоценную услугу. Более того, я убежден, что надо еще подкрепить Государственный совет людьми, хорошо знающими наше учебное дело.

Вот все, что я могу выставить в ответ на вопросы, поднятые в Вашем письме.

Но простите, для меня не разрешен главный вопрос. Я не знаю, есть ли у Вас уверенность в том, что Вы осилите дело? Для успеха нужна даже не уверенность, нужна вера. По нынешним временам недостаточно программы и желания ее выполнять. Необходима железная, холодная воля и горячая вера в успех.

Я твердо уверен, что победить могут только те, кто с охотою идут на борьбу. Они победят, а не те, кто, по Вашему выражению, пользуются большим расположением со стороны широких кругов интеллигенции. Вторые, подлаживаясь к общественному мнению, этим его не купят, а первые подчинят себе общественное мнение.

В этом порядке мыслей я прихожу к заключению, что со стороны Государя было бы ошибкою неволить, принуждать людей идти в министры, и прежде окончательного доклада Государю я желал бы, чтобы Вы, откинув сомнения и излишнюю скромность, ответили мне, уверены ли Вы в себе, или нехотя, без веры в успех соглашаетесь лишь добросовестно выполнять долг, налагаемый на Вас присягою?

Простите, что смущаю Ваш покой, да еще в праздничные дни, и примите уверение в моем искреннем к Вам уважении и преданности.

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 2–3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 77–79.

[1] Письмо П.А. Столыпина является ответом на письмо А.Н. Шварца от 24 декабря 1907 г. Известно, что во время аудиенции Столыпин предложил Шварцу занять пост министра народного просвещения. После продолжительного разговора со Столыпиным Шварц решил написать Столыпину письмо, в котором выдвинул контраргументы против своего назначения: 1) «прежде всего против назначения меня на пост министра народного просвещения, – писал Шварц, – говорит представление, усердно распространяемое среди молодежи, о моей принадлежности к крайней правой или даже реакционной партии и приписываемое мне, как Вы сами изволили заметить, намерение посильно содействовать отмене университетской автономии... Во всяком случае, около моего имени могут сплестись различные легенды, и мне сдается, что сейчас появление в составе Кабинета лица с менее определенной программой или пользующегося большим расположением широких кругов интеллигенции, было бы выгоднее и полезнее для дела»; 2) с другой стороны, «мои лета и уже не прежнее здоровье, достаточное расстроенное сороколетним упорным и непрестанным трудом в качестве ученого и практического педагога, не позволяют мне рассчитывать на проведение в жизнь моих планов... Более молодой и долговечный министр народного просвещения Вам, как мне кажется, более на руку и более для Вас пригоден»; 3) «если же мне суждено еще принести пользу горячо любимому ведомству, то, как я говорил, я ведь могу принести ее в качестве члена Государственного совета, куда я так неожиданно для меня призван был доверием моего Государя и где критика представляемых законопроектов тоже требует специалистов» (*см.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 9–11*). 25 декабря, получив ответ, Шварц написал Столыпину второе письмо, в котором со всей определенностью заявил: «Смею Вас уверить, что я никогда не делал никого дела наполовину и присягу понимал всегда, понимаю и сейчас не в смысле исполнения долга «за страх», но и «за совесть». Веры в окончательное торжество добра у меня достаточно; верю также, что ради этого торжества я при Вашей поддержке приглашаюсь работать; но решить вопрос о своей пригодности для предлагаемой мне должности и о том, подходят ли

люди моей складки к данному моменту, я по доброй совести не могу: насколько я не имею ни самодеятельности, ни самоуверенности. Решить это может только кто-то другой» (*Там же. – С. 13*).

Письмо А.Н. Шварцу

29 декабря 1907 г.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Только что вернулся из Царского Села. Его Величество решил 1 января освободить гофмейстера Кауфмана и д[ействительного] с[татского] с[оветника] Герасимова от занимаемых ими должностей, а министром народного просвещения назначить Ваше Превосходительство.

Вместе с тем Государь одобрил мысль об объявлении 1-го января основных тезисов программы м[инистерства] посредством рескрипта на Ваше имя[1].

Не будете ли Вы поэтому так любезны заехать ко мне завтра, в воскресенье, в 3 часа, дабы установить текст рескрипта?

Государь очень меня торопит.

Примите уверение в отличном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 79–80.

[1] Рескрипт, дававшийся царем на имя одного из министров, представлял собой регламентированную программу деятельности, в рамках которой ему предстояло работать. Общие указания рескрипта ограничивали круг компетенции министра. Не желая связывать себя узкими рамками рескрипта, Шварц, посетивший Столыпина 30 декабря, убедил его «в ненадобности рескрипта» (*Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 14*). В тот же день Николай II написал Столыпину: «Разделяю соображения Ваши по поводу неудобства, связанного с появлением рескрипта на имя Шварца» (*Красный архив. – 1924. – № 5. – С. 117*). 1 января 1908 г. Шварц был назначен министром народного просвещения.

1908

Письмо А.Н. Шварцу

6 января 1908 г.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Хотя я еще не поправился, но именно ввиду этого располагаю большим количеством свободного времени и очень желал бы побеседовать с Вами по некоторым текущим вопросам.

Если Вас это устраивает, то Вы, быть может, не откажите заехать ко мне завтра, в понедельник, 7-го января, в 2,5 часа дня. Если же это время у Вас занято, то мне безразлично удобно и всякое другое время, лишь бы Вы меня впредь предупредили по телефону.

Примите уверение в искреннем уважении моем и преданности
П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 6.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 80.

Письмо А.Н. Шварцу

7 января 1908 г.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Очень жалею, что, не зная о Вашем нездоровье, побеспокоил Вас письмом, так как больному прежде всего нужен покой.

Я внимательно несколько раз перечитал проект Вашей речи и нахожу, что к ней нечего добавить и выкидывать ничего не следует (слова из песни не выкинешь).

Меня совершенно удовлетворяют два основные тезиса – необходимость поставить школу на твердую основу закона и настоятельность приняться за серьезное учение.

Как всякая истина, это очень просто, и как многое простое и бесхитростное – забыто.

Что касается Г.К. Ульянова[1], то, с моей стороны, конечно, нет никаких препятствий к возложению на него обязанностей товарища министра.

Насколько я помню, он был попечителем округа, изъят, как человек не довольно гибкий в деле приспособления школы к политическому течению того момента, и пользуется репутациею человека знающего и цельного.

В пятницу я надеюсь председательствовать в Совете министров, проведу этот вопрос, после чего Вам останется представить всеподданнейший доклад о возложении временно на члена совета Ульянова обязанностей товарища министра.

Повторяю, что я Вам гарантирую проведение через Совет всех тех назначений, которые Вам необходимы.

Позвольте пожелать Вам скорого выздоровления; я, вероятно, принужден буду высидеть дома до конца недели, но начинаю понемногу работать и всегда к Вашим услугам.

Прошу Вас принять уверение в искреннем моем уважении и преданности

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 8–9.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 80–81.

[1] **Ульянов** Григорий Константинович (1861—?) — действительный статский советник; доктор сравнительного языковедения. С 1904 г. попечитель Рижского учебного округа, позднее член совета министра народного просвещения, назначен товарищем министра.

Письмо барону Э.Ю. Нольде

8 января 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Эммануил Юльевич.

Спешу принести Вашему Высокопревосходительству мою искреннюю и сердечную благодарность за лестное мне с Вашей стороны внимание.

Поздравляя вас с Новым Годом и желая Вам скорого выздоровления, прошу принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
8 января 1908 года

РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 230. Л. 1. Машинопись.

Письмо князю В.Н.Орлову[1]

22 января 1908 г.

Милостивый Государь
князь Владимир Николаевич.

Письмом от 15-го августа 1907 года Ваше Сиятельство просили об отмене принятых воронежским губернатором[2] распоряжений касательно взыскания числящихся на Вашем имении недоимок земских сборов и при сем уведомили меня, что Вами будут приняты все меры к погашению недоимок без всякого репрессивного воздействия.

Вследствие сего мною было тогда же предложено названному губернатору приостановить на время производство взыскания указанных недоимок в принудительном порядке.

Ныне воронежский губернатор сообщил, что в течение минувшего года никаких платежей в погашение состоящих на имении Вашего Сиятельства оклада и недоимок, как земских, так и прочих окладных сборов, не поступало, вследствие чего, числящиеся на Вашем имении недоимки возросли в настоящее время до 124 192 р[уб]., из коих 88 031 р[уб]. упадают на земские сборы, остальная же сумма – на государственный поземельный налог и частные повинности с дворянских имений, причем почти вся числившаяся к 1-му декабря 1907 г. на частновладельческих имуществах по Бобровскому уезду земская недоимка состоит на Вашем имении.

Ввиду этого обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбою не отказать в распоряжении о погашении числящихся на Вашем имении недоимок земских сборов, так как в противном случае губернатор, в силу закона, обязан будет приступить к взысканию их всеми указанными в законе принудительными мерами.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

П. Столыпин
22 января 1908 г.
№ 520

РГИА. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–1об.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

В ответ кн. В.Н. Орлов отправил П.А. Столыпину 26 января 1908 г. письмо следующего содержания.

Милостивый Государь
Петр Аркадьевич.

Получение мною письма Вашего Высокопревосходительства от 22 января с/г. за № 520 меня очень удивило, ибо как раз 21-го в понедельник я имел случай лично объясниться с воронежским губернатором по поводу числящейся на моем имении недоимки. Михаил Михайлович Бибиков, понимая затруднительность моего положения, нашел вполне возможным, чтобы я покрывал эти недоимки частями и посему мною уже переведено в Воронежское казначейство для сего предмета 10 т[ыс]. рублей. Следующий перевод я намеревался сделать в феврале.

Какие бы ни были приняты против меня принудительные меры, я эту недоимку не могу в настоящее время покрыть целиком, до продажи мною части моего имения. Продажа эта, как небезызвестно М.М. Бибикову, уже начата в крупных размерах и должна по осуществлении очистить все мое дело от долгов.

Мое положение, к сожалению, не исключительное. Полагаю, даже в Воронежской губернии я не один в таком тяжелом положении. Я потерял от краха сахарных дел (братьев Расторгуевых) и от беспорядков и от погромов и принужден был завести охрану за свой счет из уральских казаков. Совокупность всего этого и заставила меня допустить эти недоимки.

Не буду вдаваться в оценку, насколько справедливо и целесообразно, чтобы закон, не имевший возможности нас защитить от погромов, имел бы право нас душить теперь, когда мы с трудом оправились от понесенных убытков и стараемся уплатить постепенно наросшие долги.

Просить что-либо для себя вне закона я считаю невозможным и по своему имени, и по своему служебному положению. По тем же причинам я сам стараюсь возможно скоро расплатиться с казной и очистить свой долг. А потому, Ваше Высокопревосходительство, если закон приказывает меня душить беспощадно и не дать мне возможности в течение этого года рассчитаться с правительством, то делать нечего, я и с этим смирюсь, — хотя полагаю, что если Вы изволите спросить того же Михаила Михайловича Бибикова, то он не может не выказать четко своего убеждения, что я имею вполне возможность уплатить все мои долги, но, конечно, для этого надо время.

Если Ваше Высокопревосходительство не признали бы возможным дать мне это потребное мне время для окончания начатой мною продажи крестьянам, то я считаю себя вправе как князь Орлов обратиться настоящим письмом к Вам не как к министру внутренних дел, а как к Петру Аркадьевичу Столыпину и просить Вас не отказать меня заранее предупредить о ожидающей меня участи, ибо если я должен быть, в силу существующих законов, разорен, то считаю необходимым до того просить об увольнении меня в полную отставку.

Убедительно прошу Вас мне в этой просьбе не отказать.

Пользуясь случаем просить Вас, Милостивый Государь, принять уверение в моем совершенном уважении и искренней преданности.

Князь В. Орлов (*РГИА. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 99. Л. 2, 2об. 5, 5об. Рукопись. Отпуск*).

[1] **Орлов** Владимир Николаевич — князь, полковник, флигель-адъютант свиты Его Императорского Величества, начальник военно-походной канцелярии лейб-гвардии Конного полка, почетный член Императорского женского патриотического общества.

[2] Имеется в виду **Бибиков** Михаил Михайлович — действительный статский советник, с 13 января 1906 г. до 14 марта 1909 г. воронежский губернатор.

Письмо великому князю Николаю Николаевичу[1]

27 января 1908 г.

Ваше Императорское Высочество*.

Состояние города С.-Петербурга и его губернии на положении чрезвычайной охраны вызывает настоятельную необходимость в принятии всесторонних решительных мер к охранению государственного порядка и общественной безопасности в столице Империи и в прилегающей к ней местности.

В этих видах в пределах указанной территории наиболее опасные преступники, уличаемые в нападениях на должностных лиц, чинов полиции и войск и в тягчайших посягательствах на жизнь и имущество обывателей, предаются военному суду для суждения их по законам военного времени.

Являясь могущественным средством для искоренения преступности в ее опаснейших видах, указанная мера, однако, достигает своей цели лишь при неуклонном проведении ее по всей строгости закона, и всякое в этом отношении колебание не только умаляет значение обращения данного дела к военной подсудности, но и подрывает необходимую для подавления проявлений еще не прекратившейся смуты уверенность в безусловной целесообразности этого мероприятия, так как допущенная в одних случаях снисходительность – в других может порождать мысль о неуместности строгой кары, которая таким образом из неизбежного, законного последствия содеянного зла превращается как бы в излишнюю жестокость.

Следя за планомерным осуществлением органами власти лежащих на них в указанной области задач, я не мог не обратить внимания на затруднительное положение, в которое ставится правительство в этом отношении широким применением помощником главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа предоставленного ему права смягчения следуемого осужденным Петербургским военно-окружным судом, по закону, наказания.

Из имеющихся у меня по этому предмету сведений усматривается, что за последние три месяца после казни 18 октября минувшего года убийцы начальника Главного тюремного управления,

---

* На письме резолюция вел. кн. Николая Николаевича: «Препроводить копию ген[ералу] от инф[антерии] Газенкампф. Николай».

тайного советника Максимовского[2] Рагознниковой[3] по С.-Петербургскому градоначальству и губернии был приведен в исполнение лишь один смертный приговор над крестьянами Лаврентием Зотовым, Сергеем Сальниковым и Василием Комаровым[4], осужденными за вооруженное нападение 25 минувшего декабря на городовых Степанова и Григорьева, в остальных же случаях генерал от инфантерии фон Газенкампф[5] заменил смертную казнь 19 осужденным, из коих в отношении 13 это распоряжение последовало по особым ходатайствам военно-окружного суда.

Всепреданнейше представляя об изложенном, имею честь быть, с чувством глубочайшего высокопочитания, Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

П. Столыпин

№ 109838

27 января 1908 г.

Опубл.: Красный архив. – 1926. – Т. 6 (19). – С. 216–217.

[1] Николай Николаевич **Романов** (1856–1929) – великий князь, генерал-адъютант от кавалерии, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (26 октября 1905 г. – 20 июля 1914 г.), верховный главнокомандующий армии и флота (20 июля 1914 г. – 23 августа 1915 г.). С 23 августа 1915 г. наместник Его Величества на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа.

[2] **Максимовский** Александр Михайлович (1861–1907) – с 1894 г. и. д. помощника статс-секретаря Государственного совета; с 1902 г. помощник начальника Главного тюремного управления; с 1906 г. начальник названного управления. Убит в 1907 г. Рогозинниковой, входившей в Летучий боевой отряд эсеровской партии, образованный А. Траубергом.

[3] **Рогозинникова** (Рагозникова) Евстосия Павловна (1887–1907) – мещанка Красноуфимского уезда, слушательница Петербургской консерватории по классу фортепьяно, член Летучего боевого отряда партии эсеров Северной области. 12 октября 1907 г. убила начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского, приговорена Петербургским военно-окружным судом (16 октября 1907 г.) к смертной казни. Повешена 18 октября 1907 г. на Лисьем Носу.

[4] **Зотов** Лаврентий Филантьевич (1884–1908) – крестьянин Тульской губерний. **Сальников** Сергей Алексеевич (?–1908) – крестьянин Ярославской губернии. **Комаров** Василий Иванович (1873–1908) – крестьянин Новоторжского уезда Ярославской губернии. По данным Департамента полиции в ноябре-декабре 1905 г. на собраниях крестьян он разъяснял программу Всероссийского крестьянского союза, призывал к неплатежу податей, неповиновению властям, к захвату помещичьей земли; был арестован 5 января 1906 г. и заключен под стражу в новоторжской уездной тюрьме. После освобождения он оказался в Петербурге, где встретился с С. Сальниковым и Л. Зотовым. 25 декабря 1907 г. Зотов участвовал в перестрелке с городовыми Шлиссельбургского участка

Степановым и Григорьевым, во время которой Степанов был ранен в правую щеку и ухо. Зотов был задержан и отправлен в управление. При обыске у него был обнаружен револьвер «браунинг» с запасной обоймой. Для обыска в его квартире (Палевский проспект, д. 16) был направлен наряд полиции. В квартире находилось до 12 человек, среди них Комаров и Сальников. Завязалась перестрелка, в ходе которой был убит околоточный надзиратель Кудрявцев и ранены околоточный надзиратель Сухарев и городовые Григорьев и Гунько. С.-Петербургский военно-окружной суд приговорил Зотова, Комарова и Сальникова к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение 25 января 1908 г. в 5 час. 30 мин. на Лисьем Носу.

[5] Газенкампф Михаил Александрович (?—1913) — генерал от инфантерии. С 4 ноября 1895 г. до 20 сентября 1903 г. астраханский губернатор. Позднее помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Письмо барону В.Б. Фредериксу

30 января 1908 г.

Господину министру Императорского Двора

Ставропольский губернатор, действительный статский советник Янушкевич[1] доложил мне, что кочевое население Ставропольской губернии (туркмены, ногайцы и калмыки), беззаветно и стойко преданное Русскому Престолу и сумевшее доказать, что и оно, по мере сил, может быть полезно общей родине в годины бедствий (например, в 1904 г. им сделано пожертвование на нужды войны в 400 000 руб.), давно воодушевлено самым сердечным и искренним желанием послать своих лучших представителей для личного выражения Государю Императору и Его Августейшей Семье искренних верноподданнических чувств и горячей благодарности за попечительные о них заботы Державного Вождя Русской земли.

При этом губернатор указывает, что названные обитающие в Ставропольской губернии племена в последние несколько десятков лет время от времени в лице своих уполномоченных удостаивались высокого счастья лично представляться Русским Монархам. Таких случаев было четыре: 1) в 1870 г. в гор. Владикавказе, для приветствия Императора Александра II во время приезда на Кавказ, 2) в 1888 г., для приветствия Императора Александра III и Его Наследника Цесаревича, ныне благополучно Царствующего Государя Императора Николая II при проезде через станцию Кавказские Минеральные Воды, 3) в 1895 г. в С.-Петербурге, для выражения ныне Царствующему Государю Императору верноподданнических чувств и возложения венка на гроб в Бозе по-

чившего Императора Александра III и 4) в 1896 г., в г. Москве, во время коронационных торжеств.

В 1904 году депутации от кочевых племен подготовлялись к личной встрече Государя Императора в селении Армавир, Кубанской области, но предполагавшийся приезд Его Императорского Величества на Северный Кавказ для смотра войскам, отправляющимся на Дальний Восток, был отменен.

Сообщая об изложенном и предварительно дальнейшего направления указанного ходатайства, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство уведомить меня о своем заключении*.

Министр внутренних дел,
Статс-секретарь [П. Столыпин]
Директор Арбузов
31 янв[аря] 1908 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908. Д. 18. Л. 2–2об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись.

[1] **Янушкевич** Бронислав Мечиславович — действительный статский советник. С 5 января 1906 г. до 2 сентября 1906 г. тамбовский губернатор, с 2 сентября 1906 г. до 1916 г. ставропольский губернатор.

Письмо князю В.Н. Орлову

1 февраля 1908 г.

Милостивый Государь
князь Владимир Николаевич,

Получил Ваше письмо, весьма меня удивившее. Если Вам официально по делу о недоимках пишет министр, что совершенно необычно, то сделал он это исключительно из любезности, так как дело дошло до того предела, когда по закону обязательны меры принудительные. Изменять или не выполнять закон министр не вправе, в Бобровском уезде единственная недоимка Ваша; правительство тут не при чем, так как правительственной недоимки всего 22 т[ыс]. руб., а земской и дворянской более 100 т[ыс]. руб.;

---

* Приписка от руки: К делу вследствие заявления губ[ернатора], что по сему делу было доложено Его Императорскому Величеству, на что последовало Высоч[айшее] сочувствие.
Фредерикс

отсрочивать земские и дворянские платежи могут только земские и дворянские собрания, а не правительство. Правительство же, взыскав все недоимки с бедных людей, не может игнорировать закон по отношению к богатым. А так как принудительные меры по отношению к Вам я считаю неудобными, то, приостановив их, приказал заготовить письмо от моего имени к Вам, как к кн[язю] Орлову. Как министр я, конечно, и не ответил бы Вам на письмо, в котором последствием любезности является обвинение правительства в том, что оно Вас душит, но раз Вы обратились ко мне как к П.А. Столыпину, то считаю долгом Вас уведомить, что уплата частями недоимки вполне допустима и зависит от Вашего соглашения с местными властями, каковое, по-видимому, и последовало, что видно из Вашего сообщения мне о разговоре Вашем с М.М. Бибиковым.

Покорнейше прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

П. Столыпин

1 февраля 1908 года

РГИА. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 99. Л. 6–6об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Записка Н.В. Плеве[1]

2 февраля 1908 г.

Н.В. Плеве

Ввиду пометки Его Величества на номере «Окраины России»[2], надо будет заготовить письмо всем м[инист]рам о преимущественном назначении на должности в Прибалт[ийский] край русских, о том же написать генерал-губернатору. Об использовании в национальных целях казенных земель написать главноуправляющему земл[еустройством и земледелием] и м[инист]ру фин[ансов] (по Крест[ьянскому] банку). Я как бы предчувствовал, что в этой области неладно и приказал недавно собрать мне прилагаемую статистику.

2 февраля 1908 г.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 1.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Плеве** Николай Вячеславович (1872 – после 1929) – сын В.К. Плеве; камергер (1907), действительный статский советник (1911), в должности гофмейстера (1913), тайный советник и гофмейстер (1916). В 1906–1910 гг. помощник управляющего, а затем в 1910–1914 гг. управляющий делами Совета министров. Товарищ министра внутренних дел (1914), сенатор (1916). Член Государственного совета (1917).

[2] «Окраины России» – общественно-политическая и литературная газета, выходила в С.-Петербурге в 1906–1912 гг. Редактор П.Г. Бывалькевич, издатель П.А. Кулаковский. В качестве приложения в 1906–1912 гг. издавались книги и брошюры, преимущественно по вопросам положения в Финляндии.

Записка Е.В. Богдановичу[1]

3 февраля 1908 г.

Про Милеанта[2] написать м[инист]ру юстиции. Генералу Думбадзе[3], несмотря на его самоотверженность и высокие качества, не достает, видимо, однако – чувства служебной дисциплины! В России нет и не будет местных безответственных начальников: требовать объяснений и следить за тем, что делается на местах, не только мое право, но обязанность! Стыдно бравому генералу слушать петербургские сплетни. – Это дело бабье, а не наше! Генерал правильно требует себе повиновения. Того же *требую и я ото всех служащих.* Знаю, что могу заменить ген[ерала] Думбадзе другим, когда сочту это нужным и напоминание об этом не считаю неуместным. – Донесение это вернуть забывшемуся генералу, не проводя через департамент и направить в собственные его руки, дабы ему не пришлось краснеть перед своею канцелярией. Пусть это будет единственным возмездием за неуважение, которое почтенный генерал позволил себе выказать по отношению ко мне, как лицу, на которое волею Самодержавного Государя возложено тяжелое бремя власти и ответственности.

Статс-секретарь Столыпин
3 февраля 1908 г.

РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 109. Рукопись. Копия.

[1] **Богданович** Евгений Васильевич (1829–1914) – генерал от инфантерии, издатель, член совета министра внутренних дел.

[2] **Милеант** Владимир Георгиевич – надворный советник, товарищ прокурора Симферопольского окружного суда.

[3] **Думбадзе** Иван Антонович (1851–1916) – после объявления Ялты на военном положении (26 октября 1906 г.) был назначен главноначальствующим Ялты. По своим политическим взглядам был близок «Союзу русского народа».

Имея влиятельных покровителей в Петербурге, действовал в городе, руководствуясь личными соображениями, не считаясь с законами. После покушения на него 26 февраля 1907 г. сжег дачу Новикова, с участка которого была брошена бомба, и разгромил соседнюю дачу. Владелец и жильцы дачи предъявили к Думбадзе иски на 60 тыс. руб., но министр внутренних дел П.А. Столыпин распорядился удовлетворить иски истцов в административном порядке из сумм МВД, ассигнованных на непредвиденные расходы. 27 марта 1907 г. в III Государственную думу был внесен запрос от фракции октябристов по поводу его незаконных действий. В своем письменном объяснении Думбадзе, признавая почти все факты, заявил, что не считает нужным «миндальничать» с либералами и левыми. В 1908 г. командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии с оставлением в должности главноначальствующего Ялты. В 1910 г. был уволен, но через несколько месяцев вновь возвращен на должность. В 1912 г. зачислен в свиту Его Императорского Величества по армейской пехоте; с 23 июля по 6 декабря 1912 г. в распоряжении военного министра, затем возвращен в Ялту. В июле 1914 г. по распоряжению Николая II в законодательном порядке была учреждена должность ялтинского градоначальника, на которую назначен Думбадзе.

Записка графу П.И. Кутайсову[1]

6 февраля 1908 г.

Гр[афу] Кутайсову

Государь Император, по докладу моему, изволил разрешить представиться Ему депутации от тульского дворянства. Сделайте нужные сношения.

П.[Столыпин]

6 февраля 1908 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908. Д. 18. Л. 4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Кутайсов** Павел Ипполитович (1839—1912) — граф, генерал-майор свиты, флигель-адъютант. С 24 мая 1903 г. до 1 января 1906 г. иркутский генерал-губернатор, затем член совета министра внутренних дел.

Письмо В.Н. Коковцову

10 февраля 1908 г.

Милостивый Государь,

Владимир Николаевич.

Его Императорскому Величеству угодно было указать мне на помещенную в № 5 газеты «Окраины России» за текущий год статью «Из Прибалтийского края», в которой отмечается ослаб-

ление в названной местности русского влияния и предлагаются некоторые меры к его укреплению[1].

Ознакомившись с содержанием означенной статьи, в копии к сему прилагаемой, и вполне разделяя высказанные в ней взгляды, я и с своей стороны нахожу, что, в видах сближения Прибалтийской окраины с прочими частями нашего государства и вящего утверждения в ней русской государственности и культуры, необходимо настойчиво и всемерно стремиться к увеличению в Прибалтийском крае числа коренных русских людей как в составе местного служилого класса, так и среди земледельческого населения. Вследствие сего считаю своим долгом покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство обратить на изъясненный вопрос самое серьезное внимание и принять надлежащие меры к тому, чтобы подведомственные Вам в Прибалтийском крае должности как высшие, так и низшие замещаемы были преимущественно лицами русского происхождения, а также чтобы к той же цели усиления русского элемента в крае направлена была, по возможности, и деятельность местного отделения Крестьянского банка. О могущих последовать с Вашей стороны распоряжениях по настоящему делу не откажите, Милостивый Государь, почтить меня уведомлением.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
10 февраля 1908 г.
№ 668

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 14–14об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] В № 5 газеты «Окраины России» от 2 февраля 1908 г. указывается, в частности, на практическое отсутствие в Прибалтийском крае русских среди местного чиновничества. Отмечалось, что немецкие помещики, стремясь создать противовес «мятежным латышам», привлекают в край немецких колонистов. Автор сообщения «Из Прибалтийского края» предупреждает, что «если дело пойдет в том же направлении, то недалеко то время, когда Балтика станет Финляндией, а русских выжмут отсюда так, что и воспоминания о них не останется». В целях усиления русского влияния предлагалось прекратить раздачу казенных земель латышам (кроме православных латышей), а раздавать ее арендаторам, батракам-русским, православным и старообрядцам; назначать в край только русских чиновников, а «чиновников-инородцев» перевести в Россию; избирать от края в Государственную думу, по крайней мере, одного русского депутата, который мог бы «беспристрастно защищать местные интересы с государственной точки зрения».

С пометкой «Прочтите статью "Из Прибалтийского края"» Николай II послал газету П.А. Столыпину (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 2–11*), а тот в свою очередь отдал соответствующие распоряжения по сбору сведений по данному вопросу Н.В. Плеве. 10 февраля 1908 г. Столыпин разослал статью главам министерств и ведомств, выразив в сопроводительных письмах согласие с основными ее положениями (*Там же. Л. 14–17*).

Письмо великому князю Николаю Николаевичу

10 февраля 1908 г.

Ваше Императорское Высочество.

Представленные генералом от инфантерии Газенкампфом объяснения, которые Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было препроводить мне при письме от 5 сего февраля за № 51, я не могу признать удовлетворительными по следующим основаниям:

Прежде всего, едва ли представляется правильным устранение себя генералом от инфантерии Газенкампфом от ответственности за замену смертных приговоров, когда таковая последовала по ходатайствам военно-окружного суда. Такая точка зрения несомненно умаляет серьезное значение предоставленного высшему военному начальству права контроля над деятельностью военно-судебных учреждений, низводя установленную в сих целях конфирмацию приговоров к простому обряду утверждения предположений суда безотносительно к их правильности и целесообразности*.

Подобным, чисто формальным отношением к ходатайствам суда о смягчении участи осужденных при поступлении состоявшихся о них приговоров на утверждение, по-видимому, только и объясняется замена смертной казни даже в тех случаях, когда виновные посягали на жизнь должностных лиц и не принадлежали к среде тех «мелких грабителей из уличных отбросов и подонков», применить к которым установленную законом кару генерал от инфантерии Газенкампф признает несоответственным.

Вместе с тем, я не могу также согласиться с мнением генерала Газенкампфа о необходимости более снисходительного отношения к грабителям этого рода, чем к другим, действующим под

---

* На поле против этого абзаца помета М.А. Газенкампфа: Я вполне ясно высказал, что считаю долгом вникать в каждое дело, следов[ательно], относиться к приговорам и ходатайствам суда н е формально. Я только счел ниже своего достоинства оправдываться в том, что в 13 случаях ходатайств суда признал их уважительными. М. Г[азенкампф].

влиянием политического фанатизма. Грабительство и разбой, в которые вылилось в настоящее время охватившее Россию с 1905 года революционное движение, должны быть уничтожены беспощадно, и ввиду этого никакое снисхождение к деятелям такого рода, казалось бы, не должно иметь место. Между тем, из имеющихся в моем распоряжении сведений видно, что генералом Газенкампфом заменялась смертная казнь не только для таких грабителей, но и для убийц чинов полиции. В качестве довольно яркого примера, я позволю себе указать на замену по ходатайству суда 24 августа 1907 г. смертной казни заключением в крепость на 3 года без лишения прав бывшему студенту Валентину Михайлову Резцову*[1], который обвинялся в том, что 1 мая 1907 года выстрелил в городового Байкова, скончавшегося несколько дней спустя от причиненной ему раны. Таким же образом, по ходатайствам суда, была заменена смертная казнь крестьянам Моисею Ковалеву[2], Федору Бутайкину и Григорию Иванову[3], из коих первый 13 октября 1907 года был признан виновным в покушении на убийство постового городового, двое последних 31 того же месяца в покушении на убийство двух городовых**.

За подобное же посягательство на жизнь чинов полиции были судимы упоминаемые в рапорте генерала от инфантерии Газенкампфа крестьяне Павел Храмов и Михаил Ушаков[4], участь которых была смягчена по его собственному усмотрению.

Исходу этих дел я не могу не придать особого значения, опасаясь деморализующего влияния слабости репрессии именно в этих случаях на чинов полиции, нравственная поддержка коих при несении ими столь тяжелой в настоящее время службы является прямой обязанностью правительства.

Не меньшее значение в общественном смысле должно было иметь также смягчение участи, по ходатайству суда, мещанина Ивана Перевалова и крестьянина Яна Пальма[5], осужденных 22 декабря 1907 года за предумышленное убийство инженеров Берса и Нюберга, вследствие исполнения последними обязанностей службы***.

---

* На поле помета М.А. Газенкампфа: Сам обратил на этот яркий случай особое внимание. Выяснилось, что Резцов ранил городового неумышленно, не нападал на него, а только отстреливался, не целясь, когда спасался бегством. Выяснилось также, что Резцов к революционной организации не принадлежал. М. Г[азенкампф].

** На поле помета М.А. Газенкампфа: И на это были вполне уважительные причины, не говоря уже о полном раскаянии виновных и отсутствии кровопролития.

*** Против абзаца на поле помета М.А. Газенкампфа: Были серьезные уважительные причины. Достат[очно] сказать, что на суде выяснилось, что убийцей был неразысканный брат Яна Пальма, а не он.

Приводимые далее в рапорте помощника Вашего Императорского Высочества доводы о колеблющемся будто бы взгляде правительства на условия применения смертной казни представляются лишенными основания. Я вполне согласен со взглядами генерала Газенкампфа, что вдохновители преступлений виновны, конечно, в большей мере, чем исполнители таковых, но тем не менее допускать в отношении их применение смертной казни, когда таковая не угрожает им по закону, я, очевидно, не могу.

Ввиду этого я и не мог изъявить своего согласия на применение смертной казни к лицам, виновным в хранении и изготовлении разрывных снарядов, так как в качестве председателя Совета министров никогда не могу узаконить противозаконную меру и при каких бы то ни было случаях высказываться за явное беззаконие. Той же точки зрения я держался и при действии введенных по моему почину военно-полевых судов, ибо и последние, вопреки мнению генерала от инфантерии Газенкампфа, не являлись учреждениями «внезаконными», а должны были действовать на точном основании закона*.

Эту единственно законную точку зрения, не допускающую и мысли о вовлечении суда в беззаконное действие, я и отстаивал в личных моих объяснениях по указанному предмету и считаю долгом ныне подтвердить с тою же решительностью и твердостью, с которою я вменяю себе в обязанность настаивать на неуклонном применении закона, хотя бы сурового, но необходимого.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею быть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

П. Столыпин

10 февраля 1908 г.

№ 110310

Опубл.: Красный архив. – 1926. – Т. 6 (19). – С. 219–221.

[1] **Резцов** Валентин Михайлович — потомственный почетный гражданин. 1 мая 1907 г. ранил городового Полюстровского участка Байкова. По приговору Петербургского военно-окружного суда отбыл 3 года в крепости. В соответствии с мнением генерала Газенкампфа, по ходатайству суда смертный приговор был заменен тремя годами заключения в крепости.

[2] **Ковалев** Моисей Игнатьевич (в 1907 г. ему было 25 лет) — крестьянин, по обвинению в покушении на убийство постового городового был приговорен С.-Петербургским военно-окружным судом 13 октября 1907 г. к смертной казни

* На поле помета М.А. Газенкампфа: А если так, то зачем же они были упразднены, несмотря на несомненно принесенную ими пользу? М. Г[азенкампф].

через повешение. Приговор был утвержден генералом Газенкампфом, но согласно ходатайству суда смертная казнь была заменена ссылкою на каторжные работы на 20 лет.

[3] **Бутяйкин** (так в следственных делах писалась его фамилия) Федор Семенович (в 1907 г. ему было 17 лет), крестьянин; **Иванов** Григорий Васильевич (в 1907 г. ему было 19 лет), крестьянин. За разбойное нападение на частный дом и покушение на убийство двух постовых городовых они по приговору С.-Петербургского военно-окружного суда 31 октября 1907 г. были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был утвержден генералом Газенкампфом, но согласно ходатайству суда смертная казнь была заменена каторжными работами: Бутяйкину — на 20 лет, а Иванову — на 18 лет.

[4] **Храмов** Павел Иванович, крестьянин; **Ушаков** Михаил Федорович (обоим в 1907 г. было по 21 году). За разбой (вооруженное нападение на сборщика казенных винных лавок крестьянина Сухова) и покушение на жизнь преследовавших их городовых и горожан были приговорены С.-Петербургским военно-окружным судом 27 октября 1907 г. к смертной казни через повешение. Приговор был утвержден генералом Газенкампфом, однако смертная казнь была заменена ссылкою на бессрочные каторжные работы (без ходатайства суда).

[5] **Перевалов** Иван Яковлевич, мещанин; **Пальм** Ян Янович (обоим в 1907 г. было по 28 лет), крестьянин. По приговору С.-Петербургского военно-окружного суда 22 декабря 1907 г. оба они были присуждены к смертной казни через повешение. Приговор был утвержден генералом Газенкампфом, но согласно ходатайству суда смертная казнь была заменена ссылкою на каторжные работы: Перевалову без срока, а Пальму на 20 лет.

Письмо В.Н. Коковцову

15 марта 1908 г.

Милостивый Государь,
Владимир Николаевич.

По поводу рассмотренного в Совете министров заявления архиепископа Томского преосвященного Макария[1] об ограничении приема евреев в Томский Технологический институт, министр народного просвещения уведомил меня, что в конце минувшего января им было сделано распоряжение об отмене постановления Совета названного института, признавшего возможным принимать евреев без соблюдения пятипроцентной нормы[2], причем предложено Совету на будущее время строго придерживаться установленной Министерством народного просвещения 17 июля 1900 года нормы. Что же касается общего вопроса о приеме евреев в высшие учебные заведения ведомства народного просвещения, то в этом отношении сенатор Шварц присоединяется к мнению своего предместника по управлению Министерством народного просвещения, полагая, что нормы для приема лиц иудей-

ского исповедания в высшие учебные заведения было бы всего целесообразнее установить в законодательном порядке.

Изъясненные соображения министра народного просвещения 19 минувшего февраля были доложены Совету министров и им одобрены. С тем вместе, Совет выразил пожелание, чтобы вышеупомянутые процентные нормы для приема евреев в высшие учебные заведения были установлены по совокупному соображению означенного вопроса в отношении высших учебных заведений не одного Министерства народного просвещения, но и прочих министерств и главных управлений, имеющих в своем ведении таковые заведения.

Сообщая об изложенном и признавая, с своей стороны, необходимым рассмотреть объясненный вопрос в Совете министров также и в применении его к средним учебным заведениям, имею честь покорно просить Ваше Высокопревосходительство доставить мне Ваши по сему предмету предположения*.

Прошу вас, М[илостивый] Г[осударь], принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

15 марта 1908 года

№ 1356

РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 835. Л. 35–35об.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Рукопись. Проект.

Письма того же содержания направлены барону В.Б. Фредериксу, С.В. Оливу.

[1] **Макарий** (в миру Михаил Андреевич Невский) (1835–1926) – начальник алтайской миссии; с 1891 г. епископ (с 1906 г. архиепископ) Томский (1891–1912), митрополит Московский и Коломенский (с 1912), член Святейшего Синода (с 1912). С 7 марта 1917 г. по настоянию обер-прокурора В.Н. Львова уволен на покой.

[2] 10 августа 1907 г. управляющий Томской губернией И.В. Штевен отправил на имя председателя Совета министров телеграмму с представлением ходатайства Томского архиепископа Макария об ограничении или прекращении приема евреев в Томский Технологический институт. Во всеподданнейшем докладе 17 августа 1907 г. П.А. Столыпин просил разрешения поставить этот вопрос на обсуждение Совета министров, на что через день последовало согласие императора. В представленных 30 ноября 1907 г. министром народного просвещения П.М. фон Кауфманом для доклада в Совете министров объяснениях указыва-

---

* Вычеркнуто: Касательно подведомственных Министерству Императорского Двора учебных заведений.
Касательно состоящих по ведомству Императрицы Марии учебных заведений.

лось, что при открытии института в 1900 г. для приема евреев была установлена норма в 5 %, которая соблюдалась до 1906 г., на каждое зачисление сверх этой нормы Совет института запрашивал разрешение министерства. Однако в ответе на запрос Кауфмана Совет института уточнил, что в уставе института никаких процентных ограничений не зафиксировано, а поскольку манифестом 17 апреля 1905 г. была объявлена веротерпимость, то Совет счел процентную норму отмененной. Критически анализируя сложившуюся ситуацию, Кауфман высказал мнение, что устранение поводов к нарушению процентной нормы при приеме евреев в Томский институт могло быть достигнуто путем ее законодательного установления, по примеру Харьковского Технологического (10 %) или С.-Петербургского Политехнического (15 %) институтов. При обсуждении данного вопроса 18 декабря 1907 г. в Совете министров Кауфман сообщил, что Министерство народного просвещения уже занято разработкой законопроекта об установлении общих правил приема евреев в подведомственные ему учебные заведения и вскоре представит их на рассмотрение законодательных учреждений. Вследствие этого Совет министров признал всякие распоряжения по этому предмету преждевременными и постановил довести это решение и объяснения министра до высочайшего сведения. Записка Кауфмана Столыпину, распечатанная в государственной типографии, была выкрадена и опубликована 20 декабря 1907 г. в газете «Русь». 1 января 1908 г. Кауфман был заменен А.Н. Шварцем. В резолюции на журнал 29 января 1908 г. Николай II пожелал узнать мнение нового министра. 9 февраля 1908 г. Шварц доложил царю об отмене распоряжения Совета института о приеме евреев сверх 5 %-ной нормы. При этом он, присоединяясь к мнению своего предшественника, считал целесообразным установление нормы в законодательном порядке, а до этого предлагал начальствам высших учебных заведений соблюдать нормы, установленные министерством. 19 февраля 1908 г. обращения министра народного просвещения были доложены Совету министров и им одобрены. Вместе с тем Совет выразил пожелание, чтобы процентные нормы для евреев были установлены по всем высшим учебным заведениям, а не только по состоящим в ведении Министерства народного просвещения. В феврале-марте соответствующие запросы были разосланы по всем ведомствам. На обсуждении 19 августа 1908 г. Совет министров, однако, признал законодательное утверждение процентной нормы для приема в высшие учебные заведения лиц иудейского вероисповедания мерой несвоевременной, тем более, что предстоял общий пересмотр законодательства о евреях. В качестве неотложной меры Совет устанавливал такую норму для вузов (за исключением консерваторий Императорского Русского музыкального общества) собственной властью: 3 % – в столичных городах, 5 % – в городах вне черты оседлости, 10 % – в черте оседлости. Установление такой нормы в средних учебных заведениях предполагалось поручить особому межведомственному совещанию под председательством министра народного просвещения, с последующим рассмотрением принятых совещанием решений в Совете министров. 16 сентября 1908 г. положение Совета министров было Высочайше утверждено в порядке ст. 87 Основных законов. Созванное межведомственное совещание предложило установить для казенных, а также для частных с правами государственных средних учебных заведений те же нормы, что и для высших; для частных школ, не пользующихся правами государственных, норм не устанавливалось; в закрытые школы прием евреев по-прежнему не допус-

кался; в женские школы вводились те же нормы, что и в мужские; процент предполагалось исчислять относительно ко вновь поступающим. Эти предположения обсуждались в Совете министров 23 июня 1909 г., причем большинство Совета, склоняясь к мнению, что среднее образование должно быть доступнее, а резкое ограничение допуска евреев к среднему образованию может причинить ущерб учебному делу, отклонило ряд предложений совещания. По предложению министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева были несколько повышены нормы: 5 % – для столиц, 10 % – для прочих городов вне черты оседлости, 15 % – в районе оседлости. Поскольку ранее не существовало ограничительных норм в женских школах, большинство Совета решило, что вводить их следует лишь в законодательном порядке. 22 августа 1909 г. император утвердил мнение большинства членов Совета министров.

Письмо И.П.Шипову[1]

15 марта 1908 г.

Милостивый Государь,
Иван Павлович.

В дополнение к письму моему от 27 минувшего февраля, за № 1093, по вопросу об установлении процентных норм для приема в учебные заведения лиц иудейского исповедания имею честь покорно просить Ваше Превосходительство сообщить мне Ваши соображения по означенному предмету не только в отношении вверенных Вам высших учебных заведений, но также и средних.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
15 марта 1908 года
№ 1349

РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 835. Л. 34.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письма того же содержания отправлены А.Н. Шварцу, Н.К. Шауфусу, И.Г. Щегловитову, кн. Б.А. Васильчикову, А.Ф. Редигеру.

[1] **Шипов** Иван Павлович (1865 – позднее 1920) – действительный статский советник (1896), тайный советник (1904), начальник отделения канцелярии Совета министров (1892), вице-директор Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1894), директор общей канцелярии министра финансов (1897), директор Департамента Государственного казначейства Министерства финансов (1902), министр финансов (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.), член от Министерства финансов в Совете Государственного банка, министр торговли и промышленности (1908), член Государственного совета по назначению (1909–1917), управляющий Государственным банком (1914–1917).

Письмо Н.А. Хомякову

17 марта 1908 г.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич.

При рассмотрении сего числа в подкомиссии Государственной думы законопроекта об устройстве сыскной части, председатель подкомиссии член Государственной думы Л.К. Дымша[1], войдя в несоответственной форме в оценку суждений, высказанных командированным мною для объяснений директором Департамента полиции, заявил, в конце концов, что «делает» ему «замечание». Вследствие сего действительный статский советник Трусевич, не считая совместным с своим достоинством дальнейшее участие в занятиях комиссии, вынужден был покинуть ее заседание.

Означенные действия г. Дымши составляют, несомненно, крайне существенное нарушение тех отношений, в которые поставлены Государственная дума и правительство.

При силе Основных государственных законов правительство во всех своих действиях совершенно независимо от Государственной думы, причем высшие его представители – председатель Совета министров, министры и главноуправляющие ответствуют исключительно пред Государем Императором, а в подлежащих случаях и в порядке уголовного и гражданского суда, подчиненные же им лица – также и в порядке дисциплинарном на основаниях, особо в законе указанных. Государственной думе, равно как и Государственному совету, не принадлежит право ни привлекать представителей правительства к ответственности, ни делать им замечаний, ни даже выражать неодобрения их действиям. В соответствии с этим общим началом Учреждение Государственной думы, устанавливая пределы дисциплинарной власти Думы (ст. 38) и ее председателя (ст. 37), распространяет таковую только на членов самой Думы, а отнюдь не на министров и главноуправляющих или других, действующих по их поручению, представителей правительства. Ни Государственная дума, ни ее председатель не имеют права ни удалять из заседаний представителей правительства, ни делать им каких-либо замечаний и указаний, подобно тому, как и представители правительства не вправе допускать таковых по отношению к Думе и ее председателю. Помимо сего, даже и по отношению к членам Государственной думы закон ограничивает дисциплинарную власть председателя одним лишь правом «останавливать» того из членов Думы, который нарушает порядок.

Если же председателю Государственной думы не предоставлено право делать замечания представителям правительства, то тем менее может принадлежать подобное право председателям комиссий и подкомиссий Думы. Отсюда следует, что председатель подкомиссии г. Дымша, находя действия директора Департамента полиции в чем-либо неправильными или нарушающими порядок заседания, имел пред собою лишь один законный путь – а именно: сообщить свои соображения председателю Государственной думы, закрыв, в случае надобности, заседание подкомиссии. Засим от Вашего Превосходительства зависело бы войти о действиях моего представителя в сношения со мною, последствием чего было бы, конечно, принятие с моей стороны всех необходимых по обстоятельствам дела мер.

Сообщая об изложенном и не сомневаясь в том, что Ваше Превосходительство разделяете приведенные соображения, имею честь покорнейше просить Вас не отказать в содействии Вашем к ограждению на будущее время представителей правительства от незакономерных действий, подобных допущенному членом Государственной думы г. Дымшей, и уведомлении меня о последовавших по этому предмету распоряжениях.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

П. Столыпин
17 марта 1908 г.
№ 47

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 3-5.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Подлинник.

Конфликтная ситуация возникла в связи с тем, что директор Департамента полиции М.И. Трусевич заметил по поводу решения, согласованного в 4-й подкомиссии по судебным реформам Государственной думы: «Теперь и оказывается, решили не с того конца». На это председательствующий Л.К. Дымша возразил, что представитель ведомства вправе обсуждать предположения и делать заявления, но не критиковать принятые в подкомиссии решения. Трусевич в ответ бросил: «Об этом можете доложить моему начальству». Эта реплика вызвала резкое замечание Дымши: «Прошу Вас об этом дальше не распространяться, – я сделал Вам лишь замечание». После этого директор Департамента полиции удалился. Вернувшись через четверть часа, он заявил, что по его справкам ни председатель Думы, ни председатели комиссий не имеют право делать замечаний членам Думы, ни представителям ведомств, поэтому он больше не будет участвовать в заседании подкомиссии под председательством Л.К. Дымши. Протокол заседания подкомиссии подписали: Л. Дымша, Г. Килевейн, С. Ком-

син, Л. Люц, К. Тимерев, Черницкий, К. Черносвитов, С. Эльтеков (*см.: Копия протокола 4-й подкомиссии по судебным реформам. 17 марта 1908 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 10*).

В письме П.А. Столыпину от 19 марта 1908 г. Н.А. Хомяков попытался смягчить конфликт. С одной стороны, он признал, что ни председатель Государственной думы, ни председатели ее комиссий и подкомиссий не имеют права делать замечания министрам и главноуправляющим отдельными частями, а также лицам, которые доводят до сведения депутатов разъяснения министров и главноуправляющих в порядке ст. 41 Учреждения Государственной думы. С другой стороны, Хомяков указал на необходимость для представителей ведомств считаться с общим распорядком прений и принятыми уже решениями. По мнению Хомякова, закрытие заседаний подкомиссии, как того требовал Столыпин, вызвало бы ненужный переполох в общественных кругах, и в России, и заграницей. Не видя оснований превращать данный инцидент в принципиальный спор, председатель Государственной думы предложил для улаживания конфликта, чтобы были выражены сожаления как со стороны Трусевича «по поводу допущенной им критики постановления подкомиссии», так и со стороны Дымши «по поводу... сделанного директору Департамента полиции замечания» (*РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 6*).

[1] Дымша Любомир Клеофасович (1860—1915) — потомственный дворянин, статский советник, приват-доцент Петербургского университета, вице-председатель Петербургской городской думы; землевладелец. Депутат III—IV Государственной думы от Седлецкой губернии, член фракции польского коло. В III Думе входил в комиссии: распорядительную, по судебным реформам (товарищ председателя).

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому

16 марта 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Александр Николаевич.

10 минувшего февраля за № 670, препроводив к Вашему Высокопревосходительству удостоившуюся Высочайшего Его Императорского Величества внимания статью газеты «Окраины России» о необходимости укрепления в Прибалтийском крае слабеющего там русского влияния[1], я просил Вас принять надлежащие меры к тому, чтобы подведомственные Вам должности, как высшие, так и низшие, были замещаемы преимущественно лицами русского происхождения, а также чтобы к той же цели усиления русского элемента в крае направлена была, по возможности, и деятельность местных правительственных органов по заведованию казенными землями. При этом мною указывалось, что означенные меры должны послужить сближению Прибалтийской окраи-

ны с прочими частями нашего государства и вящему утверждению в ней русской государственности и культуры.

В ответ на это я получил от Вас письмо от 14 того же февраля за № 1204, в коем Вы подробно разбираете присланную Вам статью, указывая на малую осведомленность ее автора в местных делах и законах, на освещение им прибалтийской жизни с предвзятой точки зрения и на неосновательность и бесполезность предлагаемых им мер. Вместе с тем, Вы возражаете и против тех мероприятий, на необходимость принятия которых указывается в моем письме, находя их вредными и трудно осуществимыми. По сему поводу Вы, между прочим, пишете, что русские не могут быть хозяевами в пограничных местностях России, заселенных инородцами, причем попытка заселять окраины русским элементом оказалась бы бесцельной ввиду того, что русские поселенцы обыкновенно быстро подпадают под влияние той народности, среди коей они водворены, независимо от того, стоит ли эта народность в культурном отношении выше их, как, например, немцы и поляки, или ниже (буряты, якуты). Наряду с сим Вы утверждаете, что проектируемая автором статьи раздача в Прибалтийских губерниях казенной земли исключительно православным арендаторам и батракам поведет только к обострению на местах аграрного вопроса, требующего соблюдения справедливости, а не установления новых привилегий. Не отрицая затем известного влечения и сочувствия прибалтийских немцев к Германии, Вы находите, что такие их стремления вполне понятны, объясняясь общностью расы, веры, культуры и проч. Невозможно, по Вашим словам, сделать из немца русского и несправедливо осуждать первого за то, что он хочет быть немцем, оставаясь верноподданным и лояльным. Вы считаете естественным, что если правительство допустит повторение смуты 1905 года, то немцы окончательно бросятся в лоно Германии, для спасения своей жизни и имущества, так как там порядок и сила, чего у нас нет и вряд ли скоро будет. Наконец, Вы заявляете, что от применения в Прибалтийском крае политики замещения местных должностей русскими должен удержать неудачный опыт проведения однородной политики в Привислинских и Западных губерниях; большинство вызванных туда русских должностных лиц оказалось, по Вашим словам, стоящими на весьма низком нравственном и умственном уровне и своим поведением развивало только неприязнь ко всему, исходящему от России и ее правительства. В частности, для службы в полиции весьма важно знание латышского и эстонского наречий, которого

нет у русских кандидатов. Немцы же знают местные наречия и вообще, по отзывам местных губернаторов, являются в должностях уездных начальников и их помощников незаменимыми, вследствие свойственной им корректности и честности и отсутствия у них недостатков, присущих лицам, которыми замещаются полицейские места в Империи. К тому же должности эти освобождают весьма редко, причем помощники уездных начальников определяются губернаторами непосредственно; таким образом, без общего правительственного распоряжения осуществление предположенной меры может состояться лишь через довольно продолжительное время. По всем приведенным основаниям Вы затрудняетесь, без веления центральной власти, сразу круто изменить политику, которая, как Вы думаете, держалась и укоренилась в Прибалтийском крае в течение более столетия, и просите подробных моих по сему предмету указаний.

Изъясненное письмо Ваше приводит меня к убеждению в том, что Ваше Высокопревосходительство неправильно истолковали истинное значение моего к Вам обращения и действительную цель посылки к Вам копии корреспонденции «Из Прибалтийского края». Означенная статья была препровождена к Вам не для подробного ее разбора и обсуждения и не для того, чтобы все рекомендуемые ее автором меры были немедленно и в полном объеме приведены в действие, так как затруднительность осуществления многих из них не подлежит сомнению. Однако, я считал полезным, чтобы главный начальник Прибалтийского края ознакомился с содержанием той статьи об этом крае, на которую Его Императорскому Величеству угодно было обратить свое особое внимание и основная мысль коей – о необходимости поднятия в крае русского влияния – вполне совпадает с правительственными взглядами на этот предмет.

Я вполне согласен с Вашим Высокопревосходительством, что русское правительство никогда не стремилось к денационализации проживающих в пределах государства народностей. Весь ход исторического развития Империи показывает, что при присоединении к государству земель, населенных инородческими племенами, монархи Российские, желая обеспечить каждой народности привычный ей строй жизни, стремились обыкновенно сохранять неприкосновенными установившиеся в данной местности правовые отношения, предоставляя в то же время отдельным лицам из числа присоединенных народностей приобретать преимущества, присвоенные русским сословиям. Иногда приходилось,

однако, устанавливать некоторые стеснения и ограничения отдельных частей населения в свободном удовлетворении гражданственных их потребностей, в видах ограждения интересов коренного русского населения и обеспечения целости государства. Такие исключительные меры принимались только в тех случаях, когда таящиеся среди некоторых присоединенных народностей сепаратистические стремления оказывались опасными для целости государства. Той же политики русское правительство неизменно держалось и по отношению к Прибалтийским губерниям. Целью ее всегда стояло и продолжает стоять достижение внутреннего слияния сих губерний с Россиею, понимая слияние это не как денационализацию инородческого населения, а как мирное приобщение его к общему течению русской государственной жизни и возможное сближение местных жителей с русскою общественностью при условии сохранения религиозных и племенных их особенностей.

Однако постоянное влечение части местного немецкого населения к сближению с Германиею, существование которого и Вы, Милостивый Государь, не отрицаете, заставило правительство еще в пятидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия принимать меры к усилению русского влияния в Прибалтийском крае, в видах противодействия указанным сепаратистическим стремлениям. Если меры эти не достигли намеченной цели и связь названного края с коренною Россиею продолжает ослабевать, то причину сего надо, без сомнения, искать не в неправильности направления в данном отношении правительственной политики, а в недостаточно единодушном и энергичном проведении ее местными правительственными органами, а также в слабости надзора за деятельностью сих последних. Означенная связь настолько слаба, что, по Вашему собственному удостоверению, остзейские немцы чувствуют себя полными хозяевами в крае, причем склонны, как Вы выражаетесь, окончательно броситься в лоно Германии в случае возобновления в их губерниях беспорядков. Ввиду сего и следуя Высочайшим указаниям Его Императорского Величества, я вошел в соглашение со всеми ведомствами относительно принятия решительных мер к устранению подобного ненормального явления, не терпимого ни в одном благоустроенном государстве. Об этом я нашел нужным уведомить и Ваше Высокопревосходительство, прося Вашего содействия к надлежащему осуществлению на месте намеченных правительством мероприятий. Таким образом, общее по сему предмету распоряжение центрального правитель-

ства, о необходимости которого Вы пишите, уже последовало и подлежит осуществлению. Не могу, однако, скрыть, что меня не мало не смущает Ваше, по-видимому, несочувственное к помянутым мероприятиям отношение. Объясняю себе такое отношение только тем, что значение и объем их остались недостаточно для Вас выясненными и считаю себя обязанным настаивать, чтобы общие правительственные предначертания, изложенные в моем письме к Вам, за № 670, были исполнены и в Прибалтийских губерниях. Выполнение этой задачи не сопряжено ни с какими правоограничениями и стеснениями местного инородческого населения и не может вызвать тех затруднений, о которых Вы пишите. Усиления русского элемента среди местного земледельческого населения предполагается достигнуть, главным образом, путем соответствующего использования местных казенных земель. Правительство имеет полное право дать этим землям то назначение, которое оно признает наиболее целесообразным и полезным. Но, конечно, при разрешении сего вопроса оно никогда не станет на ту точку зрения, которой держатся местные инородцы, и никогда не позволит себе считать сих последних полными и единственными хозяевами тех местностей, в коих они проживают, так как местности эти составляют неразрывную часть Русского государства и наряду с прочими его частями подчинены единому державному вождю русской земли — Императору Всероссийскому. Ему одному принадлежит право верховного распоряжения и управления подвластными ему областями, осуществляемое им через посредство уполномоченных правительственных органов. Эти последние должны быть русскими, если не по происхождению, то по убеждениям, на них лежит обязанность охранять на окраинах интересы русской государственности, которые, очевидно, должны быть поставлены превыше всяких частных интересов отдельных народностей. В этом смысле русские действительно должны являться хозяевами на всем пространстве Российской империи. При таких условиях заселение казенных земель в Прибалтийских губерниях коренными русскими людьми не может считаться нарушением законных прав местного инородческого населения и, вместе с тем, без сомнения, не должно повести к обострению аграрного вопроса, имеющего в остзейском крае свою особую подкладку и историю.

Засим, указываемое Вами быстрое онемечение переселяющихся в Прибалтийские губернии русских, если таковое действительно и замечалось, очевидно, не может быть признано обычным

явлением и должно быть отнесено только к отдельным лицам, которые, не встречая нигде и ни в ком должной поддержки, действительно могли в конце концов ассимилироваться с окружающей их тесно сплоченной инородческой средой. В этом отношении значительная доля успеха русской колонизации зависит от умелых действий правительственных органов, от того, кто именно будет ими переселен, как поселенцы будут устроены и в какие условия поставлены. Без сомнения, сюда должны быть направлены наиболее надежные, крепкие духом русские люди, которыми не оскудело еще наше Отечество. Такие люди не подпадут под влияние местных народностей, а сумеют сохранить свою самобытность, свои верования и обычаи и исконную преданность началам русской государственности. В этом убеждают примеры многочисленных русских поселений не только на обширных наших окраинах, но и в чужих странах, условия жизни и быта означенных поселенцев служат лучшим опровержением мнения Вашего Высокопревосходительства о той легкости, с которою русские люди подпадают, будто бы, под влияние даже низших по культуре рас. Равным образом трудно согласиться с высказанным Вами взглядом о невозможности найти среди лиц русского происхождения подходящих кандидатов на освобождающиеся в Прибалтийских губерниях полицейско-административные должности. Чины полиции во внутренних губерниях Империи не заслуживают тех огульных обвинений, которые Вы на них взводите. Среди них весьма много безукоризненных деятелей, которых ни в каком отношении нельзя поставить ниже тех полицейских чинов немецкой национальности, о которых Вы пишите. К тому же число лиц, ищущих мест, столь велико, что при желании всегда можно найти среди них нужное число вполне достойных кандидатов из коренных русских, которые согласились бы отправиться на службу в Прибалтийские губернии.

Наконец, если среди русских служащих в Привислинских и Западных губерниях и попадались иногда лица малодостойные, непригодные для поддержания русского дела на окраинах, то это должно быть всецело отнесено к вине подлежащего начальства, недостаточно внимательно относившегося к делаемым им назначениям, а отнюдь не к невозможности произвести лучший выбор. К тому же правительство и не желает совершенно преграждать местным жителям доступ на государственную службу в родном крае. Те из них, которые действительно привержены законной власти и государственному порядку, всегда найдут себе место рядом

с уроженцами коренных областей России. Но лица, известные сепаратистическими своими стремлениями, число коих в Прибалтийских губерниях, к сожалению, весьма велико, не могут быть терпимы в составе местных служащих.

Надеясь, что настоящее мое письмо послужит к выяснению Вашему Высокопревосходительству тех задач, исполнения коих ожидает от Вас правительство, покорно прошу Вас, Милостивый Государь, постоянно осведомлять меня о последующем ходе сего дела.

Примите уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
16 марта 1908 г.
№ 1359

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 38–42об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] П.А. Столыпин послал временному прибалтийскому генерал-губернатору А.Н. Меллер-Закомельскому статью «Из Прибалтийского края» из газеты «Окраины России», солидаризировавшись с ее выводами в сопроводительном письме (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 16–16об.*). Однако Меллер-Закомельский в ответном письме Столыпину от 14 февраля 1908 г. охарактеризовал статью из «Окраин России» как «пример обычных сетований русских людей, попавших на окраину и не успевших устроиться в ней согласно своим широким обыкновенно вожделениям»; «подобные неудачники, — по его мнению, — большею частью люди без воспитания и образования, не принимаются в местное немецкое общество, а потому, тая в себе чувства зависти и личной обиды, объясняют свою неприязнь к немцам соображениями о предпочтении их русским и о наносимом чрез то ущербе нашей государственности» (*Там же. Л. 26–31*). Меллер-Закомельский полагал, что раздача земли православным арендаторам приведет к обострению аграрного вопроса, отстранение от службы немецких чиновников, знающих языки и условия жизни местного населения, при недостатке русских чиновников, способных к службе, дестабилизирует обстановку; к тому же, как утверждал Меллер-Закомельский, «большинство чиновников всех ведомств из русских, поляков и латышей, выдаваясь неустойчивостью политических взглядов, ненадежны с государственной точки зрения». В заключение он заявил, что он затрудняется «предпринять, с своей стороны, такие распоряжения, которые вели бы к достижению... цели усиления русского элемента в крае», подчеркнув, что инициатива и руководящее направление в этом деле должны быть положены правительством, которому и надлежит преподать соответствующие директивы. Рассуждения Меллер-Закомельского вызвали негативную реакцию премьер-министра. В пометке на полях он написал: «Презрение ко всему русскому в этом письме прямо возмутительно!».

До отправки публикуемого письма временному прибалтийскому генерал-губернатору Столыпин представил Николаю II всеподданнейший доклад от 16 марта 1908 г.:

Ввиду неправильного, по моему убеждению, взгляда на Прибалтийскую политику генерала Меллер-Закомельского, выразившегося особенно наглядно в прилагаемом письме его на мое имя, я предполагаю дать ему некоторые разъяснения. Предварительно, однако, я считаю необходимым повергнуть ответное мое письмо на благовоззрение Вашего Величества, так как оно заключает указания принципиального характера.

Председатель Совета министров, статс-секретарь Столыпин

16 марта 1908 года (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 37. Рукопись. Подлинник. Автограф*).

Николай II по прочтении вынес резолюцию: «Вполне одобряю» (*Там же. Л. 37*). Сообщение о письме с разъяснениями целей правительственной политики в Прибалтике появилось в газете «Россия» от 21 марта 1908 г. (*Там же. Л. 43*). 22 апреля 1908 г. Меллер-Закомельский направил Столыпину письмо с уверениями в самом горячем желании укреплять русскую государственность на всех окраинах империи и своей готовности содействовать мероприятиям, «клонящимся к высокой цели слияния Прибалтийского края с общим великим Отечеством». При этом, однако, он продолжал сетовать на отсутствие в русских, живущих и служащих в Прибалтике, «сплоченности и воодушевления во имя национальных и государственных интересов», «вместо преданности долгу перед родиной местные главари интеллигенции толкуют об автономии окраин». И напротив — немцы, по его мнению, являются единственной стабилизирующей силой в крае (*Там же. Л. 49—55*). Одновременно он указывал на неразработанность имеющихся в крае проблем и отсутствие четких директив по исполнению правительственных предположений, в частности, отсутствие опыта по поселению русских земледельцев на западных окраинах. На полях этого письма Столыпин приписал: «Воодушевить и сплотить русских дело его, начальника края. 25 апр[еля]». Ответ Столыпина от 2 мая 1908 г. публикуется ниже, так же как и его обращение в Главное управление землеустройства и земледелия от 2 мая 1908 г. с запросом отзыва по поводу письма Меллер-Закомельского.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

2 апреля 1908 г.

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе

На основании ст. 1208 Свод. зак., т. XI, ч. I, изд. 1896 года, курс учения и весь внутренний порядок в армяно-григорианских духовных семинариях, имеющих целью, как видно из ст. 1206 того же тома и части, образование армяно-григорианского юношества в науках богословских, определяются особыми правилами, составленными духовными начальствами сих семинарий, под надзором и руководством епархиальных начальников (архиепископов), рассмотренными Эчмиадзинским Синодом и утвержденными

высшим правительством. Несмотря на то, что со времени установления изложенного закона в 1836 году прошло уже до настоящего времени свыше 70 лет, содержащиеся в оном требования относительно существующих ныне в четырех армяно-григорианских епархиях семинарий выполнены отчасти только по отношению к одной Нахичевано-Бессарабской семинарии, снабженной при учреждении ее в 1880 году утвержденными для нее министром внутренних дел, с Высочайшего соизволения, правилами. В остальных же епархиях армянские семинарии не обзавелись до сих пор никакими узаконенными правилами, и хотя покойный ныне Патриарх-Католикос всех армян Мкртич, по поводу возникшего в 1906 году вопроса об открытии в г. Астрахани новой армяно-григорианской семинарии и предъявленного министерством требования о представлении на утверждение правительства устава этой семинарии, в своем отзыве министру внутренних дел по этому предмету от 24-го сентября 1907 года, № 1458, и заявил, что он озабочен выработкой нормального устава и учебных программ для всех вообще армянских духовных семинарий в России, однако таковое обещание названного Патриарха, за последовавшею вскоре после сего смертию его, осталось доныне неисполненным. Между тем упомянутые учебные заведения, фактически оставаясь вне должного надзора со стороны как гражданских, так и духовных властей армяно-григорианского исповедания, на практике нередко уклонялись от своего назначения и весьма мало приносят пользы армянскому духовенству, образовательный уровень коего, за редкими исключениями, не достигает желательной высоты.

Озабочиваясь устранением указанного ненормального явления и принимая во внимание, что издание необходимых правил для упорядочения этого дела, по смыслу упомянутой ст. 1208, входит в обязанность Эчмиадзинского Армяно-Григорианского Синода и не превышает его компетенции, я считаю долгом покорнейше просить Ваше Сиятельство предложить сему Синоду безотлагательно озаботиться окончанием предпринятого покойным Патриархом Мкртичем труда по составлению нормального устава и учебных программ для армянских семинарий и представить составленные проекты Вашему Сиятельству для направления в министерство с таким расчетом, чтобы они могли получить утверждение правительства к началу будущего учебного года. При этом покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не отказать предварить Синод, что если таковое требование мое не будет исполнено Синодом к означенному сроку, то, не считая себя впра-

ве допустить дальнейшее отступление от приведенного закона, я вынужден буду возбудить вопрос о закрытии семинарий, не имеющих уставов.

К сему считаю долгом присовокупить, что в видах облегчения Синоду труда его по настоящему делу мною вместе с сим поручено Департаменту духовных дел иностранных исповеданий составить примерный проект указанного устава, каковой и будет своевременно препровожден к Вашему Сиятельству для предложения Синоду на обсуждение.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь (подписал) П. Столыпин
2 апреля 1908 г.
№ 2345

РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 178. Л. 24–25.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Машинопись. Проект.

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому

8 апреля 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Александр Николаевич.

В дополнение к письму от 16 минувшего марта за № 1359, имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою уведомить меня, сообщили ли Вы губернаторам вверенного Вам края, к руководству и исполнению, содержание письма моего, от 10 февраля сего года, за № 670, о необходимости усиления русского элемента в составе местного служебного персонала.

Примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
8 апреля 1908 года
№ 1712

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 40.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

11 апреля 1908 г.

Милостивый Государь
граф Илларион Иванович.

В течение последних двух лет в Министерство внутренних дел поступают сведения, свидетельствующие о чрезмерном развитии террористической деятельности на Кавказе, достигшей высокого напряжения и сопровождающейся значительным числом человеческих жертв и особой жестокостью над ними. Прилагаемая таблица статистических сведений за 1907 г., давая печальную картину развития преступности в наместничестве, устанавливает, что за 1907 г. по Кавказу зарегистрировано всего 3060 террористических случаев, из коих 1732 относятся исключительно к грабежам, и что общее число пострадавших было: убитых 1239 и раненых 1253. По тем же сведениям, в пределах края расширяется и пропаганда как на почве чисто националистической, так и на общереволюционной, находясь в тесной связи с деятельностью революционеров в России.

Останавливаясь на проявлении преступности в отдельных местах Кавказа, необходимо признать, что по широте развития ее отдельные губернии должны быть поставлены в следующей постепенности: 1) Тифлисская, 2) Кутаисская, 3) Бакинская, 4) Кубанская область, 5) Эриванская губерния, 6) Елисаветпольская и т. д. Но, независимо от таких отдельных случаев правонарушений, имеется ряд указаний и на вообще неблагополучное положение дел в различных местностях Кавказского края в отношении интересов государственного порядка в общественной безопасности.

Так, в Эриванской губернии во второй половине 1906 г. систематическое насильничество армян над молоканами[1] и лезгинами привело последних к мысли соединиться с молоканами и татарами для общего вооруженного отпора армянам. Получив предложение в этом смысле от лезгин и сохранив еще веру в крепость законной власти, молокане отказались от такого союза, но в сентябре того же года предъявили властям свое ходатайство о разоружении армян, решив, только в случае отказа, перейти на кровавую расправу с насильниками.

В августе 1907 г. в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии существовала организация, разбиравшая уголовные и гражданские дела кочевников и запрещавшая им под страхом казни

обращаться по своим делам к законным представителям администрации и суда.

В продолжение августа 1906 г. Телавский уезд Тифлисской губернии отличался исключительным развитием своеволия. В это время в г. Телаве прокламации и революционные издания расклеивались и распространялись открыто на глазах полиции; на улицах молодежь распевала возмутительные песни, и ежедневно до поздней ночи происходили революционные митинги; город и уезд переполнены были беглыми, и на улицах редко можно было встретить невооруженного человека; беспрепятственно производился сбор на революционные цели, и повсеместно шла агитация для подготовки вооруженного восстания, а между тем полиция никаких мер не принимала, находясь под давлением самозванного революционного армяно-грузинского правительства, фактически распоряжавшегося всем. Наряду с этим, в уезде до крайности развились грабежи, и в течение одной лишь первой половины августа 1906 г. было более 10 случаев подобных преступлений. Некоторые селения совсем вышли из повиновения закону, отказавшись признавать законные власти и выбрав собственную администрацию, а некоторые были уже совершенно готовы к вооруженному восстанию. Кроме многочисленных разбойничьих шаек, в г. Телаве открыто действовала организация «Красной сотни», приговаривавшая разных лиц к смерти; во многих селениях функционировали правильно образованные отделения помянутой сотни, обложившие жителей особым денежным сбором, и под воздействием этой организации многие местности прекратили платеж податей. Произведенное затем расследование установило, что в местном батальоне преобладали туземцы, а из 33 полицейских стражников только 10 было русских – верных и надежных, – остальные же были туземцы, совершенно негодные для службы и явно содействовавшие революционерам и разбойникам.

Необеспеченность личной безопасности в течение 1906 г. с заметной силой проявилась в г. Баку, вследствие чего в октябре месяце возмущенные рядом террористических покушений офицеры бакинского гарнизона, обсудив с надлежащего разрешения вопрос о мерах к ограждению своей безопасности, постановили опубликовать свое заявление о том, что в случае новых посягательств они будут действовать собственными средствами, включительно до истребления укрывателей.

4 декабря 1906 г. в г. Баку на одной из людных улиц революционерами была захвачена для отпечатания преступных воззваний

типография Шакова, причем чрезвычайно ярко обрисовалась бездеятельность местной полиции: ни двое городовых, занимавшие посты вблизи этой типографии, ни два полицейских офицера, приходившие в самую типографию во время работы в ней революционеров, ничего не заметили.

Подобные уклонения от нормальной жизни в Кавказском крае получили значительное развитие в течение 1907 г.

28 апреля полицейские служители г. Эривани под влиянием материальной нужды и развивавшегося террора, жертвою которого пал один из городовых, предъявили требования об увеличении им в трехдневный срок содержания и о предании убийцы военно-полевому суду, угрожая в противном случае возвратить оружие и оставить службу.

Летом 1907 г. Новороссийск, несмотря на военное положение, дошел до состояния анархии: убийства, грабежи, вымогательства, разбои беспрерывно росли; состоятельные лица и отдельные учреждения вынуждены были платить налог на нужды злоумышленников, и такое положение вынудило, наконец, представителей местной власти обратить внимание на необходимость обязательной регистрации портовых рабочих, дававших преобладающий процент участников преступлений. Регистрация эта началась 5 ноября 1907 г., но под влиянием угроз и террора со стороны революционеров осуществлялась вяло, а вскоре и вовсе прекратилась. Вследствие малочисленности не подкрепленного вовремя местного гарнизона, пришлось выписать рабочих из Ростова-на-Дону. Предложение Вашего Сиятельства на имя генерал-губернатора от 3 декабря о принятии решительных мер и разрешение отправить на место боевой поезд также не имели успеха, и лишь после срочного моего сношения с Вами, вызванного ходатайством губернатора и местного жандармского офицера об усилении в г. Новороссийске гарнизона и полиции и учреждения там розыскного отделения, последовали распоряжения об увеличении состава полиции, командировке на место сыскных агентов и охране семейств грузчиков, каковые меры и привели к прекращению забастовки и введению регистрации. Относительно образа действий новороссийской полиции представляется уместным указать, что по ее небрежности и невежеству 23 августа 1907 г. была упущена серьезнейшая деятельница Российской социал-демократической рабочей партии Сикорская, и около того же времени полиция самовольно выслала весьма важного сотрудника жандармского надзора в местном комитете социалистов-революционеров. Наряду

с этим, и самые меры борьбы полиции с анархией носили совершенно бессистемный характер: без достаточных агентурных оснований производились повальные обыски в домах чинами полиции, а на улицах нижними воинскими чинами без надзора офицеров, не дававшие, конечно, никаких результатов и лишь возмущавшие благонамеренно настроенную часть населения.

В Кубанской области в течение 1907 г. революционный подъем проявился с особенной силой. Еще весною крайне тяжелые условия жизни в Армавире, благодаря слабости и малочисленности полиции, вызывали необходимость более интенсивной борьбы с крамолой, но образованный при материальном содействии местных купцов особый отряд был быстро заполнен армянами, стремившимися вытеснить русских с полицейских должностей, причем и приставом был назначен армянин. Самое население Кубанской области, потеряв всякую веру в поддержку и защиту со стороны администрации, обратилось к самосуду, который и сделался обычным явлением в области, сопровождаясь не только разгромом жилищ преступников, но иногда и крупными насилиями над представителями местной административной власти, заподозренными в укрывательстве. Наиболее характерен случай самосуда 26 апреля 1907 г. в ст. Кавказской, где вышедшие из терпения жители убили 23 человека воров и убийц и разгромили до 40 домов. При проезде 14 мая чрез эту станицу Вашего Сиятельства депутация от жителей, выразив верноподданнические чувства населения и прося снисхождения, заявила, однако, что страшное количество убийств, грабежей и разбоев, при общем убеждении в бесполезности обращения к законному порядку преследования, переполнило чашу народного терпения, что «ни одна совесть не выразила сострадания к жертвам» самосуда и «что виноваты все — и старые и малые». В мае и июне 1907 г. несколько землевладельцев Кубанской области обращались к министру внутренних дел с ходатайством о защите их против систематических насильственных действий со стороны своевольных крестьянских масс, и после телеграфного сношения с Вашим Сиятельством порядок был восстановлен командированными на место казаками в течение одного дня. Продолжавшиеся в Армавире своеволия вынудили Главное управление землеустройства и земледелия просить Министерство внутренних дел о защите местных промышленников от революционных организаций, терроризирующих угрозами, вымогательствами крупных сумм (в общем итоге около полумиллиона) и наглыми убийствами среди белого дня (за апрель 1907 г. —

50 убийств). При этом указывалось, что местная администрации не хочет или не может оказать никакой защиты против боевых организаций, члены которых известны всем в лицо. Просьба эта была сообщена на распоряжение Вашего Сиятельства, и одновременно в Армавир были двинуты из г. Ростова-на-Дону розыскные и полицейские силы, которыми было произведено до 80 арестов с серьезным поличным. Однако и по настоящее время в Армавире не наступило успокоения. При этом надлежит отметить, что, наряду с указанным попустительством деятельности революционеров, местные власти г. Армавира иногда проявляли явно враждебное отношение к монархическим организациям. Так, например, для предупреждения ожидавшегося, по слухам, самосуда на 11 марта 1907 г. над революционерами, в Армавире атаман отдела издал бестактное и явно недоброжелательное к Союзу русского народа объявление, поднявшее дух оппозиционных элементов и вызвавшее общее глумление над монархистами, а 25 марта, в праздник Благовещения, монархисты, устроившие с надлежащего разрешения собрание, подвергались насилиям со стороны толпы. Своеобразное отношение представителей власти к революционным происками видно также из следующего факта. 4 марта в Романовском хуторе состоялся митинг, на котором в присутствии тысячной толпы произносились возмутительные речи. На место митинга была командирована сотня казаков, но, вместо решительных мер к разгону сборища, командир сотни вступил с участниками митинга в разговоры, а тем временем один агитатор успел нанести должностному лицу публичное словесное оскорбление; командир сотни «корректно» убеждал участников митинга разойтись, а призванные для водворения порядка казаки вынуждены были слушать до конца преступные речи. Обращенная к участникам митинга просьба разойтись не имела никакого успеха, а присутствовавших патриотов революционеры тут же, на месте, в присутствии воинских частей, подвергли насилиям.

Обязываюсь добавить, что случаи самовольных расправ с насильниками в области продолжаются до последнего времени. Не далее как в феврале месяце в ст. Усть-Лабинской убито толпой семь человек, а восьмой, из боязни расправы, застрелился сам. Дальнейший самосуд прекращен военною командою.

В Елисаветпольской губернии заслуживает быть отмеченной деятельность тайного сообщества Дашнакцутюн, которое подчинило себе большую часть армянского населения. Успеху Дашнакцутюна содействовало, однако, и то обстоятельство, что в ян-

варе и феврале 1907 г. правое крыло партии в Елисаветполе приняло на себя полицейские функции, захватывая злоумышленников и охраняя вместо законной полиции мирное население от грабежей и разбоев. Это явление имело место также и в др[угих] городах. В результате в апреле 1907 г. в г. Елисаветполе комитет Дашнакцутюна фактически владел судебной и административной властью над армянами и, собрав, под предлогом борьбы с татарами, значительные денежные средства, скупал оружие, оборудовал свои мастерские и лаборатории для приготовления бомб, завел свои тюрьмы и применял лишение свободы и денежные взыскания к тем, кто, минуя «комитет», обращался к содействию полиции и суда. Для прекращения этого деспотизма Дашнакцутюна и для восстановления законного порядка летом 1907 г. были предприняты аресты наиболее активных деятелей сообщества. Однако ликвидация оказалась безуспешной, так как дело это было передано в неумелые руки и. д. губернатора, надворного советника Ковалева[2], который, приняв на себя это серьезное поручение, не обнаружил самой элементарной осмотрительности и предварительно оповестил циркулярно о готовящихся следственных действиях всех уездных начальников, зная о ненадежности наличного состава уездной полиции. В результате планы и. д. губернатора стали известны членам Дашнакцутюна, которые и получили возможность скрыть следы своей преступной деятельности, а произведенные обыски у 120 менее серьезных дашнакцаканов дали основание для привлечения только 21 лица. Имеются при этом указания, что безуспешности обысков отчасти содействовал и сам и. д. губернатора, неосновательно освободив от обыска 12 намеченных жандармским надзором видных деятелей Дашнакцутюна. Результатом этих неудачных действий было несомненное усиление Дашнакцутюна.

В отдаленных округах Кутаисской губернии, при полном попустительстве, а иногда и при содействии местной власти, возникли и действовали революционные организации, или вовсе устранявшие представителей власти или делившие с ними свои полномочия. Так, в марте 1907 г. были обнаружены преступные сношения Озургетского уездного полицейского управления с местным революционным комитетом. В том же и в Новосенакском уезде в апреле 1907 г. было открыто существование сельских революционных властей, занимавшихся сбором, иногда насильственно, подписей к петициям революционного содержания в Государственную думу, а на станции Квалони революционный комитет беспрепятственно распоряжался в течение некоторого вре-

мени грузовым железнодорожным движением, местная же администрация ничего об этом не знала, и самый комитет был обнаружен начальником экспедиционного отряда полковником Толмачевым, очищавшим губернию от революционных организаций. В г. Сухуме и его окрестностях в августе и сентябре 1907 г. был учинен целый ряд преступлений, не вызвавших, однако, со стороны местной полиции никаких немедленных мероприятий. Наиболее наглядным доказательством слабости кутаисских властей служат двухлетние подвиги террориста Пайчадзе, по сообщению особого отдела канцелярии Вашего Сиятельства, державшего в трепете всю губернию. С мая месяца 1905 г. он совершил со своею шайкою целый ряд дерзких убийств, иногда с помощью разрывных снарядов, осуществил ограбление почты, имел у себя склад бомб и пытался уничтожить одновременно из засады посредством адской машины всех уездных полицейских чинов. Пайчадзе был уже однажды задержан и, несмотря на явные улики в политическом убийстве, был по суду оправдан, а присужденный затем, по вторичному рассмотрению дела, в каторжные работы, бежал, организовал шайку террористов и в течение около двух лет безнаказанно грабил, убивал и жег всех не сочувствующих его деятельности и только 28 августа 1907 г. был задержан. Наконец, в отношении Кутаисской губернии надлежит указать полное разложение учебного дела и чрезвычайную распущенность воспитанников средних учебных заведений. Успехи революционного движения в 1907 г. особенно отразились на Кутаисской классической гимназии, в которой возникли массовые беспорядки с применением взрывов петард. Однако предложения администрации о производстве в гимназии обыска были отменены по просьбе попечителя учебного округа.

Развившееся в Тифлисской губернии разбойничество стало угрожать в 1907 г. совершенной гибелью сельдяным промыслам, владельцы которых, не считая взносов за освобождение из плена, платили злоумышленникам налогу от 40 до 80 тысяч ежегодно; невзирая на просьбы и жалобы обиженных, местные власти бездействовали. Тифлисское купечество в мае 1907 г. образовало Союз коммерсантов для обороны от грабителей, а пока этот Союз еще не образовался, фактическую охрану магазинов и жилищ приняла на себя за особую плату та же революционная организация Дашнакцутюн.

Безусловная ненормальность такого явления, свидетельствовавшего о полном упадке на месте законной власти, побудила

меня сообщить об этом своевременно Вашему Сиятельству, но, распорядившись ликвидацией названного сообщества, Вы изволили сами признать, что борьба с Дашнакцутюном мало успешна и крайне затруднительна, ибо партия эта уже пустила глубокие корни по всему Закавказью, весьма конспиративна и терроризировала все армянское население.

В Закатальском округе в половине 1907 г. развились вымогательства, грабежи, разбои, убийства, увоз женщин, прекратилось безопасное передвижение, и население округа было охвачено террором: грабители запрещали убирать хлеб с полей, сжигали урожай, требовали чрезмерные выкупы за детей, взятых в плен, а все обращения к администрации продолжали оставаться тщетными. В начале июня в Тифлисе распространились упорные слухи о предстоявших нападениях на банки. Управляющий отделением Государственного банка просил полицеймейстера и сыскную полицию принять надлежащие предупредительные меры, но не встретил большого внимания. Утром 13 июня перед самым проездом денежного транспорта, на площади, где предполагалось нападение, появились подозрительные люди, настойчиво предлагавшие публике оставить площадь, тем не менее находившийся тут же полицейский и казачий наряд ничего этого не заметили, и шайка злоумышленников, вооруженных бомбами, ограбила более 200 тысяч рублей, причем было убито и поранено много конвойных и публики. Здесь уместно добавить, что приведенный факт ограбления понудил местную администрацию увеличить военный караул при отделении банка и поставить особый дозор на соседней улице. Однако уже в ноябре этот караул был сокращен до 5 человек, каковая мера внушила министру финансов особые опасения за безопасность банковых ценностей и послужила поводом к особому сношению Министерства внутренних дел с Вашим Сиятельством, но ответа на это сношение не получено.

Выше было отмечено, что Бакинская губерния по развитию преступности в 1907 г. занимает третье место на всем Кавказе. Наряду с этим представляется возможным указать и ряд фактов, свидетельствующих о полной инертности местной власти. Так, 12 января 1907 г. в г. Баку, в клубе состоялся студенческий вечер, на котором были допущены крайне резкие демонстрации и пение со сцены возмутительной песни. 5 февраля 1907 г. в Баку в течение получаса происходила уличная перестрелка членов Дашнакцутюна с анархистами-коммунистами на глазах полиции, и бессилие ее, наряду с разраставшейся дерзостью революционеров,

дошло до такой степени, что пристав 3-й части был однажды связан революционерами. Ради обеспечения своей личной безопасности бакинские армяне-собственники организовали в августе 1907 г. вольнонаемную боевую дружину «Зеленую сотню», которая, в конце концов, сама стала осуществлять анархические предприятия.

В апреле 1907 г. в Баку возникла весьма серьезная забастовка судовых команд и рабочих[3]. Движение началось собственно еще с осени 1906 г., и уже в феврале, при сильном напряжении революционной агитации, положение дел на нефтяных промыслах приняло серьезный оборот. 3 февраля в Баку был убит энергичный противник забастовок, начальник торгового порта Михайлов[4]; в городе упорно говорили, что забастовка – дело двух–трех недель, и, хотя Ваше Сиятельство на сообщаемые Вам мною с Высочайшего одобрения предупредительные уведомления высказывали уверенность в отсутствии близкой опасности, а равно и Бакинский розыскной пункт смотрел на дело оптимистически, полагаясь на немногие аресты и закрытие Союза каспийских моряков, тем не менее забастовка вспыхнула на нескольких судах, а затем охватила и остальные, сразу приостановив вывоз нефти в Империю. Последнее явление неминуемо повлекло бы за собой приостановку волжского пароходства и многочисленных заводских предприятий, ввиду чего для прекращения беспорядка, столь вредно отразившегося на общегосударственных интересах и не подавленного местными силами, пришлось прибегнуть к чрезвычайной мере в виде командирования на место по Высочайшему повелению, с особыми полномочиями, командира Отдельного корпуса жандармов барона Таубе[5]. После прекращения забастовки, 26 апреля состоялась новая сходка агитаторов, которая, несмотря на чрезвычайную ее опасность, не была захвачена вовремя, а наряду с этим и главный организатор забастовки Крыльцов[6] был освобожден из-под стражи, и только в августе, когда Крыльцов возобновил свою агитацию, был поднят вопрос о его ответственности.

Вследствие скопления судовых рабочих и массы пришлых и безработных, при воздействии на них агитаторов и слабости местной власти, в Баку происходят постоянные насилия, разбои, убийства, истязания. Командированный в январе 1908 г. в Баку на XXV съезд нефтепромышленников чиновник Министерства финансов удостоверяет, что лично видел, как днем на улице татарин истязал русскую женщину, а ближайший постовой городовой и проезжавшие конные стражники совершенно безучастно относились к происходившему, и что в Баку ежедневно открыто

происходят десятки убийств и экспроприаций, а виновные остаются не пойманными.

На основании жандармского надзора бакинская полиция произвела осмотр подвальных помещений местного отдела Союза русского народа[7] и ничего не нашла, а вслед затем командированный туда же жандармский офицер обнаружил в одном из подвалов адскую машину громадной силы.

Около этого же времени Министерством внутренних дел были получены указания на новую деятельную подготовку революционерами в феврале месяце крупной забастовки в Баку и на бездействие местной администрации. В предотвращение этого бедствия был предпринят ряд энергичных мер, а 14 февраля 1908 г. последовал Высочайший указ о присвоении Вашему Сиятельству в течение 6 месяцев особых полномочий, предусмотренных положением о чрезвычайной охране, по отношению ко всему торговому флоту и ко всем торговым портам Каспийского моря.

При обозрении доставленного Вашим Сиятельством материала о движении происходящей в настоящее время забастовки на заводах и нефтяных промыслах района Бакинского градоначальства, оказывается, что в период времени с 20 декабря 1907 г. по 10 февраля 1908 г. бастовали рабочие 30 промышленных предприятий в числе до 7000 человек, причем рабочие Бакинского машиностроительного и торгового общества никаких требований не предъявили. Хотя, по Вашим сведениям, забастовки эти имеют специально экономический характер, так как рабочие ведут с предпринимателями переговоры мирным путем, однако, по имеющимся в Департаменте полиции данным, едва ли возможно признать это заключение вполне точным. Последняя забастовка возникла и продолжается под влиянием политической агитации. Во главе стоит стачечный комитет, который, составляя требования рабочих, стремится предъявить их в чрезвычайном размере, заставить примкнуть судоходные команды Каспийского и Черного морей и, обострив течение забастовки, поднять вооруженное восстание. Главными агитаторами являются социал-революционеры, анархисты – члены боевой морской дружины, частью евреи, все имеющие уже преступное прошлое. Одним из наиболее деятельных руководителей забастовки до последнего времени состоял бывший газетный сотрудник Собченко[8], который ранее был организатором Украинского социал-демократического союза Спилка[9] и скрылся из Киева от ареста. Возвратившись с Лондонского социал-демократического съезда[10], он поселился на Кавказе, о чем Де-

партаментом полиции дано было знать местным розыскным органам. В январе месяце 1908 г. были получены сведения, что Собченко проживает в Баку под фамилией Колосова с каким-то Абрамовым и вместе с ним руководит стачкой рабочих нефтяного производства, ввиду чего дана была телеграмма об аресте Собченко, но жандармский офицер не задержал его, опасаясь, что этот арест может повлиять на результат совещания, так как Собченко являлся в то же время и представителем от рабочих на съезде в Баку нефтепромышленников. Вторичное категорическое требование департамента об аресте уже не могло быть исполнено, так как Собченко скрылся. Абрамов же, хотя был первоначально арестован, но освобожден на другой день как «секретарь профессионального союза рабочих механического производства, участвующий в съезде нефтепромышленников». Такая нераспорядительность и вялость местной власти особенно выделяется, так как все сведения о помянутых агитаторах и их революционной деятельности своевременно были сообщены особому отделу канцелярии Вашего Сиятельства и бакинским розыскным органам. Относительно общего состава бакинской полиции видно, что в 1906 г., благодаря слабости генерал-губернатора генерала Фадеева[11], он был крайне неудовлетворителен, хотя штат полиции, при хорошем материальном обеспечении, был вполне достаточен, но вследствие определения на полицейскую службу без разбора и предварительных справок полиция не соответствовала своему назначению. Население открыто говорило о чрезмерных поборах полицейских чинов и о невозможности даже попасть на полицейскую службу без взятки.

Несмотря на ежедневные грабежи и убийства, полиция крайне небрежно относилась к своим обязанностям, а генерал Фадеев, осведомляясь об этом, лишь ссылался на скорое назначение градоначальника. Налагаемые им на полицейских чинов за бездействие взыскания часто отменялись по просьбам посторонних лиц; в это время даже наружная полицейская служба не осуществлялась, и нередко можно было заметить полное отсутствие чинов полиции на улицах. Благодаря слабости генерала Фадеева не имело в Баку надлежащего значения и военное положение, и военно-полевой суд относился к преступникам чрезвычайно снисходительно (дело 25 ноября 1906 г. о членах Бакинской группы «коммунистов-анархистов-интернационалистов»). Положение дел в Баку и Бакинской губернии в последнее время едва ли дает основание полагать, что современный состав местной полиции стоит на должной высоте.

Из событий текущего года обращает на себя внимание безнаказанное убийство 25 февраля 1908 г. в г. Тифлисе, в городском трамвае, жандармского ротмистра Рунича и систематическое избиение в начале марта в Тифлисе же нижних чинов полиции, причем в течение двух дней неизвестными злоумышленниками расстреляны трое околоточных надзирателей. Такая беспримерная дерзость подпольных организаций в центре Кавказа едва ли может служить благоприятным показателем для будущего и свидетельствовать о надлежащей деятельности органов власти. Не менее ярким доказательством полной растерянности их служат и обстоятельства задержания в помещении екатеринодарского профессионального союза портных сходки с бывшим Кутаисским губернатором Старосельским[12] во главе. Несмотря на то, что Старосельский был застигнут на месте преступления, где найден и целый ряд документов, изобличающих всех присутствующих на собрании в образовании преступного сообщества, невзирая на то, что в квартире Старосельского найдено было письмо партийного характера, местные представители власти, не решившись, по мало понятным причинам, подвергнуть Старосельского аресту, стали обмениваться между собою телеграммами, а тем временем Старосельский, оставленный без взыскания и по обязательному постановлению, действие коего было, однако, распространено на прочих участников сходки, успел скрыться, хотя ранее и состоял под постоянным наблюдением.

Среди общего упадка деятельности правительственных органов и учреждений Кавказа далеко не последнее место занимает и постановка тюремного вопроса. В 1907 г. правильное течение тюремной жизни в пределах наместничества было нарушено целым рядом побегов арестантов. За истекший год насчитывается 78 побегов, причем преобладающий процент (до 40 случаев) дала кутаисская тюрьма. Побеги часто сопровождались подкопами, а в сухумской тюрьме был обнаружен доведенный почти до конца пролом каменной стены. Оскорбления арестантами часовых, нападения на тюремную стражу, ножевые расправы арестантов между собою – характерные черты кавказской тюремной жизни. Надзор за арестантами ослаблен до того, что тюрьмы обращаются в рассадники революции. 1 марта 1908 г. после побега из тифлисской тюрьмы важной государственной преступницы Бакрадзе в тюрьме обнаружены 1 ½ пуда революционной литературы, рукописи, чистые паспортные бланки, краска для мимеографа и 3 эк-

земпляра гектографированного революционного журнала «Победа» – издания тифлисской губернской тюрьмы.

В отношении засим политического розыска как одного из самых могущественных средств борьбы с революционным движением приходится, к сожалению, признать, что и это дело с самого начала обособленного состояния его в пределах Кавказского края не находится на должной высоте и не соответствует крупным материальным затратам на него правительства. Вышеизложенные указания на чрезмерное развитие преступности и небывалого по своей дерзости террора в крае и даже в самом месте пребывания наиболее видного из органов розыска служат лучшим тому доказательством, а кроме того имеются и другие определенные данные, указывающие на передачу этого в высшей степени серьезного и ответственного дела в неопытные, неумелые, а иногда и прямо недобросовестные руки. Об этом свидетельствуют, например, случаи убийств секретных сотрудников и наблюдательных агентов, т. е. лиц, профессия которых должна быть в глубокой тайне, исчезновение в июле 1905 г. из Бакинского губернского жандармского управления 59 оболочек разрывных бомб из числа 92-х, отобранных у террористов, допущение к исправлению должности начальника Бакинского охранного отделения бывшего секретного агента Пинхуса Лернера[13], по своим нравственным качествам и прежней деятельности отнюдь не соответствовавшего столь серьезному делу, и, наконец, безусловно вредная для дела, самостоятельная, отдельная от жандармов, деятельность полиции по политическим делам.

В заключение представляется возможным привести еще некоторые данные, характеризующие деятельность отдельных органов власти на Кавказе.

Согласно постановлению Особого совещания, образованного на основании ст. 34 Положения о государственной охране, 12 марта 1907 г. было запрошено заключение временного генерал-губернатора Горийского и Душенского уездов по всеподданнейшему ходатайству одного лица, высланного из пределов Кавказа и водворенного под гласный надзор полиции, о возвращении его на родину. После неоднократных напоминаний министерства, адресованных в разные местные инстанции, ответ на этот запрос последовал лишь 12 января с. г., хотя уже само по себе обращение просителя к монаршему милосердию требовало, казалось бы, особого внимания к делу со стороны местных властей.

В марте 1907 г. канцелярией Вашего Сиятельства были доставлены вполне точные сведения о влиянии местных революционеров-армян на переведенных за беспорядки во 2-й батальон 201 пехотного Лебединского полка в г. Закаталах матросов и об упадке среди них дисциплины, несмотря на энергичное противодействие командира, подполковника Добровольского. Сведения эти были сообщены мною военному министру, и результатом сего явились уверения штаба Кавказского военного округа об ошибочности сведений и полном благополучии батальона. Последовавшие же события: убийство подполковника Добровольского матросом, установленная связь матросов с Дашнакцутюном, проектировавшийся ими террор против начальствующих лиц и т. д., доказали неосновательность успокоительных уверений штаба.

Подобное же недоверие к сообщениям посторонних учреждений наблюдалось, как видно из вышеизложенного, и в других случаях, причем в получаемых отзывах обыкновенно заключались уверения о спокойном состоянии той или иной местности края.

Еще в сентябре 1907 года, обратив внимание на широкое развитие преступности в наместничестве и имея в виду, что почти весь край состоит на военном положении, я в особом письме сообщил об этом Вашему Сиятельству, причем высказал соображение, что чрезвычайный рост этой преступности естественно приводит к необходимости применения и соответственных мер борьбы с нею, в каковой, несомненно, наиболее серьезным средством в руках администрации являются те широкие полномочия, которые предоставлены ей упомянутым военным положением и — в частности — права, указанные в 12-й его статье. Так как эти полномочия, с решительностью применяемые в других местностях Империи, приводят к осязательным результатам, я счел себя обязанным остановить внимание Вашего Сиятельства на том, что в некоторых местностях Кавказа таковые получают применение, быть может, не в полном соответствии с очевидно возрастающей потребностью в крутых и суровых мерах для восстановления поколебленного порядка и спокойствия.

Между тем отступление местных властей от общей политики правительства, которое уже более 2 лет тому назад встало на неуклонный путь твердых мероприятий, в видах водворения и поддержания порядка, и одновременно выполняет широкую программу усовершенствования основных условий жизни России, привело Кавказскую окраину в ненормальное состояние в политическом и экономическом отношении, причем некоторые опасные явле-

ния в этой области, по-видимому, настолько успели окрепнуть, что устранение их вызовет крайнее напряжение сил и крупное осложнение. В этом отношении особенное значение имеет упрочившаяся деятельность армянского революционного союза Дашнакцутюн. Имеющиеся в Министерстве внутренних дел сведения с несомненностью свидетельствуют о том, что означенная организация функционирует в крае открыто, будучи признаваема даже властями, некоторые представители коей входят с Дашнакцутюном в сношения по отдельным вопросам. Вышеприведенные случаи свидетельствуют о том, что члены этого сообщества заменяют собою иногда полицию, помогая законной администрации в поддержании внешнего порядка и безопасности, а поступившие в последнее время из некоторых губерний и центральных учреждений сведения указывают, что та же организация заявляет свои предложения в вопросе наших отношений к Турции. Подобное положение создалось исключительно вследствие ошибочного понимания действительного значения «Союза», который, оставаясь вне надлежащего воздействия и преследования, охватил ныне почти все армянское население и располагает организованною военною силою. Между тем из всех руководящих изданий сего сообщества, а равно из постановлений общих собраний его представителей с очевидностью явствует чисто революционное его направление, которое с особенною яркостью подтверждается самым широким применением этим «Союзом» террора, жертвами коего пали уже многочисленные носители власти. В то же время «Союз» непрерывно водворяет в край оружие, вооружает им своих участников, приобретает взрывчатые вещества, подготовляет военачальников в формированной в Болгарии военной школе и т. п. Та же беспрепятственность развития деятельности этого опасного сообщества открыла путь к свободному приобретению им больших денежных средств, которыми обильно снабжают сообщество богатые армяне, отчасти под влиянием террора и отчасти лишь из сочувствия националистическим стремлениям этого революционного «Союза». Таким образом, в настоящее время правительство имеет перед собою угрожающую по силе и тактике преступную организацию, окрепшую на глазах местной власти, относившейся в течение нескольких лет безучастно к этому опасному явлению.

Из содержания настоящего моего письма Ваше Сиятельство изволите усмотреть, что в нем изложены факты и явления, имевшие место на Кавказе в 1906, 1907 и 1908 гг. Сведения эти, конечно, далеко не исчерпывают действительного положения ве-

щей, так как с учреждением обособленного от центрального ведомства управления Кавказским краем систематическое доставление данных о событиях на Кавказе прекратилось, тем не менее даже и приведенные факты и явления, выбранные за такой период времени, в течение которого как установленные для края Высочайшим указом 26 февраля 1905 г., так и иные чрезвычайные полномочия имели достаточную возможность быть уже в значительной мере осуществленными, – свидетельствуют о том, что край находится в крайне неблагоприятном положении в смысле общего благополучия и по степени проявления чинами местной администрации энергии в деле обеспечения порядка, и в этом отношении нельзя не признать, что ближайшими причинами такого ненормального положения дела является, очевидно, недостаточная энергия и уклонение местных органов власти от руководящих твердых начал, отсутствие должной последовательности в их тактике и сознания той сугубой опасности, которой подвергается, при подобном неустройстве, вся Кавказская окраина, а также несоответствие части этих органов своему служебному положению и слабость репрессий по отношению к нарушителям закона и порядка. Только отсутствием со стороны чинов областной и губернской администрации дружного, решительного, планомерного отпора всяким, даже малейшим, выступлениям преступных организаций и отдельных лиц возможно объяснить наличность описанных выше неустройств и отрицательных явлений, внушающих самые тревожные опасения за дальнейшую судьбу края.

Не усматривая, по изложенным основаниям, и ныне, чтобы местными начальствами принимались действительные меры к обеспечению наисущественных государственных и частных интересов в пределах наместничества, я считаю долгом о таком тяжелом положении Кавказской окраины вновь сообщить на распоряжение Вашего Сиятельства и покорнейше просить о последующем меня уведомить.

Опубл.: Красный архив. – 1929. – Т. 3 (34). – С. 187–202.

В ответном письме графа И.И. Воронцова-Дашкова от 23 июля 1908 г. (№ 64885) приведены другие сведения за 1907 г.: в пределах Кавказского края имело место 689 случаев убийств и покушений на убийства чисто террористического характера, в результате которых пострадали – убитыми 183 должностных, 212 частных лиц, раненными 90 должностных, 213 частных лиц. Всего же за 1907 г. в Кавказском крае (Тифлисская, Бакинская, Эриванская, Елисаветпольская, Кутаисская и Черноморская губернии и Бакинское градо-

начальство) совершено 3305 преступлений (*Красный архив. — 1929. — Т. 3 (34). — С. 29*).

[1] Молокане — одна из сект духовных христиан. Возникла в России во 2-й половине XVIII в. Отвергают священников и церкви, совершают моления в обычных домах. Общинами руководят выборные старцы-пресвитеры.

[2] **Ковалев** Георгий Самойлович — коллежский асессор, полицмейстер г. Тифлиса. С 1906 г. и. д. вице-губернатора Эриванской губернии; надворный советник (1907), и. д. елисаветпольского губернатора (1908—1916).

[3] Забастовка моряков Каспийского торгового и нефтеналивного флота в апреле 1907 г., подготовлявшаяся еще до открытия навигации, имела всероссийское значение, так как прекращала доставку топлива в Астрахань и этим влияла на положение промышленности и транспорта. Она всполошила весь торговый и промышленный мир. Несмотря на усиленные репрессии и на специальную командировку барона фон Таубе, командира Отдельного корпуса жандармов, для быстрейшего улаживания конфликта, все же забастовка, продлившись около трех недель, закончилась частичной победой судовых команд; экономические требования моряков в основном были удовлетворены.

[4] **Михайлов** А.П. (?—1907) — начальник Бакинского торгового порта, капитан 2 ранга; был убит 3 февраля 1907 г.

[5] **Таубе** фон Федор Федорович (1857—?) — барон, генерал-майор (1903), генерал-лейтенант, почетный казак Михайловской и Уйской станиц Оренбургского казачьего войска. С февраля до 14 ноября 1906 г. оренбургский губернатор. С 17 ноября 1906 г. командир Отдельного корпуса жандармов.

[6] **Крыльцов** Василий Иванович — капитан 1-го разряда, редактор издававшейся в Баку газеты «Каспийская волна», закрытой по распоряжению временного бакинского генерал-губернатора. Председатель «Союза каспийских моряков», проводившего активную агитацию за организацию забастовки в Баку. Союз был закрыт 23 февраля 1907 г. по распоряжению наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова, а Крыльцов арестован, но вскоре освобожден.

[7] «Союз русского народа» — монархическая организация, основанная в ноябре 1905 г. в Петербурге по инициативе членов «Русского собрания». С декабря 1905 г. официальным органом Главного совета стала газета «Русское знамя», с 1909 г. начала издаваться газета «Земщина», выражавшая позицию правой фракции Думы, в 1910 г. — «Вестник Союза русского народа» (в противовес «Русскому знамени»). В ноябре 1905 г. председателем Главного совета Союза был избран А.И. Дубровин. Политическая платформа Союза была разработана в «Основоположениях» (1906) и включала: трехчленную формулу «православие, самодержавие, народность», упрочение господствующего положения Русской православной церкви, безусловное запрещение проповеди и распространения неправославных конфессий, отказ признать изменение государственного строя на конституционной или парламентской основе, созыв Земского собора. Союз прекратил свою деятельность в феврале 1917 г.

[8] Под фамилией **Собченко-Колосов** скрывался Лурье Михаил Александрович (парт. кличка Ю. Ларин) (1882—1932) — профессиональный партийный работник, публицист, член РСДРП. В 1901—1902 гг. жил в Симферополе (под гласным надзором полиции), организовал местный комитет РСДРП, а затем крымский союз РСДРП. В августе 1902 г. арестован, выслан на 8 лет в Якутскую область, откуда бежал осенью 1904 г. Приехав в Женеву, примкнул к мень-

шевикам. В январе 1905 г. вернулся на нелегальную работу в Петербург, участвовал в создании профсоюзов; вошел в состав городского комитета меньшевиков. Участник Стокгольмского и Лондонского съездов РСДРП. С осени 1906 г. до лета 1907 г. руководил в Киеве работой украинской Спилки. После Лондонского съезда 1907 г. уехал в Баку, где нелегально работал до лета 1908 г.; был секретарем Союза механических рабочих нефтяной промышленности, издававшего свою газету «Профессиональный вестник»; один из руководителей кампании за коллективный договор. В 1909—1912 гг. сотрудничал с журналом «Возрождение» («Жизнь», «Дело жизни»). В 1912 г. участвовал в Августовской конференции меньшевиков, сформировавший блок антибольшевистских сил в российской социал-демократии.

[9] Украинский социал-демократический союз «Спилка» образован в декабре 1904 г. На следующий год «Спилка» вошла в РСДРП на правах автономной организации, работающей среди говорящих на украинском языке рабочих. Стала одной из весьма значительных политических сил, действовавших на Юге России. В программных и тактических вопросах ориентировалась на меньшевиков. К концу 1907 г. был арестован почти весь состав ЦК, в результате в 1909—1911 гг. деятельность «Спилки» сошла на нет.

[10] Лондонский (III) съезд РСДРП состоялся 12—27 апреля 1905 г. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством В.И. Ленина. Меньшевики отказались от участия в съезде и собрали в Женеве свою конференцию. На съезде присутствовало 38 делегатов. Съезд рассмотрел коренные вопросы развертывающейся в России революции и определил задачи партии, в частности, был намечен стратегический план действий: пролетариат должен быть руководителем революции и в союзе с крестьянством, изолировав буржуазию, бороться за свержение самодержавия и установление демократической республики. В качестве главной задачи партии был выдвинут курс на организацию вооруженного восстания. Съезд пересмотрел устав партии; осудил действия меньшевиков.

[11] **Фад[д]еев** Семен Андреевич — генерал-лейтенант (1905), генерал от инфантерии (1906). В 1904 г. командующий 2-го Кавказского армейского корпуса (штаб г. Тифлис). Временный генерал-губернатор г. Баку и Бакинской губернии; эта должность была учреждена в связи с объявлением 18 февраля 1905 г. Баку и Бакинской губернии на военной положении.

[12] **Старосельский** Владимир Александрович (1860—1916) — агроном Министерства государственных имуществ в Сакарском питомнике (вблизи Зестафони), коллежский советник. 9 июня 1905 г. был назначен графом И.И. Воронцовым-Дашковым и. д. кутаисского губернатора. В отличие от большинства российских губернаторов занимал леворадикальные позиции, выступал за отмену военного положения в Кутаисской губернии, освобождение из тюрем политических заключенных, возобновление деятельности выборных народных органов власти в сельской местности, признание права на национальное самоопределение, ликвидацию помещичьего землевладения и раздачу земли крестьянам. Поддерживал контакты с социал-демократами. Часть губернаторского дворца предоставил для проведения народных митингов, устройства читальни и библиотеки. По его инициативе из городского арсенала было передано 300 винтовок и карабинов гурийским повстанцам. Не случайно начальник полиции на Кавказе доносил Воронцову-Дашкову: «В Кутаисской губернии политическое состояние приняло характер не просто «анархии», а ка-

кого-то государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасающихся оружием для открытого восстания... происходящие в Кутаисской губернии события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами русской революционной государственности». 15 января 1906 г. Старосельский указом Николая II был «уволен от службы» и посажен под домашний арест. В начале февраля нелегально перебрался в Петербург, где подготовил рукопись книги «Кавказская драма» и воззвание к «Русским гражданам». После четырехмесячного пребывания в Петербурге выехал в Анапу, а затем в Екатеринодар, где в начале 1907 г. вступил в ряды большевистской партии; секретарь Кубанского областного комитета РСДРП, в 1908 г. — председатель Северокавказского союзного комитета РСДРП. Участвовал в работе V съезда РСДРП. В феврале 1908 г. эмигрировал во Францию. Похоронен у стены Парижских коммунаров на кладбище Пер-Лашез (см.: *Лейберов И.П. Подвиг красного губернатора // Последние годы. — СПб., 2003. — С. 19—41*).

[13] **Лернер** Пинхус (Петр) Янкелевич (Яковлевич) (1880—?) — мещанин г. Одессы, журналист. Сотрудничал в газетах «Новое время», «Земщина», «Русское слово». Секретный сотрудник Петербургского, Одесского, Бессарабского охранных отделений. Кличка «Петр Яковлевич». Получал 150 руб. в месяц.

Письмо В.Н. Коковцову

11 апреля 1908 г.

Милостивый Государь
Владимир Николаевич.

В связи с применением Указа 9 ноября о выходе из общины и другими мероприятиями правительства по насаждению личн[ой] земельной собственности у крестьян возникает вопрос о предоставлении крестьянам возможности пользоваться правильно устроенным и недорогим кредитом для перехода к усовершенствованным приемам сельского хозяйства и для прочного водворения на укрепленных за ними или приобретенных ими от казны либо чрез посредство Крестьянского банка участков.

Для означенной цепи необходимо приспособить существующие уже ныне виды мелкого, как личного, так и ипотечного, кредита, пересмотрев и подвергнув соответствующим изменениям действующие узаконения.

Придавая этому вопросу чрезвычайно важное значение и предполагая для сего образовать под председательством товарища министра внутренних дел, действительного статского советника Лыкошина предварительное междуведомственное Совещание, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не

отказать назначить в помянутое Совещание представителей от вверенного Вам ведомства, причем я находил бы особенно желательным участие в Совещании представителей от управления мелкого кредита, Государственного банка и Крестьянского поземельного банка.

Первое заседание Совещания назначено в среду, 16 апреля, в 9 час. вечера.

Примите, Милостивый Государь, уверение в истинном уважении и совершенной преданности.

Подписал П. Столыпин
11 апреля 1908 года
№ 11324

РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. 1908. Д. 14. Л. 1–1об.
На официальном бланке. Машинопись. Копия.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

28 апреля 1908 г.

Тифлис
Наместнику Его Величества на Кавказе

Явления промышленной жизни Баку неоднократно привлекали внимание правительства, которое по отдельным событиям высказывало общие соображения в смысле, во-первых, возложения на местное начальство обязанности пресекать беспорядки и ограждать личную и имущественную безопасность и, во-вторых, избегать вмешательства в частные интересы между промышленниками и судовладельцами, с одной стороны, и между работодателями и рабочими, с другой. Соображения эти были одобряемы Его Императорским Величеством. В настоящее время Совет министров располагает сведениями, вызывающими серьезные опасения относительно правильного направления хода рабочего совещания Баку. По поводу этого совещания в 1906 г. Вашему Сиятельству были сообщены соображения Министерства торговли и промышленности, одобренные Советом министров. Соображения эти не допускают возможности производить какие-либо давления на ту или иную сторону и тем более принимать какие-либо меры к тому, чтобы совещание это во что бы то ни стало состоялось. При неправильном направлении этого дела совещание может дать обратные желаемым результаты и обратиться в орудие поли-

тической пропаганды. Между тем происходящие в настоящее время заседания представителей рабочих уже носят угрозу общественному порядку, организуя рабочие массы для целей, ничего общего с задачами совещания не имеющими.

Представители рабочих призваны выбрать 16 членов организационного совещания, а между тем дело, длящееся свыше года, фактически направлено к созданию такой организации рабочих, которая могла бы грозить промышленности общей забастовкой.

Признавая необходимым настаивать на том, чтобы выборы в совещание были безотлагательно закончены и чтобы всякие агитационные собрания под предлогом выборов были прекращены, Совет министров полагает, что при неуспехе выборов надлежало бы вовсе отказаться от самой мысли о совещании, предоставив разрешение возникающих недоразумений непосредственному соглашению рабочих и хозяев по отдельным предприятиям, – влияние же администрации ограничить предупреждением беспорядков и решительным пресечением всяких насилий над имуществом и личностью.

Совет министров не может не обратить также внимание Вашего Сиятельства на затруднения, возникшие в области перевозки нефти из Баку в Астрахань. По сему предмету Совет министров уведомил телеграммой Ваше Сиятельство касательно общего отношения к этому делу, не допускающего активного вмешательства местных властей в частные интересы. Между тем бакинский градоначальник считает возможным и нужным грозить отдельным судовладельцам мерами, кои в области частного хозяйства должны почитаться совершенно недопустимыми. Совет министров вновь не может не высказаться за необходимость уклоняться от активного вмешательства власти в частные интересы, искусственную же поддержку синдиката судовладельцев не может не признать крайне вредною, так как поддержка эта, ограждая официально будто бы интересы судорабочих, на самом деле только искусственно задерживает вывоз нефти из Баку и препятствует принятию даже явно выгодных предложений главных фирм, вывозящих нефть. Следует думать, что устранение власти от поддержки соглашения должно повести к скорейшему возобновлению работ всех или, по крайней мере, многих судов, нежелание же синдиката идти на возможное и справедливое соглашение уменьшает работу всего поволжского судоходства и увеличивает запасы нефти в Баку, что также крайне опасно и нежелательно.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 148. Л. 130об.–131. Машинопись.

Письмо князю Б.А. Васильчикову

2 мая 1908 г.

Милостивый Государь,
князь Борис Александрович.

Ввиду возбужденного мною вопроса о необходимости усиления русского влияния в Прибалтийском крае местный генерал-губернатор сообщил мне свои соображения по поводу намеченных мною с этой целью мер и, коснувшись, в частности, предположения относительно поселения в названном крае коренных русских земледельцев, отметил, что эта мера, к сожалению, не применялась на западных наших окраинах. По мнению барона Меллер-Закомельского, даже на восточных окраинах, каковы Кавказ и Туркестан, поселение русских шло вяло и нерешительно, с постоянным, часто излишним, сомнением, не нарушаются ли этим интересы туземного населения. Затем, в губернии Привислинские, где больше казенных земель, нежели в Прибалтийских, русских земледельцев вовсе не переселяли. В Царстве Польском находится более 300 000 десятин земель майоратных владельцев, которые с готовностью уступили бы свои земли Крестьянскому поземельному банку для продажи их русским крестьянам, если бы только получили на это разрешение.

В заключение Прибалтийский генерал-губернатор заявляет, что, коль скоро со стороны главноуправляющего землеустройством и земледелием последует зависящее распоряжение относительно отвода казенных земель в Прибалтийском крае для русских переселенцев, то местные власти окажут этому делу полное содействие и не преминут проявить должное попечение о благосостоянии тех крестьян, коим будут отведены земли.

Сообщая о вышеизложенном Вашему Сиятельству в дополнение к письму моему от 10 минувшего февраля, за № 669, покорно прошу Вас, Милостивый Государь, не отказать почтить меня Вашим отзывом по настоящему делу.

Примите уверения в глубоком моем уважении и искренней преданности.

Подписал: П. Столыпин
2 мая 1908 г.
№ 2224

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 61–61об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому

2 мая 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Александр Николаевич.

С удовлетворением усматривая из письма Вашего Высокопревосходительства, от 22 минувшего апреля, за № 2396, что в лице Вашем правительство будет иметь убежденного сотрудника в деле усиления русского влияния в Высочайше вверенной Вам окраине и упрочения связи ее с другими частями нашего государства, я нахожу, что сделанные Вами в указанном направлении предварительные распоряжения, равно как и намечаемые в дальнейшем мероприятия, вполне отвечают общим в сем отношении предначертаниям правительства. Обстоятельство это дает мне основание рассчитывать и на конечный успех начатого дела, несмотря на встречаемые при его выполнении затруднения и препятствия, о которых Вы изволите писать. Крайне прискорбно, что одним из таких препятствий является, по Вашему утверждению, разрозненность проживающих в Прибалтийских губерниях русских и недостаточная приверженность их интересам русской государственности. Полагаю, однако, что именно высший представитель правительственной власти в крае может весьма существенно содействовать более тесному сплочению местного русского общества и объединению его во имя общих национальных и государственных интересов. Зная присущие Вам разумную энергию и настойчивость в достижении намеченной цели, я убежден, что Вы сумеете в полной мере использовать все имеющиеся в Вашем распоряжении средства для надлежащего осуществления означенной, без сомнения, нелегкой задачи. При этом Вы можете быть уверены, что правительство, с своей стороны, окажет Вам в сем деле самую решительную поддержку и будет с неизменным вниманием относиться ко всем возбуждаемым Вами по настоящему поводу вопросам.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
2 мая 1908 г.
№ 2225

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 62–62об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письмо барону В.Б. Фредериксу

7 мая 1908 г.

Министру Императорского Двора

Нижегородский губернатор донес мне следующее:* Его Императорскому Величеству Государю Императору, по всеподданнейшему докладу Вашего Высокопревосходительства, благоугодно было Всемилостивейше пожаловать городу Нижнему Новгороду картину «Минин» работы художника К.Е. Маковского[1].

Нижегородская городская дума, выслушав об этом доклад городского головы, в заседании 25-го апреля, для принесения Его Величеству Государю Императору благодарности за пожалование, долженствующее служить вечным напоминанием о славных подвигах великого соотечественника гражданина Козьмы Захарьевича Минина-Сухорукого, и для выражения от всего населения Нижнего Новгорода чувств верноподданнической любви и неизменной преданности Государю, Его Наследнику и всему Царствующему Дому избрала особую депутацию в составе: городского головы Александра Меморского[2] и гласных Думы: почетного гражданина Нижнего Новгорода, статского советника Якова Башкирова[3], почетного гражданина Нижнего Новгорода, мануфактур-советника Николая Бугрова[4], члена Государственного совета, действительного статского советника Александра Баулина[5] и члена Государственной думы Александра Савельева[6].

Вследствие сего городской голова просит об исходатайствовании разрешения представления названной депутации Его Величеству Государю Императору.

Сообщая об изложенном** предварительно дальнейшего направления указанного*** ходатайства**** имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство уведомить меня о своем***** заключении******.

Министр внутренних дел, статс-секретарь Столыпин

Директор: Арбузов

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908. Д. 18. Л. 105–105об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел».
Машинопись с рукописной правкой П.А. Столыпина.

---

* Начальные слова письма вычеркнуты.

** «Сообщая об изложенном» зачеркнуто.

*** Вместо «указанного» вписано «означенного».

**** Вписано «сообщенного мне Нижегород[ским] губерн[атором]».

***** Вместо «своем» вписано «Вашем».

****** Вписано «по сему предмету».

Впоследствии П.А. Столыпин обратился с просьбой к Николаю II о предоставлении аудиенции депутации Нижнего Новгорода.

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел
1 февраля 1909 г.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было в 19 день мая минувшего года Всемилостивейше разрешить особо избранной от Нижнего Новгорода депутации представиться для принесения Вашему Императорскому Величеству благодарности за пожалование городу картины «Минин» и для выражения от всего населения Нижнего Новгорода чувств верноподданнической любви и неизменной преданности.

Ныне Нижегородский губернатор, действительный статский советник Шрамченко ходатайствует о Всемилостивейшем разрешении иметь счастие представиться Вашему Императорскому Величеству вместе с указанной депутацией.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинный подписал министр внутренних дел, статс-секретарь Столыпин
1 февраля 1909 г.
№ 31

<Далее написано>: «Собственною Его Императорского Величества рукою начертано «Съ» (Согласен) в Царском Селе, февраля 2 дня 1909 г.

Статс-секретарь Столыпин» (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908. Д. 18. Л. 220. Машинопись. Копия*).

[1] **Маковский** Константин Евгеньевич (1846—1915) — живописец, брат В.Е. Маковского. Член Артели художников, передвижник, с середины 1870-х гг. перешел к академизму. Специализировался на жанровых картинах, портретах, жанрово-исторических полотнах.

[2] **Меморский** Александр Михайлович (1855—1913) — помощник присяжного поверенного в Нижегородском окружном суде. В 1880—1894 гг. уполномоченный Нижегородской городской управы по ведению дел в судебно-мировых учреждениях. С 1889 г. гласный Нижегородского уездного земства, а в 1890—1903 гг. губернского земства. Городской голова Нижнего Новгорода в 1897—1904 и 1907—1909 гг.; по своим политическим взглядам был близок к кадетам. С февраля 1909 г. по январь 1911 г. член Совета по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. По ходатайству начальника Главного управления МВД по делам местного хозяйства С.Н. Гербеля назначен П.А. Столыпиным чиновником особых поручения V класса при министре сверх штата (в числе «способных и опытных в делах местных самоуправлений лиц для представительства в законодательных учреждениях и при разработке законопроектов по городскому и земскому хозяйству»). Летом 1911 г. и. о. непременного члена Совета по делам местного хозяйства; надворный советник.

[3] **Башкиров** Яков Емельянович — статский советник; нижегородский купец, владелец крупяного и мукомольного предприятия в Канавине. С 1883 г. гласный Нижегородской городской думы, с 1902 г. попечитель Башкировского мужского городского начального училища.

[4] **Бугров** Николай Александрович — из купцов, мануфактур-советник, почетный гражданин Нижнего Новгорода, с 1879 г. гласный Нижегородской городской думы. В 1880 г. учредил в память умершего отца А.П. Бугрова Ночлежный приют им. А.П. Бугрова. В 1887 г., вместе с почетными гражданами Блиновыми, выстроил и пожертвовал городу «Вдовий дом»; предоставил этому со-

циальному учреждению большое усадебное место в городе с тремя выстроенными каменными домами с тем, чтобы ежегодный доход с этого недвижимого имущества (до 8 тыс. руб.) поступал на содержание «Вдовьего дома».

[5] **Баулин** Александр Васильевич (1848—1911) — из купцов, гласный Саратовской городской думы. Председатель правления Нижегородского купеческого банка. В 1908 г. произведен в действительные статские советники и возведен в потомственное дворянство. Октябрист. В 1906 г. избран членом Государственного совета от торговли по Нижегородскому биржевому комитету; примыкал к группе центра. Почетный смотритель 1-го трехклассного училища (с 1902), член Городского училищного совета в качестве представителя от городской думы, член попечительного совета Мариинской женской гимназии.

[6] **Савельев** Александр Александрович (1848—?) — кадет, гласный уездного земского собрания, участковый мировой судья (1875), председатель съезда мировых судей (1881—1889). Гласный Нижнегородского губернского земского собрания, а также губернской земской управы (в 1900 г. — председатель). Председатель губернской архивной комиссии. Депутат I—II Государственной думы от Нижегородской губернии, председатель комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов; член продовольственной комиссии и комиссии по местному управлению и самоуправлению.

Записка Н.В. Плеве

18 мая 1908 г.

Н.В. Плеве

Ревизующий Туркест[анский] край сенатор гр[аф] Пален[1] просил меня, ввиду нездоровья его отца[2], испросить у Государя Императора право, в случае если того потребуют семейные обстоятельства, выехать временно из Туркестана, не испрашивая на то предварительного Выс[очайшего] разрешения.

Его Величество на это соизволил заготовить письма м[инист]ру юст[иции] и гр[афу] Палену.

П.[Столыпин]

18 мая 1908 г.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 42. Л. 3.
На бланке «Записка от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Пален** Константин Константинович — граф, гофмейстер, сенатор. С 19 апреля 1897 г. до 17 марта 1900 г. вице-губернатор Варшавской губернии, с 29 сентября 1902 г. до 2 декабря 1905 г. виленский губернатор. В 1905 г. на него совершено покушение в Вильно. 3 сентября 1916 г. лишен придворного звания.

[2] **Пален** Константин Иванович (1833—1912) — граф, статс-секретарь (1867), действительный тайный советник (1878), обер-камергер. С 1867 г. министр юстиции, в 1878 г. вышел в отставку, введен в состав Государственного сове-

та. С 1879 г. член комиссии по обсуждению вопроса о введении мировых судебных установлений в Прибалтийских губерниях и комиссии по вопросу о тюремных преобразованиях. В 1883 г. возглавил комиссию по пересмотру всех действующих в России законов о евреях. Работал в особой комиссии по составлению проектов местного управления.

Письмо Н.А. Хомякову

19 мая 1908 г.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич.

Из имеющихся у меня сведений видно, что одним из членов комиссии Государственной думы, рассматривавшей внесенное в Думу заявление о запросе правительству по поводу незаконномерных действий главноначальствующего в городе Ялте и его уезде, доставлено было в печатном оттиске, хотя и неподписанное, но изложенное от имени генерал-майора Думбадзе объяснение по этому предмету, которое комиссия и приняла к своему рассмотрению.

Между тем на точном основании ст. 59 Учреждения Государственной думы право сообщать последней надлежащие требования и разъяснения по запросам принадлежит единственно лишь министрам и главноуправляющим и никем не может быть осуществляемо без их ведома и уполномочия. Независимо от сего, за силою статьи 61 того же Учреждения, представление в Думу словесных и письменных заявлений воспрещается, причем никакого изъятия из этого правила для тех случаев, когда заявление сообщается чрез кого-либо из членов Государственной думы, в законе не имеется. Отсюда явствует, что ни генерал-майор Думбадзе не имел права сообщать комиссии свои объяснения по предполагаемому запросу, ни комиссия – принимать эти объяснения к своему рассмотрению. Ввиду сего считаю долгом просить Ваше Превосходительство поставить в известность комиссию Государственной думы, что принятое ею к рассмотрению заявление от имени генерал-майора Думбадзе, хотя бы оно действительно исходило от упомянутого должностного лица, отнюдь не может быть признаваемо имеющим какое-либо официальное значение и ни в чем не может предрешать тех объяснений, которые, в случае принятия запроса Государственной думой, будут сообщены мною.

Вместе с тем позволю себе выразить надежду, что Ваше Превосходительство не откажете в содействии к тому, чтобы комис-

сией приостановлено было дальнейшее рассмотрение этого заявления и впредь случаи подобного рода не имели бы места, так как повторение их способно внести весьма существенное расстройство как в порядок служебных отношений, так равно и в отношения, установленные законом между Государственной думой и правительством.

Прошу, Ваше Превосходительство, принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

П. Столыпин
19 мая 1908 г.
№ 68

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 11–12.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Подлинник.

На заседании комиссии по запросам, проходившем 17 мая 1908 г. под председательством графа В.А. Бобринского, при рассмотрении заявления о запросе министру внутренних дел по поводу «незакономерных действий генерала Думбадзе в Ялте» член комиссии Я.Б. Гололобов представил экземпляр объяснений генерала Думбадзе. Получив разъяснения председателя комиссии, Н.А. Хомяков направил 20 мая 1908 г. П.А. Столыпину письмо, в котором, в частности, подчеркивал, что «комиссия по запросам не отождествляла объяснений генерал-майора Думбадзе с ответом правительства, даваемым в порядке ст. 59 Учреждения Государственной думы, и что сии объяснения не могут служить официальными данными при обсуждении рассматриваемого комиссией дела» (*РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 16*).

Письмо И.Г. Щегловитову[1]

21 мая 1908 г.

Милостивый Государь,
Иван Григорьевич.

Ввиду болезни обер-камергера графа Палена, сын его, сенатор граф Пален, на которого, по Высочайшему повелению, возложена ревизия Туркестанского края, обратился ко мне с просьбою исходатайствовать Высочайшее Его Императорского Величества разрешение на предоставление ему права временного выезда из пределов ревизуемого края, если его семейные обстоятельства того потребуют, не испрашивая предварительно Высочайшего соизволения на таковую отлучку.

По докладе моем об изложенном, Государю Императору благоугодно было Всемилостивейше соизволить на удовлетворение

изъясненной просьбы графа Палена, о чем я уведомляю его одновременно с настоящим письмом к Вашему Превосходительству.

Сообщая о сем, покорно прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал П. Столыпин
21 мая 1908 г.
№ 2483

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 42. Л. 4.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] **Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – государственный деятель, юрист. Сотрудничал в журналах «Юридический вестник», «Право». С 1903 г. читал лекции по теории и практике уголовного судопроизводства в Училище правоведения. С апреля 1906 г. по июль 1915 г. министр юстиции. Выступал за упразднение принципа несменяемости судей и их полное подчинение Министерству юстиции. В 1915 г. был председателем монархического съезда. В 1916 г. назначен председателем Государственного совета. Расстрелян по приговору Ревтрибунала.**

Письмо графу К.К. Палену

21 мая 1908 г.

Милостивый Государь,
граф Константин Константинович.

Его Императорскому Величеству, по всеподданнейшему докладу моему, благоугодно было Всемилостивейше разрешить Вашему Сиятельству, при производстве ревизии в Туркестанском крае, временно выехать из пределов этого края, в случае, если того потребуют семейные обстоятельства, не испрашивая на таковую отлучку особого Высочайшего соизволения.

Доводя о сем до сведения Вашего Сиятельства, прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
21 мая 1908 года
№ 2484

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 42. Л. 5.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

24 мая 1908 г.

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе

В отношении своем за № 92 Ваше Сиятельство решительно высказываетесь против пересмотра в настоящее время действующих узаконений, определяющих положение Патриарха-Католикоса всех армян, и полагаете ограничиться изменением ст. 1124 Свод. зак., т. XI, ч. I, изд. 1896 г., в смысле избрания Патриарха-Католикоса не открытым голосованием, а закрытою баллотировкою. Затем, в письме от 13 минувшего апреля Ваше Сиятельство, указывая, что после смерти Патриарха Мкртича мною не было испрошено Высочайшего повеления, которое единственно могло бы до некоторой степени изменить установленный законом порядок рассылки Эчмиадзинским Синодом известительных грамот, просите меня сделать распоряжение об отправке препровожденных Вами в Министерство внутренних дел 31 января сего года за № 2685 известительных грамот в Министерство иностранных дел для рассылки по принадлежности.

Познакомившись, с своей стороны, с соображениями, которые привели Ваше Сиятельство к отрицательному заключению относительно предположенного мною пересмотра действующих узаконений о Католикосе всех армян, и признавая за мнением по сему предмету Вашего Сиятельства, как лица, близко знакомого с интересами Высочайше вверенного Вам края, особливое значение, я не намерен возражать против Вашего, Милостивый Государь, заключения о неудобстве возбуждения в настоящее время вопроса об исключении из действующего законодательства указания на вселенское значение Патриарха, тем более, что против этого предположения высказался и министр иностранных дел. Впрочем, я должен заметить, что и я никогда не придавал этому предположению характера меры, подлежащей непременному осуществлению, а указывал лишь на необходимость попутного его обсуждения. Равным образом, я не настаиваю на осуществлении и предполагавшихся мер относительно отмены некоторых особых личных привилегий и внешних атрибутов власти названного Патриарха, именно назначения его Высочайшею грамотою, присвоения ему особого титула, прав его иметь особую из армян составленную стражу и награждать духовных лиц наперсными крестами, а также требования непременного избрания Патриарха из рус-

ских армян, в том соображении, что мероприятия эти, не представляя в сущности особого государственного значения в деле управления армянскою церковью, могут, тем не менее, возбудить среди армян предположение о недоброжелательном отношении русского правительства к армянской церкви. Но за всем этим я положительно не нахожу в себе решимости, основываясь исключительно на обмене мыслей с Вашим Сиятельством, решить окончательно вопрос о сохранении без изменения существующего в управлении Армяно-Григорианскою церковью положения вещей. Я должен признаться, что мне это положение представляется не вполне нормальным, а данные, представленные Вами в его объяснение, и в особенности ссылка на то особое значение, которое имел в этом деле бывший прокурор Эчмиадзинского Синода, недостаточно убедительными. При таких условиях я не считаю себя вправе прекращать переписку по возбужденному вопросу и полагаю, что, сделав это, я не выполнил бы своей обязанности пред Государем и Отечеством. Ведь не следует забывать, что, упустив благоприятное время для пересмотра некоторых из действующих узаконений об армяно-григорианской церкви, правительство этим самым могло бы создать себе в будущем ряд крайне нежелательных и опасных осложнений.

Поэтому я остановился на мысли вопросы*: 1) о необходимости установления требования от кандидата на пост Эчмиадзинского Католикоса знания им русского языка, 2) о необходимости принятия мер к возможному уравновешению числа голосов русских и заграничных армян при избрании Эчмиадзинского Католикоса, а также 3) об издании более точных, чем ныне существующие, правил о правах Патриарха, как председателя Эчмиадзинского Синода, – при том, разумеется, условии, чтобы осуществление таковых мер было произведено в форме, исключающей всякую возможность толкования, что русским правительством воздвигнуто гонение на армянскую церковь, – представить на уважение Совета министров. В представлении своем я намерен изложить как те факты, которые заставляют меня передать этот вопрос на обсуждение Совета, так и подробное мнение Вашего Сиятельства. Засим от Совета министров будет зависеть решить этот вопрос в том или ином смысле. Решение его я буду иметь счастье представить на благоусмотрение Его Императорского Величества, и только тогда сочту себя свободным от ответственности, которая лежит лишь

* Так в тексте.

на мне в этом важном государственном деле. Засим, если Государю Императору угодно будет повелеть оставить узаконения, определяющие положение Католикоса, без изменения, я немедленно сделаю распоряжение об отсылке известительных грамот в Министерство иностранных дел. Если же вопрос о пересмотре этих узаконений будет решен в утвердительном смысле, то я сочту долгом испросить Высочайшее разрешение на отсрочку выборов Католикоса и немедленно озабочусь приступом к составлению соответствующего законопроекта для внесения его в Государственную думу.

Во всяком случае, обязываюсь заметить, что проектированная Вами замена открытой баллотировки закрытой может последовать только в законодательном порядке, и что поэтому мероприятие это ни в коем случае не может получить осуществления к ноябрю 1908 года.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Сиятельство, вследствие указанных выше отзывов.

Подписал: Министр внутренних дел,
статс-секретарь П. Столыпин
24 мая 1908 года
№ 2960

РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 274. Л. 27–28об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Машинопись. Копия.

Письмо А.П. Извольскому

31 мая 1908 г.

Милостивый Государь
Александр Петрович.

В половине сентября сего года возобновляет свои занятия учрежденная при Министерстве внутренних дел в 1904 г. из чинов сего министерства и представителей заинтересованных ведомств Особая комиссия для пересмотра действующих постановлений относительно охраны древних памятников и зданий. Эта задача была возложена на Министерство внутренних дел Высочайше учрежденным мнением Государственного совета, последовавшим по делу о поддержании древней Космодамиановской церкви в городе Муроме. Но по мере хода работ комиссии выяснилась необходимость передать на ее обсуждение, помимо указанного основного вопроса, целый ряд других вопросов, касавшихся охра-

нения вещественных и письменных памятников древности и вообще всех памятников замечательных по своей древности, художественному достоинству и археологическому или историческому значению. Таким образом, задачею комиссии будет выработка основных положений нового закона об охранении не только древних памятников и зданий, но и вообще об охранении памятников старины в самом широком смысле этого слова и памятников, имеющих художественное значение.

Озабочиваясь правильной постановкой занятий в помянутой комиссии, я принял на вид, что в некоторых государствах Западной Европы, как, например, во Франции и Австрии, уже давно обращено самое серьезное внимание на дело охраны памятников древности, и законы, касающиеся этой охраны, разработаны с большою тщательностью и глубоким знанием дела.

Ввиду изложенного, признавая иметь в комиссии, как вспомогательный материал, образцы законодательств по охранению древних памятников в странах Западной Европы, имею честь просить Ваше Превосходительство, не признаете ли Вы возможным выписать через посредство русских посольств за границею важнейшие образцы означенных законодательств и препроводить таковые в Министерство внутренних дел ко времени возобновления занятий объясненной выше комиссии.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подп[исал]: П. Столыпин

№ 11752

РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. I. Л. 224–224об.
Машинопись. Отпуск.
Опубл.: Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. Сб. документов. – М., 1978. – С. 181–183.

В 1904 г. при Министерстве внутренних дел была образована Особая комиссия из чиновников министерства и представителей заинтересованных ведомств под председательством члена совета министра внутренних дел С.П. Суходольского. Заседания комиссии продолжались с февраля до конца июня 1905 г. Комиссия разработала концепцию корректировки законодательства об охране памятников («Основные положения»), проект разделения страны на археологические округа, а также составила примерный перечень предполагавшихся к обсуждению вопросов. Постановления комиссии были направлены на заключение различным археологическим и историческим обществам и учреждениям. В мае 1908 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин распорядился возобновить заседания Особой комиссии по пересмотру действующих постановлений об охранении древних памятников в новом составе. Предсе-

дателем комиссии был назначен председатель Технически-строительного комитета МВД академик Н.В. Султанов, товарищем председателя — член совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянд, вскоре сменивший Султанова на посту председателя. Новая комиссия предполагала установить единую систему государственной охраны памятников, создать специальный орган, ведающий охраной памятников. Намечалось также установить право правительства на отчуждение памятников, являвшихся частной собственностью или находившихся в собственности церкви. 29 октября 1911 г. выработанный комиссией проект министр внутренних дел А.А. Макаров представил в Государственную думу. Постановлением Думы от 7 ноября 1911 г. проект был передан на обсуждение в комиссии по народному образованию и на заключение комиссий по судебной реформе и бюджетной. Думская комиссия исключила статью проекта о приоритете правительства в приобретении памятников у частных лиц; ее возражения вызвали также статьи о запрещении вывоза памятников за границу и о предоставлении Археологической комиссии полномочий по надзору и руководству за раскопками в частных владениях. В 1912 г. комиссия представила в Думу доклад по законопроекту. После обсуждения в Думе проект передали для доработки в комиссию законодательных предположений. В 1913 г. проект вновь был представлен в Думу, однако с началом Первой мировой войны его обсуждение было приостановлено и возобновилось только в 1916 г. Министерство внутренних дел отозвало проект для доработки, одновременно к подготовке закона приступило Министерство юстиции, однако до февраля 1917 г. закон так и не был принят.

Телеграмма И.Н.Толмачеву[1]

3 июня 1908 г.

Одесса
Градоначальнику
Созыв съезда монархических организаций Херсонской губернии[2] в Одессе разрешаю.
Подп[исал:] М[инистр] в[нутренних] д[ел] Столыпин
3 июня 1908 г.
№ 1179

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 76. Л. 6. Отпуск.

[1] **Толмачев** Иван Николаевич (1863 — после 1917) — генерал-лейтенант, с 2 декабря 1907 г. до 15 ноября 1911 г. одесский градоначальник, его методы управления отличались произволом и беззаконием. Преследовал прогрессивную печать, либеральные проявления общественной жизни, поощрял политические убийства и еврейские погромы. В 1911 г. отстранен от должности. В 1917 г. был обвинен в подготовке к убийству и находился под следствием. Активный деятель «Союза русского народа».

[2] 17 мая 1908 г. одесский градоначальник генерал-майор И.Н. Толмачев обратился к министру внутренних дел П.А. Столыпину с просьбой разрешить созыв съезда по ходатайству председателя одесского отделения «Союза русских людей» Родзевича. Съезд проходил в Одессе с 8 по 10 июня 1908 г.

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому

4 июня 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Александр Николаевич.

В печать проникли сведения о том, что Германский школьный союз включил в район своей деятельности и Прибалтийские губернии, помогая образовавшимся здесь местным школьным союзам деньгами и книгами, причем отчетные данные об этих местных союзах вносятся в ежегодные отчеты Центрального германского союза, а на собравшийся ныне в Констанце съезд Союза приглашены и балтийские представители[1]. Признавая, с своей стороны, распространение деятельности иностранного союза, субсидируемого, как указывается в печати, германским правительством, на русские владения требующим самого бдительного внимания правительства, долгом считаю обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою сообщить мне подробные по настоящему делу сведения, вместе с заключением Вашим относительно характера деятельности названного союза в Прибалтийском крае.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
4 июня 1908 г.
№ 2679

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 46. Л. 2.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] Имеется в виду сообщение газеты «Новое время» от 1 июня 1908 г. В ответ на публикуемое письмо П.А. Столыпина А.Н. Меллер-Закомельский сообщил, что «Всеобщий германский школьный союз для поддержания немечества за границей» действует уже на протяжении 26–30 лет и что связь его с прибалтийскими немецкими обществами – «Немецким обществом (или союзом) в Лифляндии и Эстляндии» и «Обществом немцев» в Курляндии – началась два года назад, когда председатель Констанцкой группы д-р Гроос посетил Прибалтийские губернии. Быстрой организации немецких школьных союзов способствовало Высочайшее соизволение 1906 г. на открытие немецких школ. В 1908 г. они имелись почти во всех уездных городах и ряде местечек Прибалтики. Сближению же прибалтийских немецких школьных союзов с германскими способствовал, по мнению Меллер-Закомельского, «мятеж» 1905–1906 гг. с «прямо поставленной латышами и эстами целью изгнания из края немцев». 30 июня 1906 г. было учреждено «Немецкое просветительное и вспо-

могательное общество Лифляндской губернии», в задачи которого входило оказание «немецкому населению Лифляндской губернии поддержки и содействия в духовном, культурном и экономическом отношениях». Уже в июле Общество было переименовано в «Немецкое общество Лифляндии». Соответственно расширились и задачи Общества: теперь оно должно было «объединять, сохранять и укреплять немецкое население Лифляндской губернии в культурном, умственном и экономическом отношениях». Временный прибалтийский генерал-губернатор определил направление деятельности Общества как «ультранемецкое», отметив при этом, что подобная ориентация находила поддержку в Министерстве народного просвещения, при министре П.М. фон Кауфмане. В частности, при участии министерства 19 апреля 1906 г. был издан закон о допущении преподавания в частных учебных заведениях Прибалтийских губерний на родном языке учащихся. Руководствуясь законом, Рижская городская дума приняла постановление о введении преподавания на родном языке в городских начальных училищах. С точки зрения же Меллер-Закомельского, природными языками в Прибалтике могли быть признаны латышский или эстонский, а немецкий язык можно употреблять лишь на занятиях по изучению закона Божьего, церковного пения. Находя существование и деятельность немецких обществ в Прибалтийском крае вредным для государства, Меллер-Закомельский, тем не менее, не считал уместным прибегать в отношении этих обществ к таким экстренным мерам, как закрытие на основании военного положения, а предлагал ограничиться строгим контролем со стороны Министерства народного просвещения за применением к субсидируемым и содержащимся на средства немецких обществ школам законоположений о языке преподавания. 8 июля 1908 г. председательствующий в Совете министров В.Н. Коковцов предложил министру народного просвещения А.Н. Шварцу представить свое заключение по данному делу. В направленном П.А. Столыпину 24 июля 1908 г. секретном сообщении Шварц признавал, что правительство в последние три года поддерживало немецкие школы в крае и что связи этих школы с германскими союзами неизбежны. Он также соглашался со справедливостью суждений Меллер-Закомельского, что если не ввести ограничительного толкования, немецкая школа будет развиваться в ущерб государственной. Вместе с тем Шварц заявлял, что отнесение того или иного языка к категориям «местный» или «природный» относится к компетенции правительства. 13 ноября 1908 г. Столыпин направил Шварцу ответное письмо, в котором сообщил о предложенных им временному прибалтийскому генерал-губернатору мерах к упорядочению деятельности школ, содержащихся прибалтийскими немецкими обществами.

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому

14 июня 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Александр Николаевич.

В номере газеты «Рижская мысль» от 5 сего июня помещена заметка следующего содержания: «Известный циркуляр П.А. Сто-

лыпина об усилении русского элемента в Прибалтийском крае, как сообщает петербургский корреспондент «Риг. Цейт.»[1], в значительной степени утратил свое практическое значение, так как наиболее влиятельные представители местной администрации разъяснили центральным учреждениям нецелесообразность этой меры, обижающей лояльные элементы края».

Вашему Высокопревосходительству известно, что правительство твердо держится взгляда о необходимости усиления русского влияния в Прибалтийском крае и не намерено допускать никаких колебаний при осуществлении намеченных для сего мероприятий. Поэтому имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мне, не дал ли кто-нибудь из представителей местной администрации вверенного Вам края повода к распространению вышеуказанных ложных слухов.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
14 июня 1908 г.
№ 2865

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 66–66об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] Имеется в виду газета «Riger Zeitung».

Письмо великому князю Николаю Михайловичу

15 июня 1908 г.

Ваше Императорское Высочество,

На интересующий Вас роман я обратил внимание тотчас по его появлении. Я полагал, что если он появится в приложении к «Свету»[1], то никто его уже не издаст отдельным изданием, так как он потеряет интерес новизны. «Свет» же читают попадьи и писаря, которые все равно ничего не поймут. Получив Ваше письмо, ввиду выраженного Вашим Высочеством желания, я распорядился повлиять на «Свет», чтоб роман не печатался и сделал распоряжение по всем городам, где есть чрезвычайная охрана, не допускать его печатания, но не ручаюсь, чтоб он не появился там, где охраны нет — там мы бессильны.

С чувством глубокого почитания, имею честь быть Вашего Высочества

всеподданнейший слуга

П. Столыпин

15 июня 1908 года

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 33.

Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Свет» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходила в С.-Петербурге в 1882—1917 гг. Редактор В.В. Комаров, с № 339 1907 г. Н.Д. Обухов, с № 299 1909 г. И.А. Баженов. Издатель В.В. Комаров, с № 339 1907 г. Е.Г. Комаров, с № 331 1911 г. Товарищество газеты «Свет».

Письмо А.В. Кривошеину

17 июня 1908 г.

Милостивый Государь,

Александр Васильевич.

Совет министров, рассмотрев в заседании 11 сего июня представление бывшего главноуправляющего землеустройством и земледелием, шталмейстера князя Васильчикова, от 13 минувшего мая, за № 16011 (по Перес[еленческому] упр[авлению]), о возобновлении землеотводных работ в областях Степного края и о поземельном устройстве той части киргизского населения этих областей, которая пожелала бы перейти в оседлое состояние, не встретил препятствий одобрить изложенные в этом представлении предположения, заметив лишь, согласно изустному в заседании заявлению Государственного контролера, что наделение землею переходящих к оседлому быту киргизов надлежало бы производить не по расчету 15 десятин на душу, как указано в отделе III заключительной части представления, а по расчету не свыше 15 десятин на душу.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

17 июня 1908 г.

№ 2896

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 119.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

25 июня 1908 г.

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе

Отношением от 2 мин[увшего] апреля, № 2345, я просил Ваше Сиятельство предложить Эчмиадзинскому Армяно-Григорианскому Синоду безотлагательно озаботиться окончанием предпринятого покойным Патриархом-Католикосом всех армян Мкртичем труда по составлению нормального устава и учебных программ для армяно-григорианских духовных семинарий, с указанием Синоду, что составление означенных правил и программ должно быть закончено с таким расчетом, чтобы к началу будущего учебного года они могли получить утверждение правительства, и что в противном случае я вынужден буду возбудить вопрос о закрытии семинарий, не имеющих уставов.

Впоследствии сего Ваше Сиятельство в отзыве своем по этому делу от 24 мин[увшего] мая, № 13215, изложив, что вопрос об издании указанного устава был уже неоднократно предметом обсуждения высшего правительства, и что для упомянутых учебных заведений были составлены в 1896 г. покойным Патриархом Мкртичем и бывшим главноначальствующим на Кавказе генерал-адъютантом князем Голицыным[1] проекты основных правил, находящиеся ныне в Министерстве внутренних дел, сообщаете, что предъявление Синоду требования немедленно представить на рассмотрение и утверждение правительства проект правил и программ для армяно-григорианских духовных семинарий может вызвать, по Вашему мнению, весьма нежелательное обострение в отношениях правительственных органов, с одной стороны, и Синода, с другой, так как возможно, что Синод уклонится от исполнения предъявленного к нему требования, ссылаясь на то, что в свое время таковое было исполнено покойным Патриархом Мкртичем, представившим еще в 1896 г. на утверждение правительства проект основных правил для упомянутых семинарий. Полагая, что в интересах скорейшего разрешения этого дела было бы целесообразнее предварительно рассмотреть ныне имеющиеся уже проекты правил и программ для упомянутых семинарий, Ваше Сиятельство просите, за отсутствием у Вас черновых вышеназванных проектов, препроводить их прежде всего на Ваше заключение, по получении которого министерство и может приступить к утверждению окончательно выработанного проекта.

Обращаясь к рассмотрению настоящего дела, я с своей стороны нахожу, что согласно ст. 1208 Свод. зак., т. XI, ч. I, изд. 1896 г., составление правил, определяющих курс учения и внутренний распорядок в упомянутых семинариях, принадлежит духовному начальству последних, под надзором и руководством архиепископов, а утверждение сих правил [—] высшему правительству, по рассмотрении оных Эчмиадзинским Армяно-Григорианским Синодом. Ввиду сего представленный б[ывшим] главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе в министерство при отношении от 29 ноября 1896 г., № 1191, проект упомянутых правил, выработанных самостоятельно канцеляриею главоначальствующего, не мог в то время и ныне не может получить движения, как не удовлетворяющий требованиям приведенной статьи. Что же касается проекта основных правил для означенных семинарий, представленного главному кавказскому начальству Патриархом Мкртичем, то он составлен на началах сосредоточения заведования этими учебными заведениями в руках исключительно армянского духовного начальства, с устранением всякого участия правительственных органов в деле надзора и управления этими учебными заведениями, а потому, само собою разумеется, не мог и не может быть одобрен ни главным кавказским начальством, ни Министерством внутренних дел. Ввиду сего, когда по поводу возникшего в 1906 г. вопроса об открытии в г. Астрахани новой армяно-григорианской семинарии Министерство внутренних дел вошло в непосредственное сношение с Патриархом Мкртичем о представлении на утверждение правительства устава этой семинарии, то требование министерства было принято названным Патриархом к руководству и в письме его ко мне от 24 сентября 1907 г., № 1458, он сообщил, *что озабочен выработкой* нормального устава и учебных программ для всех вообще армяно-григорианских семинарий в России. Таким образом, сам Патрииарх считал первоначально выработанный им устав неокончательным, и Синод не может иметь основания к ссылке на то, что Патриарх в свое время уже исполнил требование министерства.

Ввиду вышеизложенного я считаю долгом препроводить при сем к Вашему Сиятельству составленное, по моему поручению, применительно к сообщенным уже Патриарху требованиям, в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий (о чем было упомянуто в указанном отношении моем, № 2345), изложение основных правил, подлежащих включению в проект устава армяно-

григорианских духовных семинарий, – для передачи этих правил на обсуждение Эчмиадзинского Синода.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь (подписал) П. Столыпин
25 июня 1908 г.
№ 3801

РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 178. Л. 36–37.

На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Машинопись. Проект.

[1] Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907) – князь, генерал-адъютант, сенатор (1885). С 1876 г. военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска, в 1880 г. временно исполнял должность командующего войсками Оренбургского военного округа и оренбургского генерал-губернатора. В 1893–1905 гг. член Государственного совета с присутствием сначала в департаменте законов, с 1895 г. – в департаменте государственной экономии. В 1897–1904 гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа, главноначальствующий на Кавказе, генерал-адъютант.

Письмо А.П. Извольскому

26 июня 1908 г.

Многоуважаемый Александр Петрович,

Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою, заключающейся в следующем: будьте любезны, при беседе с г. Стэдом[1] сказать ему, что ввиду моего отъезда на отдых я лишен возможности принять его вторично, как я обещал ему, для ознакомления с его впечатлениями и с его статьею, в которой он хотел изложить содержание моей с ним беседы. Что касается этой статьи, то я очень просил бы Вас настоять, чтобы он Вам ее прислал для ознакомления с ней А.А. Макарова[2], который уполномочен мною внести в нее цифровые исправления и поправки по существу, буде они понадобятся, так как он знает суть моего разговора со Стэдом.

Вместе с тем, если бы Стэд особенно *настойчиво* повторил бы Вам свою просьбу, первоначально обращенную ко мне, о свидании с Чайковским и Набоковым[3], то я полагал бы возможным объяснить ему, что, по нашим законам, отбывающим наказание в тюрьмах и заключенным, о которых производится предварительное следствие или дознание, разрешаются свидания лишь с ближайшими родственниками, поэтому свидание г. Стэда с этими лицами в тюрьме и крепости недопустимо.

Видеть Чайковского г. Стэд в крайнем случае мог бы только в губ[ернском] жандармском управлении во время одного из допросов его товарищем прокурора, причем ни разговоров о политике, ни вопросов и сообщений по делу, о котором производится следствие, допущено, согласно закону, быть не может.

Искренно преданный Вам
П. Столыпин

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 42. Л. 13–14.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Стэд** (Stead) Уильям Томас (1849–1912) – английский журналист, с 1883 г. издатель «Pall Mall Gazette». В 1890 г. покинул редакцию газеты и основал новое издание – ежемесячный журнал «The Review of Reviews». Посетил Россию, где был принят Николаем II. Основал газету «Война войне» ("War Against War"). Принял участие в работе Гаагской мирной конференции. Погиб во время катастрофы на лайнере «Титаник».

[2] **Макаров** Александр Александрович (1857–1919) – тайный советник (1907), действительный тайный советник (1917), сенатор (1907). В 1906–1909 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1909–1911 гг. государственный секретарь. В 1911–1912 гг. министр внутренних дел, с 7 июля по 20 декабря 1916 г. министр юстиции. Член Государственного совета (1912).

[3] **Набоков** Владимир Дмитриевич (1869–1922) – общественный и политический деятель, правовед. С 1895 г. профессор уголовного права в Училище правоведения. Секретарь Юридического общества при Петербургском университете, председатель Русской группы Международного союза криминалистов. С 1898 г. редактор и постоянный автор журналов «Право» и «Вестник права», в начале XX в. сотрудничал в журнале «Освобождение». Гласный Петербургской городской думы, участник земских съездов 1904–1905 гг. Один из организаторов «Союза освобождения», конституционно-демократической партии, с октября 1905 г. член ее ЦК, товарищ председателя партии; поддерживал партию личными средствами. В 1905–1907 гг. редактор-издатель журнала «Вестник партии народной свободы», с 1908 г. соиздатель газеты «Речь». Депутат I Государственной думы от Петербурга, один из лидеров думской фракции кадетов. Подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к 3-месячному тюремному заключению, которое отбывал в петербургской тюрьме «Кресты», и лишен избирательных прав.

Письмо А.Н. Шварцу

2 августа 1908 г.

Штеттин, 2-го августа 1908 года

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Как только вернусь, выясню непонятное для меня на первый взгляд распоряжение ген[ерала] Толмачева[1] и приму мятежных одесских профессоров. Меня на несколько дней задержит уст-

ройство больной дочери[2] в ортопедическом заведении, так что я вернусь на Елагин 7-го вечером или 8-го утром. Как только вернусь, переговорю с Вами по телефону – условимся о часе свидания. Прошу Вас верить в чувство искреннего моего уважения и преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 627. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Одесский градоначальник И.Н. Толмачев, известный своим произволом в борьбе с оппозиционными настроениями в обществе, издал распоряжение об устранении от преподавательской деятельности четырех профессоров Новороссийского университета. Осенью 1908 г. кадетская фракция Государственной думы внесла запрос о превышении власти Толмачевым.

[2] Речь идет о дочери П.А. Столыпина **Наташе**, получившей тяжелое ранение во время взрыва на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. В 1908 г. ее поместили в ортопедическую клинику доктора Гессинга в Геггингене, после курса лечения в которой она смогла, хотя и с трудом, ходить без костылей. Столыпина Наталья Петровна (1891–1949) – фрейлина. Вышла замуж за морского офицера, князя Юрия Николаевича Волконского (1892–1954).

Письмо И.Г. Щегловитову

23 августа 1908 г.

Многоуважаемый Иван Григорьевич.

Сегодня я подписал официальное письмо на Ваше имя с препровождением черновых моих предположений относительно законопроекта о печати. Я вынужден придать этому делу особенно важное значение, причем считаю его настоятельно срочным. После роспуска второй Думы мы взяли в тиски печать мерами административными и призвали к порядку эту «мать революции».

В настоящее время мы должны учитывать два обстоятельства: 1) необходимость возвращения во многих местностях к нормальным способам управления и 2) злоупотребление в некоторых местностях со стороны генерал-губернаторов и губернаторов обязательными постановлениями, причем odium* от этих злоупотреблений падает на центральную власть, бессильную их предупредить.

Таким образом, создается волшебный круг: необходимость снятия военных и других положений и невозможность такового

---

* нарекания (лат.).

снятия ввиду отсутствия достаточной, нормальной репрессии по проступкам печати.

Ввиду этого я полагаю необходимым установить постепенную ответственность (редактор, издатель, владелец типографии), заменить принцип неосмотрительности принципом объективной ответственности и увеличить шкалу репрессий (денежных).

Все это в моей записке сделано кустарным способом, грубыми штрихами, и я попрошу Вас учредить у Вас в министерстве совещание, чтобы ранее внесения в Совет министров обсудить предлагаемые мною принципы и условиться относительно редакции законопроекта.

Я Вас тревожу во время Вашего отдыха, так как нахожу необходимым приготовить закон до начатия сессии Государственной думы.

Желаю Вам пока отдыхать и набираться сил.

Искренне Вам преданный

П. Столыпин

ГАРФ. Ф. 1476. Оп. 1. Д. 771. Л. 1–2
Опубл.: П.Н. Зырянов. Петр Столыпин. Политический портрет. – М., 1992. – С. 127–128.

Проект закона о печати был внесен в Думу 14 октября 1913 г. Рассматривался в думской комиссии. 10 февраля 1916 г. правительство взяло его назад (*см.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. – Пг., 1916. – Стб. 1257*).

Записка П.П. Извольскому

27 августа 1908 г.

Многоуважаемый

Петр Петрович,

Я Вам частным образом посылаю неподписанную бумагу, заготовленную на Ваше имя по делу об Опольском костеле. Делаю я это потому, что не желал бы плодить излишней переписки, а хотел бы с этим делом покончить.

Для меня несомненно, что наше духовенство по меньшей мере поторопилось и Опольские католики могут считать себя справедливо обиженными.

Возврат освященного храма тоже невозможен. Нельзя [ли] восстановить справедливость, устроив, вместо храма, католикам, за счет казны, часовню?

Не откажите обдумать этот вопрос — мне дорого достоинство православной церкви, но оно должно быть согласовано с государственным достоинством, которое как будто и не требует действий несправедливых.

Искренно Вам преданный

П. Столыпин

27 августа 1908 г.

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 5–5об.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.В. Кривошеину

6 сентября 1908 г.

Милостивый Государь,

Александр Васильевич.

Минский губернатор[1] сообщил, что член Государственной думы от Минской губернии, священник Якубович[2] принимает от крестьян, мелких землевладельцев и других лиц, проживающих в Минской губернии, всевозможные прошения и жалобы по спорам, вытекающим из права владения земельной собственностью, о захвате земли и прочим делам, подлежащим рассмотрению судебных установлений, и препровождает таковые при своих отзывах, писаных на бланках члена Государственной думы, в центральные и местные управления разных ведомств.

Так, священник Якубович подобные три жалобы направил в Главное управление землеустройства и земледелия, и по этим жалобам Департаментом государственных земельных имуществ 17-го июля с. г. за № 13884 были затребованы от губернатора сведения, каковые и сообщены им, по принадлежности, 30-го того же июля за № 3725.

Между тем циркуляром от 20-го июня 1906 г. за № 6204 мною разъяснено было губернаторам, что, в случае обращения членов Государственной думы с запросами, необходимо, не сообщая просимых сведений, уведомлять, что таковые сведения могут быть затребованы лишь в порядке, указанном в статье 58 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы[3].

Ввиду сего и в целях установления единообразной практики в отношении возбуждаемых отдельными членами Государственной

думы запросов, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не признаете ли возможным сделать распоряжение по вверенному Вам управлению о том, чтобы как центральные, так и губернские управления, в случае обращения к ним членов Государственной думы с запросами, руководствовались правилами, указанными в ст. 58 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Под[писал:] П. Столыпин
6 сентября 1908 г.
№ 18604

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 354–354об.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Черновик с рукописной правкой.

[1] Имеется в виду Эрдели Яков Евгеньевич — действительный статский советник, минский губернатор.

[2] Якубович Вячеслав Андреевич (1868—?) — священник, белорус, октябрист. Депутат II—III Государственной думы от Минской губернии.

[3] Ст. 58 Учреждения Государственной думы гласит: «О сообщении сведений и разъяснений по поводу таких мер, последовавших со стороны министров или главноуправляющих отдельными частями, а равно подведомственных им лиц и установлений, кои представляются незакономерными, члены Думы подают письменное заявление Председателю Думы. Если заявление подписано не менее, чем тридцатью членами, то Председатель вносит его на обсуждение Думы».

Письмо А.Н. Шварцу

6 сентября 1908 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Ответ мой будет краток. Я оставляю в стороне качества Вашего характера, Ваши достоинства как администратора, наконец, Вашу прямоту, которые я успел оценить, и отвечу на вопрос, как он Вами поставлен, имея в виду одну только пользу России, как я ее понимаю. И я вполне категорически заявляю — уход Ваш был бы большою ошибкою и, даже более, большою бедою! В деле подбирания власти, укрепления порядка мы, быть может, шли медленно, но постепенно подвигались к цели прямым путем без изгиба. Я не пойду извилистым путем зигзагов. Аккомодация[1] к общественному не мнению, а настроению в деле народного про-

свещения была бы самым тривиальным и бесплодным оппортунизмом. И в этом деле надо путь держать по звездам, а не по блуждающим огням! А руководствуемся мы с Вами, я полагаю, тем же созвездием. Я видел развал школы, я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства, взаимен длинного и торного пути воспитания ума и воли, одним скачком... с бомбою в руках по направлению к власти!

И я думаю, я убежден, что спасти нашу молодежь, а, следовательно, и Россию, может только реформа школы, последовательная и, может быть, суровая, как сама логика.

Поверьте, не из донкихотства, как Вы намекаете, я Вас поддерживаю и буду поддерживать, а из-за убеждения, что всякого человека, который в настоящее время решится повернуть школу на путь законности, изгнать из нее всякую нечисть, будут гнать и травить и оценят только впоследствии.

Получите написанную по моему заказу сегодняшнюю передовую «России»[2] и Вы поймете, что весь Кабинет *должен быть* и будет солидарен с Вами.

Дело о вольнослушательницах я в Совете хотел поставить сообразно Вашему желанию, которое несколько видоизменилось под влиянием выходки Лагорио[3]. Но выходка эта – блуждающий огонек, который мы при надобности погасим. Будьте уверены, что если когда-нибудь мы с Вами разойдемся во мнениях, то я немедленно Вам это и выскажу, в чем порука мое уважение к Вам, с которым остаюсь

Преданный Вам

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 10.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 82–83.

Письмо является ответом на письмо А.Н. Шварца П.А. Столыпину от 5 сентября 1908 г. следующего содержания:

Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич!

Не имея случая говорить с Вами о текущих политических делах отдельно, я прибегаю к изложению своих мыслей на бумаге.

Буду очень краток, так как главные мои соображения будут Вам понятны и без особого многословия.

Я, может быть, ошибаюсь, но лично я считаю, что момент сейчас, что касается до борьбы с профессурой, борьбы, по мне, очень трудной и опасной для

правительства, во главе которого стоите и которое направляете Вы, очень критический, и что по этому случаю Вам не только самому надо занять совершенно определенное положение — в том, что Вы сделали это, я ни минуты не сомневаюсь, — но и мне дать самые точные указания.

И это нужно еще по следующему поводу.

Что бы ни говорилось об имении или неимении у нас парламента, с тем, что носит название Государственной думы, Вам приходится считаться и, что пока не менее важно, нельзя не поглядывать и на то, что носит название с.-петербургской бюрократии. И первая, и, как показывают мне различные приметы, вторая мною крайне недовольны. Как мне показалось по некоторым неуловимым признакам, вторая даже более первой и, судя по последнему заседанию Совета министров, она сочла нужным это подчеркнуть, заставляя правительство в начинающемся генеральном бою с самого начала дрогнуть и, если хотите, зная заранее игру, придать делу такой вид, смешав в решительную минуту карты.

И поэтому, простите, мне опять приходят на память те слова, которые я писал Вам в конце декабря прошлого года: пригодны ли люди моей складки в Вашем Кабинете? Не удобнее ли Вам подобрать себе в качестве сотрудника по делу школьного строительства человека с менее определенными и суровыми — как обо мне полагают — чертами.

Как показало мне последнее заседание, Вас на это толкают.

Ваш рыцарский характер не дозволяет Вам оставить в такую минуту со всех сторон теснимого соратника, но ведь есть минуты, когда для выигрыша боя это бывает сделать необходимо.

В бою, который Вы ведете, не настала ли такая минута?

Не следует ли Вам, взвесив хладнокровно, как Вы это умеете делать, все обстоятельства дела, пожертвовать в интересах всего правительства одним его членом?

Это можно, конечно, отсрочить на две—три недели, но мне важно знать Ваше решение и для моих соображений. Я затеял было полное обновление министерских департаментов, должен принимать разные смелые меры относительно открыто возмущающихся профессоров. Стоит ли начинать все это, чтобы пришедший новый человек водворял их снова на место, и некоторые молодые люди неизбежно страдали, так как quidquid delirant reges, plectuntur Achivi (всегда за глупости царей расплачиваются ахейцы (лат.); в знач.: паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат — *Ред.*).

Открыто и прямо заявляю, — в моей прямоте Вы, узнав меня, надеюсь, не сомневаетесь, — что я ни одной секунды пенять на Вас не буду. Я тоже изведал Ваш благородный характер и знаю, что Вы имеете в виду пользу только России, но именно эта польза не побуждает Вас желать моего ухода?

Буду ждать нескольких слов в ответ, но только не по телефону.

Примите и т. д. (*Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. — М., 1994. — С. 24—26*).

[1] Аккомодация (от лат. accomodatio) — приспособление.

[2] Передовица газеты «Россия» от 6 сентября 1908 г. состояла из двух заметок, относившихся к сфере народного просвещения. Первая была посвящена проблемам высшего женского образования и отмечала полное соответствие политики министра народного просвещения А.Н. Шварца позиции, занятой Со-

ветом министров по данному вопросу. Правительство выступало противником совместного обучения студентов разных полов, однако все же старалось при этом учитывать интересы студенток, которые из-за неправомерных действий профессоров и администрации учебных заведений поступили и обучались вместе со студентами мужского пола. Поэтому положительную оценку получило решение, принятое Шварцом: не допуская в дальнейшем совместного обучения, возложить на профессоров ответственность за обучение уже поступивших студенток во внеучебное время. Во второй заметке передовицы полностью оправдывались действия министра Шварца по устранению профессоров-выборжцев от преподавания вследствие отстаивания ими антигосударственных взглядов (*Россия. – 1908. – 6 сентября. – С. 10*).

«Россия» – общественно-политическая и литературная ежедневная газета. Выходила в С.-Петербурге в 1905–1914 гг. Редактор В.П. фон Брискорн, с № 179 (1906 г.) А.А. Животовский. Издатель В.П. фон Брискорн, с № 210 1906 г. А.А. Животовский. Приложения: в 1905–1906 гг. выходило еженедельное издание «Русские поэты» (биографии и избранные произведения); еженедельник «Вся Россия в историческом, статистическом и этнографическом отношении». В 1905–1906 и 1913–1914 гг. – еженедельное художественно-литературное издание «Россия». В 1907–1913 гг. – Стенографические отчеты III и IV Государственной думы с алфавитными и предметными указателями.

[2] Лагорио Александр Евгеньевич – действительный статский советник, член Совета по учебным делам Министерства торговли и промышленности.

Письмо А.Н. Шварцу

7 сентября 1908 г.

7 сентября 1908 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Посылаю для прочтения, прося вернуть.

Преданный П. Столыпин

P.S. С большим интересом прочел только что полученные от Вас документы. Мое мнение – войти в Гос[ударственную] думу с экстренным представлением о запрещении собраний в стенах высших уч[ебных] заведений и приравнении студентов ко всем гражданам. Позвольте все три бумаги послать для прочтения А.А. Макарову.

<Приписано карандашом А.Н. Шварцем:>

Возвращая присланный мне Вами доклад генерала Адрианова[1], должен сказать, 1) что сообщаемые им сведения вполне совпадают с тем, что пишут мне дружественно ко мне настроенные профессора и 2) что они вполне подтверждают слова, сказанные мной в Совете министров о наличности всегда массы все равно неакадемических или академических поводов к беспорядкам, ко-

торыми, когда понадобится, и пользуются агитаторы — что этими агитаторами являются по большей части сами профессора.

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 12.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным.
Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 89–90.

[1] **Адрианов** Александр Александрович (1862–1917) — генерал-лейтенант, генерал-майор свиты Его Величества. В конце 1905 г. командирован в Эстляндию для наблюдения за производством следствия по политическим делам о разграблении и поджоге помещичьих усадеб; в 1906 г. командирован в Свеаборг для наблюдения за производством дознания по делу о свеаборгском восстании и поддержании на суде обвинения. С января 1906 г. помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда; с ноября 1906 г. военный судья Московского и с октября 1907 г. — Петербургского военно-окружных судов. С февраля 1908 г. по май 1915 г. московский градоначальник; уволен в связи с грандиозным немецким погромом 27–29 мая 1915 г.; определением 1-го департамента Правительствующего Сената предан суду за бездействие власти.

Записка И.Я. Гурлянду

7 сентября 1908 г.

И.Я. Гурлянду

Обратите внимание на статьи оппозиционной печати против м[инистра] н[ародного] просв[ещения].

В Министерстве н[ародного] пр[освещения] имеется хороший материал по истории разных организаций в высших уч[ебных] заведениях (печ[атные] записки <фам. нрзбр.>). Сегодня я послал также, кроме этой записки, еще проект представления м[инист]ра н[ародного] пр[освещения] в Совет м[инист]ров, в котором (в десятой части) есть интересные данные для истории этого дела. Просмотрите их.

Ответ оппозиции должен быть таков: школа во время революции стала ареною политической борьбы; всякий честный деятель, желающий добра школе и молодежи (т. е. будущей России), поставленный во главе ведомства н[ародного] пр[освещения], независимо от своего политического credo, должен был бы начать с очистки школы от политической нечисти. Водворить в ней порядок и законность: такой деятель a priori должен был ждать бешеные нападки со всех сторон — со стороны левых, т. к. из их рук вы-

рывается несравненное орудие агитации, — школа со стороны критиков всяких других партий вследствие общественной дряблости, жалостливости, сентиментальности по отношению к молодежи, отвыкшей от серьезной школы и дисциплины. А идя прямым путем к цели, забываешь многих. Прямой путь безжалостен, как сама логика!

Каково же должно быть поведение правительства? Неужели оно должно подделываться к минутным настроениям? Неужели оно должно забыть недавние уроки? Армию гимназистов с папахами и браунингами и бойкотом против учения? Академич[еский] союз профессоров, заискивающий перед революцией и танцующий под указку бунтующих студентов с.р.?

Все жалкое нытье о произволе правительства, о мнимом посягательстве на академическую автономию и проч. не заставит правительство сойти с пути водворения законности, порядка; не заставит отдать массу русской молодежи в распоряжение политиканствующих левых профессоров как готовый материал для обработки. Эти мечты надо оставить, оставить и политику, вернуться к науке.

И нужно знать и помнить, что на пути господ, мечтающих о политическом влиянии через загипнотизированное ими студенчество, стоит не один м[инист]р н[ародного] пр[освещения], а правительство в его целом.

П.[Столыпин]

7 сентября 1908 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–2.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо великому князю Николаю Михайловичу

16 сентября 1908 г.

Ваше Императорское Высочество,

Простите, что так долго не отвечал, но я раньше должен был справиться об интересующем Вас Лашкове.

Он хорошо работает, но тут в Петербурге так мало открывается должностей, что вероятнее всего придется его пристроить в провинции.

Завидую вам, Ваше Высочество, что Вы спокойно работаете в области отдаленных времен и имеете дело не с людьми, а с бесстрастными документами.

С чувством глубокого почитания, имею честь быть
Вашего Императорского Высочества
всеподданнейший слуга П. Столыпин
16 сентября 1908 г.
С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 35.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо И.Я. Гурлянду

18 сентября 1908 г.

Надо обратить в «Речи»[1] внимание на явление, которое замалчивается левою прессою – это результат дополнительных выборов в Государственную думу вместо выбывших членов. Та же пресса всегда говорит, что выборы – показатель настроения страны. Говорят также, что страна полевела, а между тем выбирают октябристов и правых, а левые теряют места.

Фактически[е] детали возьмите в основном делопроизводстве по выборам. Статья должна быть в достойном тоне и не торжествующего характера.

18 сентября 1908 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.
На бланке «Памятный листок Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Речь» – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, орган конституционно-демократической партии. Выходила с 23 февраля 1906 г. по 26 октября 1917 г. в Петербурге. Издатель Ю.Б. Бак, с № 310 1908 г. В.Д. Набоков и И.И. Петрункевич. В виде приложения к «Речи» выходили: «Иллюстрированная неделя» (1906), «Ежегодник газеты «Речь» (1912–1916), «Государственная дума (Стенографические отчеты)» (1906–1908). «Речь» имела разветвленный корреспондентский аппарат в России и за рубежом, претендовала на роль русского варианта лондонской «Таймс».

Письмо П.П. Извольскому

22 сентября 1908 г.

Совершенно доверительно
Милостивый Государь,
Петр Петрович,

На всеподданнейшем моем докладе по вопросу о назначении гг. министрам и главноуправляющим отдельными частями

сумм на представительство Его Императорскому Величеству благоугодно было, в 21 день сего сентября, собственноручно начертать:

«Согласен. Не предрешая вопроса об ассигновании в 1910 г.»

Уведомляя Вас, Милостивый Государь, о таковой Высочайшей Воле, с препровождением копии упомянутого всеподданнейшего доклада, покорнейше прошу принять уверения в глубоком моем почтении и истинной преданности.

П. Столыпин
22 сентября 1908 г.
№ 4267

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

К письму приложена копия всеподданнейшего доклада П.А. Столыпина Николаю II:

Из разговора с некоторыми из господ министров и главноуправляющих я вынес убеждение в их довольно неприглядном материальном положении. Действительно, все начальники ведомств не могут не нести, благодаря своему служебному положению, довольно крупных расходов по представительству: не говоря даже о приемах, одни траты на благотворительность, на разъезды и проч. требуют значительных расходов. Вместе с тем новый строй государственной жизни безусловно требует большего, чем прежде, общения с обществом и общественными деятелями. Между тем, многие из министров получают содержание в меньшем размере, чем получали до призвания на министерские посты. Все они лишаются аренд и некоторые не пользуются казенными квартирами, находя жизнь в обширной казенной квартире непосильно дорогой и предпочитая платить по несколько тысяч рублей за наем частных квартир. Многие из министров, хотя и живут на казенных квартирах, но оставляют за собой и частные.

Но даже безотносительно, при настоящей дороговизне жизни, содержание гг. министров должно быть признано непомерно малым. Каждый, например, частный банк, даже не перворазрядный, платит своим директорам больше, чем получает министр финансов Российской империи.

По нашим Основным законам от Вашего Императорского Величества зависит назначение окладов министрам и главноуправляющим.

Но увеличение оклада, как в нынешнем 1908, так и в будущем 1909 году неосуществимо, так как в смету настоящего года и в проект росписи будущего года внесены существующие оклады.

Вследствие сего, я остановился на следующем соображении: все министры и главноуправляющие получают одинаковое содержание по восемнадцать тысяч в год (кроме министра иностранных дел, получающего тридцать тысяч), но изо всех министров один министр внутренних дел получает, кроме содержания, еще по восемь тысяч рублей в год на представительство.

Было бы, казалось, справедливым отпускать и остальным министрам некоторую сумму на представительство. Переходя к вопросу о размере этой суммы и имея в виду невозможность, вследствие стесненного положения государственного казначейства, приблизить оклад министров даже к окладу гене-

рал-губернаторов, я предлагал бы справедливым положить им сумму несколько меньшую, чем получает на представительство министр внутренних дел. Последний имеет несколько больше расходов и к тому же (в настоящее время) безвозмездно несет и обязанности Председателя Совета министров, получая, как указано выше, по восьми тысяч рублей в год на представительство. Вследствие сего, казалось бы достаточным ассигновать остальным министрам и главноуправляющим, входящим в состав Совета министров, на ту же надобность по шести тысяч рублей в год.

Несколько в ином положении стоят министр иностранных дел и его товарищ. Хотя они получают усиленный оклад, но ввиду особенных расходов на дипломатические приемы, я находил бы необходимым ассигновать на представительство — министру иностранных дел десять тысяч в год, а его товарищу пять тысяч.

Если бы Ваше Императорское Величество соизволили изъявить согласие на таковые мои предположения, то, до включения в смету 1910 года потребных на это сумм, удовлетворение господ министров и главноуправляющих за вторую половину 1908 года и за весь 1909 год могло бы последовать, по повелению Вашего Величества, по полугодиям из особого десятимиллионного фонда на непредвиденные надобности на известное Вашему Величеству употребление.

Подписал: статс-секретарь Столыпин

10 сентября 1908 года

(РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 9.. Копия. Машинопись).

Письмо графу С.Ю. Витте

24 сентября 1908 г.

Милостивый Государь
граф Сергей Юльевич

В ответ на письмо Ваше из Брюсселя[1], считаю долгом сообщить Вам, что руководимое мною министерство никакого похода против Вас не принимало, что я лично считал бы совершенно недостойным правительства — осуждение бывшего его главы в разговоре с корреспондентами и что, как только я узнал (до получения Вашего письма) об интервью Шванебаха[2], я просил его поместить в газетах заметку о том, что он говорил как частное лицо[3].

Повторяю, что я считал бы безумием заниматься критикою времени Вашего управления, времени, пожалуй, самого тяжелого в истории России. В новейшей же истории Вы лицо настолько крупное, что судить Вас будет история. Я же лично занят исключительно настоящим положением, и это поглощает все мое время. Я твердо верю, что Вы думаете только о благе России и что поэтому мелочные уколы, которые вызвали Ваше неудовольствие, не могут вызвать с Вашей стороны никаких действий «неприятных для правительства».

Меня и жену глубоко тронуло внимание графини и Ваше к моим бедным детям, из которых девочка еще очень мучается[4]. Пользуясь случаем, чтобы просить Вас принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.

П. Столыпин

24 сентября / 7 октября

Петербург

РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 376. Л. 1–2.
Машинопись. Копия.

[1] Имеется в виду письмо графа С.Ю. Витте П.А. Столыпину, написанное из Брюсселя в начале сентября 1908 г.

Милостивый Государь
Петр Аркадьевич.

Читали ли Вы интервью г. Шванебаха, напечатанное в «Sa vie Financiere»? Я считаю корректным сообщить Вам некоторые по сему поводу соображения. Это интервью имеет двоякое значение, общее и лично меня касающееся. Что касается общего значения, то мнения г. Шванебаха не могут иметь серьезное влияние по малоизвестности этого господина — в тех же кругах, где он известен: между теперешними и бывшими служащими Министерства финансов и финансовыми деятелями в России, то он составил себе там прочную и ненарушимую репутацию болтуна и фельетониста. Но г. Шванебах занимает в Вашем министерстве пост государственного контролера. Заграницею, где имя г. Шванебаха совсем неизвестно, читают мнение государственного контролера Российской империи и члена Финансового комитета. Как же держатели наших бумаг и сферы, от которых зависит наш государственный кредит, должны отнестись к сообщениям разболтавшегося министра? Они должны себе сказать, лучше хотя с большими потерями, но теперь же избавиться от всяких дел с Россиею, ибо если мнение государственного контролера и не верно, то уже тот факт, что это мнение влиятельного в финансовом отношении государственного деятеля нынешней России достаточно, чтобы не иметь дело с страною, где могут быть подобные министры. Очень сожалею о бедном русском министре финансов, который имеет подобных ближайших по специальности коллег!

Затем постольку, поскольку это интервью лично меня касается, считаю нужным сообщить Вам следующее. Со дня оставления мною поста председателя Совета министров некоторые министры постоянно упражняются сообщением различным заграничным репортерам своего мнения о моей деятельности. Хотя наиболее пикантные сообщения делались анонимно (один из членов кабинета), тем не менее, мне не трудно было распознать их авторов, т. к. лица эти имеют такие присущие им свойства, которые так же трудно скрыть, как длинные уши в неприспособленной для таких ушей верхней покрышке. До настоящего времени я не считал удобным давать надлежащий отпор подобным бестактным выходкам. Но, считая нужным предупредить, что долее оставлять эти диверсии без соответствующего отпора я не буду, не желая оказывать господину Шванебаху чести особого моего опровержения на его лепет, я, тем не менее, в ближайшее будущее, вероятно, не премину огласить мое мнение об его последней бестактности.

Если Вы сочтете нужным содержание сего письма передать Вашим коллегам и даже всеподданнейше доложить его Государю Императору, то я против сего ничего иметь не буду.

Граф Витте (*РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 375. Л. 1—2. Машинопись. Копия*).

[2] **Шванебах** Петр Христианович (1848—1908) — статский советник (1879), действительный статский советник (1882), тайный советник (1896). Вице-директор канцелярии по кредитной части (1883), товарищ управляющего Государственного банка (1891). В 1903—1905 гг. товарищ министра земледелия и государственных имуществ, с 1905 г. и. д. главноуправляющего землеустройством и земледелием; в 1906—1907 гг. государственный контролер. Член Государственного совета (с 1905), член 2-го департамента Совета (1908).

[3] Одновременно П.А. Столыпин 12 сентября 1908 г. разослал министрам и главноуправляющим отдельными частями следующее циркулярное письмо:

Милостивый Государь.

Обратив внимание на появление в газетах сообщения о происходившей между сотрудником огласившей означенное известие газеты и одним из правительственных чинов беседе, в которой, от лица сего последнего, приведены были суждения, явно расходящиеся с видами правительства, Совет министров нашел крайне неудобным, чтобы принадлежащие к составу правительственных учреждений лица, не имея на то уполномочия высшего начальства, вступали в беседы с газетными сотрудниками и делились с ними своими личными по различным предметам управления мыслями.

Ввиду сего, в предупреждение подобных, совершенно нетерпимых, случаев на будущее время, Совет министров признал необходимым поручить министрам и главноуправляющим отдельными частями озаботиться категорическим подтверждением подчиненным им должностным лицам о недопустимости с их стороны каких-либо, без ведома и разрешения главного начальника ведомства, бесед по вопросам управления с сотрудниками газет и вообще с посторонними лицами, через которые означенные беседы могут получить нежелательную огласку.

Сообщая о сем Вашему <пропуск имени> для надлежащего исполнения, покорно прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

12 сентября 1908 г.

№ 4114 (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 64—64об. На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Копия*).

Письмо отправлено барону В.Б. Фредериксу, В.Н. Коковцову, И.М. Дикову, А.Ф. Редигеру, Н.К. Шауфусу, П.А. Харитонову, А.Н. Шварцу, И.П. Шипову, И.Г. Щегловитову, А.В. Кривошеину, П.П. Извольскому, Н.В. Чарыкову, А.С. Танееву, С.В. Оливу, барону А.А. Будбергу, Н.Ф. Дерюжинскому, А.И. Зановичу.

[4] Речь идет о дочери П.А. Столыпина Наташе, получившей тяжелейшее ранение во время взрыва на Аптекарском острове 12 августа 1906 г.

Записка А.В. Кривошеину

24 сентября 1908 г.

В переработанном виде представление это не вызывает с моей стороны замечаний. Мне оно кажется жизненным и симпатичным.

Не переговорите ли Вы, многоуважаемый Александр Васильевич, все-таки прежде внесения Ваших предположений на суд Совета с А.И. Лыкошиным по вопросу о том, как уляжется совместная работа губернаторов и главноуполномоченных в деле применения закона 9 ноября (по отношению к добровольным отходам к одним местам).

Кажется сомнениями своими по этому предмету делился с А[лександром] И[ванови]чем [Лыкошиным] гр[аф] Татищев[1].

24 сентября 1908 г.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 8.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф.

В архиве обнаружено недатированное письмо П.А. Столыпина, в котором он, адресуясь к А.В. Кривошеину, высказывает свои замечания относительно документа, речь о котором идет и в вышеприведенной записке:

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Проект представления в Совете прочитал и возвращаю Вам.

Предлагаемая Вами мысль — живая и жизненная, и по существу я не могу ей не сочувствовать. По отношению к областным совещаниям у меня нет сомнений и я уверен, что они будут полезны. Что касается главноуполномоченных, то для меня не совсем ясно: заменят ли они и уполномоченных временных отделений Банка? Каковы будут их отношения к губернаторам? Будут ли они касаться дел внутринадельного устройства крестьян, т. е. области действия съездов и вообще крестьянских учреждений? Если Банк будет посылать своих главноуполномоченных, то их будет уж слишком много в провинции. Если они будут причастны к крестьянским учреждениям, то меня смущал бы п. *б* § 3 ст. II Вашего заключения.

Вы знаете, что я вообще за делегирование прав на места и за передвижение Петербурга к провинции, но необходимо точно определить отношения главноуполномоченных к губернаторам.

Преданный Вам П. Столыпин (*РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 27—27об. Рукопись. Подлинник. Автограф*).

[1] Возможно, имеется в виду Татищев Сергей Сергеевич — граф. С 25 октября 1904 г. по 23 сентября 1905 г. вице-губернатор Ковенской губернии, с 19 сентября 1905 г. до 29 ноября 1905 г. вице-губернатор Бессарабской губернии, с 2 декабря 1905 г. до 2 июня 1906 г. виленский губернатор, с 13 мая 1906 г. до 24 января 1911 г. саратовский губернатор.

Записка И.Я. Гурлянду

25 сентября 1908 г.

И.Я. Гурлянду

Нужна статья о Высочайше утвержденном Положении о ж[елезно-]дор[ожной] анкете, подчеркнув участие членов Государ-

ств[енных] думы и совета, сведущих в ж[елезно-]дор[ожных] делах. Надо надеяться, что они заслуживают высокое доверие монарха.

Преобладание членов правительственных или общественных не может иметь значение, так как это дело чисто техническое, далеко стоящее от политики.

П.[Столыпин]

25 сентября 1908 года

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.

На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф.

Записка И.Я. Гурлянду

28 сентября 1908 г.

Срочно

И.Я. Гурлянду

Составьте мне краткую справку о различных течениях правительственной мысли в деле упорядочения наших университетов.

Способ управления ими до 1863 года. Идея Устава 1863 года. Студенческое движение того времени. Устав 1884 г. и его идея. Как отразился этот устав на студентах и их организациях. Идеи Боголепова[1]. Ванновский[2] и его неудача. События 1905 года. Перемена в жизни высших учебных заведений, внесенная законом 27 августа 1905 г.

П.[Столыпин]

28 сентября 1908 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.

На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Боголепов** Николай Павлович (1846–1901) – правовед; тайный советник (1896), член Государственного совета (1898). В 1883–1887 и 1891–1893 гг. ректор Московского университета; с июля 1895 г. попечитель Московского учебного округа. Автор работ по римскому праву. С февраля 1898 г. управляющий Министерством народного просвещения, с декабря министр. В июне 1899 г. образовал Особую комиссию для обсуждения вопросов и устранения недостатков в среднем образовании, в апреле 1900 г. представил императору Николаю II доклад по основным проблемам средней школы. В области высшей школы продолжал охранительный курс Д.А. Толстого, что вызывало сопротивление профессорско-преподавательского состава. При нем утверждены в июле 1899 г. «Временные правила» об отбывании воинской по-

винности в виде наказания студентов, исключенных за участие в коллективных «беспорядках». С 1899 г. председатель созданного по его инициативе Особого совещания из попечителей учебных округов и руководства высших учебных заведений для обсуждения мер для водворения спокойствия в высших учебных заведениях. В 1899 г. на университетскую инспекцию, кроме наблюдения за внешним порядком, было возложено попечительство о нуждах студентов, разрешена организация практических занятий, создание научных обществ и кружков самообразования (под наблюдением преподавательского состава). В 1900 г. санкционировал создание университетских общежитий. Одновременно с согласия Боголепова в 1900 г. за участие в студенческих волнениях 183 студента Киевского и 27 студентов Петербургского университетов отданы в солдаты. 14 февраля 1901 г. смертельно ранен эсером П.В. Карповичем.

[2] **Ванновский** Петр Семенович (1822—1904) — военный и государственный деятель; генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878), почетный член Петербургской Академии наук (1888), почетный член Российского Географического общества (1891), почетный президент Военно-медицинской академии (1890). С 1881 г. управляющий Военным министерством, в 1882—1898 гг. военный министр. Член Государственного совета (с 1898). В 1899 г. руководил расследованием студенческих волнений в Петербургском университете. С 1901 г., после убийства Н.П. Боголепова, министр народного просвещения. При Ванновском разрабатывался план преобразования средних учебных заведений и университетов, начат пересмотр уставов и штатов вузов; введены Временные правила о студенческих организациях (1901—1902); усилена деятельность университетских инспекций по выявлению студентов, участвовавших в «беспорядках»; снижена норма приема в вузы евреев (1901); воспрещен прием в университеты лиц, окончивших гимназии в окраинных учебных округах (1901). С 1902 г. в отставке.

Письмо Н.А. Хомякову

октябрь 1908 г.*

Проект

Милостивый Государь,

Николай Алексеевич.

Из внесенных в Государственную думу законопроектов некоторые имеют в глазах правительства особенную важность, одни по существу, другие, кроме того, по связи с кредитами, внесенными в роспись будущего 1909 года. К последней категории относятся все законопроекты, служащие основанием для условных кредитов и требующие поэтому рассмотрения, по возможности, до утверждения государственной росписи.

Кроме этих законопроектов и помимо законов, изданных на основании статьи 87 Основных законов, на уважение Государ-

* В датировке письма отсутствует число.

ственной думы внесен или будет внесен в ближайшем времени еще целый ряд законопроектов, спешное рассмотрение которых имеет, по мнению правительства, существенное значение.

Представляя общий их список на благоусмотрение Государственной думы, правительство считает своим долгом особенно указать на те из них, которые, казалось бы, должны быть выделены в первую очередь.

К таковым правительство относит законопроекты, регулирующие местную жизнь и, прежде всего, основные ее ячейки: в области управления и самоуправления — волость, в области благоустройства — поселок. Проекты о волостном[1] и поселковом управлении[2] и будут внесены в этих видах незамедлительно в Государственную думу.

Рассмотрение их должно предшествовать обсуждению проектов реформы уездного и губернского управления[3], не прошедших еще через Совет по делам местного хозяйства, так как от принципа, положенного в основание переустройства волости, зависит дальнейшее развитие местной реформы, а также отчасти и намеченное изменение земского избирательного закона, одобренного уже Советом по делам местного хозяйства.

Едва ли и преобразование местного суда[4], проект которого рассматривается Государственною думою, может быть проведено в жизнь вне зависимости от преобразования волости.

Реальное значение для поселений городского типа должны будут иметь на местах и законы о праве застройки[5] и о вечно-чиншевом владении в городах и местечках[6], разработанные Министерством внутренних дел по инициативе Государственной думы, на уважение которой они вместе с сим и вносятся. Одновременно вносится также и законопроект о выделении городов в отдельные земские единицы. Желательно также спешное рассмотрение имеющего весьма важное значение для городов законопроекта о сборе в пользу городов с грузов, привозимых в города и вывозимых из них по железным дорогам[7]. Правительство озабочено также внесением в ближайшем будущем в Государственную думу законопроекта о введении самоуправления в городах Царства Польского[8], надеясь, что постепенное успокоение этого края даст возможность ввести в нем вслед засим и земские учреждения. Вниманию Государственной думы будет также срочно представлен и проект выделения части Люблинской и Седлецкой губерний, составляющих древнюю Холмскую Русь, в отдельную губернию, с присоединением ее к Киевскому генерал-губернаторству[9], в обеспечение

охраны чисто русского по своим верованиям, свойствам и облику местного населения.

В области рабочего законодательства правительство полагает крайне желательным скорейшее рассмотрение законопроектов о больничных кассах и о страховании от увечий[10].

В области интересов торгово-промышленных правительство считает весьма важным своевременное разрешение испрашиваемых кредитов на улучшение портов в Риге[11], Одессе, Архангельске, Мариуполе, Херсоне и на изыскания по устройству глубоководного порта на Сахалине[12]. Из дальневосточных вопросов правительство придает значение и скорейшему разрешению вопроса о закрытии порто-франко во Владивостоке, об учреждении новой Камчатской области, разделении Южно-Уссурийского уезда и административном переустройстве Сахалина[13].

К весьма срочным законопроектам относится также представление о продолжении срока действия временных учреждения и штатов Министерства путей сообщения, истекающего 1 января 1909 года.

По ведомству путей сообщения крайне важно также срочное утверждение строительной стоимости работ и поставок по укладкам железнодорожных путей сообщения, предполагаемых к проведению в строительный период сего года. К таковым относится и соединительная линия между Имперскими и Финляндскими железными дорогами.

Из законопроектов, касающихся культурной жизни страны, желательно рассмотрение законопроекта об авторском праве[14] и устава Донского политехнического института[15].

Правительство рассчитывает также внести в ближайшее время в Государственную думу еще не окончательно разработанные законопроекты о печати[16] и о новом университетском уставе[17].

В связи с усиленными работами по землеустройству правительство придает большое значение своевременному разрешению представлений, касающихся отрядов для заготовления переселенческих участков, а также учреждения землемерных курсов при восьми земледельческих училищах[18].

Особенно спешным является законопроект об увеличении с 1 января 1909 года содержания офицерскому составу армии[19], так как он основан на Высочайшем рескрипте от 6 декабря минувшего года. Срочно также и разрешение кредита на преобразование Морского Генерального штаба.

Так как проведение в жизнь большинства из поименованных выше проектов потребует крупных затрат из средств государ-

ственного казначейства, которые неминуемо превысят естественный рост государственных доходов, то правительство считает своим долгом просить Государственную думу выдвинуть также на первую очередь рассмотрение, хотя бы наименее сложных, из внесенных в Государственную думу Министерством финансов законопроектов о возвышении существующих или о введении новых налогов. К таковым относятся проекты о возвышении акциза с табачных изделий, об установлении налога на папиросные гильзы и о пересмотре Положения о налоге с городских имуществ[20].

Идя навстречу желанию Государственной думы, Министерством финансов представлен также на рассмотрение Думы законопроект о мерах к ограничению пьянства.

Незамедлительное рассмотрение Государственною думою всех приведенных законопроектов, несомненно, отразится на самых существенных сторонах народной жизни и будет, по мнению правительства, способствовать скорейшему восстановлению ее нормального течения.

О вышеизложенном покорнейше прошу Ваше Превосходительство представить на благоусмотрение Государственной думы.

Примите, Милостивый Государь, уверения в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

<Подпись отсутствует>

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 372–376.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Проект[*].

[1] Проект Положения о волостном управлении был внесен 20 февраля 1907 г. во II Государственную думу, но не был ею рассмотрен. После роспуска Думы он обсуждался на весенней сессии 1908 г. в Совете по делам местного хозяйства. Основные начала Положения: преобразование волости на началах всесословности, путем привлечения к несению расходов по волости и к участию в ее управлении всего местного населения, без различия сословий. 30 октября 1908 г. министр внутренних дел представил проект в III Государственную думу и по ее решению от 12 ноября документ был передан в специально созданную подкомиссию по волостному управлению, в которой обсуждался с 29 января 1909 г. по 25 февраля 1910 г. Подкомиссия предложила предоставить женщинам активное и пассивное избирательное право при выборах волостных гласных, хотя и лишила их права занимать волостные должности; переименовать волостных старшин в председателей волостных земских управ.

[*] Черновик письма хранится в личном фонде П.А. Столыпина: Ф. 1662. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–3.

Затем проект обсуждался в комиссии по местному самоуправлению (с 8 апреля 1910 г. и до начала 1911 г.). 14 февраля 1911 г. доклад комиссии был внесен на общее собрание Думы и обсуждался в 16 заседаниях. Одобрение Думой законопроекта последовало 13 мая 1911 г. Затем документ был передан в Государственный совет, в комиссию, которая приступила к его обсуждению уже после смерти П.А. Столыпина, в октябре 1911 г. Государственный совет поставил проект только в повестку дня заседания 20 мая 1914 г. и, не открывая постатейного обсуждения, отклонил его 77 голосами против 73 (*Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия девятая. — Пг., 1914. — С. 2394*). Закон о введении волостного земства был принят Временным правительством 25 мая 1917 г.

[2] Проект Положения о поселковом управлении был внесен во II Государственную думу 20 февраля 1907 г., но не был рассмотрен. На весенней сессии 1908 г. проект обсуждался в Совете по делам местного хозяйства и в него были внесены следующие коррективы: ценз оседлости поднят с одного года до трех лет, возрастной ценз — с 21 года до 25 лет, женщины, а также евреи устранялись от участия в поселковых сходах. 12 ноября 1908 г. проект направлен в III Государственную думу, 24 февраля 1909 г. обсужден в думской комиссии по местному самоуправлению, а затем, для постатейного рассмотрения, передан в специально образованную подкомиссию о поселковом управлении. Подкомиссия восстановила ценз оседлости в один год, настояла на участии женщин в поселковом сходе, понизила норму численности поселкового схода с 150 до 120 чел. Подкомиссия закончила рассмотрение проекта 29 марта 1911 г., однако в дальнейшем его прохождение в Думе было приостановлено. Уже после смерти П.А. Столыпина, 12 февраля 1913 г., министр внутренних дел Н.А. Маклаков обратился к председателю Думы М.В. Родзянко с просьбой о возвращении проекта в министерство.

[3] Проект положения о губернском управлении 12 марта 1907 г. был внесен министром внутренних дел во II Государственную думу, но до ее роспуска законодательно не рассматривался. Проект предусматривал проведение следующих мер: упразднение губернского правления; создание в качестве присутственного места губернии — губернского совета под председательством губернатора; создание единой губернской канцелярии. В 1908 г. проект обсуждался на осенней сессии Совета по делам местного хозяйства. Специальная комиссия, работавшая над проектом, высказалась за внесение ряда поправок, сужающих компетенцию губернатора: ограничение надзора со стороны губернатора лишь сферой определения законности действий подведомственных учреждений и чинов, лишение его права ревизии земских и городских общественных управлений и сословных учреждений. Однако Совет в общем присутствии отклонил поправки комиссии. Обсуждение проекта было продолжено на весенней сессии Совета 1909 г., и он был принят с внесением некоторых корректив. В Государственную думу третьего созыва законопроект не вносился.

[4] Проект о преобразовании местного суда был внесен в I Государственную думу, но до ее роспуска не был рассмотрен. Затем в марте 1907 г. он был представлен во II Государственную думу, однако до своего роспуска Дума не успела завершить рассмотрение документа. 1 ноября 1907 г. проект внесли в III Думу и передали в комиссию по судебным реформам. Суть проекта: упразднение волостных судов, а также судов земского начальника, городского судьи и уездного члена окружного суда; взамен устанавливался один общий

для всех граждан, независимо от сословных различий, единоличный мировой судья. Проект ориентировался на возможно большее приближение суда к населению, одновременно он предусматривал ряд мер, направленных к упрощению и облегчению действующего гражданского процесса. Одобренный Государственной думой законопроект был передан 28 мая 1910 г. в Государственный совет, где он обсуждался с 29 октября 1910 г. по 13 января 1912 г. в особой комиссии под председательством сначала кн. П.Н. Трубецкого, а затем С.С. Манухина. Разногласия с Думой касались пункта о волостном суде. Совет высказался за его сохранение, хотя и в преобразованном виде. По итогам работы согласительной комиссии Дума приняла изменения, внесенные в проект Госсоветом. Принятый Государственной думой и Государственным советом, проект был Высочайше утвержден 15 июня 1912 г.

[5] Проект «О праве застройки» был внесен министром внутренних дел в III Государственную думу 18 октября 1908 г. и рассматривался в комиссии о чиншевом праве с 30 апреля до 5 ноября 1909 г. Суть проекта сводилась к установлению нового вещного права, которое состоит в предоставлении застройщику собственником земли, путем договора или завещательного распоряжения, права возводить строения и сооружения на принадлежащей собственнику земле, причем это право устанавливалось на вечные времена или на срок, по соглашению сторон. Право застройки отличалось от права собственности тем, что застройщик уплачивал ежегодно собственнику имения определенный оброк. От найма право застройки отличалось тем, что застройщик мог пользоваться имением и извлекать из него, за некоторыми лишь исключениями, всякие выгоды подобно собственнику, а равно продавать, закладывать, завещать и вообще распоряжаться принадлежащим ему правом отдельного владения по своему усмотрению, чего нанимателю не предоставлялось. В правительственный проект был введен ряд положений, определявших права и обязанности собственника и нанимателя недвижимого имущества по договорам, заключенным до дня обнародования закона о праве застройки. В результате длительного обсуждения Государственная дума и Государственный совет одобрили законопроект, внеся в него ряд изменений. Высочайшее утверждение последовало 23 июня 1912 г.

[6] 4 декабря 1907 г. в III Государственную думу было внесено 35 депутатами законодательное предположение об упразднении в Белоруссии остатков чиншевого владения и чиншевого права и модифицированного из него городского и местечкового долгового арендного владения. 2 апреля 1908 г. Дума поручила комиссии о чиншевом праве рассмотреть этот проект, не ограничиваясь при этом одной Белоруссией, а имея в виду все местности империи, где встречались явления чиншевого права. Однако 16 октября 1908 г. Министерство внутренних дел внесло в Думу свой законопроект «О чиншевом владении в городах и местечках губерний Западных и Белорусских». По постановлению Думы от 27 октября он был также передан в комиссию о чиншевом праве и рассматривался в ней с 15 декабря 1909 г. по 15 февраля 1911 г. Если думский проект исходил из того, что чиншевое право является пережитком крепостного права и должно быть ликвидировано путем выкупа с выпуском соответствующего государственного займа, то правительственный проект предлагал лишь оформить чиншевые отношения, установив в законодательном порядке ряд норм, регулирующих укрепление чиншевых прав и взаимоотношения вотчинников и чиншевиков, кодифицировав при этом те права, ко-

торые установил Правительствующий Сенат в судебной практике в своих кассационных решениях по поступающим к нему делам о чиншевом праве. Комиссия в целом поддержала правительственный проект, решив вопрос о выкупе отрицательно. Она признала, что для удовлетворения действительных нужд городских и местечковых чиншевиков представляется вполне достаточным лишь более точное определение в законе их прав по распоряжению вечно-чиншевыми участками и предоставление им возможности надлежащим образом и без больших затрат оформлять свои вечно-чиншевые права. Доклад комиссии обсуждался на общем собрании Думы 4 июня 1912 г.

[7] Цель проекта «Об установлении правил о сборе в пользу городов с грузов, привозимых в города и вывозимых из них по железным дорогам» заключалась в установлении для городских поселений особого источника доходов для покрытия расходов по сооружению и капитальному ремонту подъездных к железнодорожным станциям и пристаням путей. Министерство внутренних дел, разрабатывавшее этот законопроект, предлагало изменить сам порядок установления сбора — не через законодательные учреждения, как это практиковалось до того времени, а через административные. Финансовая комиссия Думы в ходе обсуждения проекта внесла некоторые изменения. Так, министерство предлагало разрешать сбор в том случае, если признавалась недостаточность средств у городского общественного управления для сооружения подъездных путей; комиссия же посчитала нецелесообразным руководствоваться подобным, неконкретно сформулированным, признаком. Комиссия высказала пожелание облагать сбором не только грузы, едущие с пристаней и на пристани, как это указывалось в правительственном проекте, но и грузы, идущие с пристаней и на пристани. Если МВД предлагало сооружать за счет поступлений от сборов подъездные пути лишь в пределах отведенных городу земель, то комиссия считала возможным распространить это право и на подъездные пути вне городских земель.

[8] Законопроект «О преобразовании управления городов в губерниях Царства Польского» предварительно обсуждался в Совете по делам местного хозяйства, в III Государственную думу он был внесен 29 мая 1910 г., оглашен 2 июня и передан в комиссию по городским делам, где рассматривался с 26 октября по 9 декабря 1910 г. Однако на обсуждение в общем собрании Думы он был поставлен только в пятую сессию, незадолго для окончания срока полномочий Думы третьего созыва. Очевидно, подобная задержка в какой-то мере объяснялась тем, что судьба законопроекта связывалась с судьбой законопроекта о выделении Холмского края, т. е. предоставление Царству Польскому Городового положения рассматривалось как некая компенсация за отделение Холмщины. К тому времени управление городами губерний Царства Польского ведалось практически казенными учреждениями и тем отличалось от начал управления городами внутренних губерний России. Авторы законопроекта, признавая, что отсутствие общественного элемента в составе городского управления «весьма неблагоприятно отражается на благоустройстве и благосостоянии городов», предлагали распространить на Царство Польское Городовое положение 1892 г. с учетом того, что «самоуправление должно быть польское, подчиненное, однако, русской государственной идее». Относительно Положения 1892 г. изменения коснулись, во-первых, системы городских выборов: был расширен круг лиц, могущих принять участие в городских делах за счет владельцев недвижимого имущества в пределах города,

квартиронанимателей, платящих добавочный к государственному квартирному налогу особый сбор в доход города, а также женщин, владеющих недвижимым имуществом. Для избрания гласных проект разделял всех избирателей на 3 курии: из русских; из евреев; из остальных горожан, причем к евреям были отнесены все лица, рожденные в иудействе, дабы исключить для евреев, принявших христианство, возможности избежать установленных в законе ограничений. Однако с последним пунктом думская комиссия не согласилась. Кроме того, евреям запрещалось состоять в должностях председателя думы, городского головы, бургомистра и ограничено право занятия других должностей. Во-вторых, изменения затронули устройство и порядок действия городского общественного управления. Проект повысил число гласных в составе думы; возложил председательствование в думе не на президента города, а на «особо избранное и утвержденное правительственной властью лицо» (думская комиссия высказалась против утверждения председателя правительственной властью, «ввиду придания его деятельности большего авторитета, объективности и независимости»); ввел обязательность русского языка для делопроизводства и сношений с правительственными учреждениями и лицами, для объявления всех постановлений и распоряжений и допустил польский язык только во внутреннем «домашнем» делопроизводстве (комиссия несколько сузила пределы обязательного употребления русского языка: все бумаги, не подлежащие ревизии правительственных властей, могут писаться на польском языке, для документов, на основании которых производится правительственными учреждениями и должностными лицами надзор за деятельностью городских общественных управлений, допускается, наряду с русским, и польский язык; русский язык обязателен для изложения только тех постановлений и распоряжений, объявление которых во всеобщее сведение требуется по закону). В-третьих, изменения коснулись надзора за деятельностью городского общественного управления: надзор был ограничен контролем за законностью постановлений дум (исключен надзор за целесообразностью их действий), но правительству предоставлено было, при особых условиях, право роспуска дум до истечения срока их полномочий. Некоторые коррективы были внесены в раздел городских финансов. Доклад комиссии был рассмотрен в общем собрании Думы, но из-за отсутствия соглашения между Государственной думой и Государственным советом проект в заседании Думы 17 мая 1914 г. был признан отклоненным.

[9] Данный законопроект был внесен в III Государственную думу 19 мая 1909 г. и обсуждался в специально созданной «Холмской» подкомиссии с 17 ноября 1909 г. по 20 ноября 1911 г. Дума одобрила проект, внеся в него следующие изменения: 1) управление Холмской губернией передавалось непосредственно министру внутренних дел (по правительственному проекту — генерал-губернатору); 2) границы губернии несколько расширялись по направлению к Западу; 3) отвергались предложения министра внутренних дел о распространении на Холмскую губернию узаконений, действующих в Западном крае и ограничивающих рост польского и еврейского частного землевладения; 4) для содействия русскому землевладению на Холмскую губернию распространялось действие правил об освобождении от платежа пошлин актов по переходу имений от польских помещиков к лицам русского происхождения и др. Закон Высочайше утвержден 23 июня 1912 г.

[10] Проекты страхования рабочих разрабатывались в Министерстве торговли и промышленности. В декабре 1906 г. и в феврале-марте 1907 г. они обсужда-

лись в межведомственном совещании по рабочему законодательству под председательством Д.А. Философова, созванном для окончательной корректировки проектов перед их внесением в Думу, однако участникам совещания не удалось прийти к согласованному мнению. 28 марта 1908 г. министр торговли и промышленности И.П. Шипов внес страховые законопроекты в Совет министров. С 6 апреля по 16 мая они обсуждались в межведомственном совещании под председательством товарища министра торговли и промышленности М.А. Остроградского, при участии представителей ведущих торгово-промышленных структур, однако и этому совещанию не удалось добиться согласия. В июне и сентябре 1908 г. проекты обсуждались в Совете министров, который усилил позиции административного контроля над создаваемыми страховыми рабочими организациями (в частности, на губернаторов фактически возлагался контроль над основными страховыми органами, а также больничными кассами). 23 июня 1908 г. Шипов внес проекты в III Государственную думу, они были переданы в комиссию по рабочему вопросу. Два с половиной года проект «О страховании рабочих от несчастных случаев» оставался в комиссии без движения. Его основные установки сводились к следующему: обязательность страхования; для покрытия расходов по уплате пенсий устанавливалась система капитализации пенсий; права потерпевших не зависели от финансовой состоятельности предпринимателя, т. к. ответственность по уплате вознаграждения пострадавшему возлагалась на страховые учреждения (таким образом сглаживалось неравенство в положении крупных предприятий, с одной стороны, и средних и мелких — с другой). Дума сочла необходимым расширить сферу применения закона: 1) распространила его действие на предприятия, принадлежащие земствам и городам (что не предусматривалось правительственным проектом); 2) предоставляла Совету по делам страхования рабочих право подчинять действию закона предприятия с меньшим, чем это указано в правительственном проекте, числом рабочих; 3) страхованию подлежали и лица с содержанием свыше 1500 руб. в год, что исключалось в проекте правительства и др. Одобренный Государственной думой и Государственным советом, законопроект был Высочайше утвержден 23 июня 1912 г.

[11] Законопроект «О разрешении работ по переустройству Таможенной набережной в Рижскому порте с отпуском на означенную потребность 2 080 000 р[уб.] из средств государственного казначейства» был внесен в III Государственную думу министром торговли и промышленности (представление от 3 октября 1908 г.) и передан в комиссию о путях сообщения. В обосновании министерства указывалось, что чрезвычайно быстрый рост грузооборота Рижского порта выдвигает на первый план вопрос об обеспечении его современно оборудованной портовой территорией. В частности, в связи с постоянно увеличивающейся осадкой морских судов, заходящих в порт, необходимо довести его до надлежащей глубины; требуется также переоборудование Таможенной набережной и прилегающих к ней территорий, т. к. они являются главным пунктом для организации таможенного контроля и складирования грузов. Комиссия, соглашаясь в принципе с основными идеями проекта, посчитала необходимым сократить ряд граф из сметы расходов и удешевить отдельные работы в соответствии с выясненными комиссией местными рыночными ценами. Ввиду этого общая стоимость работ была понижена до суммы в 1 800 000 руб. Бюджетная комиссия, которая также рассматривала проект, понизила стоимость работ до 1 791 300 руб. Эта сумма получила одобрение Государствен-

ной думы 31 мая 1909 г. Высочайшее утверждение законопроекта последовало 2 июня 1909 г.

[12] Законопроект «О разрешении производства изысканий для выбора места и выработки проекта торгового порта на о. Сахалин, с отнесением потребного на сие расхода в сумме 100 000 р[уб]. на средства государственного казначейства» был внесен в III Государственную думу министром торговли и промышленности (представление от 4 октября 1908 г.) и передан в комиссию торговли и промышленности. В обосновании министра говорилось, что отсутствие порта на Сахалине служит главным тормозом для эксплуатации естественных богатств острова — нефти и угля. Комиссия, однако, посчитала, что постройка порта потребует слишком больших затрат и усомнилась в их целесообразности при недостаточно выясненном положении на Дальнем Востоке и перспектив развития края: 1) в проекте не оговорено, какие меры предполагается принять по защите дорогостоящих сооружений; 2) отсутствует всестороннее общеэкономическое обследование Сахалина, не представлены точные цифры ввоза и вывоза грузов с острова. В итоге комиссия предложила отклонить законопроект, что и было сделано на общем собрании Думы 5 марта 1909 г.

[13] Законопроект «Об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалин» был внесен министром внутренних дел во вторую сессию III Государственной думы 29 октября 1908 г. и передан на рассмотрение в комиссии законодательных предположений и бюджетную. Во время обсуждения доклада комиссий в общем собрании Думы 20 апреля 1909 г. выступивший с разъяснениями товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский подчеркнул неотложность и важность проекта. Проект предусматривал создание местных органов власти в крае, что, по словам Крыжановского, протягивало нити, «соединяющие эту окраину с центральным правительством», а это, в свою очередь, помогало создать базу для «культурного наступления в глубь этой дикой и мало проезжей местности», и одновременно для предотвращения «хозяйничанья иностранцев на берегах Дальнего Востока» (*Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. — Ч. IV. — СПб., 1909. — Стб. 164*). Одобренный Государственной думой и Государственным советом, законопроект был Высочайше утвержден 2 июня 1909 г.

[14] Проект «Об авторском праве» был внесен Министерством юстиции во II Государственную думу 7 марта 1907 г., но до ее роспуска не был обсужден. 1 ноября 1907 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов представил его на рассмотрение III Думы. Суть проекта состояла в предоставлении автору исключительного права: 1) на распространение своего произведения и 2) на переделку, если она могла быть произведена чисто техническим способом. Отличительная черта проекта — предоставление суду широкой свободы в определении как понятия авторского произведения и его самостоятельности, так и размера подлежащих взысканию с правонарушителя убытков. Дума несколько расширила понятие объекта авторского права, распространив его на издание граммофонных дисков и тому подобных механических нот. Одобренный Государственной думой и Государственным советом законопроект был Высочайше утвержден 20 марта 1911 г.

[15] Положение об учреждении в городе Новочеркасске Донского Политехнического института в составе 4-х факультетов: горного, инженерно-мелиоративного, механического и химического было утверждено Государственной думой и Государственным советом летом 1909 г. (*ЗПСЗ. — Т. 29. — № 32142*).

[16] Проект нового устава о печати дорабатывался в течение целого ряда лет в министерствах и ведомствах и был внесен только в IV Государственную думу (14 октября 1913 г.) министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. Законопроект внешне либерализировал процесс трансляции печатного слова. Однако, вместе с тем, он создавал иные, скрытые, рычаги надзора и давления на свободу печати. Так, согласно законопроекту, была отменена предварительная цензура для изданий, выходящих вне городских поселений, но одновременно для этих изданий устанавливался разрешительный порядок выхода в свет, с обязательством представления первых экземпляров газеты «немедленно по их отпечании» и с правом чиновника, надзирающего за газетой, посещать типографию в «любое время». Проект устанавливал явочный (вместо разрешительного) порядок для открытия типографий, книжных магазинов, библиотек и пр. в губернских городах, но параллельно вводилась ответственность заведующих этими заведениями за содержание печатного слова. Отменяя цензуру объявлений (кроме медицинских), проект одновременно усиливал специальную цензуру — придворную и иностранную. Отмена административных взысканий, налагаемых в порядке усиленной охраны и в местностях, начальствующие лица которых облечены правом издавать обязательные постановления, сопровождалась в законопроекте введением системы судебно-административных мер по надзору за печатью: в частности, воспрепятствование выходу в свет издания, распространение которого представляется нежелательным; требование безотлучного пребывания ответственного редактора в редакции; право администрации на предварительную конфискацию в типографии всех номеров не вышедшей еще в свет газеты тотчас же по просмотре ее первых номеров. Обсуждение документа в думской комиссии вызвало острое столкновение мнений. Если большинство в основном поддержало правительственный проект, то часть ее членов (П.В. Герасимов, П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, Н.Н. Николаев, И.Н. Ефремов и др.) выступили с особым мнением к докладу комиссии, в котором заявили, что «проект нового устава о печати по содержанию своему находится в непримиримом противоречии с началом действительной свободы печатного слова, возвещенного манифестом 17 октября»; «вместо создания органичного закона о печати на строго правовых основаниях, обеспечивающих печатному слову в России свободное развитие, проект министра внутренних дел стремится к законодательному утверждению чисто полицейских тенденций предупреждения и пресечения распространения неугодных правительству идей и мнений» (*IV Государственная дума. Фракция народной свободы в период с 15 октября 1913 г. по 14 июня 1914 г. — Ч. I. Отчет фракции. — СПб., 1914. — Приложение. — С. 12—13*).

Пока законопроект о печати находился в состоянии корректировки, министром юстиции, в виде некоего эквивалента, был внесен в III Государственную думу законопроект «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступного деяния или личности преступника в речи или печати». По постановлению Думы от 28 июня 1908 г. проект был передан в комиссию по судебным реформам. 29 января 1909 г. он рассматривался в комиссии в присутствии представителей Министерства юстиции: товарища министра М.Ф. Люце, директора 1-го департамента А.Н. Веревкина и юрисконсульта В.П. Ширкова. Цель законопроекта заключалась в установлении уголовной ответственности «за враждебные государству, но не переходящие в прямой призыв к определенным законопротивным деяниям», публикации, а также за воздействие на общественное мнение, путем «колебания» убеждения «народных масс в обязательной силе закона», подрыва уважения населения к существующим зако-

нам. Комиссия в целом поддержала проект, внеся в него незначительные изменения: предлагалось, в частности, подчеркнуть, что подлежащие уголовной ответственности лица, восхваляющие преступные деяния или преступников в речах, сочинениях или путем изображения, делают это сознательно.

[17] Проект Университетского устава, разработанный под руководством министра народного просвещения Н.П. Шварца, 10 мая 1910 г. был внесен в III Государственную думу и передан для рассмотрения в специально образованную комиссию. Однако 22 ноября 1910 г. новый министр народного просвещения Л.А. Кассо истребовал законопроект в министерство. 5 ноября 1916 г. занявший пост министра народного просвещения П.Н. Игнатьев представил в IV Государственную думу измененный проект «Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов». 2 декабря проект был передан в комиссию для обсуждения законопроекта о новом уставе университетов и на заключение бюджетной комиссии. До февраля 1917 г. проект так и остался не рассмотренным.

[18] Законопроект «Об учреждении землемерных курсов при 8-ми земледельческих училищах и об отпуске для сего кредита по смете Департамента земледелия» был представлен в III Государственную думу 28 октября 1908 г. и передан на рассмотрение в комиссию по народному образованию. Необходимость принятия проекта была связана с существовавшей острой потребностью в кадрах землемеров в связи с планами скорейшего проведения землеустроительных и землеотводных работ. Главное управление землеустройства и земледелия предложило образовать контингент землемеров из лиц, уже получивших или получающих образование в земледельческих училищах, что давало возможность соединить землемерные и агрономические знания. В связи со срочностью планировалось создать для лиц, окончивших эти училища, кратковременные землемерные курсы (продолжительность 5,5 мес.), поскольку они уже имели базовые сведения по предметам землемерной специальности. Главное управление землеустройства и земледелия учреждало курсы в виде временной меры, на ближайшие три года, полагая, что за этот срок основные работы, связанные с выделом крестьян из общин, будут проведены. Думская комиссия поддержала правительственный проект. Дума одобрила доклад комиссии 5 марта 1909 г. Высочайшее утверждение законопроекта последовало 11 апреля 1909 г.

[19] Высочайше утвержденный и одобренный Государственной думой и Государственным советом закон «Об увеличении содержания офицерскому составу армии» был подписан императором 24 декабря 1908 г. (*3 ПСЗ. – Т. 28. – № 31323*).

[20] Проект «О государственном налоге с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках, за исключением посадов губерний Царства Польского», был внесен во II Государственную думу 22 февраля 1907 г. министром финансов, однако до своего роспуска Дума не успела приступить к его рассмотрению, и проект был возвращен в министерство. 16 ноября 1907 г. проект был представлен в Думу третьего созыва. 27 марта 1910 г. он был одобрен Думой. Основной целью проекта являлась замена раскладочной системы взимания налога – окладной, т. е. осуществлялся переход от обложения по стоимости городского недвижимого имущества к обложению по его доходности (в известном процентном отношении к доходности). Внесенные Думой изменения коснулись определения чистой доходности и размера налога, состава учреждения по взиманию налога, кроме того, действие нового Положения Дума распространила и на губернии Царства Польского. Одобренный Государственной думой и Государственным советом, законопроект был Высочайше утвержден 6 июня 1910 г.

Записка И.Я. Гурлянду

2 октября 1908 г.

И.Я. Гурлянду

В § 6-ом надо сделать исправления, т. к. состав губ[ернско-го] по земским делам присутствия двоякий: по общим вопросам и по вопросам о предании суду, так что ссылку на этот состав надо изменить.

Относительно осуществленности приглашения в состав присутствия представителей гминных судов надо запросить варшавского генерал-губернатора.

Регистрацию общероссийского Общества я задумал осуществить иначе – образовать присутствие при министерстве, а не при градоначальнике, соответственно надо изменить § 20-ый.

Создание политической партии нельзя ставить в зависимость от усмотрения министра внутренних дел (§ 49-ый) – это не пройдет.

Как это поставлено за границею?

П.[Столыпин]

2 октября 1908 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–1об.
На бланке «Записки для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо И.М. Дикову[1]

от 3 октября 1908 г.

Доверительно

Милостивый Государь,
Иван Михайлович.

В заседании Совета министров 30 минувшего сентября министр финансов обратил, между прочим, внимание Совета на дошедшие до него сведения о том, что, при рассмотрении смет в бюджетной комиссии Государственной думы, некоторые представители распорядительных ведомств, в ответ на заявления членов комиссии о недостаточности размера тех или других сметных назначений, объясняли, что назначения эти были ограничены занесенными в сметы суммами единственно вследствие возражений финансового и контрольного ведомств, настаивавших на сокращении первоначально исчисленных ведомствами кредитов.

Осведомившись о сем и вполне разделяя высказанное по этому поводу министром финансов мнение о неуместности подобных объяснений, ослабляющих значение занесенных в проекты смет ассигнований, Совет министров признал необходимым просить главных начальников ведомств указать подведомственным им чинам, командируемым для представления объяснений в законодательные учреждения, на недопустимость каких-либо с их стороны упоминаний о произведенных, по настояниям Министерства финансов или Государственного контроля, сокращениях в испрашиваемых кредитах, ибо представители ведомств, выступая в законодательных учреждениях в качестве органов объединенного правительства, обязаны всемерно отстаивать целесообразность сметных исчислений по существу, умалчивая совершенно о междуведомственных спорах и разногласиях, предшествовавших окончательному установлению проектов смет.

О таковом постановлении Совета министров имею честь сообщить Вам, Милостивый Государь, для зависящих по Высочайше вверенному Вам ведомству распоряжений.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности*.

Подписал: П. Столыпин
3 октября 1908 г.
№ 4430

РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 70.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письма того же содержания были направлены: А.Ф. Редигеру, В.А. Мясоедову-Иванову, Н.В. Чарыкову, А.Н. Шварцу, Д.М. Коновалову, И.Г. Щегловитову, А.В. Кривошеину, П.П. Извольскому, Ф.Ф. Палицыну, А.И. Здановичу.

1 **Диков** Иван Михайлович (1833—1914) — военно-морской деятель, адмирал (1905), генерал-адъютант (1906). В 1897—1900 гг. председатель Морского технического комитета. В 1898—1907 гг. член Адмиралтейств-совета. С 1905 г. председатель Комиссии по расследованию морских сражений 28 июля 1904 г. и 14—15 мая 1905 г. В 1906—1907 гг. постоянный член Совета государственной обороны. В 1907—1909 гг. морской министр, одновременно главный начальник флота и морского ведомства, непосредственно заведовал личным составом, боевыми силами и строевой частью. Сторонник коренной реорганизации морского ведомства и создания мощного флота. С 1909 г. член Государственного совета.

---

* На письме приписка от руки: копии сообщены: мин[истру] фин[ансов], госуд[арственному] контр[олеру], Крыжановскому, Макарову, Лыкошину, Гербелю, Бельгарту, Севастьянову, б[арону] Таубе.

Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому

4 октября 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Александр Николаевич.

Придавая существенное значение культурному и экономическому подъему в Прибалтийском крае местного русского по происхождению населения, как необходимого оплота правительства по утверждению в сем крае начал русской государственности, долгом считаю обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорною просьбою сообщить мне, по возможности в непродолжительном времени, имеющиеся в Вашем распоряжении данные о численности означенного населения, имущественном его положении и занятиях, а также степени его культурного развития и общественного среди прочих групп населения влияния. Вместе с тем, покорнейше просил бы Вас, Милостивый Государь, почтить меня Вашим заключением о тех мерах, которые Вы считали бы целесообразными в видах достижения вышеуказанной правительственной задачи укрепления в Прибалтийском крае русской государственности и русской культуры.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
4 октября 1908 г.
№ 4470

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 4.
На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел».
Машинопись. Копия.

3 октября 1908 г. главам министерств и ведомств (В.Н. Коковцову, И.Г. Щегловитову, А.Н. Шварцу, И.П. Шипову, А.В. Кривошеину, Н.К. Шаufусу, П.А. Харитонову) были отправлены отношения о присылке председателю Совета министров списка лиц, служащих в Прибалтийском крае, с указанием вероисповедания, происхождения и образовательного ценза.

Записка А.Н. Шварцу

4 октября 1908 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Александр Сергеевич Дубасов будет, как он мне говорил сегодня, просить свидания с Вами.

Сущность предлагаемой его идеи — выделение из университетов в особые высшие учебные заведения фабрик чиновников и оставление университетов для чистой науки.

Он еще в 1901 году составил по этому вопросу записку, которую прилагаю и по прочтении прошу вернуть*.

Преданный Вам П. Столыпин

4 октября 1908 г.

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 627. Л. 4.
На бланке «Записка от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо П.П. Извольскому

9 октября 1908 г.

Доверительно

Многоуважаемый

Петр Петрович,

По приказанию Государя препровождаю Вам, для доклада Его Величеству, телеграмму преосвященного Гермогена[1].

Как Вам известно, я телеграфировал губернатору, чтобы он не конфисковал «Братского листка»[2], в котором напечатана была эта телеграмма, так как предположено принять более серьезные меры.

Боюсь, что, ввиду Вашей болезни, дело пойдет в затяжку. Между тем, оставление дела без последствий поведет к невозможному положению губернатора, особенно ввиду агитации иступленных людей, рекламируемой и Вашим «Колоколом»[3].

Я нахожу, что необходимо *немедленно* вызвать Гермогена и не пускать его обратно, даже для прощания с епархией, так как неминуемо возникнет новый скандал.

Искренно Вам преданный

П. Столыпин

9 октября 1908 г.

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.
На бланке «Председатель Совета министров».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Гермоген** (в миру Георгий Ефремович Долганев) (1858—1918) — церковный и политический деятель, один из руководителей черносотенцев. С 1898 г. рек-

* Записка в деле отсутствует.

тор Тифлисской Духовной академии, с 1901 г. епископ Вольский, с 1903 г. — Саратовский. Его деятельность отличалась крайним фанатизмом. Создатель черносотенной организации в Царицыне. Поддерживал Илиодора, пытался положить конец влиянию Г.Е. Распутина на царскую семью, что вызвало резкое недовольство Николая II. В 1912 г. под предлогом разногласий с Синодом по догматическим вопросам сослан в Жировицкий Свято-Успенский монастырь (Гродненская губ.).

[2] «Братский листок» — газета «для религиозно-нравственного и патриотического чтения». Выходила в Саратове в 1904—1912 гг. два раза в неделю, с № 93 1905 г. ежедневно. Редактор — протоирей П.А. Позднев, с № 93 1905 г. протоирей И. Кречетович, с 1908 г. — П.П. Позднев. Издатель — Совет Общества религиозно-нравственного просвещения при Братстве св. Креста. В 1907 г. во время перерыва в издании «Братского листка» выходила газета «Россиянин», с 1908 г. издание «Листка» возобновилось.

[3] «Колокол» — общественно-политическая, церковная и литературная газета, выходила ежедневно в С.-Петербурге в 1905—1917 гг. Редакторами разновременно являлись А.И. Платонов, В.Г. Сенатов, Н.Д. Облеухов, А.В. Фелонин, Е.А. Колосова, В.Ф. Смирнов, Н.М. Сырнев, И.И. Высоцкий, Е.М. Братин. Издатель Ю.А. Скворцова, с № 746 В.М. Скворцов. В качестве приложения в 1907 и 1910 гг. выходило издание «На каждый день православному христианину»; в 1908 г. — «К русскому народу (Мирные речи)», в 1909 г. — «Голос истины».

Письмо А.В. Кривошеину

26 октября 1908 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Я с большим интересом прочел Ваш проект о вещном кредите. Проработав в свое время более десяти лет над созданием сети сельскохозяйственных складов в Ковенской губернии и будучи несколько знаком с постановкою этого дела в Германии, куда я неоднократно ездил по делам наших складов — я Вам предрекаю успех, так как мысль Ваша правильна.

У меня замечания не по существу, а по деталям: 1) трудно создать соотношение между сроком платежа крестьянина и сроком уплаты за товар фирмы; 2) трудно обойтись без объединяющего лица в губернии, иначе можно или чрезмерно расширить число и круг кредиторов или дать уснуть делу; 3) трудно базировать дело на представителях, так как они очень специализируются — один и тот же представитель будет поставлять Вам отличные, скажем, сеялки Эльворти, но он же будет подсовывать негодные плуги Майфарта.

Есть и еще детальные заключения. Но все это только к слову — мысль сама по себе прекрасная, сулит большие и плодотворные результаты и я ее от души приветствую.

Преданный Вам
П. Столыпин
26 октября 1908 года

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 13–13об.
На бланке «Председатель Совета министров».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Н. Шварцу

30 октября 1908 г.

30 октября 1908 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Спешу препроводить Вам для ознакомления текст Высочайшего повеления, который завтра будет опубликован в «Правительственном вестнике»[1].

Искренно Вам преданный
П. Столыпин

Не откажите текст вернуть.

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 14об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Правительственный вестник» — ежедневная информационная официозная газета, выходила в С.-Петербурге в 1869—1917 гг. Редактор А.А. Башмаков (1906—1913), издатель — Главное управление по делам печати. Приложения: в 1901—1905 гг. «Сельский вестник»; в 1906 г. газета «Русское государство»; в 1906—1907 гг. газета Вечернее прибавление к «Правительственному вестнику»; в 1901—1905, 1908—1916 гг. телеграммы Российского телеграфного агентства, выпускались в дни невыхода газеты.

Письмо А.Н. Шварцу

31 октября 1908 г.

31 октября 1908 г.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Получив сегодня Ваше прошение об отставке, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою разрешить

промедлить несколько дней представление ее Государю Императору, так как я полагал бы необходимым представить ее лично Его Величеству.

Причиною этому является принятое мною решение испросить одновременно у Его Величества о всемилостивейшем увольнении меня от должностей председателя Совета министров и министра внутренних дел. Государем Императором я буду, вероятно, принят в начале будущей недели, но, если Ваше Превосходительство считаете это дело экстренно спешным, то я сегодня испрошу разрешения Его Величества прибыть с всеподданнейшим докладом завтра, в субботу.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности*.

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 15.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 84–85.

В конце октября 1908 г. П.А. Столыпин сообщил А.Н. Шварцу о том, что Николай II принял решение о предоставлении вольнослушательницам, численность которых в 1908 г. достигла 2 тыс. чел., возможности окончить «слушания университетского курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях», против чего возражал министр народного просвещения, настаивавший на устранении всех вольнослушательниц из университета. После появления об этом правительственного сообщения 31 октября 1908 г. Шварц подал Столыпину прошение об отставке. После же получения письма Столыпина от 31 октября 1908 г. Шварц немедленно написал ему следующее письмо:

Милостивый Государь
Петр Аркадьевич!

Будучи совершенно чужд политике и сложной игре с.-петербургской бюрократии, я никак не могу взять в толк связи между двумя упоминаемыми в письме Вашего Высокопревосходительства отставками, но, само собою разумеется, я готов подчиниться Вашему желанию ехать к Государю в начале будущей недели и экстренно спешным свое прошение признать не могу: связь моей отставки с сегодняшним Высочайшим повелением все равно установлена будет обществом и печатью безошибочно (*Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 31*).

Вечером того же дня в Зимнем дворце состоялась встреча Столыпина и Шварца. Последний вспоминал: «Нашел я его в крайне угнетенном – иначе выразиться не могу – состоянии. Он много говорил о том, как важен для не-

* Приписано А.Н. Шварцем карандашом: 31 октября послана отставка.

го и его внутренней политики твердый курс, взятый мною, о своем уважении и симпатии лично ко мне, но проскальзывали фразы и о том, что он в чем-то ввел Государя в заблуждение и поэтому, если я не возьму назад отставки, должен просить и о своем увольнении». Шварц вынужден был уступить, потребовав, правда, публикации заявления в газете «Россия» о том, что «я подавал в отставку и остался лишь по просьбе Столыпина» (*Шварц А.Н. Указ. соч. – С. 31–32*).

Письмо А.Н. Шварцу

31 октября 1908 г.

31 октября 1908 года
Милостивый Государь
Александр Николаевич,
Обмен мыслей письмами весьма труден.

Если у Вас нет принципиального нежелания переговорить со мной, то буду ждать Вас сегодня в 8,5 ч[асов] вечера.

Покорнейше прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 17.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 85.

Письмо А.Н. Шварцу

31 октября 1908 г.

31 октября 1908 г.
Глубокоуважаемый Александр Николаевич,

Спасибо Вам за Ваше решение. Для меня ясно, что польза родины у Вас на первом месте.

Я все же думаю быть завтра у Государя и в осторожной форме выяснить ему зародившиеся у Вас сомнения о недоверии к Вам и мое категорическое заявление о том, что Вы можете безусловно рассчитывать не только на солидарность с Вами правительства, но и на поддержку свыше.

Что касается Ваших вопросов, то позвольте желаемый Вами слух пустить в оборот не через «Россию», а через «Новое время»[1], а относительно новых неожиданных осложнений позвольте выра-

зить уверенность, что их не будет, так как нам наверное удастся впредь более удачно договариваться по всем острым вопросам.

Искренне уважающий Вас и преданный
П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 19.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 85–86.

[1] «Новое время» – ежедневная политическая и литературная газета, одна из крупнейших проправительственных газет, издавалась в 1868–1917 гг. в С.-Петербурге. С 1876 г., когда ее издателем стал А.С. Суворин, газета приобретает право-консервативную направленность. Редакторами в разное время были М.П. Федоров, Ф.И. Булгаков, М.А. Суворин. В 1881–1905 гг. газета выходила в двух изданиях: утреннем и вечернем. Вечерний выпуск по содержанию повторял утренний и включал новейшие известия, полученные ночью и утром. Извлечение из газеты издавалось в Москве в 1904–1905 гг. под заглавием «Телефон "Нового времени"». Выходило также иллюстрированное приложение «Новое время».

Письмо А.В. Кривошеину

1 ноября 1908 г.

Милостивый Государь
Александр Васильевич.

Совет министров, рассмотрев, в заседании 28 октября с. г. сообщенное Вашим Превосходительством в отношении от 19 того же октября, за № 30711, заключение по содержанию внесенного 60-ю члснами Государственной думы законопроекта об учреждении землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях[1], вполне согласился с соображениями Вашими по означенному делу. Уведомляя о сем, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
1 ноября 1908 г.
№ 5132

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 293об.
Машинопись. Копия.

[1] Законопроект «Об учреждении землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиречинской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях» был внесен в III Государственную думу по инициативе 60 депутатов (в числе подписавших Е. Тевкелев, Х. Хас-Мамедов, Ш. Тукаев, Г. Еникеев, Ш. Махмудов и др.). В объяснительной записке депутаты указывали, что, начиная с 1894 г., на землях, занятых киргизским населением, идут землеотводные работы по образованию переселенческих участков, а это на деле означает усиленную экспроприацию лучших киргизских земель в целях колонизации. Между тем земельные интересы коренного населения — киргизов — остаются не обеспеченными, доныне не произведено размежевание степных областей, не выяснено в точности количество земли, которое необходимо для удовлетворения хозяйственных потребностей кочевого населения. Поэтому депутаты заявили о необходимости учредить особые землеустроительные комиссии с возложением на них забот о выяснении земельных нужд и выработке земельных норм для коренного населения.

Письмо А.Н. Шварцу

13 ноября 1908 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

В письме ко мне от 24 июля 1908 г., за № 23, Ваше Превосходительство, указывая на ненормальное, с русской государственной точки зрения, положение школьного дела в Прибалтийском крае, изволили заявить, что восстановление в этом деле правильного порядка требовало бы мер законодательного свойства.

Признавая таковое заявление Ваше в существе правильным, я нахожу, однако, что некоторые для достижения вышеуказанного результата меры могут и должны быть приняты правительством безотлагательно, так как они вполне укладываются в рамки действующего закона. В сем отношении я счел своим долгом обратить, прежде всего, внимание временного прибалтийского генерал-губернатора на необходимость надлежащих мер к упорядочению деятельности школ, содержимых прибалтийскими «Немецкими обществами». Школы эти пользуются немецким преподавательским языком, на основании Высочайше утвержденного 19 апреля 1906 г. мнения Государственного совета, согласно которому преподавание на местных языках допускается в тех только частных учебных заведениях, кои содержатся на местные средства.

Между тем, в настоящее время имеются данные о том, что упомянутым «Немецким обществам» оказывается материальная поддержка германским Всенемецким школьным союзом, каковое обстоятельство, как Ваше Превосходительство усмотрите из заяв-

ления Совета «Немецкого общества в Лифляндии», помещенного* в № 41 журнала «Окраины России», не отрицается ни одним из указанных обществ.

Такое явное нарушение закона, конечно, не может быть терпимо, а потому, поставляя Вас в известность о соответствующих указаниях (копия с письма моего к барону Меллер-Закомельскому прилагается)**, данных мною по этому поводу временному прибалтийскому генерал-губернатору, я позволяю себе рассчитывать, что и Ваше Превосходительство, с своей стороны, сообщите попечителю Рижского учебного округа надлежащие инструкции, дабы местными правительственными органами проявлено было необходимое в этом деле единство действий. Что же касается отмеченных выше общих предположений Ваших относительно урегулирования школьного вопроса в Прибалтийском крае, то о существе этих предположений, а равно о способе и времени их исполнения не откажите, Милостивый Государь, почтить меня Вашим сообщением.

Прошу*** принять уверения в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

13 ноября 1908 г.

№ 5370

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 46. Л. 273–273об.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Проект.

Письмо В.Н. Коковцову

18 ноября 1908 г.

Милостивый Государь,

Владимир Николаевич.

Секретарь Государственной думы обратился ко мне с письмом, от 15 ноября 1908 года, за № 3658, в котором, на основании сообщенных ему председателем бюджетной комиссии данных, заявляет, что при рассмотрении законопроектов министерств и главных управлений, оправдывающих занесенные в сметы креди-

---

* Далее вычеркнуты слова: «в виде определения».

** Слова в круглых скобках вписаны от руки.

*** Далее вычеркнуто: «Вас, Милостивый Государь».

ты, бюджетная комиссия неоднократно испытывала затруднения при выяснении вопроса о том, соответствуют ли размеры занесенного в смету кредита испрашиваемой по законопроекту сумме.

В устранение означенных затруднений, вызывающих значительное замедление в ходе рассмотрения подобных законопроектов, действительный статский советник Сазонович[1] просит меня в упомянутом письме обратить внимание распорядительных ведомств на необходимость прилагать к таким законопроектам справки с указанием, в какие сметные подразделения и в каких именно суммах внесены в смету кредиты, предназначенные на удовлетворение данной потребности.

Сообщая о сем, долгом считаю покорнейше просит Вас, Милостивый Государь, не отказать в зависящем содействии к исполнению по Высочайше вверенному Вам ведомству переданного мне секретарем Государственной думы пожелания.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал П. Столыпин
18 ноября 1908 г.
№ 5555

РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 105–105об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письма того же содержания были отправлены И.М. Дикову, П.А. Харитонову, А.П. Извольскому, Н.К. Шауфусу, А.Ф. Редигеру, А.И. Зановичу, бар. Э.Ю. Нольде, П.П. Извольскому, А.В. Кривошеину, И.Г. Щегловитову, И.П. Шипову.

[1] **Сазонович** (Созонович) Иван Петрович (1856–?) – профессор всеобщей литературы Варшавского университета. Окончил Петербургский университет. В 1887 г. получил степень магистра истории русской литературы за исследование «Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче», а в 1898 г. – степень доктора за диссертацию «О западном влиянии на славянскую и русскую поэзию». Секретарь III Государственной думы; входил во фракцию правых.

Письмо барону В.Б. Фредериксу

24 ноября 1908 г.

Милостивый Государь,
барон Владимир Борисович.

В видах обеспечения надлежащего единства в действиях Имперских ведомств по отношению к финляндской окраине, Высочайше утвержденным, 20 мая 1908 г., положением Совета мини-

стров на Совет возложено было сообщение министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского своих заключений по предусмотренным в приведенном Высочайшем повелении делам. Тем самым подтвержден был, между прочим, и установленный с тою же целью в январе 1907 года порядок сношения отдельных ведомств с министром статс-секретарем не иначе, как с ведома Совета министров. Между тем в настоящее время я осведомился, что некоторые ведомства ведут непосредственную с министром статс-секретарем переписку по такого рода делам, которые подлежат в свое время представлению на обсуждение Совета министров, и, таким образом, может случиться, что отзывы того или иного ведомства окажутся в разноречии с заключением Совета. Во избежание подобных нежелательных замешательств я считаю необходимым, ссылаясь на письмо мое от 8 января 1907 года, за № 169, покорно просить Вас, Милостивый Государь, предварительно каких-либо сношений с министром статс-секретарем о существе оных доводить до моего сведения для доклада, в потребных случаях, Совету министров.

Прошу принять уверения в глубоком моем уважении и истинной преданности.

Подписал: П. Столыпин

24 ноября 1908 г.

№ 5648

РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 113–113об.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Копия.

Письма того же содержания отправлены: И.М. Дикову, А.Ф. Редигеру, Н.К. Шауфусу, А.П. Извольскому, П.А. Харитонову, А.Н. Шварцу, И.П. Шипову, И.Г. Щегловитову, А.В. Кривошеину, П.П. Извольскому.

Письмо И.П. Балашову

7 декабря 1908 г

Многоуважаемый

Иван Петрович,

Благодарю Вас сердечно за ваши любезные строки и за интересные мысли, изложенные в них. Они во многом совпадают с моими.

Примите уверения в искреннем моем уважении и преданности.

П. Столыпин

7 декабря 1908 года

№ 905

РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 574. Л. 4.

Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо И.Г. Щегловитову

13 декабря 1908 г.

Милостивый Государь,
Иван Григорьевич.

Вследствие письма от 9-го мин[увшего] ноября, за № 621, имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что 15-го марта 1906 года, за № 5429, бывшим министром внутренних дел П.Н. Дурново, действительно, сообщено было московскому генерал-губернатору о возможности сохранения применявшегося до последнего времени московскою полициею дозволения евреям купцам 1-й гильдии, приписанным к городам вне черты еврейской оседлости, проживать в гор. Москве и Московской губернии, без ограничения числа приездов и времени пребывания.

Разъяснение это дано было в целях успокоения умов еврейского торгово-промышленного класса, в среде которого сильное волнение вызвало незадолго до того высказанное Министерством внутренних дел заключение, что евреям иногородним купцам может быть предоставлено право приезда в города Московской губернии лишь применительно к ст. 20 прил. к ст. 68 Уст. пасп., изд. 1903 г.

При этом, однако, московскому генерал-губернатору было указано на временный характер этой меры, так как окончательное разрешение вопроса о правах иногородних купцов на жительство и торговлю в гор. Москве и Московской губернии зависит от Правительствующего Сената, на рассмотрении коего находится жалоба с.-петербургского купца еврея Лазаря Лурье[1].

Ввиду сего, вполне присоединяясь к высказанному большинством гг. сенаторов и разделяемому Вашим Высокопревосходительством мнению, что установленные Высочайше утвержденным 22 января 1899 г. Положением Комитета министров ограничительные постановления распространяются и на евреев иногородних купцов 1-й гильдии, получивших право повсеместного жительства, я нахожу, что распоряжение министра внутренних дел, сообщенное московскому генерал-губернатору 15-го марта 1906 года, за № 5429, не может служить препятствием к дальнейшему направлению дела Лурье в установленном порядке, и что, с воспоследованием указа Правительствующего Сената по сему делу, распоряжение это утратит свою силу.

Вместе с сим, однако, я считаю нужным обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на те последствия, которые по-

влечет за собою решение дела Лурье в изъясненном смысле и с которыми, по мнению моему, нельзя не считаться.

Имеющее огромное принципиальное значение дело это находится на рассмотрении Правительствующего Сената с марта 1901 года. К этому времени в Москве уже находилось на жительстве значительное число евреев иногородних купцов, имевших там торговые предприятия. Все они были временно оставлены на дальнейшее жительство, впредь до решения дела Сенатом. Кроме того, за время с 1901 года на жительство в Москву прибывали и другие евреи-купцы той же категории, причем многим из них, принесшим в Сенат жалобы на московскую администрацию за недозволение им жительства и торговли в городе Москве, указами Правительствующего Сената также разрешено временное, впредь до рассмотрения дел их по существу, жительство и торговля в гор. Москве.

По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, не проверенным официальным порядком, евреев 1-й гильдии купцов, приписанных к городам внутренних губерний, проживает в Москве до 200, а вместе с членами их семейств до 1000 душ. Многие их этих лиц проживают в Москве значительное число лет, занимая определенное положение, ведут крупные торговые обороты, имеют фабрики и заводы с большим числом рабочих и служащих, и годичный торговый оборот еврейских фирм достигает 100 миллионов рублей.

Несомненно, что немедленное, вслед за воспоследованием указа Правительствующего Сената по делу Лурье, выселение евреев указанной категории может вызвать сильное потрясение имущественных интересов московского торгового класса, ибо закрытие и ликвидация крупных торговых предприятия повлечет за собою не только значительные убытки для купцов-евреев, но чувствительно отразится и на христианском населении, тесно связанном с ними торговыми делами, кредитом и трудом, что, конечно, не может быть желательно не только в настоящее трудное для нашей торговли и промышленности время, но и в другое время, более спокойное. Нельзя также не указать и на то, что вместе с подлежащими выселению из Москвы евреями, ввиду их задолженности, могут пострадать и состоящие с ними в торговых отношениях иностранные фирмы.

Крупное влияние евреев на денежном рынке, составляющее мировой факт, заставляет стремиться к устранению поводов, которые могут вызвать не только временные затруднения в сфере тор-

гово-промышленных оборотов, но и вести иногда к значительному для государства ущербу.

При издании закона 22-го января 1899 года Комитетом министров было обращено особое внимание на те невыгодные последствия для интересов Московского фабрично-промышленного района, которые могло повлечь за собою полное устранение евреев из состава московского купечества, ввиду чего в п. 5 означенного закона и было включено указание о том, что действие содержащихся в нем ограничений не распространяется на евреев купцов 1-й гильдии и членов их семейств, уже приписанных ко дню его обнародования к купечеству гор. Москвы и Московской губернии.

По приведенным соображениям я, с своей стороны, полагал бы желательным, если бы Ваше Высокопревосходительство, предварительно окончания, в установленном порядке, дела Лурье, по сношении с министром торговли и промышленности, внесли на обсуждение Совета министров вопрос о том, не представляется ли нужным, во избежание могущих произойти осложнений в правильном течении торговой жизни Московского района, испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на назначение евреям иногородним купцам, проживающим ныне в гор. Москве и производящим самостоятельную торговлю, достаточных сроков для ликвидации дел.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

№ 639

РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 35. Л. 9–10об.

Машинопись. Копия.

22 января 1899 г. было Высочайше утверждено Положение Комитета министров, согласно которому евреи-купцы 1-й гильдии могли водворяться на постоянное жительство и выбирать промысловые и сословные купеческие свидетельства, дающие право на звание купцов 1-й гильдии по Москве и городам Московской области не иначе как с особого, каждый раз, разрешения, выдаваемого министром финансов по соглашению с московским генерал-губернатором. При этом специально оговаривалось, что указанное ограничение не распространяется на евреев-купцов 1-й гильдии, уже приписанных ко дню обнародования Положения о евреях, приписанных к московскому купечеству. Однако, вопреки Положению, евреи продолжали селиться в Москве и когда купцу 1-й гильдии Лазарю Лурье министр внутренних дел отказал в праве жительства в Москве, тот подал на это распоряжение жалобу в Правительствующий Сенат. Большинство сенаторов и министры юстиции высказались за то, чтобы

оставить жалобу без последствий. С этим согласился Совет министров, который, однако, принял во внимание, что «выселение евреев-купцов 1-й гильдии, незаконно поселившихся в Москве и прочих городах Московской губернии и оставленных там на жительство временно, впредь до разрешения дела Лурье по существу, повлекло бы за собой прекращение деятельности принадлежащих им торговых и промышленных предприятий, что, несомненно, крайне тяжело отозвалось бы не только на самих владельцах предприятий, но и на множественном христианском населении, связанном с оными торговыми делами, кредитом и личным заработком». Кроме того, по мнению Совета министров, эта мера произвела бы весьма неблагоприятное впечатление за границей и создала бы правительству немалые затруднения при заключении иностранных займов. Своим Положением от 22 августа 1909 г. Совет министров разрешил евреям-купцам 1-й гильдии, «проживающим в городе Москве и прочих городах Московской губернии, но приписанным к купеческим обществам в других местностях Империи, вне черты еврейской оседлости, право дальнейшего в сих городах жительства без требуемого Высочайше утвержденным, 22 января 1899 года, Положением Комитета министров (*Свод. зак., т. XIV, Уст. пасп., изд. 1903 г., ст. 68, прил.: ст. 12*) особого разрешения, но с соблюдением всех остальных условий, в означенном Высочайшем повелении установленных» (*3 ПСЗ. – Т. 29. – № 52502*). Для реализации Положения 22 января 1909 г. было созвано Особое совещание под председательством московского градоначальника, которое выработало следующие положения: 1) на жительство в Москве оставлялись евреи-купцы 1-й гильдии и члены их семей (несовершеннолетние сыновья и незамужние дочери), которые к 21 августа 1909 г. постоянно проживали в Москве и городах Московской губернии свыше 6 мес.; 2) все остальные евреи-купцы 1-й гильдии, прибывшие в Москву и города Московской губернии после 22 января 1899 г., должны были быть допускаемы к проживанию, применительно к п. 20 прил. к ст. 68 Уст. пасп., изд. 1903 г., лишь временно в течение 6 мес.: а) несовершеннолетние сыновья и незамужние дочери евреев-купцов 1-й гильдии, поселившиеся совместно с родителями в Москве и городах Московской губернии, по Положению 22 января 1899 г., могли быть оставлены на постоянном жительстве в названных местностях; б) что касается совершеннолетних сыновей, прибывших на жительство по обнародовании Положения 22 января 1899 г., «то к их оставлению на жительство в Москве и прочих городах Московской губернии формальных оснований не усматривалось». Однако совещание признало, что «участие купеческих сыновей этой категории может оказаться необходимым для продолжения торговых дел их отцов». Совещание сочло необходимым распространить на них льготу, но только для тех, кто принимает «действительное участие в заведовании торговыми делами своих родителей». Купеческие сыновья, обучающиеся в высших учебных заведениях, могли быть оставлены в Москве до окончания ими образования в высших учебных заведениях, но «не в качестве купеческих сыновей, а лишь как воспитанники этих учебных заведений». Тем евреям-купцам 1-й гильдии и их семействам, которые не подлежали оставлению на постоянное жительство, но уже выбрали на текущий год промысловые свидетельства, «подлежит назначить для ликвидации торговых предприятий и на выезд срок, до 1 января 1911 г., тем же из них, которые в Москве торговых предприятий не имеют – по 1 ноября 1910 г. 24 августа 1910 г. Совет министров рассмотрел вопрос о порядке выполнения Высочайше утвержденного 22 августа 1909 г. Положения Совета министров. 6 октября 1910 г.

журнал Совета министров был утвержден царем (*Особый журнал Совета министров Российской империи. 1910. – М., 2001. – С. 312–314*).

[1] Лурье Лазарь Наахович – почетный гражданин, вел в Москве москательную и масляничную торговлю.

Письмо А.Н. Шварцу

21 декабря 1908 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему, в 18 день сего декабря, Всемилостивейше соизволил на образование Особого, под моим председательством, совещания для всестороннего рассмотрения вопроса о дальнейшем издании «Московских ведомостей»[1] в составе министров народного просвещения и финансов, Государственного контролера и начальника Главного управления по делам печати.

Уведомляя о таковом Высочайшем повелении, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство пожаловать на Совещание по означенному предмету, имеющее быть в понедельник 22 сего декабря, в 4 часа пополудни, в здании Зимнего Дворца.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

П. Столыпин
21 декабря 1908 г.
№ 11816

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 627. Л. 5.
На бланке «Министр внутренних дел по Главному управлению по делам печати».
Машинопись. Подлинник с подписью.

[1] «Московские ведомости» – ежедневная газета, выходила в Москве, в 1756–1917 гг. редактор В.А. Грингмут; с № 223 1907 г. А.Э. Нольде; в 1908–1909 гг. А.С. Будилович; в 1909–1913 гг. Л.А. Тихомиров. Издатель В.А. Грингмут; с № 225 1907 г. Л. Грингмут (она); с 1908 г. А.С. Будилович; с № 290 Е.А. Будилович (она); с 1909 г. А.Э. Нольде; с № 11 1909 г. Л.А. Тихомиров. В качестве приложения до 1914 г. публиковались отчеты попечительств, правительственные сообщения, объявления о торгах и другой ведомственный материал; в 1904–1905 гг. издавался еженедельник Особого комитета о благотворительности Москвы в деле помощи раненым и пострадавшим вследствие военных действий на Дальнем Востоке.

Письмо И.П. Сазоновичу

28 декабря 1908 г.

Милостивый Государь
Иван Петрович.

Земские и городские общественные учреждения в последнее время с целью получить справки и сведения из центральных и высших правительственных установлений как вообще по всякого рода специальным отраслям местного хозяйства, так и о положении находящихся в производстве названных установлений дел подлежащего земства или города, нередко командируют в Санкт-Петербург своих представителей или же, как некоторые большие города, имеют в столице своих постоянных поверенных.

Желая оказать в этом деле содействие земским и городским учреждениям, а также в целях возможного предупреждения расходов, вызываемых для земств и городов означенными командировками и уплатой вознаграждения за подобные услуги поверенным, я признал целесообразным учредить при Совете по делам местного хозяйства справочный отдел[1], по предварительному обсуждению общим присутствием означенного Совета обязанностей проектируемого учреждения.

Препровождая при сем утвержденное мною Временное положение о справочном отделе и принимая во внимание, что успешная его работа возможна лишь при содействии других центральных учреждений, располагающих необходимыми для отдела сведениями, долгом считаю обратиться к Ваше[му] Превосходительству с покорнейшею просьбою: не благоволите ли признать возможным сделать распоряжение, чтобы подведомственные Вам учреждения по производящимся у них делам, касающимся земских и городских установлений, сообщали представителям справочного отдела в той или иной форме, какая будет более удобной, вне всякой формальной переписки, подлежащие сведения.

Заведующим справочным отделом состоит непременный член Совета по делам местного хозяйства д[ействительный] с[татский] с[оветник] Ислявин[2]. В помощь ему мною назначены делопроизводитель Главного управления по делам местного хозяйства колл[ежский] сов[етник] Блюменау[3], столоначальник старшего оклада Департамента общих дел колл[ежский] сов[етник] Пашенный[4] и причисленные к МВД тит[улярный] сов[етник] Сумцов[5] и Износков и колл[ежский] секр[етарь] кн[язь] Голицын[6].

В случае расширения деятельности отдела или каких-либо изменений в его составе, я не премину немедленно уведомить о сем Ваше Превосходительство.

Примите, Милостивый Государь, уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–2.
Машинопись. Копия.

[1] Справочный отдел при Совете по делам местного хозяйства был образован в целях информирования органов местного самоуправления о деятельности центральных учреждений. Инициатором его создания стал непременный член (руководитель аппарата) Совета М.В. Ислявин. 19 ноября 1908 г. он был назначен заведующим справочным бюро при Главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, а с утверждением 5 декабря 1908 г. Временного положения о справочном отделе при Совете по делам местного хозяйства стал председателем этого дела. 18 декабря 1908 г. справочный отдел разослал 2700 извещений в органы местного управления и самоуправления, в которых приглашал обращаться за справками. В год поступало несколько сотен запросов, как правило, по такого рода вопросам: на каком этапе в том или ином министерстве находится дело или ходатайство; включены ли те или иные пункты в государственную роспись или смету того или иного ведомства; где достать те или иные законодательные или нормативные акты. Ответ давался по преимуществу в течение недели. С января 1909 г. справочный отдел начал издавать ежемесячный журнал «Известия по делам земского и городского хозяйства» (тираж ок. 1200 экз.).

[2] **Ислявин** Михаил Владимирович — действительный статский советник, с 10 июля 1898 г. на службе в Министерстве внутренних дел, с 20 октября 1905 г. управляющий отделом земского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства. Член Совета по делам местного хозяйства

[3] **Блюменау** Эмилий Бернардович — коллежский советник, с 25 июня 1904 г. делопроизводитель 1-го делопроизводства отдела земского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства.

[4] **Пашенный** Леонтий Николаевич — коллежский советник, с 10 мая 1902 г. на службе в Министерстве внутренних дел, с 1 января 1903 г. столоначальник старшего оклада II отделения Департамента общих дел.

[5] **Сумцов** Евгений Семенович — титулярный советник, с 4 февраля 1908 г. причислен к Министерству внутренних дел, служил в 1-м делопроизводстве отдела земского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства.

[6] **Голицын** Николай Николаевич — князь, коллежский секретарь, 25 мая 1906 г. откомандирован для службы в Главное управление по делам местного хозяйства.

1909

Письмо А.А. Поливанову[1]

не позднее 8 января 1909 г.

Милостивый Государь
Алексей Андреевич.

В текущем январе месяце в г. С.-Петербурге созывается съезд непременных членов губернских присутствий для обсуждения вопросов, касающихся крестьянского землеустройства и других, изложенных в препровождаемой при сем программе.

О командировании для участия в заседаниях означенного съезда представителей от центральных управлений Министерства внутренних дел уже сделаны соответствующие сношения. Независимо сего долгом считаю обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли возможным лично почтить своим присутствием заседания помянутого съезда.

Первое заседание съезда назначено 10 сего января в 9 часов вечера в помещении Совета по делам местного хозяйства (Морская ул., д. № 61).

Примите уверение в моем отличном к Вам уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 20. Л. 27. Машинопись.

[1] **Поливанов** Алексей Андреевич (1855—1920) — военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1911). В 1899—1904 гг. главный редактор журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид». С ноября 1904 г. управляющий делами Главного крепостного комитета. С января 1905 г. генерал-квартирмейстер, с июня 1905 г. начальник Главного штаба. С апреля 1906 г. помощник военного министра. С 1912 г. член Государственного совета, примыкал к правым. С июня 1915 г. по март 1916 г. военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. Затем вышел в отставку.

Письмо И.Г. Щегловитову

8 января 1909 г.

Милостивый Государь,
Иван Григорьевич.

Обер-прокурор Св[ятейшего] Синода сообщил мне, что Св[ятейший] Синод, усмотрев в изданных в Москве книжках гр[афа] Л.Н. Толстого, под заглавием «Учение Христа, изложенное для де-

тей», полное отрицание Божественности Иисуса Христа и искажение Его учения, приняв во внимание, что в них, под видом слов Господа, помещены собственные слова автора, выражающие излюбленные его идеи, и что распространение этих книжек, разрушающих самое дорогое для души ребенка – религиозное чувство, может повлечь за собою гибельные для детей последствия, предоставил ему войти в сношение с председателем Совета министров и просить его о принятии соответствующих мер к изъятию упомянутых книжек из обращения в публике.

Запрошенный по сему делу, Московский Комитет по делам печати сообщил, что вышеназванная брошюра Л.Н. Толстого, поступившая в Комитет 11 сентября минувшего года, обсуждалась в заседании 13 сентября, причем Комитет, не находя в действующем законодательстве о печати оснований для возбуждения по ней судебного преследования, постановил – ареста на эту брошюру не налагать и судебного преследования по настоящему делу не возбуждать. Тем не менее, брошюра была арестована, по распоряжению московского генерал-губернатора, на основании Положения о чрезвычайной охране.

Приведенное постановление Московского Комитета по делам печати основывалось на том соображении, что в рассматриваемом сочинении Л.Н. Толстого нет богохуления, кощунства и оскорбления чтимых православными христианами святынь, – что единственно предусматривается ст. 73 Угол. улож.; статьи же, карающей за отрицание Божественности Христа и вообще догматов веры, в уголовном законе не имеется. При этом необходимо заметить, что настоящее сочинение гр[афа] Л.Н. Толстого отличается от «Евангелия» и других его сочинений, касающихся христианства и церкви, совершенным отсутствием полемики и каких-либо выпадов против учения церкви и не выражает нигде прямого его отрицания; отрицательное отношение автора к этому учению сказывается лишь в абсолютном умолчании его о Божественности Христа и о Его чудесах, в особенности о тех, которыми окружены были Его рождение и смерть. И Св[ятейший] Синод в своем отзыве об этой брошюре, изложенном в отношении обер-прокурора Св[ятейшего] Синода, не находит в ней признаков богохуления или кощунства, а усматривает лишь отрицательное отношение к церковному учению и, если обращается с ходатайством об изъятии указанной книжки из обращения, то, очевидно, делает это в уверенности, что правительственная власть все же вправе, опираясь на действующий уголовный закон, подвергать за-

прещению и изъятию из обращения в публике издания, не отвечающие требованиям церковной догматики. Между тем, в действительности, закон ей такого права не предоставляет, и отсюда сам собою возникает вопрос о недостаточности нашего законодательства по этому роду дел и предположение о том, что наш уголовный закон должен бы быть пополнен карательной статьей, предусматривающей отрицательное отношение к догматам веры и учению Православной церкви со стороны печати.

Ввиду изложенного я, предварительно сообщения обер-прокурору Св[ятейшего] Синода необходимых по настоящему вопросу сведений, считаю долгом просить Ваше Превосходительство не отказать в сообщении мне Вашего по этому предмету заключения.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в совершенном почтении и преданности.

П. Столыпин
8 января 1909 года
№ 181

РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 617. Л. 1–2об.
На бланке «Министр внутренних дел. По Главному управлению по делам печати». Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо Е.В. Богдановичу

15 января 1909 г.

Конфиденциально

Милостивый Государь,
Евгений Васильевич.

Государь Император, по всеподданнейшему моему докладу, в 14 день сего января, Всемилостивейше соизволил назначить Вам, во внимание к Вашей долголетней отлично-усердной службе, взамен аренды, пожизненное негласное пособие по 2000 руб. в год с тем, чтобы выдача этого пособия производилась в сроки, установленные для выдачи аренд.

О таковой Монаршей милости имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
15 января 1909 г.

РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо И.Г. Щегловитову

16 января 1909 г.

Милостивый Государь
Иван Григорьевич.

Медицинским советом, в порядке ст. 5 Высочайше утвержденного 22 марта 1904 г. Положения о Совете, возбужден, между прочим, вопрос о том, чтобы все мероприятия Высочайше утвержденной Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумною заразою, прежде чем войти в законную силу, рассматривались в Медицинском совете, причем, чтобы в экстренных случаях, при невозможности, ввиду спешности дела, исполнить это, в названную Комиссию приглашались, в качестве представителей Медицинского совета, председатель его и избранные для сего два члена Совета с правом решающего голоса.

Относительно первой части постановления Медицинского совета считаю необходимым указать, что оно не требует какого-либо изменения установленного порядка, так как и в настоящее время все дела, нуждающиеся в какой-либо мере освещения с научной стороны, предварительно рассмотрения их Высочайше учрежденной Комиссией о мерах предупреждения и борьбы с чумною заразою, вносятся на обсуждение Медицинского совета.

Вместе с тем, принимая во внимание, что Медицинский совет является высшим в Империи компетентным учреждением по вопросам об охранении народного здравия, я находил бы вполне соответственным, чтобы в обсуждении мероприятий против чумы и холеры, входящих в круг ведения Высочайше учрежденной Комиссии, принимал участие представитель от Медицинского совета не только в тех исключительных случаях, о которых упоминается в вышеприведенном постановлении Медицинского совета, но и постоянно в качестве члена Комиссии с правом решающего голоса. Таким представителем я бы считал наиболее целесообразным назначить председателя Медицинского совета. Что же касается введения в Комиссию, сверх председателя, еще двух членов Совета, то это представлялось бы, по моему мнению, излишним, тем более, что в случае необходимости выслушать по какому-либо делу мнение специалистов по той или иной отрасли медицины, Комиссия имеет возможность приглашать с этой целью соответственных членов Медицинского совета.

Предварительно внесения на рассмотрение комиссии вопроса о включении в ее состав председателя Медицинского совета, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня своим, по настоящему делу, заключением.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

П. Столыпин
16 января 1909 года
№ 36

РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 626. Л. 1–2.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо А.А. Макарову

4 февраля 1909 г.

Милостивый Государь
Александр Александрович,

Государь Император просил приказать мне передать Вашему Превосходительству о представлении к подписанию Его Величества Указа о причислении обер-прокурора Св[ятейшего] Синода Извольского членом Государственного совета.

Вместе с тем мною сделано сношение со статс-секретарем Танеевым о назначении т[айного] с[оветника] Лукьянова обер-прокурором Св[ятейшего] Синода.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности*.

П. Столыпин
4 февраля 1909 года

РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 216. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* На письме помета синим карандашом: Сегодня же заготовить проект Высочайшего указа и отослать его председателю Государственного совета.

Помета простым карандашом: Желательно послать сегодня же проект указа, так как С.М. Лукьянов назначен указом от 5 сего февраля.

5/5.9 [Акимов]

Письмо графу С.Ю. Витте

11 февраля 1909 г.

Милостивый Государь
граф Сергей Юльевич.

Немедленно по прочтении присланной Вами мне статьи я приказал обсудить в Комитете по делам печати, какие возможно принять меры против газет, напечатавших инкриминируемую статью.

Из прилагаемой справки Вы изволите усмотреть, что обвинение может быть возбуждено лишь в порядке частного обвинения.

Очень жалею, что не могу оказать Вам содействия в этом деле и прошу Вас принять уверение в искреннем моем уважении и преданности*.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 377. Л. 1–2об.
Машинопись. Копия.
Опубл.: Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М., 1991. – С. 207.

При обсуждении вопроса о возможности возбуждения судебного преследования против газеты «Русская земля» за перепечатанную из газеты «Русское знамя» статью «Гр. Витте и провокация», С.-Петербургский Комитет по делам печати остановился на том, что как ст. 281/i Улож. о наказ., так и обязательное постановление с.-петербургского градоначальника к данному случаю применены быть не могут ввиду того, что и приведенная статья закона, и действующее в Петербурге обязательное постановление предусматривают ложные сведения лишь о таких действиях должностных лиц, которые якобы совершены ими во время состояния в занимаемой ими должности.

Закон в ст. 281 Уложения устанавливает ответственность не в целях охраны личной чести и достоинства должностных лиц, а в интересах ограждения их служебного положения. В этом и заключается одно из существенных отличий ст. 281/i от ст. 1535 Улож. о наказ., причем правильность указанного соображения подтверждается не только общим смыслом закона, но также и тем, что ст. 281/i Улож. о наказ. помещена в разд. IV Улож. о наказ. «О преступлениях и проступках против порядка управления» и в главе II этого раздела, предусматривающей «оскорбление и явное неуважение к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности».

---

* На письме помета графа С.Ю. Витте: «Была напечатана самая пасквильная статья об моей жене (сплошная бесконечная ложь). Я послал ее премьеру и это его ответ. Одновременно газеты ежедневно штрафуются иногда без всякого повода. Попробуй газета сказать что-либо о двоюродной племяннице г-на Столыпина, сейчас получила бы возмездие».

На основании изложенного в рассматриваемой статье газеты «Русская земля» могло бы быть усмотрено лишь преступление, предусмотренное ст. 1535 Улож. о наказ., причем преследование против лиц, виновных в опубликовании статьи «Гр. Витте и провокация», напечатанной в газете «Русская земля» и перепечатанной затем в газете «Русское знамя», могло бы быть возбуждено лишь в порядке обвинения с применением, по желанию потерпевшего, ст. 16 разд. VII закона 24 ноября 1905 года.

Письмо Н.А. Хомякову

16 февраля 1909 г.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич.

Министр народного просвещения сообщил мне, что некоторые из внесенных в Государственную думу Министерством народного просвещения законопроектов отклонены комиссиями Государственной думы, причем на заседания последних представители названного ведомства приглашены не были. По этому поводу сенатор Шварц указывает, что такой порядок рассмотрения законопроектов без выслушания объяснений представителей ведомства, крайне затрудняет отстаивание и проведение дела в общем собрании Государственной думы. Между тем, если бы комиссии своевременно ознакомились с объяснениями означенных представителей, то, весьма возможно, что по некоторым делам заключения комиссий были бы иными и более благоприятными для ведомства. Признавая приведенное заявление министра народного просвещения заслуживающим полного внимания, долгом считаю обратиться к Вашему Превосходительству с покорною просьбою не отказать в зависящем содействии к тому, чтобы комиссии Государственной думы при рассмотрении передаваемых на их обсуждение законопроектов приглашали для сообщения объяснений представителей заинтересованных ведомств, в особенности в тех случаях, когда комиссия предполагает внести в законопроект какие-либо изменения или отвергнуть его.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
16 февраля 1909 г.
№ 775

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 43-43об.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Подлинник.

Приведенное мнение премьер-министра Н.А. Хомяков довел до сведения председателей думских комиссий. В ответах, представленных комиссиями, безусловная поддержка П.А. Столыпину была выражена только председателем комиссии по судебным реформам Н. Шубинским, остальные, так или иначе, указали, что приглашение представителей ведомств является правом, а не обязанностью комиссий. Со своей стороны Хомяков в ответном письме П.А. Столыпину от 20 февраля 1909 г. за № 423 сообщил, что «по установившемуся порядку комиссии приглашают в свои заседания представителей ведомств при рассмотрении тех законопроектов, по которым *они считают необходимым* иметь какие-либо разъяснения или дополнительные сведения» (*см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 44–44об.*).

Письмо А.Н. Шварцу

17 марта 1909 г.

17 марта 1909 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Очень прошу Вашего благосклонного содействия к содержательницам училища здесь по фамилии Тизегольд[1]. Они будут просить об обращении училища в прогимназию.

Училище идеальное.

Преданный Вам

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 23.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Правильное написание фамилии – Тизегольт. Одна из сестер – Софья Робертовна Тизегольт, дочь коллежского советник, числилась заведующей частного учебного заведения.

Письмо барону Э.Ю. Нольде

20 марта 1909 г.

Милостивый Государь

Эммануил Юльевич.

Письмо Вашего Превосходительства получил.

Я ничуть не забыл содержание своей телеграммы, о которой Вы мне напоминаете.

Меня удивляет только, что Вы могли толковать ее как отказ от прав, принадлежащих мне как председателю Совета министров.

Я в телеграмме своей позволил себе указать Наместнику на установленный законом порядок направления подобных дел, но удивился, если бы гр[аф] Воронцов-Дашков понял мое заявление как отказ за Совет министров иметь суждение по важному политическому делу.

Пока я Председатель Совета министров, я к такому распаду и развалу правительственной власти рук не приложу и могу только удивляться подобным попыткам.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

20 марта 1909 г.

РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 230. Л. 3–4.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Телеграмма А.Н. Шварцу

28 марта 1909 г.

Ливадия

Шлю Вам сердечное поздравление [с] праздником Светлого Христова Воскресения и прошу Вас передать всем нашим товарищам лучшие мои пожелания. Тут очень хорошо, несмотря на холодную погоду, мы все, видимо, поправляемся.

[Подписано:] Петр Столыпин

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 627. Л. 8. На телеграфном бланке.

Письмо А.Н. Шварцу

2 апреля 1909 г.

2 апреля 1909 г.

Ливадия

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Благодарю Вас за Ваше письмо, которое мне доставило большое удовольствие. Примите и мое сердечное поздравление с праздником и *искреннее* пожелание успеха в Вашей работе. Этот учебный сезон, начавшийся так бурно, заканчивается, кажется, благодаря Богу, спокойно, и я так хотел бы, чтобы, с Вашей легкой руки, школьное наше дело было, наконец, поставлено на рельсы.

Тут была такая ужасная погода, что я простудился и сидел дома, но сегодня, слава Богу, настоящий летний день.

Недели через две надеюсь пожать Вашу руку. Верьте в искреннее мое уважение и преданность.

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 25.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Н. Шварцу

10 апреля 1909 г.

Срочное

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Посылаю Вам письмо известного деятеля Северо-Западного края Миркевича. Не посетуйте на некоторые его нарекания на виленского попечителя и не откажите в Вашем благосклонном внимании ко вдове Грязнова.

Грязнов был замечательный человек и хотя пребывал всю жизнь в скромной должности учителя рисования, но сделал он для русского дела в крае больше, чем многие ген[енерал-]губернаторы — его знали и уважали все русские в Сев[еро-]Зап[адном] крае и было бы позорно дать его вдове пенсию, как вдове заурядного учителя.

Буду сердечно Вам благодарен, если Вы обратите особое внимание на это дело.

Рассчитываю приехать в Петербург 20-го или 21-го.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь

искренне преданный Вам П. Столыпин

10 апреля 1909 г.

Ливадия

№ 11816

РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 627. Л. 7–7об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо Н.А. Хомякову

30 апреля 1909 г.

Милостивый Государь

Николай Алексеевич.

Отношениями от 19 и 24 минувшего марта канцелярия Государственной думы обратилась ко мне с заявлением о том, что для

рассмотрения в образованной при Государственной думе подкомиссии законодательного предположения о введении земского самоуправления в губерниях Астраханской и Ставропольской представляется необходимым получение от Министерства внутренних дел ряда цифровых и иных данных, касающихся названных губерний.

Вследствие этого имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я не нахожу законных оснований возлагать на учреждения Министерства внутренних дел, помимо прямых их обязанностей, разработку цифровых данных или выполнение других работ по указанию образованной при Государственной думе подкомиссии, тем более, что в настоящем случае отсутствует и самый повод для передачи означенного выше законодательного предположения на обсуждение особой подкомиссии из среды Государственной думы, так как выработку соответствующего законопроекта министерство принимает на себя.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин
30 апреля 1909 г.
№ 3250

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Д. 58–58об.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник.

Записка И.Г. Кноллю[1]

3 мая 1909 г.

3 мая
В[есьма] срочно

Я не знаю, каким порядком должен быть утвержден этот устав. Я обещал студентам, что устраню все затруднения, распоряжусь их уведомить, куда они должны подать прошения, не надлежит ли сделать какие-либо изменения или дополнения в уставе.

Разберитесь в этом деле, вызовите потом к себе Ухтомского и облегчите *скорейшее* проведение этого дела по инстанциям.

3 мая

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 78. Л. 38–38об.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф

В связи с поступавшими ходатайствами о создании студенческих обществ в Министерстве внутренних дел за подписью П.А. Столыпина была подготовлена сводная информация «Об утверждении уставов "Всероссийского национального студенческого союза", "Академического студенческого клуба" и "С.-Петербургского студенческого яхт-клуба"».

Изложение дела. В Министерство внутренних дел поступили ходатайства:

1) студентов С.-Петербургских институтов Политехнического — князя Николая Ухтомского, Горного — Николая Емельянова и Императорского университета — Михаила Монахова об утверждении проекта устава «*Всероссийского национального студенческого союза*»;

2) студента С.-Петербургского Политехнического института Льва Балицкого об утверждении проекта устава общественного собрания «*Академический студенческий клуб*»,

и 3) сообщенное Министерством торговли и промышленности на заключение Министерства внутренних дел ходатайство группы лиц, состоящих из студентов С.-Петербургских Императорского университета, Институтов Политехнического, Гражданских инженеров и Технологического об утверждении проекта устава «*С.-Петербургского студенческого яхт-клуба*».

Первое из названных обществ имеет целью: а) содействовать пробуждению и развитию в среде русского студенчества национального сознания; б) подготовлять будущих защитников русской государственности и народности и преданных родине работников на всех поприщах общественной деятельности; в) способствовать ознакомлению русского студенчества с культурой, задачами и нуждами своего отечества; г) объединять своих членов в тесную товарищескую семью и оказывать им нравственную и материальную поддержку (§ 1). Союз образует отделы в других городах, учреждает библиотеки, читальни, кассу взаимопомощи, бюро труда, организует кружки самообразования, художественные, музыкальные, певческие, спортивные, а также экскурсии и т. п. (§§ 2 и 3). Членами Союза могут быть учащиеся всех высших учебных заведений России, принадлежащие к коренному русскому населению или органически слившиеся с русским народом (§ 4).

«Академический студенческий клуб» имеет задачею товарищеское объединение своих членов на почве науки, искусства и спорта (§ 1). В общественном собрании устраивается библиотека, читальный зал, столовая, зал для спорта, бильярд, кегельбан и т. п., организуются семейные и танцевальные вечера, спектакли, балы, маскарады, спортивные состязания и т. п. (§§ 2 и 3). Действительными членами могут быть только те из учащихся в высших учебных заведениях, которые состоят членами учрежденных в этих заведениях академических организаций. Под академическими организациями разумеются такие, установленным порядком утвержденные общества, кои, не преследуя политических целей, ставят своею задачею охранение и поддержание правильной учебной жизни и борьбу с забастовками (§ 4).

Наконец, Яхт-клуб, не преследуя никаких политических целей, ставит своею задачею теоретические и практические занятия водным спортом (§ 1), для чего приобретает суда, устраивает гонки, экскурсии, а равно чтения, собеседования и т. п., учреждает библиотеку и друг. (§§ 2—5). Членами могут быть все студенты С.-Петербургских высших учебных заведений, а также лица, принадлежащие к составу сих заведений (§ 13).

По статье 7-ой отд. 1 Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил о союзах и обществах допускается образование учащимися в высших

учебных заведениях обществ, действующих вне этих заведений, «лишь на основаниях, особо определяемых в уставах подлежащих учебных заведений». Между тем в уставах сих заведений, по сведениям Министерства народного просвещения, не только не указываются какие-либо основания для образования студенческих обществ вне или внутри учебных заведений, но даже и о самом праве студентов образовывать какие-нибудь общества не упоминается.

На этом основании министр народного просвещения не признал возможным высказаться за разрешение проектируемых трех студенческих обществ, предназначенных действовать вне учебных заведений, впредь до изменения приведенной статьи закона, в смысле предоставления учащимся высших учебных заведений учреждать общества вне этих заведений на общих основаниях. В принципе же тайный советник Шварц в отношении студенческих обществ и собраний вне учебных заведений держится того мнения, что разрешение таковых не только не должно было бы встречать препятствия, при наличности необходимых к тому условий, но должно быть решительно предпочтено разрешению таких же обществ и собраний в стенах учебных заведений.

С своей стороны я не могу не остановиться на том, что изменение ст. 7 отд. 1 закона 4 марта 1906 г. может последовать лишь в связи с общим пересмотром означенного закона, производящимся ныне в Министерстве внутренних дел и требующим некоторого времени; выделение же этой статьи для самостоятельного ее изменения представлялось бы несоответственным. Между тем, ввиду исключительно полезных целей означенных студенческих обществ, представлялось бы настоятельно необходимым ныне же утвердить представленные проекты уставов.

Посему и принимая во внимание, что статья 5-ая отд. 1-го закона 4-го марта 1906 года предусматривает возможность утверждения уставов обществ, образуемых «на основаниях, не соответствующих правилам настоящего узаконения, предоставляя таковое подлежащему министру или главноуправляющему отдельною частью», я полагал бы наиболее целесообразным, не дожидаясь законодательного изменения Высочайше утвержденных 4-го марта 1906 года Временных правил о союзах и обществах, утвердить означенные проекты уставов в порядке статьи 5-ой отд. 1, первые два по М[инистерст]ву в[нутренних] д[ел], а третий, как устав Яхт-клуба, по М[инистерст]ву тор[говли] и пром[ышленности], причем от сих министерств будет зависеть внести в эти уставы необходимые изменения и дополнения.

По этому поводу я вошел в сношение с министром народного просвещения, но тайный советник Шварц остается при взгляде о невозможности утверждения этих уставов при действии Высочайше утвержденных 4-го марта 1906 года Временных правил о союзах и обществах.

Вследствие сего и на основании ст. 1 Учрежд. Совета министров (*Свод. зак., т. I, ч. 2 по Прод. 1906 г.*), имею честь об изложенном представить на благоусмотрение Совета министров, с приложением проектов уставов обществ.

Подп[исал:] Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
Скр[епил:] А.Арбузов
24 сентября 1909 г.
№ 22104

(РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 78. Л. 53—54об. На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись. Подлинник с правкой П.А. Столыпина. Проект).

[1] Кнолль Иосиф Грацианович — коллежский советник. С 20 сентября 1890 г. на службе в Министерстве внутренних дел. Управляющий канцелярией саратовского губернатора П.А. Столыпина, член губернского Статистического комитета. Входил в Саратовское отделение Крестьянского поземельного банка как член по назначению от губернатора. Входил также в губернский Училищный совет, казначей саратовского Дамского попечительства о бедных. С 2 декабря 1905 г. до 10 февраля 1907 г. бессарабский губернатор, статский советник. В звании камергера, действительный статский советник (1907), с 1 июля 1908 г. директор канцелярии министра внутренних дел П.А. Столыпина.

Письмо графу С.Ю. Витте

4 мая 1909 г.

Милостивый Государь
граф Сергей Юльевич,

Ввиду выраженного Вашим Сиятельством желания, мною будут приняты меры к ознакомлению читающей публики с существом дела Дуранте[1], как оно выясняется последним журналом Совета министров.

По подробном ознакомлении с делом (протекавшим в мое отсутствие), я предложу на обсуждение Совета министров вопрос о том, в какой форме это всего удобнее будет сделать.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство принять уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 378. Л. 1.
Машинопись. Копия.
Опубл.: Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...
Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном Совете.
1906–1911 гг. – М., 1991. – С. 207.

[1] Речь идет о неприглядной истории, связанной с понижением курса кредитного рубля, в которой был замешан председатель Департамента экономии, член Финансового комитета А.А. Абаза. Воспользовавшись конфиденциальной информацией, он вступил в сделку с одесским банкирским домом братьев Рафаловичей, принявших участие в операции по понижению курса кредитного рубля для последующей его скупки. В результате этой «операции» Абаза получил крупную сумму (около 1 млн. 700 тыс. рублей), а А.Ф. Рафалович, проиграв примерно такую же сумму, обратился за ссудой в Государственный банк, которую, при прямом содействии Абазы, получил в размере 800 тыс. рублей. После того как министром финансов стал С.Ю. Витте, А.Ф. Рафалович обратился к нему за второй ссудой, заявив, что в случае отказа он устроит скандал и на суде расскажет о махинациях Абазы. Об этом инциденте Витте доложил Александру III, который уволил Абазу с должности, но вынужден был

согласиться на выдачу второй ссуды в размере 900 тыс. рублей. Вскоре Витте посетил симферопольский помещик К.А. Дуранте, на дочери которого был женат младший из братьев Рафаловичей — Георгий. Он выразил согласие заложить свое имение под обеспечение ссуды. В конечном счете, сделка состоялась, и Рафаловичи получили ссуду из Государственного банка. Через 10 лет дело всплыло вновь, и Дуранте, потерявший имение, которое было с публичных торгов продано Государственным банком, опираясь на поддержку одесского отдела «Союза русского народа», обвинил Витте в сделке с А.Ф. Рафаловичем. В случае выигрыша судебного процесса он обещал отделу отдать половину суммы, которую рассчитывал получить с Госбанка. «Дело Дуранте» получило публичную огласку через газету «Русское знамя» и в него были втянуты многие государственные структуры. В частности, дело разбиралось в комиссии под председательством графа Д.М. Сольского, которая посчитала действия Госбанка правильными. Доклад комиссии Сольского был рассмотрен на заседании Совета министров, который признал прошение Дуранте несостоятельным. С этим решением Совета министров согласился и Николай II.

Записка И.Я. Гурлянду

9 мая 1909 г.

И.Я. Гурлянду

В какие годы и сколько времени продолжалось заведование Синодом делами католического, протестантского, еврейского и других вероисповеданий и точна ли эта справка?

П.[Столыпин]

Дайте мне также справку про положение патриарха в московский период (его приказ, суды, темницы). Собирался ли хоть один Поместный Собор со времени учреждения Св[ятейшего] Синода?

9 мая 1909 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета Министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо В.А. Сухомлинову[1]

26 мая 1909 г.

Секретно

Милостивый Государь,
Владимир Александрович.

Вследствие письма от 13-го сего мая за № 1250 считаю долгом уведомить Ваше Высокопревосходительство, что, вполне со-

глашаясь с мнением Вашим о крайней нежелательности тенденциозного изображения на сцене офицерской среды, в особенности с подбором отрицательных характеров, или вымышленных или утрированных, я, однако же, не могу не высказать опасения, что точное указание в законе, в каком виде допускаются изображения военнослужащих на сцене, может вызвать серьезные затруднения, преследование же нарушителей такого рода точных правил судом едва ли окажется целесообразным и может даже повести к совершенно нежелательным последствиям. С другой стороны, при существовании у нас драматической цензуры, судебное преследование в настоящее время могло бы касаться не самого текста драматического сочинения, а лишь отступлений от текста, разрешенного цензурою, или же способа игры актеров. Независимо от сего практика показывает, что на пределы допустимого к изображению на сцене в области драматических произведений существуют крайне разнообразные взгляды, в особенности, когда театр затрагивает быт или характерные особенности целого сословия или корпорации, а потому передача такого рода спорных вопросов на решение суда представлялась бы едва ли соответствующею тем целям, о которых упомянуто в письме Вашего Превосходительства. При существовании драматической цензуры, казалось бы, можно было бы скорее достигнуть упорядочения возбуждаемого Вами вопроса путем надлежащих руководящих указаний тем лицам, на которых эта цензура возложена.

Желая с своей стороны всецело идти в этом отношении навстречу желаниям Вашего Превосходительства, я, предварительно каких-либо распоряжений, обращаюсь к Вам с просьбою, не изволите ли Вы признать возможным сообщить мне, какие надлежало бы, по Вашему мнению, преподать драматической цензуре общие указания для руководства при разрешении представления на сцене драматических произведений, содержание которых касается быта и характеров офицерской среды.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

26 мая 1909 г.

№ 4806

РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 961. Л. 2–2об, 5.

На бланке «Министр внутренних дел. По Главному управлению по делам печати». Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо П.А. Столыпина представляет ответ на секретное отношение военного министра В.А. Сухомлинова от 13 мая 1909 г. за № 1250 (*РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 961. Л. 1—1об.*). Сухомлинов указывал на наметившуюся тенденцию изображения на сцене офицерской жизни и типов офицеров «в весьма непривлекательном виде с исключительным подбором вполне отрицательных характеров, иногда совершенно вымышленных и чрезвычайно утрированных». По мнению военного министра, это вызывало в обществе враждебное отношение к военным и озлобляло самих офицеров и создавало «тяжелую и крайне не отвечающую государственным интересам атмосферу взаимного недоверия, отчужденности и даже вражды». Для исправления создавшегося положения Сухомлинов предлагал «разрешить этот вопрос точным указанием в законе, в каком виде допускается изображение военнослужащих на сцене, дабы нарушителей сего была возможность преследовать судом».

[1] **Сухомлинов** Владимир Александрович (1848—1926) — военный и государственный деятель. С 1899 г. служил в Киевском военном округе: начальником штаба, помощником командующего (с 1902) и командующим войсками (с 1904); одновременно с 1905 г. киевский, волынский и подольский генерал-губернатор. Член Государственного совета. С декабря 1908 г. начальник Генерального штаба, с марта 1909 г. военный министр. После военных неудач 1915 г., под давлением общественного мнения, был снят с должности (в июне), а в марте 1916 г. арестован; обвинен в злоупотреблениях и измене в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения. После двухмесячного заключения был переведен под домашний арест. На суде (в августе-сентябре 1917) обвинения в измене и злоупотреблениях не подтвердились; был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. 1 мая 1918 г. освобожден по амнистии как достигший 70 лет; эмигрировал.

Письмо А.Н. Шварцу

27 мая 1909 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

В письме от 7 мая с. г. по вопросу об установлении порядка учреждений учащимися в высших учебных заведениях обществ, действующих вне стен учебных заведений, Ваше Высокопревосходительство, высказываясь в принципе за желательное разрешение учащимся в высших учебных заведениях учреждать подобные общества, указали, что в настоящее время, ввиду точного смысла ст. 7 отд. 1 Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил о союзах и обществах, учреждение подобных обществ не допустимо и надлежит, по Вашему мнению, изменить редакцию этой статьи в соответствии с законами (уставами и положениями) о высших учебных заведениях. Признавая и с своей стороны весьма желательным предоставление возможности учащимся в высших

учебных заведениях соединяться вне стен учебного заведения в самостоятельное общество для совместного осуществления непротивных закону задач, я не могу не обратить внимания Вашего Высокопревосходительства, что изменение редакции ст. 7 отд. 1 Временных правил 4 марта 1906 г. о союзах и обществах в проектируемом смысле может последовать лишь законодательным порядком. Между тем, ввиду предстоящего пересмотра закона 4 марта о союзах и обществах, я полагаю, что рассматриваемая ст. 7 должна быть изменена в соответствующем виде в связи с общим пересмотром закона и выделение этой статьи для самостоятельного ее изменения в законодательном порядке едва ли удобно. Однако, имея в виду, что законодательное изменение действующих правил о союзах и обществах потребует некоторого времени, а требования жизни указывают на необходимость установления в настоящее время порядка учреждения студенческих обществ, я нахожу, что вполне целесообразно было бы и вполне отвечало бы точному смыслу закона 4 марта установить временно, впредь до издания нового закона об обществах, что студенческие общества, учреждаемые вне стен учебных заведений, подлежат утверждению, в порядке ст. 5 отд. 1 закона 4 марта 1906 г. о союзах и обществах, властью подлежащего министра или главноуправляющего в зависимости от целей и задач обществ, по предварительном сношении, во всяком случае, с министром внутренних дел.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, присовокупляя, что соответствующие по сему предмету указания мною вместе с сим преподаны с.-петербургскому градоначальнику, вследствие его по этому делу запроса[1].

По поводу же высказанного Вами пожелания об отмене Правил 11 июня 1907 г. о студенческих обществах и собраниях в стенах учебных заведений, то я не встречаю с своей стороны препятствий к внесению Вами сего вопроса на благоусмотрение Совета министров.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

27 мая 1909 г.

№ 11395

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 78. Л. 25–25об.

На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Отпуск.

См. комментарий к записке от 3 мая 1909 г.

[1] См. Письмо Д.В. Драчевскому от 31 мая 1909 г.

Письмо А.Н. Шварцу

30 мая 1909 г.

30 мая 1909 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Не придавайте никакого значения всему этому делу. Я получил частное письмо от кн[язя] Трубецкого[1] (это между нами), и, не зная закулисной стороны, на которую Вы намекаете, автоматически написал Вам.

Действуйте, конечно, как сочтете лучшим – Вам виднее.

Искренно Вам преданный

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 27.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Трубецкой** Евгений Николаевич (1863–1920) – князь, статский советник, доктор государственного права. С 1897 г. ординарный профессор Киевского университета, с 27 мая 1906 г. ординарный профессор по кафедре энциклопедии права и истории, философии права Московского университета. В 1905 г. в ходе переговоров премьер-министра С.Ю. Витте с общественными деятелями кандидатура Трубецкого рассматривалась на должность министра народного просвещения. Один из основателей Партии мирного обновления. С 1906 г. издавал журнал «Московский еженедельник». Участвовал в организации и деятельности Психологического общества при Московском университете (в 1906 г. товарищ председателя), Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева и др. Основатель книгоиздательства «Путь» (1910–1917). В 1907–1908 гг. член Государственного совета от Академии наук. Участник Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг., товарищ председателя от мирян.

Письмо Д.В. Драчевскому[1]

31 мая 1909 г.

С.-Петербургскому градоначальнику

Вследствие возбужденного Вашим Превосходительством вопроса о порядке образования, в соответствии с ст. 7 отд. 1-го Временных правил 4 марта 1906 г. о союзах и обществах, студенческих обществ вне стен учебных заведений, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что я, остановившись на обсуждении сего вопроса, нашел соответственным допускать образование студентами высших учебных заведений вне стен сих заведений самостоятельных обществ для совместного достижения непротивных закону целей, с тем, чтобы уставы этих обществ, впредь до пересмотра указанных правил в законодательном порядке, утвер-

ждались в порядке ст. 5 отд. 1 этих правил подлежащими министрами и главноуправляющими в зависимости от целей и задач общества, по предварительном во всяком случае сношении с Министерством внутренних дел.

Министр внутренних дел,
Статс-секретарь Столыпин
Директор Арбузов
31 мая 1909 г.
№ 11737

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 78. Л. 26–26об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел».
Машинопись. Заверенная копия.

[1] Драчевский Даниил Васильевич – генерал-лейтенант, с 9 января 1907 г. до июля 1914 г. с.-петербургский градоначальник.

Письмо В.И. Тимирязеву[1]

31 мая 1909 г.

Министру торговли и промышленности

По силе ст. 7 отд. 1. Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил о союзах и обществах образование студенческих обществ вне стен учебных заведений допускается лишь на основаниях, особо определенных в уставах подлежащих учебных заведений.

Между тем, ни в одном уставе высших учебных заведений не предусмотрен упомянутый порядок и внесение указанной статьи, в части, касающейся высших учебных заведений, в закон 4 марта должно быть объяснено недоразумением, объясняемым спешным составлением сего закона.

Принимая, однако, во внимание, что в настоящее время наблюдается весьма отрадное явление – стремление учащихся в высших учебных заведениях соединяться в самостоятельные сообщества, чуждые политике, для совместного достижения непротивных закону целей, я остановился на мысли о необходимости установления порядка образования студенческих обществ вне стен учебных заведений, независимо от предстоящего изменения правил ст. 7 отд. 1 закона 4 марта в законодательном порядке, в связи с общим пересмотром сего закона. По обсуждении сего, я нашел самым соответственным как интересам дела, так и требованиям

закона, принять за правило, чтобы временно, впредь до пересмотра Временных правил 4 марта 1906 г. о союзах и обществах, было допущено образование студенческих обществ, с тем, чтобы уставы таковых утверждались в порядке ст. 5 отд. 1 сих правил подлежащими министрами или главноуправляющими, в зависимости от целей и задач общества, по предварительном сношении, во всяком случае, с Министерством внутренних дел.

В связи с вышеизложенным имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что я не встречаю с своей стороны препятствий к утверждению Вашим Высокопревосходительством в порядке, упоминаемом ст. 5, возвращаемого при сем устава С.-Петербургского яхт-клуба, при условии согласования сего устава с требованием закона 4 марта о союзах и обществах и при условии внесения в него особого параграфа, предоставляющего министру торговли и промышленности права во всякое время закрывать общество в случаях, угрожающих общественному порядку и безопасности.

Подписал: Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
Скрепил: Директор Арбузов
31 мая 1909 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 78. Л. 36–37. На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись.

[1] **Тимирязев** Василий Иванович (1849—1919) — государственный деятель, действительный тайный советник (1909). С 1875 г. служил в Министерстве финансов; с 1894 г. член совета министра финансов и агент Министерства финансов в Берлине и Вене; с декабря 1902 г. товарищ министра финансов, заведовал отделом торговли и промышленности. С октября 1905 г. по февраль 1906 г. и с 14 января по 5 ноября 1909 г. министр торговли и промышленности. С 1906 г. товарищ председателя, а с 1914 г. председатель Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. В 1906, 1909, 1912 и 1915 гг. избирался членом Государственного совета от промышленности.

Письмо А.В. Кривошеину

13 июня 1909 г.

Милостивый Государь,
Александр Васильевич.

Совет министров, рассмотрев, в заседании 9 сего июня, представление Главного управления землеустройства и земледелия, от

23 минувшего мая, за № 17579, по проекту правил об обращении в государственный фонд излишних для киргиз[ов] земель в областях, управляемых на основании Степного положения (Свод. зак., т. II, изд. 1892 г.), не встретил препятствий одобрить в существе означенные правила, с предоставлением Вашему Превосходительству преподать их к руководству подлежащим чинам и учреждениям по переселенческой части. Вместе с тем, согласно с последовавшим в заседании словесным заявлением Вашим, Совет признал соответственным:

а) действие рассматриваемых правил ограничить пределами областей Степного края, так как по отношению к применению их в Семиреченской области желательны дополнительные сношения с сенатором, ревизующим области, входящие в состав Туркестанского генерал-губернаторства;

б) статью 21 правил изложить в следующей редакции: «В случае желания получить оседлое земельное устройство, заявленного общинно-аульными группами, частями их или отдельными кибитко-владельцами, они могут быть устраиваемы, на указанных в п. 20 основаниях, – обществами или отдельными хозяйствами, – в составе переселенческих поселков, либо особыми селениями»,

и в) пункт 22 тех же правил исключить.

Уведомляя об изложенном, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
13 июня 1909 года
№ 2526

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 295–295об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Проект.

Письмо великому князю Николаю Михайловичу

19 июня 1909 г.

Ваше Императорское Высочество,

Я приму Черткова[1] в воскресенье, но, к сожалению, не могу ничего для него сделать, так как посланное мною в Тульскую губернию доверенное лицо дает весьма неблагоприятный диаг-

ноз созданного на месте среди крестьян кликушеством Черткова положения.

С чувством глубочайшего почитания имею честь быть
Вашего Императорского Высочества
всеподданнейший слуга
П. Столыпин
19 июня 1909 г.
С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 36.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — общественный деятель, издатель, друг Л.Н. Толстого. Организатор издательства «Посредник» (1884), в 1897—1907 гг. жил за границей, издавал газету «Свободное слово», сборники «Листки "Свободного слова"». С 1928 г. редактор Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах.

Записка И.Я. Гурлянду

5 июля 1909 г.

И.Я. Гурлянду

Надо будет составить статейку по Финляндскому вопросу.

1) Все инсинуации по роспуску сейма и изданию нового избирательного закона пускаются лишь с целью увеличить смуту.

2) От Финляндии требуется прямое и честное исполнение своих обязательств, в качестве части нераздельной Российской империи.

3) В настоящее время наперед выполнение обязательства по уплате 20 млн. марок вместо исполнения воинской повинности: деньги эти (10 млн. марок в год) не покрывают стоимости содержания русских войск в Финляндии, обязанность эта основана на Высочайшем постановлении, вошедшем в законную силу, и между тем уже 2 года не выполняется.

4) Не выполняется также опубликование вошедшего в законную силу Высочайшего постановления о районах крепостей. Финляндия, если она лояльна, должна бы исполнять законные требования русского правительства.

5) Финляндия должна оставить мечты об отдельном финляндском войске. Армия у нас едина и финляндцы должны служить в единой государственной армии или вовсе служить не будут.

6) Финляндские власти должны доказать свою лояльность, показывая и сами инициативу в борьбе с заговорами против Русского государя, имеющими место в Финляндии беспрерывно. Русских органов надзора в Финляндии нет и, если финляндские власти будут всегда ждать требований из Петербурга, то мы относительно Финляндии окажемся в худшем положении, чем относительно любой иностранной державы.

7) Наконец, русские подданные должны быть поставлены в подобающее положение в Финляндии, которое должно показать и все выгоды, сопряженные для них с тем, что те пользуются всеми правами русской государственности (хотя бы торговые договора – наше заступничество в деле <1 нрзбр.> и проч.). Подробные сведения можете получить у Н.В. Плеве.

5 июля [1909 г.]

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 87. Л. 9–10об.
На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

На подготовленном проекте статьи по финляндскому вопросу П.А. Столыпин 31 августа 1909 г. наложил резолюцию: «Статью можно печатать. Вставьте лишь, в удобном месте, оговорку о том, что, когда *частные* вопросы принимают уродливую форму, то, помимо и до разрешения их силою общего законодательства, приведение их в возможно нормальные рамки составляет задачу высших представителей русской государственной власти» (*РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 87. Л. 11*).

Письмо графине Н.Ф. Карловой[1]

28 августа 1909 г.

Глубокоуважаемая
графиня Наталья Федоровна,

С удовольствием немедленно распоряжусь о разрешении интересующей Вас лотереи, конечно в пределах, установленных законом, который строго ограничивает, как maximum сумму, на которую допускаются лотереи, так и входную плату. Прошу Вас верить в чувства искреннего моего уважения и преданности.

П. Столыпин
28 августа 1909 года

ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1593. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Карлова** Наталья Федоровна – урожденная Вонлярская, жена герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (брак морганатический). Получила титул графини Карловой.

Записка А.Д. Арбузову

28 августа 1909 г.

Представьте мне соображения о замене постоянным законом Временных правил об обществах и союзах. Установленный нами способ регистрации весьма неудобен – что не проходит в одном присутствии, регистр[ир]уется в присутствии соседней губернии! Надо запросить всех губернаторов о недостатках существующего закона. Также обдумать вопрос о том, насколько политические партии и общества подходят под понятия этого закона и не следует ли специально их регламентировать.

28 авг[уста 1909 г.]

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61г. Л. 1.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Сохранилась записка А.Д. Арбузова от 3 сентября 1909 г., которая фиксирует последующие распоряжения П.А. Столыпина по этому вопросу:

Доложил г. Министру замечания по проекту нового закона об обществах. Приказано составить справки об иностранном законодательстве по вопросу о политических партиях и студенческих об[щест]вах, доложить их для получения указаний Министра по этому вопросу. Затем проект закона рассмотреть вновь, руководствуясь сделанными г. Министром отметками. Наблюсти, чтобы записка с заметками Министра не утратилась – лучше снять еще копию с нее <1 нрзбр.>. (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61г. Л. 15. На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел». Рукопись. Подлинник. Автограф*).

Записка Е.Г. Шинкевичу[1]

3 сентября 1909 г.

Я не понимаю, в чем может быть затруднение? Если задерживает заключение Д[епартамент] полиции, то передайте от меня, чтобы поторопились – весь вопрос может быть разрешен в 2 дня (так же, как и Киевский съезд)*.

3 сент[ября]

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 152. Л. 4.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* Приписка Е.Г. Шинкевича синим карандашом: Как только узнаете, что решено в [1 нрзбр.] – сказать мне.
7.IX. [Шинкевич]

26 августа 1909 г. в Министерство внутренних дел поступило представление московского градоначальника от 22 августа 1909 г. за № 9474 по ходатайству протоирея Иоанна Восторгова о разрешении созвать в Москве 27 сентября 1909 г. Съезд Русских людей. Департамент общих дел министерства направил ходатайство на заключение Департамента полиции, который 1 сентября 1909 г. представил благоприятный ответ. Два дня дело пролежало без движения. 3 сентября 1909 г. П.А. Столыпин поинтересовался причиной задержки дела. Департамент представил справку, из которой следовало, что ходатайство отправлено также на заключение обер-прокурора Святейшего Синода, министра народного просвещения и главноуправляющего землеустройством и земледелием и ожидается их ответ. На это последовала резолюция П.А. Столыпина: «Поторопите их». Однако на заключение указанных должностных лиц вопрос был передан только 4 сентября 1909 г., т. е. после того, как министр пожелал выяснить причину промедления. 5 сентября 1909 г. последовало согласие Главного управления землеустройства и земледелия и Министерства народного просвещения. 9 сентября 1909 г. положительный ответ поступил из канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода.

[1] **Шинкевич** Евгений Гаврилович — в звании камергера, действительный статский советник, с 12 июля 1900 г. служил в Министерстве внутренних дел, с 8 ноября 1905 г. вице-директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел.

Письмо А.В. Кривошеину

7 сентября 1909 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Боюсь, что Вы забыли свое обещание позондировать Крестовникова[1]. Между тем В.И. Тимирязев окончательно решил уходить и мне очень важно знать, что я могу ожидать со стороны Крестовникова. Извините, что тороплю Вас, но у меня есть к тому свои веские причины. Надеюсь, что Вы не откажите оказать мне эту дружескую услугу, остаюсь

преданный Вам
П. Столыпин
7 сентября 1909 г.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 14.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Крестовников** Григорий Александрович (1855—1918) — промышленник, финансист, политический деятель. С 1887 г. директор правления Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых, в начале 1890-х гг. возглавил фирму. В 1903—1917 гг. председатель Совета и фактический руководитель Московского купеческого банка. В 1905—1914 гг. председатель Московского биржевого комитета. В 1906—1915 гг. член Государственного совета по выборам от торговли и промышленности. С 1910 г. потомственный дворянин. В 1905 г. один из организаторов Торгово-промышленной партии. С 1906 г. член ЦК «Союза 17 октября».

Телеграмма А.А. Адрианову

10 сентября 1909 г.

Москва

Градоначальнику

Благоволите объявить протоирею Восторгову[1], что я признал возможным разрешить созвать на 27 сентября сего года в Москве Съезд Русских людей при условии соблюдения правил о публичных собраниях.

Подписал: Министр внутренних дел Столыпин

№ 1614

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 152. Л. 20.
На телеграфном бланке. Машинопись.

[1] **Восторгов** Иван Иванович (1864—1918) — политический и церковный деятель, один из руководителей черносотенцев, протоирей. Синодальный миссионер-проповедник, вел миссионерскую деятельность на Кавказе, в Иране, Сибири и на Дальнем Востоке. Настоятель Покровского собора в Москве. В период революции 1905—1907 гг. один из организаторов черносотенного движения в Москве, активный член Русской монархической партии. Осенью 1907 г. возглавил Русский монархический союз. Со времени создания Русского народного союза имени Михаила Архангела в 1908 г. и до середины 1915 г. являлся членом Главной палаты Союза. В 1909 г. в обстановке разлада в монархическом движении был среди инициаторов и организаторов объединительного съезда в Москве для всех монархических организаций. На съезде вошел в исполнительно-редакционную комиссию, которой поручались рассылка постановлений и издание материалов съезда. Издатель и редактор ряда церковных и патриотических газет: «Церковность» (издатель-редактор; 1914); «Московские церковные ведомости (новости)» (редактор; 1906 и 1916); «Патриот» (издатель; 1911—1912). В 1913 г. ушел с поста председателя Русского монархического союза.

Телеграмма барону В.Б. Фредериксу

14 сентября 1909 г.

Шифрованная телеграмма председателя Совета министров на имя Вашего Высокопревосходительства, отправленная из С.-Петербурга 14-го сентября 1909 года в 4 ч[ас]. 10 м[ин]. пополудни
Экстренно.

Благоволите, Ваше Высокопревосходительство, доложить Государю Императору:

«Несмотря на лично преподанные Вашим Величеством высшим финляндским властям и подтвержденные через меня указа-

ния на необходимость закончить герценштейновский процесс и постановить наконец приговор, дело слушанием отложено вновь. Это вызывает справедливое общественное негодование. Тайный советник Щегловитов находит, что наш Основной закон, а именно 216-ая ст. Уголовного уложения, служит в настоящее время непреодолимым препятствием для сепаратного Высочайшего повеления о переносе отдельного дела в Русский суд, даже если в прошлом могут отыскаться к тому прецеденты. Испрашиваю поэтому разрешения Вашего Величества внести завтра в Совет министров вопрос о предложении Государственной думе, немедленно по ее созыве, законопроекта об отмене 216-ой статьи и о предоставлении права имперским властям переносить политические дела из Финляндии в Россию. В Финляндии поднимется шум по поводу разрешения этого дела в общеимперском порядке, но право России тут ясно. Журнал Совета прошу разрешить исполнить, не ожидая представления на Высочайшее утверждение, о представлении же, с одобрения Вашего Величества, законопроекта в Думу опубликовать во всеобщее сведение».

Председатель Совета министров,
статс-секретарь
Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 953. Л. 1–1об.
На телеграфном бланке. Рукопись. Подлинник.

Телеграмма барону В.Б. Фредериксу

14 сентября 1909 г.

Копия шифрованной телеграммы на имя министра Императорского Двора от председателя Совета министров, отправленная из С.-Петербурга 14-го сентября 1909 года в 10 ч[ас]. 50 м[ин]. вечера.

Прошу Ваше Высокопревосходительство доложить Его Величеству в дополнение сегодняшней телеграммы нижеследующее:

«Генерал Бекман телеграфирует, что решение суда было отложено по просьбе самих обвиняемых и что, по сведениям прокурора, дело предполагается во всяком случае окончить в следующем заседании. Ввиду этого предполагаю вопрос об отмене 216-й статьи обсудить в Совете министров и подготовить для внесения в Государственную думу, но исполнением и объявлением пока воздержаться.

Одновременно испрашиваю разрешение Вашего Величества передать генералу Бекману приказание Ваше настоять на непременном окончании дела Герценштейна в следующем заседании суда – 9-го октября.

По окончании этого дела правительственный законопроект имеет гораздо более шансов пройти в Государственной думе, чем теперь.

/Подписана:/ Председатель Совета министров
статс-секретарь Столыпин

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 953. Л. 4.
На телеграфном бланке.

В ответ на эти телеграммы барон В.Б. Фредерикс направил П.А. Столыпину повеление царя:

С.-Петербург
Председателю Совета министров
Статс-секретарю Столыпину

Государь Император, вполне разделяя Ваше мнение, высказанное в обеих телеграммах, предоставляет Вам действовать согласно изложенному в дополнительной телеграмме предложению – для чего поручает Вам немедля объявить генералу Бекману повеление Его Величества непременно и настойчиво требовать окончания дела Герценштейна в следующем заседании суда – 9-го октября.

№ 2376
Генерал-адъютант: б[арон] Ф[редерикс] (*ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 953. Л. 2*).

Письмо С.М. Лукьянову

19 сентября 1909 г.

Доверительно
Милостивый Государь
Сергей Михайлович.

Письмом от 20 июля сего года, за № 105, Ваше Высокопревосходительство сообщили мне имеющиеся у Вас сведения об усиливающейся в Казанском крае пропаганде магометанства, выражающейся, между прочим, в строительстве мечетей в местах жительства крещеных инородцев.

По поводу сего считаю долгом прежде всего уведомить Вас, Милостивый Государь, что министерством своевременно уже было обращено внимание на участившиеся за последнее время ходатайства о постройке мечетей.

Поэтому вопросы о разрешении мечете-строительства в каждом отдельном случае разрешаются не иначе, как по собрании

точных сведений, не находится ли местность, предположенная под постройку мечети, в районе со смешанным населением. При этом в подобных местностях, особенно если они населены крещеными инородцами, сооружение мечетей не разрешается.

К сему не лишним считаю присовокупить, что по закону сооружение мечетей происходит беспрепятственно там, где они обслуживают потребности населения в 200 душ мужского населения и что министру внутренних дел представляется возможным разрешать или не разрешать постройку лишь в тех случаях, когда мечеть предназначена на меньшее, чем указано, число мужских душ.

Обращаясь от этого частного вопроса к вопросу общего характера о мусульманской пропаганде, считаю своим долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что все сосредоточенные в министерстве сведения показывают, что это, не подлежащее отрицанию, явление, не может быть рассматриваемо как явление, несущее действительную опасность Православной церкви. Правда, по издании Высочайшего указа 17 апреля 1905 года[1] в некоторых местностях наблюдался довольно усиленный переход христиан в магометанство. Но исследование этого течения с полной ясностью показало, что оно совершенно не коснулось (не считая единичных случаев) коренного русского населения. Переходили в мусульманство, местами больше, местами меньше, те новокрещеные инородцы, которые, не окрепнув в православной вере, возвращались к вере своих отцов или приобщались к мусульманству, как к религии, к которой они, в силу татарского влияния, имели склонность и раньше.

Излагая сказанное, я, однако, далек от мысли умалять значение того движения, которое в настоящее время наблюдается в Казанском крае и вообще в Поволжье и которое нельзя не назвать борьбою между православно-русским и магометанско-татарским началом.

Вашему Высокопревосходительству известно, что нигде и никогда проповедь христианства не имела успеха среди мусульманского населения. Причины этого явления весьма сложны, но наличность его несомненна. С другой стороны, и магометанство не имело успеха в среде христианского мира. Магометанские вожди покоряли и порабощали христианские народы, но покоренные оставались, несмотря на тяжкий гнет, верными сынами Христовой церкви.

Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государствен-

ную, культурную. Этим объясняется тот успех, который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех, который у нас в России имеет особо важное значение.

С 1905 года в среде татар Поволжья стало усиленно развиваться национальное оживление, получившее религиозную окраску и выразившееся и в устройстве мечетей даже в небольших деревнях, и в открытии школ, и в издании литературных произведений. По татарским деревням стали разъезжать книгоноши-женщины и мужчины с газетами, книжками, листками и проч. Повсеместно у татар возрос интерес к просвещению, стремление к сознательной жизни, к национальному самоопределению. Этим настроением татарского и вообще мусульманского населения широко воспользовалась та часть его духовенства и светских вожаков, которая принадлежит по своим воззрениям к так называемому прогрессивному направлению.

С точки зрения этих деятелей, представлялось чрезвычайно важным не только внутренне усилить татарско-мусульманское население, но и приобщить к нему и то соседнее инородческое население, частью тюрско-татарского, частью финского происхождения, которое не успело еще ни национально самоопределиться, ни приобщиться к русской народности. Население этого разряда, религиозно не просвещенное и не цивилизованное, представляет ту культурно-инертную среду, которая обратится без сомнения в ту сторону и приобщится к той среде, которые окажутся более деятельными. В настоящее время обстоятельства сложились таким образом, что культурный перевес находится на стороне сравнительно цивилизованного татарского населения, сила которого заключается в воодушевлении национально-религиозной идеей панисламизма. Хотя эта идея еще далеко не проникла в глубину слоев всего населения, но вся важность, даже опасность ее для нашего государства не подлежит сомнению. Нельзя не иметь в виду, что почти вся многомиллионная масса русского мусульманства охватывает многочисленные народности, принадлежащие, за немногими исключениями, к одному тюркскому племени, говорящему хотя и на разных наречиях, но на одном языке. Нельзя далее упустить из виду и того, что наше 15-миллионное мусульманство населяет, живя почти в одной меже, громадные пространства, имеющие свои, далеко не забытые, исторические и культурные традиции.

Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным. Поэтому всякое активное проявление магометанства в той или иной форме, или в той

или иной части Империи заслуживает самого серьезного внимания, самой решительной борьбы со стороны правительства.

Возвращаясь к Поволжью и, в частности, к Казанскому краю, я не могу не отметить, что к этой местности, местности с инородческим населением, колеблющимся, как сказано, между русско-православным и татарско-мусульманским влиянием, должны быть направлены серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска. Отказаться от этой борьбы значило бы отказаться от своих вековых исторических задач, отрицательные последствия чего не исчислимы. Всякая борьба достигает, конечно, только тогда намеченной цели, когда она ведется совершенным оружием. Из них бесспорно первейшим является надлежаще поставленная и хорошо материально и духовно оборудованная школа как светская, так и церковная. Казанский край не богат просвещением. В частности, наши крещеные инородцы остаются во мраке невежества. Это именно и облегчает татарам их совращение в ислам ради татаризации. Правда, в Казанском крае, где наиболее заметно отпадение от православия, имеются школы, содержимые братством Св. Гурия, но размеры отпускаемого на их содержания столь ничтожны, что помещения этих школ, равно как и учителя, вовсе не имеющие надлежащей педагогической подготовки, совершенно не соответствуют своему назначению. Далее, среди миссионеров, призванных просвещать инородцев, много лиц совершенно не знакомых с местными наречиями, а это без сомнения парализует их деятельность. Что касается светских школ, то их недостаточно по числу, кроме того, они равным образом не надлежаще оборудованы, да едва ли и приспособлены к выполнению тех особо высших задач, которые, без сомнения, должны иметься в виду у правительства. Таким образом, успех мусульманской пропаганды в значительной части облегчается недостаточным и не надлежаще поставленным противодействием.

Без сомнения в местной жизни найдутся еще и другие многочисленные причины, объясняющие успехи татарской пропаганды и дающие ключ к удачному разрешению вопроса и прочной постановке русского влияния среди инородцев. Причины эти, очевидно, сложны, и на обязанности правительства лежит детальное их изучение. Не подлежит сомнению, что в настоящем деле все правительственные силы должны быть мобилизованы, так как важность государственных задач очевидна.

Государство наше, действовавшее во все времена в тесном единении с церковью, и в данном деле не может и не должно обо-

собляться от нее. Поэтому, по моему убеждению, работа правительства в Поволжье и, в частности, в Казанском крае должна, прежде всего, идти рука об руку с Православной церковью. Только в этом случае можно рассчитывать на вящий успех в деле.

Предположив, предварительно принятия каких-либо конкретных мер, всесторонне обсудить и сообразить все дела нашего культурного труда в Поволжье в особом совещании, в составе нарочито осведомленных с местными условиями лиц, я признаю безусловно необходимым приобщить к имеющим быть суждениям и представителей Православной церкви. В среде наших иерархов особо полезными для этого дела намечаются сами собою местные деятели: преосвященный Андрей[2], викарий епископа Казанского, уже положивший свой труд в качестве руководителя братства Св. Гурия в деле поместного миссионерства, и преосвященный Алексий[3], ректор Казанской Духовной академии, небезызвестный своею деятельностью миссионер на Юге России.

Покорнейше прося Ваше Высокопревосходительство оказать мне в сем последнем отношении, как и вообще во всем изложенном деле, Ваше содействие и о последующем почтить меня уведомлением, пользуясь случаем выразить Вам чувства глубокого уважения и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
19 сентября 1909 г.
№ 5496

РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 800. Л. 50–54.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.
Опубл. во фрагментах: Смолич И.К. История русской церкви, 1900–1917. В 2 ч. – Ч. 2. – М., 1997. – С. 209–210;
Шпицберг И. Церковь и русификация бурято-монгол при царизме // Красный архив. – 1932. – Т. 53. – С. 100–128.

Весной 1905 г. Комитет министров уклонился от обсуждения проблем мусульманской политики, сославшись на разработку этих вопросов Особым совещанием по веротерпимости во главе с графом Игнатьевым. Основное внимание совещания сосредоточилось на опасности, исходившей, по мнению участников совещания, от волжских татар, стремящихся «отатарить весь русско-мусульманский мир» (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 9*), однако совещание не приняло каких-либо решений, считая это делом ведомств. В мае 1908 г. в газете «Новое время» была опубликована статья «Магометанская агитация» об организованном массовом переходе в мусульманство новокрещенцев Поволжья. По этому поводу Министерство внутренних дел запросило казанского губернатора. Тот отметил, что значительное число перешедших из христианства в мусульманство, после объявления указа о веротерпимости, является нор-

мальным, указав при этом на сокращение, в последнее время, числа прошений о возвращении в мусульманство. В 1910 г. было образовано Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае. Совещание отметило, что правительство, сосредоточившись на борьбе с революционным движением, не обратило вовремя внимание на становление и развитие мусульманского движения, которое «приняло настолько своеобразные и резко выразившиеся формы, что государство, во имя своих веками освященных задач и интересов, не может оставить его без самого серьезного внимания» (*РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 472. Л. 1*). По итогам работы совещания последовало представление Министерства внутренних дел в Совет министров от 15 января 1911 г. за № 535 «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркистскому) влиянию среди мусульман». Предполагалось усилить поддержку (в том числе материальную) православной миссионерской деятельности, учредить при государственных школах библиотеки и читальни, улучшить материальное положение православного сельского духовенства в инородческих местностях, ограничить мусульманские школы (мектебе и медресе) строго конфессиональными рамками, устранить из них преподавание предметов общего характера, в том числе и русский язык, чтобы привлечь стремящихся к светскому образованию в государственные школы. Было предложено проводить испытания кандидатов в муллы на русском (а не татарском) языке и не в Уфе, а в губернских комиссиях. Специальными циркулярами МВД предлагалось пресекать в корне влияние Турции, не допускать к исполнению обязанностей мулл людей, получивших образование за границей, особенно в Турции и в Египте, а также в новометодных медресе в самой России, если они не имели удостоверения о «непричастности к религиозно-племенной агитации». Предполагалось содействовать развитию сети общеобразовательных школ для местного населения. Начальное образование «крещеным инородцам» предполагалось давать на русском языке, увеличить для подготовки учителей для инородческих училищ число учительских семинарий и церковно-учительских школ, ввести в учительских семинариях, расположенных в губерниях с мусульманским населением, преподавание местных языков в качестве обязательного предмета, дополнить курс Восточного факультета Петербургского университета кафедрами для изучения языков, истории и этнографии тюркских и иранских народов, населяющих российские области и приграничные государства. Правда, позднее Совещание по делам инородческой школы высказалось за сокращение числа языков, на которых допускалось начальное обучение, чтобы искусственно не пробуждать «национальное самосознание инородцев» (*РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 28. Л. 24*).

[1] Имеется в виду Высочайший указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который ослабил давление на иноверческие религиозные течения. В частности, провозглашалось, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных и гражданских прав последствий». Разрешалось «распечатать» все молитвенные дома, закрытые как в административном порядке, так и по определению судебных мест. Признавались «подлежащими пересмотру» законоположения, касающиеся «важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания» (*3 ПСЗ. — Т. 25. — № 26125*).

[2] **Андрей** (князь Александр Алексеевич Ухтомский) (1872—1937) — [архи]епископ Уфимский и Мензелинский, миссионер, один из основателей катакомбного

движения истинно православных христиан в России. 2 декабря 1895 г. в Казани архимандритом Антонием (Храповицким) был пострижен в монашество с именем Андрей, 5 декабря рукоположен в иеродиакона, 6 декабря — в иеромонаха, 7 декабря причислен к братии Казанского архирейского дома. 23 июля 1899 г. назначен наблюдателем миссионерских курсов при Казанской Духовной академии и наместником Казанского в честь Преображения Господня монастыря с возведением в сан архимандрита. С 23 августа 1900 г. член Совета св. Гурия Казанского братства и член Казанского епархиального училищного совета. В 1905 г. основал при Братстве св. Гурия Общество христианской взаимопомощи для охранения православных от «иноверной кабалы». В мае 1907 г. был вызван обер-прокурором Святейшего Синода П.П. Извольским в С.-Петербург, где изложил свой проект улучшения миссионерского дела в Казанской епархии, где наблюдалось отпадение крещеных татар в магометанство. Результатом обсуждения проекта стало учреждение 3-го миссионерского, Мамадышского, викарийства. 3 сентября 1907 г. был утвержден епископом Мамадышским, викарием Казанской епархии, с назначением председателем педагогического совета миссионерских курсов Казани и настоятелем казанского Преображенского миссионерского монастыря. Председатель совета Братства св. Гурия, добился открытия Трехсвятительского крещено-татарского мужского скита (с 1911 г. монастырь), Покровской крещено-татарской женской общины (1908), множества новых инородческих приходов, настаивал на совершении богослужения на инородческих языках. Основатель и председатель учрежденного 4 февраля 1909 г. кружка сестер-сотрудниц Братства св. Гурия. При кружке под его руководством издавался просветительский журнал «Сотрудник Братства святителя Гурия» (1909—1911). В начале 1908 г. в типографии Казанского университета была напечатана его записка «О мерах по охранению Казанского края от постепенного завоевания его татарами», датированная 14 января 1908 г. В записке указывалось на опасность сплочения российских мусульман посредством развития сети татарских мусульманских религиозных общин, перехода народов Поволжья, принявших ранее православие, в мусульманство, говорилось также о необходимости принятия срочных мер по ослаблению пан-татарской (пан-исламистской) пропаганды. В числе подобных мер епископ Андрей предлагал организовать издание печатных органов для народа и «для общества» в противовес магометанским изданиям, восстановить православные приходы, развивать христианское просвещение, поддерживать отдельные малые народности и допустить использование их родных языков при обучении и богослужении, активизировать деятельность миссионерского общества, ограничить инославную и иноверческую пропаганду и т. д. (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 815. Л. 1—4об.*). Записка епископа Андрея была послана П.А. Столыпиным министру народного просвещения А.Н. Шварцу и обер-прокурору Святейшего Синода П.П. Извольскому с предложением составить заключение по предложенной им программе мероприятий (*Там же. Л. 5, 6*).

[3] **Алексий** (Алексей Васильевич Молчанов) (1853—1914) — архиепископ Картлийский и Кахетинский, экзарх Грузии, духовный писатель, проповедник, автор статей по богословским вопросам. 22 октября 1885 г. рукоположен в священника. В 1887—1899 г. служил законоучителем 1-й и 3-й гимназий в Казани, а также училища глухонемых детей. 4 сентября 1899 г. принял постриг, возведен в сан архимандрита. С 7 сентября 1899 г. ректор Казанской Духовной семинарии, с 20 июля 1900 г. ректор Казанской Духовной академии. 9 сентября 1900 г. был хиротонисан в епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. Председатель Совета миссионерских курсов, Комиссии по на-

блюдению за преподаванием Закона Божьего в учебных заведениях Казани, Общества вспомоществования недостаточным студентам академии. С 26 марта 1905 г. епископ Таврический и Симферопольский, с 5 ноября 1910 г. епископ Псковский и Порховский, с 17 апреля 1912 г. епископ Тобольский и Сибирский. Прекратил дело по обвинению Г.Е. Распутина в хлыстовстве. Со 2 ноября 1913 г. экзарх Грузии, архимандрит Картлийский и Кахетинский.

Телеграмма барону В.Б. Фредериксу

20 сентября 1909 г.

Ливадия

Министру Императорского Двора

Благоволите Выше Высокопревосходительство доложить Государю Императору следующее: приемлю долг, ввиду предстоящей аудиенции генерала Лангофа, всеподданнейше доложить Вашему Величеству, что в Финляндии готовится пассивный отпор всем требованиям Империи в предположении, что у нас в вопросе общеимперского законодательства и других в последнюю минуту уступят. Мое мнение, что отставка Сената и дальнейшее пассивное сопротивление нам не опасны и что все предначертания Вашего Величества, при твердости исполнителей, будут достигнуты*.

Статс-секретарь Столыпин

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 110. Л. 1, 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Николай II поддержал твердую позицию П.А. Столыпина в отношении Финляндии. Это подтверждает текст его телеграммы, направленный премьер-министру 26 сентября 1909 г. С содержанием телеграммы в тот же день был ознакомлен и финляндский генерал-губернатор:

Гельсингфорс

Финляндскому генерал-губернатору.

По Высочайшему повелению сообщаю Вашему Высокопревосходительству для сведения текст телеграммы Государя Императора статс-секретарю Столыпину, отправленной сего числа: «Одобряю мнение Совета министров о продлении полномочий нынешних сенаторов впредь до моего указания. Я полагаю, что после их увольнения в отставку не следует подыскивать других лиц. Раз они позволяют себе демонстративно уходить — Сенат фактически упраздняется. Кого они этим наказывают — ясно. Мое мнение, что на это время сле-

---

* Вверху чернилами приписано: Собственною Его Величества рукою начертан знак «%» (читал). Генерал-адъютант барон Фредерикс.
23 сентября 1909 г. Ливадия

дует передать генерал-губернатору все обязанности и права Сената, коего он состоит председателем. Безусловно разделяю Ваш взгляд о необходимости указания количества войск в Финляндии. Уполномочиваю Вас переговорить об этом с военным министром и генералом Газенкампф[ом] на предмет немедленного приведения этой меры в исполнение. Мне известно, что в Штабе войск гвардии и Петербургского военного округа все для этого детально разработано.

Николай
№ 2450
Генерал-адъютант, барон Фредерикс»

(*РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 111. Л. 1*).

См. примечание к письму Николаю II от 12 марта 1909 г.

Письмо С.М. Лукьянову

21 сентября 1909 г.

Сов[ершенно] секретно

Председатель Совета министров
21 сентября 1909 г.
Его Высокопревосходительству
С.М. Лукьянову
Милостивый Государь
Сергей Михайлович,

Имею честь препроводить при сем Вашему Высокопревосходительству копию с весьма секретного письма министра Императорского Двора от 18 сего сентября за № 1166, по делу о разводе супругов Бутович[1].

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

[1] Ливадия
Милостивый Государь
Петр Аркадьевич.

Государь Император, приняв во внимание доводы, изложенные Вами в письме к Его Величеству, поставил на рапорте Св[ятейшего] Синода по делу о разводе супругов Бутович резолюцию в предположенном Синодом смысле, а именно: чтобы дело было возвращено в консисторию для нового дополнительного пересмотра.

Его Величество, согласившись на это, надеется, что Вы совместно с обер-прокурором Св[ятейшего] Синода наблюдете за тем, чтобы консистория не затянула этого дела и представила бы Св[ятейшему] Синоду такое решение, которое последним могло бы быть утверждено. При этом Его Величеству угодно, чтобы затем решение Св[ятейшего] Синода было окончательным, не же-

лая более входить в рассмотрение этого частного дела, но вместе с тем Государь Император изволил высказать пожелание, чтобы Св[ятейший] Синод при своем решении имел в виду, что Его Величество не может оставаться безучастным зрителем там, где несправедливость допускается лишь из-за формальных мотивов, что в данном случае подтверждается заключением самого Синода, а в особенности мнением его меньшинства, которое говорит, что брак этот с нравственной стороны подлежит расторжению, препятствием к чему являются лишь причины чисто формального характера.

Государь Император просит Ваше Высокопревосходительство доводить до сведения Его Величества о занятиях по этому делу консистории и Св[ятейшего] Синода, а также ранее окончательного постановления Синода поставить Его Величество в известность о предположенном решении.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Барон Фредерикс

18 сентября 1909 г.

№ 1166 (*Опубл.: Былое. — 1926. — № 2 (36). — Л., 1991. — С. 86*).

Речь идет о скандальном бракоразводном процессе супругов В.Н. и Е.В. Бутович, в который были втянуты Николай II, П.А. Столыпин, министр Императорского Двора В.Б. Фредерикс, обер-прокурор Синода С.М. Лукьянов. Суть происходившего состояла в том, что военный министр В.А. Сухомлинов решил жениться на Е.В. Бутович (урожд. Гошкович), состоящей в браке с В.Н. Бутовичем, хотя и жившей с ним раздельно. Чтобы вступить в новое супружество, Е.В. Бутович подала иск о расторжении брака. На помощь своей нареченной Сухомлинов привлек главноуправляющего канцелярией по принятию прошений на Высочайшее имя барона А.А. Будберга. В своем первоначальном исковом прошении на имя Николая II Бутович обвинила своего мужа в жестоком с ней обращении, «доходящем до истязательства». Получив прошение, Будберг, минуя судебные власти, распорядился провести расследование этой жалобы, в ходе которого якобы был установлен «факт» истязания В.Н. Бутовичем своей жены. Но в связи с тем, что законопроект Синода, расширяющий поводы к разводу, включая и физические истязания, не прошел еще через законодательные инстанции, то бракоразводные дела должны были проводиться по старому законодательству. Из Парижа, где в это время проживал Бутович, при непосредственном содействии известного авантюриста И.Ф. Манасевича-Мануйлова был доставлен «компромат» о супружеской неверности В.Н. Бутовича. Использовав свидетельские показания ряда лиц, собранных с нарушением необходимых юридических процедур, а также материалы «расследования» Будберга, Е.В. Бутович подала в Петербургскую консисторию прошение о расторжении брака ее с В.Н. Бутовичем, обвинив его на сей раз в прелюбодеянии. Под давлением «сверху» консистория, допустив ряд правонарушений (например, свидетели истицы не были допрошены, а сам В.Н. Бутович не был уведомлен о начале против него дела), в течение нескольких дней рассмотрела дело и 11 мая 1909 г. представила его на утверждение Синода. О постановлении консистории был уведомлен и В.Н. Бутович. Однако объявленная свадьба В.А. Сухомлинова и Е.В. Бутович в назначенный день не состоялась, ибо В.Н. Бутович опротестовал консисторское решение и прислал в Синод две апелляционные жалобы. В результате Синод вынужден был отменить постановление консистории, а собравшиеся на свадебный пир, не солоно хлебавши, вынуждены были разъехаться по домам. Тогда В.А. Сухомлинов обра-

тился непосредственно за помощью к Николаю II, который решил лично вмешаться и поторопить Синод с его «благополучным» решением к 1 сентября 1909 г. Характерно, что «дело Бутовичей» велось в величайшем секрете. На заседаниях присутствовали только члены Синода: митрополит Петербургский Антоний, архиепископ Алеутский Платон, епископы Рязанский — Никодим и Тобольский — Антоний, протопресвитеры отец И. Янышев и А.А. Желобовский, а из светских чинов — обер-прокурор Синода С.М. Лукьянов, его заместитель — А.П. Рогович, управляющий синодальной канцелярией С.П. Григоровский и его помощник С.Г. Рункевич. Большинство документов в канцелярию не сдавалось, а отправлялось в особо секретный отдел Синодального архива, в запечатанных конвертах с надписью: «Вскрывать только по распоряжению г[осподина] обер-прокурора или управляющего синодальной канцелярией». В своем всеподданнейшем докладе Николаю II 28 августа 1909 г. Синод, проведя четыре заседания, все же счел необходимым просить «продлить срок для решения дела до тех пор, пока будут выполнены требуемые существом дела и законом действия по судебной проверке доказательств той и другой стороны, без каковой проверки постановление в пользу той или иной стороны совершенно невозможно и по закону и по христианской совести» (*Былое. — 1926. — № 2 (36). — Л., 1991. — С. 82*). Синод постановил возвратить «дело Бутовичей» епархиальному суду Петербургской духовной консистории. 3 сентября 1909 г. П.А. Столыпин направил обер-прокурору С.М. Лукьянову письмо, к которому была приложена следующая шифрованная телеграмма от барона В.Б. Фредерикса:

«За неимением шифра для сношения с обер-прокурором Св. Синода прошу Ваше Высокопревосходительство — передайте тайному советнику Лукьянову следующее:

Государь Император, ознакомившись с перепиской по делу о разводе супругов Бутович, поручил мне сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее: Его Императорское Величество, разделяя доводы членов Св. Синода в отношении недоказанности прелюбодеяния Бутовича, сомневается, чтобы какие-либо добавочные показания могли бы дать убедительные для Св. Синода доказательства виновности Бутовича, а лишь затянут дело на неопределенный срок. Государь Император усмотрел из высказанной Вами в Вашем*, что совместная жизнь супругов Бутович немыслима, что развод не может состояться, главным образом, лишь по причинам формального свойства и что члены Св. Синода не признают другой применимой к данному случаю причины развода — кроме прелюбодеяния.

Принимая во внимание изложенное, Его Величеству угодно решить этот вопрос на основании верховных своих прав, почему Государь Император повелевает Св. Синоду представить новый доклад, дающий возможность решить это дело в смысле развода супругов Бутович и ожидает от усердия владык — членов Св. Синода, и Вашего Превосходительства такой постановки этого вопроса, которая, ничем не задевая достоинства членов Синода, содержала бы такие нравственные мотивы, которые дали бы основание вмешательства верховной власти.

Ожидая скорейшей присылки доклада Св. Синода и Вашего относительного него заключения, Государь Император желает, чтобы Вы ознакомили статс-

---

* Так в тексте.

секретаря Столыпина с содержанием этой телеграммы и совместно с ним обсудили бы способ исполнения выраженной Высочайшей воли.

Благоволите по получении сего меня уведомить телеграммой для доклада Его Величеству, когда предполагаете возможным прислать означенный доклад Синода» (*Там же. — С. 82—83*).

На следующий день, 4 сентября, С.М. Лукьянов в телеграмме на имя В.Б. Фредерикса доложил о том, что «сегодня утром члены Синода приступили к обсуждению способов исполнения Высочайшей воли» (*Там же. — С. 83*). После пяти заседаний Синод 11 сентября 1909 г. представил царю новый доклад, в котором говорилось, что Синод, «руководствуясь духом Божественного писания и основанными на нем священными канонами церкви, долгом беспристрастия и строгого соблюдения закона, вынужден, не обинуясь, свидетельствовать пред Вашим Императорским Величеством, что сего он сделать не может, не колебля священных канонов и не роняя своего достоинства как блюстителя всех уставов церковных» (*Там же. — С. 84*). Чтобы как-то выйти из «тупика», Синод просил Николая II повелеть: «1, или, согласно первоначальному предположению Синода, подвергнуть пересмотру и дополнению уже последовавшее в С.-Петербургской консистории определение по иску госпожи Бутович, обвинявшей мужа в прелюбодеянии, 2, или же, прекратив дело о расторжении брака Бутовичей, по прелюбодеянии мужа, предоставить госпоже Бутович вчинить новый иск о расторжении брака по иной какой-либо причине, законом признаваемой, хотя бы, например, по добрачному сумасшествию мужа, так как в деле имеется указание на наследственную психическую ненормальность г-на Бутовича» (*Там же. — С. 85*). 21 сентября 1909 г. Столыпин направил обер-прокурору Лукьянову второе письмо, к которому была приложена копия письма барона Фредерикса. На синодальном докладе Николай II сделал надпись: «Подвергнуть пересмотру и дополнению уже последовавшее в Петербургской консистории определение по известному иску и незамедлительно привести дело к желательному окончанию» (*Там же. — С. 86—87*). После получения Высочайшей резолюции Петербургская консистория и Синод капитулировали. 10 ноября 1909 г. консистория вынесла решение о расторжении брака Бутовичей по прелюбодеянии мужа, с предоставлением Е.В. Бутович права вступить в новый брак немедленно, а В.Н. Бутовичу по исполнении церковной епитимьи, т. е. через два года. Чтобы Бутович не использовал права обжалования решения консистории, она вместо реального срока окончания дела пометила, что решение состоялось 6—7 сентября, Синод же приступил к рассмотрению дела 11 ноября, когда апелляционный срок оказался уже пропущенным. Однако ожидаемого единогласного решения в Синоде не состоялось, ибо епископ Рязанский Никодим отказался его подписать. Обосновывая свое особое мнение, он писал: «Я, по голосу своей совести, не нашел в себе решимости, чтобы голосовать со всеми членами за утверждение приговора консистории о расторжении сего брака и тем от лица церкви запятнать человека всенародно позорным наименованием «прелюбодея» без достаточных оснований (так как факта прелюбодеяния его не обнаружено) и без предоставления ему широкой возможности защиты» (*Там же. — С. 93*). Тем не менее, 12 ноября 1912 г. Синод принял решение о расторжении брака супругов Бутович.

Письмо А.Н. Шварцу

2 октября 1909 г.

Милостивый Государь
Александр Николаевич.

Со времени издания Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости в Казанском крае и вообще в Поволжье наблюдается усиленный переход христиан в магометанство. Исследование этого течения с полной ясностью показало, что переходили в мусульманство, главным образом, те новокрещеные инородцы, которые, не окрепнув в православной вере, возвращались к вере своих отцов или приобщались к мусульманству, как к религии, к которой они, в силу татарского влияния, имели склонность и раньше.

Наряду с этим, с того же 1905 года в среде татар Поволжья стало усиленно развиваться национальное оживление, получившее религиозную окраску и выразившееся и в устройстве мечетей даже в небольших деревнях, и в открытии школ, и в издании литературных произведений. По татарским деревням стали разъезжать книгоноши-женщины и мужчины с газетами, книжками, листками и проч. Повсеместно у татар возрос интерес к просвещению, стремление к сознательной жизни, к национальному самоопределению. Этим настроением татарского и вообще мусульманского населения широко воспользовалась та часть его духовенства и светских вожаков, которая принадлежит по своим воззрениям к так называемому прогрессивному направлению.

С точки зрения этих деятелей, представлялось чрезвычайно важным не только внутренне усилить татарско-мусульманское население, но и приобщить к нему и то соседнее инородческое население, частью тюрско-татарского, частью финского происхождения, которое не успело еще ни национально самоопределиться, ни приобщиться к русской народности. Население этого разряда, не просвещенное и не цивилизованное, представляет ту культурно-инертную среду, которая обратится без сомнения в ту сторону и приобщится к той среде, которые окажутся более деятельными. В настоящее время обстоятельства сложились таким образом, что культурный перевес находится на стороне сравнительно цивилизованного татарского населения, сила которого заключается в воодушевлении национально-религиозной идеей панисламизма. Поэтому в эту местность, местность с инородческим населением, колеблющимся, как сказано, между русско-православным и татарско-мусульманским влиянием, должны быть направлены серьез-

ные усилия к пресечению национально-татарского натиска. Однако всякая борьба достигает только тогда намеченной цели, когда она ведется совершенным оружием. Из них бесспорно первейшим является надлежаще поставленная и хорошо материально и духовно оборудованная школа как светская, так и церковная. Казанский край не богат просвещением. В частности, наши крещеные инородцы остаются во мраке невежества. Это именно и облегчает татарам их совращение в ислам ради татаризации.

Без сомнения в местной жизни найдутся еще и другие многочисленные причины, объясняющие успехи татарской пропаганды и дающие ключ к удачному разрешению вопроса и прочной постановке русского влияния среди инородцев. Причины эти, очевидно, сложны и на обязанности правительства лежит детальное их изучение. Не подлежит сомнению, что в настоящем деле все правительственные силы должны быть мобилизованы, так как важность государственных задач очевидна.

Предположив, предварительно принятия каких-либо конкретных мер, всесторонне обсудить и сообразить все дело нашего культурного труда в Поволжье, в особом совещании, в составе нарочито осведомленных с местными условиями лиц, я признаю безусловно необходимым приобщить к имеющим быть суждениям представителей Министерства народного просвещения из числа лиц, знакомых с местными условиями жизни и теми требованиями, которые могли бы быть приняты в интересах поднятия культурного уровня местного православного населения.

С своей стороны я считал бы особо полезным привлечь к означенному делу попечителя Казанского округа, действительного статского советника Деревицкого[1] и членов совета министра народного просвещения тайного советника Спешкова[2] и действительного статского советника Бобровникова[3].

Покорнейше прося Ваше Высокопревосходительство оказать мне в сем последнем отношении, как и вообще во всем изложенном деле, Ваше содействие и о последующем почтить меня уведомлением, пользуясь случаем выразить Вам чувства глубокого уважения и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
2 октября 1909 года
№ 7300

РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 800. Л. 72–73об.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.

Рассматривая в 1905—1906 гг. вопрос о противодействии мусульманскому влиянию в Приволжском крае, Министерство народного просвещения предложило разрешить преподавание в «русско-инородческих» школах в первые два года обучения на родном языке и комплектовать их не по вероисповедному, а по языковому принципу, т. е. допустить совместное обучение крещеных и мусульман. Этот порядок был законодательно закреплен Правилами 31 марта 1906 г. Одновременно вводился контроль министерства над конфессиональными школами, что вызвало противодействие со стороны местного населения. Новыми правилами о начальных училищах для инородцев 1 ноября 1907 г. разрешалось использование родного языка как подсобного и после двух лет пребывания в школе. Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае, образованное в 1910 г., рекомендовало ограничить мусульманские школы строго конфессиональными рамками, устранив из них преподавание предметов общего характера, в том числе и русский язык, дабы привлечь стремящихся к светскому образованию в государственные школы; содействовать развитию сети общеобразовательных школ для местного населения; увеличить для подготовки учителей для инородческих училищ число учительских семинарий и церковно-учительских школ. Итогом многолетних попыток подчинить национальные школы Казанской губернии контролю со стороны правительства явились утвержденные 14 июня 1913 г., на основании Высочайшего повеления 5 июня 1913 г., министром народного просвещения «Правила о начальных училищах для инородцев».

[1] **Деревицкий** Алексей Николаевич (1859—?) — действительный статский советник, доктор греческой словесности. С 1 января 1885 г. служил по ведомству Министерства народного просвещения, с 6 сентября 1905 г. попечитель Казанского учебного округа.

[2] **Спешков** Сергей Федорович (1847—?) — тайный советник, служил в Министерстве народного просвещения с 1 ноября 1871 г., с 20 августа 1905 г. член совета министра народного просвещения.

[3] **Бобровников** Николай Алексеевич (1854—?) — действительный статский советник, с 29 июня 1878 г. служил по ведомству Министерства народного просвещения, с 13 января 1906 г. попечитель Оренбургского учебного округа, с 1909 г. член совета министра народного просвещения.

Записка И.Я. Гурлянду

10 октября 1909 г.

И.Я. Гурлянду

Необходимо разъяснить в «России» причину взятия м[инистерс]твом обратно из Госуд[арственной] думы двух (а не всех) вероисповедных проектов, для исправления.

Первый касается гл[авным] образом смешанных браков и вероисповедания детей: тут опасна коллизия правительства с церковью и Г[осударственная] дума в роли судьи между ними, т. к. несо-

мненно законопроект залез в область канона, а в этой области необходимо предварительное соглашение с церковью.

Второй законопроект взят для более определенной постановки вопроса о том, что пропаганда среди православных не принадлежит инославным исповеданиям. Более подробные данные для статьи может Вам дать А.Н. Харузин.

10 окт[ября 1909 г.]

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 79. Л. 9–9об.
На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Записка Н.В. Плеве

21 октября 1909 г.

Доверительно

Н.В. Плеве

Препровождаю Вам для сведения прилагаемые *весьма секретные* документы, касающиеся Финляндии.

П.[Столыпин]

21 окт[ября] 1909 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

К записке прилагаются: копия с шифрованной телеграммой командующего Императорской Главной квартирой, генерал-адъютанта барона В.Б. Фредерикса, адресованной военному министру, от 29 сентября 1909 г., за № 2468, из Ливадии: «Государь Император соизволил разрешить отправить в Финляндию лейб-гвардии Атаманский полк, но Его Величество, признавая посылку одного лишь полка совершенно недостаточной, повелевает Вашему Высокопревосходительству донести немедля же какие части будут еще дополнительно направлены в Финляндию» (*РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 109. Л. 3*).

Записка И.Я. Гурлянду

22 ноября 1909 г.

И.Я. Гурлянду

В старообр[ядческой] комиссии явилась, кажется, мысль предоставить права юридического лица не приходу, а молитвенному дому. Мне представляется это юридическим абсурдом. Представьте мне по этому поводу свои соображения.

Относительно метрикации надо иметь в виду, что по проекту она представлена наставниками лишь в *общинах*, а старообрядцы вне общины должны вести метрики в городских и общественных учреждениях.

Представьте мне также соображения по следующему вопросу: в проекте о переходе из одного вероисповедания в другое говорится о «разрешении» такого перехода, противники проекта заявляют, что можно говорить лишь о снятии кары и репрессий, но не о «разрешении». Не выйдет ли при этой (второй) постановке путаницы в дальнейших гражданских правах лиц, перешедших из православия при попустительстве лишь, но без разрешения государства?

П.[Столыпин]

22 н[оября] 1909 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 79. Л. 8–8об.

На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».

Рукопись. Подлинник. Автограф.

Телеграмма барону В.Б. Фредериксу

3 декабря 1909 г.

Я полагаю, что надлежало бы опубликовать резолютивную часть журнала Совета министров, с добавлением, что Государь Император, рассмотрев этот журнал, изволил найти деятельность Петерсона[1] безупречною и не заслуживающею нареканий. Пожалование в гофмейстеры или объявление Высочайшей благодарности, как вызванные выходкою Пуришкевича[2], нахожу нежелательным.

Статс-секретарь Столыпин

РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 73. Л. 5.

В ответ на имя П.А. Столыпина была отправлена из Ливадии 10 декабря 1909 г. бароном В.Б. Фредериксом шифрованная телеграмма:

Петербург

Статс-секретарю Столыпину

Государь Император изволил согласиться с мнением Вашего Высокопревосходительства и повелел опубликовать резолютивную часть журнала Совета министров с добавлением, что Его Величество, рассмотрев журнал, изволил найти деятельность Петерсона безупречною и не заслуживающей нареканий.

Министр Императорского двора Б. Ф[редерикс] (*РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 73. Л. 6*).

[1] **Петерсон** Николай Леонидович — действительный статский советник, в 1906–1913 гг. директор канцелярии наместника Его Императорского Величества на

Кавказе. Гофмейстер (1911). В 1915 г. помощник наместника по гражданской части. С 1912 г. член и с 1915 г. председатель Закавказского статистического комитета.

10 декабря 1908 г. на заседании III Государственной думы депутат от Бессарабской губернии В.М. Пуришкевич в речи, произнесенной при обсуждении запроса по поводу террористических актов на Кавказе, коснулся служебной деятельности директора канцелярии Н.Л. Петерсона, остановившись на двух делах, проходивших через канцелярию: об отчуждении имений князей Дадешкениани в Сванетии в собственность казны и о продлении для фирмы «И.Е. Питоев и К°» без торгов аренды на рыболовные казенные участки в устье р. Куры. Пуришкевич охарактеризовал эти дела как возмутительные и заведомо убыточные для казны и возложил на Петерсона ответственность за пристрастное ведение дел в ущерб казенному интересу, заявив: «Не за прекрасные глаза Питоева, не за прекрасные глаза Дадешкениани устраивает им Петерсон операции; он, несомненно, взяточник, и его нужно так назвать». В ответ Петерсон обратился 11 марта 1909 г. с всеподданнейшим ходатайством о «правлении его жалобы» на члена Государственной думы Пуришкевича в 1-й департамент Государственного совета для привлечения его к ответственности за клевету. Поскольку обвинение в адрес Петерсона прозвучало с думской трибуны, то Пуришкевич должен был быть привлечен к ответственности за «преступное деяние, совершенное при исполнении или по поводу исполнения депутатских обязанностей». В этом отношении депутаты были приравнены к высшим должностным лицам, и поэтому дела об их служебных преступлениях должны были рассматриваться Верховным уголовным судом. При этом дело сначала поступало в Совет министров, затем, если он признавал нужным привлечь обвиняемых к уголовной ответственности, по Высочайшему повелению, — в 1-й департамент Государственного совета, а затем, опять-таки по Высочайшему повелению, — в Верховный уголовный суд. Жалоба Петерсона была оставлена без последствий. Совет министров постановил, что это дело, как уголовно-частное, подлежит рассмотрению окружного суда и рекомендовал Петерсону обратиться в подлежащее судебное учреждение. 26 ноября 1909 г. наместник Его Императорского Величества на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков обратился к императору, сообщив о получении конфиденциального сообщения от П.А. Столыпина о том, что в действиях Петерсона не найдено ничего предосудительного и что Совет министров согласен с заключением наместника относительно безупречности службы Петерсона. Полагая, что его подчиненный не может удовлетвориться не подлежащим оглашению сообщением, наместник ходатайствовал о пожаловании Петерсона в гофмейстеры в качестве компенсации за поруганную честь. Николай II не возражал против того, чтобы мнение Совета министров было высказано открыто. 2 декабря 1909 г. министр Двора барон В.Б. Фредерикс, по поручению императора, послал по этому поводу телеграмму П.А. Столыпину.

[2] **Пуришкевич** Владимир Митрофанович (1870—1920) — общественный и политический деятель. С 1895 г. гласный Аккерманского уезда и Бессарабской губернии. С 1898 г. председатель Аккерманской уездной земской управы Бессарабской губернии. В 1901—1906 гг. прикомандирован к Главному управлению по делам печати Министерства внутренних дел. Депутат II—III Государственной думы от Бессарабской губернии, депутат IV Думы от Курской губернии. Один из основателей и лидеров монархических организаций: «Союза русского народа» (с ноября 1905 г. товарищ председателя Главного совета), затем Русского народного союза имени Михаила Архангела.

Письмо А.Н. Шварцу

7 декабря 1909 г.

7 декабря 1909 года

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Письмо Ваше очень меня огорчило. Мне грустно было узнать, что Вы серьезно нездоровы, а затем, я боюсь, не должен ли я читать между строк? Между тем, солидарность наша, кажется, ни в чем не нарушалась, и мне казалось, что дело налаживается свыше всяких надежд. В моей искренней и сердечной к Вам симпатии Вы, конечно, сомневаться не можете и поэтому поймете, как тяжело мне было узнать, что вся налаженная Вами работа накануне крушения. Ведь для меня ясно, что законопроекты, касающиеся низшей, средней и высшей школы, могут быть проведены в обеих палатах только их составителем. Каждый новый министр начнет все переделывать и менять. Да и где он – этот достойный Вас заместитель?

Все это я говорю, думая о деле. Поэтому не сердитесь на меня – я бы не хотел расстраивать Вас, раз Вы серьезно больны. Но я все надеюсь, что Вы преувеличиваете свое болезненное состояние под влиянием микроба инфлуэнцы.

Во всяком случае сердечно жму Вам руку и остаюсь искренно Вам преданный и душевно уважающий

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 29.

Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 90–91.

Письмо написано в ответ на письмо А.Н. Шварца от 7 декабря 1909 г.:

Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич!

Как мне приходилось уже говорить Вам два года тому назад, здоровье мое не давало мне надежды на продолжительную работу в министерстве. Правда, причиной вновь появившихся у меня припадков грудной жабы является прежде всего продолжительная и очень тяжелая болезнь жены, но все равно для той упорной и лихорадочной работы, которая требуется сейчас от министров, я уже не пригоден. Что мог, я сделал, подыщите же теперь более работоспособного и молодого деятеля.

А в Государственном совете Его Императорскому Величеству, быть может, угодно будет позволить мне еще поработать.

И еще просьба: нельзя ли сменить меня именно 1-го января?

С глубоким уважением и т. д. (*Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 47–48*).

На самом же деле причина отставки заключалась не в болезни, а в расхождении со Столыпиным по поводу политического курса, о чем в своих воспо-

минаниях писал Шварц: «Он понимал, что кое-что ему приходится читать между строк моего письма, что есть причина более серьезная, нежели выставляемая мною для моей отставки... При личном свидании он только просил меня докончить бюджетный год, пробыть до конца сессии и очень настойчив не был, даже в мае, когда я написал ему о необходимости доложить дело Государю» (*Шварц А.Н. Указ. соч. — С. 48*).

Письмо И.Я. Гурлянду

16 декабря 1909 г.

Милостивый Государь
Илья Яковлевич.

Государь Император, по всеподданнейшему моему докладу Всемилостивейше соизволил, ко дню 6 сего декабря, пожаловать Ваше Превосходительство чином действительного статского советника, в изъятие из правил.

О таковой Монаршей милости имею честь Вас уведомить.

Примите уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
16 декабря 1909 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.
Подлинник с подписью.

1910

Письмо С.И. Тимашеву[1]

30 января 1910 г.

Милостивый Государь,
Сергей Иванович.

Совет Киевского русского торгового общества обратился ко мне с просьбою оказать содействие к удовлетворению возбужденного им перед Вашим Превосходительством, в докладной записке от 23 сего января, ходатайства об ограничении приема евреев в коммерческие училища 15%-ною нормою.

Сочувствуя в существе изъясненному ходатайству и имея в виду, что согласно Высочайше утвержденному, 22 августа 1909 года, положению Совета министров, установленные сим положением процентные нормы для приема евреев в правительственные учебные заведения подлежат применению к тем из них, кои, как большинство коммерческих училищ, содержатся на счет общественных или частных средств, с необходимою постепенностью, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, о распоряжениях, какие Вы сочтете нужным сделать по настоящему делу, почтить меня уведомлением.

Примите уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
30 января 1910 года
№ 544

РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 835. Л. 292.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] Тимашев Сергей Иванович (1858—?) — государственный деятель. С 1893 г. товарищ управляющего Государственным банком, в 1903—1909 гг. управляющий банком. С ноября 1909 г. министр торговли и промышленности. С 1911 г. член Государственного совета.

Письмо В.И. Герье

21 февраля 1910 г.

Милостивый Государь
Владимир Иванович.

Принося Вашему Превосходительству выражения моей искренней благодарности за присланный мне обзор[1] происходивших в Государственной думе прений по существу Указа 9 ноября, пользуясь настоящим случаем, чтобы пожелать Вам побольше здоровья.

Примите уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
21 февраля 1910 года
№ 1107

ОР РГБ. Ф. 70. К. 53. Д. 25. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Речь идет о книге В.И. Герье «Второе раскрепощение. Общие прения в 3-ей Государственной думе по указу 9 ноября 1906 г.» (М., 1910).

Письмо А.И. Гучкову

4 марта 1910 г.

Многоуважаемый Александр Иванович,

Звонил к Вам несколько раз по телефону, но бесполезно.

Хотел Вам сказать, что председателем Государственной думы для пользы дела должен быть Ал[ександр] Ив[анович] Гучков.

Если Вы завтра ко мне зайдете, выскажу Вам подробнее свои соображения.

Преданный Вам

П. Столыпин

4 марта 1910 г.

ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1112. Л. 3.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо П.П. Извольскому

8 марта 1910 г.

Милостивый Государь

Петр Петрович.

Вследствие возбужденного Вашим Превосходительством ходатайства о водворении ссыльно-поселенца Маркуса Шефтеля[1], ввиду его болезни, в местность Иркутской губернии, не отдаленной от врачебной помощи, имею честь уведомить Вас, что надлежащие по сему предмету распоряжения сделаны.

Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

8 марта 1910 года

№ 69790

РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132. Л. 13.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.

[1] **Шефтель** Маркус (Мордко) Соломонович — студент Харьковского университета, с 1905 г. в социал-демократическом движении, член харьковской организации РСДРП. 3 марта 1909 г. был арестован, приговором Харьковской судебной палаты от 10/12 октября 1909 г. приговорен к лишению всех прав состояния и вечной ссылке на поселение в Сибирь. 16 марта 1910 г. был направлен в Иркутскую губернию.

Письмо А.И. Гучкову

28 апреля 1910 г.

Милостивый Государь
Александр Иванович.

Вследствие письма от 30-го минувшего марта, за № 1249[1], имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что разработка законопроекта о введении земского самоуправления в губерниях Астраханской, Оренбургской и Ставропольской относится к числу тех поставленных на первую очередь законодательных работ Министерства внутренних дел, на которые обращено мое особое внимание. Озабоченный скорейшим приведением к окончанию этой работы, я затрудняюсь, однако, определить точно время внесения этого законопроекта на уважение Государственной думы, так как его изготовление, задержанное в настоящее время обработкой собранных на месте цифровых данных, необходимых для правильного обоснования некоторых его положений, зависит от своевременного завершения других срочных занятий и работ, которыми отвлечен личный состав учреждений, ведающих вопросами земского и городского хозяйства.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин
28 апреля 1910 г.
№ 3493

РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 68–68об.
На бланке «Министр внутренних дел».
Машинопись. Подлинник.

[1] Письмо А.И. Гучкова, направленное П.А. Столыпину от 30 марта 1910 г.:
Милостивый Государь,
Петр Аркадьевич.

При обсуждении (19 ноября и 10 декабря 1908 г. и 11 апреля 1909 г.) законодательных предположений о введении земского самоуправления в губерниях Астраханской, Ставропольской и Оренбургской таковые были признаны Государственной думой желательными и переданы в комиссию по местному самоуправлению.

При этом согласно ст. 57 Учреждения Государственной думы выработку соответствующих законопроектов Министерство внутренних дел приняло на себя (письмо министра внутренних дел от 30 апреля 1909 г., № 3250).

На этом основании министерством было отказано в доставлении комиссии необходимых ей для разработки вышеуказанных законодательных предположений сведений, вследствие чего последняя, в ожидании внесения в Государственную думу соответствующих законопроектов, которое, по сообщению

министерства, могло последовать весной 1910 г., вынуждена была приостановить свои по этому вопросу работы.

Принимая в соображение вышеизложенное, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить мне, когда предполагается представить в Государственную думу законопроекты о введении земского самоуправления в губерниях Астраханской, Ставропольской и Оренбургской, выработку коих Министерство внутренних дел приняло на себя.

Примите уверение в совершенном почтении и таковой же преданности.

Ваш покорный слуга (подписал) А. Гучков (*РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 133. Л. 67–67об. Машинопись. Отпуск*).

Записка А.Д. Арбузову

1 мая 1910 г.

В ближайший доклад напомните мне о вкравшемся в нашем циркуляре о закрытии окраинных политич[еских] обществ неудобном по отношении к украинцам выражении «инородцы».

П.[Столыпин]

1 мая 1910 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 240. Л. 48.

На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».

Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо П.М.Кошкину[1]

5 мая 1910 г.

Милостивый Государь,

Петр Михайлович.

Государь Император, в 9 день мин[увшего] апреля, Высочайше соизволил на образование Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых[2], под председательством лица, назначаемого Его Императорским Величеством из представителей министерств: Императорского Двора и уделов, Военного, Морского, Внутренних дел, Юстиции, Народного просвещения, Финансов и Путей сообщения, а также Духовного ведомства православного исповедания и Государственного контроля.

Признав соответственным назначить представителем Министерства внутренних дел в означенный комитет Ваше Превосходительство, имею честь сообщить об этом Вам, Милостивый Государь, для надлежащего исполнения.

К сему считаю долгом присовокупить, что Его Императорскому Величеству Всемилостивейше благоугодно было назначить

председателем Комитета члена Государственного совета гофмейстера Высочайшего Двора Булыгина.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

5 мая 1910 г.

№ 12553

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Д. 65. Л. 5.
Машинопись. Отпуск.

[1] Кошкин Петр Михайлович — тайный советник, член совета министра внутренних дел, Совета по железнодорожным делам, Совета по горнопромышленным делам.

[2] Комитет для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых образован Высочайше утвержденным 9 апреля 1910 г. положением Совета министров. 17 апреля 1910 г., по докладу председателя Совета министров П.А. Столыпина, император утвердил председателем Комитета А.Г. Булыгина. Поначалу в состав Комитета вошли представители следующих министерств: Императорского Двора и уделов, военного, морского, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, финансов и путей сообщения, а также духовного ведомства православного исповедания и Государственного контроля. Затем по Высочайше утвержденному 7 мая 1910 г. докладу П.А. Столыпина состав Комитета был расширен, в него вошли представители собственной Его Императорского Величества канцелярии, собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, министерств иностранных дел и торговли и промышленности и Главного управления землеустройства и земледелия. В задачи Комитета входила разработка мероприятий празднования и руководство его подготовкой. По предложению Комитета днем главного празднования было Высочайше утверждено 21 февраля 1913 г. — день избрания на царство Земским собором Михаила Федоровича Романова. По окончании торжеств постановлением Совета министров Комитет был закрыт (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Л. 108—109*).

Письмо И.Г. Щегловитову

12 мая 1910 г.

Милостивый Государь,

Иван Григорьевич.

Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, в дополнение к преподанным ранее Высочайшим указаниям, поставить в известность ревизующих сенаторов Гарина[1], Дедюлина[2] и Нейдгардта[3], что Его Императорское Величество изволит признавать необходимость завершения производимых ими ревизий к июлю текущего года.

О таковой Высочайшей воле, для надлежащего, в чем следовать будет, исполнения, имею честь уведомить Ваше Превосходительство.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в глубоком моем уважении и искренней преданности.

Подписал: П. Столыпин

12 мая 1910 г.

№ 2651

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 42. Л. 26.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Проект.

[1] **Гарин** Николай Павлович (1861—?) — сенатор, тайный советник, член Государственного совета.

[2] **Дедюлин** Николай Александрович (1858—1913) — сенатор. Служил в департаменте герольдии, в Правительствующем Сенате.

[3] **Нейдгардт** Дмитрий Борисович («Мима») (1861—1942) — брат жены П.А. Столыпина. Служил в Преображенском полку (вместе со старшим братом П.А. Столыпина — Михаилом). С 18 декабря 1897 г. вице-губернатор Калужской губернии; коллежский советник. С 5 сентября 1903 г. до 27 октября 1905 г. одесский градоначальник, был уволен в связи с еврейскими погромами. Тайный советник, член Государственного совета. В 1910—1911 гг. ревизовал правительственные и общественные установления Царства Польского, в 1911 г. — деятельность земских и городских учреждений по сооружению мостов.

Письмо А.Г. Булыгину

17 мая 1910 г.

Милостивый Государь,

Александр Григорьевич.

Вследствие письма от 11 сего мая за № 1, уведомляю Ваше Высокопревосходительство, что с моей стороны не встречается препятствий к поручению Вами начальнику отделения Д[епартамен]та общих дел, статскому советнику Граве[1] управление делами Комитета для устройства празднования 300-летия царствования Дома Романовых.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности

Подписал: Столыпин

17 мая 1910 г.

№ 13614

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Д. 65. Л. 27.
Машинопись. Отпуск.

[1] **Граве** Николай Вячеславович — статский советник, начальник VI отделения Департамента общих дел Министерства внутренних дел.

Письмо А.Н. Шварцу

21 мая 1910 г.

21 мая 1910 года
Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Военный министр письмом от 20 текущего мая за № 31388 уведомил меня, что по всеподданнейшему докладу его о прибытии в Петербург первого народного класса военного строя и гимнастики, организованного инспектором народных училищ Бахмутского уезда статским советником Луцкевичем, Его Императорскому Величеству в 18 день сего мая благоугодно было назначить Высочайший смотр сему классу в субботу, 22-го сего мая, в 2,5 часа дня, в Царском Селе.

Об изложенном считаю долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 31.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

В ответ А.Н. Шварц направил П.А. Столыпину следующее письмо:

Милостивый Государь
Петр Аркадьевич!

О том, что его Императорскому Величеству благоугодно было назначить смотр ученикам городских бахмутских училищ 22-го с[его] мая, было мне сообщено г[осподином] военным министром 20-го сего мая так же, как и Вашему Высокопревосходительству. Все распоряжения, однако, касающиеся как доставки в С.-П[етербург] означенных учеников, так и пребывания их здесь, а равно и подготовки предстоящего смотра, делаемы были Его Императорским Величеством по Военному м[инистерст]ву и через г[осподина] военного м[инис]тра подобно тому, вероятно, к[а]к таковые же распоряжения по приему студентов разрешенного Сов[етом] м[инист]ров клуба делались по М[инистерству] в[нутренних] дел.

Приглашения на смотр в Царское Село я не получал, да и не мог бы последовать ему вследствие нездоровья, о кот[ором] я довод[ил] до свед[ения] и Ваш[его] Выс[око]превосходительства, и Государя Императора.

Позволю себе просить Вас принять уверение в совершенном уважении Вашего, Милостивый Государь, покорного слуги.

А. Шварц (*ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 31*).

Записка И.Я. Гурлянду

29 мая 1910 г.

И.Я. Гурлянду

В «Русских ведомостях»[1] была статья против землеустройства, основанная на ревизионных замечаниях Я.Я. Литвинова[2], напечатанных в «Известиях 3. Отдела».

Надо в «России» высмеять «Русские ведомости», т. к. они судят по себе и не могут возвыситься до понимания необходимости прямо смотреть на вещи и не скрывать их теневых сторон. Правительство же избрало именно этот путь и твердо уверено в успехе.

П.[Столыпин]

29 мая 1910 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 79. Л. 7.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров». Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Русские ведомости» — общественно-политическая газета либерального направления, одна из старейших и крупнейших в России. Издавалась в 1863—1918 гг. в Москве. В 1883—1913 гг. издатель-редактор В.М. Соболевский. Первоначально выходила три раза в неделю, с 1868 г. стала ежедневной. Газета оказывала серьезное влияние на общественное мнение, выступала за проведение политических и социально-экономических реформ, осуществление политических и гражданских свобод. В 1880—1890-е гг. газета — один из центров либеральной оппозиции. В период революции 1905—1907 гг. вокруг редакции «Русских ведомостей» было сформировано московское отделение Партии демократических реформ во главе с одним из соредакторов газеты В.Ю. Скалоном. Однако газета подчеркивала свой беспартийный, надклассовый характер.

[2] Литвинов Яков Яковлевич (1852—?) — земский врач, в 1901—1906 гг. товарищ начальника крестьянского отдела Министерства внутренних дел. В 1906—1907 гг. председатель Особой комиссии по крестьянским делам Царства Польского. В 1907 г. привлечен совместно с В.И. Гурко к суду по делу Л.И. Лидваля — авантюриста, предпринимателя, шведского подданного, нажившегося на спекуляции зерном, участвуя в кампании помощи голодающим крестьянам.

Письмо А.Н. Шварцу

29 мая 1910 года

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Письмом от 13/18 марта сего года, за № 356, туркестанский генерал-губернатор просит меня оказать содействие к проведе-

нию поставленного ныне на очередь преобразования учебного дела в Высочайше вверенном ему крае, согласно заявленным им, в письме на имя Вашего Превосходительства от 9 того же марта, за № 333, предположениям. При этом генерал-лейтенант Самсонов[1] объясняет, что необходимость установления надежного надзора за мусульманскими школами представляется совершенно неотложною. Дело в том, что в связи с возникшим за последнее время в Бухарском ханстве движением, в Старой Бухаре образовалось особое товарищество, поставившее своею целью издание учебников для конфессиональных школ. Не подвергающиеся никакой цензуре, учебники эти, несомненно, получат широкое распространение в мусульманских училищах Туркестана, являясь проводниками враждебных нам идей. Независимо от сего, и заезжие из Бухары агитаторы ведут в крае противоправительственную пропаганду среди русских подданных мусульман, таджиков, узбеков и киргиз[ов]. Наиболее же восприимчивою к этой пропаганде и увлекающеюся является, конечно, учащаяся молодежь. Между тем, в проекте штата предположенного ныне к образованию Туркестанского учебного округа не предусматривается должностных лиц, которые могли бы посвятить себя действительному наблюдению за туземными конфессиональными училищами, ибо включенные в этот проект две должности окружных инспекторов окажутся едва ли достаточными для надлежащей постановки надзора за средними правительственными учебными заведениями. Объясненное обстоятельство побуждает туркестанского генерал-губернатора ходатайствовать о дополнении означенного штата хотя бы 5 должностями окружных инспекторов исключительно для наблюдения за местными туземными школами.

Признавая, с своей стороны, приведенное ходатайство генерал-лейтенанта Самсонова заслуживающим самого серьезного внимания, я не могу не заметить, что правительственный надзор за существующими в Туркестанском крае многочисленными туземными конфессиональными училищами с десятками тысяч обучающихся в них мусульманских юношей представляется задачею первостепенной важности. Пропаганда исламских идей, враждебных христианскому миру, значительно усилилась в настоящее время в наших среднеазиатских владениях, а при таких условиях широкому распространению вредных учений исламизма необходимо противопоставить бдительный контроль за местными школами со стороны государственной власти. Вследствие сего, долгом считаю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в Вашем содействии к осуществлению заявленных гене-

рал-лейтенантом Самсоновым в упомянутом письме, за № 333, предположений и о последующем почтить меня уведомлением.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: Столыпин
29 мая 1910 года
№ 2888

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 815. Л. 70–71.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

В ходе последующей переписки по данному делу туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов адресовал П.А. Столыпину письмо от 15 июня 1910 г.

Милостивый Государь,
Петр Аркадьевич.

Вследствие письма исправляющего должность управляющего делами Совета министров от 24 июня 1910 года, за № 3487, при котором мне сообщено в копии письмо Шварца от 16 июня 1910 г., за № 8331, имею честь препроводить Вашему Высокопревосходительству при этом копии моих писем на имя министра народного просвещения от 1 мая и 30 июня 1910 г., за №№ 608 и 834, служащих ответом на письмо тайного советника Шварца.

Вместе с тем имею честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в Вашем содействии к предполагаемому сенатором Шварцем учреждению новых дирекций и инспекций народных училищ в Туркестанском крае, причем я всемерно продолжаю настаивать на необходимости учреждения при проектируемом Туркестанском учебном округе третьего окружного инспектора-ориенталиста; в его руках сосредоточивались бы донесения директоров народных училищ, касающиеся мусульманских школ. Он являлся бы окружным инспектором только по мусульманским школам и вообще по вопросам инородческого образования. Весьма трудно рассчитывать, чтобы окружные инспектора, математик и филолог, были хорошо осведомлены в вопросах, связанных с образованием туземцев, и могли руководить действиями директоров и инспекторов народных училищ по наблюдению за туземными школами. Между тем среди туземных школ находится в Туркестане 336 мадрас с 14 375 учащимися, по своей программе соответствующих средним учебным заведениям и, безусловно, подлежащих надзору окружной инспекции. Учреждение должности окружного инспектора со специально-ориентальным образованием одновременно с общим преобразованием учебной части в крае необходимо для того, чтобы дело надзора за мусульманскими училищами и реорганизация в них учебной части сразу были поставлены на правильный путь и сосредоточены в руках человека всесторонне знакомого с положением учебного дела в Туркестане.

Назначение третьего окружного инспектора-ориенталиста необходимо также в целях достижения более полной и правильной цензуры обращающихся в мусульманских школах учебных руководств и пособий.

На необходимость иметь в крае при туркестанском генерал-губернаторе и при военных губернаторах областей хорошо образованных востоковедов было обращено внимание еще комиссией 1898 года, так как при отсутствии таких лиц все вопросы, касающиеся местного мусульманства, передаются на

обсуждение и заключение случайным лицам, заключения которых не всегда могут быть правильны и достаточно компетентны. Для избежания подобных последствий в делах учебного ведомства, несомненно, было бы желательно иметь при Туркестанском учебного округе научно образованного и административно опытного востоковеда, предоставив ему место окружного инспектора по делам мусульманских школ края.

Будучи глубоко убежден, что только вышеперечисленные преобразования дадут возможность надлежащим образом организовать правительственный надзор за мусульманскими школами, пресечь возможность распространения среди мусульманского населения идей, враждебных русской государственности, и помогут насадить в Туркестанском крае русскую государственную школу, я прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать поддержать проведение в жизнь этого мероприятия одновременно с учреждением Туркестанского учебного округа.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

А. Самсонов

15 июля 1910 года

г. Ташкент

№ 11766 (*РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 815. Л. 76–77. На бланке «Туркестанский генерал-губернатор». Машинопись. Подлинник с подписью*).

[1] **Самсонов** Александр Васильевич – генерал-лейтенант. С 3 апреля 1907 г. до 17 марта 1909 г. наказной атаман Войска Донского, с 17 марта 1909 г. до 1914 г. туркестанский генерал-губернатор.

Письмо А.П. Извольскому

1 июля 1910 г.

В собств[енные] руки

Многоуважаемый Александр Петрович,

Очень Вам благодарен за осведомление меня о непристойных выходках против Вас со стороны «Земщины»[1]. Я не знал об этом, так как стараюсь здесь читать как можно менее газет.

Я сегодня по телеграфу сделал соответствующее распоряжение и «Земщине» пригрозят всякими неприятностями, что, надеюсь, даст результаты.

В одном Вы, Многоуважаемый Александр Петрович, глубоко ошибаетесь: никакой субсидии «Земщина» от Главного управления по делам печати не получает и кроме штрафов (и то по охране – через градоначальника) других мер воздействия на газету у Главного управления не имеется.

На «Земщину» и другие газеты (партийные), исключая левых, я влияю исключительно через лидеров политич[еских] партий, которым, конечно, с правительством ссориться не выгодно. Таким об-

разом, Вас просто плохо осведомили и Бельгард[2] не имеет никакой возможности поступать так просто, как это Вам представляется, т. е. пригрозить редактору отнятием не получаемой им субсидии.

С политическими деятелями правее кадет я веду дело лично, конечно, могу на них влиять тысячью путями, но делаю это *лично*. Это не всегда легко — партию не закроешь, как газету! Поверьте, что с этой стороны я *не раз* ограждал Ваше ведомство от неприятностей.

Я отлично понимаю, кому угодно было внушить Вам, что все это так просто и что Правительство само платит за нападки на Вас, но удивляюсь, что Вы могли этому поверить и тем более выставить это предлогом для своего ухода.

Я понимаю причины общего характера: враждебность известной части общественного мнения (сильно смягченная последними Вашими успехами), Ваше несочувствие направлению моей политики, но мне, сознаюсь, непонятны упреки в затруднениях, якобы чинимых Вам Правительством, или, попросту говоря, мною.

Искренно Вам преданный

П. Столыпин

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 42. Л. 18–19об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Земщина» — общественно-политическая и литературная газета, выходила ежедневно в С.-Петербурге в 1909—1917 гг. Редактор С.К. Глинка-Янчевский, №№ 1022—1047 Н.П. Тихменев. Издатель С.А. Володин. Выходило иллюстрированное приложение в 1913—1915 гг., а с августа 1913 г. — газета «Верность».

[2] Бельгард Алексей Валерьянович (1861—1942) — в звании камергера, статский советник. С 22 декабря 1902 г. до 13 июля 1902 г. вице-губернатор Лифляндской губернии, с 6 июля 1902 г. до 4 марта 1905 г. эстляндский губернатор. С 1905 г. начальник Главного управления по делам печати. Сенатор (1912).

Письмо А.Н. Шварцу

14 июля 1910 г.

14 июля 1910 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Очень рад, что телеграмма моя Вас успокоила, тем более, что совершенно неожиданно я по поводу платы за учение встретил весьма стойкое сопротивление.

Конечно, как и было между нами решено, в сентябре Вам будет возвращена свобода. Я буду в Петербурге в начале августа, и тогда будет решен вопрос о Вашем преемнике, сильно меня волнующий.

Я надеюсь, что мне удастся отстоять Вам содержание в 18 т[ыс]. рубл[ей] и, во всяком случае, не менее 15-ти. Я очень тронут был теплыми выражениями Вашего письма по отношению ко мне, верьте, что я сохраню лучшие воспоминания о Вашей благородной личности и вечную благодарность за сделанное Вами, не щадя себя, большое дело – возвращение нашей школы к порядку и дисциплине.

Искренне уважающий Вас и преданный

П. Столыпин

ОР РГБ. Ф. 338. К. 3. Д. 3. Л. 33–34.
Опубл.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. – М., 1994. – С. 91–92.

Письмо П.Г. Курлову[1]

19 июля 1910 г.

Многоуважаемый Павел Григорьевич.

Пишу Вам, рассчитывая, что Вы уже вернулись из Варшавы.

Узнайте конфиденциально у ген[ерала] Дедюлина[2] и немедленно протелеграфируйте мне шифром, когда Его Величество предполагает выбыть за границу. Мне необходимо это знать, чтобы успеть до отъезда лично доложить Государю Императору некоторые неотложные дела.

Я предполагал прибыть 9-го августа, дабы одновременно отбыть нашу бюджетную страду в Совете министров, но мне, конечно, безразлично прибыть ранее, с тем чтобы потом еще заглянуть в деревню. Это первое дело. Второе заключается в следующем: как Вы знаете, я в 20-х числах августа собираюсь в поездку через Нижний, до Самары, затем Челябинск, Омск и, быть может, до Иркутска. Прикажите, под каким-нибудь предлогом, составить справку о том, какие в попутных пунктах возбуждались более крупные вопросы по Д[епартамен]ту полиции и штабу корпуса, чтобы мне быть во всеоружии во время кратких в этих пунктах остановок. Третье дело, меня интересующее, как идут у А.А. Макарова рабо-

ты по полицейской реформе? Надеюсь, что Вы после Риги отдышались и что Нил Петрович[3] мог уже уехать лечиться.

Искренне Вас уважающий и преданный П. Столыпин.

19 июля 1910 г.

Колноберже

ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 2859. Л. 1–2.

Опубл.: Былое. – 1918. – № 1 (29). – С. 130.

[1] **Курлов** Павел Григорьевич (1860–1923) – с 1903 г. курский вице-губернатор; с 1905 г. минский губернатор; с 1906 г. член совета министра внутренних дел; в апреле-августе 1907 г. и. о. вице-директора Департамента полиции; с 1907 г. начальник Главного тюремного управления; с 1909 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир Отдельного корпуса жандармов. Генерал-лейтенант. После убийства П.А. Столыпина уволен с должности. В 1914 г. особо уполномоченный по гражданскому управлению Прибалтикой.

[2] **Дедюлин** Владимир Александрович (1858–1913) – генерал-адъютант. С 28 октября 1903 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. 17 января 1905 г. назначен петербургским градоначальником. С 31 декабря 1905 г. командир Отдельного корпуса жандармов. В 1906–1913 гг. дворцовый комендант.

[3] **Зуев** Нил Петрович (1857–1918) – служил по судебному ведомству; в 1903–1909 гг. вице-директор Департамента полиции; в 1909–1912 гг. директор Департамента полиции.

Письмо С.С.Андреевскому[1]

8 августа 1910 г.

Милостивый Государь,

Сергей Сергеевич.

По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, в г. Орле в цирке К. Гаммершмидта, с разрешения местного начальства, производилась раздача подарков, что должно быть признано ничем иным, как особым видом лотереи и посему, в соответствии с законом, означенная раздача и не могла быть допущена. Согласно точному смыслу Высочайше утвержденного 24 декабря 1906 года журнала Совета министров, местным губернским начальствам предоставляется право разрешать лотереи лишь при условии безусловного соблюдения требований закона и утвержденных министром внутренних дел 14 июня 1901 г. правил. Параграф же 12 означенных правил устанавливает, что устройство лотерей, в каких бы то ни было видах, безусловно не должно быть допускаемо на народных гуляниях, на детских праздниках и там, где преобладающее число посетителей принадлежит к рабочему классу,

причем этот же параграф требует, чтобы плата на общественных гуляниях и собраниях, где разыгрываются лотереи, была бы не ниже одного рубля. Между тем в цирках существует значительное число мест ценою ниже одного рубля и главный контингент посетителей простой народ и малолетние, для привлечения коих именно и раздаются подарки, внося этим, вместе с сим, в обыкновенное развлечение азарт.

Признавая такое отступление от закона совершенно недопустимым, тем более, что неоднократно обращенные разными лицами подобные ходатайства постоянно и неуклонно мною отклонялись, прошу Ваше Превосходительство принять немедленно меры к устранению этого нежелательного явления и о последующем сообщить.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности

Подписал П. Столыпин
8 августа 1910 г.
№ 21318

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Д. 7. Л. 115–115об.
Машинопись. Отпуск.

[1] **Андреевский** Сергей Сергеевич — действительный статский советник. С 30 декабря 1889 г. до 4 декабря 1893 г. — вице-губернатор Курской губернии, с 30 мая до 30 декабря 1902 г. — вице-губернатор Псковской губернии, с 30 декабря 1902 г. до 13 января 1906 г. — воронежский губернатор, с 10 июня 1906 г. до 1915 г. — орловский губернатор.

Письмо А.В. Кривошеину

14 августа 1910 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Тут на свободе я вспомнил, что неудобно, побыв в Москве несколько часов, не посетить Великой княгини Елизаветы Федоровны[1], митрополита и командующего войсками. Быть может, никого из этих лиц теперь в Москве еще и нет, но не думаете ли Вы, что если они в Москве, нам нужно с них начать? Сделав эти необходимые акты вежливости, мы бы двинулись на хутора.

Но я забыл спросить Вас, где я Вас в Москве найду?

Если хотите, я могу с вокзала заехать за Вами в генерал-губернаторский дом, где Вы могли бы с утра остановиться?

Телеграфируйте мне об этом сюда во избежание путаницы.

Я выгоняю тут свою простуду, весьма упорную, но надеюсь к отъезду быть в порядке.

Искренно преданный Вам

П. Столыпин

14 августа 1910 г.

Колноберже

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 15–16.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Елизавета Федоровна** Романова (Елизавета Александра Луиза Алиса) (1864–1918) – великая княгиня, благотворительница. Дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV, сестра императрицы Александры Федоровны, супруга (с 1884) великого князя Сергея Александровича. Председательница и попечительница ряда благотворительных обществ в Петербурге и в Москве. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. возглавила в Москве движение по оказанию медицинской и социальной помощи воинам, вдовам, сиротам погибших. После убийства супруга (4 февраля 1905 г.) распустила великокняжеский двор и посвятила свою жизнь заботе о больных и бедных. В 1907 г. приобрела усадьбу на ул. Б. Ордынка в Москве для устройства Марфо-Мариинской обители сестер милосердия. 2 апреля 1910 г. приняла посвящение в звание сестры обители милосердия. Активно участвовала в работе Православного Палестинского общества, являясь с 1905 г. его сопредседателем. С начала Первой мировой войны разработала вместе с императрицей Александрой Федоровной план оказания медицинской помощи фронту.

Записка А.Д. Арбузову

16 августа 1910 г.

Д[иректо]ру Д[епартамен]та общ[их] дел

В возвращаемом списке я подчеркнул красным карандашом законопроекты, *принципиально* важные, о необходимости рассмотрения которых в предстоящую сессию необходимо уведомить канцелярию Совета министров.

Кроме того, прилагаю выписку из двух списков, непосредственно мне представленных земским отделом и Главным управлением по делам местного хозяйства. О всех перечисленных в выписке законопроектах надлежит также уведомить канц[елярию] Сов[ета] м[инист]ров.

16 авг[уста] 1910 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 503.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник.

Из общего перечня законопроектов, разрабатываемых для представления в Государственную думу, по Министерству внутренних дел П.А. Столыпиным были выделены следующие:

по Департаменту общих дел — 1. Проект закона об обществах и союзах; 2. О мерах к ограничению иностранной колонизации в Привислинских губерниях;

по Управлению по делам о воинской повинности — 1. О призрении нижних воинских чинов и членов их семейств; 2. Об установлении общего закона по устройству и эксплуатации телефонных сообщений;

по Главному управлению по делам печати — Проект закона о печати;

по Управлению главного врачебного инспектора — О введении нового Положения по оспопрививанию;

по Департаменту духовных дел — Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях.

Из общего перечня законопроектов, внесенных в Государственную думу, были выделены:

по Департаменту общих дел — 1. По вопросу об образовании Холмской губернии; 2. Об изменении временных правил о водворении в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении действия сих правил на губернии Киевскую и Подольскую;

по Управлению по делам о воинской повинности — Об изменении некоторых законоположений, касающихся учета и призыва нижних чинов запаса армии и флота и ратников государственного ополчения 1-го разряда.

по Департаменту полиции — 1. О неприкосновенности личности; 2. Об исключительном положении; 3. О введении полицейской стражи в Сибири и областях Степных и Приамурского края;

по Центральному статистическому комитету — О преобразовании Статистического совета и Центрального статистического комитета.

(См.: *РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 504—508об. Машинопись*).

Письмо Е.Е. Извекову[1]

6 сентября 1910 г.

Милостивый Государь,
Егор Егорович!

В дополнение к письму моему от 2 сентября сего года за № 774, считаю долгом просить Ваше Превосходительство обратить особое внимание Ваше на нижеследующее:

1) Крестьянское население Сибири несомненно переживает в настоящее время решительный момент перехода от захватной формы землепользования к землепользованию правовому.

При этом среди него ясно обнаруживаются два течения. Одни настаивают на переходе к общинно-передельной форме владения землей, другие — стремятся к разверстанию земельных угодий на постоянные участки, хуторами или отрубами.

Опыт Европейской России в достаточной мере доказал вред общинного землевладения и потому на обязанности правительственной власти и, в частности, Вашего Превосходительства лежит долг всемерно содействовать тому, чтобы старожильческие и переселенческие общества Томской губернии прямо перешли к владению личному, по возможности хуторскому или отрубному, минуя общинно-передельную форму землепользования.

В этих целях крестьянские начальники и переселенческие чиновники должны разъяснять подведомственному населению все преимущества личного владения перед общинным.

Необходимое техническое содействие будет оказываться в переселенческих поселках землемерами Переселенческого управления, а в старожильческих – за счет Министерства внутренних дел. Во всяком случае ссуды из сумм Переселенческого управления могут быть разрешаемы Общим присутствием губернского управления лишь на производство окончательного раздела надельной площади, а не на срочные переделы.

2) В предвидении времени, когда населению придется удобрять свои земли, Вашему Превосходительству надлежит настаивать на образовании возможно мелких переселенческих участков и не допускать прирезок к существующим переселенческим поселкам на предмет дополучисления.

3) Система правительственных ссуд должна быть постепенно заменяема частной кредитной операцией. Поэтому Вашему Превосходительству надлежит наблюсти, чтобы в каждом, по возможности, из селений Томской губернии было образовано какое-либо учреждение мелкого кредита, сословно-общественное или кооперативное, смотря по местным условиям.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности*.

П. Столыпин.

ГАНО. Ф. П–5. Оп. 4. Д. 154. Л. 1–2. Подлинник.
Опубл.: Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 87–88.

Письмо написано во время завершения поездки Столыпина по Сибири. В Томске он был только один день. Прибыв 31 августа пароходом из Камня-на-Оби в Новониколаевск, он затем поездом выехал в губернский центр. Здесь

---

* На документе резолюция Е.Е. Извекова: Губ[ернское] упр[авление]. Крестьянское отд[еление]. Циркулярно дать знать всем съездам, крестьянским начальникам и перес[еленческим] чиновникам. 11 сентября 1910 г.

они с А.В. Кривошеиным, помимо обычных посещений, связанных с переселением и холерной эпидемией, осмотрели лечебницу для душевнобольных и учебные заведения, единственный тогда в Сибири университет и Технологический институт. Столыпин был причастен к отъезду на Дальний Восток прежнего томского губернатора Н.Л. Гондатти и назначению на эту должность Е.Е. Извекова. В свое время он не успел проинструктировать своего назначенца. Побывав в Томске, Столыпин решил поделиться с ним впечатлениями и дать ему указания по проведению земельной реформы в условиях Сибири, суть которых была изложена в письмах от 2 и 6 сентября 1910 г.

[1] **Извеков** Егор Егорович — действительный статский советник. С 15 сентября 1892 г. до 8 февраля 1897 г. вице-губернатор Архангельской губернии, с 8 февраля 1897 г. до 14 января 1908 г. вице-губернатор Костромской губернии. Позднее член совета министра внутренних дел, тайный советник; вступил в должность томского губернатора незадолго до поездки в Сибирь П.А. Столыпина.

Письмо А.П. Извольскому

21 сентября 1910 г.

Петербург.

Глубокоуважаемый Александр Петрович,

Вчера вернулся в Петербург из продолжительной поездки и нашел письмо Ваше от 8 сентября[1]. Раз наступившая в Вашей жизни перемена Вас радует — от души Вас поздравляю и шлю Вам лучшие свои пожелания.

Полоса тревог, неприятностей и огорчений у Вас за спиною и через несколько времени, когда Вы будете в состоянии спокойно думать о прошлом, Вы наверное согласитесь, что сумма пережитой и перечувствованной нами скорби ничтожна в сравнении с громадностью пережитых событий.

Оставаясь пока на вахте, я, конечно, с благодарным чувством буду вспоминать об ушедшем товарище, никогда, среди самой сильной бури, не выказывавшем малодушия и сомнения в том, что Россия будет выведена на верный и безопасный путь.

На более спокойном посту, но в центре событий, Вы, конечно, сумеете использовать свои дарования на пользу родины.

Жду Вашего приезда, чтобы поговорить с Вами о многом.

Теперь я несколько смущен тем, что свидание в Потсдаме[2] произойдет в отсутствии министра иностранных дел. Ввиду чрезвычайно деликатных отношений наших к Германии, напрасно, мне кажется, не вызвали для этого события Сазонова[3]. Он вступит в управление министерством, имея за собою разговоры, или переговоры, ему неизвестные. Впрочем, быть может, все это страхи преувеличенные.

Дружески, от сердца, жму Вашу руку, благодарю за добрые Ваши слова и прошу передать наши лучшие пожелания и привет Маргарите Карловне.

Искренно Вам преданный
П. Столыпин

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 7–7об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] В письме П.А. Столыпину от 8/21 сентября 1910 г. из Франкфурта, где он находился на лечении, Извольский «конфиденциально» сообщал: Николай II «соблаговолил снизойти на мое ходатайство об увольнении меня от должности министра иностранных дел и в то же время решил назначить меня на только что освободившийся пост в Париже». Управляющим министерством решено назначить С.Д. Сазонова. «В эту минуту, – писал далее Извольский, – я чувствую потребность еще раз высказать Вам, глубокоуважаемый Петр Аркадьевич, чувство искренней преданности Вашей светлой личности и истинного преклонения перед великими услугами, оказанными Вами России. За все эти тяжелые четыре года я получил от Вас лично доказательства самой сердечной дружбы, самого открытого доброжелательства и со своей стороны думаю, что ни разу не погрешил перед Вами. Если в последнее время между нами оказалось некоторое различие во взглядах, то различие это носило исключительно политический и, так сказать, теоретический характер и смею надеяться, никогда не повлияет на наши личные отношения и на взаимные наши дружеские чувства, которым я придаю самую высокую цену» (*АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 1об.–2. Рукопись. Подлинник. Автограф*).

[2] Осенью 1909 г. между Россией и западными странами возникли определенные осложнения в связи с реализацией проекта строительства Багдадской железной дороги. В октябре 1909 г. было создано международное акционерное общество, в котором приняли участие германские, французские, швейцарские и австрийские банкиры. Франция, будучи союзницей России, фактически отказалась от противодействия германской экспансии на Ближнем Востоке. Колебания в отношении строительства Багдадской железной дороги проявила и Англия, что не могло не тревожить Россию. 24 декабря 1909 г. А.П. Извольский обратился с письмом к П.А. Столыпину и руководителям ведомств, заинтересованных в железнодорожном строительстве в Турции. Подчеркивая, что упорствование России в своем негативном отношении к проекту «может оказаться для ее невыгодным, ибо в конце концов Багдадская железная дорога может быть построена вопреки нашему сопротивлению», он предложил обсудить последствия возможной постройки железнодорожных линий в Малой Азии по направлению к Черному морю и кавказской границе России. Эта проблема, непосредственно затрагивающая интересы России, неоднократно обсуждалась на самых различных уровнях, в том числе и на Потсдамской встрече Николая II, состоявшейся 22–23 октября 1910 г. В переговорах приняли участие недавно назначенный на пост министра иностранных дел С.Д. Сазонов, германский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег и статс-секретарь ведомства иностранных дел А. фон Киндерлен-Вехтер. Если монархи ограничились выражением пожелания сохранить на длительную перспективу мир в Европе, то переговоры Сазонова с представителями германского правительства носили более конкретный характер, в частности был затронут вопрос о же-

лезнодорожном строительстве в Северной Персии и возможности проведения соединительных линий от Багдадской железой дороги. Начавшийся в Потсдаме переговорный процесс между Россией в Германией был завершен подписанием соглашения в августе 1911 г. Германия признала особые интересы России в Северной Персии и обязалась не претендовать там на концессии на железнодорожное строительство. Россия со своей стороны обязалась сама получить у персидского правительства концессию на постройку линии Ханекин-Тегеран лишь после завершения строительства Германией ветки Багдадской железной дороги. По сути Потсдамское соглашение, подписание которого было ускорено Марокканским конфликтом, явилось последней попыткой улучшения русско-германских отношений накануне Первой мировой войны.

[3] **Сазонов** Сергей Дмитриевич (1860—1927) — государственный деятель; муж сестры О.Б. Столыпиной. С 1883 г. на дипломатической службе: секретарь и советник российского посольства в Великобритании, советник посольства в Северо-Американских штатах, чрезвычайный и полномочный посланник в Ватикане. С июня 1909 г. товарищ министра иностранных дел, с ноября 1910 г. до июля 1916 г. министр. С января 1913 г. член Государственного совета. В 1916 г. вышел в отставку, т. к. не разделял стремление царя и его приближенных к сепаратному миру с Германией. В январе 1917 г. назначен послом в Великобританию, но к исполнению обязанностей приступить не успел.

Письмо С.Д. Сазонову

29 сентября 1910 г.

Секретно
Срочно

Милостивый Государь,
Сергей Дмитриевич.

Туркестанский генерал-губернатор, письмом от 24 минувшего августа, за № 1123, в копии при сем прилагаемым, сообщая о возрастании тревожного настроения народных масс в Бухарском ханстве, приписывает это явление, главным образом, успешной деятельности в Средней Азии младотурецкого общества «Единение и Прогресс»[1], постепенно усиливающего свое влияние в названном ханстве и находящего, по всей вероятности, единомышленников и среди мусульманского населения Туркестанского края. Вместе с тем, генерал-лейтенант Самсонов указывает, что в его распоряжении не имеется надлежащих средств для планомерного наблюдения за настроением бухарского населения, так как наше политическое агентство в Бухаре ограничивает свои наблюдения только высшею сферою бухарских чиновников и жизнью двора эмира, располагая весьма недостаточными сведениями о происходящем движении в народных массах ханства. Ввиду сего туркестанский генерал-губернатор ходатайствует, чтобы, в случае не-

возможности осуществления в полном объеме намеченных еще его предместником генерал-адъютантом Мищенко[2] предположений относительно преобразований всего дела внутренней разведки в крае, была бы, по крайней мере, ассигнована особая сумма на организацию политической разведки в пределах Бухарского ханства, а состав районного охранного отделения был бы временно подкреплен подходящими для такой разведки силами.

Придавая с своей стороны содержащимся в означенном письме генерал-лейтенанта Самсонова сведениям весьма важное политическое значение, долгом считаю просить Ваше Превосходительство не отказать меня уведомить, какие меры находили бы Вы целесообразными предпринять для постановки деятельности нашего политического агентства в Бухаре на отвечающую современным требованиям высоту.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности.

Подписал: П. Столыпин
29 сентября 1910 года
№ 4804

РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 2. Л. 108–108об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] «Единение и прогресс» — организация младотурок. Основана в 1889 г., возглавила борьбу против абсолютизма, за уничтожение межплеменного антагонизма, сохранение национальных богатств и развитие турецкой промышленности, освобождение страны от вмешательства иностранных держав. В результате успешной революции 1908 г. младотурки пришли к власти, однако им не удалось разрешить ни аграрный, ни национальный вопросы. После поражения Турции в Первой мировой войны организация самораспустилась.

[2] Мищенко Павел Иванович — генерал-адъютант. С 2 мая 1908 г. до 17 марта 1909 г. туркестанский генерал-губернатор. С 25 февраля 1911 г. до 28 ноября 1912 г. наказной атаман Войска Донского.

Письмо А.В. Кривошеину

30 сентября 1910 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Возвращаю Вам внимательно мною просмотренный, прекрасно и талантливо составленный проект отчета по Сибири[1].

Я бы хотел лишь остановить Ваше внимание на одном общем соображении и на одной частности. Дело в том, что хотя поездка наша по Сибири не имела характера ревизии, а скорее экономической разведки, но ознакомясь с краем, мы не можем пройти мимо внешних условий, тормозящих его развитие. Я разумею обеспечение безопасности и охрану края. Поэтому мне кажется необходимым в последней главе «О главных трудах Сибири» упомянуть о необходимости ценить полицию, увеличить число судей и ввести в Сибири институт судебных следователей. Особой «административной главы» вводить не стоит, но ввести такого рода страничку в общий Сибирский отчет, помимо справки, которую может дать Департамент полиции и Министерство юстиции, полезно: картина будет полная!

А частный вопрос, это вопрос о городских поселениях. Вы помните просьбы поселков Камня[2], Канска, Татарки, Боготола, Тайги о даровании им хотя бы упрощенного городского управления. Вы помните, что этому мешает застройка их на крестьянской земле, несогласие крестьянских общин, отсутствие выгонной земли. Я нахожу, что это – не препятствия, что если будем распутывать все эти отношения – пройдут года и мы будем искусственно замораживать рост естественно развивающихся местностей. Поэтому я твердо решил, что надо перескочить через все препятствия и немедленно довести это дело до конца. В течение октября я внесу представление в Совет министров о введении во всех этих поселках Городского положения в порядке управления. Это дело поручено мною С.Н. Гербелю.

Вопрос этот обойти во всеподданнейшем отчете, кажется, не следует (упомянуть можно бы на стр. 9 гл. 7-ой).

Крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный

П. Столыпин

30 сентября 1910 года.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 17–18.
На бланке «Председатель Совета министров».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] В поездку по Сибири П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин отправились в августе 1910 г. По возвращении из поездки была составлена записка «Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина».

[2] Камень-на-Оби – торговое и промышленное село. П.А. Столыпин принимал в нем депутацию из Барнаула и местную – из Камня.

Письмо А.В. Кривошеину

30 сентября 1910 г.

Простите, Многоуважаемый Александр Васильевич, меня все время отвлекали разными текущими делами и я теперь, уже поздно ночью, успел прочесть всего первые четыре главы отчета. Написано живо и увлекательно. Я бы сократил лишь главу 3-ю, в которой слишком много (особенно для Государя) философских суждений о праве пользования и владения землей. Затем, среди кричащих нужд переселенцев упомянуть церковь, забыты же, кажется, народные школы.

Забыт и Ветеринарный институт, который, по-моему, настоятельно необходим в Омске[1].

Наконец, нельзя обсуждать нужды Сибири, не коснувшись злободневного вопроса о Сиб[ирском] земстве. Надлежало бы нежно и деликатно упомянуть, что когда пройдет лихорадочный период заселения Сибири, когда завяжутся, создадутся общие интересы и образуется однородное население и оно перестанет быть механическою смесью пермяка, полтавца и минчанина, тогда настанет пора подумать и об земстве.

Вам преданный
П. Столыпин
30 сентября 1910 г.
Елагин

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 19–19об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Ходатайство об открытии высшего ветеринарного учебного заведения было подано в Омске, куда П.А. Столыпин с А.В. Кривошеиным прибыли 25 августа 1910 г. в ходе их поездки по Сибири. В Томске они приняли ходатайство об открытии сельскохозяйственного отделения при Омском Технологическом институте. По возвращении в Петербург Столыпин внес эти предложения в Совет министров, но до начала Первой мировой войны так и не было принято решение, в каком городе Западной Сибири следует открыть Сельскохозяйственный и Ветеринарный институты. На встречах с представителями сибирской общественности неоднократно поднимался вопрос о введении в Сибири земства. В записке Столыпина и Кривошеина была отмечена необходимость земского самоуправления для Сибири, но его введение ставилось в зависимость от ряда таких условий, созревание которых могло продлиться неопределенно долго: укрепление земли в собственность старожилов и переселенцев, появление владений на «купленной» земле, развитие городской жизни, более плотное заселение некоторых местностей и т. п. По ходатайству Иркутского, Томского и Курганского биржевых комитетов вопрос о сибирском земстве был поставлен в Думе уже после смерти Столыпина. Но принятый Думой, проект в 1912 г. был отклонен Государственный советом. Земство в Сибири было введено лишь Временным правительством.

Письмо А.В. Кривошеину

3 октября 1910 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Записка меня вполне удовлетворяет: она представляет такой же интерес и написана с таким же талантом, как и Сибирская. Кое-какие замечания я сделал на полях. Но Ваше внутреннее чувство Вас не обмануло: тон ее и печатью и обществом будет признан бравурным. Между тем тон ее изменить нельзя. Нельзя в этом деле с бодрой ноты переходить на минорную. Но можно сделать нечто иное: я предложил бы предпослать записке краткое пояснение (несколько фраз) о том, что все последующее не следует понимать как самообольщение, как самообман, уверенность, что вся Россия уже перевернута, что мы сознаем, что во многих местах было почти еще не начато, или идет плохо и медленно; что мы пишем toutes proportions gardees*; что мы говорим лишь о повсеместно разбросанных семенах; что мы разумеем не совершившийся уже победоносный переворот, а совершающийся сдвиг, не много, быть может, еще давший, но много сулящий России.

Я думаю, что такая предпосылка обезоружит не предвзятых леваков, а почтенных лиц из таких местностей, где дело еще не налажено (Воронежская, Рязанская и др. губернии).

Далее: обратите внимание на стр. 3 и 9. В них, по моему глубокому убеждению, с слишком большою силою хулятся единичные выделы. Хвалите и дайте должную оценку сплошному разверстанию целых селений, но не опорочивайте единичных выделов. Мое мнение, что неуспех или задержка землеустройства в некоторых губерниях зависит от применения землеустроительными комиссиями слишком огульного приема – отнесения единичных выделов в третью очередь, т. е. «ad calendas graecas»**. Они пропустили между ушей рекомендацию Землеустроительного комитета не брезгать единичными выделами там, где они могут пробить брешь в деревенской косности, и во многих местах... дело остановилось. Я почерпнул это убеждение из бесед в экипаже с землеустроителями и предводителями, когда нам пускали пыль (черноземную) в глаза.

В заключение позвольте еще раз сердечно поблагодарить Вас за прекрасно выполненную Вашим ведомством работу и вы-

---

* при равных условиях (франц).

** в греческие календы, т.е. неизвестно когда (лат.).

сказать Вам одну мысль: надо бы нам для нашего представительства вырабатывать свои обычаи и традиции и вместо банальных европейских разных «желтых», «зеленых» и т. п. книг, раздать нашим депутатам и членам Государственного совета не бесцветную, как мне кажется, записку, являющуюся результатом наших сибирских и европейских дорожных дум.

Вам искренно преданный
П. Столыпин
3 октября 1910 г.
Елагин

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 20–21об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо Л.А. Кассо

12 октября 1910 г.

Милостивый Государь,
Лев Аристидович.

В письме от 13/18 марта сего года, за № 356, туркестанский генерал-губернатор просил моего содействия к скорейшему проведению поставленного ныне на очередь преобразования учебного дела в Высочайше вверенном ему крае. При этом генерал-лейтенант Самсонов указывал на желательность включения в проект штата предположенного к учреждению Туркестанского учебного округа, сверх проектированных двух должностей окружного инспектора, еще хотя бы пяти таких должностей, исключительно для наблюдения за местными туземными школами. На сделанное мною, вследствие сего, сношение с бывшим министром народного просвещения, сенатор Шварц, в письме от 16 июня сего года, за № 8331, объяснил, что надзор за народною школою, по принятому порядку, не входит в круг обязанностей окружной инспекции. Поэтому, по мнению бывшего министра, в целях пресечения вредного влияния, оказываемого панисламистским движением на коренное население Туркестана через посредство конфессиональных школ, представлялось бы более правильным озаботиться установлением особого за названными школами наблюдения, путем учреждения в крае пяти дирекций народных училищ, по одной в каждой из его областей.

По сообщении приведенного отзыва туркестанскому генерал-губернатору, генерал-лейтенант Самсонов уведомил меня, что

он, во всяком случае, настаивал бы на добавлении к проектированным штатами Туркестанского учебного округа двум должностям окружного инспектора третьей, замещаемой опытным востоковедом. С своей стороны, сенатор Шварц затруднился, однако, изъявить на сие согласие, находя, что и без учреждения упомянутой должности может быть обеспечен самый внимательный надзор за местными туземными школами (письмо от 16 июня с.г., за № 8331).

При таком положении дела, признавая желательным, чтобы указанное, возникшее между Министерством народного просвещения и главным начальником Туркестанского края, разномыслие доведено было до сведения Совета министров при рассмотрении им окончательных предположений названного ведомства об образовании Туркестанского учебного округа, я просил, письмом от 2 августа сего года, за № 4077, управляющего Министерством народного просвещения, действительного статского советника Ульянова, чтобы в представлении по сему делу в Совет министров приведены были как доводы генерал-лейтенанта Самсонова в пользу усиления в крае на одну должность окружной инспекции, так и соображения по сему вопросу ведомства народного просвещения*.

Уведомляя об изложенном Ваше Превосходительство, я не могу, вместе с тем, не упомянуть, что, по полученным мною в** последнее время сведениям, установление действительного правительственного надзора за существующими в Туркестанском крае туземными училищами представляется крайне необходимым. Ввиду сего долгом считаю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, обратить на настоящий вопрос самое серьезное*** внимание и не отказать в возможном содействии к скорейшему его разрешению.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: Столыпин

12 октября 1910 г.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 815. Л. 91–92.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Исправленная и заверенная копия.

---

* Зачеркнуто: представление сие в Совет министров еще не поступило.

** Зачеркнуто: самое.

*** Зачеркнуто: Ваше особливое.

Записка И.Я. Гурлянду

14(?) октября 1910 г.

Д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Гурлянду

Я забыл сказать Вам, что когда я был в Казани, ректор университета заявил мне, что легенда о том, что студенты-медики отказались ехать на холеру, является инсинуацией, т. к. просто студентов налицо, вследствие вакации, не было и они были уже пристроены к разным занятиям. Ректор очень просил реабилитировать университет.

Можно бы поместить в «России» корреспонденциию из Казани, в которой указать, что все эти слухи являются провокацией студентов и желанием искусственно создать картину беспомощности правительства, от которого отвернулась интеллигенция.

П.[Столыпин]

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.
На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.В. Кривошеину

16 октября 1910 г.

Многоуважаемый Александр Васильевич,

В связи с нашим сегодняшним разговором я предлагаю Вашему вниманию следующие соображения: 1) не лучше ли в отчете, печатаемом для публики, вытравить принцип зависимости землеустроительной политики правительства от революционного движения 1905 года (стр. 60 – слова «в смутное время землезатруднений в Европ[ейской] России» и стр. 84 от слов «если теперь в русской деревне» – до слов «исполнительный комитет»)?

2) не лучше ли также вывод – «постепенного увеличения в руках казны лесных площадей» изложить так, чтобы не явилось представление о том, что правительство хочет постепенно скупить все леса?

Это по отношению к отчету. Затем, по другому вопросу, о котором Вы мне как-то говорили – это письмо гр[афа] Витте.

Будьте добры, перечитайте первоначальные два проекта ответа, меня не удовлетворившие, последний проект Коковцова,

письмо самого Витте, записку Щегловитова и поставьте свой диагноз. Если возможно, верните мне все это возможно скорее.

Извините за почерк – рука сильно болит.

Ваш П. Столыпин

16 октября 1910 г.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 22.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Записка И.Я. Гурлянду

18 октября 1910 г.

И.Я. Гурлянду

Ввиду обсуждения в ближайшем будущем в Государственной думе вопроса о прибавке содержания земским начальникам, я желал бы иметь сведения о соотношении числа наших чиновников и получаемом ими содержании к числу таковых же и вознаграждении их в Западной Европе.

П.[Столыпин]

18 октября 1910 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 82. Л. 9.
На бланке «Записка для памяти от Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову

8 ноября 1910 г.

Милостивый Государь
граф Илларион Иванович.

Мною получены сведения, что в армяно-григорианских церквах г. Тифлиса 30 мая сего года, согласно циркулярному предписанию местного епархиального начальства от 23 апреля, за № 746, происходили собрания прихожан, с целью избрания выборщиков, на коих, в силу изданных Вашим Сиятельством 1 августа 1905 г. временных правил, лежит избрание, в свою очередь, попечительных советов для управления имуществами армянских церквей.

С своей стороны, я нахожу, что устройство подобного рода выборов в церквах совершенно не соответствует действующим узаконениям о собраниях. Закон (п. 4 Высочайше утвержденных

4 марта 1906 года правил), перечисляя помещения, в коих устройство публичных собраний не допускается, как то гостиницы, рестораны, кухмистерские, трактиры и т. п., по совершенно понятным причинам, не включил в этот перечень богослужебных зданий, так как таковые, предназначенные исключительно для молитвы и совершения религиозных действий, бесспорно не представляют из себя те помещения, которые, согласно повсеместно установившемуся понятию о храме, могли бы быть отводимы под собрания не богослужебные и не молитвенные. Устройство каких бы то ни было собраний в храмах, за исключением собраний молитвенных, очевидно, не может быть допускаемо и потому, что здания эти, не допустимые для правительственных властей, превращают происходящие в них собрания фактически в безнадзорные. В частности, производство выборов в храмах* вследствие вторжения в церковное управление армяно-григорианской церкви светского элемента, вносящего и в эту область ожесточенную партийную борьбу. Подтверждением сему может служить в рассматриваемом случае тот факт, что, как мне известно, помянутые выборы в Тифлисских армянских церквах сопровождались, на почве указанной партийной борьбы, не только угрозами и неприличною бранью, но и драками.

Ввиду изложенного считаю долгом покорнейше просить Ваше Сиятельство, не признаете ли Вы возможным принять меры к недопущению впредь не молитвенных и не богослужебных собраний в армяно-григорианских церквах для каких бы то ни было целей.

Пользуюсь случаем выразить Вашему Сиятельству уверение в искреннем моем уважении и совершенной преданности.

Подписал П. Столыпин
8 ноября 1910 г.
№ 10259

РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 334. Л. 4–5об.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись.

Публикуемое письмо явилось следствием полученных П.А. Столыпиным сведений об общих собраниях прихожан армяно-григорианских церквей Тифлиса, состоявшихся 30 мая 1910 г. Тифлисский губернатор Лозина-Лозинский препроводил 13 октября 1910 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел копию своего совершенно секретного отношения в канцелярию наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова от

* Вставка от руки: представляется, по моему убеждению, особенно недопустимым в армянских храмах.

того же числа об общих собраниях прихожан для избрания выборщиков епархии (30 мая 1910 г.) для избрания попечительных советов армяно-григорианских духовных семинарий. Собрания эти проходили с нарушением Временных правил о собраниях 4 марта 1906 г., т. к. о них не было сделано никакого заявления полиции, а также в нарушение изданных наместником 1 августа 1905 г. правил о производстве выборов делегатов (выборщиков) на общих собраниях прихожан, поскольку они были закрыты не только для посторонних лиц, но и для прихожан, «не пользующихся доверием». Общие собрания прихожан стали ареной борьбы за власть в попечительских советах между сторонниками партии Дашнакцутюн и мшакистами, вследствие чего собрания «были весьма бурными и сопровождались самой площадной бранью, а в некоторых церквах и дракою». В большинстве церквей, за исключением Ванского собора, победа осталась на стороне мшакистов. После выборов ситуация оставалась крайне напряженной, лидеры и сторонники мшакистов опасались террора со стороны дашнакистов. Лозина-Лозинский предлагал признать выборы незаконными и подлежащими отмене.

Письмо С.Ф. Платонову[1]

15 ноября 1910 г.

Милостивый Государь
Сергей Федорович,

Принося Вашему Превосходительству выражения моей искренней благодарности за присланное мне, по поручению Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича[2], приглашение присутствовать на сообщении Прокудина-Горского[3], очень сожалею, что ввиду усиленных занятий я лишен возможности быть на этом интересном вечере.

15 ноября 1910 г.
№ 5938

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4295. Л. 1.
На бланке «Председатель Совета министров. Министр внутренних дел». Машинопись.

[1] **Платонов** Сергей Федорович (1860—1933) — историк, с 1895 г. профессор Петербургского университета, с 1909 г. член-корреспондент, а с 1920 г. (по 1931) академик Российской Академии наук. Председатель Археографической комиссии (1918—1929).

[2] **Константин Константинович** Романов (1858—1915) — великий князь, 2-й сын великого князя Константина Николаевича; военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1907), генерал-адъютант (1901); поэт, почетный член Петербургской Академии наук по разряду изящной словесности (1900). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 1889 г. президент Петербургской Академии наук. С 1900 г. главный начальник, а с 1910 г. генеральный

инспектор военно-учебных заведений. По его инициативе открыты курсы для подготовки воспитателей и кандидатов на учительские должности в кадетские корпуса, выработаны новые учебные программы, собирались съезды преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, воспитателей кадетских корпусов. Возглавлял Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, содействовал созданию Пушкинского Дома.

[3] **Прокудин-Горский** Сергей Михайлович – надворный советник, директор правления Товарищества Гатчинских заводов «А.С. Лавров»; редактор-издатель журнала «Фотограф-любитель», член Общества взаимного кредита деятелей печатного дела.

Письмо А.И. Гучкову

18 ноября 1910 г.

Милостивый Государь,
Александр Иванович.

Вследствие письма Вашего от 10-го сего ноября за № 2902, имею честь Вас уведомить, что из предположенных к внесению в Государственную думу по ведомству Министерства внутренних дел законопроектов наиболее важное, первенствующее значение я придаю следующим законопроектам: 1) О печати, 2) Об обществах и союзах, 3) О применении Положения о земских учреждениях 1890 г. в губерниях: Астраханской, Оренбургской и Ставропольской[1], 4) Устав земских гужевых дорог[2]. Затем я предполагаю внести на уважение Государственной думы следующие законопроекты, имеющие важное для ведомства Министерства внутренних дел значение, но рассмотрению коих в текущую сессию я придаю меньшее принципиальное значение, чем законопроектам первой группы: 1) О сложении долгов городских и земских учреждений по ссудам, выданным из казны на призрение семейств нижних чинов, призванных в минувшую войну из запаса, 2) Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях, 3) О призрении нижних чинов и их семейств, 4) Об учреждении должностей становых приставов в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской и 5) Об увеличении числа станов в Барнаульском уезде.

Помимо указанных законопроектов мною предположено к внесению в Думу еще ряд законопроектов, список коих при сем прилагается[3], которые хотя и не имеют принципиального значе-

ния, но рассмотрение коих в настоящую сессию Государственной думы представляется для ведомства важным.

Подписал П. Столыпин
18 ноября 1910 г.
№ 29936

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 544–544об.
На официальном бланке. Машинопись. Копия.

[1] Первоначальный проект о введении земских учреждений в губерниях Астраханской, Оренбургской и Ставропольской был разработан Министерством внутренних дел в 1898 г., однако вызвал ряд принципиальных возражений. Не встретил сочувствия в Государственном совете и проект, подготовленный в Министерстве внутренних дел в 1901 г. В очередной раз вопрос о введении земских учреждений в названных губерниях был инициирован Государственной думой. Правительство П.А. Столыпина взяло на себя выработку соответствующих документов. 1 ноября 1911 г. министр внутренних дел А.А. Макаров представил в Государственную думу законопроект о распространении на указанные губернии Положения о земских учреждениях, действовавшего в 34-х внутренних губерниях Европейской России, с теми изменениями и дополнениями, необходимость которых вызывалась местными особенностями. В частности, проект не распространял действие Положения 12 июня 1890 г. на земли казачьих войск и территории, отведенные в пользу кочующих калмыков (Калмыцкая степь), и земли других кочевых народов. В отличие от внутренних губерний проектом предусматривалась бессословность земских выборов, путем установления не по два, а по одному избирательному собранию и съезду в каждом уезде. Владельцам недвижимых имуществ предоставлялось право уполномочивать на участие в земских избирательных собраниях управляющих своими имениями. Министр внутренних дел мог назначать председателями и членами земских управ лиц, не имеющих имущественного ценза. Земское хозяйство на гражданской территории обособлялось от инородческого. В ходе обсуждения законопроекта Дума внесла в него существенные изменения: 1) уменьшила в большинстве уездов установленную правительственным проектом квоту десятин земли, дающую право на участие в собраниях по выбору уездных гласных; 2) увеличила число гласных от сельской курии; 3) предоставила пассивное избирательное право при избрании на земские должности также и лицам, не владеющим имущественным цензом, но получившим образование не ниже среднего и др. Однако Государственный совет не поддержал поправки Думы. В ходе работы согласительной комиссии Думе пришлось присоединиться практически ко всем внесенным Государственным советом изменениям. Одобренные Государственным советом и Государственной думой, законопроекты были Высочайше утверждены 9 июня 1912 г.

[2] Проект устава земских гужевых дорог был внесен только в IV Государственную думу, 21 февраля 1914 г., и рассматривался в комиссии по местному самоуправлению.

[3] Список законопроектов по Министерству внутренних дел, имеющих наиболее важное значение и предполагаемых к внесению в Государственную думу в течение настоящей сессии.

По Департаменту общих дел

1) О союзах и обществах.

По земскому отделу

2) О дополнительном ассигновании 3000 рублей на усиление канцелярских средств Елисаветградского уездного съезда.
3) Об усилении межевого кредита по § 16 сметы расходов Министерства внутренних дел на 12216 руб. 59 коп.

По Главному управлению по делам местного хозяйства

4) О применении Положения о земских учреждениях 1890 г. в губерниях Астраханской, Оренбургской и Ставропольской.
5) Устав земских гужевых дорог.
6) Об изменении оснований и порядка отвода городскими управами квартир офицерам в смысле облегчения повинности городов в этом отношении (ст. 570 Уст. зем. пов.).
7) Об освобождении городов Лифляндской и Эстляндской губерний от расходов по отоплению и освещению тюрем и от постоянной повинности.
8) О сложении долгов городских и земских учреждений по ссудам, выданным из казны на призрение семейств нижних чинов, призванных в минувшую войну из запаса.

По главному управлению по делам печати

9) Закон о печати.

По Ветеринарному управлению

10) О ветеринарных штатах в Ковенской, Гродненской и Курляндской губерниях (в Совете министров 10 ноября 1910 года).

По Департаменту духовных дел

11) Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях.

По Управлению по делам о воинской повинности

12) Об призрении нижних чинов и их семейств.

По Главному управлению почт и телеграфов

13) Проект телефонного устава.
14) Проект расширения сети почтово-телеграфных учреждений в Империи.
15) Предположения об улучшении материального положения служащих почтово-телеграфного ведомства.
16) Вопрос об ассигновании кредита на постройку нового здания для почтовой конторы в г. Киеве.

По Департаменту полиции

17) Об учреждении в составе Томской городской полиции конно-полицейской стражи.
18) Об изменении штата Рыбинской речной полиции.
19) Об учреждении в г. Кустанае, Тургайской области, второй должности пристава и увеличении состава и окладов содержания полицейской команды.
20) Об учреждении должностей становых приставов в Акмолинской области.
21) То же в Семипалатинской области.
22) То же в Уральской области.
23) Об учреждении должности полицейского надзирателя 1-го разряда в с. Лепатихе Таврической губернии.
24) Об увеличении числа станов в Барнаульском уезде.

25) Об усилении полиции в г. Ново-Николаевске, Томской губернии.
26) То же в Барнауле.
27) Об усилении Рижской портовой полиции.
28) Об увеличении Благовещенского, Хабаровского и Владивостокского сыскных отделений.
29) Об упразднении Болховского городского полицейского управления и образовании стана в Брянском уезде.
30) Об увеличении содержания чинам горно-полицейской стражи Амурской области.
31) Об образовании в Челябинске городского полицейского управления.
32) Об усилении штата Чукотского уездного управления.
33) Об образовании новых станов в губерниях: Архангельской, Тверской и Воронежской.
34) О включении в постоянные штаты местных городских полицейских управлений некоторых полицейских должностей в С.-Петербургском, Либавском, Виндавском и Керченском портах.
35) О возмещении расходов по содержанию стражи на о. Сахалин в 1907 году.
36) Об уплате военному ведомству за оружие и патроны, отпущенные для С.-Петербургской полиции.

(*РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 545–546. Машинопись*).

Письмо графу С.Ю. Витте

Декабрь 1910 г.

Милостивый Государь,
граф Сергей Юльевич,

Письмом от 3 мая сего года Ваше Сиятельство довели до моего сведения о выводах, извлеченных Вами «при участии компетентнейших юристов» из следственных материалов по делу о двукратном покушении на Вашу жизнь. Вы полагаете, «что главные и истые виновники не предстали на суд не потому, что их не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы обнаружить их и судить не желали». Вместе с тем Вы не допускаете, чтобы мне и министру юстиции были известны в достаточной полноте все обстоятельства дела, и сообщаете о Ваших соображениях, прося ознакомить с ними и других членов Совета министров.

По этому поводу я прежде всего считаю долгом удостоверить, что фактическая сторона дела о покушениях на Вашу жизнь была уже мне известна ранее во всех подробностях на основании непосредственного ознакомления с данными следствия; письмо Ваше не дало мне ничего нового. Равным образом и теперь, после того как следственные материалы, в связи с получением письма Вашего, были вновь рассмотрены, как мною, так и, по моей просьбе, министром юстиции, я ни в чем не могу изменить ранее сложившегося у меня отношения к этому делу.

Пересмотр данных следствия для сопоставления их с Вашими сообщениями, а затем отсутствие Ваше из Петербурга и задержали настоящий ответ мой на Ваше письмо.

В ответе этом я позволяю себе ограничиться исключительно разбором фактической стороны выдвигаемых Вами обвинений против полиции, судебных властей и правительства.

Первое. Ваше утверждение, многократно повторяемое, заключается в том, что главный виновник покушения на Вашу жизнь Александр Казанцев[1] – был сам агентом полиции, состоял на жаловании у лица, находящегося на государственной службе, проживал по чужому паспорту, полученному от должностных лиц, находился в непосредственных сношениях с чинами охранной полиции и снабжался «темными» деньгами.

Данными предварительного следствия заявление это не подтверждается. По делу не установлено, чтобы Казанцев состоял агентом охранного отделения или какого-либо иного правительственного розыскного учреждения или имел от подлежащей власти уполномочие на занятие розыском... Ни одному из охранных отделений или губернских жандармских управлений он в качестве сотрудника или филера известен не был. Из следственных данных можно заключить, что Казанцев занимался сыском, но в качестве идейного добровольца, по личной инициативе, за свой страх и риск, причем однажды, действительно, сообщил добытые им сведения властям. В 1907 году, по указанию Казанцева, переданному через посредство чиновника для особых поручений при московском генерал-губернаторе, графа Буксгевдена[2], Московскому, а затем и Петербургскому охранному отделению, в С.-Петербурге на Лиговке был обнаружен склад бомб и оружия и задержано несколько революционеров. Из этого случая, однако, не следует, что Казанцев состоял на службе по охране: такие добровольные заявления о готовящихся преступлениях не редки. Не может служить доказательством и то, что Казанцев сам в кругу своих близких называл себя «главным контролером сыскной полиции» или говорил, что он служит в Государственном контроле по политическим делам. Подобных учреждений не существует, а в правительственных розыскных органах Казанцев не служил. Такими заявлениями он, по-видимому, просто стремился возвысить себя и придать себе особый вес в глазах своих слушателей, разумея под «контролем» свой добровольный сыск, явившийся, по его понятиям, как бы поверкой розыска официального.

Что касается отношений Казанцева к графу Буксгевдену, то следствием установлено, что Казанцев состоял на службе у графа

в качестве управляющего его домами в Москве; служба эта была не фиктивною, а действенною: он наблюдал за имуществом Буксгевдена, отдавал распоряжения и собирал деньги с квартирантов. Казанцева соединяли с графом Буксгевденом не только эти имущественные отношения, но и общность политических убеждений и вражда к преступным организациям левых партий; однако следствием не подтвердились ни предположение о том, будто гр[аф] Буксгевден принадлежал к существовавшим в то время в Москве добровольным охранным дружинам, ставившим себе целью помощь полиции по охране высших должностных лиц и лидеров монархических организаций, ни сомнительное показание сожительницы Казанцева, Илларионовой, о том, будто Казанцевым был получен от гр[афа] Буксгевдена фальшивый паспорт.

Агентом тайной правительственной полиции, вопреки Вашему предположению, Казанцев не состоял.

Второе. Ваше утверждение заключается в том, будто чины государственной охранной и даже наружной полиции сознательно бездействовали, не желая раскрыть виновных в покушении на Вашу жизнь. Обвинение это Вы основываете на следующем: 1) Вам осталось неизвестным, было ли что-нибудь сделано чинами Департамента полиции по анонимным письмам, переданным Вами и заключавшим в себе требование денег и предупреждение о новом покушении; 2) второй разрывной снаряд в дымоходе Вашего дома был обнаружен не полицейскими и судебными властями, а дворником и трубочистом; 3) после обнаружения покушения виновники его, в частности главный из них Казанцев, не были розысканы вплоть до того времени, когда в прокламации с[оциал]-револ[юционной] партии Казанцев не только был назван по имени, но и рассказана вся его деятельность; 4) личность убитого Казанцева была намеренно не опознана ни одним из агентов охранной полиции, тогда как не знать его они не могли; при этом не был применен и прием опроса участковых приставов и дворников, «не исчез ли кто-нибудь из столичных обывателей таких-то примет», и 5) Вы допускаете, что полиция намеренно дала возможность соучастникам Казанцева Федорову[3] и Степанову скрыться.

По этому поводу считаю долгом сообщить:

Об угрожающих письмах с требованием денег, полученных Вами и переданных Департаменту полиции, было произведено расследование; однако, в швейцарскую Народного дома, куда должны были, по условию, явиться за ответом, никто не приходил, и выяснить злоумышленников тогда же не удалось. С писем снята

была фотография, и по фотографии этой и было установлено впоследствии, что письма написаны рукою Казанцева.

Находка второго разрывного снаряда не полицией, а дворником и трубочистом, которые *предупредили* в этом чинов полиции, не может быть объясняема злым умыслом тем более, что осмотр Вашего дома производился не только чинами полиции, но и судебными властями, и притом немедленно после обнаружения покушения, когда о подозреваемой Вами «закулисной стороне дела» ни у кого не могло возникнуть мысли.

Неуспешность розысков лиц, виновных в покушении на Вашу жизнь, если оставить в стороне неверное предположение, будто Казанцев сам был агентом полиции, находит себе более простое объяснение в том, что преступление было задумано Казанцевым вполне конспиративно и приведено в исполнение двумя революционерами, Федоровым и Степановым, которые одни только и были посвящены в дело, приехали для совершения преступления из Москвы и тотчас же уехали обратно, так что для раскрытия дела в распоряжении полиции не было достаточно данных.

Столь же простое объяснение, если отрешиться от предвзятых точек зрения, получает и факт неопознания найденного трупа Казанцева. Лицо убитого было настолько сильно обезображено, что узнать его не представлялось возможным.

Что касается неприменения для установления личности Казанцева, убитого вне пределов Петербурга, опроса чинов полиции и дворников, не исчез ли кто из обывателей в пределах их участка, и все ли ночевали дома, то техника сыскного дела относится к такому приему отрицательно. Не говоря про ночлежные дома и бесчисленные притоны столицы, где никакая регистрация немыслима, всегда возможны и обыденные отлучки: поездки в пригороды, ночевать у знакомых или в гостинице. К тому же приметы убитого, ввиду его обезображения, не могли быть подробно указаны.

Предположение о том, что полиция не препятствовала и даже помогала виновным Федорову и Степанову скрыться, относится к области голословных умозаключений, и в этой общей, неопределенной форме не может быть ни доказано, ни отвергнуто.

Третье утверждение Ваше заключается в том, будто судебные власти вели следствие боязливо, слегка и не только не желали раскрыть дело, но даже опасались энергичным его ведением «испортить свою карьеру».

Я решительно отвергаю и этот упрек и те доводы, которые Вы приводите в его подкрепление.

Вы указываете, что на первых же порах усилия следствия были направлены, «под влиянием инсинуаций крайней правой печати», не столько к раскрытию виновников покушения на Вашу жизнь, сколько к установлению симуляции этого преступления. Но предположение о симуляции возникло в первые минуты следствия, в связи с тем обстоятельством, что первая из адских машин могла быть положена в трубу изнутри дома Вашего Сиятельства, на что наводило отсутствие на веревке сажи, следы которой должны были оказаться и действительно оказались при пробном опускании груза сверху через трубу.

Раз для такого предположения, — оказавшегося впоследствии ошибочным, — были поводы, то не заняться его разбором следственная власть не имела права. Что же касается влияния правой печати, то о «симуляции» печать заговорила значительное время спустя, — уже после того, как обнаружилось, что снаряды и не могли взорваться. Опровержение подобных толков, как в печати, так и в стенах Гос[ударственной] думы, едва ли входит в обязанности правительства и скорее является Вашим личным делом.

Далее Вы находите, что судебный следователь ошибочно направил дело к прекращению вместо того, чтобы произвести обыски и аресты в среде членов правых монархических организаций. Но для того, чтобы производить обыски и аресты и привлекать к следствию, необходимы законные и достаточные основания. Между тем, в деле имелось лишь общее, не заключавшее в себе даже косвенных указаний на определенных лиц, умозаключение свидетеля Гурьева и показание Тхоря, не внушающее никакого доверия ни по личным качествам этого свидетеля, выгнанного из Союза русского народа за растрату, постоянного обитателя ночлежных домов, — ни по содержанию этого показания, более похожего на сплетни.

Дальнейший ход следствия, когда были обнаружены действительные виновники преступления — Казанцев и Федоров — лишь подтвердил правильность образа действий следственной власти, ибо все меры, предпринятые с целью выяснить прикосновенность членов Союза рус[ского] народа к преступлению Казанцева, привели к отрицательным результатам. В частности, следствием с несомненностью установлено, что сам Казанцев членом Союза не состоял.

Предположение о причастности к преступлению члена Союза рус[ского] народа графа Буксгевдена следствием не подтвердилось. Равным образом показание о соучастии в деле председателя

Главного совета Союза р[усского] народа доктора Дубровина[4], данное Прусаковым[5], выгнанным Дубровиным из редакции «Русского знамени»[6], при поверке оказалось также голословным. Сам Казанцев никакого отношения к Дубровину не имел и никогда у него не бывал.

Недовольство судебным следователем Вы основываете также на том, что дело о покушении на жизнь Вашу было поставлено в связь с делом об убийстве в Москве журналиста Иоллоса только 27 мая 1907 г., между тем как еще в конце марта месяца у Московской сыскной полиции, а затем и у следственных властей были в руках анонимные письма, в которых имя убитого Иоллоса и Ваше, как приговоренных к смерти, поставлены были рядом.

Не считая себя призванным указывать, как именно должны вести следствие судебные власти, я могу лишь ответить, что дело о покушении на жизнь Вашу было поставлено в связь с убийством Иоллоса непосредственно вслед за тем, как выяснилась общность их виновников; однако же упоминания в анонимных письмах Вашего имени рядом с именем Иоллоса, в числе многих других имен, было, по мнению следствия, недостаточно.

Последнее указание Вашего Сиятельства на то, что постановление следователя о временном приостановлении дела было сообщено Вам лишь в третью годовщину покушения взорвать Ваш дом, объясняется производившимися розысками, сношениями о выдаче Федорова с правительством Французской республики и установленными в законе сроками. Если бы требуемые законом следственные действия не были исполнены и сроки не были соблюдены, то Ваше Сиятельство имели бы действительные основания для упрека по адресу судебных властей, будто бы поторопившихся «замять дело».

Таким образом, следствия по делам о преступлениях, совершенных Казанцевым и Федоровым, доведены до тех пределов, до которых их можно довести без нарушения законов. Принимая во внимание, что установленный законом 6-месячный срок со дня публикации о сыске обвиняемых истек, что бывший подстрекателем на жизнь Вашего Сиятельства Казанцев за смертью не может подлежать привлечению в качестве обвиняемого, что обстоятельства совершения преступных деяний, составляющих предмет настоящего дела, и мотивы выяснены следствием, причем не добыто достаточно данных относительно соучастия в деле других, кроме Федорова и Степанова, лиц, судебный следователь по важн[ейшим] делам Александров 1-го февраля 1910 г. постановил

представить окружному суду о временном приостановлении суждения о скрывшихся обвиняемых.

Находя, с своей стороны, такой ход следствия правильным, я вместе с тем решительно не усматриваю, каким образом правительство могло бы, при усвоенном нашим законом начале независимости судебной власти, по своему разумению направлять судебное следствие, указывать, как его вести, кого привлекать и т. п.; подобное вмешательство в ход следствия по какому бы то ни было делу я считаю принципиально недопустимым.

Наконец, *четвертое* утверждение Ваше состоит в том, что правительство не настаивает на выдаче Федорова и не принимает мер к розыску Степанова будто бы потому, что для правительства выяснение настоящего дела «более чем не желательно». И в этом отношении Вы фактически ошибаетесь: розыск скрывшегося революционера Степанова продолжается, русское правительство категорически настаивало на выдаче Федорова, но требование это французским правительством уважено не было, ввиду политического характера вменяемых обвиняемому преступлений.

Таким образом, вопреки высказанным Вами предположениям

1) обстоятельства дела о покушении на Вашу жизнь мне, министру юстиции и Совету министров точно известны;

2) главный виновник этих покушений, Казанцев, агентом правительства не был;

3) полиция принимала необходимые меры к розыску виновных;

4) следствие по этим делам велось согласно закону, а по существу в ход судебного следствия правительство не вмешивалось и не имело права вмешиваться; наконец,

5) русское правительство настаивало на выдаче убийцы Казанцева – Василия Федорова, но получило в этом отказ.

Выводы, основанные Вашим Сиятельством на противоположных этому, ошибочных представлениях, лишены, таким образом, реальной основы.

Что же касается того общего освещения, которое дается делу в письме Вашего Сиятельства, то оно напоминает заключительную часть известной прокламации соц[иал]-револ[юционной] партии от 19 июня 1907 г., выпущенной по поводу убийства Казанцева и цитируемой Вашим Сиятельством. Конец этой прокламации в газетах не был напечатан, и я не знаю, известен ли он Вам. Вот его текст.

<Здесь П.А. Столыпин приводит текст прокламации, после чего заключает свое письмо следующими словами:>

Общий смысл этого отрывка, если не считать крайностей его фразеологии и упоминания Высочайшего имени, в сущности близок к заключительной части Вашего письма; но Ваше Сиятельство согласитесь, что входить в какую-либо полемику по поводу утверждений подобного рода я не могу. Мой долг был — опровергнуть фактическую сторону этих, — по Вашему же признанию, неправдоподобных, но все-таки повторяемых Вами обвинений; от оценки их я воздерживаюсь.

Идя навстречу высказанному Вами пожеланию, я ознакомил Совет министров с содержанием Вашего письма от 3 мая сего года и с настоящим моим ответом.

Опубл.: Русская мысль. – 1915. – Кн. 3 – С. 140–145.

Письмо было написано в ответ на пространное письмо гр. С.Ю. Витте от 3 мая 1910 г., в котором бывший председатель Совета министров изложил историю двукратного покушения на свою жизнь, обвинив полицию и судебные власти в бездействии, а также в том, что один из организаторов покушения, А.Е. Казанцев, являлся агентом полиции, состоя на жаловании у должностного лица, чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе графе А.А. Буксгевдене (*Русская мысль. — 1915. — Кн. 3. — С. 134—140*). Позднее Витте отправил П.А. Столыпину второе письмо с новыми контраргументами и с просьбой ознакомить с ним Совет министров и «испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на поручение рассмотреть весь следственный материал по делу о двукратном покушении на мою жизнь кому-либо из г[оспод] членов Г[осударственного] совета, сенаторов, т. е. независимому и компетентному сановнику» (*Там же. — С. 151*). 4 января 1911 г. состоялось заседание Совета министров «по делу о покушении на жизнь статс-секретаря графа Витте». Совет министров нашел, что доводы графа Витте «относительно участия в покушении на его жизнь правительственных агентов и пристрастного и неправильного ведения дела о сем покушении полицейскими и судебными властями являются столь же голословными, как и прежние, и не соответствуют фактической стороне дела, вытекающей из следственного материала» (*Особые журнала Совета министров Российской империи. 1911 год. — М., 2002. — С. 18*). 22 февраля 1911 г. Николай II утвердил журнал Совета министров с резолюцией «Никаких неправильностей в действиях властей административных, судебных и полицейских я не усматриваю. Дело это считаю законченным» (*Там же. — С. 9*). 23 февраля 1911 г. П.А. Столыпин официально сообщил С.Ю. Витте о решении Совета министров.

[1] **Казанцев** А.Е. — рабочий на заводе Тильманса в Петербурге. Переехав в Москву, стал управляющим домами графа А.А. Буксгевдена. Член московского отдела активной борьбы с революцией. Член «Союза русского народа». 28 мая 1907 г. убит В.Д. Федоровым.

[2] **Буксгевден** Александр Анатольевич — граф, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе; в 1908 г. член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела.

[3] **Федоров** В.Д. — рабочий, вначале примыкал к РСДРП, затем перешел к эсерам, спровоцирован А.Е. Казанцевым на убийство редактора «Русских ведомостей» Г.Б. Иоллоса. После выяснения провокационной роли Казанцева убил последнего 28 мая 1907 г. в пригороде Петербурга. В тот же день переправлен эсерами в Финляндию, а затем переехал во Францию. Правительственными властями был возбужден вопрос об экстрадиции Федорова в Россию, однако 2 октября 1909 г. французское правительство отказало в выдаче Федорова.

[4] **Дубровин** Александр Иванович (1855—1921) — врач, статский советник, основатель, почетный и действительный председатель «Союза русского народа». Редактор-издатель газеты «Русское знамя». Один из организаторов боевых дружин «Союза русского народа» с целью борьбы с революцией.

[5] **Пруссаков** Александр Иванович — член «Союза русского народа», секретарь А.И. Дубровина. Сотрудник газеты «Русское знамя». Член комиссии по подготовке издания «Книга Скорби», посвященная памяти жертв революционного террора.

[6] «Русское знамя» — ежедневная общественно-политическая газета, орган «Союза русского народа». Издавалась с 28 ноября 1905 г. по 5 марта 1917 г. в Петербурге (Петрограде). Издатель А.И. Дубровин. Направление газеты определялось девизами «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное» и «Россию для русских».Со страниц неоднократно звучали призывы к избиению революционеров и евреев.

Записка П.Г. Курлову

1 декабря 1910 г.

Записка для памяти от Министра внутренних дел 1 дек[абря] 1910 г.

Ген[ералу] Курлову

Я до сих пор не получил копии циркуляра о стражниках! Прошу Вас принять меры, чтобы мои приказания исполнялись *в тот же день.*

В этом отношении дисциплина сильно за последнее время пошатнулась, на что и обращаю Ваше внимание.

П. С[толыпин]

Опубл.: Былое. – 1918. – № 1 (29). – С. 131.

Письмо С.Н. Гербелю[1]

3 декабря 1910 г.

С.Н. Гербелю

Бессарабский Алейников[2] просит правительственную субсидию на земскую выставку в 1912 году в Кишиневе.

Напомните мне об этом в ближайший доклад*.
П.[Столыпин]
P.S. Напомните тоже переговорить о Кобеко-Рудневе[3]**.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 265. Л. 1.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров. Министра внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Гербель** Сергей Николаевич (1858—?) — с 1892 г. председатель Херсонской уездной, а с 1900 г. — губернской земской управы. С 30 сентября 1902 г. до 13 апреля 1903 г. харьковский вице-губернатор, в 1903—1904 гг. и. д. харьковского губернатора. В 1904—1912 гг. начальник Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. С 1912 г. член Государственного совета по назначению. В 1915—1917 гг. начальник тыла Юго-Западного фронта.

[2] Возможно, **Алейников** Александр Федорович — надворный советник, председатель уездной земской управы в Бессарабской губернии.

[3] **Кобеко** Дмитрий Фомич — действительный тайный советник, член 2-го департамента Государственного совета, директор Императорской публичной библиотеки, член Совета по учебным делам Министерства торговли и промышленности. Член-корреспондент Императорской Академии наук, член Совета Русского генеалогического общества.

Письмо А.И. Гучкову

7 декабря 1910 г.

Милостивый Государь
Александр Иванович.

Препровождая при сем копию дознания о незаконных действиях состоящего ныне членом Государственной думы Александра Кропотова[1] по отправлявшейся им должности волостного писаря Токтай-Белявского волостного правления Уржумского уезда Вятской губернии, имею честь сообщить на усмотрение Вашего Превосходительства, что, как с несомненностью явствует из означенного дознания, названный Кропотов при избрании его волостным сходом в уполномоченные на съезде их для избрания выборщиков в губернское избирательное собрание не обладал требуемым статьею 37 Положения о выборах в Государственную

---

* Пометка С.Н. Гербеля: Так как официального ходатайства нет. то оставить этот вопрос открытым.

** Пометка С.Н. Гербеля: По вопросу о Кобеко-Рудневе переговорить.

думу цензом, так как домохозяином вовсе не состоял, землею не владел и личного хозяйства не вел и, следовательно, был незаконно избран в уполномоченные от волостного схода и незаконно состоит в настоящее время выборщиком губернского избирательного собрания и членом Государственной думы.

Вместе с тем считаю долгом уведомить Ваше Превосходительство, что одновременно с сим мною предложено вятскому губернатору привлечь Кропотова к уголовной ответственности по ст. 362 Уложения о наказаниях за преступные действия его по должности волостного писаря и распорядиться об исключении его, в установленном порядке, из числа выборщиков Вятского губернского избирательного собрания.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Столыпин
7 декабря 1910 г.
№ 154

РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 411. Л. 13–13об.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Копия.

[1] **Кропотов Александр Егорович (1874—?) — крестьянин, писарь, трудовик. Депутат III Государственной думы от Вятской губернии (от съезда уполномоченных от волостей), член земельной комиссии.**

Письмо графу Н.Л. Муравьеву[1]

9 декабря 1910 г.

Совершенно секретно
Милостивый Государь
граф Николай Леонидович.

Государю Императору благоугодно было выразить мне Державную волю о пополнении редеющих рядов поместного дворянства в соответствии с историческими основами образования этого сословия из числа материально обеспеченных землевладельцев, выделяющихся над общим уровнем дарованиями, предприимчивостью и энергией, пользующихся общим почетом окрестного населения, а по образу жизни, культурному развитию и бытовым условиям подходящих к составу местного дворянского общества. Мне преподаны при этом Высочайшие указания относительно представления подробных, строго обоснованных, данных о лицах, при-

знаваемых достойными таковой Монаршей милости, на случай, если бы Его Императорскому Величеству благоугодно было отметить труды или заслуги кого-либо из них пожалованием потомственного дворянства по собственному усмотрению самодержавной власти (ст. 21 т. IX Зак. о сост.).

В исполнение объявленной Высочайшей воли, подлежащей безусловному сохранению в строжайшей тайне, покорнейше прошу Ваше Сиятельство сообщить мне непосредственно и совершенно секретно о таких лицах недворянского происхождения, которые при многолетнем преемственном владении более или менее крупной земельной собственностью явили серьезные, выдающиеся отличия на поприще разнородной общественной деятельности и принесли для края непосредственно или в лице своих выдающихся предков существенную пользу, имеющую значение заслуги государственной.

Необходимейшими условиями землевладения лиц, удостаиваемых представления Монаршему вниманию, следует признать продолжительность его, связанную с непосредственным использованием угодий, как залога устойчивой связи владельца с данной местностью, особенно в нескольких поколениях, и возможно тесные соотношения с окрестными крестьянами, при соответствующем понятиям дворянского сословия образе жизни владельца и его семьи; уважаемое положение среди соседних помещиков и такого рода земскую или общественную деятельность, которая являла бы сочетание реальных заслуг с нравственным обликом «благородного человека», а также обладание образовательным цензом, дающим при обычных требованиях современного законодательства возможность нести государственную либо общественную службу и принимать участие во всей полноте сословной жизни дворянства. В ряду заслуг, выдвигающих подобных земельных собственников на уровень высшего в государстве сословия не должен оставаться незамеченным ни один вид труда, способного вести к материальному или духовному преуспеянию страны. Землевладельцы, способствующие своими трудами подъему сельского хозяйства или насаждающие, либо упрочивающие в нашем отечестве новые отрасли промышленной деятельности, могут быть помещены в ряды заслуживающих занять место среди поместного дворянства на одинаковом основании с купцами, открывающими или укрепляющими за русской торговлей мировые рынки, с иносословными деятелями на поприще общественной, земской, го-

родской службы, благотворительности или иных видов труда, имеющих исключительное государственное значение.

Поручая настоящий вопрос особой заботливости и вниманию Вашего Сиятельства, питаю уверенность в самом тщательном, беспристрастном и строго обоснованном выборе Вами тех местных деятелей, которые в случае удостоения пожалованием прав потомственного дворянства смогут и сумеют в дальнейшем среди высшего сословия быть действительно полезными, надежными и преданными слугами Царя и Отечества.

Считаю полезными в отдельных случаях (отнюдь не общие вопросы) совершенно конфиденциальные переговоры Ваши относительно намеченных лиц с губернским предводителем дворянства.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин
9 дек[абря] 1910 г.
№ 6552

ОПИ ГИМ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2. Машинопись.

[1] **Муравьев** Николай Леонидович (1866—?) — граф, тайный советник, егермейстер, сенатор (1916). С 1899 г. вице-губернатор в Томской, с 1901 г. — в Вологодской, с 16 декабря 1902 г. до 22 сентября 1907 г. — в Таврической, с 20 января 1907 г. до 21 сентября 1909 г. — в Рязанской губерниях. С 4 октября 1908 г. до 12 февраля 1912 г. полтавский, с 4 февраля 1913 г. до 6 мая 1915 г. московский губернатор.

Письмо С.Д. Сазонову

13 декабря 1910 г.

Совершенно доверительно
Милостивый Государь
Сергей Дмитриевич.

В Константинополе издается получивший широкое распространение в России еженедельный журнал «Тааруфул-Муслимин» («Взаимное ознакомление мусульман»), имеющий главною целью распространять среди русских мусульман идеи панисламизма и пантюркизма и вызвать неприязнь к Императорскому правительству, обвиняя его в гонении ислама, притеснениях мусульман, порабощении их школы и т. п.

Вместе с тем в одном из номеров этого журнала, за подписью «Русский подданный» было помещено обращение к русским

мусульманам с приглашением жертвовать на усиление турецкого флота для увеличения могущества Турции.

Наиболее видная роль в издании указанного журнала принадлежит русскому выходцу, занимавшему ранее должность члена Оренбургского магометанского духовного собрания, Абдул-Решид-Ибрагимову, который пользуется в настоящее время своим авторитетом, чтобы содействовать успеху пропагандируемых журналом идей.

Не подлежит сомнению, что распространение помянутого журнала в пределах Империи представляется крайне вредным, ввиду чего мною и сделано уже распоряжение о недопущении ввоза такового в Россию.

Независимо сего я находил бы, что допущение издания журнала, преследующего, как Ваше Высокопревосходительство изволили усмотреть из приведенных данных, исключительную цель вызвать враждебное настроение мусульман русских подданных к своей родине и правительству, вряд ли соответствует достоинству соседней дружеской державы, восстановляя против нее русское общественное мнение и тем самым неблагоприятно влияя на отношения России и Турции.

Ввиду сего я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою, не сочтете ли Вы возможным поручить нашему дипломатическому представителю в Константинополе воздействовать на турецкое правительство в смысле прекращения издания помянутого журнала.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: П.Столыпин
13 декабря 1910 года
№ 11324

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469. Л. 88–89.
Машинопись. Копия.

Письмо И.Г. Щегловитову

22 декабря 1910 г.

Милостивый Государь,
Иван Григорьевич.

Министр иностранных дел сообщил мне, что о производящемся ныне в Кенигсбергском суде деле по иску фирмы «Тауб-

манн и Шлесс» к русской казне, в лице начальника Юго-Западных железных дорог, Министерство иностранных дел узнало только из газет. Между тем, в означенном процессе, возбужденном уже около двух лет тому назад, затронут имеющий весьма серьезное международно-правовое значение принципиальный вопрос о подсудности иностранному суду иска к русской казне.

Принимая во внимание, что во всех подобных случаях своевременное вступление в дело Министерства иностранных дел и его представителей за границею может значительно упростить, а нередко и вовсе устранить возникающие по поводу таких дел конфликты, гофмейстер Сазонов полагал бы весьма желательным, чтобы в случаях: 1) предъявления исков к русской казне в иностранных судах и 2) обращения русских правительственных органов в иностранные суды для защиты интересов казны — подлежащие учреждения и должностные лица, предполагающие вчинить соответствующие иски или вызываемые в суд в качестве ответчиков, неотлагательно поставляли о сем в известность Министерство иностранных дел. При этом желательно, конечно, чтобы такие сообщения названному министерству предшествовали самому вчинению исков, если только по делу не предстоит принятия каких-либо не терпящих отлагательства мер. Засим, соблюдение этого правила представлялось бы излишним лишь в отношении мелких, не имеющих никакого принципиального значения исков, к числу коих принадлежат, например, иски, предъявляемые по железнодорожным перевозкам на основании существующих международных конвенций и т. п.

Придавая, с своей стороны, возбужденному министром иностранных дел вопросу весьма серьезное значение и признавая проектируемую им меру вполне целесообразною, долгом считаю покорно просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в зависящем распоряжении по Высочайше вверенному Вам ведомству к точному исполнению вышеизложенных предположений гофмейстера Сазонова.

Покорнейше прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

П. Столыпин
22 декабря 1910 г.
№ 6025

РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 925. Л. 1–1об.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Подлинник с подписью.

1911

Письмо В.Н. Коковцову

22 января 1911 г.

Секретно

Милостивый Государь,
Владимир Николаевич.

Вследствие письма от 4/8 декабря минувшего года за № 852, имею честь уведомить Выше Высокопревосходительство, что с моей стороны не встречается препятствий к учреждению в г. Харбине «Обществ обывателей и избирателей», так как г. Харбин расположен вне Русской территории.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подп[исал:] П. Столыпин
22 января 1911 года
№ 87

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 240. Л. 111.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Отпуск.

Письмо С.Д. Сазонову

22 января 1911 г.

Весьма секретно

Милостивый Государь,
Сергей Дмитриевич.

В препровожденной мне помощником командующего войсками Туркестанского военного округа копии письма генерал-лейтенанта Самсонова к Вашему Превосходительству от 7 сего января, за № 225, командующий войсками названного округа, указывая на значительное число замечаемых в гор. Старой Бухаре чинов Афганской армии, производящих среди бухарцев вредную для наших интересов агитацию, полагает необходимым установить за означенными афганцами бдительный надзор как со стороны бухарских властей, так и нашего политического агентства в Бухаре. Вместе с тем, по мнению генерал-лейтенанта Самсонова, представляется желательным всех афганцев (85 человек), показанных в препровожденном при означенном письме списке, выслать из пределов округа, если Министерство иностранных дел не встретит к тому препятствий.

Одобряя, с своей стороны, изложенные предположения командующего войсками Туркестанского военного округа, долгом считаю покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в сообщении мне Вашего по указанному вопросу отзыва.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
22 января 1911 года
№ 313

РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 2. Л. 129.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

Письмо графине Н.Ф. Карловой

2 марта 1911 г.

Милостивая Государыня
графиня Наталья Федоровна,

Ввиду желания Вашего, я приказал разрешить концерт в Шведской церкви на четвертой неделе, хотя, ввиду взимания платы, это и не совсем правильно.

Покорнейше прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

П. Столыпин.
2 марта 1911 года

ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1593. Л. 2.
Рукопись. Подлинник.

Письмо великому князю Николаю Михайловичу

14 марта 1911 г.

Ваше Императорское Высочество,

Спешу принести Вам глубочайшую благодарность за добрые Ваши слова, которые доставили мне величайшее удовольствие.

Вашего Высочества
всеподданнейший слуга
П. Столыпин
14 марта 1911 года

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 37.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо П.А. Столыпина является ответом на письмо великого князя Николая Михайловича:

«Позволю себе выразить Вам мое глубочайшее уважение, как человеку и Русскому Государственному мужу, которому судьба сумела переживать такие минуты. Все, что неоднократно я имел честь Вам говорить, подтвердилось столь наглядно, что превзошло даже мои ожидания. Подлость и злость приемов известных лиц дошла до крайних пределов нахальства и неприличия. Кажется, наконец, и Верховная власть обратила надлежащее внимание на такого рода тактику. Дай-то Бог, чтобы такие случаи больше не повторялись, а Вам да пошлет Провидение силу и мужество выйти из борьбы, борьбы лютой, — победителем.

Еще раз примите выражение моей искренней симпатии и самых теплых чувств к Вашей личности.

Ваш Николай Михайлович» (*РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 321. Л. 1*).

Слова великого князя имели для П.А. Столыпина особое значение в условиях резко обострившихся отношений с Государственным советом и ослабления поддержки премьер-министра со стороны Николая II. В марте 1911 г. Государственный совет провалил законопроект Столыпина о введении земств в западных губерниях, в результате чего Столыпин был вынужден подать в отставку. После трехдневных колебаний, под давлением вдовствующей императрицы Марии Федоровны Николай II согласился поддержать премьера и пойти на все его условия, в частности, отправить в отставку двух наиболее активных противников законопроекта В.Ф. Трепова и П.Н. Дурново, распустить на три дня законодательные палаты и провести законопроект по 87 статье Основных законов Российской империи.

Письмо А.А. Нератову[1]

15 марта 1911 г.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич.

Я набросал то, что желательно было бы телеграфировать А.П. Извольскому[2], но опасаюсь, по правде, таких интимных сообщений официальным путем через канцелярии.

Сделайте из моей рукописи что хотите, но затем прошу ее уничтожить.

Примите уверения в искреннем моем уважении и преданности.

15 марта 1907 г.

П. Столыпин

<Приложение к письму>

Проект телеграммы А.П. Извольскому

Париж. Гофмейстеру Извольскому

События последних дней вызваны неестественною партийною группировкою в Государственном совете, где объединением

крайних крыльев отклонялись или задерживались законопроекты, проведенные правительством через Думу. Это особенно ярко выразилось отклонением законопроекта о введении земства в Западном крае, успешно прошедшего через Думу и считавшегося правительством мерою большой политической важности. После отклонения законопроекта П.А. Столыпин подал в отставку и согласился остаться в должности лишь при условии проведения законопроекта в жизнь в думской редакции. Так как редакция эта не имела шансов быть проведенною в верхней палате, то закон издан в порядке статьи 87-ой, с последующим одобрением палат. Одновременно увольнение в отпуск Дурново и Трепова вызвано закулисною работою этих лиц против кабинета. Государственная дума предъявила запрос в виде протеста против применения 87-ой статьи, опасаясь прецедентов, которые немыслимы, так как при необходимости последующего одобрения Думы, мера, проводимая по этой статье, должна быть для Думы приемлема.

Вероятно скорое успокоение. Октябристами не решено переходить в оппозицию. Желательно направить в должном смысле в печать. Ваше личное интервью нежелательно.

Опубл.: Красный архив. – 1929. – Т. 1 (32). – С. 210–211.

[1] Нератов Анатолий Анатольевич (1863–?) – гофмейстер Высочайшего двора, товарищ министра иностранных дел (с 14 ноября 1910 г.). Член Государственного совета по назначению (1916). Вице-директор 1-го департамента Министерства иностранных дел, временно управляющий министерством (1916).

[2] 14 марта 1911 г. А.П. Извольский в секретной телеграмме А.А. Нератову просил передать П.А. Столыпину свою обеспокоенность событиями, связанными с роспуском 12 марта на три дня Государственной думы и Государственного совета для проведения по 87-й ст. закона о введении земства в западных губерниях, и дать ему подробную информацию об этом, чтобы «соответственным образом направить здешнюю (французскую – *Ред.*) печать», в том числе «путем личного интервью представителям одной из здешних крупных газет». 15 марта 1911 г. Нератов направил копию телеграммы Столыпину с просьбой сформулировать «указания относительно ответа, который должен быть дан императорскому послу в Париже».

По описанию Ф. Драпкиной, обнаружившей письмо П.А. Столыпина и проект его ответа в личном фонде Нератова, оно было написано на полулисте почтовой бумаги, а текст проекта – между строк записки Нератова, напечатанной на пишущей машинке. Текст письма Столыпина переписан собственноручно Нератовым и отправлен Извольскому за своей подписью. На отпуске он приписал на полях: «Прошу отправить и сохранить эту телеграмму в особливой тайне. А. Нератов».

Письмо великой княгине Марии Павловне[1]

17 марта 1911 г.

Madame,

Je suis tres peiné, que, malgré mon grand et sincere désir de me rendre agréable à Votre Altesse Impériale, il m'a été impossible de plaider au Conseil des Ministres la cause de Madame Poliakoff, car, selon les règles de la Banque, sa caution pour son mari ne peut, en aucun cas, être considérée comme nule.

De Votre Altesse Impériale
Le tres humble et obéissant serviteur
P. Stolypine
Jeudi le 17 Mars 1911*

ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 2148. Л. 1.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Мария Павловна** Романова (Мария-Александрина-Елизавета-Элеонора) (1854–1920) – великая княгиня, жена (с 1874) великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II. Дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II. В 1909–1917 гг. президент Академии художеств.

Письмо графу Н.Л. Муравьеву

23 марта 1911 г.

Милостивый Государь
граф Николай Леонидович.

Из представленной Вашим Сиятельством при письме от 5 сего марта за № 50 ведомости о движении дел в председательствуемом Вами губернском присутствии и подведомственных уездных съездах видно, что образовавшаяся в означенных учреждениях в течение ряда предшествующих лет запись судебных дел в настоя-

---

* Мадам,

Я очень огорчен, что несмотря на мое большое и искренне желание быть полезным Вашему Императорскому Высочеству, мне не представлялось возможным выступить на Совете министров в защиту дела г-жи Поляковой, так как, в соответствии с правилами Банка, ее поручительство за мужа в любом случае расценивается как недействительное.

Покорнейший слуга вашего Императорского Высочества
П. Столыпин
Четверг, 17 марта 1911 г. (франц.).

щем году или ликвидирована вовсе, как в губернском присутствии, или в значительной мере сокращена.

Усматривая в таком упорядочивании делопроизводства крестьянских учреждений вверенной вам губернии результат напряженной деятельности личного состава сих учреждений и, главным образом, энергичного руководства со стороны Вашего Сиятельства, я поставляю для себя приятным долгом выразить Вам мою искреннюю признательность и просить Вас передать подведомственным Вам чинам упомянутых учреждений мою благодарность за ревностное исполнение служебных обязанностей.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин
23 марта 1911 года
№ 8016

ОПИ ГИМ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 5. Л. 3. Машинопись.

Письмо С.В. Рухлову[1]

1 апреля 1911 г.

Милостивый Государь,
Сергей Васильевич.

Из сообщенных мне ревизующим по Высочайшему повелению Сибирскую железную дорогу сенатором графом Медемом[2], в письме от 21 минувшего марта, за № 924, сведений видно, что большая часть обслуживающих названную дорогу каменноугольных копей, а также и лесные концессии в полосе отчуждения Восточно-Китайской дороги находятся в еврейских и польских руках и эксплуатируются, преимущественно, при помощи рабочих китайцев.

Разделяя, с своей стороны, высказанное по этому поводу ревизующим сенатором заключение о крайней опасности подобного положения в случае нарушения мира на Дальнем Востоке, ибо могут возникнуть затруднения в снабжении паровозов на Сибирской железной дороге необходимым топливом, я считаю своим долгом покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать обратить на настоящее дело, по которому сенатор граф Медем уже вошел в сношение с Вашим Превосходительством, особливое внимание, почтив меня уведомлением о мерах, какие Вы изволите признать нужным принять в целях обеспечения надлежа-

щего снабжения Сибирской железной дороги топливом, как в мирное, так и в военное время.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин
1 апреля 1911 года
№ 1736

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 42. Л. 83–83об.
На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись.

[1] **Рухлов** Сергей Васильевич (1852–1918) – государственный деятель. В 1873–1892 гг. служил в тюремном ведомстве, с 1892 г. в канцелярии Государственного совета, с декабря 1895 г. статс-секретарь Департамента экономии. В январе 1903 г. назначен товарищем главноуправляющего торговым мореплаванием и портами великого князя Александра Михайловича. С ноября 1905 г. член Государственного совета, с мая 1912 г. статс-секретарь. В 1909–1915 гг. министр путей сообщения. Один из учредителей и первый председатель монархической организации Всероссийский национальный союз.

[2] **Медем** Оттон Людвигович – граф, действительный статский советник, с 30 июля 1896 г. до 13 июля 1907 г. новгородский губернатор. Сенатор 1-го департамента Правительствующего Сената, в 1911 г. член Высшего дисциплинарного присутствия, почетный мировой судья Хвалынского уезда.

Письмо графу Н.Л. Муравьеву

26 апреля 1911 г.

Конфиденциально
Милостивый Государь
граф Николай Леонидович.

Ознакомившись с докладом члена моего совета, тайного советника Кондоиди[1], командированного в г. Полтава для всестороннего выяснения причин ненормальных отношений, установившихся в последнее время между местными военными и гражданскими властями, я пришел к заключению, что ответственность в данном случае должна быть возложена в равной мере на обе заинтересованные стороны, причем имевшие место недоразумения явились следствием, главным образом, обостренных личных отношений.

Так, с одной стороны, представители местной военной власти представляли губернскому распорядительному комитету требования, не всегда точно согласованные с законом, и в своих сношениях с Вами и другими губернскими властями и учреждениями допускали не вполне корректные и уместные выражения; с дру-

гой стороны, нередко законные требования войск своевременно не удовлетворялись и, несмотря на это, ни Вы, ни вице-губернатор Бибиков[2] не считали необходимым своим участием воздействовать на соответствующие органы для удовлетворения насущных войсковых нужд. Между прочим, не могу не поставить на вид Вам и вице-губернатору того обстоятельства, что ни Вы, ни д[ействительный] с[татский] с[оветник] Бибиков, за время управления последним губернией, до настоящего времени не сочли нужным представиться командующему войсками Киевского военного округа генерал-адъютанту Иванову[3], что Вы обязаны были сделать даже независимо от назревшей необходимости совместно разрешить целый ряд серьезных вопросов, касающихся дислокации войск.

Признавая отношения, установившиеся во вверенной Вам губернии между военными и гражданскими властями, совершенно не допустимыми, прошу Вас и вице-губернатора с своей стороны сделать все от Вас зависящее, чтобы на будущее время прекращать возникающие межведомственные трения, памятуя, что в тех случаях, когда страдают интересы войск, они, безусловно, должны находить себе авторитетное заступничество со стороны высших представителей административной власти. Кроме того, в случае возникновения более сложных вопросов, касающихся военного ведомства, таковые благоволите выяснить путем личных объяснений с командующим войсками Киевского военного округа.

О содержании настоящего письма прошу Вас поставить в известность, для надлежащего исполнения, вице-губернатора д[ействительного] с[татского] с[оветника] Бибикова.

К сему я считаю долгом присовокупить, что, согласно сообщению военного министра, со стороны полтавского военного начальства корректность отношений к гражданским властям впредь нарушаться не будет.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

26 апреля 1911 г.

№ 528

ОПИ ГИМ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5. Машинопись.

На это письмо последовал ответ Н.Л. Муравьева:

Совершенно конфиденциально

Милостивый Государь

Петр Аркадьевич.

Письмом от 26-го апреля сего года за № 528 Вы изволили поставить мне на вид то обстоятельство, что я до настоящего времени не счел нужным пред-

ставиться командующему войсками Киевского военного округа генерал-адъютанту Иванову, что я обязан был сделать даже независимо от назревшей необходимости совместно разрешить целый ряд серьезных вопросов, касающихся дислокации местных войск.

Я был крайне озадачен этим обвинением; никогда и никаких недоразумений у меня с командующим войсками не было, да и быть не могло на этой почве, как в силу соблюдения генерал-адъютантом Ивановым и мной всех существующих по вопросу взаимных отношений военных и гражданских властей законоположений, так и в силу моего глубокого уважения, которое я питаю к генерал-адъютанту Иванову, перед заслугами которого Царю и родине я преклоняюсь.

При этом я никогда не замечал со стороны генерал-адъютанта Иванова даже намека на обострение отношений, встречаясь с ним неоднократно, как по службе, так и в обыденной жизни, я видел всегда ровное, самое вежливое и приветливое к себе отношение.

В исполнение Ваших указаний я отправился в г. Киев, чтобы представиться командующему войсками и переговорить с ним по делу казарменных помещений для местных войск.

При свидании с генерал-адъютантом Ивановым 11 сего августа установлена полная наша солидарность в деле дислокации местных войск и по всем принципиальным вопросам, что же касается предъявленного мне Вашим Высокопревосходительством обвинения в несоблюдении мною служебного долга вежливости, то генерал-адъютант Иванов уполномочил меня официально довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о том: 1) что он отрицает существование, как в прошлое, так и в настоящее время, каких бы то ни было недоразумений между им и мной на почве непредставления или отдачи взаимных визитов и 2) что он никогда, ничего и никому по этому поводу не заявлял.

Я с чувством глубокого удовлетворения выполняю это поручение генерал-адъютанта Иванова, так как оно снимает с меня вину, упрек в которой со стороны Вашего Высокопревосходительства мне был тем более тяжел, что в своих отношениях с представителями других ведомств я всегда ставил себе задачей выполнять сделанное с высоты Престола указание о необходимости единения властей.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Августа 21 дня 1911 года

№ 5743 (*ОПИ ГИМ. Ф. 241, Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7*).

[1] **Кондоиди** Владимир Григорьевич – тайный советник, служил в Министерстве внутренних дел (с 17 декабря 1885 г. по 9 декабря 1905 г. и с 20 октября 1906 г.). С 6 апреля 1896 г. до 9 декабря 1905 г. вице-губернатор Самарской губернии. С 20 октября 1906 г. член совета министра внутренних дел.

[2] **Бибиков** Сергей Дмитриевич – статский советник, с 11 октября 1908 г. до 5 декабря 1911 г. вице-губернатор Полтавской губернии, с 5 декабря 1911 г. до 5 марта 1917 г. архангельский губернатор.

[3] **Иванов** Николай Иудович (1851–1919) – генерал-адъютант; в 1906–1907 гг. кронштадтский генерал-губернатор; в 1906–1914 гг. командующий войсками Киевского военного округа; в 1915–1916 гг. главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

Черновик письма А.В. Кривошеину

май 1911 г.

Милостивый Государь
Александр Васильевич.

Во время нашей поездки в Сибирь осенью минувшего года нами было обращено внимание на значительное количество немцев-колонистов, водворившихся в Западной Сибири. Последние устраиваются не только на землях казачьих и частновладельческих, но также и казенных, в качестве переселенцев. Так, в настоящее время существует на казенных землях 46 немецких поселков в 3430 семей с населением свыше 20 000 душ обоего пола, коим в надел отведено казенных земель до 250 000 десятин.

Не говоря уже о том, что водворение немцев на казенных землях в то именно время, когда в Западной Сибири ожидают земельного устройства сотни тысяч переселенцев, не соответствует интересам русских людей, я с своей стороны нахожу, что устройство этих лиц в Сибири и притом на землях казенных представляется с точки зрения государственных интересов совершенно нежелательным. Такого же взгляда держится и Степной генерал-губернатор генерал-лейтенант Шмит[1], но принужден пока мириться с этим явлением, т. к. землеустроительные комиссии, распределяющие земельный фонд между переселенцами, направляют в Степные области немцев-колонистов, которых, в силу этого, приходится устраивать на переселенческих участках. Хотя по отношению Степного края в законе и не содержится такого категорического указания на воспрещение водворять на казенных землях лиц, нежелательных в интересах государства, как это установлено ст. 5 Прав. пер. для перес., отнюдь не может препятствовать правительству, являющемуся носителем верховных прав государства, давать указания местным органам о заселении местностей Сибири теми или другими категориями переселенцев, в соответствии с видами правительства и государственными задачами, и в этом отношении я находил бы, с своей стороны, безусловно необходимым, в ограждении интересов русского крестьянства и по соображениям государственной важности, принять меры против заселения Степных областей немцами-колонистами как элементом, не отвечающим задачам русской государственности.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать почтить меня своим заключением по существу настоящего дела.

Примите уверение в глубоком уважении и искренней преданности.

« » мая 1911 года.

РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1910. Д. 304. Л. 19–20.
На бланке «Министр внутренних дел. По земскому отделу».
Машинопись.

18 июля 1910 г. в газете «Новое время» была опубликована статья А. Папкова «Нашествие иностранцев в Западную Сибирь» о приобретении, при попустительстве местных властей, земельной собственности иностранцами и евреями в ущерб крестьянам-переселенцам в обход действовавшего законодательства. По отзыву и. о. степного генерал-губернатора В.П. Тихменева и рапорту степного генерал-губернатора Е.О. Шмита для Степного генерал-губернаторства не имелось общего распоряжения ограничительного характера. Ограничения были введены генерал-губернатором Сухотиным для Омского и Петропавловского уездов и генерал-губернатором Шмитом для Кокчетавского уезда. Выполнение ограничительных распоряжений затруднялось деятельностью землеустроительных комиссий, которые, получая в свое распоряжение определенный земельный фонд, наравне с русскими поселенцами высылали ходоков из немцев на участки всех уездов, а устройство таких поселенцев было обязательным для переселенческой организации. В городах же иностранные подданные и евреи могли владеть недвижимостью, т. к. устанавливавшиеся в законе ограничения для иностранцев и лиц нехристианского вероисповедания, за исключением коренного населения, относились лишь к землям, располагавшимся вне черты городских поселений, вследствие чего в городах Степного генерал-губернаторства имелось принадлежавшее им недвижимое имущество.

[1] Шми[д]т Евгений Оттович – генерал от кавалерии, в 1908–1915 гг. степной генерал-губернатор.

Письмо И.К. Григоровичу[1]

4 мая 1911 г.

В[есьма] секретно

Милостивый Государь,
Иван Константинович.

Ревизующий по Высочайшему повелению мостостроительные операции в Империи сенатор, гофмейстер Высочайшего Двора Нейдгардт уведомил меня, что из взятых, при произведенной в Главном управлении Николаевских заводов выемке дел и документов, им, между прочим, обнаружен ряд заключенных названными заводами как с отечественными, так и с иностранными промышленными предприятиями весьма невыгодных для казны и ставящих

наше военное судостроение в зависимое от заграничных предприятий положение соглашений о порядке исполнения заказов морского ведомства по сооружению новых судов в Балтийском и Черном морях. При этом гофмейстер Нейдгардт объяснил, что вышеизложенные данные сообщены им также Вашему Превосходительству.

Находя, с своей стороны, что быстрое пополнение нашего флота отвечающими современным боевым требованиям судами может быть достигнуто лишь при соблюдении должной экономии в расходовании ассигнуемых на этот предмет средств государственного казначейства и при обеспечении за морским ведомством полной независимости от иностранных судостроительных фирм, долгом считаю просить Ваше Превосходительство не отказать уведомить меня о мерах, какие Вы сочли нужным принять для устранения тех неблагоприятных для отечественного судостроения условий, которые обнаруживаются в добытых сенатором Нейдгардтом материалах.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности.

<Подпись отсутствует>

4 мая 1911 года

№ 2227

РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 42. Л. 95–95об.

На бланке «Председатель Совета министров». Машинопись. Проект.

[1] **Григорович** Иван Константинович (1853–1930) – военно-морской деятель, адмирал (1911), генерал-адъютант (1912), член Государственного совета (1913). В 1896–1898 гг. морской агент в Великобритании. В русско-японской войне 1904–1905 гг. командир эскадренного броненосца «Цесаревич»; в ночь на 27 января 1904 г., во время внезапной атаки японских миноносцев, «Цесаревич» был подорван, но благодаря умелому руководству Григоровича остался на плаву. С апреля 1904 г. комендант Порт-Артура, активно участвовал в Порт-Артурской обороне. С начала 1905 г. начальник штаба Черноморского флота и портов Черного моря. С 1906 г. комендант порта императора Александра III (Либава). С 1908 г. главный комендант Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. С 1909 г. товарищ морского министра. С марта 1911 г. по 28 февраля 1917 г. морской министр. При Григоровиче завершена морская реформа. В 1912 г. провел в Государственной думе «малую программу судостроения», направленную на усиление русского флота. Поддерживал контакты с кадетскими и октябристскими кругами. С марта 1917 г. в отставке.

Письмо графу А.А. Бобринскому

21 мая 1911 г.

21 мая 1911 года
Милостивый Государь
граф Алексей Александрович.

Имею честь уведомить Вас, что я впервые из письма Вашего узнал о предположении массового возведения в дворянское сословие в связи с юбилейными торжествами 1912 и 1913 годов.

Никаких указаний от Государя Императора я по этому поводу не получал, и никаких представлений правительство по этому поводу на Высочайшее благоволение не повергало. Я ничего не имею против того, чтобы настоящий мой ответ стал известен Совету объединенного дворянства. Что касается циркуляра, о котором Вы изволите упоминать, то для Вашего личного сведения могу сообщить, что он разослан был в начале, кажется, зимы, никакой связи с предстоящими юбилейными празднествами не имеет, а имеет предметом лишь сосредоточение в канцелярии сведений о лицах достойных, ведущих дворянский образ жизни и заслуживающих общее уважение на местах. Из таковых лиц Его Величество изредка изволит избирать некоторых и жаловать в дворянское достоинство.

Делается это после тщательной проверки не только через администрацию, но через представителей дворянства и других достойных доверия лиц. При этом пожалования бывают лишь одиночные.

Если Вам угодно получить от меня дополнительные сведения, то я с удовольствием Вас приму.

Прошу Вас верить в совершенное мое уважение и преданность.
П. Столыпин

РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1758. Л. 1–2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Телеграмма П.Г. Курлову

10 июня 1911 г.

Генерал Трепов, видимо, обиженный Вашею командировкою, прислал мне прошение об отставке. Постарайтесь [в] Киеве успокоить его, объяснив настоящий смысл возложенного на Вас поручения и устранив всякие поводы к недоразумениям. Из Киева телеграфируйте мне о создавшихся отношениях и, надеюсь,

о полной ликвидации инцидента. Я телеграфировал Трепову[1] следующее: «Письмо Ваше получил. Высочайшее повеление имеет целью лишь объединение мер по охранению личной безопасности Его Величества, что необходимо, ввиду командирования [в] Киев многих чинов охраны и полиции из разных городов. Такие же полномочия товарищу министра были предоставлены [в] предыдущий Высочайший проезд через Киев. Мероприятие это касается лишь области охраны, руководство которой временно во время Высочайших поездок переносится из Петербурга на место и никакого вмешательства в область генерал-губернаторского управления товарищу министра не предоставлено, то очень просил бы Ваше Высокопревосходительство не принимать командировку генерала Курлова как акт недоверия к Вам. Письмо Ваше до выяснения недоразумения позвольте себе оставить без движения».

Статс-секретарь
Столыпин

ГАРФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–11.
Рукопись. Подлинник.

По всеподданнейшему докладу П.А. Столыпина от 21 мая 1911 г., Николай II утвердил решение возложить на товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова высшее руководство охраной в гг. Овруче, Киеве, Чернигове, Севастополе, Белгороде и в Крыму, а равно и в прилегающих к ним местностях, посещение которых Государем Императором было намечено на осень 1911 г. в связи с торжествами по поводу открытия памятника императору Александру III, с подчинением ему всех без исключения как командированных для поддержания порядка и безопасности, так и подведомственных генерал-губернатору (т. е. Ф.Ф. Трепову) чинов. Подобное решение было расценено Ф.Ф. Треповым как проявление недоверия к нему императора, поэтому в день получения письма от премьер-министра с уведомлением о состоявшемся решении он обратился к П.А. Столыпину с просьбой доложить Николаю II его ходатайство об уходе в отставку. Столыпин направил 12 июня Трепову шифрованную телеграмму, разъясняющую, что Высочайшее повеление имело целью объединение мер по охранению личной безопасности императора, необходимое вследствие командирования в Киев многих чинов охраны и полиции других городов, и что никакого вмешательства в область генерал-губернаторского управления Курлову не предоставлено. Однако Трепов не изменил своего решения и телеграммой от 12 июня уведомил премьер-министра, что он не может примириться с мыслью, чтобы чины вверенного ему края находились в подчинении генерала Курлова и сообщил о посылке им министру Императорского Двора барону В.Б. Фредериксу ходатайства о докладе императору относительного его увольнения от должности генерал-губернатора. Тогда Столыпин послал Трепову частное письмо с просьбой не заставлять его доводить до сведения Николая II факт разномыслий, возникших среди высших чиновников по вопросу охраны

императора, а затем и официальное письмо (нижепубликуемое), разъясняющее, что лишь силы охраны подчиняются генерал-лейтенанту Курлову, иные же должностные лица остаются в полном подчинении генерал-губернатора. Прибывший в Киев товарищ министра Курлов на встрече с Треповым заявил о невозможности для него приступить к организации дела охраны императора и даже о необходимости подать прошение об отставке в случае, если Трепов будет по-прежнему рассматривать приезд Курлова как акт недоверия к нему. В результате Трепов согласился признать инцидент исчерпанным и пообещать оказывать Курлову всяческое содействие в деле охраны в городах Киеве и Овруче при первой же необходимости (*ГАРФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–35*).

[1] **Трепов** Федор Федорович (1854–1938) – государственный деятель; генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета. В 1908–1914 гг. киевский, волынский и подольский генерал-губернатор. С сентября по декабрь 1914 г. помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части; в 1916–1917 гг. военный губернатор областей Австро-Венгрии, занятых во время Первой мировой войны.

Письмо П.Г. Курлову

10 июня 1911 г.

10 июня 1911 года
Колноберже
Многоуважаемый
Павел Григорьевич,

Вчера я сообщил Вам по телефону об инциденте с ген[ералом] Треповым. Как Вы знаете, я опасался этого и, по правде говоря, понимаю Трепова. Я совершенно не желаю беспокоить Государя особенно из-за столкновения властей, вызванного вопросами охраны Его драгоценной жизни. Трепову я написал в успокоительном духе, а Вас прошу всячески щадить его самолюбие, оберегать всемерно его авторитет начальника края, не делать административных распоряжений помимо его и вообще поддерживать полное с ним согласие.

Прошу Вас верить в искреннее мое уважение и преданность.
П. Столыпин

ГАРФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 12–12об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.В. Кривошеину

12 июня 1911 г.

12 июня 1911 года
Им[ение] Колноберже
Многоуважаемый
Александр Васильевич,

Я с большим удовлетворением ознакомился здесь на свободе с присланною Вами мне еще 21 апреля справкою о выполнении наших дорожных предположений.

Наша скромная поездка, превращенная левою прессою в «феерическую» и «Потемкинскую», видимо, оставит все же кое-какой след. Теперь мне пришла мысль, что эту справку следует переделать для печати: для публики важны реальные результаты и *их* надо подчеркивать.

Что Вы думаете о напечатании сухого перечня задуманного нами и «en regard»* осуществленного в «Правительственном вестнике»? В деревне у нас благодать – гуляю, езжу верхом и в одиночестве своем многое обдумываю. Как Вы?

Не знаю, где Вы, пишу в Петербург.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь сердечно преданный
П. Столыпин

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 23.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо барону В.Б. Фредериксу

14 июня 1911 г.

14 июня 1911 г.
Колноберже**

Глубокоуважаемый барон Владимир Борисович,

Крыжановский[1] телеграфировал мне, что Вы хотели бы знать мой взгляд на инцидент Трепов – Курлов. Мне кажется, что делом этим не стоит утруждать Его Величество. Тут просто недоразумение. Весь вопрос в технике охраны: так как я отправлю к приезду в Киев Его Величества наших главных агентов, точно так же,

---

* параллельно, напротив (франц.).

** Вверху помета синим карандашом: Доложено 25 июня 1911 г.

как часть петербургской, московской и варшавской полиции и жандармерии на место, то руководить ими Департамент полиции будет не из Петербурга, а также на месте в лице генерала Курлова.

Конечно, он ни одного шага не сделает без генерал-губернатора и действовать будет все время по согласованию с ним.

Я это объяснил ген[ералу] Трепову, и он совершенно, кажется, удовлетворен и успокоен.

На почве охраны всегда происходят такие недоразумения, так как каждый желает иметь честь руководить охраною драгоценной жизни Государя, но я ежегодно сглаживаю все эти шероховатости, не беспокоя Его Величество и все в конце концов дружно работают.

Так, уверен, будет и в нынешнем году.

Надеюсь, что Вы хоть немного отдыхаете летом. В июле буду в Петербурге.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком уважении и искренней преданности.

П. Столыпин

РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 7. Л. 182–183.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Крыжановский** Сергей Ефимович (1862–1935) – государственный деятель, тайный советник (1907), статс-секретарь (1916), сенатор (1907). С 1885 г. служил по судебному ведомству. С 1891 г. товарищ прокурора при Великолуцком, затем Рижском и Петербургском окружных судах. С 1896 г. начальник отдела хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, участвовал в разработке положения «О введении земских учреждений в Западных губерниях» (1897). С 1901 г. вице-директор, с 1903 г. и. о. директора хозяйственного департамента, с 1904 г. помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. В 1905 г. несколько месяцев занимал пост директора 1-го департамента Министерства юстиции. По рекомендации С.Ю. Витте назначен в состав совещания, разрабатывавшего проект создания законосовещательного представительства. В начале октября 1905 г. подал Николаю II проект преобразования Государственного совета. С апреля 1906 г. товарищ министра внутренних дел, занимался вопросами местного самоуправления, медицинской и ветеринарной частью, делами лиц неправославного вероисповедания, курировал Департамент общих дел. Привлечен П.А. Столыпиным к созданию нового избирательного закона 3 июня 1907 г. С 15 октября 1911 г. государственный секретарь. Председательствовал в Совещании русских и польских членов законодательных палат об устройстве управления в Царстве Польском.

Письмо Ф.Ф. Трепову

15 июня 1911 г.

Сов[ершенно] секретно

Милостивый Государь
Федор Федорович.

В дополнение к письму от 3-го сего июня за № 329, в котором сообщено Вашему Высокопревосходительству воспоследовавшее Высочайшее повеление о подчинении товарищу министра, командиру Отдельного корпуса жандармов, шталмейстеру, генерал-лейтенанту Курлову, ввиду предстоящего посещения Государем Императором гг. Киева и Овруча, как всех командированных в названные города для поддержания порядка и безопасности, так и подведомственных Вам чинов, с соблюдением ст. 9 Положения о Дворцовом коменданте, я считаю необходимым обратить Ваше внимание на то, что подобное подчинение, практикующееся в течение последних 2-х лет при всех выездах и посещениях Его Императорского Величества различных городов, вызвано исключительно объединением мер по охране драгоценной жизни Государя Императора, ввиду командирования с этой целью как чинов различных ведомств, так и чинов полиции из других городов. Таким образом, предоставленная товарищу министра власть касается только вопросов охраны, по каковым и подчинены ему подведомственные Вам чины. Во всех же остальных отношениях таковые, а в особенности высшие чины местной администрации, остаются в полном Вашем подчинении.

Генерал-лейтенанту Курлову мною указано действовать в полном с Вами соглашении.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверения в совершенном моем к Вам уважении и преданности.

Подписал: П. Столыпин
15 июня 1911 г.
№ 221

ГАРФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–15об.
На бланке «Министр внутренних дел». Машинопись. Отпуск.

Письмо А.В. Кривошеину

24 июля 1911 г.

24 июля 1911 г.

Колноберже

Многоуважаемый

Александр Васильевич,

Мне придется приехать в Петербург 1-го августа, чтобы установить с Треповым все подробности Выс[очайшего] пребывания в Киеве.

Пробуду с неделю и, конечно, придется созвать Совет министров. Если у Вас уже выяснились сметные разногласия, то нельзя ли будет их в этот приезд разрешить?

Не протелефонируете ли мне в понедельник в 12 ½ ч[ас]. дня, когда мы можем повидаться? Быть может отобедаете у меня, если не скучно вдвоем?

Искр[енне] преданный П. Столыпин

Выборы в земство проходят блестяще. Прочел с сожалением о кончине почтенной старушки Морозовой.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324. Л. 24.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.П. Извольскому

28 июля 1911 г.

Колноберже

Многоуважаемый Александр Петрович,

Очень и очень благодарен Вам за Ваше интересное письмо[1]. Сознаюсь, я пребывал в большом смущении по отношению ко всему происходящему. Вы знаете мой взгляд – нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической. Но, кроме того, и главное это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет

час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницею только из народной войны.

Сообщаю Вам свои мысли, так как по газетам нельзя составить себе мнения о России. У нас прессы нет, а то, что есть, кривое зеркало.

Ваше соглашение с Англиею и Японией (большая Ваша заслуга) обеспечивали нам, казалось, мир. Не дай Бог, чтобы какое-нибудь Марокко[2] или мелиссоры втянули нас в войну. В этом отношении, т. е. в смысле освещения политики Англии и Франции, Вы незаменимы в Париже, но что трагично, это отсутствие главы в Министерстве ин[остранных] дел. Как ни хорош и благоразумен Нератов, он все же недостаточно авторитетен!

Между тем, гроза не с одного Запада. Я в одном с Вами не согласен, даже после нашего весеннего разговора, – это в оценке Китая. Вернувшийся оттуда Гучков говорил мне, что он был поражен переменою не только в Китае, но и в китайцах. Вот, где нам нужна и мудрость, и осторожность!

У нас, слава Богу, спокойно. Не знаю, в каком настроении Государь, буду у него в среду 3 августа, но, кажется, к Марокко он относился спокойно.

Позвольте пожелать Вам дальнейших успехов в Вашей деятельности. Главное, сохраните нам мир.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь всегда искренно преданный
П. Столыпин

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 26–27об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Фрагмент письма опубл.: История внешней политики России конец XIX – начало XX века. – М., 1997. – С. 316.

[1] Речь идет о «весьма доверительном» письме Извольского от 21 июля/3 августа 1911 г., в котором он «считал долгом совести привлечь самое пристальное внимание правительства на опасные стороны настоящего положения», в частности, – на возможность в скором времени общеевропейской войны с Германией в качестве ее инициатора (*см.: АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 10–15об.*).

[2] Марокканский (или Агадирский) кризис 1911 года являлся одним из крупных конфликтов между Францией и Германией. Весной 1911 г. Франция предприняла активные действия по удержанию своего господства в Марокко. Французские войска, передвигаясь по марокканской территории, жестоко подавляли сопротивление местного населения. 8 мая они заняли столицу Марокко город Фес. Германский канцлер Бетман-Гольвег заявил русскому послу Н.Д. Остен-Сакену о нарушении Францией Альхесирасского трактата 1906 г., в результате чего Германия считает себя свободной от обязательств. 19 июня 1911 г. в марокканский порт Агадир вошла германская канонерская лодка «Панте-

ра», а через несколько дней туда же прибыл крейсер «Берлин». Действия Германии вызывали возмущение во Франции и Англии. Предвидя дальнейшее осложнение международной обстановки, Россия, еще не закончившая реформу вооруженных сил, выступила за мирное компромиссное урегулирование конфликта между Францией и Германией в рамках Альхесирасского трактата. В итоге попытки сторон втянуть в вооруженный конфликт Россию, благодаря непреклонной позиции П.А. Столыпина. а после его убийства — В.Н. Коковцова, поддержанной Николаем II, окончились безрезультатно. 22 октября 1911 г. Агадирский кризис завершился подписанием компромиссного соглашения между Францией и Германией.

Письмо П.Н.Балашову[1]

17 августа 1911 г.

17 августа 1911 г.

Колноберже

Многоуважаемый Петр Николаевич.

С особым удовольствием увидел Ваш почерк, а из тона письма усмотрел и бодрое настроение. В добрый час!

В Киеве непременно буду, надеюсь приехать накануне, прежде Их Величеств.

Итак, до скорого свидания, крепко жму Вашу руку и остаюсь

Вам преданный

П. Столыпин

РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 574. Л. 6.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Балашов Петр Николаевич (1871 — после 1927) — политический деятель, егермейстер. В 1899 г. вышел в запас в чине поручика. В 1900—1909 гг. брацлавский уездный предводитель дворянства. Один из организаторов и руководителей партии умеренно правых, после ее слияния с Всероссийским национальным союзом бессменный председатель его Главного совета. Депутат III Государственной думы (председатель фракций умеренно правых и русской национальной) и IV Государственной думы (председатель фракций националистов и умеренно правых). Активно поддерживал политику П.А. Столыпина, в 1910—1911 гг. его главный союзник в Думе. После раскола фракции националистов (август 1915 г.) возглавил ее правую часть (т. н. балашовцев), противник создания Прогрессивного блока, выступал за соглашение с крайне правыми.

Письмо А.А. Макарову

23 августа 1911 г.

Государственному секретарю

Имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопре[восходитель]ству проект предположенного ко внесению мною в Совет министров постоянного закона об обществах и союзах, с объяснительной к нему запискою, покорнейше прося сообщить мне, с возвращением приложений, Ваше по сему проекту заключение.

При сем прилагаю соединенный журнал заседаний образованного при вверенном мне министерстве Особого совещания по выработке взамен Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил об обществах и союзах постоянного по сему предмету закона, вместе с выработанным Совещанием проектом закона.

Подп[исал:] Министр внутренних дел
статс-секретарь Столыпин
Скр[епил:] Директор А. Арбузов
23 августа 1911 г.
№ 21511

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 14. Л. 231.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись.

Это письмо является окончательным вариантом, ему предшествовал первоначальный — отвергнутый Столыпиным:

Государственному секретарю

Ввиду назревшей необходимости замены постоянным законом Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил о союзах и обществах образованным при вверенном мне министерстве Особым междуведомственным совещанием был выработан прилагаемый при сем в копии проект закона.

В означенном Совещании возникли, между прочим, ведомственные разногласия по следующим вопросам:

I. Главное управление землеустройства и земледелия высказалось против распространения на общества сельскохозяйственные, охотничьи и др., подведомственные ныне Главному управлению, выработанного закона, полагая, что утверждение этих обществ должно быть поставлено в зависимость от Главного управления.

II. Ведомство учреждений императрицы Марии заявило, что оно полагает необходимым, чтобы уставы обществ, образуемых при отдельных заведениях ведомства, утверждались главоуправляющим канцелярией.

III. Главное управление землеустройства и земледелия и Ведомство учреждений императрицы Марии настаивали на том, чтобы как образование учащимися в высших учебных заведениях обществ вне стен учебных заведений, так и допущение учащихся к участию в обществах, учреждаемых лицами посторонними, было поставлено в зависимость от учебного начальства.

IV. Министерство торговли и промышленности не признало возможным согласиться с принятым Совещанием положением о том, что соединяться в союзы могут только уставные общества.

V. Главное управление землеустройства и земледелия высказалось против проектированного Совещанием рассмотрения всех уставов обществ, учреждаемых по ст. 71 проекта, в главном присутствии, предварительно их учреждения.

VI. Министерство торговли и промышленности настаивало на включении в проект правил о профессиональных обществах п. *б* ст. 7 отд. II Временных правил 4 марта 1906 года.

и VII. Министерство торговли и промышленности находило необходимым ввести в примечание к ст. 80 проекта признак «скопища».

Войдя, со своей стороны, в рассмотрение выработанного Совещанием проекта закона, я нашел проводимые в нем основные начала целесообразными и весь проект как целое приемлемым. По содержанию же приведенных ведомственных разногласий я присоединяюсь к мнению большинства, разделяя соображения, изложенные в соединенном журнале Совещания, в копии при сем прилагаемом.

Одобрив, таким образом, выработанный проект как целое, я нашел тем не менее необходимым ввести в него некоторые частные изменения. Так, правило об отчетности, устанавливаемое для благотворительных обществ (ст. 59 проекта), я признал желательным распространить и на просветительные общества, обладающие иногда весьма значительными средствами, и где фактический надзор необходим не менее, чем в деле благотворительности. Кроме того, я не мог согласиться с проектируемыми Совещанием правилами о языке в делопроизводстве обществ и полагал соответственным изменить эти правила в смысле обязательности русского языка во всем делопроизводстве обществ, допуская изъятие лишь для особых местностей.

Особое внимание мною было обращено на проектируемое ст. 71 правило о том, чтобы уставы всех обществ предварительно их учреждения направлялись подлежащим министром и главноуправляющим на рассмотрение главного присутствия. Это предположение несомненно является улучшением Правил 4 марта, по коим возможно утверждение отдельными ведомствами уставов обществ без необходимой согласованности и объединения действий с другими ведомствами; но я все же признаю его недостаточным. Ответственность за порядок и безопасность в государстве возложена на министра внутренних дел и посему необходимо вооружить его достаточными средствами для регулирования столь крупного и влияющего на общий порядок в стране явления, как общественная самодеятельность. До известной степени это будет достигаться благодаря учреждаемому подведомственному министру внутренних дел главному присутствию, но только в отношении единений, учреждаемых в соответствии с правилами проектированного закона, однако значительное количество организаций будет учреждаться с отступлениями от сих правил, между тем едва ли было бы согласно с интересами государственного благоустройства, если бы такие общества вовсе не были поставлены в зависимость от министра внутренних дел. В соответствии с этими соображениями мной изменены ст. 71 и 76 проекта в смысле предоставления министру внутренних дел особых полномочий по утверждению уставов обществ, учреждаемых по этой статье, и их закрытию, сохраняя для них в то же время предварительное рассмотрение в главном присутствии.

Внеся в проект закона приведенные поправки, я нашел необходимым исключить из него статьи, определяющие порядок учреждения обществ лицами, состоящими на службе, ввиду того, что утверждение этих правил, согласно ст. 18 Основных законов, не требует законодательного рассмотрения, а зависит от усмотрения верховной власти. По тем же основаниям мною исключена из проекта и ст. 8. Согласно изложенному и ст. 86 проекта мною соответственным образом изменена. Равным образом мной исключены из проекта выработанные Совещанием правила о клубах и казино, так как я полагаю соответственным предварительно ознакомить с вопросом о них Совет министров и выяснить взгляд правительства на допущение воспрещенных ныне ст. 260 (прил.) т. XIV Уст. пред. и прес. прест. азартных игр, хотя бы и при условии регулирования их законом.

Предварительно внесения настоящего дела в Совет министров, сообщая об изложенном Вашему Высокопревосходительству и прилагая при сем предположенный ко внесению на рассмотрение законодательных учреждений проект закона об обществах и союзах, с объяснительной к нему запискою, проектом, выработанным Совещанием, и с соединенным журналом такового, я имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, уведомить меня, с возвращением приложений, в возможно непродолжительном времени, о Вашем по настоящему делу заключении*.

Августа 1911 г.

<исходящий номер отсутствует>

(РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 14. Л. 229–230об. На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись. Проект).

Письмо А.А. Адрианову

24 августа 1911 г.

Московскому градоначальнику

Почетный председатель Совета Союза русского народа, доктор А.И. Дубровин возбудил ходатайство о разрешении ему созвать в ноябре сего года в г. Москве съезд Союза Русского народа для обсуждения следующих вопросов:

1. О внутреннем благоустройстве и распорядке в Союзе;
2. Об отношениях Союза к другим политическим партиям;
3. Об участии в выборах в IV Государственную думу.

Вследствие сего уведомляю Ваше Превосходительство, для сведения, что я признал возможным разрешить созыв означенного съезда с тем, чтобы публичные его заседания подчинялись дейст-

---

* На письме рукою П.А.Столыпина помета: К чему эти объяснения по существу? Госуд[арственный] секретарь дает заключения лишь с точки зрения кодификационной и согласования с общими законами?
14 авг[уста]

вию Временных правил о собраниях, прилож. к ст. 115 – Уст. пред. прест. по Прод. 1906 года.

Под[писал:] Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
Скр[епил:] Директор Арбузов
24 августа 1911 г.
№ 21557

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1911. Д. 119. Л. 10.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись.

[1] По итогам съезда А.И. Дубровин направил министру внутренних дел А.А. Макарову 17 декабря 1911 г. письмо:

Его Высокопревосходительству
Господину министру внутренних дел

Имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что состоявшийся 21 ноября – 1 декабря сего года в г. Москве Всероссийский съезд Союза Русского народа, в заседании от 24 ноября, пришел к следующему решению. Члены Главного совета Союза Русского народа, в составе следующих лиц: товарищей председателя графа Э.И. Коновницына и Н.Е. Маркова, секретаря В.П. Соколова, казначея И.И. Баранова, членов: С.А. Володимерова, М.Я. Говорухо-Отрока, Р.В. Трегубова и кандидатов к членам А.П. Вишневского, барона М.Ф. Таубе, о. А. Вераксина, Н.М. Юскевича-Красковского, Б.А. Васильева, Ф.Д. Лиховидова, А.К. Щекина, Н.А. Белогурова, члена-учредителя П.В. Соколова и других, дозволили себе дерзновеннейшее нарушение верховного волеизъявления самочинным изменением рисунка Высочайше утвержденного знака Союза Русского народа, 2) образовали, без испрошения установленного для сего законами разрешения правительства и без уполномочия членов Союза Русского народа, союз с другими обществами, придав ему тайный характер, 3) предложили от имени этой тайной организации представителям правой и официозной печати – пригрозить правительству отказом от дальнейшей его публицистической поддержки в случае неотпуска правительством денег, 4) обратились к правительству с легкомысленными указаниями на невнимательное его отношение к окраинам, 5) вступили в тайный союз с враждебной царскому самодержавию и господству православной веры националистическою организациею, 6) отнеслись с неуважением к министру внутренних дел, печатно заявив о незаконности разрешенного им Всероссийского съезда Союза Русского народа в Москве, 7) проводили новый принцип народовластия в виде земскособорного представительства в Государственной думе, в нарушение Основных законов и 8) допустили ряд действий, нарушающих устав Союза Русского народа. Ввиду сего Всероссийский съезд постановил: 1) значащихся ныне в составе Главного совета и вышепереименованных лиц считать недостойными оставаться в рядах Союза Русского народа; 2) принимая во внимание, что Главный совет настоящего состава ведет Союз по пути незакономерному и гибельному для Союза, почему представлять ему дальнейшее управление делами Союза является опасным и для государства вредным, признать Главный совет данного обновленного состава упраздненным; 3) избрать но-

вый состав Главного совета Союза Русского народа, для какового избрания предложить пожизненному и почетному председателю Союза А.И. Дубровину немедленно созвать почетных членов и членов-учредителей Союза; 4) избранным членами Главного совета лицам вменить в долг немедленно вступить в исполнение возложенных на них обязанностей представителей Союза Русского народа; 5) поручить избранному ныне Главному совету отобрать от упраздненного Главного совета все имущество и делопроизводство Союза и истребовать от того же упраздненного ныне Главного совета отчет и суммы за все время состояния поименованных выше лиц в качестве членов Главного совета Союза Русского народа.

На состоявшемся 25 ноября собрании почетных членов и членов-учредителей Союза Русского народа в состав Главного совета избраны следующие лица: А.И. Соболевский, Е.А. Полубояринова, горный инженер Покровский, инженер А.И. Сакович, тайн[ый] с[оветник] Маляго, д[ействительный] ст[атский] с[оветник] Е.А. Мамчич, д[ействительный] ст[атский] с[оветник] А.В. Блинов, профессор Б.В. Никольский, д[ействительный] с[татский] с[оветник] Г.Г. Надеждин, врач А.Н. Борк и Н.Н. Жеденов, с 18 кандидатами к ним. Председательствование в Главном совете оставлено по-прежнему за мною, как пожизненным председателем Главного совета.

Председатель А. Дубровин
17 декабря 1911 г.
№ 38

(РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1911. Д. 119. Л. 34–35. На бланке «Союз Русского народа. Главный совет. Председатель Александр Иванович Дубровин». Машинопись. Подлинник с подписью).

Письмо П.Н. Балашову

30 августа 1911 г.

30 августа 1911 г.
Киев
Многоуважаемый
Петр Николаевич,

Сердечно поздравляю Вас с пожалованием в должность егермейстера. Эта царская милость в дни проведения в жизнь края земской реформы подчеркнет, быть может, в Вашей памяти не только то, что было выстрадано, но и то, что удалось достигнуть на пользу дорогой нам и прекрасной Западной России.

Искренно Вам преданный
П. Столыпин

РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 574. Л. 8.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Раздел III

ПИСЬМА П.А. СТОЛЫПИНА К ЖЕНЕ О.Б. СТОЛЫПИНОЙ

1899

Письмо О.Б. Столыпиной[1]

20 июня 1899 г.

Сию минуту должен ехать на пароход. Телеграммы от Тебя нет. Купил 2 ананаса и печенье «ко дню»[2]. Привезет Щипа. Целую, обнимаю, люблю безмерно.
П[етр] С[толыпин]
20 июня 1899 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Столыпина** (урожд. Нейдгардт) Ольга Борисовна (1859–1944) – жена П.А. Столыпина, праправнучка А.В. Суворова, фрейлина Ее Императорского Величества императрицы Марии Федоровны (супруги императора Александра III). В бытность П.А. Столыпина саратовским губернатором она вошла в местное управление Российского общества Красного Креста, была попечительницей губернских детских приютов, а также саратовской Андреевской общины сестер милосердия, председательницей комитета саратовского Дамского попечительства о бедных под покровительством императрицы Марии Федоровны.

[2] Имеются в виду именины Петра Аркадьевича Столыпина – 29 июня, который всегда отмечался в имении Колноберже.

Письмо О.Б. Столыпиной

22 июня 1899 г.

22 июня 1899 г.

Дорогая моя Лапушка, теперь 9 ½ ч[ас]. вечера, я кончил подписывать бумаги, пью чай и пишу Тебе, моей голубке. Отдохни, гулинька моя, после Бат(ш)иловских мучений – сколько Тебе терзаний из-за детей. Теперь упокоишься, ненаглядная.

Я доехал, читая в вагоне «Ниву»[1], тут ждал меня Баканов-ский[2] с бумагами, а внизу Миллер[3] заседал в съезде (а я себе посвистывал). Я напутал с Кудревичем[4], не сообразив, что подписать за меня Ты бумагу не можешь. Поэтому разорви присланное отсюда свидетельство без моей подписи и пошли в Сур[вил]ишки высланное мною сегодня по почте заказным на Твое имя. Если это совпадет с 24-ым, то не забудь велеть поздравить с именинами их отца. Мы забыли также дать ответ насчет музыки в Кейданы.

Также Ты не предупредила священника насчет крестин завтра, а он иногда уезжает в Лелюны. Не забудь пригласить его обедать «ко дню». Днем сегодня я успел только подробно осмотреть постройку дома (народного) и купить Тебе валансьен[5] и образки. Франц забыл положить мне ногтяную щетку, также пришлось купить. Обедал в Городском саду с Миллером. Мы решили ехать завтра в 3 ч[ас]. пароходом и ночевать в Чехове. Он рассказывает про слухи, будто Троцкого переводят в Киев, а к нам назначают Пузыревского[6]. Было бы жаль, но я не верю. Комендантом сюда будто Кононовича-Горбацкого[7].

По секрету он мне сообщил, что 29-го помещики поднесут мне серебряный бокал с аллегорическими фигурами великолепной работы. Так как бокал весь ouvragé*, то надпись они решили сделать снизу «Его Пр[евосходитель]ству П.А. Стол[ыпину] благодарное дворянство Ковенского уезда». Миллер посоветовал перенести надпись на особую серебряную дощечку на подставке и не писать официально «Его Пр[евосходитель]ству», а что-нибудь потеплее. Они возражали, что я обижусь без титула, но сдались и послали телеграмму мастеру в Варшаву. Вот и все secrets de polichinelle**. Мне приятно, что они стараются сделать мне удовольствие и что мне удалось внушить им добрые чувства. Достанет ли уменья и впредь не быть статистом и что-либо оставить по себе хо-

---

* искусно отделанный (франц.).

** секрет полишинеля (франц.).

рошее? Ведь до сих пор я служил себе просто, исполнял свои обязанности и не мудрил, а теперь надо большое уменье и уменье быть общительным, сохраняя авторитет и престиж.

Надеюсь, впрочем, что больше добрых и честных людей, чем Андрушкевичей[8]. Я почел за лучшее пока против его шантажей ничего не предпринимать. Такая мерзость, как придуманная им, мне кажется слишком уже для всех очевидна.

Миллер говорит, что «ко дню» надо ожидать от 15 до 20 человек. Надо бы хоть 1 или 2 представительницы Тотлебенов.

Прощай, мой голубок, телеграммы от Тебя еще нет и не знаю, как и успею в несколько часов завтра найти учителя?

Целую всех вас, дорогие, а Тебя, дорогая, покрываю поцелуями. Прими ванну от боли в ноге.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 1 – 2об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Нива» – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, издавался в Петербурге в 1870–1918 гг., был рассчитан на массового читателя. Редактор Р.И. Семеновский, с № 44 1904 г. В.Я. Светлов, позднее Л.Ф. Маркс. Издатель А.Ф. Маркс, с № 44 1904 г. Л.Ф. Маркс. В 1894–1916 гг. выходили «Ежемесячные литературные приложения», включавшие собрания сочинений русских и иностранных писателей.

[2] **Бакановский** Вацлав Семенович – с 1890 г. секретарь канцелярии губернского предводителя дворянства Ковенской губернии, и. д. секретаря ковенского Дворянского депутатского собрания.

[3] **Миллер** Александр Александрович – действительный студент Петербургского университета, помещик Ковенского уезда. С 1898 г. архивариус губернского правления. Входил в состав ковенского отделения Государственного банка в качестве члена учетно-ссудного комитета по сельскохозяйственному кредиту; член ковенского Общества приобретения и сбыта предметов сельского хозяйства (в Кейданах). С 14 июля 1902 г. до 2 августа 1909 г. губернский предводитель дворянства в Ковенской губернии.

[4] **Кудревич** Иван Иванович – дворянин, мировой посредник, член Ковенского уездного по чиншевым делам присутствия; агент Виленского коммерческого банка в Кейданах.

[5] Валансьенские кружева.

[6] **Пузыревский** Александр Казимирович – генерал, начальник окружного штаба Варшавского военного округа.

[7] **Кононович-Горбацкий** Петр Викентьевич – генерал-лейтенант, начальник 33-й пехотной дивизии.

[8] Возможно, **Андрушкевич** Иосиф Иванович – капитан, смотритель ковенского продовольственного магазина № 1.

Письмо О.Б. Столыпиной

11 августа 1899 г.

Москва, 11 августа [18]99 г.

Ненаглядное мое сокровище, вот я и в Москве, куда благополучно прибыл с опозданием на 2 часа. Это мое третье письмо, – получила ли Ты письмо из Минска? В вагоне все думал о Тебе и о моей глубокой привязанности и обожании к Тебе. Редко, я думаю, после 15 лет супружества так пылко и прочно любят друг друга, как мы с Тобою. Для меня Ты и дети все и без вас я как-то не чувствую почвы под ногами. Грустно быть оторванным от Вас.

На вокзале встретил меня Саша в Папашиной коляске с придворным лакеем. Щипа est t[out] à f[ait] ébloui*. Во дворце была приготовлена ванна (которую не взял), и Папа[1] встретил меня крайне ласково. Он очень постарел, на строгой диете, но весел и здоров. События дня, – отказ Наташи[2] Смирнову. Значит и убытка нет на подарок. Папа, кажется, хочет ехать заграницу один. Иван, хотя официально прогнан, но и не думает уходить. Одним словом все по-старому.

В Москву** поеду завтра в 9 ч[ас]. утра с Сашею, который надеется, что до завтрака сделаем все поручения, а в 4 ч[ас]. к поезду отвезут меня в коляске.

Сегодня – поздно, так как теперь летом закрывают магазины в 6 ч[ас]. вечера.

Надеюсь все исполнить. Сейчас иду к Папа играть в вист. Тут очень комфортабельно, и я с увлечением смотрю на постель, но с горечью вспоминаю о ласточках на голубом фоне. Когда я вновь их увижу? Все перед глазами у меня Твои заплаканные голубые глазки. Храни Вас Господь. Как разрешился вопрос Лины[3] и Аннушки?

Долго про Тебя ничего не узнаю, радость моя. Завтра между покупками и поездом надеюсь написать Тебе открыток.

Обожаю, целую, люблю Тебя, сокровище, обожание мое.

Деток благословляю, целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 5–6 об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* был совершенно поражен (франц.).

** Так в тексте.

[1] **Столыпин** Аркадий Дмитриевич (1822—1899) — генерал-адъютант (1879). Участник Крымской войны 1854—1855 гг., адъютант командующего армией князя М.Д. Горчакова, затем флигель-адъютант императора Александра II с переводом в конную артиллерию (1854). Герой Севастополя; получил в награду за службу золотую саблю с надписью «За храбрость», орден св. Анны 2-й степени с мечами. В 1857—1862 гг. наказной атаман Уральского казачьего войска. Генерал-майор свиты (1861), генерал-лейтенант (1868). В 1869 г. вышел в отставку и уехал в Литву; получил придворное звание шталмейстера и чин тайного советника. С началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вернулся на военную службу, командовал корпусом. Генерал-губернатор Восточной Румелии Адрианопольского санджака. С 1878 г. командовал 9-м армейским корпусом в Орле, в 1886—1889 гг. — гренадерским корпусом. В 1892 г. получил придворное звание обер-камергера и стал заведующим придворной частью в Москве, т. е. комендантом московского Кремля. Отец П.А. Столыпина.

[2] **Столыпина** Наталья Афанасьевна (1872—1915?) — дочь Афанасия Валериановича Столыпина; вышла замуж за князя Василия Сергеевича Кочубея.

[3] **Лина** — латышка, горничная О.Б. Столыпиной, домашняя портниха.

Письмо О.Б. Столыпиной

14 августа 1899 г.

Бесценная Олечка, писал Тебе в Казани, откуда только что выехали, и опять сажусь за письмо, так как завтра приезжаем в Чистополь в 6 часов утра, писать будет некогда и я там это письмо опущу в почтовый ящик. Надеюсь там найти телеграмму от Тебя с хорошими вестями, так как грустно ничего про всех не знать. Проезжая вчера в Работках, мы узнали, что Мима проехал накануне на Борисовку и он будет сердит, что я проехал мимо. В Казани пароход стоял очень долго, мы на конке съездили в город, осматривали старинную церковь, были в Дворянском собрании, спрашивали Сазонова, но он в деревне. Алеша[1] оставил ему от нашего имени приветливую записку. На пристани купил себе за 70 коп. красные татарские туфли. Теперь скоро въезжаем в Каму — пароходик наш отчаянный и набит битком народом. Цинк[2] ждет нас только 19-го, так что мы нагрянем ночью неожиданно. Если не поздно проедем мимо Мамыкова (18 верст от Чулпановки[3], где нам в последний раз менять лошадей, то зайдем в Шульцу[4], он нас быть может пригласит и переночевать. Алеша приятный собеседник, много рассказывает про свою жизнь и деятельность. Особенно он рекламирует лесное хозяйство и советует рубить самим. Конечно, с Цинком это невозможно и вопрос в том, чтобы дать ему деятельного помощника, который со временем мог бы его заменить, так как он стар. Пока мы были в Казани, была буря, но теперь опять ясная и теплая погода. Дай Бог поскорее все

счастливо закончить и вернуться. Мысленно я с вами в Колноберже и постоянно думаю и о милой, добренькой Матиньке[5], и о двух пичушках: Наташе и Елене[6], которые наверное без меня пай и не подражают Marthe et Christine*, и о маленькой Олёчке[7] и о херувиме Арочке[8]. А надо всем царит мысль о моей ненаглядной, бесценной, о той, которая составляет для меня смысл и красу жизни.

Мне очень грустно быть без известий о вас и, вероятно, еще долго. Зато какая радость свидания и за плечами приятное чувство исполненного долга, если удастся сделать или задумать какую-либо выгодную операцию.

Целую Тебя, добрый, верный друг и ласточка, голубинька моя нежная, ласковая, обожаемая.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 8 –9об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Нейгардт** Алексей Борисович (1863—1918) — брат О.Б. Столыпиной; гвардейский офицер; действительный статский советник, камергер. С 24 января 1897 г. до 15 апреля 1904 г. нижегородский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета, возглавлял в Совете группу правого центра. С 19 марта 1904 г. до 6 января 1906 г. екатеринославский губернатор. В 1918 г. подписал воззвание съезда Нижегородского духовенства с протестом против конфискации церковного имущества, по постановлению нижегородской ЧК был расстрелян 6 ноября 1918 г.

[2] **Цинк** — управляющий имением в Чулпановке.

[3] Чулпановка — родовое имение Нейдгардтов, в Чистопольском уезде Казанской губернии, 4845 десятин. Чулпановка и 10 тыс. дес. были подарены Екатериной II Талызиным, а потом перешли к Нейгардтам. Половину имения О.Б. Столыпина в 1899 г. унаследовала от умершего отца, Б.А. Нейгардта.

[4] **Шульц** Александр Александрович (1885—?) — действительный статский советник, служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ, член совета Главного управления землеустройства и земледелия. Владел в Чистопольском уезде при с. Мамыкове землей и лесом.

[5] **Столыпина** Мария Петровна (Матя) (1885—1985) — старшая дочь П.А. Столыпина, фрейлина императрицы Александры Федоровны. Муж — Борис Иванович Бок (1879—1955) — морской офицер, капитан 1-го ранга, морской атташе в Берлине, после выхода в отставку уездный предводитель дворянства в Шавеле. Имела приемную дочь. Умерла в Калифорнии, похоронена на Сербском кладбище Сан-Франциско.

[6] **Столыпина** Елена Петровна (1892—1985) — дочь П.А. Столыпина, в первом браке была замужем за князем Владимиром Алексеевичем Щербатовым (1881—1920), который был убит 15 января 1920 г. в Немирове на Украине, имела двух дочерей. Во втором браке замужем за князем Вадимом Григорьевичем Волконским (1895—1974), имела дочь.

* Марта и Кристина (франц.).

[7] **Столыпина** Ольга Петровна (Олёчек) (1895—1920) — дочь П.А. Столыпина, убита 15 января 1920 г. в Немирове на Украине, похоронена на территории Немировского женского монастыря.

[8] **Столыпина** Александра Петровна (Ара) (1897—1987) — дочь П.А. Столыпина, вышла замуж за графа Льва Кейзерлинга (1884—1940), из прибалтийских немцев; выехала из России, умерла во Франции.

Письмо О.Б. Столыпиной

17 августа 1899 г.

Вот, дорогой ангел Оличка, первая почта из Чулпановки и я сажусь Тебе писать, чтобы покрыть Тебя поцелуями и сказать, что я люблю свою девочку нежную и что мне тяжело и тоскливо жить без нее. Особенно мне грустно совсем быть без известий из дому. Ведь сегодня ровно неделя, что я уехал, и не знаю даже, здоровы ли Вы? Для меня было просто ударом в Чистополе на телеграфе, когда мне сказали, что на мое имя нет телеграммы. Я просто не хотел верить и перерыл весь телеграф. А я-то думал в Нижнем, что так хорошо придумал телеграфировать Тебе, чтобы получить весточку в Чистополе. Опять, наверное, неаккуратность телеграфа, так как слишком грустно было бы думать, что у нас неблагополучно.

Теперь про себя: я совсем здоров и погода тут прекрасна, так что путешествие идет преблагополучно. Приехали мы в Чулпановку в воскресенье в 9 часов вечера, черные от пыли и перепугали стариков Цинков, которые нас совсем не ждали. Выспались на соломенных тюфяках и на следующий же день начали с Алешею объезд и делим движимости. Очень рад, что приехал Алеша, т. к. приятно иметь дело с толковым человеком, понимающим дело и желающим все сделать справедливо и безобидно для обеих сестер. Мы сходимся во всех вопросах, хотя не мало приходится распутывать. Доходы и все будет совершенно разделено с 1 января, и каждая из вас будет уже получать доходы из своей части. До 1 января все будет делиться пополам, иначе никак не выходит. Алеша уезжает послезавтра, мы с ним заняты круглый день, а после его отъезда я начну серьезный обзор Твоей части и решу вопрос о месте постройки нового хутора и сделаю подробный подсчет всех доходных статей и смету того, сколько Твоя часть может давать дохода — alors je verai clair dans les affaires*. Мне ка-

---

* и тогда я внесу ясность в дела (франц.).

жется, что доход возможно увеличить, но нужны затраты; что касается леса, то он тут до смешного дешев, так что я не знаю, может ли быть выгодна собственная разработка, что усиленно советует Алеша. Во всяком случае, получим, думаю, когда кончится контракт с Колчуриным, дороже, чем теперь.

Я по дороге сюда не заехал к Шульцу, потому что мы проехали мимо очень поздно и были очень грязны. Думаю, съездить к нему в воскресенье. А в четверг или пятницу я надеюсь выехать. Дай Бог, так как мне тут уже надоело, а после отъезда Алеши еще будет тоскливее. Недоделать же дела не хочется. Может быть завтра почта принесет мне весточку от милой, тогда станет легче. I think that I will bring also from here 5000 roubles. I don't know yet* наверное сколько.

Мы встаем с Алешой в 6 ч[ас]. утра, пьем чай и уезжаем до трех или четырех, потом едим Щипин сносный обед и до вечера занимаемся разными счетами и расчетами с Алешой, прерываемы разными посещениями. Сегодня были у меня Чулпановские и Куклинские старики, просили продать им отрезки, я, конечно, ничего продавать не желаю и угостил их водкою. Сейчас прервал письмо и сидел Колчурин – хитрый, старался выведать дальнейшие планы продажи леса. Потом поп. Одним словом, при нашей деревенской жизни трудно что-либо писать интересное. Вчера был в бане отмыться от черной пыли. Одно только новое и интересное, – что я Вас люблю, целую в губки и в глазки и хочу скоро к Вам, на Вашу белую грудку и хочу знать, скучаете ли Вы без меня и как Вы меня любите и как Вы меня не забыли. С Алешою опять напишу, и это письмо, вероятно, придет после того.

Не взять ли мне буфетчика в Москве, Алеша очень советует; он говорит, что у него прекрасный буфетчик из Москвы, не вор и отлично уживется в провинции. Ведь наш sournois** подает лимон в руке, или суп в умывальнике, не моргнувши.

Что делают мои девочки? Забыла меня моя Аринька? Когда я услышу опять «Папа, иди нам»? Всех их крепко, нежно обнимаю, а Тебя, сокровище мое драгоценное, долго крепко целую, ласкаю, люблю, обожаю.

Твой Петя

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 11–14 об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* Я думаю, что привезу отсюда также 5000 рублей. Я еще не знаю... (англ.).

** притворщик (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

19 августа 1899 г.

19 августа 1899 г., Чулпановка

Дутенька моя родная и драгоценная. Пишу Тебе с Алешею, который едет завтра рано утром. В среду с почтой получил Твою телеграмму и полегчало на душе – вечно этот телеграф запоздает. В воскресенье 22-го надеюсь получить первые Твои письма, а ведь я выехал 10-го. А ведь сердце так к вам и рвется – легко ли 12 дней оставаться без известий? Храни вас Господь. Я уповаю на то, что ничего с вами не случится, но тревожусь о всяких мелочах. Как разрешился вопрос с Аннушкою и Линою? Я знаю, как эти неприятности могут извести и жалею Тебя, мою добрую касаточку, любимую мою.

Пожалуй, это письмо придет раньше первого моего письма из Чулпановки, посланного по почте. Мы ежедневно продолжали с Алешею объезд имения и пришли к соглашению по всем пунктам. До 1 января все доходы будут делиться пополам, а с Нового года, даже можно сказать с Нового Столетия, и отчетность, и управление будут совершенно отдельные. Мы несколько раз делали с Алешею подсчет и оказывается, что до января обе половины дадут совершенно равный доход. Это стоило большого труда, и главное трудно было все зерно и произведенную работу переложить на деньги. Насколько я теперь ознакомливаюсь с Твоим имением, мне сдается, что Ты со временем будешь богатою женщиною, особенно если проведут железную дорогу, о чем я в воскресенье поеду разузнавать у Шульца в Мамыкове. Теперь совершенно за бесценок идет лес, но, вероятно, со временем это изменится. Кроме леса можно увеличить доход расчисткой лугов. Завтра, после отъезда Алеши, начну подробный объезд Твоей части. Кроме подробного контроля каждого участка и каждой доходной статьи, мне нужно решить еще важный вопрос о постройке на Твоей части хутора. Вероятно, выберу место на Елауровском поле, где и будет центр Твоего имения. Я очень рад, что Алеша разделяет мое мнение о Цинке – это умный, опытный администратор, прекрасно знающий имение и готовый на всякие нововведения. К несчастью, он стар и нужно дать ему помощника, чтобы на случай его смерти, был бы готовый заместитель. Тоска сидеть тут одному – я надеюсь кончить все до пятницы 27 августа. Следовательно, 28-го я буду в Казани, а 29-го в воскресенье в Акшине[1]. Я полагаю, что все успею там осмотреть в 2 дня – 30 и

31-го и 1 сентября выеду в Москву. 2-го сентября буду от поезда до поезда в Денежникове[2], а 3-го приеду в Москву, где пробуду 4-го для окончания всех поручений, а 5-го в воскресенье выеду в Колноберже, где расцелую Тебя в понедельник 6-го. Это, конечно, самое скорое, и расчет может оказаться неверным на 1, 2 дня. Как я буду безмерно счастлив опять в кабинете с Тобою вечерком. Какая счастливая наша жизнью. Душа моя! Тут, кроме вечной езды, визита муллы, посещение мечети, мельничихи... вот и все. Писать нечего. Напиши Алеше поблагодарить его за труды — он добросовестно и с любовью старался безобидно на пользу обеих вас одинаково. Из него вышел очень хороший и сердечный человек. Иначе и быть не может, раз он брат той, которая лучше всех на свете и которую я душу в своих объятиях.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 15–16об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Акшино — родовое имение П.А. Столыпина в Пензенской губернии, 950 десятин, перешедшее в семью Столыпиных в XIX в. в качестве наследства Натальи Михайловны Горчаковой.

[2] Денежниково — родовое подмосковное имение Нейгардт, его владельцем был Александр Степанович Талызин, дедушка О.Б. Столыпиной.

Письмо О.Б. Столыпиной

20 августа 1899 г.

20 августа 1899 г., Чулпановка

Вчера писал Тебе с Алешей, но так как завтра отправляется почта, то не могу снова не взяться за перо, чтобы поцеловать мою дудушку. Эта почта должна привезти письма от Тебя, и я жду их с лихорадочным нетерпением. Ведь это просто ужасно быть отрезанным от Тебя таким расстоянием без почт и телеграфа. С трепетом думаю о вас и молюсь о сохранении моих сокровищ. Алешу проводил сегодня утром. Щипа ему нажарил на дорогу всякой всячины. Без него мне тут скучновато, у него нрав веселый и для хозяйства он золотой советчик. Сегодня ездил в 6 ч[ас]. утра до обеда с Цинком осматривать Киремет, в 2 часа пообедали, потом занялись камеральными работами, пришел сын мельничихи, а в 4 часа снова с Цинком поехали на Елаур. Только что вернулись, теперь 7 ½ ч[ас]., сел писать Тебе, в 8 ½ ч[ас]. поужинаю, еще позанима-

юсь – запишу все результаты сегодняшних трудов, – а в 10 часов спать опять до 6 ч[ас]. утра. Вот и день мой, даже взятые в Москве у Саши книжки некогда почитать. После 3 дней дождя погода опять хороша. Слава Богу, ходить сухо. Чем больше я знакомлюсь с Чулпановкою, тем более я убеждаюсь, что с капиталом и особенно при условии проведения железной дороги тут можно было бы добиться прекрасных результатов. Чтобы получить что-либо в будущем и нам придется кое-что затратить. Мой план – увеличить луга, а именно, где лес растет по болотам, там его вырубить и расчистить место под луг. Болотный лес всегда дрянной, а на мокром месте луг может быть хорош. Между тем, лес дает с десятины в год доход меньше 75 копеек в общем, а луга по 5 рублей с десятины. Расчет простой. Кроме того, Алеша советует брать лыко в лесу и я думаю, что это тоже даст хороший доход, но на все это нужно время. Вообще Алеша мне был очень полезен. Я здешнего хозяйства ведь совершенно не знаю, настолько оно не похоже на наше, а Алеша на нем собаку съел. Сегодня же я наметил место для хутора на Елауре, на берегу Темерлика <?>, в живописной местности. Это будет со временем центр нашей части имения. Наметил также целый ряд мелких преобразований. Вообще личный надзор необходим, и я думаю, что приезд мой принесет пользу, и этим утешаюсь в своем одиночестве. Как было бы приятно лет через 5 удвоить Твой доход.

Душка, мне так хотелось бы знать, что-то в эту минуту в уютном Твоем уголке? Верно сидишь и читаешь моей Матульке. А Наташа и Еленочка уже раздеваются, Олёчек в рубашонке моет руки, а Арий тихо себе спит. Всех милых, дорогих осыпаю поцелуями и Тебя, милую, давшую мне благословенную мою семейку, крепче и больше всех. В воскресенье после обедни отслужу в церкви молебен о вас всех и о Твоих. Надо дать заработать здешнему священнику, который очень мне понравился и, говорят, хорош. После обедни съезжу к Шульцу в Мамыково; сегодня написал ему с кучером, отвезшим Алешу, чтобы узнать, будет ли он дома. Алеша советовал прибавить Цинку жалованье, но я думаю на первый год для поощрения дать ему 50 р[уб]. награды. Прибавить всегда успеем. Целую Тебя, Христос с Тобою, хорошая моя, добрая, Оля, милая.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 17–18об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

24 августа 1899 г.

Чулпановка

24 августа 1899 г. Вторник

Милая, дальняя моя Оличка – голубушка, так мало я о Тебе знаю, что просто больно становится, когда подумаю о Тебе. Как будто я в Африку уехал. Прошлую почту в воскресенье 22-го я получил первое Твое письмо от 13 августа, в котором Ты пишешь, что холодно, сидишь в гостиной и Селезнева[1] играет вальс. Раньше Ты верно писала в Отраду, и завтра ожидаю получить целую груду писем. Мне так без Тебя тоскливо, что я решил приблизить еще на один день час свидания с Тобою и вместо пятницы назначил выезд свой на четверг. Это совсем не в ущерб делу, так как, посвящая имению все время с 6 часов утра до самого ночлега, я успел все сделать, что себе назначил и завтрашний день остался на камеральные работы с Цинком и последние ему инструкции. Сегодня вбивал колышки, где будут постройки нового хутора. Цинк просил дать ему название, но я ответил, что сама владелица окрестит его и я напишу ему ее решение. Ехать я решил на не Чистополь, а на Сергиевск (Минеральные Воды). Это от Чулпановки 65 верст и там есть узкоколейная железная дорога на Самару, а оттуда прямой путь на Рузаевку. Это ближе, дорога степью лучше и избегаю пароходов, которые опаздывают теперь на целые сутки. И письмо это я опущу в ящик в Самаре, оно скорее дойдет, чем по здешним допотопным почтам.

В последний раз писал Тебе в субботу. В воскресенье я был в церкви, где отслужил молебен, мужички молятся истово. Потом зашел к попу и оттуда прямо, не заезжая домой, поехал в Мамыково к Шульцу. Он очень гостеприимен, приготовил мне комнату и страшно удерживал ночевать. Живут они почти в избе, но хозяйство поставлено хорошо. Там я познакомился с владельцем Тюрнясева Аносовым, – он инженер, очень предприимчивый человек, но взбалмошный. Надо Тебе сказать, что я накануне получил от него письмо, в котором он просил меня назначить день, когда он может меня застать, т. к. желает по окончании контракта с Колчуриным покупать у нас лес; кроме того, он писал, что видел в Казани Сазонова, который посылал мне из Казани телеграмму с просьбою заехать к нему в имение, но адресовал в Старую Майну и телеграмму вернули ему назад. Очень любезно, но воспользоваться приглашением не могу.

Шульц снимал с меня фотографию, катал по имению и я еле отделался от ночевки. Много полезного вынес из осмотра его имения. Оттуда из Мамыково меня по какой-то сокращенной дороге провез до границы нашего имения Аносов. Рассказывал, как отец его купил у Петра Александровича Тюрнясево по 6 руб. за десятину, как он щадит в лесу Зубовские заказники и проч. Больно смотреть на то, как все эти богатства перешли в мужицкие руки. Я ему назначил приехать в Чулпановку во вторник, т. е. сегодня, и вот он только что уехал, скушавши Щипин обед. Он будет хорошим конкурентом Колчурину в 1901 году, когда кончится контракт последнего. Хорошо, что с этим делом можно ждать еще год, так как до этого времени выяснится вопрос о железной дороге.

Я питаю вообще надежду продать лес значительно дороже, il faut patienter* и годика два еще попоститься, а потом, даст Бог, разговеемся. Имением Твоим стоит заняться и приложить к нему руку.

Душка, не забудь написать мне в Москву про пальто Олечке, шляпы и муфты. Из Акшина пошлю в Москву телеграмму Савелию узнать, приехали ли Твои из Денежникова. Если нет, то проеду к ним на несколько часов. Какое счастье приближаться к Тебе, ненаглядная.

25 августа

Сегодня последний день в Чулпановке, для меня он праздничный, так как получил целых пять Твоих писем. Последнее от 16 августа, накануне приезда архиерея. Такая мне радость узнать, что вы делаете, как проводите время – так на меня и пахнуло милым, родным.

Ты так хорошо и прелестно пишешь и меня так трогает Твое наблюдение за хозяйством, несмотря на поглощающие все Твое время заботы о детях. Скоро, скоро я Тебя расцелую: четверг и пятницу пробуду в дороге, субботу, воскресенье и понедельник в Акшине, во вторник выеду, в среду утром приеду в Денежниково и ночью в Москву, в Москве пробуду день, или 1 $^{1}/_{2}$, если не успею с поручениями, и в воскресенье надеюсь расцеловать Тебя. Отсюда еду нагруженный золотом и серебром – два мешка наложены плотно. Негде разменять на бумажки и просто мучение таскать эти деньги. На нашу долю 877 рублей. Я всех тут наградил – Цинку 50 рублей и всем лесникам и старостам по рублю, по два.

---

* нужно запастись терпением, подождать (франц.).

Все это важно записать на обе части: вероятно, Анна[2] ничего не будет иметь против этого вполне необходимого поощрения, подбавляющего энергии служащим. Мой же расход (я назначил Цинку раз навсегда по рублю в день за все мною съеденное и выпитое) заплатил из своих денег. Я вполне доволен Цинком и при помощи Шульца надеюсь в одной из министерских школ найти хорошего молодого помощника ему — тогда все пойдет прекрасно. Цинк сейчас пришел и отказался взять по рублю в день, говоря, что его жена высчитала, что я стою не больше полтинника в день. Теперь буду знать, что муфт и шляп не покупать — все Тебе с этим надоедал. Детей целую за письма: меня приятно удивил хороший почерк Наташи и Елены. Как скучны все эти истории с Линою и Аннушкою. Также и с чисткой клозета.

Меня удивляет, что Викерский до 16-го не начал еще сеять рожь на Невяже. Там на песке надо спешить.

Прощай, голубушка сладкая, с дороги буду еще писать. Храни вас Вседержитель. Жду великого счастия обнять вас вскоре. Бедненькая with the affairs* лежала одна, душенька ты моя.

Получил также два письма, пересланные из Отрады.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 19–22об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Возможно, Селезнева Елизавета Андреевна — преподавательница рукоделия в Ковенской женской гимназии (с 1895).

[2] Имеется в виду сестра О.Б. Столыпиной — Анна Борисовна Сазонова (урожд. Нейгардт) (1868—1939), была замужем за министром иностранных дел С.Д. Сазоновым

Письмо О.Б. Столыпиной

29 августа 1899 г.

29 августа [18]99, Акшино

Милая, добрая моя. Вчера ночью прибыл сюда и нашел три Твоих письма, а сегодня пришло четвертое открытое. Такое счастие и так хорошо вышло — в Чулпановке успел получить последнюю Твою почту, а тут уж ждали свежие письма. За тысячу верст чувствую Твою нежность и доброту ко мне. Томительно мне без Тебя, да и утомился я от непрерывной езды, хотя здоров совер-

* с месячными (англ.).

шенно. Приехал я сюда ночью, ветер, стужа. Шаталов встретил на вокзале. Поужинавши лег спать. Сегодня же с утра уж отправился с Шаталовым в Акшино осматривать постройки. Они в ужасном виде. Шаталов говорит, что подновит их к сдаче, но верно только подмажет, так что я полагаю было бы лучше взять с него деньгами и самому ремонтировать. Он соглашается хоть сейчас отказаться от аренды, срок же его кончается в 1903 году. Я начинаю склоняться к тому, чтобы поскорее с этим развязаться: все равно он по окончании аренды продолжать ее не будет, а с каждым годом имение все более приходит в упадок. Я думаю, что, посадя какого-нибудь Левговда <?> и сдавая крестьянам землю по десятинкам и исполу, я выручу даже больше, чем 4 тыс. руб., но потребуются единовременные расходы. Цены тут крестьяне платят очень порядочные. Был я у священника — умный старик. Завтра буду у обедни и опять отслужу молебен о вас, ненаглядные. Сегодня же успел съездить в наш лесок. Он к удивлению еще цел и подрастает для деток.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 24–24об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

30 августа 1899 г.

Воскресенье 30-го, [Акшино]

Я решил ехать сегодня в 11 ч[ас]. вечера, так как мне больше нечего тут делать. Сегодня опять подробно смотрел дом и постройки. Утром был у обедни. Крестьяне встретили меня у ворот храма с хлебом-солью и начали жаловаться на Шаталова и благодарить за мою заботу о храме. Отслужил молебен. После обедни опять говорил с мужиками, дал им 3 рубля на водку; старики становились перед мною на колени. Ужасно они озлоблены на Шаталова. Мужички, кажется, большие лодыри. К несчастию мордва богаче и честнее. Эти последние пришли ко мне после обеда торговать Еникеевку, которую я и не думаю продавать. Это отдельный кусок в 262 десятины. Чтобы отделаться от них, я назначил 50 тысяч рублей. Они давали 30 тысяч, а потом 35. Их аппетит так разгорелся и они без этой земли до того сжаты, что я начинаю допускать возможность уплаты ими со временем и 50 тысяч. Против этого я не устоял бы, так как это дало бы нам возможность выкупить все наши имения из банка. После обедни приехал ко

мне поп с попадьею. Теперь поеду с Шаталовым в Воробьевку, а потом начну укладываться. Меня беспокоит, что нет опять от Тебя телеграммы точно так же, как и от Саши Стол[ыпина], которому я телеграфировал узнать, в Денежникове ли родители. Я нашел неудобным телеграфировать в Денежниково, чтоб не обидеть тетушек. Теперь боюсь, что понапрасну остановлюсь в Бронницах. Во всяком случае, еще один день я выгадал и наверное расцелую Тебя в пятницу, или субботу. Над душою стоит Шаталов, который упрашивает и в этом году спустить ему 700 рублей, но я до сих пор стоек и на все его просьбы отвечаю отказом.

Целую Тебя, ангел мой, еще раз перед отъездом. Телеграмм нет, а сейчас ехать. Просто беда.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 25–25об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

31 августа 1899 г.

31 августа 1899 г., Москва

Милая душка моя, ненаглядная Оля.

Приехал сюда вчера ночью с опозданием на 3 часа, написав Тебе два раза с дороги (получила ли Ты?). На вокзале никого не было, с большим трудом добыл извозчиков в Петровский дворец. Там уже отчаялись меня видеть. Поужинал, прочел Твои бесценные, дорогие письма и заснул как убитый на мягком матрасе после 3 недель соломенных тюфяков. Сегодня утром первый мой привет Тебе, моему солнышку ясному. Так мне грустно, что Ты назначила, по своим соображениям, приезд мой на 1 сентября. Если бы я даже ехал без остановки в Москве, то все-таки приехал бы лишь 2-го. Ты не считала, что в вагоне-то мне сидеть 5 суток. Сегодня я еле-еле справлюсь с покупками (между завтраком и обедом всего 4 часа, а отсюда такая даль, что все сделать, вероятно, не успею). Завтра съезжу в Денежниково (поезд уходит утром, а назад буду в 10 часов вечера), а послезавтра в четверг выеду и буду дома в субботу в 2 часа дня, как уже писал Тебе из Рязани. Я было решил выиграть день, дропировав* Денежниково, но потом вспомнил, что Ты желала, чтобы я там побывал и решил, que

* здесь: проехать мимо (от англ. drop – пропускать, опускать).

cela ne serait pas gentil* не заехать, тем более, что мне хочется Тебя порадовать хорошими известиями о Твоих и сам с удовольствием повидаюсь с ними – они всегда так ко мне добры и ласковы.

Тут все еще Наташины драмы. Смирнов приехал, умолял. У нее истерики, обмороки; наконец, они решительно порвали и отдали друг другу все полученные подарки и проч. Папа я нашел сравнительно бодрым, все возится с желудком и говорит о поездке в Вену.

Прощай, моя дорогая, некогда писать. Не думаю, чтоб обменяли простыни. Постараюсь угодить Тебе моими покупками. Не хочется и писать, так как в губах уже предвкушение сладких поцелуев в дорогие губки.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 26–27.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

13 сентября 1899 г.

[Открытое письмо]

Кейданы
Ее Превосходительству
Ольге Борисовне *Столыпиной*
Ce Lundi le 13 Sept. 99

My beloved, il est 10 heures and I want to kiss You before to go to bed, Voila ma journée: à la gare Klein[1] et Храпов[ицкий] avec des affaires. A <1 нрзбр.> Бакановск[ий] et Miller. Comme les fêtes juives commencent à 5. h. je suis allé pour le robe d'Evgenie et les étoffes et rubans pour les chapeaux des enfants. Tout est fait et le <фам. нрзбр.> fera les chapeaux par 2 r. dans 2 semaines. Á 2 ½ une séance chez le gouv[erneur]. Puis je suis allé au Народн[ом] Доме, où je suis resté plus de 2 heures. Je suis satisfait. Vers le 5 ½ j'ai dinné chez Шуман avec Lachkoreff et Miller. Le premier quéri. Après dine il m'a emmené chez lui pour me montrer les photographie de Kaluga. Le Лилиенберг[2] m'a relancé chez <фам. нрзбр.> pour me fixer demain un rendezvous

* это было бы невежливо (франц.).

a demi-heure. Le matin je le passe au Нар[одный] Дом avec Андреев[3] et Miller. Le dernier m'a invité à diner.

I can't live without You, my darling*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 28–28об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Клейн Франц Готлибович – ковенский волостной старшина.

[2] Возможно, Лилиенберг Иван Иванович – коллежский секретарь, один из директоров московского отделения Государственного банка.

[3] Возможно, Андреев Николай Матвеевич – гражданский инженер, коллежский советник; с 1894 г. губернский инженер в Строительном отделении Саратовского губернского правления.

Письмо О.Б. Столыпиной

27 сентября 1899 г.

27 сент[ября] [18]99 г.

Милая, ненаглядная, любимая, драгоценная и единственная.

Ты теперь скоро ляжешь спать, и я шлю Тебе свой нежный поцелуй. Я целый день за делами, но как только приехал, загорелся тут в Кейданах дом и я целый час простоял на пожаре. Завтра посылаю Клейна в Ковну, т. к. пришла в голову мысль устроить маленький склад в самом Народном Доме. Жицкого[1] нанял сюда для Кейдан – честный, но вялый.

В среду пошли кучера с Викерским в Эйраголу на ярмарку. Первый должен искать пару к Менлику, а второй продать бракованных рабочих лошадей.

Твой любящий, обнимающий Тебя

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 30.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* Понедельник, 13 сент[ября] 18[99]
Дорогая моя, сейчас 10 часов, и мне хотелось бы перед сном поцеловать Тебя. День прошел так: на вокзале Клейн и Храпов[ицкий] с делами. <1 нрзбр.> и Миллер. Как только в 5 часов начались еврейские праздники, я отправился за платьем для Евгении и материей и лентами для детских шляпок. Все готово, и <фам. нрзбр.> сделает шляпки через две недели по 2 р[уб]. за каждую. Через 2 ½ часа прием у губерн[атора], затем обед в Народн[ом] Доме, где я пробыл более двух часов. Остался доволен. В половине шестого обедал у Шумана с Лашкаревым и Миллером. Первый выздоровел и повел меня после обеда к себе показывать фотографии Калуги. У <фам. нрзбр.> ко мне пристал Лилиенберг с просьбой назначить ему завтра получасовое рандеву. Утром поведу его в Нар[одный] Дом с Андреевым и Миллером. Последний пригласил меня отобедать. Я не могу жить без Тебя, моя дорогая (франц., англ.).

[1] Жицкий М.И. — секретарь Российского общества сельского хозяйства и животноводства в Ковенской губернии.

Письмо О.Б. Столыпиной

16 октября 1899 г.

16 октября 1898 г.*, Средники[1]

Душка ненаглядная,

Пишу Тебе, чтобы сообщить, что надеюсь приехать *19-го днем*, так как вчера в первый же день приналег и кончил жеребьевку. Хотя сидим до 11-ти вечера, но мне так весело и радостно, что приеду днем раньше, что не чувствую усталости.

Лозинский надул и прислал депешу, что не может быть по болезни (а я его видел накануне здоровым). Тут мне удобно, тепло и просторно.

Пишу наспех утром во время чая в халате.

Прости, что мало, но зато так весело скоро вас расцеловать.

Твой верный П[етр] С[толыпин]

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 32–32об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Средниково (Середники) — столыпинская подмосковная усадьба (находится рядом с современным Зеленоградом на реке Горетовке). Приобрел усадьбу дед П.А. Столыпина — Дмитрий Алексеевич Столыпин около 1824 г., незадолго до своей смерти. Здесь прошли детские годы Петра Столыпина и его братьев. Не имея средств содержать большую усадьбу, отец П.А. Столыпина продал ее в 1869 г. купцу-миллионеру Ивану Григорьевичу Фирсанову, вывезя часть библиотеки и мебели в Колноберже.

Письмо О.Б. Столыпиной

28 ноября 1899 г.

Воскресенье, 28 ноября 1899 г.

Олинька моя,

Только что вернулся из Крюкова[1], теперь 5 часов дня и спешу написать Тебе два слова.

Впечатление благоприятное — дачки (их 4) такие, как все под Москвою, но совершенно заново ремонтированные, земля под снегом, не видать, но лес, хотя молод, но хорош; он даже слишком

* Очевидно, опечатка, следует читать 1899 г.

густ, так что нуждается в чистке. Сейчас же начались и расходы – леснику за два месяца жалованье, ему же на чай и проч. Не знаю решительно, кому поручить ездить туда наблюдать за лесом. Вообще, дело это нам не к рукам, дачи надо будет продать, но, конечно, не теперь, так как дадут полцены, а со временем. Начальник станций в Крюкове говорил мне, что можно будет получить до 45 тысяч.

Сегодня очень холодно, но я согрелся, так как там ходил по лесу на лыжах. Вернувшись в 5 ч[ас]., спросил в телефон про здоровье Твоего отца[2], – совершенно здоров и зовет завтра обедать с Машею[3].

Сейчас получил телеграмму Твою – счастлив знать, что все здоровы, но ужасно, что вы мерзнете. Ведь у меня в висячем шкапчике (первом направо) в кабинете зашитые еще в полотно фитили, выписанные из Петербурга к рождению Ары. Пошлю сейчас об этом телеграмму.

Не удивляйся бессвязности письма, так как пишу его в перерывах поверки счетов с Иваном, с которым вожусь весь день. J'aime tirer tout au clair*, а Саша целые дни сидит в гостиной с Мещерским[4]. Я покончил все, кроме: 1) немки, 2) укладки (завтра придет укладчик), 3) администрации дач.

Лисицын обманул меня и, к несчастию, не ездил сегодня со мною, из-за каких-то смотрин сына. Выписал его, а также лесника на завтра утром. Нужно завести ему книжку для жалования и установить какой-нибудь контроль, иначе раскрадут весь лес.

Надеюсь все кончить завтра (боюсь за немку), во вторник выехать в Калугу и быть в Колноберже в четверг или пятницу.

Целую всех вас крепко, как люблю.

Здоров, так хочется вас расцеловать.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 34–36об.

Рукопись. Автограф.

[1] Крюково – имение П.А. Столыпина в Московском уезде Московской губернии при селе Матушкине; состояло из четырех дач и леса общей площадью 140 десятин (по купчей). 24 июня 1902 г. имение было продано двум москвичам С.П. Фармаковскому и М.Д. Сокольницкому за 30 тыс. руб.

[2] Нейдгардт Борис Александрович (1819–1900 [по др. св. 1901]) – отец О.Б. Столыпиной; полковник гвардии, обер-гофмейстер, действительный тайный со-

* Я бы хотел все прояснить (франц.).

ветник, почетный опекун Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны.

[3] **Офросимова** (урожд. Столыпина) Мария Аркадьевна (1861—1922 [по др. св. 1923]) — сестра П.А. Столыпина. Муж — Владимир Александрович Офросимов, имела двух сыновей.

[4] Возможно, **Мещерский** Владимир Петрович. См. прим. к письму от 15 марта 1903 г. (раздел II).

Письмо О.Б. Столыпиной

29 ноября 1899 г.

Милое, обожаемое сокровище мое, сейчас еду с Машей обедать к Твоим и кончу письмо, когда вернусь. Утром была самаринская бонна; удивительно симпатичное и доброе лицо и великолепно говорит по-русски. Выслушала все мои требования, ни на что не возражала: Мате может учить грамматику, делать диктанты, но сомневается, может ли проходить с нею старшие курсы гимназии. Впрочем, и Луиза едва ли могла это делать, но для деревни, для повторений это достаточно. Цена 25 рублей. Ответ она мне даст вечером на Арбате, но я чувствую, что она не пойдет. Поэтому я был у Мейера и заказал там тоже. Дай бы Бог!

Сегодня роздали людям все носильное платье Папа[1] — теперь спальня пуста и кабинет пустеет. Был у меня и укладчик — завтра свои вещи отправляю в Ковну малою скоростью. Так же отправляю и свои все вещи, платье и мундиры. Беру с собою в вагон только Твою шубу, так как боюсь, что Тебе холодно будет ехать на станцию: ее зашьет в холост Машина девушка. Сегодня исполнил все Твои поручения и купил Мери книгу, детям куклы, Миминому Боре гремушку. Завтра поклонюсь могиле отца, уложу последние вещи и, если кончу с немкою, то вечером выеду.

Вечером.

Увы, немка отказалась и написала, что по домашним обстоятельствам поступить не может. Итак, я, вероятно, уеду без немки, так как жить тут больше не могу, а завтра что-нибудь нанять у Мейера надежды мало. Поэтому вместе с сим я пишу Алексашке, чтобы он искал в Вильне в конторах, а я приеду туда выбрать.

Завтра днем надеюсь кончить и с управлением дач. Борис Александрович [Нейдгардт] так добр, что рекомендовал казначея воспитательного дома, который за 120 р[уб]. в год возьмется, может быть, ездить туда и наблюдать за целостью леса. Завтра утром он его пришлет ко мне.

Борис Александрович [Нейдгардт] поправляется, но еще enroué*. Мама дала для Тебя выписки из газет о Папа. Мы очень приятно с Машей посидели там и пообедали.

До свидания, мой ангел ненаглядный. Эти дни Ты верно лежишь; не озябнуть бы Тебе в холодной спальне. Верно, когда приехала, там было холодно.

Муничка из Петерб[урга] еще не вернулся; а Наташа уехала туда вчера вечером.

Целую, люблю.

29 ноября 1899 г.

Москва

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 37–38об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Отец П.А. Столыпина умер 17 ноября 1899 г. Похоронен за алтарем трапезной Успенской церкви Новодевичьего монастыря, могила не сохранилась.

1903

Письмо О.Б. Столыпиной

13 августа 1903 г.

13-го августа 1903 г., Саратов

Дорогая, милая, я так счастлив — сегодня телеграмма, что все здоровы и письмо, что Аринька[1] улыбай[ется] и сходил хорошо. Меня по правде смущала Твоя боль в паху — ох, когда Ты будешь со мною, так буду покоен, это просто будет рай и мне этот новый чистенький дом кажется будущим эльдорадо.

Пусть не гнетут Тебя мрачные мысли и предчувствия. Есть Бог и обращение к Нему рассеивает все туманы. Надо жить хорошо, и все будет хорошо.

С радостью, мой ангел, приеду за Тобой в Москву. Стремлюсь к Тебе всеми силами души. Единственный тормоз во всем — это деньги. Я боюсь тратить лишнее. Тут все так дорого, или я не умел. Вчера обедало 2 человека и счет поваришки 9 р[уб]. 65 к[оп]. А обед из 4 блюд и пирожное, компот из яблок с черносливом.

---

* охрипший (франц.).

В дом решил не ходить до среды, т. к. бывая ежедневно нельзя судить об успешности. Теперь я задаю работы – лестницу через 3 дня и т. п. и проверяю. В детских начали оклеивать обоями.

Что мне Тебе писать про себя? Кроме службы, ничего. Открыли театр, но я не был. Скучно все пробирать. Приходиться очищать полицию и всех подтягивать. Завтра воскресенье – еду дня на два в уезд тоже пробирать полицию. 20-го числа созываю съезд исправников для разрешения разных вопросов по введению новой стражи. Потом у меня после 20-го еще срочная работа по губернской реформе, а в конце месяца думаю проехаться по Саратовскому уезду, в котором еще не был. Это займет с неделю. В это время перенесут все в новый дом, а потом ждем Тебя, свет моей жизни, радость моей души, и пойдут ласковые, чарующие теплые для сердца дни с Тобою, моею горячо любимою и детками нашими. Любовь и труд – вот залог счастья в жизни.

Твой

Откуда все узнают? Полициймейстер меня сегодня удивил, спрашивая: ведь это комната Марьи Петровны?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 1–2об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Младший сын П.А. Столыпина Аркадий Петрович Столыпин (1903–1990) – журналист, писатель, общественный деятель, похоронен в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

Письмо О.Б. Столыпиной

18 сентября 1903 г.

18-го сентября 1903 г., Саратов

Дутик сладкий, сейчас из дому – все тороплю, тороплю. И все разные досады: в классной не хватает 9 кусков обоев, из Москвы не высылают дверных ручек и т. п. В Москве надо будет выбрать ковер на лестницу, которая выходит на славу и ковер мне в кабинет. Я в кабинете решил 1 окно забелить и заклеить обоями, а то фонарь, и нет угла и негде поставить мебели.

В детских оклеивают обоями, красят полы и двери.

Ширина ковра на лестнице 1 арш. 10 верш.

Сапожников мне говорил, что для ковров у него есть новая выделка – бархатное сукно красное, не годится ли для кабинета.

Весело было бы все это с Тобою выбирать.

Не забудь предупредить <1 нрзбр.> Штейна о своем приезде.

Саша[1] кипятится с вагоном для Мама, тратится на телеграммы, тогда как все уже сделано.

Сегодня хотел поехать в Институт, переговорить с начальницею об учителях, но спросил в телефон и ее не было дома.

Был в арестантск[их] ротах с моею антипатиею Неклюдовым[2], до которого я все добираюсь.

Теперь у меня 3 дня очень занятых — созываю съезд исправников. В воскресенье буду их кормить завтраком: 10 исправников, полициймейстер, 2 советника, Кнолль, чиновн[ик] особ[ых] поруч[ений], вице-губернатор. Придется из гостиницы брать посуду и лакея. Скучно все без Тебя.

Новый чиновник особ[ых] пор[учений] Тимрот[3] (хромой) двоюр[одный] брат семеновского офицера, которого мы видели у Тотлебенов и родственник Свербиным; он кончил университет, воспитан, служит при мне сверх штата без жалованья лишь в надежде получить место земского начальника.

Дутик, приезжай, сколько с Тобою разговоров и так весело устраиваться с Тобою. Целую, люблю.

S.S. Благодарю за мальчика (секрет).

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 3–4об.
На бланке «Саратовский губернатор».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Нейгардт** Александр Борисович. См. прим. к письму от 17 ноября 1907 г. (раздел II).

[2] Трудно сказать, кто имеется в виду: **Неклюдов** Александр Александрович — коллежский секретарь, член губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах, член попечительства над Саратовским исправительным арестантским отделением или **Неклюдов** Сергей Петрович — действительный статский советник, в 1902 г. губернский тюремный инспектор, член правления Саратовского учебно-исправительного приюта имени Галкина-Врас[с]кого.

[3] **Тимрот** Лев Егорович — государственный секретарь, в 1904 г. получил должность земского начальника 4-го участка, член административного присутствия Балашовского уездного съезда.

Письмо О.Б. Столыпиной

27 сентября 1903 г.

27-го сентября 1903 г., Саратов

Желанная, сегодня утром мороз, а сейчас идет снег. Меня Тимрот утешает тем, что это признак того, что будет хороший ок-

тябрь. Дай-то Бог! Я все думаю о наших птенчиках и опять был в доме, чтобы подгонять работу. В понедельник прикажу замазывать рамы, не дожидаясь оконных приборов. Боюсь, что будет пахнуть краскою в детских. Только бы мне самому туда переехать, чтобы следить за топкою и подгонять рабочих.

Сегодня утром приехал ко мне с парохода генерал Газенкампф – астраханский губернатор, назначенный членом Военного совета. Он оставил губернаторство, так как умерла его жена и он не мог переносить той обстановки, в которой жил с нею. Дутик, не умирай! Я так хочу с Тобою жить и целовать Тебя. Этого Газенкампфа, конечно, знал Папа, он очень симпатичный старик.

Я сейчас отдавал ему визит в царских комнатах на вокзале. Был я сегодня на Волге на взрывах – взрывают каменную гряду, мешающую Волге течь около Саратова. Но что-то взрывы эти не удаются. У меня сегодня вечером опять заседание по губ[ернской] реформе. Я приглашаю их каждый вечер, чтобы покончить с этим делом.

Оличка, меня смущает животик Ади. Конечно, Ив[ан] Ив[анович][1] знает больше Тебя и его при малейшей болезни надо выписывать. Мне кажется первее всего надо его животик освободить от слизей, т. е дать касторки, а потом уже помогать сварению <1 нрзбр.>, ревенем и пр. А то желудок будет работать только с лекарством, а перестать лекарство, слизи возьмут свое.

Насчет священника для Наташи и Елены переговорю с архиереем. Немку постараюсь найти, а насчет Добрыниной[2] ответь, можно ли не в определенные дни. Матины костюмы одобряю. Тут, говорят, есть хорошая мастерица для шляп и верхних вещей, по фамилии «Гущ» – я смотрел в окно, шляпы недурны. Говорят, она дорога.

Дутя, милая, у Храповицкого деньги бережет. Дутя, конечно, сплендор<?>*. Это последняя вещь, но я хотел бы обеспечить детские все проходы, через котор[ые] им ходить, столовую. Сегодня, наконец, получили детские коляски, санки.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 5–6об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Евтуховский Иван Иванович – коллежский советник, ковенский сельский врач (в Кейданах), домашний доктор семьи Столыпиных в Ковенской губернии; председатель кейданского Вольного пожарного общества.

* блеск, великолепие, благородство (от англ. splendour).

[2] **Добрынина** Валентина Андриановна — дочь надворного советника, классная дама Мариинского института благородных девиц в Саратове.

Письмо О.Б. Столыпиной

12 октября 1903 г.

12-го октября [1903 г.], Саратов

Дутик, я теряю голову — стук, гам, рабочие, все еще красится, подмазывается, заканчивается и просвета не видно.

В одной из детских (в которой часть отобрана под лестницу и кот[орую] Ты думаешь отдать M-elle Sandy[1]) хотят еще перекрашивать пол, но я не хочу позволить, т. к. боюсь, что не высохнет и будет запах.

Завтра жду прислугу — купил 4 кровати и очистил для них комнату. Комната Казимира[2] и Вацлава еще не готовы, завтра ее только оклеивают. В столовой снимут леса и начнут оклеивать во вторник. Мебель из Москвы выслана только 11-го и не знаю, когда придет. Вещи из Колноберже, пеленальник и вообще вся вторая партия еще не пришла. Тебе придется жить на бивуаках.

Все пишу неутешительные вещи, но постараюсь что могу уладить и недоконченное наше гнездышко согреть любовью своею, чтобы Ты на заметила дефектов, которых масса.

Я посылаю тебе телеграмму про часы, так как в классную я повесил часы из старого дома, а столовая и лестница так красивы, что туда надо хорошие часы.

Я часто думаю про штейна и до тех пор не напишу его фамилии с большой буквы, пока не получу утешит[ельных] известий. Я шучу, а мне бесконечно больно, когда я думаю, что у всех деток может быть нужда в операции. Сегодня воскресенье, сидел у своего друга Гермогена. Я еще недели 2 после Твоего приезда думаю по утрам ходить принимать доклады и просителей в канцелярию, пока у нас все еще не устроено, но меня даже днем в воскресенье ловят между сундуками. Принял ли Алеша Седлец? Я его крепко люблю и желал бы для него русскую губернию, но пока не советую отказываться. Люблю, Твой.

Целую ручки Маме и обнимаю Сашу.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 7–8 об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Француженка **Сандо**, служившая у Столыпиных гувернанткой.

[2] **Казимир** — лакей в доме П.А. Столыпина, поступил на службу в Ковно, постоянно находился при П.А. Столыпине. Умер в доме Столыпиных.

Письмо О.Б. Столыпиной

13 октября 1903 г.

13 октября 1903 г., [Саратов]

Дутя, как я утешен Твоею депешею о том, что Штейн доволен Матиными ушами. Не утешает ли он только нас? Если бы была надежда приблизить ее слух к нормальному, то я был бы наверху счастия. Бедная, милая наша малютка. Сегодня приехала наша прислуга и сегодня же сняли леса в столовой и завтра ее будут оклеивать обоями. Еще не докрашен вестибюль и оклеивают витую лестницу, комнату Казимира и проч.

Хотя мне это очень тяжело, но думаю, что придется послать телеграмму о том, чтобы Ты приехала только в субботу. Сегодня понедельник, все пьяно и меня пугает, что не успею вычистить дом. Сегодня при мне расколачивали ящик с лоханками, тазами и проч. Боялся, что детям будет светло с белыми шторами и везде сделаю еще под ними черные занавеси (пока еще нет ставен).

Елизавета сказала, что Ты им велела сейчас же разобрать посланный с ними сундук, но квитанции им не дала. Я послал получить без квитанции, но на станции говорят, что такого сундука нет.

Оличка, как я хочу Тебя и как Ты устала, скорее бы Тебя пригреть и устроить. Ангел Ты мой!

Почему Алеша отказался от Седлеца? Надеюсь, что обещали лучшее! Целую ручки Маме.

Люблю, обнимаю.

Счет Анны 1605 лир, я думаю около 750 рублей.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 9–10об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

14 октября 1903 г.

14 октября 1903 г., Саратов

Милая, сейчас послал Тебе с грустью в сердце телеграмму, прося отложить приезд на 1 день. Я боюсь для детей известковой пыли, которая, пожалуй, не уляжется – нельзя ничего окончательно устанавливать, так как еще работают по всем комнатам. Только в четверг надеюсь выгнать всех рабочих, а в пятницу расставлю хоть кровати по комнатам и полотеры натрут полы.

Меня смущает отсутствие телеграммы о том, понадобилась ли операция детям? Я до смерти боюсь, что тронут моего Аденьку. Ведь он так мал, у него все так нежно, что мое сердце обливается кровью при одной мысли, что его могут тронуть. Нервен что ли я, но я уже решил, что его зарезали, но Господь сжалился надо мною и сейчас мне подали Твою телеграмму о том, что одной Аре нужна операция весною. Слава Богу!

Напрасно я Тебе телеграфировал. Значит Олёчке надуло со своею течью из уха?

Бедная моя Арусенька. Целую ее.

Дутя, как не хочется писать, а хочу целовать.

Что это за загадочный сундук, который должен прийти без квитанции и о котором говорит Елизавета?

А второго транспорта из Колноберже все нет еще.

Скамейку для кормилицы заказал, а стол еще хороший в старом доме, если он Тебе понравится, его выкрасят масляною краской (т. е. этиловой), а то из сырых досок не стоит делать.

Душка, сердце бьется, когда подумаю, что скоро Тебя увижу.

Целую ручки Маме.

Сашу обнимаю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 11–12об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

16 октября 1903 г.

16 октября 1903 г., Саратов

Милая, бесценная, сейчас получил телеграмму, из которой понял, что у Тебя аферы. Но боюсь, так ли я понял? Вдруг что-нибудь серьезное! Если аферы, то, ради Христа, береги себя *очень* и лучше останься лишний день в Москве – это так важно, первые аферы после родов, а вагон растрясет страшно. Аферы пришли в четверг утром, и Ты хочешь ехать в понедельник, т. е. через четыре дня, но мне, как мне ни хочется страстно Тебя видеть, я опасаюсь, что Ты себя повредишь – ведь Ты мое сокровище и радость.

А вдруг не аферы? Жду письма с тревогою и волнением. Полициймейстер и архитектор чуть не скачут от радости, что выигрывают 4 дня. А у меня похороны Фролова[1] завтра, в воскресенье концерт в пользу Епарх[иального] училища, в понедельник маскарад в пользу Твоего благотворит[ельного] общества. А во

вторник и среду праздник и ласка и любовь с моею кошечкою. Дутя, прикажите купить 3 дюжины *больших* золотых пуговиц с коронами на ливрею швейцару, тут нет больших, все маленькие. Сегодня денежный день: 1) от Цинка 1200 руб. 2) Миллер сообщает, что покрыл окончательно весь свой долг с % и прислал квитанцию во взносе этих денег в Ковенское отд[еление] Госуд[арственного] банка. Он пишет очень нежно и, видимо, ему тяжело без поддержки. 3) Леонид прислал 200 руб. в уплату % и обещает непременно уплатить весь долг.

Пишу Тебе все это, т. к. знаю, что Ты эти штуки любишь. Анне перевел весь долг, всего только 603 рубля.

Дутя, не покупай lampe à pétrole*. Не стоит заводить возню с керосином и всю эту грязь и копоть и на одну или две лампы это выйдет дороже, чем электричество наверняка.

Теперь у меня работают мастера и горят люстры во все свечи и выходит 2 рубля в день. Твои Гагарины меня одолжили: сегодня вся семья со слепым мужем осматривали весь дом и сидели, а вечером напросились в театр — я никогда не езжу, так без Тебя грустно, а княжна взяла слово, что хоть поздно загляну. Пойду позднее и отвезу им конфект. Я рад, что Тебе понравилось серебро. Целую, обожаю.

Твой

Послала ли Ты сказать проводнику, чтобы вагон не уезжал?

Взяла ли у Фаберже герб и <1 нрзбр.> медальон?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 13–14об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Фролов** Николай Петрович — действительный статский советник, гласный Саратовской городской думы, почетный мировой судья, гласный губернского собрания от Вольского уезда. В 1902 г. являлся непременным членом губернского Статистического совета в Саратове, попечитель 11-го мужского городского начального училища, гласный саратовского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Письмо О.Б. Столыпиной

17 октября 1903 г.

17-го октября 1903 г., Саратов

Ангел, сегодня от Тебя нет письма и я начинаю беспокоиться — может быть, я не так понял телеграмму и у Тебя не афе-

* керосиновая лампа (франц.).

ры, а какая-нибудь болезнь. Сегодня 17-ое, день Твоего предполагавшегося приезда и мне грустно, что я один. Если это аферы, то это, конечно, лучше, так как тут в неустроенном доме Ты бы хуже натрудилась бы. Ах, ангел, только бы я Тебя увидел здоровую.

Тут я все сержусь – мне все кажется, что ничего не подвигается и ничего не будет к Твоему приезду готово. Маляры кончают завтра сени, паркетчики кончены, но еще по комнатам проводят звонки, еще не кончены перила у винтовой лестницы.

Тоже и электричество еще не везде кончено. Боюсь, что от запаха краски голова у Тебя и у детей заболит, я уже привык, не чувствую.

Вообще я так боюсь, что не понравится Тебе и столько я вложил в этот дом труда и хлопот, что он опротивел мне. Ничего я не умею делать без Тебя, все у меня вкривь и вкось. Меня напугал полициймейстер, что зимою страшно дороги коренья и овощи, и я велел накупить всего, но, конечно, не поварихе, а каптенармусу полиции. Теперь весь погреб полон и будут завтра еще шинковать капусту – я купил машинку.

Сегодня пришла корова – все для нее было куплено – горшки, ведро, цедилка. Ее доит Елизавета.

Повар требует каких-то сковород и еще чего-то. Я помню, что гувернер в прошлом году удивлялся, что я так много покупаю, а теперь не хватает. Он говорит, что очень много увезено в Колноберже и там оставлено.

Кроме того, он требует посуду для людей и ножи и вилки для них. Куплю эмалированные, а ножи, вилки черные. Я тут присмотрел одного городового из солдат – тихий, покорный, не пьющий и приличного вида. Не лучше и такого подучить, чем брать балованного и испорченного? Ты решишь, а то буфетчика нет. Сегодня устал – похороны и молебен (17 окт[ября]). На похороны приехала Ольга Веселкина[1], племянница покойного. Вчера в театре играли великолепно «Развод Леонтьевна», но для княжон пьеса скабрезна.

Целую, душка, чем ближе свиданье, тем тяжелее разлука. Тоскую по Тебе. Но лучше посиди еще день в Москве, а не надрывайся. Люблю. Целую ручки Мама.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 229. Л. 15–16об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Веселкина** Ольга Михайловна – дочь тайного советника, председательница Совета саратовского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, попечительница Училища слепых детей. С 1909 г. настоятельница Александровского института.

1904

Письмо О.Б. Столыпиной

1 марта 1904 г.

1 марта 1904 г. [С.-Петербург]

Душка ненаглядная. Только что приехал, немного разложился и перед тем, как идти стричься и завтракать, сел написать Тебе, чтобы письмо пошло еще сегодня.

Доехал я прекрасно в купе с датчанином, путешествующим по России и восхищенным Кремлем. Здесь мне оставили номер, в котором я всегда останавливался, и дал телеграмму от Селиванова[1] о том, что купцы перерешили дело и 21 тысячу жертвуют на Красный Крест, а не на флот.

Саша телефонирует, что ждет обедать.

Днем думаю сходить в м[инистер]ство повидать Штюрмера[2], а затем в контору насчет англичанки. Мама очень была рада стерлядям. У нее Нурша, все так же Мама оплакивает и выгораживает Сашу и боится путешествия в Одессу. Но я уверен, что эта поездка ей очень будет полезна. Мама очень ласкова и добра, и с интересом слушала мою беседу с Олсуфьевым насчет нашего отряда Красного Креста. Олсуфьев все так же воодушевлен. Хочет вернуться в Петербург, чтобы меня еще тут застать.

Я весь полон Тобою, моя жизнь. Так как тут еще никого не видел, то я еще не «новый», как говорят дети, и ничего интересного написать не могу. Кроме того, что обожаю Тебя, думаю о Тебе, хотел бы, чтобы Соколов[3] Тебя осмотрел, а также Добрый[4] насчет зуба. Семену отдал все поручения, он все сделает. Не забудь сказать Оболенскому[5], что на образа нужно добрать до 400 руб., а затем имена всех жертвователей опубликовать в газетах.

Ангел мой, целую, надо помыться и идти.

Обнимаю Тебя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Селиванов** Николай Иванович — коммерц-советник, гласный Саратовской городской думы. Входил в губернский комитет Общества попечительства о тюрьмах, член попечительного совета Коммерческого училища. Председатель Биржевого комитета, член Общего присутствия казенной палаты по дополнительному промысловому налогу, депутат совета Саратовского общества взаимного кредита.

[2] **Штюрмер** Борис Владимирович (1838—1917) — государственный деятель; землевладелец. В 1894 г. губернатор в Нижнем Новгороде, с 1896 г. губернатор в Ярославле. Был первым назначенным председателем губернской земской управы. С 1902 г. служил в Министерстве внутренних дел, один из ближайших сотрудников В.К. Плеве. С 1904 г. член Государственного совета. 20 января 1916 г. при поддержке Г.Е. Распутина назначен председателем Совета министров, с марта по июль одновременно был министром внутренних дел, а с июля по ноябрь — министром иностранных дел. На заседании Думы был обвинен в германофильстве. 10 ноября 1916 г. уволен в отставку.

[3] **Соколов** Сергей Степанович — саратовский зубной врач.

[4] **Добрый** Яков Борисович — практикующий зубной врач в Саратове.

[5] Имеется в виду **Оболенский** Николай Васильевич. См. прим. к письму от 6 июня 1904 г. (раздел II).

Письмо О.Б. Столыпиной

2 марта 1904 г.

2 марта 1904 г., С.-Петербург

Дорогая, только что позавтракал и сижу в номере, жду гувернантку. Вчера, в первый же день приезда, пошел на память разыскивать Ева[н]гелич[еское] общество, т. к. во «Всем Петербурге» не нашел его. Оказалось, не приемный день, но я пошел к начальнице на квартиру и переговорил с нею. Оказалось, у них никого нет, но в английском «Home» есть молодая и подходящая. Начальница обещала туда поехать и сегодня к 2 часам прислать ее, но вот уже 2 ¼, а ее еще нет, сегодня сидел 1 ½ час. в приемной у Плеве, а в кабинете у него 1 ½ минуты, так как он сказал, что желает выслушать меня подробно и назначит особый час. Он спросил у меня с улыбкою, какое мое общее впечатление и синекура ли Саратовская губерния? Затем добавил, что это одна из самых трудных и запущенных губерний.

Англичанка пришла. Она была у каких-то Курис, у нее хороший аттестат, но лицо противное, видимо, злючка, торгуется — хочет 60 рублей, потом спрашивает, достаточно ли будет, если она будет появляться к 9 час. утра к брекфасту*. Я ее бракую и сам завтра поеду в этот home и к пастору. Сегодня утром после Плеве был я у Воронцова-Дашкова и сидел в Исполнительной комиссии Красного Креста. Там был курляндский Свербеев[1] и Ива Леонтьев[2]. Завтра Воронцов еще просил в 10 час. утра прийти в комиссию. Оказывается, что там, на месте, на театре войны, большой недоста-

---

* завтрак (англ.).

ток в питательных продуктах, и главное: чай, сахар, свечи, табак и главнее всего мыло. Я об этом завтра утром пришлю Тебе телеграмму, чтобы напечатать об этом во всех газетах и просить жертвовать эти предметы. А тут я выхлопотал, чтобы дали лишний нам 10-ый вагон, так что мы можем не стесняться грузом и взять с собою побольше вещей.

К часу я опоздал, так что наш Ал. Оболенский[3], которого я звал завтракать, ушел, не дождавшись меня. Он женится на вдове Осташевой с 2 миллионами, дочь золотопромышленника. Веревкин[4] наш гродн[енский] тоже здесь, я звал его в телефон, но не дозвался. Получил телеграмму от Алеши, что он приезжает завтра и просит устроить ему комнату. Вчера обедал у Саши с Милютиными, Мещерскими (котор[ая] бывает сумасшедшая), Алекс[андром] Мейендорфом[5] и Кислинским[6], а сегодня там же с Наташ[ей] Столыпиной, которая страшно разбухла.

Завтра обедаю у Доли Оболенск[ой][7], а в субботу у Cath Foll. Только у этих двух и был, все время идет на хождение по департаментам, где никого не застанешь, так что я не видал еще ни Штюрмера, ни Гурко[8], ни Стишинского[9]. В департаменте видел Павлова[10], который уже функционирует. Министром народного просвещения назначают будто бы Кристи[11]. Вот так фунт! Получил первое Твое открытое [письмо] и так потянуло домой. Радость моя родная, как я люблю Тебя бесконечно, как я счастлив всегда *с Тобою*!

Твой

Просил представление у Государя (вероятно в понедельник) и у обеих Государынь и еще попрошу у Владимира[12].

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 3–4об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Свербеев** Дмитрий Дмитриевич – камергер, действительный статский советник. С 18 августа 1885 г. до 20 декабря 1891 г. вице-губернатор Томской губернии; с 20 декабря 1891 г. губернатор Курляндской губернии.

[2] Возможно, **Леонтьев** Иван Михайлович – действительный статский советник, с 6 июля 1902 г. до 25 июля 1906 г. владимирский губернатор.

[3] Возможно, А.В. **Оболенский**. См. прим. к письму от 28 февраля 1903 г. (раздел II).

[4] **Веревкин** Петр Владимирович – действительный статский советник. С 12 апреля 1901 г. до 3 мая 1904 г. губернский предводитель дворянства Гродненской губернии; с 24 апреля 1904 г. до 31 декабря 1912 г. ковенский губернатор; с 7 мая 1912 г. до 1916 г. виленский губернатор.

[5] **Мейендорф** Александр Феликсович (1869–1964) – барон, двоюродный брат П.А. Столыпина, жил студентом в квартире его родителей в Москве. В 1904 г.

служил делопроизводителем высшего оклада в земском отделе Министерства внутренних дел. Входил в Немецкую группу «Союза 17 октября», член ЦК партии. Депутат III–IV Государственной думы, товарищ председателя III–IV Думы.

[6] Возможно, **Кислинский** Николай Александрович – действительный статский советник, начальник 4-го отделения канцелярии Комитета министров.

[7] **Оболенская** Дария Петровна – княгиня, попечительница петербургского Александро-Невского приюта «княгинь Белосельских-Белозерских».

[8] **Гурко** Владимир Иосифович (1863–1931) – государственный деятель. С 20 февраля 1892 г. до 11 мая 1895 г. вице-губернатор Варшавской губернии. С 1902 г. управляющий земским отделом Министерства внутренних дел, в 1906 г. товарищ министра внутренних дел. В 1906 г. из-за дела Лидваля (срыв поставок голодающим купцом Лидвалем, договор с которым был заключен Гурко) предан суду Сената и снят с поста. С 1909 г. гласный Тверского губернского земского собрания, с 1910 г. камергер. С 1912 г. член Государственного совета по выборам от Тверского губернского земства; входил в группу правых.

[9] **Стишинский** Александр Семенович (1852–?) – государственный деятель. В 1893–1896 гг. состоял управляющим земским отделом Министерства внутренних дел. С 1896 г. товарищ государственного секретаря. В 1899–1904 гг. товарищ министра внутренних дел. С 1904 г. член Государственного совета. В кабинете И.Л. Горемыкина (1906) главноуправляющий землеустройством и земледелием. В I Государственной думе выступал против аграрной реформы П.А. Столыпина. Один из лидеров «Союза русского народа».

[10] **Павлов** Александр Алексеевич – потомственный дворянин, гласный губернского земского собрания от Хвалынского уезда Саратовской губернии. Член по выбору от дворянства Саратовской губернии отделения Государственного Дворянского земельного банка. В 1906 г. коллежский асессор, и. д. сверхштатного чиновника особых поручений в Министерстве внутренних дел.

[11] **Кристи** Григорий Иванович – действительный статский советник, с 6 июня 1892 г. до 14 июля 1894 г. орловский губернатор; с 20 сентября 1902 г. до 9 ноября 1905 г. московский губернатор.

[12] **Владимир Александрович** Романов (1847–1909) – великий князь, третий сын императора Александра II; государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872), член Государственного совета (1872), сенатор (1868), почетный член Петербургской Академии наук (1875). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1884 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Поддерживал политику контрреформ, приверженец охранительной политики. В октябре 1905 г. вышел в отставку в знак протеста против увольнения и высылки его сына Кирилла и неодобрения императором Николаем II брака Кирилла с великой княгиней Викторией Федоровной. С 1898 г. почетный президент Общества ревнителей военных знаний, инициатор создания Офицерского экономического общества; председатель Комиссии по устройству и открытию Офицерского собрания армии и флота. С 1869 г. товарищ президента, с 1876 г. президент Императорской Академии художеств. Попечитель Румянцевского музея. Оказывал покровительство многим художникам, собрал ценную коллекцию живописи.

Письмо О.Б. Столыпиной

3 марта 1904 г.

3 марта 1904 г., Петербург

Душка моя, пишу под говор Алеши, который раздевается, ложится спать – он не достал номера и остановился у меня. Его вызвал Плеве и сегодня предложил ему Екатеринославскую губернию, которая освобождается за отъездом гр[афа] Келлера[1] на войну. Алеша согласился, но очень смущен трудностью положения, там много заводов и часто фабричные беспорядки. А тут пустили слух, что меня переводят в Екатеринослав, мне об этом сказал Котька Обол[енский][2]. Слава Богу, не трогают.

Кристи, говорят, отказался от Министерства народного просвещения. Сегодня день провел так: утром был в Исполнительной комиссии Красного Креста у гр[афа] Воронцова, потом завтракал дома с Алешею и Немировским[3], который пришел с визитом, потом был в Английском Home. Там, к сожалению, ничего нет, но начальница мне понравилась и прониклась мыслью, что нужна девушка кроткая и не белоручка. Она говорит, что в Житомире есть одна подходящая, которая ищет место, Miss Glaver. Она спишется с нею и пришлет портрет, но говорит, что шить ни одна nursery-governess* не согласится. Не знаю, где и искать! Видел я Макарова, который говорит, что отставка Неклюдова[4] решена и последний бунт решил его участь. Это, конечно, еще секрет – я должен проверить, но очень рад, что он свергнут. Сегодня, наконец, видел Штюрмера и начал кое-какие дела служебные устраивать, но до поручений и визитов еще не добрался. Был только у Норденштрема[5], который так завален работою, что только в память Папа принял заказ. Обедал у Доли Оболенской – там был Саша с женою, Ал[ександра] Фелик[совна] Милютина[6], Маня Гагарина[7] и Котя. Приятно поболтали.

Забыл сказать, что днем в министерстве. Оболенский просил навестить его квартиру, где познакомил с матерью и дочерьми. Мать страшно благодарил[а] Тебя за ласку к сыновьям. Душка, благодарю Тебя за письма, я так тронут Твоею ласкою, любовью и сам так люблю Тебя. Целую деток милых, ангел душка, иду спать. Завтра в 10 час. утра представляюсь молодой Императрице.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л.5–6об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* бонна, воспитательница (англ.).

[1] **Келлер** Федор Эдуардович (1850—1904) — граф, генерал-лейтенант (1899). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 1890 г. заведующий мобилизационной частью Главного управления казачьих войск, с 1893 г. директор Пажеского корпуса. С 13 апреля 1900 г. до 19 марта 1904 г. екатеринославский губернатор. С началом русско-японской войны 1904—1905 гг. по личной просьбе направлен в марте 1904 г. на фронт, где получил 2-й Восточно-Сибирский корпус, а затем сменил генерала М.И. Засулича на посту командира Восточного отряда. Отличался личной храбростью, погиб в бою на Янзелинском перевале.

[2] **Оболенский** Николай Дмитриевич — князь, полковник лейб-гвардии Конногвардейского полка (квартировал в С.-Петербурге), флигель-адъютант, и. д. заведующего контролем Министерства Императорского Двора, родственник и друг П.А. Столыпина.

[3] Возможно, имеется в виду саратовский **Немировский** Александр Осипович — коллежский асессор, городской голова Саратова, председатель Саратовского городского по воинской повинности присутствия. Гласный губернского земского собрания от Аткарского уезда, гласный городской думы. Почетный член губернского попечительства детских приютов, член попечительного совета женской гимназии Министерства народного просвещения.

[4] **Неклюдов** Петр Васильевич — действительный статский советник, с 24 ноября 1883 г. до 6 апреля 1892 г. вице-губернатор Нижегородской губернии. В 1904 г. член совета министра внутренних дел.

[5] **Норденштрем** Карл Иванович — военный портной в Петербурге.

[6] **Милютина** Александра Феликсовна — член Общества при С.-Петербургском городском родильном приюте, опекала С.-Петербургский Дом милосердия.

[7] **Гагарина** Мария Дмитриевна (1864—1946) — урожденная княжна Оболенская; княгиня, жена князя А.Г. Гагарина.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

4 марта 1904 г.

Телеграмма
4 марта 1904 г.
Саратов, Ольге Борисовне Столыпиной

Очень желательно отправить [с] отрядом побольше чая, сахара, табака, свечей, особенно мыла. [В] этих предметах большая необходимость [на] театре войны. Напечатайте [в] газетах просьбу жертвовать. Я выхлопотал десятый грузовой вагон, так что все будет отправлено [с] отрядом.

Петр

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 7.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

6 марта 1904 г.

6 марта 1904 г., Петербург

Дорогая, обожаемая моя, пишу Тебе перед обедом у Штюрмера, который обедает в 8 час. вечера. Утро я провел в беготне по Главному штабу и Красному Кресту, а в 2 ½ часа сидел полтора часа у Плеве, который согласился на все мои представления, так что я очень доволен. Теперь остался Протасов и еще несколько департаментов. Боюсь сказать, но в четверг надеюсь уехать. Мне дали 425 р[уб]. прогон[ных]. В понедельник мне в одно и то же время назначен прием у Государя и у Владимира Александровича, так что к последнему не попаду.

Поручений еще не исполнял – я прямо замотан и изнурен. Теперь год не покажусь в Питере. Здоровье, впрочем, отлично.

Вчера у Наташи Столыпиной обед лукулловский – были мы и Кочубей[1], за которого, по-видимому, она выходит. Оттуда на минутку зашел к Доле наверх. Сегодня получил приглашение на воскресенье обедать к тете Масальской[2] и так как я еще не был у нее, то поехал извиниться, т. к. обедаю в воскресенье у Саши с Лопухиным, там же будет и Алеша. Она позвала в среду – вид у нее очень плох, верно, не долго проживет. Даруся Бибикова[3] выходит замуж за сына Константина Горчакова[4].

Здесь Петерсонша, написала мне, прося к ней приехать.

Сегодня телеграфировал Новикову[5], что отряд наш идет не в Хайлар, а Никольск-Уссурийск, или Владивосток, к главноуполномоченному кн[язю] Васильчикову, т. е. еще гораздо ближе к театру войны. Терновский[6] писал, нельзя ли вперед послать Каменского или Нилова[7]. Эту мысль в Исполнительной комиссии одобряют, но говорят, что нельзя до последней минуты быть уверенным, чтобы назначение не переменили и не двинули его, по требованию военного начальства, в другое место. Таким образом, это хорошо, но это ризик* и заведующий или другое посланное лицо может совсем быть отрезанным от своего отряда. Тут говорят – все равно, его работа не пропадет и все, что он подготовит, пригодится для другого отряда, mais cela ne m'arrange

---

* риск (от нем. – das Risiko).

pas*. Расскажи это все! Надо теперь усиленно готовиться, чтобы все решительно укладывалось и упаковывалось.

До свиданья, моя дорогая, я мечтаю о Тебе и о тихом покое и блаженной жизни с Тобою. Теперь скоро, скоро обнимаю, радость, милая, дорогая.

Завтра в 11 ч[ас]. утра придет еще англичанка. Подыскал чиновника особ[ых] поруч[ений] гр[афа] Бреверна[8], скромный, порядочный, университетский.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 8–9об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Кочубей** Виктор Сергеевич (1860—1923) — князь, флигель-адъютант (1894), генерал-майор свиты (1899), генерал-лейтенант и генерал-адъютант (1909), крупный землевладелец Полтавской губернии. С 1892 г. адъютант наследника престола великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II). С декабря 1899 г. начальник Главного управления уделов; уволен 7 июля 1917 г.

[2] **Масальская** Александра Александровна — княгиня, помощница попечительницы Рождественской школы Императорского женского патриотического общества в С.-Петербурге.

[3] **Бибикова** Дарья Михайловна — фрейлина их Императорских Величеств государынь императриц.

[4] **Горчаков** Константин Александрович (1841—1926) — светлейший князь, статский советник, шталмейстер (1905). Младший сын светлейшего князя А.М. Горчакова.

[5] **Новиков** Дмитрий Гаврилович — коллежский советник, с 13 апреля 1903 г. до 2 декабря 1905 г. саратовский вице-губернатор, товарищ председателя саратовского местного управления Российского общества Красного Креста.

[6] **Терновский** Алексей Андреевич — коллежский советник, земский врач.

[7] **Нилов** В.А. — саратовский врач.

[8] **Бреверн** фон Виктор Германович — коллежский секретарь, старший чиновник особых поручений при канцелярии саратовского губернатора.

Письмо О.Б. Столыпиной

6 марта 1904 г.

6 марта 1904 г. [*С.-Петербург*]

Бесценная моя, ненаглядная, сегодня буду еще писать, а теперь пока Алеша торопит и идет сейчас на почту сдать это письмо: по этому чеку вели получить в Гос[ударственном] банке 7000 руб-

* но это меня не устраивает (франц.).

лей и перевести их через тот же банк Алеше в Нижний. Вперед пошли ему в Нижний заказным. У него нет свободных денег на переезд, и он просил ссудить.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 10.
На бланке «Grand Hotel D'Europe St.Petersbourg».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

7 марта 1904 г.

7 марта 1904 г., Петербург

Милая, дорогая, пишу кратко, так как вижу скоро конец моим пелиренациям* и скоро, скоро обниму Тебя. Ты так устаешь с говением, ненаглядная моя, и Кнолль говорит и Ара пишет, что Ты так грустишь. В среду представлюсь Марии Павловне и думаю кончить дела, в четверг сделаю последние покупки и надеюсь вечером уехать – тогда в субботу утром приеду и два дня свободных, чтобы насладиться и наговориться с Тобою. Я рад, что до осени Ты оставляешь Pearl – здешние нахальны, торгуются, боятся провинции и со страшными претензиями. Сегодня воскресенье – меня пригласила в Лесное завтракать Маня Гагарина, но удержал Peterley, с которым я раньше не виделся, и увел завтракать. Я очень рад, т. к. поездка в Лесное заняла бы часа 4, а тут я после завтрака сделал несколько покупок, но далеко не все, так как большинство магазинов заперто. Вчера я обедал у Штюрмера, там было 5 губернаторов и, между прочим, пензенский Хвостов[1], который Тебя называет Ольгою Борисовною и хвастается, что с Тобою танцевал.

Вечером заехал к Шульцу, который рассказывает много интересного про Чулпановку. Сейчас поеду сделать несколько необходимых визитов.

Кнолль показывал Твою телеграмму про Флеровскую[2] и полетел к ней.

Целую Тебя, бесценная, нежная, люблю Тебя, обожаю.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 11–12.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* здесь: странствиям (от франц. pelerinage).

[1] **Хвостов** Сергей Алексеевич – действительный статский советник. С 4 июля 1903 г. до 1 июля 1906 г. пензенский губернатор.

[2] **Флеровская** Антонина Афанасьевна – жена статского советника, преподавательница географии в Мариинской женской гимназии.

Письмо О.Б. Столыпиной

8 марта 1904 г.

8 марта 1904 г., Петербург

Дорогая зазнобушка моя, пишу Тебе после завтрака.

Утром представляли Государю, который был крайне ласков и разговорчив: говорили про губернию, про пробудившийся патриотизм, спрашивал про Сашу. Закончил уверенностью, что все в губернии при мне пойдет хорошо.

Вчера получил Твое письмо, в котором Ты пишешь про синюю юбку Мате. Постараюсь все сделать.

Алеша уезжает сегодня вечером.

Алек[андр] Мейендорф купил очень удачный дом и завтра утром пришлет мне комиссионера, который ему это устроил. Сегодня утром была еще одна англичанка – Алеша окрестил ее стереоскоп. Действительно, на вид стерва. Откуда Ты знаешь Глевер?

Вчера мы обедали у Саши с Алешею Лопухиным.

Душка, мне не хочется писать, а хочется скорее к Тебе, так хорошо, светло и радостно у Тебя.

Вчера заехал к Текле, т. к. проезжал мимо, а она оказалась очень обиженною, что я ее игнорирую: беременна и у нее белок, боится умереть в родах. Я ее утешил, что и у Тебя бывал белок и отлично рожала.

Вчера же получил записку от Петерсонши – она тут и просила заехать: жалобы на судьбу, чего-то хочется и т. п.

Целую Тебя, ангел мой бесподобный, люблю Тебя крепко.

Храни вас всех Господь.

Надеюсь в субботу обнять.

Твой

Завтра последнее письмо.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 13–14об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

9 марта 1904 г.

9 марта 1904 г., Саратов*

Дорогая, бесценная моя Олюшка, моя прелесть. Пишу Тебе последнее письмо, т. к. завтра последний день мой в Петербурге, а в четверг уезжаю, если не случится необычайной задержки. Вчера уехал Алеша и оставил un vide** – хороший и милый человек. Так приятно было утром и вечером про своих поговорить.

Вчера весь день летал по разным министерствам, а утром был у Государя. Обедал у Саши – у него по понедельникам большие обеды. Там и усмотрел на Александре Феликсовне Милютиной платье из какой-то мягкой liberty***, все в складках – очень мило было бы для Тебя, или для Мати. Она мне объяснила, что это персидская тафта по 35 коп. аршин, которую отдают плиссировать в какое-то одной ей известной заведение, моется, а нарядно удивительно. Я сегодня же рано утром купил такую материю (крэм), заплатил 7 р[уб]. 50 к[оп]. и отослал А.Ф. Милютиной, которая взялась мне все устроить с плиссамом****. Мне немного совестно, так как я у нее не был с визитом, отказался обедать у нее и лишь эксплуатирую, но надо пользоваться, когда видишь что-нибудь удачное. Пойду к ней перед отъездом поблагодарить. Тут со всех сторон мне предлагают дома, которые сильно упали в цене. Мейендорф мне прислал одного г-на Петрококино, который устраивает эти дела, а Наташа Ушакова[1] просит быть у нее в 4 ч[ас]. тоже a conto***** дома. С тем же суется и Наташа Столыпина.

Сейчас придет ко мне Кнолль, Бреверн (новый чиновник особ[ых] поручений), наш Оболенский и Олсуфьев, который в телефон говорит, что только что приехал. Про невесту нашего Оболенского говорят, что она красива, мила, влюблена в него и 2 миллиона, а между тем M-me Штюрмер через своего сына захотела нас поссорить, передав ему, будто я говорю везде, что он продает себя.

Петерсонша пишет мне восторженную записку, что муж ее получает место секретаря при Фуллоне[2] (новый градоначальник) на 5 тысяч жалованья.

---

* Очевидно, допущена описка, имеется в виду С.-Петербург.

** [после себя] пустоту (франц.).

*** либерти – вид платьевой ткани (франц.).

**** Так в тексте; имеется в виду плиссировка.

***** здесь: насчет, по поводу (лат.).

Я от Мимы получил два письма с поручениями, но пока не мог ему услужить, так как с войною везде задержка.

Лилиенбергша требует от меня письменно наколоть Будберга на 200 р[уб]., но едва ли успею и удастся.

Ангел мой утешитель, вчера не было письма, верно устала после причастия, нежно, нежно целую Тебя, я не скучаю, а просто тоскую по Тебе, любишь Ты меня? Да?

Твой

Сейчас приехала Булгак[3] – завтра решается ее переход в Саратов.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 15–16об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Ушакова** Н.С. – племянница П.А. Столыпина, активно содействовала созданию и деятельности в Петербурге общины католиков восточного обряда; в мае 1908 г. Рим назначил о. Алексея Зерчанинова главой общины, в марте 1911 г. община была переведена под юрисдикцию Могилевского католического архиепископа Ключинского.

[2] **Фуллон** Иван Александрович – генерал-лейтенант, служил в лейб-гвардии С.-Петербургском короля Фридриха-Вильгельма III полку в Варшаве. С 12 февраля 1904 г. до 11 января 1905 г. петербургский градоначальник.

[3] **Булгак** Мария Михайловна – знакомая семейства Столыпиных в Саратове, жена доктора, главная надзирательница Мариинской женской гимназии, член правления Общества попечения о нуждающихся ученицах саратовской Мариинской женской гимназии.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

11 марта 1904 г.

11 марта 1904 г., Саратов,
Ольге Борисовне Столыпиной
Приеду [в] воскресенье.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 17.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 мая 1904 г.

4 мая 1904 г., Саратов.

Дорогой ангел, бесценное обожание – пусто, горько без Тебя и так томительно беспокойно без известий. Все хорошо. Я был

при Адиной ванне, впустил капли, он хорошо 2 раза спал, весел и здоров.

Детский анализ отправил. Завтра в 5 ч[ас]. вечера Бруханский[1] и Бонвич[2].

Сегодня прием затянулся до 2 ½ ч[ас]. (был и Уваров, прощаться, уезжает в Петерб[ург] окончательно, дом продаст).

Дети вернулись возбужденные. Получили по 12 из закона [Божьего], а из арифметики Наташе 9, Елена 8. Обе решили задачи и ответили хорошо, но Елена мямлит и это ей вредит. Сейчас Наташу с Сандо отправляю к Доброму.

Анна Зиновьевна раздала деньги бедным.

2 сундука зашиты в хорошие рогожи и отправлены.

Все хорошо, не беспокойся.

Штраухман[3] телеграфирует, что как бы ни старался, но к десятому ремонт дома не кончит и просит отложить приезд до пятнадцатого.

Отвечаю, чтобы не умничал. Все твои приказания исполняю по записке.

Старик Каземир пришел, весь трясется в лихорадке и говорит, что не может поступить. Если пройдет лихорадка, заявится.

Что Тебя ждет в Москве?

Тревожусь за Тебя ужасно.

Береги себя, храни Тебя Господь.

Твой

Покрываю поцелуями.

РГИА. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 18–19об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Бруханский** Борис Павлович – коллежский советник, врач, член саратовского местного управления Российского общества Красного Креста, заведующий сиротским приютом Саратовского губернского земства, секретарь саратовского Физико-медицинского общества.

[2] Правильное написание фамилии **Бонвеч** Эммануил Андреевич – статский советник, доктор медицины, практикующий врач в Саратове. Врач Александро-Мариинского реального училища, врач-консультант Мариинского института благородных девиц, врач женской гимназии Министерства народного просвещения в Саратове, вице-председатель саратовского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

[3] **Штраухман** О.Г. – управляющий П.А. Столыпина.

Письмо О.Б. Столыпиной

5 мая 1904 г.

5 мая 1904 г., среда

Саратов

Ангел мой, вот уже 4 часа, а телеграммы от Тебя нет и не знаем ничего ни о Тебе, ни о Мама. Тревожимся ужасно. Дети немного отвлечены мыслью об экзаменах, Адя же прямо тоскует по Тебе. Он не знает слова Мама, но когда слышит «Ольга Борисовна», то жалобно пищит; вчера он прекрасно сходил, спал, ел, но был как-то грустен, и все замечают, что он по Тебе скучает. Сегодня он совсем здоров и все идет как по маслу. У Мати второй день афер и я ее все гоню лежать, а она все стремится помогать. Она очень тревожится о бабушке и волнуется от каждой телеграммы. Я весь день дома, вчера только, когда дети легли, пошел ½ часа пешком походить. Вечером сидел у Мати за ее письменным столом.

3 сундука отправили на вокзал. Все убирают, Серпунин печатает серебро, составляет список вещей прачек. Я купил тонкой бумаги завернуть еще Твои хорошие лифы.

Придется, кажется, взять еще корзину – много платьев и белья.

Дети сегодня отлично выдержали экзамен, и Лилишон отличился из естеств[енного] знания (12) и географии (11), из последней ее даже отдельно не спрашивали, потому что она ответила за Наташу, что та забыла (Наташе 9). Таким образом, обе сравнялись.

Андрианова[1] вчера послала меня просить позволить им после экзамена пить у нее шоколад. Я знаю, что Ты этого не любишь, но им это такая награда и без Тебя так все тоскливо, что до экзамена дал им полный завтрак и позволил чашку шоколада после экзаменов.

В три часа отправил четырех в ландо в Институт, так как погода чудная, а в пять часов жду двух докторов.

В 8 ч[ас]. вечера заседание Красного Креста. Сегодня был Петров и Шмидт[2] (который ходит в приют по 2–3 раза в день). Ткачева[3] не досчитывает в счетах около 100 рублей, Скворцова[4] была тоже, боится, что ей придется ее гнать, но я возложил это на Шмидта.

Языкова[5], видимо, покорилась судьбе и напечатала в газетах, что, оставляя Убежище, просит всех, имеющих к ней претензии, заявить в три дня.

Душка, без Тебя тягостно и тоскливо, а без известий жутко. Что-то ждет Тебя?

О нас не беспокойся. Конечно, я заменить Тебя не могу, но за это короткое время детям ничего вредного, даст Бог, не сделается.

Целую без конца, обожаю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 6–7об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Андрианова** Агрипина Дмитриевна — домашняя наставница, преподавательница французского языка в женской гимназии Министерства народного просвещения в Саратове.

[2] **Шмидт** Федор Петрович — купец, гласный Саратовской городской думы, член Попечительного совета городского Александровского ремесленного училища, попечитель 15-го мужского городского начального училища «В память императора Александра II».

[3] **Ткачева** Мария Дмитриевна — смотрительница 1-го Мариинского детского приюта.

[4] **Скворцова** Екатерина Константиновна — супруга купца, помощница попечительницы Саратовского губернского попечительства детских приютов, попечительница 4-го женского городского начального училища.

[5] **Языкова** Ольга Николаевна — вдова надворного советника, смотрительница Убежища св. Хрисанфа.

Письмо О.Б. Столыпиной

9 мая 1904 г.

9-го мая полдень 1904 [г.], вагон.

Пишу Тебе два слова, пользуясь остановкой, чтобы сказать, как я Тебя, бедненькую мою, мал[ень]кую, люблю и обожаю. Как мне хочется поскорее Тебя приласкать, приголубить и пригреть. Я думаю, что если вел[икой] княг[ини] нет, то Ты, может быть, выедешь в понедельник в 4 ч[ас]. с курьерским, а в худшем случае во вторник и, таким образом, будешь в Кейданах или во вторник в 11 ч[ас]. вечера, или в среду. Я пробуду четверг и пятницу, в субботу утром уеду и буду в воскресенье в 3 ч[ас]. в Москве, где должен пробыть до понедельника 12 ч[ас]. дня и надеюсь застать Миму и Алешу; неужели они для меня не останутся 1 день. Если все так выстроится, то я не очень и опоздаю в Саратов. Матя пишет на обороте. Целую, люблю, жду.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 20.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

15 мая 1904 г.

Ce sammedi 15. Mai, Колноберже

J'ai tout le temps dèvant mes yeux ton cher visage et ta syluette dans l'allée de Наташа. J'ai laisseé à Kolnoberge tout ce qui m'est cher, mais dans un rayon de soleil. Que le Bon Dieu vous garde toutes.

Il me semble, que le temps ne sera pas long et je songe dejà au retour — quelle joie cela sera ce mois avec tous ceux que j'aime et avec un repos complet. Pourvu que vous soyez tous en bonne santé! Je vous couvre de baisses*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 20.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

15 мая 1904 г.

I kiss and love

15 mais 1904, Wilne

Je t'écris de Wilne, où je viens de déjeuner avec Лопухиным dans les парадные комнаты. Il soutient que le Professeur, recommende par Галлер[1] est un juif avide, qui soutirrera 150 roubles pour la consultation. Il recommendé Braun à Wienne et dit que c'est le seul. Il t'écrira longuement. N'oublie pas les Eссентуки tu ne m'as pas donné le №. Кажется 4-ый. Je pense de me tromper. Écris toi-même à Феррейн[2]. Now I lowe You, my poor darling. Лопухин спешил, а я забыл l'Anglaise. Écris lui — il est très obligeant**.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 24.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* Суббота, 15 мая. Колноберже

Все время перед моим взором возникает Твое милое лицо и силуэт, [мелькающий] в Наташиной аллее. Все, что мне дорого, я оставил в Колноберже, но оно освещено солнечным светом. Да хранит вас всех Бог! Мне кажется, что время не затянется надолго, и я уже мечтаю о возвращении. Какая же это радость провести целый месяц отпуска со всеми, кого так любишь. Лишь бы все были здоровы. Крепко вас всех целую (франц.).

** Целую и люблю

15 мая 1904 г., Вильно

Пишу Тебе из Вильно, где только что позавтракал с Лопухиным в парадных комнатах. Он согласен, что профессор, рекомендованный Галлером, – жадный еврей, который просто выклянчит 150 рублей за консультацию. Он рекомендует Брауна из Вены и говорит, что он единственный в своем роде. Он Тебе напишет обстоятельно. Не забудь ессентуки, Ты мне не дала номер. Кажется 4-й? Думаю, что ошиблась. Напиши сама Феррейну. Люблю Тебя, бедняжка моя дорогая. Лопухин спешил, а я забыл [про] англичанку. Напиши ему – он очень обязательный человек (франц., англ.).

[1] **Галлер** Петр Карлович — доктор медицины, известный саратовский врач-отолоринголог, коллежский советник, врач-консультант Мариинского института благородных девиц, председатель саратовского Физико-медицинского общества.

[2] **Феррейн** Владимир Карлович — коммерц-советник, вел в Москве торговлю фармацевтическими и парфюмерными средствами, имел аптеки и парфюмерный магазин. Член Московского Фармацевтического общества, Медико-фармацевтического попечительства, Российской вспомогательной кассы фармацевтики.

Письмо О.Б. Столыпиной

15 мая 1904 г.

Le 15 Mais 1904, Minsk

C'est la troisième lettre aujourd'hui, chère adorée, je suis arrivé à temps a Minsk et je pense à vous tous avec tendresse. Que de besogne tu as et sans gouvernante!

Natacha a l'habitude de dormir la tête couverte de couverture — j'ai remarqué cela plusieurs fois et j'ai oublié de le dire. Comme le temps est bien: on étoffe en wagon. I love and kiss my love*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 23об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

16 мая 1904 г.

16 мая 1904 г., Москва

Дорогая, бесценная, любимая моя. Вот я и в Москве, в этих грустных комнатах, где все sens dessus dessous**. Меня на вокзале встретил Мима, который теперь в тихом и добром настроении и Алеша говорит, что раж его прошел и что он стал во всем сговорчив и мил.

Тут большие осложнения с Сашею: дело в том, что появились кредиторы, которые заявили, что Саша наследник четвертой

---

* 15 мая 1904 г., Минск.
Сегодня это уже третье письмо, дорогая, обожаемая моя. Я только что прибыл в Минск и с нежностью думаю обо всех вас. Сколько же Тебе работы без гувернантки! Наташа спит, укрывшись с головой одеялом; я многократно это замечал, но все забывал Тебе об этом сказать. Какая хорошая сейчас погода: а в вагоне духота. Люблю и целую, любовь моя (франц., англ.).

** вверх дном, вверх тормашками (франц.).

части движимости после Мама и поэтому всю движимость надо продать и четверть отдать им. Они прислали судебного пристава для описи.

Таким образом, приостановилось распределение вещей, начатое братьями. Однако до описи они уже распределили серебро и бижуты по списку, оставленному Мама. Тебе завещаны серьги, кокарда, браслет с портретом Папы и брошка trêfle*. Ящик серебра кофейного. Серебро и бижуты я беру в Саратов. Затем еще Мама отписала Тебе какие-то платья и тряпки, и Анна с братьями набили целый сундук, который я прикажу Семену отправить Тебе малой скоростью. Анна говорит, что положила, кроме хороших, и разные платья – хлам для раздачи, чтобы Ты не сердилась. Затем отправляю Тебе разные мелочи, которых целый ящик, а с собою в вагон беру хорошую лампу из гостиной внизу, т. к. она переделана для электричества, другую светло-бронзовую (пригодится для большой гостиной наверху), две фарфоровые чашки и фигурки из хорошего фарфора, т. к. фарфор у Тебя в Саратове. Затем мне на память чеканный серебряный кубок. Образа, завещанные Тебе, в сундуке, а маленький образок благословить кн[язя] Волконского положил с серебром. Забыл сказать, что все остальное имущество, а именно, бронзу, мебель и пр[очее] Мама завещала всем Вам поровну, но ввиду описи все это приостановилось и должно остаться на местах до решения дела. Братья торгуются с кредиторами и предлагают им 4600 р[уб]. отступного, считая часть Саши, стоящего не более, – кредиторы артачатся, будет [передано] на общее собрание и все это затянется. Кроме того кредиторы хотят сажать Сашу в тюрьму за растрату 3600 р[уб]. Это все, конечно, чтобы выудить как можно больше денег. Похороны и личные долги Мама около 4600 р[уб]., т. е. на нашу долю около 1150 руб. Придется, вероятно, авансировать еще вышеупомянутую сумму (4600 р[уб].) за Сашу, но эти деньги вернутся продажею его части, которую не прочь приобрести Алеша. Кроме того, Соловому долг Саши 3200 р[уб]. и братья не прочь, чтобы все братья и сестры поровну внесли эти деньги. Как Ты думаешь? Алеша работает, как вол, и распределяет каждую безделушку, чтобы никому обидно не было. Они все уезжают, кажется, в среду и поручают дело с Сашиными кредиторами Куровскому. Хотя бронзу нельзя делить (она описана), но раньше описи они отложили для Тебя ангела с молящимся ребенком – я тоже беру с собою в вагон.

---

* в форме трилистника (франц.).

Мама завещала, чтобы попечительницею Мар[иинского] уч[илища] была Мэри Черкасская и, кажется, ее выберут. Мама с кровати не вставала и, улыбаясь, прощалась с M-elle Nour, говоря, что хочет поспать, когда вдруг вскрикнула и потеряла память.

Дутя, теперь очень поздно, устал с дороги, иду спать, – извини, что адрес написала Анна, но она принесла с наклеенною маркою; подробнее напишу из Саратова. Завтра утром поедем в Девичий, а оттуда еле поспею на вокзал. Как я люблю Тебя, тоскую по Тебе, далекая, милая, милая...

Был у Мюллера, смотрел мебель, но дорого ужасно.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 25–26об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

17 мая 1904 г.

17 мая 1904 г., Москва

Дорогая моя, перед тем, чтобы сесть в вагон, хочу поцеловать Тебя еще раз. Сейчас мы были на могиле Мама и немного постояли в церкви. Я все думаю про поездку Мати в Вену. Вот адрес гостиницы, в которой останавливался еще покойный Борис Александрович [Нейдгардт], а теперь всегда Анна. Она говорит, что не дорого и очень прилично. Hotel «Erzherzog Karl». Kärthnerstrasse. Анна все рекламирует свой Salsomaggiore[1] и зовет туда Матю с собою в сентябре вместо Эльстера[2]. Если бы она была помягче и можно бы было верить, что она делает это от сердца, то, конечно, Мате веселее было бы увидеть уголок Италии и проехать с нею через Вену. Но...???

Сегодня решили заплатить целиком 3600 р[уб]. Соловым. Я отчасти настоял на этом, зная, как Ты смотришь на этот долг. Я авансирую деньги, и Мима, Алеша и Анна возвратят свою долю, как только у них будут деньги и, конечно, заплатят %, которые я буду платить в банк.

Тут холод ужасный.

Думаю с нежностью о всех вас и целую изо всех сил.

Тороплюсь на поезд.

Обожаю, Твой

Душка, конечно, все-таки нечего менять планы насчет Эльстера и, как решено 6-го июня, пусть выезжает.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 27–28.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Сальсомаджиоре — курортное место близ Пармы, провинция Эмилия-Романья (Италия).

[2] Эльстер (Бад-Эльстер) — курорт в Германии, где часто отдыхали Столыпины.

Письмо О.Б. Столыпиной

18 мая 1904 г.

18-го мая 1904 г., Саратов

Когда я сегодня вошел в наш дом, счастливый наш дом, мне стало так горько и грустно и я подумал, что мы напрасно себя мучаем расставанием — жизнь коротка, а мы все в разлуке! Пиши мне нежные письма, солнышко мое, жизнь моя. Как мне хотелось бы теперь, в такое темное для Тебя время, быть с Тобою, утешить Тебя, насколько сумел бы, ласкать Тебя.

Тут холод и дождь — хорошо для урожая, но как-то еще грустнее. Уже в Аткарске ждали меня исправник и председатель управы и доехали со мною со своими докладами до Саратова. Тут на станции la maison civile et militaire*. В одном поезде приехал Кривский[1] слушать дело Милашевского[2]. Я с вокзала только успел переодеться, выслушать доклад Гаврюши, уехавшего сегодня же и тоже отправился в Палату слушать процесс Милашевского. Сижу в местах за судьями (судит, между прочим, и Орлов[3] — <1 нрзбр.> мама отписала образок, который я привез). Я просидел до обеда, а вечером уже не пошел, много накопилось бумаг. Завтра пойду слушать речи Макарова[4] и Калмановича[5]. Тут я про Твои благотворительные дела ничего еще не знаю, т. е. успел расспросить только про Красный Крест Контрима[6], ездившего в степь к киргизам покупать юрты. Из отряда Олсуфьева вернулись 2 санитара, прогнанные за пьянство, и романистка Лухманова, которая едет с отрядом в одном поезде, написала в «Петерб[ургском] листке»[7] злую корреспонденцию насчет нашего отряда, это неприятно. Вот пока все здешние дела. Я чувствую, что начинается мое затворничество. Алеша говорит, что у него есть приятные люди — Родзянко[8], губ[ернский] предв[одитель] Миклашевский[9], а у нас никого!

Еще хочу поделиться впечатлениями относительно Москвы: 1) Мима совсем притих, уступчив и, по словам Алеши, неузнаваем с отъездом Веры, которая беременна (в Одессе 500 тысяч жителей, а не 1 ½ миллиона), 2) Алеша добр, услужлив и неутомим,

---

* личный штат и военная свита (франц.).

3) Анна – Ты сама знаешь: зима! 4) Саша жалок и невменяем – из-за него такая масса осложнений и неприятностей, а он жалуется, что ему не дают хороших вещей, хватает и уносит какие-то старые меловые воротники. Он думает приехать в Колноберже к 11 июля. Братья разумно решили обусловить получение им пенсии от нас обязательством жить в Гуре: в Москве он окончательно погибнет. Денежные дела стоят так: Алеша высчитал, что Сашина $^1/_5$ часть в движимости Мама стоит около 4600 руб., и предложил это кредиторам с тем, чтобы они за растрату не сажали Сашу в тюрьму. В начале июня общее собрание кредиторов, которые, кажется, хотят шантажировать и требовать больше, полагая, что мы не захотим допускать до аукциона Мамашиных вещей. Если помириться на 4600 р[уб]., то я обещал их авансировать, а Алеша купит себе Сашину часть вещей и отдаст мне эти деньги. Но я полагаю, что Саша дозволит выручить себя из тюрьмы и проч., а потом все же, по наущению жидов, потребует свою долю. Слабый человек! Затем, как я писал Тебе, мы решили уплатить долг Марусе Соловой. Братья хотели обещать ей, но не спешить, но я посоветовал уплатить сразу и сегодня по телеграфу перевел эти деньги.

Всего похороны мамы, ее долги (Куровский, Истомин и какая-то женщина) и Соловой обошлись около 9 т[ыс]. руб., которые я и авансировал. Разделив эту сумму на 4, получится на долю каждого 2250 руб. Остальное получим обратно. Долг Соловому решили платить всем и поровну, т. к. движимость Мама тоже завещала поровну, хотя по закону дочери получают восьмую часть. Затем всю эту движимость Алеша ценит очень дорого – в 25 т[ыс]. руб. Не знаю, прав ли он? Мама в распоряжении своем упомянула лишь о равном дележе серебра и бронзы, но Алеше Мама говорила, что и мебель и проч. принадлежит всем детям поровну, так что они решили все поровну делить. Теперь они поделили только хлам, так как опись приостановила дележ вещей ценных. Хорошо еще, что до описи выделили серебро и Твои серьги и я мог их увезти. Вещи малоценные, не вошедшие в опись, Алеша делит посоломоновски – делают равные кучки и тянут жребий. Я Тебе в Колноберже и велел тихим [ходом] отправить целую груду такого хлама. В Саратов в вагон взял лишь ломкое – фарфор, лампы, а также ящик с серебром (котор[ое] очень красиво) и бижуты. Остальное, что приходится на Твою долю, Ты получишь после разрешения спора с Сашиными наследниками.

Что касается пенсий, то кроме 40 р[уб]. Саше, на Твою долю приходится еще Варваре на содержание могил Папы и Мамы

и потом еще Клеповских и Нервских могил, которые содержать Папа завещал всем детям, всего еще 30 рублей в год, так что весь расход составит 510 р[уб]. в год.

Дутя, когда я писал из Москвы, Анна стояла над душою и усиленно предлагала свои услуги для Salsomaggiore, но, несомненно, это для очистки совести и я ни минуты не думал делать для кого-либо обузу из своей дочери. Лишь бы в Вене оказался кто-нибудь знакомый, а там, даст Бог, все хорошо будет.

На днях вышлю Тебе 2 т[ыс]., из коих 1 т[ыс]. придется дать Мате, но чтобы она наменяла сначала 600 р[уб]., а 400 р[уб]. держала бы в резерве на груди у M-elle Sandy.

Я сказал Анне, что в Чулпановке буду около 10-го; если она меня не дождется и уедет до моего приезда, мне будет свободнее.

Ах, Оля, Оля, как без Тебя пусто и тоскливо. На столе я нашел письмо от Тебя, но оказалось, это еще из Москвы, карандашом писаное и столько в нем скорби. Я боюсь спрашивать про детей. Дай Господь, чтобы все вы были сохранны. Христос с вами, душки мои. Нежно целую.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 29–31об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Кривский** Павел Александрович – в звании камергера, статский советник (позднее в должности шталмейстера, действительный статский советник). С 5 ноября 1876 г. до 31 декабря 1887 г. и с 26 декабря 1896 г. до 6 мая 1902 г. саратовский губернский предводитель дворянства.

[2] **Милашевский** Алексей Владимирович (1854–?) – титулярный советник (до 1902 г.), член Саратовской городской управы, секретарь Комитета трезвости. В ноябре 1902 г. был обвинен как один из активнейших участников ликвидированной в Саратове группы социалистов-революционеров. В мае 1904 г. по приговору суда был лишен всех прав состояния и сослан на каторжные работы сроком на шесть лет. 23 октября 1904 г. Сенат отменил решение суда, и весной 1905 г. он был освобожден. Вернувшись в Саратов, организовал совещание видных деятелей партии социалистов-революционеров, посвященное организации боевых дружин в России; тесно сотрудничал с лицами, подозреваемыми в терроризме. 12 сентября его арестовали. Но он был отбит у полиции и скрылся за границей.

[3] **Орлов** Игнатий Гаврилович – действительный статский советник, член 2-го уголовного департамента Саратовской судебной палаты.

[4] **Макаров** Александр Александрович – действительный статский советник, прокурор судебной палаты в Саратове. См. также прим. к письму от 26 июня 1908 г.(раздел II).

[5] **Кал[ь]манович** Самуил Еремеевич (? – не ранее 1930) – юрист, присяжный поверенный, адвокат; родом из Саратова. Приобрел известность своим уча-

стием в политических процессах, в том числе по делам о саратовской демонстрации 1902 г., об одесской типографии газеты «Искра», о распространении нелегальной литературы в войсках, о гомельском погроме 1903 г., о депутате II Государственной думы социал-демократе Рамишвили, о «Новороссийской республике», о военной организации ЦК РСДРП. Принимал участие в разоблачении Азефа.

[6] **Контрим** Игнатий Львович — и. д. старшего сверхштатного чиновника особых поручений, цензор заграничных посылок и наблюдатель за типографиями, литографиями, фотографиями, книжными магазинами, лавками, библиотеками и т. п. заведениями, делопроизводитель саратовского местного управления Российского общества Красного Креста и попечительного совета саратовской Андреевской общины сестер милосердия.

[7] «Петербургский листок» — общественно-политическая и литературная газета. Выходила в С.-Петербурге в 1864—1917 гг. Редактор Н.А. Скроботов, с № 82 1908 г. разновременно А.П. Мамонтов, Н.А. Скроботов, с № 229 1916 г. А.А. Измайлов. Издатель А.В. Владимирский, с 1905 г. В.А. Владимирский, с № 115 1915 г. Н.А. Скроботов. Два раза в неделю выходило приложение — ненумерованные листы иллюстраций в составе очередного номера газеты.

[8] **Родзянко** Михаил Владимирович (1859—1924) — общественный и политический деятель, действительный статский советник (1906). В 1886—1891 гг. уездный предводитель дворянства в Екатеринославской губернии. Затем переселился в Новгородскую губернию, где был уездным и губернским земским гласным. С 1901 г. председатель Екатеринославской губернской земской управы. В 1903—1905 гг. редактор газеты «Вестник Екатеринославского земства». Участник земских съездов. В 1905 г. создал в Екатеринославе «Народную партию Союза 17-го Октября», примкнувшую затем к «Союзу 17 октября». Один из основателей октябристской партии, с 1905 г. член его Центрального комитета. В 1906—1907 гг. член Государственного совета по избранию от Екатеринославского земства, 31 октября 1907 г. сложил с себя полномочия в связи с избранием в Государственную думу. Депутат III—IV Думы от Екатеринославской губернии, с 1910 г. председатель парламентской фракции октябристов. Поддерживал политику П.А. Столыпина. С марта 1911 г. и до февраля 1917 г. председатель Думы.

[9] **Миклашевский** Михаил Ильич — действительный статский советник, с 21 февраля 1902 г. до 3 марта 1908 г. губернский предводитель дворянства Екатеринославской губернии.

Письмо О.Б. Столыпиной

19 мая 1904 г.

19 мая 1904 г., Саратов

Дорогая, бесценная — пишу Тебе несколько слов в 2 ч[ас]. дня, т. к. вечером не успею: выезжаю в Аткарский уезд, где опять беспорядки. Думаю, что в один день покончу. Там крестьяне обыкновенно тихие и надеюсь обойтись без экзекуции. Скучно постоянно прерывать работу такими случаями.

Сейчас еду в Палату слушать речи сторон по делу Милашевского.

Вчера написал Тебе грустное письмо, прости, сразу как-то дом показался мне так уныл. Теперь с энергиею принялся за работу и, надеюсь, время пройдет скоро.

Люблю, люблю. Целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 32.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

20 мая 1904 г.

20 мая 1904 г., Саратов

Дутя, радость моя, хотя 12 ½ ч[ас]. ночи, но я пишу два слова, чтобы не оставить Тебя без известий. Сейчас вернулся из Аткарского уезда и все благополучно кончил.

Вместо одного места пришлось поехать в два, т. к. накануне моего приезда крестьяне по соседству разобрали самовольно весь хлеб из хлебозапасного магазина.

Везде удалось выяснить зачинщиков и восстановить порядок: я просто потерял голос от внушений сходам. Мои молодцы казачки сразу внушают известный трепет. Слава Богу, удалось обойтись арестами, без порки. Теперь, надеюсь, все успокоится. Я так привык к вагону, что странно спать в кровати. Тут холода 6° и дожди – это для урожая великолепно. Письма от Тебя не нашел – всего было за все время 1 открытое из Колноберже в день моего отъезда: вот даль!

Чегодаева водворена, отлично справляется и, кажется, все остаются, даже не прочь остаться и Мыльникова[1], но хочет, чтобы ее просили, одна Кокуева[2] угрожает отставкою.

В столовой[3] до 65 обедов в день и все хвалят.

Прощай, ненаглядная, что-то в уютном Твоем уголке?

Как я люблю Тебя.

Деток и Тебя крепко целую.

Твой, люблю!

Милашевского приговорили на 6 лет каторги.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 33–34.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Мыльникова** Серафима Михайловна — дочь купца, помощница смотрительницы Убежища св. Хрисанфа.

[2] **Кокуева** Мария Ивановна — супруга потомственного почетного гражданина, заведующая Убежищем св. Хрисанфа, попечительница Саратовского приюта арестантских детей, входила в саратовское Дамское попечительство о бедных, в попечительный совет женской гимназии Министерства народного просвещения в Саратове.

[3] О.Б. Столыпина образовала в Саратове кулинарную школу, при которой действовала столовая.

Письмо О.Б. Столыпиной

21 мая 1904 г.

21 мая 1904 г., Саратов

Я все ждал весточки и сегодня открытое Твое [письмо] от 16-го принесло мне большое огорчение — известие о болезни Ади. Ведь Матя была больше, когда у нее был нарыв. Это его так измучает и истощит. И кто знает, не от нарыва ли этого она теперь плохо слышит? Боюсь, как бы не резанул Ивашка слишком рано — он так любит резать. Все это меня беспокоит.

У меня сегодня занятой день и много писать не могу: завтракал с Бартельсеном[1] в 3 ч[ас]., ужасно затянул прием, из губ[ернского] правления вернулся к обеду, сейчас пообедал и пишу Тебе, в 7 часов придет Сартори[2] по мобилизации, а потом лежит почта за 3 дня. Впрочем, мне лучше, когда каждая минута занята.

Завтра поеду в Институт на экзамен истории, обещал уже месяц тому назад.

Напиши, большой ли грех, если я иногда буду посещать оперу в новом театре: тоска никогда никого не видеть, а там хоть в маленьком саду в антракте поговоришь с живою душою. Я думаю, что летний театр не нарушает траура.

Забыл сказать, что единственная вещь, которую я взял себе в Москве, это портрет маленького кота в сарафане: такая миленькая, я с такою любовью смотрю на Тебя!

Сегодня попалась мне моя меховая шапка, изъеденная молью. Я послал ее к Сорокоумовскому, и он сказал, что мех испорчен не молью, а нафталином и камфарою, которые переедают мех. Он за 50 к[оп]. вычистил шапку, и она не лезет. У Тебя, кажется, все шубы пересыпаны нафталином, а Сорокоумовский говорит, что на мех можно сыпать лишь немного Долматского порошка. Без Твоего приказа боюсь трогать — напиши, все перетрясу и пе-

ресыплю. Господи, сохрани вас всех, — мне больно за нашего мальчика.

Христос с вами. Крепко, крепко целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 35–36об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Бартельсен** Александр Николаевич — прапорщик запаса, и. д. младшего сверхштатного чиновника особых поручений при канцелярии саратовского губернатора.

[2] **Сартори** Иван Владимирович — коллежский асессор, непременный член губернского по воинской повинности присутствия, секретарь губернского Статистического комитета, член совета саратовского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых от Вольского земства.

Письмо О.Б. Столыпиной

22 мая 1904 г.

22 мая 1904 г., Саратов

Дорогая моя, бесценная, сегодня получил первое письмо (не открытое) от 16-го и как-то веселее стало на душе. Ты пишешь, что Аринька веселее — дай-то Бог, чтобы нарыв разошелся.

Конечно, очень красиво сделать серьги с подвесками, но Мамашины бриллианты, кажется, белее Твоих, а потом для дочерей придется опять ломать. Или это для одной? Я привезу их, и мы тогда посмотрим. Как я рад, что у вас погода хорошая, мне бы так хотелось, чтобы Ты опомнилась после страшного года и отдохнула душою и телом вдали от суеты.

А я тут вижу массу народа, но все по делу, а после обеда брожу один по улицам $^1/_2$ часа. Я рад, что поездка моя в Аткарский уезд была удачна и бунтари скоро подчинились. Сегодня был в Институте на экзамене. Синячкина с испуганными глазами спрашивает про Тебя, но дурища, не догадывается написать. Видел сегодня (у себя) и Андрианову[1], эта охает и жмется, соболезнует Тебе.

Занялся я немного и счетами сегодня (послал Тебе 2000 руб.) и ужаснулся массою наших долгов. Капитал тает. Я блюду строгую экономию, боюсь только приезда великих князей и т. п.

На чем только не хочу экономить, это на здоровье Мати. Сейчас был Галлер: он говорит, что Поллицер[1] отец ушных учений, но стар, а может быть и <1 нрзбр.>. Он еще рекомендует Якобсона и Янсена в Берлине и ничего не имеет против Брауна

в Вене. Он просит только сказать, на ком мы остановимся, чтобы написать письмо с описанием болезни. Так как Лопухин всех их знает, то и пишу ему, чтоб он Тебе немедленно рекомендовал лучшего, а Ты по месту нахождения этого лучшего спишись с Жеребцовой или фон дер Флитами[2]. Ведь Матя начнет все равно с Эльстера, так что времени много.

Сегодня в 10 ч[ас]. вечера анонсировал себя архиерей.

Мне надоедает все Данило, приходит проситься в странники, становится на колени и говорит, что никогда не будет повторять жестокого своего поведения.

Сейчас трещала в телефон Масленникова[3], что в кухонной школе неприятность — неожиданно ушла молодая учительница. Было много волнения, но Флеровская сказала, что она может справиться одна, и наняли хорошую кухарку за 15 рублей. Масленникова посылает Тебе отчет и говорит, что на практике оказались возможны лишь двухнедельные отчеты (а не недельные) и так много народа, что пришлось нанять горничных, на что не было Твоего разрешения.

Целую, люблю, милая, дорогая.

Куда посылать массу писем Pearl?

Пусть Матя охладит пыл своих корреспондентов.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 37–38об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] В другом написании Политнер.

[2] **Фан дер Флит** Василий Яковлевич — в звании камер-юнкера, коллежский советник, 2-й секретарь посольства в Берлине.

[3] **Масленникова** Людмила Львовна — жена надворного советника, попечительница 6-го женского городского начального училища.

Письмо О.Б. Столыпиной

23 мая 1904 г.

23 мая 1904 г., Саратов

Дутя моя, сейчас вернулся с открытия кумысного заведения и детской колонии за 10 верст от города под ужасным дождем, но степлело. Пил кумыс и ел баранину и плов, приготовленные киргизом. Были доктора и лохматые дамы, но все очень ласковые, «женирку» у них я постарался уничтожить, пожертвовал 25 р[уб]., так как дело хорошее и подышал чистым воздухом. Возвратясь

был осчастливлен, получив сразу от Тебя два письма, от 18-го и 19-го. Утром была и телеграмма насчет Полозовой, я ее отправил Петрову[1]. Я боялся раскрывать телеграмму, но про Адю там ни полслова. А из писем вижу, что нарыв придется вскрывать – боюсь Ивашкиной прыти – не рано бы вскрыл, лучше обождать, чтобы сам лопнул. Зато ему честь и слава за мазь от экземы.

Вы меня напрасно, дутик, браните за картон от Мюрилиза и Шанкса. Оба картона лично мною вручены Семену для отправки Тебе большою скоростью: я, кажется, всегда Ваши поручения исполняю, и Вы через своего барина обижены не бывали.

Кокарду я отвезу в Кабинет и полагаю, что она сотни две стоит. Шифр завещан Анне. Про зеленый сервиз ничего сказать не могу. Слышал, что говорили про какой-то саксонский сервиз, который еще при жизни Мама был ею подарен Анне, но она его не увезла в Рим. Алеша его снес сверху, чтобы отдать Анне, но как раз в это время пришли описывать и описали сервиз. Ты спрашиваешь, кто будет поровну распределять бронзу, мебель и проч.? Но я думаю, что и распределять не придется и все возьмут Сашины скорпионы, так как едва ли согласятся снять запрещение за 4600 р[уб]., как предлагают братья. Затем Алеша хотел выплатить эту сумму и взамен взять Сашину часть вещей, но едва ли Саша на это согласится, он ведь такой невменяемый и слушает своих жидов – он считает естественным, чтобы платили его долги, но даром, и, вероятно, будет кричать, что его обирают, если не дадут ему вещей. Впрочем, это личное мое впечатление в Москве, так как я видел, как Алеша старался справедливо все распределять на кучки и затем метал жребий, что кому достанется, а Саша, чтобы ему ни досталось, хныкал, что его обделяют. Он мелочен ужасно и какой-то inconscient*. Кажется, если придется делить большие вещи, то, конечно, их нужно оценить через оценщика, а затем тоже бросать жребий – так никому не обидно.

Ты пишешь, что долг Соловому (а кстати, и долги, оставшиеся после Мама) братья должны выплатить в бóльшем размере, чем сестры. Сегодня Алеша прислал мне расчет, из которого видно, что они так и сделали: всего долга 4735 р[уб]. 69 к[оп]. (кажется, еще не заплачено 800 р[уб]. какому-то Истомину), который они распределили на долю братьев по 1578 р[уб]. 56 к[оп]., а с Тебя и Анны по 789 р[уб]. 28 коп. Таким образом, они заплатили вдвое больше, чем сестры. Вообще мое мнение, что

---

* не в себе (франц.).

Алеша с Мимою все делают аккуратно, как в аптеке. Я на Миму был зол за его озорство с Тобою, но застал его таким тихим (он, видимо, и на вокзал за мною приехал, чтобы загладить свою вину), что долго холодным быть я не мог.

Весь расчет Алеши я привезу с собою, а если хочешь, напиши, я вышлю заказным. Боюсь выслать простым, это документ! На Твою долю приходится всего расхода 2011 р[уб]. 80 к[оп]., но в эти деньги входит и содержание Саши за год до 1 июня 1905 г. 480 р[уб].). Все отдали Миме за год для Саши, и Мима ему будет высылать помесячно.

Что касается Саши, то я думаю, что после распродажи всего, ему останется еще из доходов Гуры около 1500 руб. в год. Он невменяем и я уверен, что в Колноберже навезет вам подарков. Про Тихона слышать не хочет – говорит, что до смерти его не покинет. Здешнего старика от Булыгиной, видимо, кто-то отговорил поступить, т. к. Иван говорит, что он поступил на место.

Посылаю Тебе письмо Алеши – Ты, вероятно, знаешь вещи, которые он посылает. Это из вещей, избежавших описи.

Когда приедет водопроводчик, не забудь указать ему, где провести воду наверху.

Скажи Штраухману *непременно* отыскать лакея. Тут надежды нет. Семен только обещает.

Экономке скажи, что ее брат может приехать, получить должность кандидата околоточного.

Олинька, вещи, которые я привез с собою, я не буду раскуповривать до Тебя. Лампа там не розовая, а темно-зеленая с золотыми узорами, насколько помню. Фигурки с головами, которые снимаются, кажется, маркизы.

Дутя, как больно у Тебя нарыв под пальцем.

Сейчас получил телеграмму от Алексея Устинова[2] (который обедал у нас зимою), что отец его Михаил Андрианович скончался в Пскове. В среду похороны, если возможно будет, поеду.

Что-то я расписался, а бумаг много.

До свидания, ласковая, хорошая моя.

Целую Тебя крепко и деточек, все думаю про шейку Ади.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 39–42об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Петров** Николай Николаевич — коллежский асессор, помощник присяжного поверенного, делопроизводитель губернского попечительства детских приютов, секретарь саратовского Дамского попечительства о бедных.

[2] **Устинов** Алексей Михайлович (1879—1937) — эсер (парт. кличка Безземельный), участвовал в терроре, за что лишился дворянского звания; отец богатого помещика Сердобского уезда Саратовской губернии. После октябрьского переворота 1917 г. работал в военной разведке, с 1921 г. на дипломатической работе.

Письмо О.Б. Столыпиной

24 мая 1904 г.

24 мая 1904 г., Саратов

Дорогая, сейчас в 8 ч[ас]. у меня будет заседание Кр[асного] Креста для выбора старшего врача в новый отряд: предполагаю д[окто]ра Йордана.

Был я сегодня у Хрисанфа, а у меня был Петров. В Убежище все, кажется, в порядке. Чегодаева знает всех воспитанниц по имени и фамилии, все за работою, мастерицы и кухарки все остались. Одна дура Мыльникова поступила в бонны к племяннику Языковой.

Теперь спешно кончают заказ, а с 1-го июня воспитанниц распускают.

Мне кажется теперь же необходим там ремонт — я пошлю Клементьева[1] осмотреть. Теперь смотрит за убежищем Соколова[2], но боюсь, как бы Кокуева не раздумала и не осталась.

Чулпановского Штраухмана, который прапорщик запаса, взяли на военную службу, одновременно я получил письмо от Дулевича[3], который на всякий случай горячо рекомендует некоего Новицкого. Я на авось написал об этом Анне в Денежниково, так как предполагаю, что она там. У нас страшные холода, ветер, буря. Я топлю печи, на дворе 5 до 6°. Никто не помнит такого мая.

Около 4-го июня думаю выехать в Царицынский уезд, надеюсь, что степлеет.

Я приказал Казимиру составить список белья, но он говорит, что кроме данного ему Александрою, нашел всего 2 полотенца. Между прочим, из последней стирки разные пыльные и прочие полотенца заперли при мне, когда уезжали, в серый шкап в шкапной. Не нужно ли их пересчитать?

Сейчас кончилось заседание Красного Креста. Так Тебя недостает — так было весело, когда Ты сидела рядышком со мною. А внизу как уютно, когда я у Тебя в гостиной сидел за своим столом. С радостью думаю об октябре, когда начнется опять это счастие.

Сейчас еду в Ремесленное училище смотреть на опыты газового освещения.

Целую Тебя, люблю, милая Ты моя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 43–44об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Клементьев** Александр Николаевич – статский советник, губернский инженер. Член саратовского местного управления Российского общества Красного Креста, почетный член губернского попечительства детских приютов, член попечительного совета саратовской Андреевской общины сестер милосердия.

[2] **Соколова** Наталья Никандровна – дворянка, попечительница 3-го Крестовоздвиженского женского городского начального училища, член правления Общества саратовского Дома трудолюбия.

[3] **Дулевич** В. – польский помещик, сосед Столыпиных по Колноберже.

Письмо О.Б. Столыпиной

25 мая 1904 г.

25 мая 1904 г., Саратов

Дутик мой. Сегодня получил Твою телеграмму о том, что Аде прорезали нарыв. Бедный мальчик, теперь, верно, вздохнул свободно – лишь бы Ивашка не рано вскрыл и потом все пошло хорошо. Так долго он мучился, я все ждал телеграммы, а потом уже начал думать, что он сам прорвался.

Сегодня табельный день[1], и я был в Соборе. Потом в 2 ч[ас]. был у меня Хвостов, которого я вызывал, чтобы предложить ему место церковного старосты в Соборе. Дело в том, что купцы бойкотируют архиерея и никто не идет в старосты и он серьезно начал просить меня, чтоб я сам взялся быть старостою. Чтобы избежать этого и выручить архиерея, я и выдумал Хвостова. Последний усиленно отказывается, ссылаясь на нездоровье, но затем просил дать 2 дня на размышление. Он просто боится купцов и Селиванова.

Днем я был у архиерея, чтобы сообщить ему это, а затем сижу дома и подготовляюсь к Комитету о реформе крестьянской, который открывается 30-го. Сегодня вечером будет у меня В.Д. Юматов[2] по тому же делу.

У нас все холода и дожди – совсем ковенская погода.

Сегодня в телефон Масленникова спрашивала, как ей быть с этою учительницею кухонной школы, которая предложила остаться, но с тем, чтобы ей наняли особую комнату за 8 р[уб]. в ме-

сяц, чтобы ей сделаться приходящею от 10 до 2 ч[ас]. дня и чтобы она была освобождена от приготовления обедов и кроме теоретических уроков других обязанностей не несла бы. Я сказал, чтобы гнала ее и что я уверен, что Ты не поступила бы иначе. Масленникова говорит, что еще не послала Тебе отчетов, так как они были безобразно составлены, но что на днях пишет Тебе. Вообще она что-то старается. Я сказал ей, что как-нибудь заеду к ней поговорить про школу. Надо поощрить.

Сегодня нет от Тебя письма, а вчера два, почта неаккуратна. Были у меня антрепренеры оперы – просят посетить новый театр. Я боюсь, что тебе это будет неприятно. Говорят, опера лучше зимней – все артисты Импер[аторских] театров. Харузин пишет, что выслал Штраухману разрешение на покупку Стуки[3], но Штраухман и Абрамович молчат. Верно Гружевский отказался? Целую, люблю Тебя – выписала ли Ты ессентуки? Не забудь, прошу.

Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 45–46об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Табельный день – неприсутственный день, связанный с церковными праздниками или «царскими днями» (тезоименинств).

[2] **Юматов** Василий Дмитриевич – действительный статский советник, гласный губернского земского собрания от Петровского уезда, непременный член Саратовского губернаторского присутствия. Член учетно-ссудного комитета по сельскохозяйственному кредиту в саратовском отделении Государственного банка, действительный член по выбору губернского Статистического комитета. Председатель попечительного совета женской гимназии Министерства народного просвещения в Саратове.

[3] Усадьбу Стуки в Ковенской губернии П.А. Столыпин приобрел в 1904 г. за 36 500 руб. и сдавал ее в аренду родственникам своего управляющего О.Г. Штраухмана.

Письмо О.Б. Столыпиной

26 мая 1904 г.

26 мая 1904 г., Саратов

Сегодня получил Твою телеграмму, что заживление нарыва идет нормально. Благодарствуй, что успокоила меня: по правде, я по несколько раз в день тревожно думал об Адиньке – такой он еще маленький и летом надо бы ему поправиться, развиваться и крепнуть. Дай Бог, чтобы с получением этого письма он уже забыл о перевязках. Я счастлив, что у Вас погода райская (сегодня и тут потеплело), но печалюсь о Твоем пальчике. Что это все за бабошки! Ессентуки не забудь, а то я буду стучать.

Ты сегодня так нежно и верно пишешь про Матю.

Пусть она мне два слова телеграфирует по приезде в Эльстер, я буду спокойнее. Писал ли Лопухин про всех этих ушных шарлатанов? Надо остановиться на ком-нибудь.

Сегодня получил письмо с окончательными условиями Гружевского. Он прибавил 500 р[уб]. за купленные семена на весенний посев и затем выговаривает в свою пользу разницу на курсы бумаг около 1500 рублей. Но я все же считаю, что это покупка выгодная и ее пропускать нечего, как в свое время прозевал Младзяново. Поэтому я телеграфировал Абрамовичу о своем согласии, а Ты насядь на Штраухмана относительно арендатора. Я назначил дешевую цену – 220 рублей, но с тем, чтобы поддерживался правильный севооборот и на арендаторе лежал ремонт построек.

С 1-го июня надзор за имением переходит к Штраухману. При сдаче в аренду он должен продать весь инвентарь насколько возможно дороже, чтобы вернуть часть затраченного капитала.

Надеюсь, что эта операция будет выгодна и, во всяком случае, уверен, что если захочу, то всегда Стуки продам без потери.

Посылаю Тебе опись белья: чернилами то, что сдала Казимиру Александра, а карандашом то, что нашлось в разных углах. Кроме того, как я писал Тебе, есть еще белье в сером шкапу в шкапной. Твой корсаж, конечно, отдал для отсылки Лининьке.

Ламповых частей больше никаких нет. Бранил Казимира за плохую укладку. Есть ли надежда найти лакея? Ведь его необходимо сформировать до осени. Писала ли Ты монахине-англичанке?

Сегодня вечером у меня опять Юматов и Брожинский[1] (губ[ернский] землемер) все по вопросу Крестьянского комитета.

Как бы я хотел в письме этом переслать Тебе ласку любви моей безграничной и вечной. Люби меня, ангел мой.

К 1 июня жду мобилизации трех уездов, так что едва ли раньше 10-го выеду в Царицынский уезд.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 47–48об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Брожинский** Иван Антонович – статский советник, губернский землемер.

Письмо О.Б. Столыпиной

27 мая 1904 г.

27 мая 1904 г., Саратов

Милая, сейчас получил Твое письмо, в котором Ты пишешь, что у Тебя полпальца – сплошная рана. Ведь это ужасно! И как

Ты пишешь, ведь Тебе больно держать перо. Тоже и про Матю Ты пишешь, что она гораздо хуже стала слышать. Завтра напишу, что скажет Галлер. Но в последний раз, когда я его видел, он говорил, что у Мати в носу набухают ткани при каждом насморке. Она бы должна опять начать пропускать через нос соленую воду.

Эти дни я очень занят – сегодня три заседания, а с воскресенья начинаются заседания комитетов – в них 60 членов, так что руководить утомительно, тем более, что все спешат скорее разъехаться и остаться [на] два и не более трех дней.

Слава Богу, не так жарко. Сегодня вечером после заседания посещу театр avec ma maison civile* – в городе одни говорят, что театр опасен, другие, что его преждевременно открыли, необходимо посмотреть.

А затем должен сознаться, что я просто не могу выдержать своего тюремного заключения. Кроме дел и деловых разговоров *ничего*, удивительный ведь это[т] город, вот уже теплоты никакой.

Сейчас прервал письмо мое Хвостов, который согласился быть соборным старостою. Я очень рад, что удалось устроить это дело архиерею. Его так заклевали, что ему весьма важно было ухватиться за кого-нибудь, чтобы не порвать окончательно с купцами. Сделал это, конечно, Хвостов, чтобы выслужиться передо мною и иметь с семьею въезд ко двору.

Получил сегодня письмо от Яши, который пишет, что наш участок никогда не будет давать дохода и что съест бесконечное количество денег. Я бы охотно после войны, когда пройдет денежный кризис, продал бы этот участок.

У меня ключ от сундука, который послал Тебе из Москвы с Мамашиными вещами – посылать по почте не стоит, пусть кузнец откроет, а ключ я привезу. Какой смешной формат бумаги Тебе режет Матя: точно длинные языки.

Целую тебя, мой ангел, день, когда увижу Тебя, будет таким счастливым днем. Тебе так нужна теперь ласка, так хотелось бы залечить Твое раненное сердце. Я знаю и чувствую, что Ты часто теперь грустишь. Милая, целую.

Где мое походное судно? Я в дороге без него пропаду.

Ессентуки.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 49–50об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* С гражданской свитой (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

28 мая 1904 г.

28 мая 1904 г., Саратов

Сегодня, пока еще не кончился длиннейший прием, я радостно увидел принесенный мне конверт с почерком моей милой и взял письмо с собою в карету, едучи открывать земское собрание. Но вместо радости, письмо сильно меня огорчило – если бы Ты знала, как горько в одиночестве и вдали получать такие письма, Ты бы его не посылала. Мне главное больно, что я не ведая и не желая этого, причинил Тебе боль и неприятность и даже не знаю каким образом. Ты пишешь, что думала, что я как-нибудь устрою и скажу vaguement* (как ты просила), что сам не знаешь, когда возьму отпуск, и что я мог бы сделать Тебе приятное и не назначать числа.

Да ведь я буквально так и сделал и даже сказал, что, быть может, совсем не поеду, а, быть может, в начале июля около 10-го, а может быть 20-го. Я до того отбояривался, что и Анна и братья упрекали меня в равнодушии к Чулпановке. Приехав же в Москву на несколько часов, мне не хотелось ссориться и заявлять, что я решительно в Чулпановке с Анною встречаться не хочу. Мысль об этом путешествии мне противна, все, что Ты пишешь, мне кажется и незаслуженным, и обидным, и несправедливым и в Чулпановку я не поеду.

Впрочем, что единственно мне больно, это то, что Ты, моя любимая всею душою, моя любимая не на словах, а на деле всеми моими помыслами, что Ты недовольна и что Тебе что-либо неприятно и неприятное идет от меня. Мне бы хотелось создать Тебе рай на земле, особенно теперь, когда у Тебя такое горе!

Вот Тебе письмо Твоей любимой Антонины.

Анне Зиновьевне Твои поручения передам.

Теперь тут земское собрание и меня рвут на части – вечером придут Михайлов[1] иОзнобишин[2]. Был у меня Нессельроде[3]. Завтра обедает у меня Павлов. Он рассказывал, что Ламздорфа[4] на улице палкою побил Алексей Долгорукий[5] и что последнего посадили в сумасшедший дом. Он заявил, что бил его за то, что он бугр** и плохой министр. Много шума наделала Сашина статья о том, что в Москве купцы подписались на японские % бумаги. Его, кажется, хотят тянуть в суд за клевету.

---

* неясно, неопределенно (франц.).

** Так в тексте.

Вчера был в новом театре с coupl'e* Кнолль и всеми чиновниками особ[ых] поруч[ений]. Пели «Пиковую даму», труппа лучше зимней, все почти артисты Имп[ераторских] театров, но грустно было слушать без Тебя эти мотивы, которые Ты так любишь. Ложа наша напоминает гродненскую, но лучше. Прощай, Оля моя, когда-то увижу Тебя? Любишь ли?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 51–52об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Михайлов** Николай Дмитриевич — коллежский советник, гласный Саратовского губернского земского собрания, председатель уездной земской управы, помощник предводителя дворянства Камышинского уезда Саратовской губернии, товарищ председателя уездного комитета Попечительства о народной трезвости, член попечительного совета камышинской женской гимназии Министерства народного просвещения, товарищ председателя правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам камышинской женской гимназии.

[2] **Ознобишин** Владимир Николаевич (1855—после 1916) — коллежский секретарь, предводитель дворянства Сердобского уезда; крупный землевладелец Саратовской губернии. С 1880 г. служил по судебному ведомству. Член судебного присутствия уездного съезда Петровского уезда Саратовской губернии, почетный мировой судья. С 29 декабря 1905 г. до 1917 г. губернский предводитель дворянства; в звании камергера, действительный статский советник. С 1911 г. член Государственного совета по выборам от дворянских обществ, правая группа; в 1912 г. вышел из Совета. Член совета министра земледелия. В 1916 г. избран членом Совета монархических совещаний.

[3] **Нессельроде** Анатолий Дмитриевич — граф, в звании камер-юнкера, надворный советник; помещик. Гласный губернского земского собрания от Вольского уезда Саратовской губернии, почетный мировой судья.

[4] **Ламздорф** Владимир Николаевич (1844—1907) — граф, дипломат; действительный тайный советник (1901), гофмейстер (1889), статс-секретарь (1902). С 1866 г. служил в Министерстве иностранных дел: в 1882—1896 гг. директор канцелярии, одновременно с апреля 1886 г. старший советник, в августе 1896 г. назначен временно управляющим министерством, с января 1897 г. товарищ министра, а с 25 декабря 1900 г. министр иностранных дел. Стремился к мирному разрешению конфликтов, однако его приверженность бюрократическим методам руководства и сопротивление реформированию ведомства вызвали резкую критику в прессе. 28 апреля 1906 г. подал в отставку; назначен членом Государственного совета.

[5] **Долгорукий** А.С. (1842—1912) — князь, обер-церемониймейстер, член Государственного совета.

---

* чета, супружеская пара (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

29 мая 1904 г.

29 мая 1904 г., Саратов

Дорогая моя, сегодня получил от Тебя ласковое письмо, но меня смущает, что Твой палец не заживает – ведь Ты уже несколько дней тому назад писала, что Ивашка снял всю кому, а сегодня пишешь, что нарыв все не проходит.

Эти дни буду писать коротко, так как теперь земское собрание, а завтра начало Кр[естьянского] комитета.

Сегодня расстроен глупостью, которую сделало земство: не нашли ничего лучшего, как выбрать уполномоченным нашего земства в общеземскую организацию помощи раненым московского Шипова, которого Плеве только что не утвердил председателем Московской управы и который никакого отношения к Сарат[овской] губернии не имеет. По всему этому делу об общеземской организации меня подвел и ввел в заблуждение А.Д. Юматов, и я его сегодня вызвал на пару слов и je lui ai dit son fait*. Все это расстраивает нервы. Боюсь, как бы завтра в комитете не начали озоровать. Членом губ[ернской] земской управы балашовцы хотят провести Спува[1] – это решится сегодня. Ты видишь из этого, как эти господа стремятся меня дразнить и вывести из терпения. Ведь Спув как работник никуда не годится!

Моя задача, конечно, сохранить полное хладнокровие и думать только о деле.

Сегодня проезжал Косич[2] – я поехал в нему с визитом на пароход и там случилась удивительная вещь. Ко мне подходит господин и несвязно что-то говорит. Я думал, что он пьян, но с трудом он объясняет, что он парализован, едет в Пятигорск и, увидев меня, желает дать мне 100 рублей на Красный Крест без всякой расписки, т. к. мне верит. Назвался Александр Петрович Бегичев.

Забыл написать Тебе, что Тилло[3] сообщил мне, что Наташа Столыпина вышла замуж за Кочубея.

Я часто думаю о моей Матиньке. Все не могу дозвониться к Галлеру. Это письмо придет перед ее отъездом. Крепко, нежно ее целую. Писал ли Лопухин и Наташа Жеребцова?

Сегодня у меня обедает Павлов и будет «рассказывать про Петербург».

---

* я ему выложил все начистоту (франц.).

Посылаю Тебе письмо Анны. Ответь ей про payement automnal*: мне решительно все равно, она ли заплатит % нам или банк; дома, вероятно, до осени не купим, но от переписки я отказываюсь, так же как от риска встречи в конце июля. Раньше осени я в Чулпановку не поеду, или отложу на год.

Тяжело мне без Тебя. Оля моя, целую крепко. Твой

Только что добились Галлера в телефон: он говорит, что единственное от шума — это продувание через день несколько раз и уверяет, что Галлер** сумеет это сделать.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 53–54об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Спув** Николай Вильгельмович — поручик запаса, гласный Балашовского уездного земского собрания Саратовской губернии, земский начальник участка в Вольске.

[2] **Косич** Андрей Иванович — генерал от инфантерии Генерального штаба, с 30 мая 1887 г. до 11 декабря 1891 г. саратовский губернатор, в 1904 г. командующий войсками Казанского военного округа.

[3] **Тилло** Адольф Андреевич (1846—1918) — действительный статский советник, вице-губернатор Саратовской губернии, в 1893 г. вышел в отставку, окончательного поселился в Саратове, занимался историей и краеведением, был первым председателем Саратовской ученой архивной комиссии.

Письмо О.Б. Столыпиной

30 мая 1904 г.

30 мая 1904 г., Саратов

Милый дутик мой, пишу в интервале между двумя заседаниями очень утомленный, так что письмо будет кратко.

Ты так описала наглядно, как Ивашка резал нарыв Ади, что у меня сердце сжалось. Дай-то Бог, чтобы малютка теперь был совсем здоров. Лишь бы это не отразилось на его слухе. Перехожу к бюллетеню о себе: Земское собрание прошло весьма бурно и даже с вызовом: Уваров хотел стреляться с Орловым-Денисовым, но последний публично выразил сожаление в своей горячности. Вышло это из-за того, что Уваров поднял вопрос о статье в «Земской неделе» «Война и земство» и как-то неловко назвал гласных неблагонадежными. Меня обвиняют в том, что я разрешил поста-

---

* осенний платеж (франц.).

** Так в тексте.

вить этот вопрос. Но я считаю себя не вправе мешать гласному заявить, что он находит, что их земский орган не имеет права говорить от имени земства непатриотичные вещи. К тому же я вызывал Уварова и предупреждал его не скандалить. В члены управы выбрали Малышева[1], бывшего поднадзорного.

Вчера вечером у меня было заседание «Трезвости»[2] с предводителями и все они дебатировали разные свои претензии.

Сегодня утром у меня был выпускной молебен в женской гимназии и во время молебна пришли сказать, что одна наша учительница застрелилась (это Траубенберг[3], которая одно время давала детям уроки). Затем у меня начался Комитет: все собрались, до 60 человек, приехал даже Кривский. Конечно Львов, Котляровский[4] и tutti quanti*. Очень интересно и пока ведут себя корректно, хотя партии пробуют свои силы, меряются.

В 6 ½ ч[ас]. пришел, пообедал, пишу Тебе, а в 9 вечера продолжение заседания.

Про Матины бижуты я лично записал Семену и оставил денег. Обувь Наташи тоже.

Я ведь писал Тебе про замок сундука с вещами Мама, чтобы слесарь открыл, а я ключ привезу — возня посылать ключ особою посылкою. Как можешь Ты спрашивать, «что же Ты сам хочешь открыть его?». Верно, очень уж Ты измучена и нервы разгулялись. Как видишь из моих писем, у меня тут тоже кроме неприятностей ничего. Впрочем, что все эти неприятности перед Твоим горем. Успокоить бы Тебя и знать, что все у вас хорошо. Милая, милая.

С 1-го июня у нас мобилизация 3 уездов, так что в Царицын я выеду вторично 7-го.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 55–56об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Малышев** Борис Андреевич — дворянин, гласный Саратовского губернского земского собрания от Петровского уезда, гласный уездного земского собрания. Член судебного присутствия уездного съезда Петровского уезда, почетный мировой судья.

[2] Речь идет о Саратовском губернском комитете попечительства о народной трезвости, председателем которого был П.А. Столыпин.

[3] **Траубенберг** Валентина Александровна — преподавательница воскресной школы в помещении 5-го мужского городского начального училища.

---

* здесь: и прочее, и прочее (итал.).

[4] **Котляревский** Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, правовед, общественный деятель. После защиты в 1904 г. докторской диссертации – приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета, позднее профессор государственного права университета. В начале 1900-х гг. участник совещаний и съездов либералов в России и Германии. Входил в кружок «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», один из организаторов «Союза освобождения», член его Совета, сотрудник журнала «Освобождение» (1902–1905). Земский гласный Балашовского уезда Саратовской губернии. Один из создателей конституционно-демократической партии в 1905 г. член ЦК. Депутат I Государственной думы от Саратовской губернии. В апреле 1907 г. входил в делегацию для переговоров с П.А. Столыпиным. В 1905–1906 гг. сотрудник журнала «Полярная звезда», в 1906–1910 гг. газеты «Московский еженедельник», в 1907–1918 гг. журнала «Русская мысль».

Письмо О.Б. Столыпиной

31 мая 1904 г.

31 мая 1904 г., Саратов

Душка моя золотая, несравненная, любимая. Такое ласковое сегодня от Тебя письмо, и у меня соловьи на сердце запели. Так мило Ты пишешь о том, что Адя теперь довольно потягивается и улыбается. Я счастлив, что драгоценный мальчик не страдает. Смущает меня только Матя, Матя... Если Лопухин и Жеребцова ничего не писали, то я полагаю показать ее в Вене профессору Брауну, который решит, применим ли к ней вибрационный массаж и в утвердительном случае уже в будущем году послать ее специально проделать этот курс лечения, т. к. в этом году две cure* много, а на авось посылать в будущем году не стоит. Вместе с тем Браун укажет, что делать в течение зимы.

Напиши, одобряешь ли Ты этот план.

Я пишу Тебе измученный между двумя заседаниями.

Все утро занятия (усиленные объявленною мобилизациею трех уездов – взяли Бартельсена, Оболенского и Яблонского[1], с двух до 6 ½ Комитет, пообедал, теперь почта, а с 9 вечера до 12 ½ ночи продолжение Комитета. Я счастлив такой жизни, так как в работе забываю тосковать о Тебе и детях. Как останусь один, взгляну в окно на Волгу и вспоминаю нашу прогулку на пароходе, нашу милую жизнь.

Мне приятно слышать от злых саратовцев комплементы насчет моего председательствования – говорят, что земцы хвалят,

---

* курс лечения (франц.).

как я веду заседания и самые крайние довольны. Дай Бог, чтобы так пошло дальше. Говорят очень много, но интерес поддерживается все время. 7-го думаю уехать в Царицынский уезд. Прости, что мало написал, по люблю много, единственная любовь моей жизни, Оля моя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 57–58.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Яблонский** Сергей Александрович – коллежский асессор, советник 2-го отделения губернского правления.

Письмо О.Б. Столыпиной

1 июня 1904 г.

1 июня 1904 г., Саратов

Дутик, ангелчик, положительно не могу писать: сегодня Комитет кончился в 7 ч[ас]., только что пообедал, перед мною вся почта, а вечером опять Комиссия.

Дмитриев[1] уехал еще в воскресенье, а сейчас получил Твое письмо с поручениями: градусники, шоколад и Аннин ключ вышлю завтра почтою.

Как гадко, что все вы болеете и пальчик Твой не заживает. Относительно шуб я решил так: позвать от Сорокоумовского человека, пусть он их все перечистит и уложит. Это дешевле, чем хранение и, верно, сделаю это после окончания Комитета.

В Цариц[ынский] уезд выезжаю 7-го. К тому времени не смущайся перерывами писем.

У Анны Зинов[ьевны] про платок спрошу.

Целую, обожаю, милая, родная.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 59–59об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

2 июня 1904 г.

2-го июня 1904 г., Саратов

Олинька, миленькая моя, ненаглядница. Приехал Станевич и отдал мне ключ от коридора, и как-то так пахнуло на меня Колнобержею и так захотелось прижать Тебя к себе и много с Тобою говорить, и видеть Тебя, и слышать. Теперь уже, впрочем, начало

июня, через месяц вернется Гаврюша и я стану думать об отъезде. Письмо это придет уж после отъезда Матули нашей, храни ее Господь! Тебе еще грустнее теперь. Один маленький мужчина охраняет вас. А девочки все болеют: все письмо Твое переполнено описаниями болезней. Я понимаю, что графиня Тотлебен со своими 9-тью детьми только и говорила, что о болезнях.

Сегодня – уф – кончился Комитет. Как гора с плеч. Я очень много приложил труда, но без Тебя рад был забыться в работе. Все очень меня благодарили за беспристрастье и уменье и, кажется, это искренно, так как Ты знаешь, как тут на комплименты скупы и мало любезны. В конце заседания от имени всех благодарил Александр Павлов, приехавший нарочно из Петербурга в Комитет. Весьма выгодно и вдалеке держится Львов и его приверженцы, но и те, говорят, довольны моим беспристрастием. Трудно тут, Олинька, тут надо быть не только администратором, но и ловцом людей. А в этом отношении удача трудно достижима... Надеюсь на Бога. Завтра у меня обедают Корбутовский[1] и Михайлов для доклада о камышинских делах, где я буду несколько часов в понедельник проездом [в] Цариц[ынский] уезд и собираю думу для устройства нескольких не налаживающихся городских дел. В пятницу приезжает Машенька Каткова[2]. До отъезда моего хотел приехать из Петербурга Ленин[3] (д[иректо]р Департамента земледелия), вероятно, по делу здешнего все бунтующего сельскохоз[яйственного] училища.

Сегодня первый свободный вечер с возвращения из Колноберже и, наконец, приму ванну. Анна Зиновьевна говорит, что платок Твой вяжется, но не готов. Милая, я так и знал, что Ты оперу за грех не считаешь, но, несмотря на то что она очень хороша, положительно нет времени. Андрианова уехала с колкостями по Твоему адресу. Про таянье капитала я, конечно, говорю только в смысле временном – сразу столько пришлось взять из банка! Все это вернется. Одна яма это Уч-Дере[4], куда деньги даром ухлопываются. Дутя, пиши мне в Саратов, мне отсюда будут пересылать. Завещание Мама нашли в ее бюваре, где и раньше смотрели, подробно говорится только об образах. Оно у Алеши. Волосы Мама у меня. Саше от Тебя ничего не следует. Ищешь ли лакея? Истомин другой, черненький купчик, не тот, про которого Ты пишешь. Шоколада у Мана пока нет, весь вышел. Градусники купил, вышлю почтою.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 60–61.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Видимо, **Корбутовский** Сергей Павлович — отставной штабс-ротмистр, уездный предводитель дворянства Камышинского уезда, гласный уездного земского собрания, почетный мировой судья, член совета саратовского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

[2] **Каткова** Мария Владимировна (1864–1921) — урожденная княжна Щербатова, муж — Андрей Михайлович Катков — консул в Лозанне, имела двух сыновей. Тяжело пострадала во время аграрных беспорядков в Саратовской губернии осенью 1905 г.: 19 октября было разгромлено ее имение при с. Сухом Карбулаке, 20 октября — ее имение при с. Елшанке, 23 октября — ее хутор при с. Всеволодчине. Владелица подмосковной усадьбы Знаменское-Садки, в 1908 г. унаследовала имение Тарханы (с. Никольское Чембарского уезда Пензенской губернии).

[3] **Ленин** Сергей Николаевич — статский секретарь, директор Департамента земледелия, член сельскохозяйственного совета Министерства земледелия и государственных имуществ.

[4] Дача Уч-Дере находилась на Черноморском побережье недалеко от Гагр, сдача ее в аренду давала ничтожный доход, однако до проведения железной дороги ее продажная цена, видимо, была низка.

Письмо О.Б. Столыпиной

3 июня 1904 г.

3 июня 1904 г., Саратов

Фингал дорогой, теперь уже 11 ½ ч[ас]. вечера: днем 2 заседания, т. е. днем по земским делам, а вечером Красный Крест. Утром прием кончился в 2 часа, а обедали Михайлов и Корбутовский. Днем после заседаний заехал к Масленниковой, так как она из кожи лезет с кухонною школою. Видимо в городе главный разговор про Крест[ьянский] комитет, я это понял из острожных слов Масленниковой, – они ведь друзья Львова. Сазонов назначен chargé d'affaires*. Фердинанд[1] вассал султана, а потому там нет министра-резидента. Чин меньше, но права те же. Это место очень интересное.

Ты пишешь про англичанку Харизоменовой в сегодняшнем открытом [письме] как будто я про это знаю, а раньше про нее не было ни слова.

Я очень рад, если это устроится: и Ты переутомляешься с детьми, и дети забывают английский. Я рад, что детки отдохнули, – после экзаменов это необходимо.

Харизоменовой постараюсь дать работу в Красном Кресте.

---

* поверенный в делах (франц.).

Напиши, как идет водопровод, показала ли Ты, где сделать кран наверху и перестало ли вонять в уборной?

Не знаю, купил ли я Стуки? Я послал утвердительную телеграмму Абрамовичу, но доверенности к подписи он мне не присылает.

Сегодня видел Бруханского, который говорит, что такие нарывы, как у Ади, очень часты у детей и ничуть не опасны. Храни Господь малютку.

У нас теперь мобилизация и мне завтра в 7 ч[ас]. надо встать, чтобы подогнать приемку лошадей.

Иду спать и Ты спи спокойно, мой ангел любимый, думаю о Тебе и хотел бы, чтобы Ты через далекое пространство почувствовала мою любовь.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 62–63об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Фердинанд** I (1861–1948) – герцог Кобургский, болгарский князь (1887–1908), болгарский царь (1909–1918). В 1918 г. отрекся от престола в связи с восстанием в Болгарии и бежал в Германию.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 июня 1904 г.

4 июня 1904 г., Саратов

Олинька, милая моя, ангелюшинька, так мне что-то хочется Тебя приголубить, приласкать, далекая Ты моя, радость чистая. Тебе, верно, теперь очень грустно перед отъездом Мати, и я часто думаю и о Тебе, и о ней, милой нашей девочке. После выздоровления от простуды лучше ли она стала слышать?

Сейчас получил от Мимы телеграмму, просит перевести в Москву к 9-му числу 4500 р[уб]. Это для отступного Сашиным кредиторам, чтобы снять опись с вещей. Слава Богу, если это удастся. За эту сумму Алеша хотел принять ту часть движимости, которая придется Саше и таким образом Алеше придется вернуть мне эти 4500 рублей.

Ты все пишешь про бижуты Распопова, я все записал и отдал деньги Семену; неужели этот урод все перезабыл. Засвидетельствовать Твою подпись на доверенности может, кажется, городской судья в Кейданах. Если он откажется, надо вызвать в Колноберже нотариуса Илью Григорьевича. Это надо скоро. Братья доверяют Куровскому.

Я предупреждаю Алешу, который хотел обставить дело крепко.

Я не понимаю, за что Ты должна еще Миме 22 р[уб]. 75 к[оп]., так как он мне прислал 56 рублей для округления суммы, которую он нам должен.

Масленникова написала Тебе в деловом тоне, т. к. она невоспитанная фря, но кажется она ни на что не обижена.

Сегодня я засуечен: в 7 ½ ч[ас]. утра встал, поехал на приемку лошадей, потом приехал Косич, потом Машенька Каткова, обедал Сергей Адрианович Устинов, вечером опять лошадная комиссия и разные затруднения с мобилизациею. Лихарев[1] обижен, что я его выпендрил из чиновников особ[ых] поручений, и чтоб утешить его, я позвал сегодня его с женою в оперу (пророк – помнишь Таманю), но вот уже 9 ½ ч[ас]. и у меня «фабрика», сменяются разные лица по мобилизации, так что едва ли я раньше 11 ч[ас]. попаду в театр.

Дутя, крепко Тебя целую, а люблю без меры, Оличка моя, девочка.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 64–66об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Лихарев Сергей Иванович – коллежский регистратор, и. д. младшего штатного чиновника особых поручений.

Письмо О.Б. Столыпиной

6 июня 1904 г.

6 июня 1904 г., Саратов

Дутя моя драгоценная, сегодня сразу от Тебя 3 письма – 1 открытое и 2 закрытых и письмо от 1 июня (в котором Ты так мило написала, что меня обидела – а я ведь совсем и не обижен) пришло после письма от 2-го июня. Как мне страстно хочется быть с вами, видеть Тебя, девочек и Адулю, привязанного полотенцем к колясочке и передразнивающего индюшек. Дутя, не пиши мне больше про Чулпановку, – я не знаю, как и когда теперь туда поеду, но желаю ехать туда в полной уверенности быть «без липкого пластыря», по Твоему выражению. Корреспонденции поддерживать тоже не желаю и на письма не отвечаю, даже не поздравил с Софиею. Все это не в упрек Тебе, но прямо во ограждение своего спокойствия.

И как Ты можешь думать, что я *на Тебя* сержусь. Быть огорченным не значит быть сердитым, а теперь и огорчения никакого

нет. Твои нежные письма меня чаруют: кроме Тебя и вне Тебя для меня ничего нет и весь мой мир в Тебе. Завтра уезжаю и сегодня сразу сделалось тепло, а то я все спал под теплым одеялом и теплым халатом.

Вчера весь день провозился с Лениным (он у меня обедал и вечером с Померанцевым[1] сидел) и кажется вопрос о с[ельско]хоз[яйственном] училище удалось мне повернуть по-своему. Но вообще много тут вопросов, бьющих прямо по нервам. Например, один земский вопрос (об общеземской помощи раненым) я хотел не ставить очень остро, а сегодня получил телеграмму от Плеве с приказанием поступить как раз обратно моим предположениям.

Вчера просидев весь день дома, в 10 ½ ч[ас]. вечера пошел пешком в театр и застал 1 действие «Русалки».

У меня сидели Оболенский и Бертинен* уже артиллерийскими офицерами. Пришел в ложу и Бернов[2], находящийся тут проездом. Земского начальника Спува тоже забрали на войну.

Сегодня воскресенье – был у Корбутовской. Она очень хвалит Чегодаеву, бранит Кокуеву. Говорит, что в Хрисанф ездит Соколова.

Вот опись сундуков. Белье в шкапу в шкапной Казимир не описал, т. к. ключа нет, – вероятно, увезли с собою. Казимира я хотел прогнать: он 2 раза вечером пьяный заснул и только в 10 ч[ас]. его добудились ставить самовар. Все, что Ты пишешь про ночные кутежи людей, совершенно верно, – ездила и Александра, но знаю только про Ковблера <?>. Все это подтверждает Иван, да и Казимир слабо отрицает. Необходимо найти лакея.

Я получил накладную от Семена на какие-то столы – это остатки неописанной мебели! Теперь, вероятно, когда Мима заплатит 4500 р[уб]., все освободят.

Я рад, что Ты Елиз[авету] Бенедиктовну наделила вещами после Мама.

Ты спрашиваешь, кто получил “l’argenterie, qu’on a cherché”** – я ровно ничего не знаю. Я не во что не вмешивался, ничего не спрашивал. Ты знаешь мой взгляд на такого рода дела! Не дай Бог какие-нибудь споры на этой почве. Сегодня прочел в газетах, что то место в министерстве, на которое, по словам Уварова, он назначался, занято другим. Опять нахвастал. Но дом свой он уже продал Аносову, и желтая опасность, видимо, от нас удалилась.

---

* Очевидно, описка – имеется в виду Бартельсен.

** столовое серебро, которое искали (франц.).

Получила ли Ты бижуты Мати? Твое голубое платье синим будет некрасиво.

Когда едет моя Матуля? Я об ней часто и нежно думаю и хочу сегодня написать ей в Эльстер.

Забыл сказать, что Уваров хочет будто бы жениться на декаденской племяннице Павлова.

Масленникова мне в телефон говорила, что опять послала Тебе отчеты, но что сама Флеровская говорит, что отчеты слишком поверхностны и что Ты, верно, останешься ими недовольна.

Целую, люблю и мечтаю о свидании.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 67–70об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Померанцев** Дмитрий Семенович – полковник, начальник губернского жандармского управления.

[2] **Бернов** Петр Иванович – поручик в отставке, член судебного присутствия Сердобского уездного съезда, почетный мировой судья, гласный уездного земского собрания.

Письмо О.Б. Столыпиной

7 июня 1904 г.

Ce 7 juin 1904. Saratoff*

Je ne veux [pas] m'embarquer pour Царицын sans t'envoyer un baiser. Je pense, que tu dois être triste, car notre chère Матя doit te quitter pour le moment. Mais elle est encore si chétive et Elster lui fait tant de bien, c'est la santé pour toute la vie! Le temps est magnifique et je suis content d'aller en bâteau et non en chemin de fer. Je connais encore si peu mon gouvernement – j'aurais voulu faire encore une tournée avant mon congé. Que le Bon Dieu vous garde tous! Tendres baisers.

---

* 7 июня 1904 г., Саратов

Не хочу отплывать в Царицын, не послав Тебе поцелуя. Все думаю, как Тебе должно быть грустно, т. к. наша дорогая Матя должна уехать от Тебя. Она еще такая хрупкая, но Эльстер принесет ей пользу, ведь здоровье – это на всю жизнь! Погода стоит замечательная, и я рад, что плыву пароходом, а не еду железной дорогой. Я еще так плохо знаю свою губернию, что хотел бы сделать еще одну поездку до ухода в отпуск. Да хранит вас Бог! Нежно целую.

На три дня останусь без новостей – мне пошлют курьера в Дубовку <обрыв текста> (франц.).

Je serai 3 jours sans nouvelles – on m'enverra un courier à Дубовка.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 71об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

10 июня 1904 г.

10 июня 1904 года, Степанидовка[1]

Милая дудутя моя, три дня как я уехал из Саратова и, следовательно, три дня без писем от Тебя и только завтра в Дубовке получу почту, весточку о Тебе и узнаю, что делается на свете.

Царицынский уезд такая дичь и пустыня – кроме полыни и верблюдов ничего нет.

На мое счастье, зной не очень велик, так что еще возможно работать; сегодня, однако, уже с утра градусов 30 в тени. Я тут отдохнул у гостеприимного М.Ф. Мельникова[2]. У него оазис – река, сад и чудный дом с полнейшим комфортом, так что я отлично выспался и отдохнул. Утомляют обеды и ужины. Прошлую ночь провел в Олеховке у уездного предводителя Персидского[3] (новый), а предыдущую на казенном пароходе.

Спешу в волостное правление на ревизию – сегодня много дела: 2 волости и земский начальник, а ночлег у мужика. Тут со времени Косича не видели губернатора. Народ местами грубоватый (там, где хохлы), а местами встречают на коленях. Помещиков мало и местность мало населена – без конца едешь по степи.

Так хочется знать про вас всех; уехала ли Матя? Я ей написал в Эльстер перед отъездом. В Саратове перед тем, как сесть на пароход, появилась Гагарина – приехала ко мне по делам! Видел ее 10 минут.

Нежно, нежно целую и люблю, царица моих дум!

Твой верный

В Твоей столовой обедают уже по 120 человек, некоторые уходят за недостатком мест, успех небывалый. Приписываю это удачному выбору Флеровской.

Ответила ли Ты 2 слова Мельниковой, чтобы подогреть ее усердие?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 72–73об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – 99–100.

[1] Правильное написание Стефанидовка – казачий хутор, расположенный в Царицынском уезде, при р. Иловле и Усть-Тишанке.

[2] **Мельников** Михаил Федорович – есаул Войска Донского, саратовский губернский предводитель дворянства, гласный уездного земского собрания.

[3] **Персидский** Владимир Алексеевич – председатель уездной земской управы.

Письмо О.Б. Столыпиной

11 июня 1904 г.

11 июня 1904 года, Дубовка

Дорогая дудутя, сегодня, приехав сюда, наконец увидел Твой почерк, получив письмо от 3-го июня: Слава Богу, 8 дней тому назад все было благополучно.

Пишу Тебе измученный путешествием – вчера ночевал в школе без штор, а сегодня, сейчас, лягу спать в гостиной у купца с одними кисейными занавесками. Сегодня проехали верст 50 и сделали 3 ревизии, затем здесь в городе Дубовке всевозможные осмотры, смотры пожарных команд и проч.

Погода хорошая, не слишком жарко, т. е. не невыносимо, и все идет хорошо.

Вчера проезжал мимо женского монастыря[1] – монахини у врат встретили пением, игуменья поцеловала мне руку (tu vois ma tête*) и подарила ковер своего изделия.

Завтра уже прекращается тряска в экипаже – мне предоставлен пароход, и я буду в Царицыне останавливаться в прибрежных волостях. Как я счастлив, что Дмитриева[2] удачна.

К моему изумлению, получил тут пересланные из Саратова 2 телеграммы Вике – Матя, верно, забыла дать ковенский адрес. Я сейчас перетелеграфировал Тебе, но думаю, что Матуля уже далеко.

Прошай, дорогая, желанная, валюсь от усталости, просто не могу писать.

Люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 74–75.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 100.

[1] По-видимому, имеется в виду Вознесенский женский монастырь в посаде Дубовка в Царицынском уезде Саратовской губернии, настоятельница игуменья Виталия.

---

* видела бы Ты меня (франц.).

[2] **Дмитриева** Лидия Александровна — дочь коллежского советника, классная дама Мариинского института благородных девиц.

Письмо О.Б. Столыпиной

15 июня 1904 г.

[Открытое письмо]
Ковенская губерния
Кейданы (Либ[авско]-Ром[ановской] ж[елезной] дор[оги]
Ее Превосходительству
Ольге Борисовне Столыпиной
15 июня 1904 г.

Пишу из вагона по дороге из Царицына в Саратов. Здоров, целую. Завтра возвращаемся в Саратов.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 76об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

15 июня 1904 г.

15 июня 1904 года. По дороге в Саратов

Милая, драгоценная моя, наконец-то могу спокойно и подробно написать Тебе после утомительной восьмидневной ревизии. Слава Богу, благополучно возвращаюсь в Саратов и наслаждаюсь чудною погодою на прекрасном пароходе. В пути же было очень сносно, т. к. обыкновенной для Царицына тропической жары в этом году нет. Вчера получил в Царицыне 2 Твоих письма, котор[ые] привез с почтою курьер из Саратова: до сих пор не знаю, выехала ли Матя? Это меня беспокоит; вовремя ли пришла телеграмма Вике? Я рад, что Дмитриева старается, но это же англичанка? Мате до моего приезда конечно <2 нрзбр.> нельзя. Негодная Александра! Тут не разврат, а нахальство: своих возлюбленных пускать ночевать в наш дом. Помнишь зимою человека в коридоре! Ведь так ночью пьяные мужчины могут и детей перепугать. Конечно, ее держать нельзя. Я думаю, что и портниха Ядвига такая же. Надо бы девушку построже, вроде экономки, чтобы держала других в руках.

Это ревизия меня утомила нравственно. Мне пришлось в одной волости раскрыть такие злоупотребления, что я тут же, расследовав весь ужас, перенесенный крестьянами (последний гу-

бернатор, бывший в этой волости, Галкин-Врасский, тут же уволил вол[остного] писаря и земскому начальнику приказал до Нового года подать в отставку. Я выдержал хладнокровие до конца, но, уезжая из участка, понял, что такое globe hystérics*. Крестьяне говорили: «Совесть пропита, правда запродана»; «ждали тебя, как царя». Ждали ведь они 25 лет, и я решил тут же на месте распорядиться, чтобы они знали, что могут доискаться правды. Конечно, такие ревизии задерживают в волостном правлении до ½ дня, но тут, чтобы водворить порядок, надо бы год не выходить из волостей. Дай-то мне Бог хоть немного очистить эти авгиевы конюшни. Впрочем, такие злоупотребления, как найденные мною, к счастью, яркое исключение.

А в Царицыне меня ждали беспорядки в тюрьме. Начальство потеряло голову, и боялись меня пускать в тюрьму: революционные песни раздавались по всей тюрьме, и виновных начальство боялось наказать. Оказалось, что начальство просто струсило. Я два дня подряд просидел там по несколько часов, политические подолгу со мною разговаривали, обещались не петь и вести себя разумно — посадил в карцер всего только двух уголовных, и все, кажется, успокоилось. А из Саратова уже прискакал прокурор Микулин[2], и хотел прискакать и тюремный инспектор. У страха глаза велики.

Два оазиса в этой царицынской глуши — это французский стальной завод[3] и Сарепта.

Завод этот — один из самых больших в России. Часть рабочих французы и большая часть мастеров тоже. Рядом французская деревня и русская. Теперь понемногу подучились наши, и французы заменяются русскими. Рабочие очень хорошо обеспечены. Школа, больница образцовая, так что стачек совсем не бывает, беспорядков тоже. Половина инженеров французы, половина русские. Директор француз, помощник его русский. После осмотра завода нам в Главном доме (Maison de réception**) предложили lunch***. Этот дом — маленький дворец с прелестною мебелью из Франции, которую я с удовольствием целиком перенес бы к нам.

Что на этом заводе хорошо, это то, что наши рабочие, глядя на французов, приучаются к épargne****: у некоторых по несколько сот рублей в сберегательной кассе.

---

* меня всего охватило бешенство (англ.).

** Дом приемов (франц.).

*** легкий завтрак (англ.).

**** бережливость (франц.).

Мне жаль, что я не могу Тебе и детям показать Сарепту. Это уголок старинной Вестфалии, целиком перенесенный в наши степи. Деревушка из каменных домиков, вся мощеная, с водопроводами, вся в садах, в виноградниках. Волостной старшина, писарь, волостные судьи европейски образованы. Старичок волостн[ой] писарь вдохновенно играл свои импровизации на фортепьяно. Порядок – не к чему придраться. Вместе с тем корректность полная, все по-русски. За скромною трапезою, когда их любительский оркестр заиграл гимн, все немцы громко запели «Боже, Царя храни». Несмотря на воспитанность и образованность, старшина на своей фабрике сам при нас показывал, как он выделывает горшки, а председатель вол[остного] суда в своей пекарне поднес мне пряников своего производства, которые пошлю по почте вам в Колноберже, где, вероятно, знаменитые сарептские пряники будут иметь успех.

Всего более поражает то, что рядом с Сарептою степь, и мы, проехав 10 минут, увидели аул калмыков, которые показали нам своих богов, сохраняемых в юртах в ящиках, детей как Арочка, уже курящих трубку...

Как необъятна Россия!

Я с пряниками пришлю вам и фигурки калмыков, вылепленные сарептским старшиною. Их надо будет привезти в Саратов, чтобы поставить, как кустарные произведения, на площадке, на печке, рядом с кустарным графином.

Вчера в Царицыне я отказался от офиц[иального] обеда и принял только завтрак от управы запросто, без приглашенных, а оттуда меня проводили на пароход с массою роз, так что весь пароход благоухает от царицынских букетов. Контрим очень расторопен и удобен в пути. Кнолль и Юматов похудели, так я их загонял.

Если бы Ты знала, как я стремлюсь к Тебе, как сильно я Тебя люблю...

Ливрею для лакея пришлю с пряниками.

Доктор Наташи Жеребц[овой] сумасшедший: про Брауна, как лучшего ушного врача, мне говорили Зуев и Гагарина – это светило, а Политнер – тот, про которого говорил Галлер, а Урбанчич хорош, но не применяет вибрационного массажа. Я желал бы Брауна.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 77–80.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 100–101.

[1] **Галкин-Врас[с]кий** Михаил Николаевич — действительный тайный советник, член Государственного совета. С 4 октября 1870 г. до 23 апреля 1879 г. занимал должность саратовского губернатора. Почетный гражданин Саратова, пожизненный почетный попечитель Саратовского им. Галкина-Враского детского приюта.

[2] **Микулин** Дмитрий Дмитриевич — статский советник, прокурор Саратовского окружного суда.

[3] Царицынский завод принадлежал Урало-Волжскому металлургическому обществу, учрежденному на средства парижских и петербургских банков.

Письмо О.Б. Столыпиной

16 июня 1904 г.

16-го июня 1904 г. [Саратов]

Ангел мой нежный, я сейчас перечитывал все Твои письма, полученные за время моего отсутствия в Царицыне. Такое у меня умиление, такая нежная к Тебе любовь. Так мне больно, что у Тебя позвонки болят и в руку стреляет и не нравится, что Ты нас причисляешь к патриархам и грозишь близостью могилы. Все придет в свое время, я хочу, чтобы мы умерли с приятностью, поставив всех детей на ноги и самого крошку Адиньку увидев уже сложившимся, хорошим человеком. А пока беспокоюсь, почему это он отказывается от всякой пищи, кроме молочной, и не ползает еще?

Как можешь Ты принимать так к сердцу, что я не ответил Анне? К тому же так мало времени на письмо. Вот теперь она прислала денег, я отвечу, чтобы не спешила с остальными. А поздравлять с Софиею видимо было рано, раз он советником в Лондоне. Вот бы мебель выписал нам для гостиной и залы — в Москве так дорого, что я ничего не заказал еще

Вчера приехал раньше, чем следовало по расписанию, т. е. в 6 ч[ас]. вечера и так как никаких бумаг не было приготовлено, то поехал на последний спектакль оперы (которая сегодня уехала и спектакли прекратились). Давали 4-ый акт «Гугенотов» и пели оч[ень] хорошо (все артисты Имп[ераторских] театров). Я все время думал о Тебе. Какое счастье быть вблизи от Тебя! Какой рай будет в августе.

Между прочим, сегодня я получил секретное письмо от Плеве, в котором он в самых лестных выражениях благодарит меня за восстановление быстрое и энергичное порядка в Аткарском уезде.

Сегодня поехал в оба приюта, чтобы дать Тебе отчет. Везде порядок и чистота образцовая. Дети на воздухе вяжут себе чулки. Только с ремонтом подогнать нужно — ничего не делается! Зав-

тра отправлю Тебе сарептские пряники, ливреи, вязанный бедеяркою платок. Вещи Александры отправлены Федором, т. к. Иван в отпуску. Завтра отпускаю Контрима на месяц в Ковенскую губ[ернию], а потом Бреверна. Сижу совсем без чиновников. Черненького брать не хочу, а чистенькие не наклевываются. Вот просит слезно Афонский[1], говорит, что умирает с голоду. Извольтесь! А Игнашу не страшно ли рекомендовать? Олесик мой, уверяю Тебя, что Браун не женский, а ушной. Я прикажу Галлеру ему написать.

Завтра придут два человека от Сорокоумовского вычистить и уложить все шубы.

Дутя, у меня 8 малых наволочек, 6 оставлено было, а 2 на кровати. В коридоре за шкапом найдено Матино одно стаканное полотенце с русскими кружевами.

Мне *ужасно* хочется, чтобы у Тебя было серое платье от Херзе – Ты мне так нравишься в его платьях! Сделай это для меня. Ведь всего 1 платье и сделаешь за зиму. Ему же закажи и зимнюю гуляльную кофту. Я счастлив, что дневник не прочитан Наташею.

Зачем Ты ласкаешь Этмана[2]? Ведь теперь у нас в Ковенск[ой] губ[ернии] обязательств нет. Хотя вот Рогович[3] пишет, что от него из Ярославля едет ко мне по Волге группа ковенских гимназистов с учителями (один из них Иванов – ведь он Матю учил?), между учениками много знакомых имен – Гуковский[4], Клонозов, Борошенко[5]. Рогович кормил их завтраком и обеспечил им экскурсию по Ярославлю. Сердце не камень, накормлю и я их. Сегодня была у меня Харизоменова. С начала июня приедет в Саратов, просит работы для Кр[асного] Креста, а падчерицу поместить в гимназию, дать remplaçante*. Обещал сам у нее быть и все сделать в награду за англичанку, дай Бог, удачную. Женя Лихарева хороша воспитана, но оригинально – дубовата. Приблизить можно. Из Москвы пришли вещи: стол карельский, лоток, 2 подставки от дипломов, а стеклянный Толевский и портрет Папа Карпунин[6] не принял и составил акт, т. к. стекла разбиты вдребезги. Вместо вознаграждения я сказал, то пусть ж[елезная] дорога сделает новую стеклянную доску по образцу старой, но теперь меня мучает совесть, т. к. Ты пишешь, что стекло было разбито. А я решил, что они в вагонной мастерской все сделают. Люблю свою голубку, целую, радость моя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 81–82об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* заместительница (франц.).

[1] **Афонский** Всеволод Борисович — околоточный надзиратель 5-й полицейской части Саратовского городского полицейского управления.

[2] **Этман** А.И. — казначей ковенского благотворительного общества «Подпора падающим».

[3] **Рогович** Алексей Петрович — действительный статский советник, с 10 августа 1902 г. до 18 октября 1905 г. ярославский губернатор.

[4] **Гуковский** Константин Павлович — статский советник, гласный Ковенской городской думы. Преподаватель истории в ковенской женской гимназии, преподавал отечественную историю и географию в Епархиальной римско-католической духовной семинарии. Действительный член-секретарь ковенского губернского Статистического комитета, член Императорского Русского географического общества, географического отдела Императорского Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, член-корреспондент Императорского Московского археологического общества.

[5] **Борошенко** Алексей Яковлевич — отставной капитан, уездный исправник в Ковенской губернии.

[6] **Карпунин** Иван Иванович — околоточный надзиратель 3-й полицейской части саратовской городской полиции.

Письмо О.Б. Столыпиной

17 июня 1904 г.

17-го июня 1904 г., Саратов

Такая ужасная жара, что тяжело писать, как-то тягостно удушливо, а эти два дня, с момента моего возвращения, у меня такие большие приемы, что кончаю завтракать в 3 ч[ас]. и не приступил еще к составлению всеподдан[ейшего] отчета, а срок 1-го июля. Вот сегодня вечером архиерей назвался, а сидит он долго.

Сегодня все шубы перечищены меховщиком (3 р[уб].), он мех вычистил гребнем и железными прутьями и говорит, что Твоя шуба хороша и не испорчена. Взял 3 рубля. Завтра едет Контрим домой и проедет через Кейданы. Я пошлю телеграмму, чтобы Ты послала взять у него из вагона ящик с ливреями, сарептскими пряниками, платком, вязаным бабою бедеяркою (дал 3 р[уб]. 50 к[оп].) и куколкою-калмычкою (остальные 4 оставил тут, чтобы не поломались). Дам ему также массу писем Мати и накладную на вещи Александры, а также ее паспорт.

Мои чиновники теперешние — бывшие (Оболенский и Бартельсен) просят меня сняться со мною. Я их всех пригласил завтракать завтра, а потом сниматься. Из здешних прапорщиков запаса троих по жребию берут на войну. Бартельсен заявил, что если жребий вытянет женатый, то он пойдет за него. Мать его пришла сегодня ко мне в слезах. Я нахожу, что он сделал это совсем

хорошо и ничуть не рисуясь, так как откровенно сознает, что у него нет никакого вкуса к военщине и держит себя весьма скромно.

А именно офицеров бьют страшно, потому и требуют туда уже прапорщиков! Боже, какое страшное бедствие эта война.

Бижуты посмотрю в столе, когда будет минута.

Дутя, напиши: 1) согласна ли Ты перегородочку в Твоей уборной поставить на уровне печки, так что клозет придется между двумя дверьми, – таким образом ломать ничего не надо и тесноты не будет: иначе дверь от клозета будет постоянно стукаться о вторую дверь из передней. 2) надо ли в большой гостиной заделать 1 окно и какое? Там точно такое же расположение, как в классной. Я думаю, окна все оставить, чтобы было светло. 3) согласна ли буфет отдать под комнату для гостей и прирезать еще вторую комнату от запасной, а остаток запасной отдать под буфет?

Проф[ессор] Янсен, насколько помню, в Берлине. Это устранило бы необходимость писать в Вену, но мне что-то дался Браун и все кажется, что поможет вибрационный массаж.

Целую тебя нежно, нежно, меня тревожит Твоя слабость и усталость. Ангел мой, целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 83–84об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

18 июня 1904 г.

18-го июня 1904 г., Саратов

Драгоценная, это письмо посылаю с Контримом, которому завидую ото всей души, но надеюсь через месяц выехать в Чулпановку, Акшино, Петербург-Колноберже и в начале августа испытать наивысшее блаженство. Целый месяц я исключительно посвящу Тебе: разговоры с *Тобою*, чтение с *Тобою*, прогулки с *Тобою*. Жду этих чудных дней, как чего-то недосягаемого. Только не заболей Ты у меня раньше – так я боюсь за Тебя с Твоими измученными нервами после перенесенного горя. Мне все кажется – лишь бы до моего приезда Ты выдержала хорошо, а там я уж сумею согреть Тебя и укрепить Твои нервы.

Вчера оба архиерея сидели у меня 5 часов подряд. Бедного Гермогена купцы продолжают обижать, просто гонение какое-то на него. Нет клеветы, которую не пускали бы в ход.

Сегодня завтракали у меня Оболенский, Бартельсен, Лихарев, Контрим и Бреверн, а потом ездили сниматься группою. После этого фотограф попросил меня минуточку присесть, чтобы снять на приготовл[енном] уже стекле мою фотографию. Он так упрашивал и уверял, что это будет лучшим моим портретом, что я согласился, думая, что Ты любишь мою рожу.

Кот, непременно ответь мне, согласна ли Ты на ремонт за 600 р[уб]. у Хрисанфа? Мне кажется, он необходим. Сделаем спектакль или лотерею.

Ты меня насмешила фонтаном нефти, а вот, если вода будет вонючая, это плохо.

Сегодня вечером у меня заседание Красного Креста. Собираем второй отряд. Олсуфьев телеграфировал, что у них уже 190 раненых и много работы.

Что это за желудок у Адиньки. Христос с Тобою, ангел Ты мой, крепко, крепко целую и люблю.

Вышеславцев[1] действительно б[ывший] уездный, желтоватый, порядочный и хотел рекомендовать англичанку.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 86–87об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Вышеславцев** Иван Михайлович – действительный статский советник, в 1901 г. почетный мировой судья Кобринского уезда Гродненской губернии, предводитель дворянства Пружанского уезда Гродненской губернии. С 13 мая 1904 г. до 15 декабря 1906 г. губернский предводитель дворянства Гродненской губернии.

Письмо О.Б. Столыпиной

19 июня 1904 г.

19-го июня 1904 г., Саратов

Счастие мое, сегодня суббота, нет докладов, все, кажется, обитатели Саратова разъехались по дачам и мне особенно как-то одиноко, недостает Тебя...

Вчера вечером было заседание Красного Креста. Сегодня утром смотрел юрты, а потом весь день до обеда работал над всеподдан[нейшим] отчетом, но в жару работа не клеится. Я, впрочем, не могу пожаловаться на погоду – жара сносная и, главное, часто дожди, так что нет пыли и мошки. Сегодня вечером поеду в Вакуровский парк (около института), а потом приму ванну. Хотел взять с собою Оболенского, или Бреверна, но они все поеха-

ли к Кноллям на дачу, а Контрим, счастливец, уехал в Ковенскую губернию. Не напугал ли я Тебя телеграммою? Но хотел, чтобы аккуратно он доставил письмо и ливрею новому лакею. Так досадно, что Матя не дала Wick ковенского адреса. С этою перепискою через Саратов она может остаться без комнаты.

Ты пишешь про свой сон. Не душа Твоя не готова для смерти, а шесть маленьких душ на Твоем попечении и забота, чтобы души эти не погасли. А маленький душенька со своими башмачками меня приводит в восторг. Но он растет и мне хочется еще одного, совсем маленького!

Котинька, меня осаждают бедные и я не умею в них разбираться, это Ваш департамент.

5-го июля я предполагаю выехать в Саратовский и Вольский уезды и вернуться 12-го. А затем около 18–19 предполагаю выехать в Чулпановку, где буду 21 или 22-го. Выеду 27-го. В Акшино приеду 29-го, оттуда выеду 1-го, в Петербурге буду 3-го и около 6-го или 7-го августа буду в Ваших объятиях.

Пробуду с Вами месяц, а затем вам без меня больше месяца нельзя будет остаться, чтобы до холода приехать в Саратов, числа к 10 октября. Это уже короткая разлука, так что в начале августа конец моим страданиям, лишь бы Господь привел всех вас, дорогие, найти в добром здоровье.

Можно ли с ессентуками ягоды?

У нас земляники нет, но и Виктория пока прекрасно на меня действует.

Любящий Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 88–89об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

20 июня 1904 г.

20 июня 1904 г., Саратов

Олинька моя хорошая, здравствуйте.

Мне без Тебя так тяжело и временами тоскливо ужасно. Вчера как-то вечер был такой тяжелый перед грозою, я поехал гулять в Вакуровский парк – ни души знакомой, только из-за каждого куста вытягиваются городовые и пристава. Отвращение. Потом приехал полициймейстер и я с ним пил там чай. Сегодня воздух легче – каждый день дожди, так что пыли нет, особенно жа-

ловаться нельзя, мошки тоже нет. Вчера после прогулки принимал ванну. Сегодня воскресенье, днем сижу, пишу всепод[даннейший] отчет, а вечером поеду с исправником смотреть дорогу на Кумысную поляну, на которую жалуются дачники – c'est un but de promenade*.

Днем я заехал к Розенталь, которая остается тут до 1-го июля и приглашала запросто вечером. Я с этою целью и был у нее, так как одиночество очень тяжело. Там был Юматов, и я сказал им, что надо как-нибудь вечером всем вместе поехать в Вакурский парк. Они очень рады.

Сегодня получено тут известие о скоропостижной кончине в Петербурге кн. Мещерского[1] (бывшего губернатора). Его очень жалеет Зацвилиховский[2].

Ман получил шоколад из Швейцарии и я на днях пошлю Тебе по почте несколько фунтов. Так хочется хоть что-нибудь приятное Вам сделать, сладкая моя.

Как я счастлив удаче Дмитриевой и, как и Ты, боюсь сглазить. Ведь для наших девочек, у которых у всех золотые сердечки, нужна только привычка к порядку и некоторая дисциплина. Ты мало мне про них пишешь. Как они себя ведут? Прилежны ли? Теперь летом утомляться им не надо. Андрианов говорил, что они во время экзамена были, видимо, очень нервно напряжены.

Сегодня Ты грустна – завтра едет Матя, драгоценное наше сокровище. А я рад, что она в начале августа вернется и я с нею вместе буду в Колноберже.

Сегодня напишу Саше, не найдет ли он мебель и люстры в Петербурге? В Москве так дорого, что не решаюсь заказывать. Напиши, была ли разбита совсем доска на стеклянном мамашином столе (теперь она в мелкие куски). Меня мучает, что я заставляю железную дорогу делать новую доску без их вины.

Христос с Тобою, дорогая, милая.

Люблю.

Что же Стуки? Наверное, расстроится, так как Абрамович и доверенности не прислал.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 90–91об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Мещерский** Борис Борисович (1850–1904) – князь, шталмейстер, действительный статский советник, почетный опекун. В 1889–1891 гг. полтавский гу-

* это – цель прогулки (франц.).

бернский предводитель дворянства. С 20 декабря 1891 г. до 29 апреля 1901 г. саратовский губернатор, затем попечитель С.-Петербургских и Царскосельской гимназий. Почетный член губернского Статистического комитета.

[2] **Зацвилиховский** Феликс Юлианович – коллежский советник, саратовский полицмейстер.

Письмо О.Б. Столыпиной

21 июня 1904 г.

21 июня 1904 г., Саратов

Милая, дорогая, бесценная, обожаемая. Ты такие ласковые, милые письма пишешь. Когда я их читаю, то чувствую приливы глубокой любви. Счастлива ли вся Твоя жизнь? Так хотелось бы сделать Тебе рай на земле. А вот сегодня Ты грустна и, наверное, плакала, так как уехала наше сокровище Матя. Пошли Господь ей улучшение. Неужели ничего, ничего нельзя сделать для ее уха. У меня все еще искра надежды на этот вибрационный массаж. Почему-то предчувствие, что этот Браун ей будет полезен. Я Галлеру скажу заготовить ему письмо.

Про Перль можно сказать, главным образом, *дура*. Если кто ищет к своим детям глупую индюшку, то пусть берет ее.

Боюсь, чтобы Ты не упустила эту Уйлер. Так далеко, так долго идут письма, надо бы скорее ей выслать деньги.

Сегодня выслал Тебе 4 фунта шоколада от Мана, только что им полученного из Швейцарии. Кушай на здоровье, Ты его любишь. Я тоже совсем не знаю, что делается на Арбате. Выслал деньги, получил от Мимы благодарственную телеграмму, а затем шварниш*...

Вещи не пропадут, и, наверное, братья сделают все аккуратно и справедливо.

Читал сегодня в газетах, что Мима приехал в Петербург. Кто у Тебя вместо Александры?

Сегодня была в канцелярии панихида по Мещерскому, а завтра в присутствии перед заседанием. В один год уже второго саратов[ского] губернатора хоронят. А мне приходится не только поправлять их ошибки, но еще в жару молиться за них. Два еще живы – Галкин и Косич. А в Гродне за Зурова[1] молился.

Сегодня мерзко, весь день сижу дома. Часов в 9 пойду побродить по улицам.

---

* возможно, имеется в виду «es war nichts» (нем.) – «ничего не было» (в произношении на юж.-нем. диалекте).

Ровно через 2 недели выеду во вторую поездку, в Саратовский и Вольский уезды. В будущее воскресенье, быть может, уеду на 2 дня по Волге проревизовать одного земского начальника, чтобы не быть в Саратове во вторник 29-го[2].

Теперь через 5 недель, дай Бог, испытаю полнейшее счастье, свидание с Тобою.

Ара Сипягина[3] пишет, просит помочь Сызранскому складу и говорит, что М. Кристи взывает к Твоей старой дружбе. Твой

Благодарю Лилишона за ее миленькое письмецо. Целую ее паиньку и всех детишек.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 92–93.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 101.

[1] Зуров Александр Елпидифорович – генерал-майор свиты Его Императорского Величества, с 15 июля 1870 г. до 19 мая 1878 г. гродненский губернатор.

[2] 29 июня (12 июля н.ст.) – день Петра и Павла, именины П.А. Столыпина.

[3] Сипягина Александра Павловна (1855–1928) – урожденная княжна Вяземская, жена министра внутренних дел Д.С. Сипягина.

Письмо О.Б. Столыпиной

22 июня 1904 г.

22 июня 1904 г., Саратов

Ангелочек мой. Сейчас отправил Тебе телеграмму про Стуки: дело в том, что изложение Штраухмана не ясно. Ранее Абрамович писал мне, что Гружевский хочет, чтобы я выкупил имение из Банка и заплатил ему наличными, а если я хочу сохранить долг Банка (а я, конечно, хочу), то должен доплатить ему еще 2000 рублей – разницу на курсе банковских облигаций. Теперь он берет себе весь урожай, т. е. чистый доход за год и назначает те же 36 500 р[уб]. Я поэтому и полагаю, что он уже не настаивает на 2 т[ыс]. рублей курсовой разницы. Это было бы слишком жирно! Но во избежание недоразумений я телеграфировал.

Штраухман также не пишет, если продажа состоится 1 ноября, кто внесет полугодовой платеж в банк 1 июля, он или я. До какого срока он уплатит повинности, страховые, жалованье работникам. Все это очень важно – les affaires sont les affaires*.

* дела есть дела (франц.).

Я бы очень хотел купить Стуки, но не быть в дураках и, главное, найти хорошего арендатора – не менее 2200 р[уб]. в год. Дешевле уже дело станет невыгодно.

Олинька, Ты все жалуешься, что нет писем, а я пишу ежедневно. Вот если в субботу поеду на 2 дня на ревизию по Волге, то опять письма станут эти дни неаккуратны. Как неприятны эти постоянные холода в Колноберже – вот бы вам здешнее солнце.

А я, Олинька, поскорее бы к Тебе. Я уже послал просьбу министру в конце июля приехать в Петербург. Сегодня было судебное заседание губ[ернского] присутствия, а перед этим опять панихида по Мещерскому. Вчера вечером гулял по улицам, но так вспотел, что сегодня уже не пойду. Зато завтра вечером условился в парке Вакурове встретиться с В.А. Розенталь и Юматовым. Завтра буду завтракать в кухонной школе с Кноллем, т. к. Масленниковой нет и жалуются на то, что медленно подают. Пишу всепод[даннейший] отчет, но как-то не клеится.

Люблю Тебя, люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 94–95об.
Рукопись. Подлинник, Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 101–102.

Письмо О.Б. Столыпиной

23 июня 1904 г.

23 июня 1904 г., [Саратов]

Милый мой кот-мурлыка, сегодня раскрываю Твой конверт и в глаза бросается подпись – уважающая Вас О. Столыпина. Вот, думаю, шутница. Оборачиваю, вижу «Мног[оуважаемая] Антонина Васильевна». Не заметил на конверте «для передачи». Сейчас же запечатал в другой конверт и послал Твоей подружке. Был очень грустен, что нет письма, распечатываю банальные конверты и вдруг – почерк Кота! Конверт был написан Наташею (я и не распечатывал, думал прошение). Последнюю благодарю за милое письмецо, очень хорошо написанное. Меня очень интересует ее сорока. Как она ладит с дружком? Скоро будет целый Ноев ковчег.

Письмо Абрамовича выяснило мне, что Гружевский отказался от разницы на курсе, если условия его приемлемы. Я сейчас же послал Тебе телеграмму, а ему завтра переведу 1000 рублей. Из прилагаемого письма Анны я вижу, что все имущество арбатское поделено. Что же досталось Тебе?

Если что из мебели, то напиши – может быть, меньше покупать сюда в гостиную и в залу.

Сегодня я завтракал в Твоей кухонной школе с Кноллем и Оболенским. Я поехал, т. к. Бреверн жаловался, что там все хуже, а Петров даже намекает, что Флеровская наживается. Однако я нашел, что обед очень хороший и сытный, безупречная чистота, хотя в этот день неожиданно обедало 30 кадет-экскурсантов. Одно только, что ужасно, долго служат и девочки уж очень малы. Когда приедешь, все la famille* поедем как-нибудь завтракать туда. Обедающих от 80 до 120 ч[еловек]. Хватит ли у Тебя денег до моего приезда? Сегодня Цинк мне прислал 650 р[уб]. и от Анны 1000 рублей.

Меня обрадовала телеграммы Мати из Эльстера, подписанная Alalia. Жара сегодня прямо тропическая. В субботу парохода нет, так что выеду в воскресенье вечером и во вторник вечером вернусь – обревизую 2 земских начальников.

Люблю, дорогая моя.

Я получил письмо от Бирюковича[1] из Ялты, просит рекомендовать его в Ялтинскую губернию, так как у него развился туберкулез. Я сейчас же написал горячую рекомендацию.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 96–97об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 102.

[1] **Бирюкович** Александр Александрович – с 1897 г. преподаватель русской словесности и языка в ковенской женской гимназии.

Письмо О.Б. Столыпиной

24 июня 1904 г.

24 июня 1904 г., [Саратов]

Дутик, сегодня только 2 слова. Дело в том, что жара до того сильная, что я сижу в комнате в одной рубашке и весь мокрый. Поэтому я решил сегодня вечером подышать в лесу свежим воздухом и еду с Оболенским и Бреверном на дачу к Кноллю. Теперь уже 7 $^{1}/_{4}$ и хочется засветло еще там погулять.

Вчера вечером сидел на балконе у В.А. Розенталь. Она очень милая и гостеприимная. Она Тебе кланяется и З.Ф. Корбутовская[1],

---

* всей семьей (франц.).

у которой в деревне скарлатина и она увезла оттуда детей и проездом была здесь.

Котинский, *непременно* закажи платье Херзе. Ich will*. От Винавер письма тут не было.

Отчего Ты хочешь продавать Анне шлейф en point d'Angleterre**. У Тебя так мало кружев хороших и 5 дочерей. А бархат без отделки никто не купит. Тем более Анна подумает, что Ты просишь одолжение. Вот и Алеша что-то дарит Тебе. А ведь мы с Тобою предпочитаем сами дарить.

Ты мне послала целый список вещей, присужденных Тебе почерком Анны. Я ведь не знаю же et c'est du latin***.

Может быть эти стулья, кровати и т. д. годятся в комнату для гостей. Я, впрочем, предвижу, что Мима будет просить продать ему столовую pour ne pas de'garnir**** львовскую квартиру.

Получил открытое [письмо] от Мати из Вержболова. Спасибо Веревкину.

Через Сарат[овскую] губернию проезжает (хотя ночью) в Пензу и Самару дважды, 28 июня и 1-го июля Государь, и вместо Камышина придется ехать, торчать в Кузнецке 3 дня. Скучно. Саша телеграфирует, что скоро проедет через Саратов в Кузнецк.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 98–99об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Корбутовская Зинаида Францевна – дворянка, председательница правления Общества попечения о нуждающихся ученицах саратовской Мариинской женской гимназии, заведующая Прибежищем убогих, входила в саратовское Дамское попечительство о бедных.

Письмо О.Б. Столыпиной

25 июня 1904 г.

25 июня 1904 г., Саратов

Олинька, сегодня вечером неожиданно выезжаю в Кузнецк и вернусь только вечером 2-го июля. Оказывается, 28-го Государь проедет через Кузнецк и там будет стоять 10 минут, принимать депутации дворянства, земства, города, крестьян. Мне надо сопро-

---

* Я хочу (нем.).
** из английского кружева (франц.).
*** это по латыни (франц.).
**** чтобы не обставлять (франц.).

вождать его эти несколько часов, которые он проведет в губернии, а затем ждать в Кузнецке его возвращения и сопровождать его в поезде целую ночь, которую он проедет через губернию из Пензы в Тамбов (задевает Сердобский уезд). Я выезжаю вперед, чтобы все устроить и, главное, организовать охрану, так как охраны войсками по линии не будет – Государь отменил.

Меня всю ночь сегодня будили шифрованными телеграммами.

Теперь я опять без писем от Тебя, т. е. с опозданием. Ангел, так без Тебя мне тоскливо. Дуся, я всю мебель, если успею, осмотрю в Москве.

Паспорт Вацлава вышлю, а Александры нет.

Вчера вечером был на даче у Кноллей и ходил по лесу – очень приятно.

Я не понял вчера, что это опись мебели *нижнего* этажа.

Конечно, там отлично можно поставить часть в комнату для гостей, часть к Мате.

Целую, все мешают. Люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 100–101об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 102–103.

Письмо О.Б. Столыпиной

26 июня 1904 г.

26 июня 1904 г., Кузнецк

Вот я и в Кузнецке, дорогая моя голубка. Такие дела: целая ночь в вагоне, а потом до 4 часов дня, почти столько же езды, сколько до Москвы. Через Пензу ведь приходится ехать. В Пензу поезд опоздал, так что я не успел заехать к губернатору, а только говорил с ним по телефону по некоторым вопросам.

Сначала приказано было ехать в поезде с Государем, потом это отменено за недостатком места и предоставлено встретить по своему усмотрению на одной из станций. Я, конечно, выбрал Кузнецк, где буду представлять Государю депутации. Тут в этом трудность громадная – все хотят попасть в депутацию. Даже дамы чуть ли не дерутся. А я всех пустить не могу. Я приказал выбрать депутацию от Думы, а они выбрали сами себя – всю Думу. Все, мол, хотим царя видеть, это раз в сто лет!

Вокзал тесен, гадок. Надеюсь, что все пройдет хорошо. А потом мне тут 3 дня жить, ждать обратного проезда.

Государь разрешил поднесение хлеба-соли, но не на серебряных блюдах, а деревянных нет; не успеют сделать и за деревянные готовы заплатить дороже, чем за серебряные.

Тут на пути в Сибирь военное оживление громадное. Все войска, войска и войска.

Прощай, моя голубка. Идет исправник. Целую крепко, а люблю еще крепче.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 102–103.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 103.

Письмо О.Б. Столыпиной

27 июня 1904 г.

27 июня 1904 г., Кузнецк

Бесценный ангел, Ты, конечно, не удивляешься, что пишу Тебе короткие письма, но тут из-за 10 минут остановки суета неописуемая. Все хотят видеть царя и осаждают меня. Хотя допускаются только депутации, но как отказывать людям, которые никогда Государя в жизни не увидят?

Тут город старообрядцев и патриотов, и они вне себя от радости, что на долю Кузнецка выпало счастье видеть царя.

Железнодорожное начальство не хотело было допустить декорировать станцию, но она тут так грязна и неприветлива, что я приказал построить павильоны. Хотели депутации поставить в грязном багажном зале. Одно беда – это ежедневные дожди, которые могут все испортить.

Сегодня воскресенье, был у обедни, бесконечно длинной.

Обедать буду у предводителя – Страхов[1], вновь избранный, Ты его не знаешь.

Послезавтра, после проезда, город мне дает обед. Я поставил условие, чтобы, ввиду войны, все было как можно скромнее. А вечером любительский спектакль здешнего драматического кружка.

Дамы очень волнуются туалетами для представления. Думали, что нужно быть исключительно в белом, и очень рады были, когда я сказал, что можно вообще в светлых платьях. Дамы представляются как депутация Красного Креста.

Так грустно без писем от Тебя. Христос с Тобою, любовь моя бесценная.

Люблю Тебя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 104–105об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. - 1993. – № 13. – С. 103.

[1] **Страхов Ипполит Иванович — титулярный советник, уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья, депутат от уездного дворянства в Саратовском дворянском депутатском собрании, гласный уездного земского собрания, старшина Общественного собрания от Кузнецкого уезда.**

Письмо О.Б. Столыпиной

28 июня 1904 г.

28 июня 1904 г., [Кузнецк]*

Дуду милая, только что проводил Государя и усталый пишу Тебе. Все обошлось прекрасно, но сколько для этих 10 минут тревог и приготовлений. Во-первых, управление железной дороги во всем, насколько могло, мешало мне: не хотели строить павильона и затем хотели запретить строить городу. Тут, по выражению П.Н. Давыдова[1], я сказал крепкое слово и насильно велел строить павильон, который в течение ½ дня вышел отличный. А железнодорожники даже метлы не хотели дать, чтобы подмести. Потом весь город хотел быть на вокзале, и меня осаждали с утра. Я выставил вдоль всего дебаркадера 400 человек школьников всех городских школ и девочек женской прогимназии. Дети были с флагами. Речи говорили Мельников, А.Д. Юматов (от земства), городской голова, но лучше всех сказал волостной старшина, которому я велел самому придумать слово и разрешил сказать, как он умеет. Он сказал: Прими, Ваше Величество, хлеб-соль от своих крестьян, не тужи, Царь-батюшка, мы все за Тебя.

Я сделал несколько счастливых, особенно одну даму, m-me Билетову, которая много работает для Красного Креста и которую я особенно рекомендовал, так что Государь подал ей руку и долго расспрашивал и сказал, что доложит своей матушке о деятельности Кузнецкого Красного Креста. Также и с женою уездного предводителя он сказал несколько слов.

Кажется, мысль поставить школьников имела успех, так как Государь, по моей просьбе, всех их обошел, разговаривал со многими учителями, сказал мне, что я отлично сделал, что разрешил им встретить его. Он среди крестьян узнал одного бывшего семеновца-конвойного, сказал, что помнит, что ходил с ним на съемку, но что он тогда был без бороды. Крестьяне в восторге. Вообще, кажется, все хорошо, и Государь, видимо, был доволен.

---

* Написано в письме «Саратов», но рукою О.Б.Столыпиной исправлено на «Кузнецк».

В поезде Котька Оболенский, который сказал мне, что пошлет телеграмму мне, если Государь разрешит мне не ждать его обратного проезда и ехать в Саратов. Тоже едет моряк Гейден[2]. Иду сейчас обедать в клубный сад. Предводители все разъехались, и город опустел.

Люблю, люблю.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 106–107об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 103–104.

[1] **Давыдов** Петр Николаевич – в звании камер-юнкера, отставной гвардии штабс-капитан, хвалынский уездный предводитель дворянства, гласный уездного земского собрания. Председатель правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Хвалынске, председатель правления Общества потребителей в Хвалынском уезде.

[2] Александр Федорович **Гейден**. См. прим. к письму от 15 марта 1903 г. (раздел II).

Письмо О.Б. Столыпиной

29 июня 1904 г.

29 июня 1904 г., Кузнецк

Дорогой ангел, сейчас отстоял обедню, а затем пришла депутация от города – принесли громадный именинный пирог. Все еще восторг от проезда Государя не прошел. Народ стоял на несколько верст по пути и кричал «ура», а Государь у окна кланялся. Сегодня обед от города. Я просил самый скромный, но они просят разрешение [на] музыку, и я разрешил, так как будем пить за Царя. О том, что монархические чувства тут сильны, можешь судить по тому, что г-жа Билетова после рукопожатия Государя сейчас же надела перчатку, чтобы как можно дольше не мыть руки, а к жене предводителя подошел студент, прося поцеловать руку, которую пожал Государь. Если бы Государь проехал даже по Балашовскому уезду, он увидел бы, что народ в огромном большинстве царелюбив и самоотверженно предан.

Сегодня после городского обеда спектакль драматического кружка. Оживление и приподнятое настроение необычайное.

Вчера я был утешен Твоими двумя письмами в день отъезда Мати. Такие грустные. Ты все не спишь и нервна. Девочки тоже нервные – это хорошо, что они так любят свою сестру, но меня смущает, что и две маленькие такие нервные и ночью не спят,

а плачут. Как можешь Ты думать, что я посылаю Тебе Аннины письма, чтоб изводить. Ведь я все письма Тебе посылаю. Вот опять прилагаю ее открытое. Я Тебя так нежно люблю, так хотел бы теперь особенно утешить Тебя теплою ласкою. Так к Тебе тянет.

Тут совсем другой климат, чем в Саратове: погода свежая, дожди, гораздо легче дышится, и я сплю. В Саратове ночью душно, и не спится.

Сегодня уже несколько поздравительных телеграмм из Саратова. Не поспеваю только со всеподданнейшим отчетом. Если кончу его до поездки по губернии, которая назначена 5-го июля, то надеюсь выехать из Саратова числа 17-го, как и предполагал.

Целую Тебя, моя доброта и любовь, скоро теперь будет счастье увидеть Тебя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 108–109об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 104.

Письмо О.Б. Столыпиной

30 июня 1904 г.

30 июня 1904 г., Кузнецк

Дудуся моя ненаглядная, должен Тебе признаться, что Кузнецк – j'en ai assez*, несмотря на радушие и приветливость жителей. Посидишь тут целую неделю, потеря времени для того, чтобы при обратном проезде простоять на пустой платформе в парадной форме 10 минут и никого не видеть, т. к. Государь будет уже, наверное, отдыхать, это тяжко. А в Саратове накапливаются дела, управляет губерниею Козлов[1], и боюсь, что и поездка по губернии не успеется и все спутается.

Тут не успеваю заниматься, все просят осматривать разные учреждения, кое-что надо кстати и поревизовать – так день и проходит. Вчера в мою честь обед (36 человек), потом спектакль. Ложу мою украсили коврами, и перед спектаклем играли гимн и шумно требовали три раза повторения.

Любители играют недурно, только драма уж больно страшная. Со мною в ложе сидели предводитель и предводительша. Она [–] рожденная Иконникова-Галицкая. Ты отца видела у нас на земском обеде. Надоело мне также ежедневное шампанское.

---

* здесь: мне надоел (франц.).

Два дня меня кормил предводитель, сегодня хочу их пригласить в клуб в саду, а то неловко все на шермака.

Ты не пишешь, как Адина экзема? Неужели не прошла? Когда же этот кругленький начнет ползать? Он, кажется, лентюшка ужасный. По-моему отнимать его рано.

Наш второй отряд назначен к выступлению 26 июля[2]. Я, вероятно, уеду раньше – пусть Гаврюша его отправляет. Старшею сестрою поедет Александрова – сестра той, которая уехала старшею в первом отряде.

Тут холод и ветер страшный. Хлобощин, которому я поручил искать мебель в Петербурге, пишет, что найдет дешево и хорошо. Посмотрим.

Вчера тут получил много телеграмм. Между прочим, от Гермогена. Сейчас иду смотреть вольно-пожарную команду, потом винный склад, тюрьму, потом полицейское правление, потом 2 визита, потом обедать, а затем вечер надеюсь спокойно просидеть за всеподданнейшим отчетом. Завтра в 9 ½ ч[ас]. проезжает Государь, а вслед за ним часов в 12 ночи и я надеюсь выехать, а в пятницу вечером буду, наконец, дома.

Христос с Тобою, моя Олинька, жди меня, скоро приеду. Голубка, храни Тебя Господь, не уставай. Люблю Тебя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 110–111об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 104–105.

[1] **Козлов** Владимир Михайлович – действительный статский советник, начальник Саратовского управления земледелия и государственных имуществ, член Лесоохранительного комитета: заведующий делопроизводством, начальник управления земельных и государственных имуществ.

[2] Первый отряд Российского общества Красного Креста, сформированный в Саратове, был отправлен на Дальний Восток весной 1904 года.

Письмо О.Б. Столыпиной

1 июля 1904 г.

1-го июля 1904 г., Кузнецк

Милая дутя, сегодня вечером провожу Царя и час спустя уезжаю, хотя поезда не сходятся и где-то в Пензе, или Ртищево придется сидеть 12 часов, но надеюсь, что какой-нибудь локомотив довезет сегодня письма от Тебя, Мати и длиннейшее на 8 больших листах от Олсуфьева. Я Тебе перешлю – интересно.

Матя пишет очень мило и так по Тебе скучает. Я рад, что она лечится.

Что это Арулька со своим животиком. Мне жалко, что я не вижу Адиньку, пока еще он так мил.

Я получил разрешение министра в конце июля быть в Петербурге. А потом... Что потом?

Сегодня был на открытии гор[одского] банка с длиннейшим молебном. Теперь буду обедать с couple* Страхов а затем на вокзал пильновать**. Мне кажется, что с приездом в Саратов я брибри*** к Тебе.

Сегодня я поработал над всепод[даннейшим] отчетом и надеюсь, что он меня в Саратове не задержит.

Целую Тебя, моя ненаглядная, далекая, хочется к Тебе.

Тут стужа и дожди.

Люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 112–113об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

2 июля 1904 г.

2 июля 1904 г., Саратов

Дутик мой Олинька, сегодня вернулся из Кузнецка и нашел три вкуснейших Твоих письма. Приехал я на несколько часов раньше, чем думал, так как в Кузнецке неожиданно мне было приказано сесть в царский поезд, так как Государю угодно меня принять. Эффект на станции был полный, а Бреверн и Казимир, которых я взял с собою, были в упоении. Казимир всю ночь бродил по поезду, а Бреверн похудел от счастья. C'est une amabilité, de Котя Оболенский, qui a arrangé cette affaire avec l'Empereur. L'Empereur lui a dit, que' il etait très content de me voiturer et de me revoir****.

Он меня принял одного в своем кабинете, и я никогда не видел его таким разговорчивым. Он меня обворожил своею лас-

---

* четой (франц.).

** пиль – междометие охот., приказание собаке броситься на дичь.

*** очевидно, марш-марш.

**** Было очень любезно со стороны Коти Оболенского устроить дело с императором. Император сказал ему, что был бы очень рад подвезти меня и вновь увидеться со мною (франц.).

кою. Расспрашивал про крестьян, про земельный вопрос, про трудность управления. Обращался ко мне, например, так: «Ответьте мне, Столыпин, совершенно откровенно». Поездкою своею он очень доволен и сказал: «Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России». Но всего в письме и не напишешь. В заключение Государь мне сказал: «Вы помните, когда я Вас отправлял в Саратовскую губернию, то сказал Вам, что даю Вам эту губернию «поправить», а теперь говорю – продолжайте действовать так же твердо, разумно и спокойно, как до сего времени». Затем совершенно серьезно он обещал мне приехать в Саратовскую губернию и в Балашовский уезд (!!). Он отлично помнил, что старшина сказал ему – «Не тужи, Царь-батюшка».

Вообще эта аудиенция мне будет настолько же памятна, насколько была неожиданна. На всех станциях, где были встречные эшелоны, идущие на войну, Государь даже поздно вечером выходил и говорил с солдатами.

В Кузнецке настолько же ко мне теплы, насколько холодны в Саратове.

Я должен был сняться с дамами Красного Креста, а предводительша поднесла мне маленький золотой жетон в память памятных дней. Был для меня и букет, но когда узнали, что я еду с Царем, то просили отдать Царю. Я через гр[афа] Гейдена водворил букет в салон Царя и послал об этом телеграмму в Кузнецк. Я уверен, что телеграмма эта будет в рамке. Вечером пил чай с Гейденом и Котькою. Неприятно только разговор Коти про Сашу. У него, видимо, нелады с Ухтомским[1], да и Плеве, кажется, потребовал его ухода. Кажется, он накануне отставки и будто бы хочет перейти в «Новое время». Все это грустно, впрочем, скоро его увижу. Сюда приехал со мною Стремоухов[2] (нач[альник] Гл[авного] тюр[емного] управления). Завтра он обедает у меня сам-три. Тут 21 поздравит[ельная] телеграмма к 29-ому и милое письмо от моей милой девочки Мати. Прощай, сладкая моя прелесть, люблю Тебя и хочу к Тебе.

Сегодня приехал Нессельроде, просит ночевать у него в Царевщине во время ревизии.

Дутя, подробности аудиенции только *для Тебя*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 114–115об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 105.

[1] В 1904 г. младший брат П.А. Столыпина — Александр Столыпин покинул редакцию газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (издатель — Э.Э. Ухтомский) и перешел в «Новое время».

Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921) — князь, служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, изучал буддийские народы Сибири и Средней Азии, председатель правления Русско-Китайского банка Китайско-Восточной железной дороги, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» (1896—1917).

[2] **Стремоухов** Андрей Михайлович — действительный статский советник, начальник Главного тюремного управления, член консультационного совета Министерства юстиции.

Письмо О.Б. Столыпиной

3 июля 1904 г.

3 июля 1904 г., [Саратов]

Милая, я пишу Тебе 2 слова, так как сегодня меня замотали. Прием кончился в 3 часа. Потом холерная комиссия (боятся заноса холеры из Персии), потом заседание тюремное со Стремоуховым. Оно кончилось в 8 ч[ас]. вечера. Потом мы обедали, а в 9 ч[ас]. пришел Бреверн с бумагами Красного Креста и я взял его покататься, а теперь 11 часов.

Получил письмо от Матиньки: она, бедненькая, скучает. Не могу поймать Галлера. Я ей прямо перешлю письмо Галлера к венскому профессору и если доктор Наташи Жеребцовой откажется вести ее к Брауну, то пусть ведет ее к Урбанчичу. Без чичероне* ей слишком трудно толкнуться к профессору. Напиши Наташе Жеребцовой.

Сегодня появилась Булгак. Она завтра, в воскресенье, у меня обедает. Столько накопилось дела, что уезжаю не в понедельник, а в среду. Прощай, драгоценная, устал.

Целую, люблю, хочу к Тебе.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 116–117.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 июля 1904 г.

4-го июля 1904 г., Саратов

Дутя, если я Тебе коротко пишу, то виною Булгак, которая пришла в 5 $^1/_2$ ч[ас]., обедала и только что ушла, а теперь 9 ч[ас].

---

* проводник (от итал. cicerone).

Говорила, говорила без конца. А в 10 ч[ас]. придет архиерей, опять жаловаться на купцов – на него гонения.

Как это ты говоришь, что я считаю Тебя попрошайкою. Я сам попрошайка Вашей любви.

Чтобы не обедать одному с Булгак, я позвал Оболенского, т. к. она любила его брата.

Дутя, я думаю довольно одно серое платье и блузу.

Я так люблю, когда Ты нарядна и красива.

Я думаю мамашины шкапы, если они великолепны, взять в Саратов.

Завтра переводом пошлю Тебе 200 рублей. Сегодня кончил всеподдан[нейший] отчет, завтра и послезавтра целые дни заседания, а в среду с утра уеду, если только вернется Гаврюша. Его что-то нет, а уже срок явиться.

Как хочется 17-го выехать в Чулпановку! Лишь бы вырваться – дел выше головы. Кажется, никогда не переделаешь.

Прощай, дутя, писать не хочется, а хочется Тебя.

Люблю, люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 118–119об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

5 июля 1904 г.

5-го июля 1904 г., Саратов

Олинька моя, чудная Олинька, неделю писать, а хочется прижать Тебя к своему сердцу и чувствовать биение Твоего сердца.

Да и писать «нет когда». Вот уж второй день я совсем не выхожу, если не считать, что доехал до присутствия и назад. После отлучки по два заседания ежедневно и даже не успел посмотреть в комоде и столе бижуты детей. Обещаю одеяло Аде, вату и бижуты посмотреть сегодня.

Я наконец поймал Галлера, и он написал неизвестному профессору о Матиной болезни, а я пошлю Мате. Саша телеграфирует, что ждет в Крутце. Уваров тоже телеграфирует, прося остановиться у него в Вольском уезде, но я к желтой опасности не поеду.

Получили ли 200 р[уб].?

Посылаю Тебе завтра заказным письмо Олсуфьева. Напиши ему, мне некогда. А он Тебя любит и целует.

Из поздравителей никому не ответил.

Меня сердит Казимир и повар. Первый до того изленился, что, когда я вечером прихожу спать, постель еще не сделана и не вылито. Когда Стремоухов обедал, он соус от рыбы второй раз подал к котлетам и когда заметил ошибку, то котлетный соус вылил в ведро. А повар пишет счет в 16 р[уб]., когда обедают 3 человека. Пора Тебе приехать.

Люблю, целую.

Булгак в августе приедет в Колноберже.

Ваш

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 120–121об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

6 июля 1904 г.

6-го июля 1904 г., Саратов

Дутик, детские бижуты оч[ень] хорошо уложены в правом комоде. Привезти их, или нет? Привезти ли мамашины серьги и проч[ие] ее бижуты?

Сегодня получил от Абрамовича запродажную на Стуки. Итак, имение куплено! Мне кажется, que c'est une bonne acquisition*. Я очень доволен. Что говорит Пэтр Мил.?

Адрес Чулпановки: Чистополь. Через Старо-Максимкинское вол[остное] правление в Чулпановку.

Телеграмма: Чистополь, почтою Чулпановку. Тогда она придет через 3 дня и нарочному не платить.

Я посылаю Тебе по почте мой большой портрет, поднесенный мне фотографом. Так как он не принял денег, то пришлось заказать еще 3. Вложил в ящик еще группу кузнецких дам Красного Креста со мною и всех кузнецких деятелей, чествовавших меня обедом.

Бутя моя, как Ты сомневаешься насчет шифоньерок, имея столько девочек-подростков – их надо в Саратов. Также и гардеробы, если они великолепны, а наши дрянные отдать в людские.

Адрес Петерсона: Петербург. Управление градоначальника. Секретарю градоначальника (они и к именинам мне телеграфировали – я никому не ответил).

---

* это удачное приобретение (франц.).

Афонский? Бог с ним. Я Казимиру отдал жалованье, а Ты отдала Поле. Он просит тогда зачесть за 1 августа. Ты просишь теперь 300 р[уб]., а я послал всего 200 р[уб]. Нужно ли еще?

Адюша меня обрадовал, сказав «Папа». Целую его рожицу.

Я Мате сегодня посылаю письмо Галлера к венскому профессору. Если д[октор] Наташи Жеребцовой не согласен найти Брауна, которого все знают, то пусть ведет к Урбанчичу. Но без чичероне нельзя.

Завтра уезжаю на неделю в 9 утра. Опять без писем.

Люблю, Твой

В прилагаемом маршруте все надо отодвинуть на 2 дня, т. к. вместо 5-го выехал 7-го. Пиши все в Саратов.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 122–123об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

7 июля 1904 г.

7-го июля 1904 г., Елшанка

Олинька моя ненаглядная. Приехал после первого дня ревизии, на ночлег на хутор Машеньки Катковой. Я устал и пишу лишь два слова, но в деревне всегда усталость приятная и какая-то здоровая. Выехал на пароходе, на котором проехал 40 верст, а затем уже держал путь на лошадях. Обревизовал 2 волостных правления и 1 земского начальника. Погода приятная, не душно и с умилением думаю про постель. Приятно везде видеть надежды на хороший урожай.

Грустно мне лишь без писем от Тебя. Послезавтра получу в Базарном Карабулаке.

Целую Тебя, обожание мое, всегда как-то тревожно без известий.

Люблю.

Кнолль заставил меня разорвать конверт, чтобы дописать, что он вчера ездил в богадельню и в Хрисанф[ское] убежище и что ремонт будет сделан чистый и приличный без архитекторов в первом учреждении за 100 р[уб]., а во втором за 150 р[уб]. хозяйственным способом, без архитекторов. Он говорит, что Ты будешь довольна, но что ничего не придется устраивать — денег хватит. Послал ли Тебе Петров к подписи бумагу с требованием

обычной субсидии от города. Это необходимо от них заплатить поскорее.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 124–124об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

10 июля 1904 г.

10-го июля 1904 г., Крутец

Душка ненаглядная. Наконец сегодня приятный ночлег под гостеприимным кровом Саши. Он тут один, жена его в Грабовке и они, кажется, хотят кататься по Волге, а затем ехать обратно в Петербург. У них очень удобный дом, но все как-то не докончено и запущено. Видимо, они не любят своего гнезда, раз предпочитают жить по чужим Грабовкам.

Саша перешел в «Русь»[1] на то же жалованье 12 т[ыс.] руб.

Ухтомский видимо хочет прикрыть свою газету и ликвидирует.

Старик Суворин[1] предлагал Саше еще более выгодные условия, но он не хочет идти в «Новое время». Он очень доволен, что попал в «Русь»[2] и не потерял хорошего жалования, но очень изнервничался и не спит, поэтому и едет по Волге.

Моя ревизия идет хорошо, но устаю здоровою усталостью. Сплю по 6 часов на взъезжих и, несмотря на клопов, сплю как убитый. Благодаря массе ревизий в один день некогда писать, спешу уехать, целую. Здесь получил два милых Твоих письма с описанием Колнобержской идилии.

Люблю, люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 125–126.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] «Русь» – ежедневная газета, издавалась в С.-Петербурге в 1903–1908 гг. Редактор А.А. Суворин, с № 89 1905 г. В.П. Сватковский, с № 102 А.А. Суворин, с 1906 г. М.М. Крамалей, с № 83 1908 г. С.А. Изнар. Издатель А.А. Суворин. В 1905–1906 гг. газета выходила в двух изданиях: утреннем и вечернем. С 16 августа 1908 г. взамен «Руси» подписчикам рассылалась газета «Новая Русь».

[2] **Суворин** Алексей Сергеевич (1834–1912) – публицист, издатель, беллетрист. С 1861 г. сотрудник «Русской речи», печатался в «Современнике», в «Отечественных записках» и др. В 1863–1875 гг. сотрудник «С.-Петербургских ведомостей», в 1875–1876 гг. – «Биржевых ведомостей». В 1876 г. стал владельцем газеты «Новое время», которая приобрела консервативное направ-

ление. В 1911 г. учредил издательство «Новое время». Создал «Контрагенство печати» — монопольную организацию, занимавшуюся сбором информации и распространением периодических и других печатных изданий по всей России. Издатель многочисленных справочников: «Весь Петербург» (с 1894), «Вся Москва» (с 1895), «Вся Россия» (с 1895), «Русский календарь» (с 1872). С 1880 г. издавал «Исторический вестник», труды по истории России. Основал театр в С.-Петербурге.

Письмо О.Б. Столыпиной

10 июля 1904 г.

10 июля 1904 г., Царевшина

Ненаглядница, пишу Тебе в час ночи, так как чувствую, что завтра не будет ни минуты свободной.

Сегодня приехал сюда в 10 ч[ас]. вечера и весь день ездил и ревизовал. Утром до 10 пробыл у Саши, затем с ним доехал до Неёловки, там ревизовал волость, а затем Саша угостил привезенным со собою завтраком. Потом Базарный Карабулак и, наконец, Балтай и Царевщина.

Ревизия идет гладко, но неприятно, что Казимир явился в Царевщину совершенно пьяный, начал шуметь и ругаться и был момент, что Нессельроде хотел его выгнать вон из дому. Это все мне рассказал Саша. Я на Казимира страшно разбесился и объявил ему, что, по прибытии в Саратов, увольняю его.

Тут великолепный дом и чудный обед. Завтра ревизую тут и за 10 верст, а затем возвращаюсь сюда ночевать.

Устал, дутя, хочу спать. Целую и нежно благословляю Твое драгоценное имя, моя обожаемая, недосягаемая именинница. Сейчас послал Тебе телеграмму. Целую, обнимаю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 127–128.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

11 июля 1904 г.

11 июля 1904 г., Царевщина

Родная голубка, сегодня ложусь спать с мыслью о Тебе, моей драгоценной именинице и о моих двух птенчиках-именинницах. Дала ли Ты им от меня подарочки? Драгоценная, приближается час свиданья, все мое стремление — к Тебе!

Сегодня я день провел в разъездах из Царевщины. Ревизовал здесь волостное правление, затем ездил за 10 верст в Долгур, там ревизовал пристава и волость и вернулся сюда к 8 часам. В 8 ч[ас]. обедали и хозяин пил за здоровье Ольги Борисовны. Ждали Сашу с Ольгой[1], которая сегодня приехала из Грабовки в Крутец, но они не приехали, так как Ольга не могла ехать от усталости.

Завтра ночуем у Бекетовой – Ты ее знаешь, она говорит ужасно много скучным, немецким голосом.

Бутя, я устал, ложусь спать. Да и нечего писать, все вожусь со старшинами и писарями. Сдается, земские начальники ужасно меня боятся. Боюсь, что со временем этот спасительный страх испарится.

Целую, золотая Ты моя.

Люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 129–129об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Столыпина (урожд. Мессинг) Ольга Николаевна (?–1953) – жена младшего брата П.А. Столыпина – Александра Столыпина.

Письмо О.Б. Столыпиной

14 июля 1904 г.

14 июля 1904 г. Воскресенье

12 ½ ч[ас]. ночи. Я только что кончил ревизию земского начальника и жду пароход, чтобы возвратиться в Саратов. По правде сказать – ездить уже утомило и тянет к коту. 18-го, если Бог даст и не появится холеры, отправляюсь в Чулпановку, буду там 21-го, пробуду до 25-го, а затем Акшино и Петербург, где Саша просит остановиться у него. Получил в пути пересланную из Саратова телеграмму, подписанную Сергей, Анна, с вопросом, когда буду в Чулпановке, но телеграфа по дороге не было и еще не ответил.

Хотел бы съехаться в Москве с Алешею, чтобы кончить с верхнею мебелью.

Ночевал у Бекетовой, у нее старинная дворянская усадьба, а за 2 версты Куриловка, б[ывшая] Павла Столыпина[1], теперь Розенверта[2]. Такое имение! Жаль.

Она показывала свой конный завод, прелестные лошади. У нее получил Твое письмо с прелестною фотографиею Мати.

Мы с Тобою то же чувствуем по отношению к ней, бесконечную нежность и жалость. Неужели Господь не благословит счастием такое чудное созданье? Я верю, что судьбу ее устроит Господь и не оставит ее.

Я ничего не знал о том, что творится на белом свете. Теперь в 3 $^1/_2$ дня должен покончить все дела, все сдать Гаврюше, распорядиться отправкою отряда Кр[асного] Креста и с Клементьевым еще пересмотреть весь ремонт дома. Писать буду мало. Ты, дутя, пиши теперь в Рузаевку, передать в Инсар-Акшино. В Чулпановку писать не стоит. Эти письма всегда приходят обратно в Колноберже. Из Саратова я тоже прикажу письма от Тебя, которые придут после моего отъезда, пересылать в Рузаевку.

22-го пиши в последний раз в Рузаевку, а затем в Петербург «Саперный 10».

Целую Тебя, дутя драгоценная, хочу к Тебе.

Люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 130–131об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Столыпин Павел Валерианович (1843–1899) – надворный советник, коллежский асессор, камер-юнкер. Служил по Министерству государственных имуществ.

[2] Ружичка де Розенверт Николай Львович – коллежский советник, инженер-технолог, состоял в прикомандировании к управлению Саратовского удельного округа, причисленный к Главному управлению уделов, почетный мировой судья, гласный губернского земского собрания. Член Лесоохранительного комитета, входил в Комитет попечительства о народной трезвости Вольского уезда Саратовской губернии.

Письмо О.Б. Столыпиной

14 июля 1904 г.

14 июля 1904 г., Саратов

Вот я и дома, моя возлюбленная, дорогая. Вчера до 4 ч[ас]. утра сидели на пристани в Воскресенском и ждали парохода, а сегодня уже с утра Гаврюша, потом днем санитарная комиссия (теперь холеры уже не так боятся) и, наконец, вечером принял ванну и вот, хоть глаза слипаются, пишу Тебе.

Ты знаешь, как легко Ты мне передаешь свое настроение – вот и я начал тревожиться поездкою Мати в Вену, даже телеграфировал Тебе. Боже, как это тягостно опять удаляться от Тебя. Если б я мог с нею съехаться в Вене прямо из Петербурга, пробыть

2–3 дня и прямо с нею вернуться в Колноберже. Когда кончает она свои Элитер-ванны. Анемия мозга и истерика меня не пугают – это явления обычные у всех барышень. Надо лишь следить за этим.

<1 нрзбр.>, ввиду расписания пароходов, я выеду в воскресенье 18 утром и 20 ночью надеюсь быть в Чулпановке. Теперь отвечаю на все Твои вопросы: 1) Адольфа я не приписал в городовые и т. к. тут (в Сердобском уезде) я на этой почве обнаружил злоупотребления, затем, как я его зачислю без его бумаг?

2) 200 р[уб]. вышлю завтра.

3) Лидия Александровна завтра приготовит прошение.

4) Очень жаль, что пал жеребчик, все говорят, что запрещено их кормить клевером – наверное, опять дают.

5) Приехала Харизоменова и просит работы в Кр[асном] Кресте.

6) Как мило, что сестры вспомнили Тебя на войне.

7) Приехал Володя Масальский[1], он формирует тут артил[лерийскую] бригаду. Мы обменялись визитами, но не виделись. Я по телефону пригласил его в пятницу обедать. Думаю пригласить с ним Лисевича[2] и Кнолля. Не знаю уже кем его подчевать.

8) Ванны детям прописал вместе с Бруханским Бонвич.

9) Про мебель Мима молчит, так как она ему нужна для Львовой. Увидишь, что он предложит ее купить.

10) Мамашин стеклянный стол отлично починили.

11) Повар не дурак, чтобы проситься в отпуск.

12) Петерсонше, я уже писал Тебе, что надо адресовать в канцелярию градоначальника. Его взяли на войну, его видел Саша и он нас обожает и хвалит страшно.

13) Посылаю Тебе литературу кузнецкой дамы – не трудно, будучи губернатором, очаровывать!

14) Ты пишешь про Матин шлейф. Конечно, это ее повеселило бы, но не следует придавать этому такое значение, так как выпрашивать комильфонтно*.

Целую, благословляю, люблю бесконечно.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 132–133об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Масальский** Владимир Николаевич – князь, полковник, командир 1-го дивизиона гвардейской конно-артиллерийской бригады.

[2] **Лисевич** Павел Михайлович – генерал-майор, начальник 57-й пехотной резервной бригады, председатель Саратовского офицерского собрания.

---

* не удобно (от франц. – comme il faut).

Письмо О.Б. Столыпиной

15 июля 1904 г.

15-го июля 1904 г., Саратов

Милая, бесценная моя Олинька.

Сегодня день эмоций. Утром Букарь[1] по телефону сообщил об убийстве Плеве[2]. Я сначала не поверил, пока в 6 вечера не получил подтверждения. Бедный Государь! А затем Твое письмо про Матю. Ты своим материнским сердцем вернее чувствуешь, чем я. Разумеется, теперь, пока время не ушло, надо *все* сделать, чтобы она слышала. Не только в Вену, на край света пойду, чтобы хоть чуточку облегчить ее страдания. Конечно, Sandy в Вене растеряется. Напиши только, будет ли Матя готова к выезду из Эльстера, т. е. кончится ли ее лечение к 8-му августа. Я бы прямо из Петербурга выехал в Вену и пробыл там 3 дня, увез бы ее в Колноберже.

Теперь, пока нет нового министра, не знаю даже, не придется ли выждать еще несколько дней в Саратове?

А я, как я жажду Тебя и как мое сердце болит за Матю.

Сегодня был у Харизоменовой. Она ежится, что не знает Новиковой[3], которая Тебя заменяет в Красном Кресте. Я сказал ей завтра быть в 2 ч[ас]. в Дворянском собрании, где раздают шить белье, а Новикову сказал, что я туда приеду и чтобы его Анна там была. Он сказал, что будет. Увидим.

Клементьеву про буфет и про кран для людей сказал, а также во всех детских выкрасить еще полы. Когда-то Ты по этим полам будешь ходить?

Дутя, напиши Мате, что я приеду, утешь детку.

Христос с Тобою.

Обожаю.

Получил Твою беспокойную телеграмму, что Ты без писем. Но ведь это объясняется поездкою по ревизии.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 134–135об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.
Опубл.: Свободная мысль. – 1993. – № 13. – С. 106.

[1] **Букарь** Петр Георгиевич – статский советник, начальник управления Саратовского почтово-телеграфного округа.

[2] Министр внутренних дел В.К. Плеве был убит эсером Е.С. Сазоновым 15 июля 1904 г.

[3] **Новикова** Анна Николаевна – супруга саратовского вице-губернатора, помощница попечительницы Саратовского губернского попечительства детских приютов.

Письмо О.Б. Столыпиной

16 июля 1904 г.

16-го июля 1904 г., [Саратов]

Драгоценное сокровище – сегодня от Вас нет письма и я печален, боюсь, что Вы рано начали писать в Рузаевку и я останусь без известий оч[ень] долго. Так эта смерть Плеве меня сбила с панталыку, а тут еще это опасение холеры. Боюсь отлучаться на 10 дней без отпуска. И не знаю, выеду ли послезавтра 18-го. Тут такая масса дела, что просто вырваться трудно.

Хочу отправить тяжелый транспорт (книги и пр[очее]) вперед в Колноберже, мундир в Петербург, чтобы меньше взять с собою. Особенно в Вену тащить много вещей не хочется, также и мамашины бижуты туда не возьму. От Тебя ничего нет о том, когда кончается Матино лечение, а между тем я решил, что моя обязанность ехать к ней. Сию минуту получил телеграмму от Анны, что она 24-го будет в Чулпановке, ну а я 25-го выеду. Хотел было вместо Казимира взять в Чулпановку и Рузаевку повара, но боюсь, что не он мне будет постель стелить, а я выносить его капризы. Он 25-го сентября должен ехать в Киев отбывать воинскую повинность и поставит временно вместо себя другого повара.

Сегодня на Твое имя получено милое письмо от сестры Александровой с войны. Я его отдал переписать для газеты и завтра пришлю Тебе.

Второй отряд, отправленный 26-го без меня, обратился ко мне с просьбою сняться со мною у нас в садике, и завтра они приходят в 12 ч[ас]. дня. Я велел сделать кулебяку для санитаров и заказал завтрак à la fourchette* для докторов и сестер. Это влетит рублей в 50, но, помня проводы первого отряды, жаль обидеть второй.

Сегодня обедал у меня Володя Масальский, Крапоткин[1] и Лисевич. Володя Мас[альский] на чужбине, видимо, обрадовался знакомому губернатору, восторгался домом, фотографиею Мати и всем. Что самое смешное, это то, что он ведет бригаду в Ковну, где проведет зиму. В августе он будет у нас у Колноберже.

Оля, как я хочу Тебя.

Люблю, ангел мой.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 137–138об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* плотный завтрак, включающий местные блюда (франц.).

[1] Кропоткин (Крапоткин) Алексей Алексеевич — князь, коллежский советник, правитель канцелярии управления Саратовского удельного округа.

Письмо О.Б. Столыпиной

17 июля 1904 г.

17-го июля 1904 г., Саратов.

Дутя, бри-бри. Завтра выезжаю и хотя что-то неспокойно мне оставлять губернию, особенно по дороге в Петербург потратить 10 дней на свои дела, но решаюсь выехать.

Сегодня меня мучают весь день, так что уже завтра с парохода, на котором еду двое суток, подробно напишу. Сегодня угощал у себя отряд.

Получил Твою телеграмму перевранную, но понял, что у маленькой нашей Наташи аферы и что Матя кончает лечение свое лишь в середине августа.

Значит, я приеду прямо в Колноберже из Петербурга и уже из Колноберже поеду в Вену за Матей.

Ты пишешь такие беспокойные письма, что я заразился тревогою от Тебя и боюсь, что потом мы будем мучиться, если не сделаем все и даже более, чем все, для нашего ребеночка.

Целую Тебя нежно. Завтра подробно напишу.

Твой любящий

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 139–139об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

18 июля 1904 г.

18-го июля 1904 года. Пароход

Родная моя, ненаглядная, вот я и выехал и теперь скоро увижу Тебя, мою любовь.

Я давно не испытывал такого полного отдыха, как на пароходе. Не хочется ничего делать, а только сидеть и дышать. По правде сказать, я утомлен Саратовым. Недавно я проезжал по этим местам, но тогда ездил по ревизии, везде утомительные встречи, а теперь еду по своей же губернии инкогнито. Я уехал не совсем спокойный, так как имею разрешение покойного министра приехать в Петербург, а после смерти его написал Штюрмеру, что проеду через Казань, где остановлюсь на короткое время и буду в Петер-

бурге в конце июля, но теперь я не знаю, кто новый будет министр и не будут ли придираться к таким поездкам? Вообще вопрос нового министра очень для меня важен. Какая будет политика и будет ли ко мне лично такое же доверие, как до сего времени? Тревожное время. Хочется к Тебе и детям.

Раз Матя кончает лечение только в середине августа, то я приеду в Колноберже и уж оттуда поеду в Вену. Детки мне сыграют комедию Наташи. А Адюся, верно, меня не узнает. Анна телеграфирует, чтобы я ей лошадей выслал в имение к ее beau-frère* в пятницу, а приедет она в субботу. Я приеду со вторника на среду ночью и в воскресенье уеду, так как хочу 2 дня пробыть в Акшине и боюсь путешествовать без отпуска. Отвечаю на Твои вопросы: жену Кнолль зовут Зинаида Анатольевна и писать ей нужно Ессентуки, до востребования, но он говорит – «ничего, ничего». В чайном серебре Мама есть и поднос. Мамашину кокарду я взял с собою и постараюсь сплавить в Кабинет.

Масленникова перед отъездом моим говорила со мною в телефон, просит Тебя написать Флеровской, чтобы та подробнее составляла отчеты. Масленникова боится ей делать замечания, так как она на все отвечает, что может уйти, между тем кухня идет превосходно, обедают по 125 человек, так что Флеровская взяла себе помощницу, но Тебя будут просить назначить ей жалованье, так как Флеровская говорит, что ей тяжело и помощницу и кассиршу держать на свой счет.

Вчера, чтобы быть чистым перед Тобою, я взял Кнолля и поехал к Хрисанфу и в богадельню осмотреть ремонт. Мне кажется, Ты будешь довольна – дешево и хорошо. Я только приказал у Хрисанфа еще панели выкрасить масляною краскою, а в богадельне крышу, которая иначе сгниет. Это все обойдется еще рублей в 75. Бедные Корбутовские, говорят, совсем разорены. Аносов (муж belle Hélène**[1]) подал на них ко взысканию 25 т[ыс]. руб. и все кредиторы на них обрушиваются и описывают имение.

Вчера я, как умел, угостил отряд. Были пироги, холодная осетрина, телятина и компот. Выпили оставшиеся 2 бутылки шампанского. А санитаров накормил в комнате у Казимира. Кажется, все довольны. Вчера вечером получил телеграмму от кн[язя] Васильчикова (главноуполном[оченный] Кр[асного] Креста), что он внезапно ночью посетил наш госпиталь и все нашел в образцовом порядке, хотя масса раненых. Олсуфьева он назначил глав-

---

* деверь (франц.).

** прекрасная Елена (франц.).

ным над всеми отрядами в Евгеньевке, а д[окто]ра Терновского уполномоченным на место Олсуфьева. Храни всех вас Господь, драгоценные мои, милые. Целую, люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 141–142об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Аносова Е.А. – жена потомственного почетного гражданина, попечительница 11-го женского городского начального училища.**

Письмо О.Б. Столыпиной

19 июля 1904 г.

19-го июля 1904 г. Пароход

Солнышко мое, здравствуйте. Так долго мне быть без писем от Вас и без весточки. Не догадался я написать Тебе, чтобы 25-го Ты мне телеграфировала о благополучии дома в Мелекес. Оттуда я уеду в 6 ч[ас]. утра. 26-го и уехал бы спокойный.

Забыл написать Тебе, что из Саратова отправил в Колноберже корзинку со всеми своими вещами: книгами, бельем и пр[очее]. Иван сегодня должен отослать Тебе квитанцию, а Кнолль завтра должен отослать Тебе мое жалование, так как я денег с собою взял немного.

Погода дождливая, холодная. Боюсь, как удастся убрать урожай. Удивительное лето – жара только в те дни, когда возвращаюсь в Саратов, а то наши ковенские дожди и ветер.

Тут на пароход взял кое-какие занятия, читаю. Как раз на мое счастие, едет со мною в Мелекес тамошний городской голова, который знает и Цинка, и Чулпановку, он устроит мне и лошадей до Чулпановки. Впрочем Зацвилиховский телеграфировал и Мелекесскому приставу, который оказался ему знакомым. Ехать придется ночью, что гораздо приятнее; назад тоже ночью. Анна, как я вчера писал Тебе, захватит меня в Чулпановке один день. Таким образом, она мне не помешает вплотную осмотреть наше хозяйство, а затем, если могу помочь ей советом, очень рад. В четыре часа подходим к Самаре, там пароход стоит два часа, поеду осматривать город.

Забыл Тебе написать, что Гаврюша очень огорчен смертью Плеве. Он на нем строил расчеты дальнейшей карьеры.

Его Анюту я познакомил с Харизоменовой в Дворянском собрании: Annette très digne*, готовность шить и помогать. Мы с

---

* Аннет ведет себя достойно (франц.).

нею обмениваемся лишь официальным фразами. Тут уже все раскусили, что она дура из дур.

До свидания, мой дутенок, я Тебя крепко люблю, люби меня. Я так жажду обнять Тебя, свет моей жизни.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 143–144об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

20 июля 1904 г.

20 июля 1904 г., Симбирск

Драгоценная, сижу на берегу Волги в ресторане и в ожидании перевоза через Волгу пишу Тебе. Так томительно быть без писем от Тебя, а теперь еще долго до Рузаевки, только через 6 дней увижу Твой почерк. Что за ужасные расстояния. Вчера я осмотрел Самару – прелестный город, асфальтовые мостовые, большой городской сад, но, конечно, гораздо меньше Саратова. На беду мою меня узнал какой-то полицейский и на пристань прискакали пристав, околоточный и ко мне. Мне это было неприятно, т. к. в пиджаке не мог поехать к Брянчанинову[1], а в Чулпановку, конечно, не брал сюртука. Между тем Брянчанинов был у меня в Саратове и оставил карточку. Из Самары, очевидно, дали знать и сюда, так как тут меня встречал пом[ощник] полициймейстера, которого я просил забыть обо мне. Поехал в город, помолился в Соборе (сегодня Ильин день), купил себе болотные сапоги (такая досада, свои забыл в Саратове, а тут такие дожди, что в Чулпановку боюсь ехать городским жителем), а затем отправился завтракать в гостиницу, где назначил мне свидание мой спутник – мелекесский городской голова. Но на беду в здешнем благочестивом городе, благодаря Илье Пророку, все рестораны закрыты до 12 ч[ас]. и только здесь в саду мне согласились дать поесть, однако без спиртных напитков. Сегодня буду в Чулпановке часа в 4 ночи. Так беспокойно быть без известий, я так избалован Твоими ежедневными милыми письмами. Живы ли вы все по крайней мере?

Симбирск порядочная дыра, совсем деревня, гораздо хуже Царицына. Однако много садов и хороший вид на Волгу. Назад мне, вероятно, придется ехать не на Мелекес, а на Сергиевские Воды, так как тут так умно устроено, что к одному берегу Волги подходит поезд из Мелекеса, а в это же время от другого берега

отходит единственный поезд из Симбирска. Тут спокойно говорят – надо переночевать, т. е. пробыть сутки в Симбирске.

Целую Тебя, моя драгоценная, поскорее бы к Тебе. Тогда все будет хорошо. Я перед отъездом написал Клементьеву на бумажке все поправки в доме. Кажется, ничего не забыл (кран для воды записал).

Люблю, Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 145–146об.
Рукопись. Автограф.

[1] **Брянчанинов** Александр Семенович (1843–1910) – гофмейстер (1893), тайный советник. В 1880–1888 гг. предводитель уездного дворянства, с 19 декабря 1891 г. до 23 декабря 1904 г. самарский губернатор. С 1904 г. член Государственного совета.

Письмо О.Б. Столыпиной

21 июля 1904 г.

Ce 21 juillet 1904
Чулпановка

Je viens d'arriver à Чулпановка et c'est justement le jour de la poste. Je suis arrivé a 5 h. du matin et dormi jusqu'a 10 h. d'un sommeil de plomb. Ce matin ton télégramme, que m'a rempli de joie. J'ai bien fait le trajet et suis content d'être tout de même à temps. La récolte est magnifique, mais un tel froid que je ne sais pas si tout pourra mûrir. Cette nuit j'ai grelotté, il n'y avait que 4°. Je n'ai pas pu <1 нрзбр.> les pompes a Melekhess. On m'a preparé des chevaux magnifiques d'un riche fabriquent <1 нрзбр.>. Le пристав et des урядники ont galoppé à 30 verstes et en résultat j'ai une excellente calèche et chevaux jusqu' à Чулпановка, et on m'a promis de changer l'heure du train pour que je puisse retourner par Симбирск. Je te télégraphier pour te dire que je suis <1 нрзбр.> et t'embrasse tendrement ainsi que les <1 нрзбр.>*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 147.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* 21 июля 1904 г.
Чулпановка
Только что прибыл в Чулпановку, и уже сегодня день отправки почты. Прибыл в 5 час. утра и спал до 10 час. мертвым сном. Этим же утром получил Твою телеграмму, доставившую мне столько радости. Моя поездка была удачной и я остался доволен тем, что все это проходит вовремя. Урожай – превосходный, но так холодно, что я не уверен, что он дозреет. Этой ночью я продрог, т. к. было только 4°. Я не смог [включить] насосы в Мелекесе. Мне приготовили отличных лошадей одного богатого фабриканта <1 нрзбр.>. Пристав и урядники проскакали галопом 30 верст, и в результате у меня была прекрасная коляска и лошади вплоть до Чулпановки, и мне обещали изменить расписание поезда, чтобы я смог вернуться через Симбирск. Я телеграфирую Тебе, чтобы сказать, что я <1 нрзбр.> и нежно Тебя обнимаю, а также <1 нрзбр.> (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

23 июля 1904 г.

Пятница 23 июля 1904 г., Чулпановка

Радость моя, вот я третий день в Чулпановке и изъездил, кажется, верст 100. Хотя почта отходит только в воскресенье, да и я уезжаю в воскресенье вечером, но боюсь, как бы что-нибудь не помешало мне, и пользуюсь свободною минутою, чтобы поговорить с Тобою. Каждый раз, когда я бываю в Чулпановке, меня поражает богатство этого имения и вместе с тем огорчает отдаленность, дикость и некультурность. Это имение отдаленнее будущего. Каждый раз я также дрожу за Цинка: хотя он не очень постарел, все же года берут свое. Между тем, я его пока считаю незаменимым. Он тут знает каждый кустик, порядочен, честен и добросовестен. Все мои распоряжения, сделанные в последний приезд, 3 года тому назад, выполнены с необычайною точностью. Постройки на Столыпинском хуторе поставлены тщательно, старательно, экономно. Затем масса болот осушено, засеяно травами – все это почувствуется только со временем, понемногу, но имение идет вперед и, главное, с самыми незначительными затратами, и это вполне заслуга Цинка. Зато наши соседи, саратовские Аносовы, рубят напропалую, воровство у них страшное, беспардонное. Теперь, конечно, они страшно понизили цену на лес своею конкуренциею, но скоро и конкурировать им нечем будет.

Меня питает тут старушка Цинк, но она на ладан дышит и ей это тяжело, так что она выписала замужнюю дочь. Не знаю, чем ее отблагодарить.

Вчера, 22-го июля, был здесь храмовый праздник, я к обедне не мог пойти, т. к. это слишком много отняло бы времени, но пошел в 6 ч[ас]. утра к заутрене. Помолился за нашу именинницу, а потом отслужил панихиду по Мама, и мужички также истово молились.

Сегодня был на Колчуринской спичечной фабрике, построенной на нашей земле. Это целый городок, и он сам себе дом выстроил и живет на фабрике. Сам в лаборатории делает смесь для спичечных головок, не доверяет никому секрет. Мне показывал производство его сын студент-технолог Томского университета. Растет новая, сильная чумазая Россия! Цинк рассказывает, что, пока устраивалась фабрика, Колчурин так был нервно потрясен, что начал заговариваться и теперь он очень нервно возбужден, т. к. спичкам его пока нет сбыта и он пока терпит большие убытки.

Когда я к нему приехал, он даже руку мне поцеловал. Уверяет, что если фабрика существует, то виною всему Ольга Борисовна, так как они приневолили непременно в Берлин ехать. Он страшно пристает, что уменьшить ему пропорцию рубки, так как из-за сумасшедшей рубки Аносова ему нет возможности сбыть весь купленный у нас лес. Я этого не желаю, так как если уменьшить рубку на 10 десятин, то на 1350 р[уб]. в год и денег меньше получать. Я его напущу на Анну, или скорее наоборот, и велел ему приехать в воскресенье, когда она тут будет. Пусть с ним забавляется. Он прямо так и просится: позвольте приехать часов на пяток или на восемь по этому делу переговорить.

Я тут живу без газет, в полном неведении всего. Месяца два так пожить — лучшее успокоение для нервов.

Целую Тебя, сладенькая моя, перед отправкою письма еще раз припишу.

Твой любимый

Я хотел бы столовую мебель из Москвы послать в Инсар-Акшино. Ведь там у меня всего 2 табурета и сплю я на соломе. Кровать бы тоже туда. Ведь если крепкая мебель, то останется для кого-нибудь из детей.

Приехал исправник представиться мне, и я отправляю письмо с ним: все-таки днем раньше получишь.

Целую нежно и много и ликую, дутя, что скоро и наяву поцелую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 148–149об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

25 июля 1904 г.

25 июля 1904 г., Чулпановка

Бесценная моя. Сейчас уезжаю из Чулпановки и проеду всю ночь, так как поезд отходит из Мелекеса в 5 ½ ч[ас]. утра. Сегодня только я получил Твою телеграмму от 20-го и из Мелекеса пошлю ответ. Я совсем озадачен тем, что Матя кончает свое лечение 27-го. Ведь я 26-го только буду в Акшине и даже если бы проехал мимо, не заехав, и то пока получил бы заграничный отпуск, прошла бы еще неделя. Такая все это досада.

Если жеребцовского доктора там нет, или он не наверное устроит Матю, то в Вену ей на авось ехать не следует. Пусть воз-

вращается домой, а я ее весною повезу в Грац к Лакеру – ведь все равно до весны нового лечения в Саратове не будет.

Все это меня сильно расстроило. Вчера вечером приехала Анна и с тех пор вереница посетителей. Были у обедни и у батюшки, а затем ездили на хутор, а потом замучил Колчурин и мельничиха, а также поп с попадьею. Колчурину мы ничего не уступили, но я боюсь, как бы он не обанкротился.

Я тут ежедневно, несмотря на дождь и холод, купался в Черемшане и надеюсь, что и в Колноберже поставлена купальня.

Спешу, мой ангел, надо ехать. Меня прислали сопровождать урядника, но я отослал, дав ему рубль. Приятно забыть о полиции.

Ровно через сутки буду в Рузаевке. Телеграфировал Семену, что буду в пятницу в Москве.

Целую крепко, нежно, дорогой мой ангел. Теперь скоро.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 150–151об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

27 июля 1904 г.

27 июля 1904 г., Инсар-Акшино

Драгоценная моя, из телеграмм моих Ты видишь и смущение мое и колебания. Твоя *срочная* телеграмма шла ровно 5 дней. Сначала я решил так: в нынешнем году все равно никакого ушного лечения заграницею Мате не будет, желателен был лишь правильный диагноз для решения системы лечения в будущем году, поэтому, ввиду путаницы и невозможности Мати ждать меня в Европе на одной ноге, я решил, что лучше всего и мне и ей «ко дворам» к милой нашей. Это тем более представлялось мне правильным, что Wick, верно, уже комнаты сдала кому-нибудь другому. Я же прямо отсюда ехать заграницу не могу, так как для этого нужен заграничных отпуск, который дается Высочайшею властью, т. е. на это несколько дней. В этих видах я и послал Тебе телеграмму из Мелекес. Приехав же вчера ночью в Рузаевку и прочитав Твои милые, бесценные письма, я побоялся, что это решение Тебя огорчит, а Ты знаешь, как я всегда чувствую то же, что и Ты. Вследствие сего я немедленно послал сегодня утром в Рузаевку нарочного со второю телеграммою. Если Матуличка может безопасно дождаться меня, то я буду всячески спешить в Петербург, а съедусь с нею в Вене. В Петербург я приезжаю 31-го. Пошлю

вперед Штюрмеру телеграмму об отпуске. Дай Бог мне выехать 4-го, или 5-го, так как мне необходимо повидать и управляющего министерством, и несколько других лиц по делам губернии – je brûlerai tout ce que je pourrai*, но, прося разрешение приехать в Петербург, не сделать самого насущного я не могу. Виною всему урод Бехлер: он мог бы с самого начала сказать точно, когда Матя кончит лечение. Я ведь все свои расчеты строил на окончании лечения Мати к середине августа!

Про себя и писать не хочется – хочется рассказывать и до боли хочется поскорее видеть Тебя, быть с Тобою.

От Чулпановки до Мелекес ехал всю ночь. Там опять любезности полиции, отдельный вагон, отдельный пароход, чтобы переехать Волгу, рысаки на том берегу, чтобы поспеть на поезд и т. д. Но все это стоит оч[ень] дорого (за пароход взяли 5 р[уб]., а за лошадей 10 р[уб].). Вероятно, иначе пришлось бы сутки сидеть в Симбирске.

В Рузаевке такая же встреча: пристав и урядники сопровождали до Акшина. По правде сказать, в деревне это тяготит. В Рузаевке был и предводитель Глебов[1]. Тут урожай недурен, но хуже, чем в Чулпановке. Жена Левговда хорошо справляется с сепаратором. В общем все в порядке, но я еще не объезжал имения. Левговда все-таки надо подталкивать – не то, что Цинк. Тут дожди. Не убрано еще сено, рожь зеленая, а в прошлом году в это время тут уже сеяли.

Целую, драгоценная дутя.

Твой

Прибавлю вечером, что получил Твою телеграмму и верно угадал Твое чувство. Боюсь только, что мало взял денег с собою для Вены (не знаю, сколько денег у Мати). Жалование-то я велел Тебе отослать в Колноберже, думая, что туда заеду. Тут денег еще нет, хотя, кажется, доход будет. На какой улице «Erzherzog Karl»?

Нет ли у Тебя платья для жены Левговда? Она меня кормит. А в Чулпановку нужно облачение – там священник служит в тряпках.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 153–154об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Глебов** Василий Николаевич – действительный статский советник, в звании камергера, уездный предводитель дворянства в Инсарском уезде Пензенской губернии.

* сделаю «на рысях», как можно быстрее (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

28 июля 1904 г.

28 июля 1904 г., Инсар-Акшино

Драгоценная, сегодня в 3 часа ночи уезжаю из Акшино и так как Казимира отправляю прямо в Колноберже, то и письмо посылаю с ним, т. к. оно скорее придет, чем по почте. Я с Казимиром отсылаю высокие сапоги, подушку, одеяло и проч. Сегодня от Тебя такое милое письмо, в котором Ты подшучиваешь, что губернатор зависит от афер, но, видимо, Ты думаешь, что я могу прямо ехать в Вену. Однако нужен отпуск, паспорт и проч. Когда все выяснится, я из Петербурга пошлю Мате телеграмму в Эльстер о том, когда буду в Вене и там ее встречу на вокзале, но, ради Христа, телеграфируй мне, на какой улице этот «Erzherzog Karl»? В Петербурге я остановлюсь в «Европейской», так как Саши, повидимому, еще нет в Петербурге.

Ты все спрашиваешь, когда я буду в Москве? Но ведь, едучи из Рузаевки в Петербург, я ее миновать не могу и буду там поневоле в пятницу от 8 утра до 4 ч[ас]. дня. Посмотрю вещи и, если позволишь, велю отправить столовую мебель и кровати в Акшино – cela fera au fond de meuble*. Из Петербурга отправлю прямо в Колноберже мундир и ненужные для Вены вещи. Боже, как мне хочется к Тебе и как больно мимо Тебя, через Вильну, промчаться в эту противную Вену. Хорошо, что Мирский[1] теперь был в Кейданах. Если бы было при мне, то пришлось бы пригласить в Колноберже. Не завидую Веревкину скакать при нем адъютантом.

Тут у меня ежедневно посетители: земский нач[альник] Литвинов[1], Шетелов, но никого не видел, так как меня нет дома – весь день хожу и езжу.

Овсы тут изумительные, и доход от них будет хорош, если удастся убрать – холода и дожди ежедневные.

Несмотря на то что я плохой хозяин, тут все же, хотя хозяйство незатейливое, основание хозяйства правильное: в настоящем году, благодаря мобилизации, яровое поле в аренду не разобрали, но благодаря моим кадрам инвентаря мертвого и живого, все удалось засеять своими силами и в убытке не будем.

Священник тут зять покойника. Я с ним осмотрел церковь, которая в порядке, но церковная школа ужасно запущена и учительница мерзнет, ввиду чего я обещал некоторое время продол-

---

* это пойдет вместе со всем остальным (франц.).

жать присылку пятирублевых взносов, чтобы привести школу в порядок. Деньги эти лучше всего посылать Левговду, а он будет посылать Тебе расписку священника.

До свиданья, ангелок ненаглядный. Храни вас Господь, мои дорогие.

Как я рад, что англичанка симпатичная. Новиков телеграфирует сюда, что все благополучно, что был подозрительный случай заболевания в Царицыне, но больной выздоровел и по бактериологическому исследованию оказалась не холера. Да теперь уже для нее поздно и жары нет.

Целую дорогие,

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 155–156об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] В Инсарском уезде Пензенской губернии служили два Литвинова: Петр Дмитриевич – коллежский регистратор, земский начальник 2-го участка и Василий Дмитриевич – надворный советник, земский начальник 6-го участка, гласный уездного земского собрания.

Письмо О.Б. Столыпиной

29 июля 1904 г.

Jeudi le 29 Juillet, [Рязань]

C'est de Рязань que je t'écris deux mots. Demain je t'envoie une lettre détaillée de Moscou avec Казимир Maintenent rien qu'un baisser. Je me senti bien, j'espére à toi et mon rêve c'est Kolnoberge, mais j'aurai, comme toi, des remods, si nous n'avons pas tout entrepris pour Matie. La rue d'Erzherzog Karl? Cette nuit à Рузаевка avant de me mettre en wagon, ou m'a remis ta lettre que tu ne croyais pas pouvoir parvenir à Рузаевка. Comme je suis heureux, que la première impression de l'anglais soit bonne. Tendres baisers*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 157об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* Четверг 29 июля

Шлю Тебе пару слов из Рязани. Завтра Казимир доставит Тебе подробнейшее письмо из Москвы. А сейчас ничего, кроме поцелуя. Чувствую себя хорошо, надеюсь, что и Ты тоже. Моя мечта – Колноберже, но меня, как и Тебя, будет мучить совесть, если мы ничего не сможем сделать для Мати. Улица эрцгерцога Карла? Сегодня ночью в Рузаевке, перед тем, как сесть в вагон, я получил письмо. А Ты не верила, что оно дойдет до Рузаевки. Как я счастлив, что первое впечатление от англичанки хорошее. Нежно целую. (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

30 июля 1904 г.

30 июля 1904 г., Москва

Бесценная, пишу с Арбата, куда только что пришел. Приехал в 5 ч[ас]. утра и переехал на Николаевский вокзал, там умылся, сел пить кофе, поднимаю глаза и вижу напротив меня сидит Саша, читает газету. Оказывается, он из Крутца едет в Петербург, но я еду в 4 ч[ас]. с почтовым, а он вечером со скорым, т. к. еще едет в Сокольники к Лили ex-Веселкиной[1]. Я с ним доехал до парикмахера и условился завтракать вместе в «Славянском Базаре».

Здесь не застал Сашу Твоего, он ждал меня, но не дождался, уехал по делам. Едва ли он приедет в Колноберже: из намеков Семена я понял, что его из Москвы не выпускают. Сейчас расколотил Твою бронзу и выбрал для Алеши хорошенькую вещь – на постаменте пастушок. Я думаю, она понравится Алеше.

18 стульев и желтую кровать приказал отправить в Акшино. Если бы эти вещи понадобились в Саратове, то из Акшина близко переслать, так что ошибки не будет, а Левговду я велел беречь. Осталась одна деревянная кровать с мочальными матрасами. Ее не стоит solo* отправлять в Саратов – провоз дороже, и я ее подарил Семену.

Наверху чуть ли не умирает от воспаления в легких сын Львовой, и поэтому нельзя было произвести оценки вещей. Семен говорит, что около 12-го августа ждет Алешу и Миму. Я полагаю, что, во всяком случае, следует залу в Саратове меблировать на казенный счет.

Дутя, посылаю вам с Казимиром фунт конфект (в 1 ½ р[уб].). Беру его с собою на извозчике и еду покупать держалки для кареты и почтовую бумагу – пусть он ее довезет. Так как Саша приезжает несколькими часами позже меня в Петерб[ург], то я в 1-ый день остановлюсь в «Европейской», а в воскресенье перееду к нему, Саперный 10.

Целую нежно.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 158–159об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Вероятно, имеется в виду Веселкина Мелетина Михайловна, вышедшая замуж за флигель-адъютанта Подолинского – адмирал, убит в 1918 г. в Петрограде.

* одна (итал.).

Письмо О.Б. Столыпиной

31 июля 1904 г.

31 июля 1904 г., С.-Петербург

Только что приехал. Несколько только слов, так как дневные часы тут самые драгоценные. Подъехал к расцвеченной флагами столице. Я рад, что, наконец, улыбка счастия улыбнулась Царю[1]. Народ припишет это Серафиму Сар[овскому]. Вера много значит! Благодаря наследнику все в Соборе, и Дурново я не увижу до понедельника. Лопухина разбудил телефоном в кровати и назначил ему rendez-vous* в 2 часа. Надеюсь повидать и Штюрмера, чтобы ускорить свой отпуск.

В 10 ч[ас]. утра был у меня Хлобощин, и я с ним поездил по мебелям. Трудно остановиться, не зная в точности, что надо и какою суммою можно располагать.

Вчера в Москве в «Славянском Базаре» к Саше подсел литератор Гиляровский[2], всегда торчавший у Папа. Он написал мне два экспромта, поехал провожать на вокзал и выбирал облачение для чулпановского священника. Я послал ему великолепное облачение за 18 рублей. Я не мог видеть тряпок, в которых он служит.

Саша еще не приехал, я спрашивал по телефону, вероятно, приедет дневным.

Получил Твое письмецо о недуге Наташи. Еще бы, во время формирования надо очень беречь.

Какая Ты милая, заботливая мать, и как я люблю Тебя.

Дутя, если успею, напишу сегодня еще, а теперь вицмундир и марш.

Люблю, целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 160–161об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Имеется в виду долгожданное рождение (30 июля 1904 г.) у императорской четы наследника престола — Алексея Николаевича Романова (1904–1918) — цесаревич и великий князь. 11 августа 1904 г. крещен с именем в честь св. Алексия, митрополита Московского, в церкви Большого Петергофского дворца. Шеф 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. С октября 1915 г. сопровождал императора, принявшего верховное главнокомандование, в поездках в действующую армию. 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола за себя и за сына.

[2] Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935) — писатель, автор книг и очерков о дореволюционной России, нравах и обычаях старой Москвы.

---

* свидание (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

31 июля 1904 г.

31 июля 1904 г., С.-Петербург

Драгоценная – тут нашел три Твоих письма, и таких милых, ласковых. Но я полагаю, что одно не дошло, так как Ты говоришь, не малы ли Наташа и Елена для часов? А про часы ни в одном письме не было разговора. Сегодня от милой Матули телеграмма: «pouvons être Vienne Vendredi soir»*. Я ответил: «ne quittez pas Elster avant mon télégramme»**. Дело в том, что я не застал сегодня Штюрмера, а должность вице-директора исполняет Кошкин. Последний говорит, что нужен доклад Государю о заграничн[ом] отпуске, а доклад в четверг, но что прежде как-то устраивали и он передаст Штюрмеру мою просьбу ускорить, однако теперь междуцарствие и т. д. В понедельник буду у Дурново и очень надеюсь в среду выехать – тогда Vendredi*** мы съедемся с Матулею. Боже, что я только не дал бы, чтобы видеть мою девочку здоровою.

Ты спрашиваешь про Петербург – удручение полное везде! Сегодня зловещие слухи, что адмирал Витгефт[1] убит и вся Порт-Артурская эскадра рассеяна и разгромлена. Господи, какие тяжелые времена для России и извне, и внутри. Единственный светлый луч это – рождение наследника. Что ждет этого ребенка и какова его судьба и судьба России? Это уж Аниньке придется ему служить!

Сидел я сегодня у Лопухина. В понедельник он обедает у Саши, куда переезжаю завтра, в воскресенье. Сегодня тоже обедал у Саши с Ухтомским, у которого с Сашей сохранились лучшие отношения. Заместитель Саши в качестве редактора, Григорьев, оказался жуликом и он его уже прогнал.

Про заместителя Плеве никто ничего не знает. Называют много имен. Теперь говорят про Гессе[2], говорили про Васильчикова, московского Булыгина, и я полагаю и предчувствую, что будет именно последний.

Глупо, что съехал говорить про дела. Однако сегодня я ездил до 7 ч[ас]. вечера. Виделся с Лопухиным, с д[иректором] медицинского департамента (холера, кажется, отменена), был в М[инистер]стве земледелия и, наконец, целый час сидел у товарища министра Стишинского.

---

* сможем быть в Вене в пятницу вечером (франц.).

** не уезжайте из Эльстера до получения моей телеграммы (франц.).

*** пятница (франц.).

Завтра в 11 ч[ас]. утра опять еду с Хлобощиным смотреть мебель, а затем весь день, благодаря воскресенью, потерян – такая досада.

Казимир положил мне маленькую подушку мою без чехла! Завтра утром кончу письмо, а теперь, несмотря на то что всего 10 ½ ч[ас]., валюсь от усталости и иду спать. Целую Тебя, нежная ты моя. Как я рад, что англичанка понравилась Тебе... и Олечку.

Я не могу поверить, что няня воровка! Она так любит Адю и не похожа она на это. Не интриги ли?

Воскресенье утром. Дутя, моя радостная, целую Вас – вчера холод, дождь, а сегодня солнышко и к Вам так и тянет, бесценная.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 162–163об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Витгефт** Вильгельм Карлович (1847–1904) – контр-адмирал. С 1899 г. служил в штабе адмирала Алексеева на Дальнем Востоке, участвовал в разработке плана войны с Японией на море. С 1 апреля 1904 г. начальник морского штаба главкома. С 22 апреля временно исполнял должность командующего Порт-Артурской эскадрой. 28 июля 1904 г., ввиду непосредственной угрозы Порт-Артуру с суши, эскадра под его командованием вышла в море, в тот же день Витгефт был убит в бою (на броненосце «Цесаревич»).

[2] **Гессе** Петр Павлович (1846–1905) – генерал-лейтенант, дежурный генерал при императоре Николае II, дворцовый комендант (1888–1905).

Письмо О.Б. Столыпиной

1 августа 1904 г.

1 августа 1904 г., С.-Петербург

Бесценная, сегодня утром отправил Тебе письмо, а вечером начинаю второе – так меня тянет к Тебе.

Сижу у Саши после обеда. Я к нему сегодня перебрался, так что только сутки провел в гостинице. Сегодня воскресенье и нет никаких дел. Утром я смотрел с Хлобощиным мебель у одного полковника, затем переезжал к Саше, днем сделал визит тете Масальской, которая очень тронута тем, что я угостил ее Владешу хорошим обедом и позвала меня обедать во вторник, а теперь вечером думаем с Сашею поехать в Крестовский или «Аквариум» послушать музыку, если не будет дождя.

Петербург пуст и скучен. Завтра утром поеду к Дурново, и решится день моего выезда в Вену, а затем завтра же должен побывать в самых разнообразных департаментах и министерствах. Завтра же попробую спустить Твою кокарду в Кабинет.

Саша до сегодняшнего утра очень волновался: с сыном Сувориным[1], который звал его в «Русь», он разошелся, а со стариком Сувориным еще не виделся.

К обеду он вернулся торжествующий, так как старик пригласил его в «Новое время» на 12 т[ыс]. руб. в год.

Тут толков без конца, но никто не знает, кто будет министром? Называют опять Муравьева, Булыгина, разных Оболенских. А будет, вероятно, кто-нибудь совершенно неожиданный.

Прощай, ангелочек мой, кончу письмо завтра. Как заманчиво Ты описываешь нашего сыночка.

Понедельник. Сейчас еду к Дурново и узнаю, когда он меня отпустит за границу. Такая возня с этим отпуском.

У Саши мне очень хорошо и удобно — я прекрасно спал и сегодня надеюсь переделать массу дел и поручений.

Целую Тебя, ненаглядная, стремлюсь к Тебе.

Вчера такой холод был в «Аквариуме» — посидели до 11 ч[ас]., посмотрели каких-то гимнастов и озябшие вернулись домой.

Целую дорогая.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 164–165об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Суворин М.А. (1860—?) — старший сын А.С. Суворина, писатель и журналист, редактор «Нового времени».**

Письмо О.Б. Столыпиной

3 августа 1904 г.

3 августа 1904 г., С.-Петербург

Светлая моя радость, вчера от вас телеграмма: «гостиница». Вы думаете, что я совсем глупенький и не догадался, что «Erzherzog Karl» гостиница. Я только спрашивал, на какой улице. Так как это гостиница второстепенная, то на вокзале могут не знать. Впрочем, куплю «bedeker»[1] и там, наверное, найду.

Выеду я, вероятно, в среду вечером. Дело в том, что в среду Дурново едет с докладом к Государю и мне скажут по телефону, разрешит ли мне Государь заграничный паспорт. Теперь все временные, министра нет и боятся ступить.

Мате я пошлю телеграмму и, если я выеду в среду, то в Вене буду в пятницу, в 3 ч[ас]., а она, как и хотела, приедет вечером. Отсюда Вена меньше 2 суток.

Дурново встретил меня крайне неприятно; высказал, что перед холерою, казалось бы, я должен быть в Саратове и проч. Уходя, после длинной деловой беседы, я ему высказал, насколько неприятно меня поразила манера его встречи. Он засмеялся и сказал — не обращайте внимания.

Tout cella c'est bel et bon, mais je n'y suis pas habitué*.

Обедал я дома с Алешею Лопухиным, а вечером, по приглашению Коти Оболенского, поехал к нему на дачу на острова пить чай. Там был Алеша Оболенский, Бибиков. Говорили, конечно, про несчастные дела, внутренние и военные. Боже, какое горе. Теперь погиб «Рюрик»[2] и вся Владивостокская эскадра разбита. Какой стыд и горе. Для меня поездка в Вену тем горька, что стыдно в глаза глядеть этим немцам, обидно газету иностранную в руки взять. А тут настроение какое! Поскорее к Тебе, к детям в Колноберже. Сегодня должен был обедать у Масальчихи, но отмахнул и написал ей записку, так как Алеша Лопухин с Оболенск[им] просили с ними обедать и у них я узнаю все свежие новости, которых мы так жаждем все.

Вчера появилась первая Сашина заметка в «Новом времени». Это я Тебе перевел из Саратова «Петерб[ургские] вед[омости]»[3] и «Новое время».

Целую Тебя, недосягаемое мое блаженство, любовь моя.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 166–167об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Бедекер** (Baedeker) Карл (1801—1859) — немецкий издатель. Основал в 1827 г. в Кобленце издательство путеводителей по разным странам. Слово «Бедекер» стало названием путеводителей, которые продолжает выпускать фирма Бедекера (в Гамбурге и Штутгарте, Германия).

[2] «Рюрик» — крейсер 1-го ранга, построен в С.-Петербурге, вступил в строй в 1895 г. В составе Владивостокского отряда крейсеров действовал на японских морских коммуникациях. Утром 1(14) августа 1904 г., находясь в Корейском проливе, отряд в составе «Рюрика» и еще двух крейсеров вступил в неравный бой с 4 броненосными и 2 легкими японскими крейсерами. В ходе боя слабобронированный «Рюрик» получил серьезные повреждения и потерял управление. Свыше 150 членов экипажа были убиты, в том числе командир корабля капитан 1-го ранга Е.А. Трусов и старший офицер капитан 2-го ранга Н.Н. Холодовский, 278 — ранено. Принявший командование крейсером лейтенант К.С. Иванов, ввиду угрозы захвата корабля противником, приказал затопить его.

* Все хорошо и прекрасно, но я к подобному не привык (франц.).

[3] «Санкт-Петербургские ведомости» — ежедневная общественно-политическая газета, выходила в столице в 1728—1917 гг. Редактор Н.Ф. Селиванов, затем Э.Э. Ухтомский, П.А. Голенищев-Кутузов, с № 88 1903 г. до № 197 1904 г. А.А. Столыпин, позднее Н.Н. Штиглиц, Э.Э. Ухтомский и др. Издатель Э.Э. Ухтомский. С № 187 1914 г. газета называлась «Петроградские ведомости». До 1907 г. в виде приложения публиковались объявления о торгах и поставках, расценочные ведомости и др.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 августа 1904 г.

4 августа 1904 г., С.-Петербург

Дорогая, недосягаемая моя. Два дня от Тебя только коротенькие открытые письма. В сегодняшнем Ты сулишься вечером послать длинное подробное, но едва ли я его получу, так как надеюсь выехать сегодня вечером. Сегодня или завтра Государь должен был вызвать Дурново с докладом, но я узнаю лишь сегодня, был ли он в Петергофе и разрешен ли мне отпуск. Сделаю последние дела, возьму паспорт и в 9 ½ ч[ас]. вечера уеду. Все поручения Твои исполнил, но зубных и ногтяных щеток купил меньше, чем Ты заказала, т. к. был в нескольких магазинах и везде мне показалось гадко и дорого, между тем у Саши я видел удивительные щетки, чтобы чистить зубы сверху вниз, рекомендованные лучшими дантистами, и это у Мюрилиза в Москве; я куплю на обратном пути в Саратов. Английские книги купил у Watkins — эти громоздкие вещи из Вены тащить трудно, особенно через границу. Сегодня куплю стеклянные ложки. Чашки Геррах вышлет в Кейданы, а рюмки и стаканы Карпушину в Саратов.

Я высылаю Тебе багажом сегодня мои мундиры, фраки, ненужные вещи, вечером конверт с квитанциею опущу в поезд. Вероятно, все не войдет в футляр от мундира, и я возьму у Саши какой-нибудь сундучок и ключ положу в футляр с мундиром. Последний пусть отмычкою отопрет кузнец, а Сашин сундук, по опростании, немедленно верни ему.

Если выеду сегодня, то буду в пятницу в 3 ч[ас]. в Вене (езды 36 часов) и вечером встречу Матю на вокзале. Мате я пошлю телеграмму. Тут, оказывается, есть тоже знаменитость, ушной врач Гордон, лечит тоже массажем, как Лакер и, говорят, лучше венских.

Из мебели я ничего не купил и не заказал, т. к. не знаю, на что решиться. Или дорого, или рыночно. Взял с собою разные прейскуранты.

Вчера у Эрнеста обедал с Лопухиным, потом приехал Алеша Оболенский, а после обеда подсел Иван Мих[айлович] Оболенский[1] (бывш[ий] харьковский, теперь финляндский ген[ерал]-губ[ернатор]) и Гербель. Было интереснее, чем у Масальской. Вчера опять в качестве будущего министра называли кн[язя] Васильчикова. Каждый день другой.

Прощай, милый, любимый мой друг, любовь моя. Неужели скоро увижу, обниму Тебя? Люблю.

В «Новом времени» теперь ежедневно можешь читать Сашины заметки.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 168–169об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Оболенский** Иван Михайлович — шталмейстер, с 14 января 1902 г. до 31 марта 1903 г. харьковский губернатор, в 1904 г. генерал-лейтенант, состоял при министре внутренних дел, в том же году назначен финляндским генерал-губернатором.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 августа 1904 г.

4 августа 1904 г., [С.-Петербург]

Сейчас отправил письмо и забыл сказать что был вчера в Опекунск[ом] совете и справлялся по делу Л.А. Дмитриевой. Она прошение должна подать в Совет своего института, который представит дело Бахметеву[1]. Полозов[2] просил, чтобы к бумаге Совета института была приклеена моя карточка et tout sera fait. J'ai été pour la cocarde de maman — cela n'a aucun prix et on refuse de la reprendre*.

P.S.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 170.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Пратасов-Бахметев** Николай Алексеевич — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, почетный опекун, главноуправляющий собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

[2] **Полозов** Михаил Кузьмич — действительный статский советник, управляющий делами собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

* все будет сделано. Я был по поводу кокарды Мама, она не имеет никакой ценности, и ее отказались принять (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

4 августа 1904 г.

4 августа 1904 г., С.-Петербург

Милая, сегодня пишу Тебе третье письмо. Это отправляю с вокзала, вложив квитанцию от отосланных багажом вещей. Пусть кузнец отопрет ящик с мундирами и там на первом месте приколот к белому жилету ключ от Сашиного сундучка. В этом сундучке все комиссии и самые нужные мои бумаги и документы.

Пустой сундучок отправь багажом Саше обратно, а квитанцию по новому его адресу – Французская набережная 32. Это бывшая Гагаринская набережная, он нанял квартиру в том же доме, где живет Юрий Милютин.

У Саши мне было очень хорошо и удобно, и он все заботился о моих удобствах.

Мне кажется, что у Мати будет довольно денег: у меня 450 руб. Полагаю, что у Мати рублей 400 тоже осталось. Не знаю, сколько заграбастают профессора? Во всяком случае, если бы вдруг недостало денег, Ты немедленно по телеграфу переведи. Это можно, полагаю, сделать через Храповицкого, а в крайнем случае можно послать Штраухмана в Ковну. Да я думаю, что хватит.

M-elle Sandy, я думаю, во избежание расходов, сейчас же отослать в Колноберже. Ведь и Ты так писала? Я думаю, она совсем не нужна. Тут ежедневно проливные дожди, вероятно, то же и у вас! Надеюсь для Матиньки, что в Вене солнышко! Боже, как во время этой тяжелой войны неохота ехать заграницу. Чувствуется потребность прятаться.

Люблю, милая.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 171–172об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

7 августа 1904 г.

Пятница, 7-го августа [1904 г.] Вена

Драгоценная, вот и моя Матинька со мною тут, и все хорошо.

Я приехал в 3 ½ ч[ас]., взял комнаты – одну большую для M-elle Sandy с Матею и рядом маленькую для меня – обе за 18 крон, т. е. 7 р[уб]. 20 к[оп]. в сутки. Гостиница покойная, только обед дорог (2 р[уб]. 40 к[оп].) и бесконечный. До обеда я ездил к Брауну – оказывается специалист по нервным болезням. Вероятно,

лопухинский Браун (которого знает и Шенберг) уехал из Вены. Я боялся, что никого из светил нет в Вене, но, слава Богу, Урбанчич тут и завтра в 10 ч[ас]. утра мы с Матею будем у него.

У меня была минута страшного беспокойства: пришел поезд и Мати нет. Я решил ждать следующего train de luxe*, но со слабою лишь надеждою, что Матя в нем приедет. И вдруг, вообрази мое удивление: из вагона важно вылезают Матя и M-elle Sandy. Оказалось, что их поезд опоздал на соединительную станцию и пришлось бы в Егере,<?> сидеть 12 часов. Они очень умно сделали, что не пожалели лишних 50 марок, а то я бы умер от беспокойства.

От страшно скорой езды нашу девочку закачало, но в общем она очень поправилась. Страшно весела меня видеть и все твердит: «Как хорошо, как хорошо».

Теперь нам поскорее Мама увидеть. Я ее уложил баиньки, а Тебе пишу из «conversation-salon»**. Что-то завтра Урбанчич скажет? Помоги Господи.

Нежно, много и любовно целую Тебя, свет мой, любовь моя.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 174–175об.
На бланке гостиницы «Erzherzog Karl», Joseph Schindler, Wien.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

7 августа 1904 г.

7 августа 1904 г., [Вена]

Милая, несколько слов только, так как завтра напишу с M-elle Sandy, а теперь надо ехать Матульке за корсетом, т. к. завтра воскресенье. Главное уши: сегодня утром были у Урбанчича, который мне весьма понравился – сразу видно qu' il est sûr en <1 нрзбр.>***. Он вставлял и bougie****, и массировал, и делал вибрационный массаж. После этих манипуляций слух сразу стал даже в правом ухе более ясен. Он сказал, что нужно совокупное лечение носа, уха и горла. Левое ухо, по его мнению, можно *очень* улуч-

---

* комфортабельный поезд (франц.).
** гостиная (франц.).
*** что он уверен в своей [методике] (франц.).
**** свечи (франц.).

шить, но и правое можно сильно поправить. Глухота, по его мнению, совершенно не грозит Мате, надо только лечить. Он все подробно напишет Галлеру, и если у него нет всех приспособлений, это можно прислать из Вены. В понедельник, во вторник и среду он опять проделает все сегодняшние манипуляции, чтобы совершенно правильно поставить диагноз. Весь курс лечения потребовал бы месяца два. Я так был счастлив его диагнозу, что, с его благословения, послал Тебе телеграмму. Наша девочка весела и сегодня у нее шум гораздо меньше. Были в trésor Imperial*, завтракали на воздухе, вечером в оперу. Завтра в 12 ч[ас]. дня отправляю Сандо.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 176–177об.
На бланке гостиницы «Erzherzog Karl», Joseph Schindler, Wien.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

9 августа 1904 г.

9 августа 1904 г., Вена

Милая, дорогая, два последние слова, т. к. послезавтра в среду мы едем и в пятницу в 4 часа будем в Твоих объятиях.

Сегодня были во второй раз у Урбанчича, и он хочет видеть Матю еще два раза, чтобы установить подробный диагноз. Я уверен, что если бы Матя месяца два провела бы в его умных руках, то улучшение было бы серьезное. После каждого сеанса Матя с таким блаженным облегчением говорит об уменьшении шума в ушах. Он все напишет Галлеру, но сумеет ли Галлер лечить по его методе? Сегодня Урбанчич мне сказал, что окончательное суждение выскажет в среду, но что он уже ясно видит, что нерв *не* парализован, поэтому глухоты боятся нечего: дальше она не пойдет, что же касается улучшения, то относительно левого уха он уверен в возможности сильно поправить, относительно правого скажет в среду. Благослови Господи.

Сегодня возил нашу детку в Шёнбрун[1], но неудачно – был дождь и дворца не показывали, под дождем гуляли по прекрасному парку. Завтра опять едем за город.

Жеребцов[2] был, но не застал нас.

---

* Собрание сокровищ Империи (франц.).

Как я жажду Тебя, ненаглядная, и как мне жалко этих дней, потерянных без Тебя в Вене. Лишь бы Мате нашей польза. Стараюсь всячески ее веселить.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 179–180об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Шенбрунн** (Schönbrunn) — императорский дворец в Вене. Постройка дворца начата при императоре Леопольде I по планам архитектора Фишера фон Эрлаха, закончена при Марии Терезии в 1744—1750 гг., служил с тех пор летней императорской резиденцией. Дворец окружен большим парком (196 га), распланированным во французском стиле XVIII в. В парке находится, помимо других построек, императорский колодец (отсюда название дворца: «Schöner Brunnen» — прекрасный колодец). В 1805 и 1809 гг. дворец служил главной квартирой Наполеона I. 26 декабря 1805 г. здесь был подписан Шенбруннский (Пресбургский) союзный договор между Францией и Пруссией, 14 октября 1809 г. — Шенбруннский (Венский) мирный договор между Францией и Австрией после окончания австро-французский войны.

[2] **Жеребцов** Дмитрий Михайлович — в звании камергера, коллежский советник, 2-й секретарь посольства в Вене.

Письмо О.Б. Столыпиной

12 августа 1904 г.

Четверг 12 августа, Москва

Теперь половина девятого и я уже совершенно готов и жду Сашу, чтоб ехать в «Москву». Спал на новом месте тревожно, но высплюсь в вагоне. Так как к 1 часу должен приехать обратно к завтраку, а в 4 идет уже поезд, то сама суди, как мало времени для поручений.

Вернулся из «Москвы» и позавтракал — через час ехать, дождь проливной. Почти все сделал, но на обратном пути останется пальто, шляпы и муфта — как ни искал, ничего не нашел, отчаяние.

Шляпа-капор и муфта белые у Мюрилиза стоят по 5 рублей, значит на двух детей 20 рублей. Напиши, покупать ли? Все покупки пришлет вам Михайла товарным поездом. Саша вышлет накладную. Саша посылает в подарок Мате прелестную серебряную печатку, которую он тихонько от меня купил — такое баловство. Из вагона подробно напишу обо всех покупках. Посылаю детям коробку шоколада. Дулевичу булавку.

Спешу, пора ехать – прости, я совершенно загнан с поручениями.

Целую, обнимаю, люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 182–183.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

19 декабря 1904 г.

19 декабря 1904 г., вагон

Дорогая, милая моя,

Пользуясь краткою остановкою, чтобы поцеловать Тебя и сказать, что у меня перед глазами все время Твое дорогое, грустное личико.

Вспоминаю, как сегодня утром застал Тебя, окруженную детьми в симпатичной ванной комнате.

Я напился чаю с сендвичами и скоро, до Ртищева, лягу спать.

Христос с Тобою, ангел мой.

Твой любящий

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 187.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

1905

Письмо О.Б. Столыпиной

19 февраля 1905 г.

19 февраля 1905 г., Романовка

Дорогая Олюша,

Только что решили послать нарочного в Саратов, скоро идет поезд и пишу наскоро.

Пришли 100 рублей на всякий случай, еще две смены белья, кофе. Посылаю чемодан, в который все уложишь. Здесь, т. е. в Мордовском крае (за 10 верст), мужики упрямятся и не дают аресто-

вать зачинщиков. Перед мною, однако, становятся на колени. Я беру их измором и надеюсь ко вторнику все покончить. Надеюсь, что в Царицыне все будет к тому времени спокойно (там забастовки), и я в среду буду дома.

Я здоров, благополучен. Целую нежно.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 марта 1905 г.

4 марта 1905 г., С.-Петербург.

Ангел, любовь моя. Как я чувствую Твое отсутствие — приходится решать такие капитальные вопросы, касающиеся всей семьи, одному. Теперь 6 ч[ас]., и перед тем, как ехать обедать к Саше, наскоро пишу Тебе, так как вечером не успею. Сначала Москва: Саша производит все то же грустное впечатление, жалуется на Семена, что тот не дает ему сразу денег, вообще жалок. Он очень, кажется, тронут был Твоим подарком, хотя уверял, что напрасно. Я старался обласкать его, повез обедать в «Прагу» и накормил хорошим обедом. Семен будто бы дважды писал Тебе и даст мне с собою золоченый табурет. Саша проводил меня на вокзал и уехал я из Москвы под грустным впечатлением, проехав мимо места убийства великого князя[1]. Приехал в Петербург — яркое солнце, движение на улицах, как будто бы и не нависла гроза над Россией.

Пока мылся, пришел Кнолль. Уверяет, что в Петербурге много говорят о моей деятельности, что он повсюду слышит разговоры обо мне. Послал его к Гунет!

Пошел постригся, встретил нашего П. Давыдова, который со слов Львова спел мне на улице похвальный дифирамб и придет ко мне вечером. Завтракал у Саши, который от Лопухина знал о сделанном мне предложении и написал длинное письмо в Саратов с уговорами принять. У Саши Муничка, собирающийся в Рим. Все они тоже говорят, что будто про саратовского губернатора много в Петербурге говора. На меня все это наводит грусть! Саша страшно уговаривает принять банк. Туда будто бы хотел Ватаци[2] раньше, чем попасть в тов[арищи] министра, просятся туда будто бы масса сановников. Он говорит, что надо теперь быть в

Петербурге, чтоб оценили и проч. Муничка отговаривает: «pour l'histoire Vous devez refuser, Vous appartenez à l'his-toire»*. Идиот.

Ольга нашла немку и швейцарку, англичанки пока нет, но поедет еще к пастору.

В 2 ½ ч[ас]. поехал к Пушкину[3] и сидели до 4 ч[ас]. Он ужасно рекламирует свое место, повторил все, что мне уже писал, и удивляется моим колебаниям. Коковцов сказал ему, что он сам чиновник и поэтому хотел бы во главе банка не чиновника, а человека независимого, известного, с именем и положением и поэтому остановился на мне.

Пушкин сказал, что министр очень меня ждет и в телефон спросил, когда меня примет Коковцов, на что получил ответ, что сегодня в 5 часов. Квартира в банке хороша, но, конечно, тесна сравнительно с нашей, хотя, как сказал мне Коковцов, куда лучше квартиры министра финансов. Пушкин сегодня вечером пришлет мне подробный план. Очень красивая мраморная лестница и площадка наверху (подъезд особый). Зала белая со вделанными зеркалами, как у нас, но вдвое меньше нашей, аркою она отделяется от столовой. Маленькая угловая гостиная, два кабинета и приемная, соединяющая квартиру с банком. Потом коридор и по коридору, кажется, 10 комнат помимо, но светлых, т. к. выходят на широкий двор. Людских, он говорит, можно прибавить сколько угодно. На дворе сараи, конюшни, ледники, коровники. Для Петербурга, конечно, квартира рай, но после нашей покажется тесненька. В пять поехал к Коковцову.

Вот существо его и моей речей: я остановился на Вас, сказал он, так как слышал о Вашей деятельности и энергии, доложил Государю, назвав 2 имени, и Государь сказал, что выбор Вас будет самый лучший, так как у Вас твердо определенные взгляды и богатая энергия. Булыгин отпускает Вас неохотно и сказал, что решение вопроса зависит исключительно от Вас, решайте. Я ответил, что был удивлен предложением, хотел бы знать, что он от меня ждет, что я человек идеи, что служить делу, которому не верю, я не пойду, что я желаю знать узко ли кредитное учреждение Крестьянский банк или государственно землеустроительное и затем что я хочу выяснить еще у министра внутр[енних] дел вопрос, насколько удобен уход мой в тяжелый для губернии момент.

На это он мне сказал, что он смотрит на Крестьянский банк довольно широко, хотя не увлекается мыслью, что банк может

---

* во имя истории Вы должны отказаться, Вы принадлежите истории (франц.).

разрешить вопрос о землепользовании крестьян во всем объеме, тем более, что теперь война и нет денег, но что если он наметил меня, то оттого, что желает подойти к разрешению этого вопроса. Если бы было иначе, я взял бы одного из жаждущих этого места: Авраама ради Исаака, Исаака ради Иакова и т. д., ничего нет легче. В смысле самостоятельности на мой вопрос, не обращусь ли я в подмастерье, он мне ответил, что я буду хозяином дела, самая легкая и отдаленная подчиненность мне, министру, доклад раз в неделю, я, дескать, начальнического тона никогда не принимаю, о всех спорных вопросах всегда столкуемся и т. д.

На мое сомнение, что, уйдя из своего министерства, я сжигаю корабли и, если мне тут не понравится, то опять труден будет переход в губернаторы, он ответил — Вас с такою неохотою отпускают, что всегда радостно примут обратно. Наконец, он сказал, что если заручится моим согласием, то согласен даже дать мне самых тяжелых 2–3 месяца еще погубернаторствовать в Саратове.

Ответ я должен дать ему в воскресенье. Вечером сегодня в 9 ¼ ч[ас]. ждет меня Ватаци. У Саши будет Алеша Лопухин, который уходит губернатором в Ревель, а позже, после исповеди, придет туда Алеша Оболенский.

Кончаю, пора ехать.

Бедный-то Олсуфьев в плену у японцев, прочти заметку о нем Саши.

В заключение хочу вызвать Твою улыбку. Муничка говорит — теперь заграницею стыдно быть русским, но за француза меня не примут, за англичанина трудно себя выдать и я решил, переехав границу, притвориться... жидом, авось поверят.

Люблю, обожаю, целую.

Твой

Напиши, принимать ли?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 3–4об., 100–101об. Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Имеется в виду убийство Сергея Александровича Романова (1857—1905) — великий князь, четвертый сын Александра II, брат Александра III и дядя Николая II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Член Государственного совета. С 1891 г. московский генерал-губернатор и с 1896 г. командующий войсками Московского военного округа. В начале 1905 г. уволен от должности генерал-губернатора. Оказывал большое влияние на Николая II в направлении усиления гонений на легальные общественные организации и печать, насаждения полицейских организаций в рабочей среде. 4 февраля 1905 г. убит на Сенатской площади в Московском Кремле от взрыва бомбы, брошенной членом

Боевой организации эсеров И.П. Каляевым (1877—1905), участником покушения на В.К. Плеве (был одним из метальщиком бомб). 5 апреля 1905 г. Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости по приговору суда Особого присутствия Правительствующего Сената.

[2] **Ватаци** Эммануил Александрович — в должности гофмейстера, действительный статский советник. С 1 февраля 1902 г. до 15 апреля 1904 г. ковенский губернатор, в апреле-мае 1904 г. товарищ министра внутренних дел, в мае-ноябре 1904 гг. харьковский губернатор.

[3] Возможно, **Пушкин** Евгений Алексеевич — тайный советник, сенатор кассационного департамента Правительствующего Сената.

Письмо О.Б. Столыпиной

20 мая 1905 г.

Le 20 Mai 1905. Atkarsk

C'est la première que je t'écris durant mon voyage, car il n'a avait nulpart de station de poste. Le voyage bien, une bonne impression des paysans. Des que tu ais partie, il a commencé à faire froid — jusqu'à 9° le soir et un vent terrible. Pas de pluie. Comme je te remercie pour tes télégrammes — c'est un baume. Quelle tristesse, que la défaite de Рожественский[1] – c'est la fin de tout! Penser, qu'il a des russes qui s'en réjouissent. Какие еще испытания готовит нам Господь D'ici j'ai encore deux jours de voyage en équipage. Je n'arrive à Saratov qu'a dimanche. Tu sera de nouveau sans lettre. J'attends des nouvelles avec impatience. Je t'embrasse tendrement, ainsi que les enfants*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 9об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Рожественский** Зиновий Петрович (1848—1909) — русский вице-адмирал. В русско-японскую войну 1904—1905 гг. командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой, совершившей переход из Балтийского моря на Дальний Восток.

---

* 20 мая 1905 г., Аткарск

Первый раз пишу Тебе за время моей поездки, т. к. не было ни одной почтовой станции. Путешествую хорошо, хорошие впечатления оставляют крестьяне. После того, как Ты уехала, началось похолодание – до 9° вечером и жуткий ветер. Но дождя нет. Как же я благодарен Тебе за телеграммы, они – бальзам <для меня>. Какое горе – поражение Рожественского. Конец всему! И ведь подумать только, есть такие русские, которые радуются этому факту. Какие еще испытания пошлет нам Господь! Отсюда мне еще два дня ехать в экипаже. В Саратов я прибуду только в воскресенье. Ты снова окажешься без писем. А я ожидаю новостей с нетерпением. Нежно обнимаю Тебя и детей (франц.).

Письмо О.Б. Столыпиной

25 мая 1905 г.

25 мая 1905 г., Саратов

Дутя, сегодня коротенькое письмо, так как сначала замучил архиерей бесконечною службою – в жару, в мундире – можешь вообразить.

Потом сидел Щербаков (женат на Строгоновой), а потом бесконечно долго Засядко[1], который в отчаянии, что Тебя не застал.

Он приехал с женою, которую он отправляет завтра пароходом, и завтра он у меня обедает. Говорит, что приехал у меня просить указаний и советов, учиться у меня и т. д. Он несколько постарел, много говорит, нервен, но не глуп. Вчера был на экзамене сестер милосердия – отвечали посредственно. Там потел Букарь, который собирается писать Тебе.

Вечером пришел Крапоткин, и мы вместе пошли пешком к Булгак, у которой была еще Антонина и о. Сергий[2] с женою. Скорбели о текущих вопросах и дышали вечерним, более или менее сносным, воздухом.

Началась опять жара, ни одного дождя, в поле все выгорает и появляется призрак голода. Я у себя заблиндировал* садик железными листами и еще на балконе устраиваю парусиновые занавески, так что по вечерам буду заниматься и пить чай на воздухе.

Детям хорошо будет теперь кататься на коньках.

От Тебя из Колноберже ни одного еще письма.

Пришел проводник с заявлением, что Ты в Орше зайцем угостила Адю котлетою.

Напишу туда.

Целую бесконечно.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 11–12об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Засядко** Дмитрий Иванович – камергер (1912), действительный статский советник, сенатор (1916). Управляющий Радомской казенной палатой (1893), член от Министерства внутренних дел в Тарифном комитете Министерства финансов (1903). Председатель губернской земской управы по назначению от правительства. С 23 декабря 1904 г. до 11 декабря 1905 г. самарский губернатор, с 17 июня 1906 г. до 1915 г. радомский губернатор.

[2] Архимандрит **Сергий** – настоятель Николаевского мужского монастыря в городе Петровске Саратовской губернии.

---

* Создать укрытие, отгородить (от франц. blinder – экранировать).

Письмо О.Б. Столыпиной

31 мая 1905 г.

Ce 31 Mai 1905. Saratow

Je viens de me faire tirer une dent par Добрый. Je n'ai senti aucune douleur, grace à cocaine. Je me suis pris à temps, car hiers soir la dent a commencé à me faire mal chez Antonina Kind. Un abcès a commencé à se former – c'est une dent de sagesse, qu'on ne voit pas et qui ne servait à rien. Il veut me faire une fausse dent pour mieux mâcher. Aujourd'hui j'ai eu une masse de monde jusqu'à 3 h. A 7 $^{1}/_{2}$ je vais à la prison avec Новаков[1] voir les nouvelles batisses. La Булгак est partie, aujourd'hui elle est venue me faire ses adieu. L'Impératrice Marie m'a répondu par un gracieux télégramme. Alex. Pavlow est arrivé – il a vu Sacha St[olypin] au земский съезд à Moscou. Il dinne chez moi demain. J'embresse mon adorée. Hier pas de lettre. J'en espère 2 aujourd'hui. Est ce qu'Elène a meilleur mine?*

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 10об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Новаков** Сергей Иванович – коллежский советник, губернский тюремный инспектор, член правления Саратовского учебно-исправительного приюта им. Галкина-Враского.

Письмо О.Б. Столыпиной

3 июня 1905 г.

Ce 3 Juin 1905, Saratow

Pas de lettre aujourd'hui de mon adorée – hier j' en ai eu deux. Il fait de nouveau très chaud – je ne sors guere que pour aller chez Добрый. Ce soir je vais prendre l'air в Вакуровский парк. J'y ai donné

---

* 31 мая 1905 г., Саратов

Только что Добрый удалил мне зуб. Благодаря действию кокаина, не почувствовал никакой боли. Я вовремя спохватился, т. к. вчера вечером зуб начал болеть, когда я был у Антонины Кинд[яковой]. Образовался гнойник, а это – зуб мудрости, скрытый от глаз и абсолютно бесполезный. Теперь нужно вставлять искусственный зуб, чтобы лучше прожевывать пищу. Сегодня до 3-х часов у меня перебывала масса людей, а в 7 ½ пойду с Новаковым осматривать новые тюремные постройки. Булгак уехала, сегодня она приходила попрощаться со мной. Императрица Мария весьма благосклонно ответила мне телеграммой. Алекс[андр] Павлов прибыл, он видел Сашу Ст[олыпина] на земском съезде в Москве. Завтра он обедает у меня. Обнимаю Тебя, моя обожаемая. Вчера не было письма. Надеюсь сегодня получить два. А что Елена, выглядит лучше? (франц.)

rendez-vous à Vera Розенталь et à Букарь, à ce dernier pour parler de la Община. J' ai eu visité de la Петропавловская[1] et j'ai eu l'idée de lui fourrer le Львов[2] dans une de ses reunions. Elle conseille de l'envoyer chez Дыбов[3]. Je le ferai.

Comme je pense souvent à toi et à vous tous et au petit <1 нрзбр.>

La Чиабров[4] est-elle arrivée? La belle-seur est ennuyeuse de ne pas avoir trouvé de l'anglaise. Вексель a-t-il écrit? Mille baisers tendres*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 13об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Петропавловская** – жена Василия Васильевича Петропавловского, надворного советника, товарища прокурора Саратовского окружного суда.

[2] Возможно, **Львов** Иван Васильевич – коллежский асессор, городской землемер, член Саратовской городской управы.

[3] **Дыбов** Григорий Григорьевич – титулярный советник, секретарь Саратовского губернского по земским и городским делам присутствия, товарищ хранителя исторического архива Саратовской ученой архивной комиссии.

[4] **Чиабров** Дмитрий Захарович – помощник присяжного поверенного в Саратове.

Письмо О.Б. Столыпиной

30 июня 1905 г.

30 июня 1905 г., Саратов

Мое сокровище, я вернулся из Биклея сегодня утром и вот только теперь в 9 ч[ас]. вечера улучил минутку Тебе написать.

Очень был рад тому, что Харизоменова нашла учительницу при помощи Ульрих: золотая медаль, скромная и из хорошей семьи – отец был военный врач. Завтра она приезжает. Я был у Харизоменовой и дал 30 р[уб]. на дорогу. Когда я приехал, то нашел на столе громадный именинный крендель, украшенный цветами от Харизоменовой и массу телеграмм, между прочим от матушки

---

* 3 июня 1905 г., Саратов

Сегодня ни одного письма от моей любимой, а вчера было целых два. Снова очень жарко – я выйду только, чтобы пойти к Доброму. Этим вечером пойду погулять в Вакуровский парк. Там у меня назначено свидание с Верой Розенталь и Букарь, с последней, чтобы поговорить по поводу Общины. Я посетил Петропавловскую, и она подала мне мысль затащить Львова на одно из ее собраний. Она советует послать его к Дыбову. Я это сделаю. Как я часто думаю о Тебе и обо всех вас и о малыше <1 нрзбр.>. Приехал Чиабров? Невестка пригорюнилась, не найдя англичанку. Выписан ли вексель. Тысячу нежных поцелуев (франц.).

Елены и Булгак из Крестностока (значит она приближается к Колноб[ерже]) и от Бартельсена по дороге на войну.

Про уезд лучше не писать Тебе: две усадьбы сожжены и разграблены, так что пахать можно. Это у барона Ховена и Киндяковых. Крестьяне хотят идти жечь и грабить дальше, но посланные мною драгуны остановили движение своим появлением. На мои вопросы: «знать не знаем и ведать не ведаем».

Соседние деревни террориз[иро]ваны, т. к. и их хотят жечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли в город имущество, жен и детей. В других уездах тоже вспыхивает то тут, то там. Еле поспеваешь посылать войска, которых мало и долго ли еще можно рассчитывать на войска после Потемкина[1]?

А господа земцы готовят сюрпризы: врачи Балашовского уезда решили, что недовольны тем, что я не исполнил их требования, и все с 15 июля выходят в отставку — бросают больницы, амбулатории, уходят и все 40 фельдшеров. К ним присоединяются 3 уезда, а затем, вероятно, вся губерния.

Я не теряю самообладания и надеюсь на Бога. В этом деле я прав и думаю, что большинство благоразумн[ых] людей осудит врачей и они провалятся. Само селение, я думаю, обернется против них и им не удастся сыграть в руку революции. Я прошу еще полк казаков в губернию и не теряю надежды поддержать порядок.

Твои письма — моя утеха и услада. Целую моего сына за поздравление.

Гаврюша с женою делают прощальные визиты, он со мною очень любезен et fait bonne mine à mauvais jeu*. Харизоменова мне сказала, что учительница просит 35 р[уб]. и Ты согласна, а я-то послал телеграмму, ну да я из ответа узнал, что все вы, дорогие, здоровы. Что это за сибирки на лошадях? Алеша пишет длинные письма из Анненкова. Дутя, я в день своих именин обедал в 8 ч[ас]. вечера после целого дня езды кофеем и яйцами всмятку. Вот так фунт. Сейчас идет последнее ликвидац[ионное] собрание санитарного общества, на котор[ом] ожидаю скандалов и ругани против меня.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 14–15об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* делает хорошую мину при плохой игре (франц.).

[1] Имеется в виду восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический» Черноморского флота, вспыхнувшее стихийно 27 июня 1905 г. Броненосец был восторженно встречен бастовавшими рабочими Одессы. Матросы направленной для подавления восстания эскадры отказались стрелять по мятежному броненосцу, к восставшим присоединился броненосец «Георгий Победоносец» (вскоре, однако, он был сдан властям) и миноносец № 267. Лишенные топлива и продовольствия, броненосец и миноносец вынуждены были сдаться в Констанце румынским властям. Броненосец был в октябре 1905 г. возвращен в Россию и переименован.

Письмо О.Б. Столыпиной

1 июля 1905 г.

1 июля 1905 г., Саратов

Сегодня я, как Фейнберг[1], устал и пишу два слова своей дорогой.

Такая масса помещиков теперь приезжает, и все напуганные: сегодня опять кн[язь] Салтыков, Сабурова и кн[язь] Гагарин (брат Андрея).

Теперь главная забота, это доктора. Я телеграфировал в Петербург, прося выслать хоть несколько человек, чтоб объезжать деревни. Но думаю, что ответят, что врачей нет.

Сегодня долго беседовал с членом управы Сумароковым[2] и мягко высказал ему, что гнусно пользоваться ложью и клеветою на губернатора, чтобы вызвать забастовку и возбудить население. Он лепетал, что это направлено не против меня, что мне отдают должное, но что правительство ведет двойную игру и что нужно с ним бороться и доктора избрали такой прием, как способ борьбы.

Вчера в санитарном обществе вакханалия адресов, похвальных речей, ругани против бюрократии.

Мораки[3] имел инструкции в случае эксцессов и каких-либо революционных возгласов закрыть собрание. Но до этого не дошло, и лишь по закрытии собрания молодежь затянула Марсельезу.

Сегодня долго сидел я в губ[ернском] правлении и Гаврюша удивительно мил и любезен. Но жду не дождусь, когда он будет уволен и уедет.

Ты как-то мало отозвалась на его уход. Сегодня в телеграмме слух о назначении Мима в Москву вместо Шувалова. Не дай Бог.

Завтра выезжает учительница, но Еленочка пусть поменьше учится, ей необходим почти полный отдых.

Нат[аша] Ушакова, кажется, давно католичка.

Лихарев еще денег не заплатил, жена его с детьми тут где-то умирает с голода.

То, что Ты читала в газетах о том, что сарат[овская] администрация прозевала голод, это подлость Юматова.

Я сам в день их заседания вызывал его, обратил его внимание на предстоящий голод, сообщил о принятых мною мерах и упомянул об оптимизме Кропотова[4], которого я не разделяю, а он воспользовался и что-то набрехал. Я его пробирал. На воскресенье приглашен обедать к Харизоменовым. Отчего Ты не делаешь визитов? Соседи будут обижаться.

Люблю, целую нежно.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 16–17об.
Рукопись. Автограф.

[1] **Фейнберг** Исаак Александрович – статский советник, председатель ковенского благотворительного общества «Подпора падающим».

[2] **Сумароков** Алексей Владимирович – коллежский секретарь, член Саратовской губернской земской управы, губернского по воинской повинности присутствия, гласный губернского и уездного земского собрания.

[3] **Мораки** Владимир Николаевич – надворный советник, уездный исправник Балашовского уезда Саратовской губернии.

[4] **Кропотов** Григорий Сергеевич – статский советник, непременный член Саратовского губернского присутствия, гласный Саратовского губернского и уездного земского собрания, член Саратовского губернского Статистического комитета.

Письмо О.Б. Столыпиной

2 июля 1905 г.

2-го июля 1905 г., Саратов

Любимая, я рад, что сегодня утром отправил учительницу. Вот оправдат[ельный] документ на красной бумаге.

Твоя телеграмма опоздала и, к сожалению, полетевший с книгами Иван уже не застал учительницу в Саратове. Жалование ей 35 р[уб]. Напиши впечатление.

Еленочку пусть поменьше она учит, ей сначала окрепнуть надо и набраться сил к зиме. Что это Звездочка захромала? Прошел ли сап, ввергающий меня в ужас. Ведь это громадный убыток! Здоров ли скот в Пилямонте[1]?

Серию 1-го июля я купил, по 150 р[уб]. записал в доход, которого у нас так мало, а расходов так много. На днях вышлю Тебе 1000 рублей.

Я за всеми своими заботами, которые приковывают меня к письмен[ному] столу от 8 ч[ас]. утра до часу ночи, совершенно запустил переписку с управляющими. Хочу написать Анне, чтоб она в Чулпановке объехала наши владения – хоть формально показать так надзор.

В Акшино некогда отлучиться даже на 3 дня.

15 июля экстренное земское собрание, а через 3 дня я хочу выехать в Сердобский и Петровский уезды – там брожение.

Мне посылают еще полк казаков. Эти, думается, надежны и я спокойнее.

Не вижу я того счастливого дня, когда обниму Тебя в Колноберже. Видимо и 11-ое и 22-ое проведу в одиночестве. Дай Бог вырваться в августе.

Сегодня был Языков[2]. Биклей, где был разгром, от них в 30 верстах. Он говорит: Марья Михайловна дрожит! Кочубей из Остенда телеграфировал к 29-му. Не забудь ей отплатить 26 августа.

В Галкинский приют поеду завтра насчет Лейкиной. Салтыков (женатый и отец семейства) уехал.

Несмотря на дела, я решил немного отвлечься, а то обалдеешь, и вечером еду с Кноллями смотреть «Джентельмена».

Цензор Виноградов[3] переедет в Томск, а мне назначают б[ывшего] земского начальника Старова[4] (мой выбор).

Прощай бесценная. Целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 18–19об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Имение Пилямонт П.А. Столыпин приобрел в 1905 г. у помещика Гружевского в Ковенской губернии (785 десятин), позднее отдал его в качестве приданого старшей дочери Марии, когда она выходила в 1908 г. замуж за Б.И. Бока.

[2] Трудно сказать, кто из братьев имеется в виду: Языков Сергей Михайлович – статский советник, член гражданского департамента Саратовской судебной палаты или Языков Николай Михайлович – титулярный советник, инженер-технолог, участковый 3-го участка фабричного надзора Саратовской губернии.

[3] Виноградов Павел Тимофеевич – статский советник, и. о. саратовского отдельного цензора по внутренней цензуре.

[4] Старов Константин Прокофьевич – государственный секретарь, в 1902 г. земский начальник.

Письмо О.Б. Столыпиной

3 июля 1905 г.

3 июля 1905 г., Саратов

Моя ненаглядная, сегодня выспался до 8 ½ ч[ас]., т. к. воскресенье, вчера отдохнул немного в театре на «Джентельмене» и сегодня чувствую себя бодро и хорошо, тем более, что свежо и все последние дни идут хорошие дожди.

Сам «Джентельмен» играли оч[ень] хорошо и я вспомнил, что Ты любила эту пьесу. В ложе были Кнолли, Арбенев[1] и потом пришел Корбутовский. В антракте пили чай. Сегодня был у меня Букарь, очень Тебя любит и кланяется.

В губернии крупного за последние дни ничего не было, кроме забастовок в имениях и угроз, но мне посылают еще казаков. Теперь острый вопрос с докторами – это докторская драма должна разрешиться до 15-го июля. Я послал весьма умеренный ответ, в котором отмечаю, что различаю два течения – прогрессивное и разрушительное и борюсь только против последнего и не верю, что враги хотят подать руку элементам разрушения и насилия, и, несмотря на какие бы то ни было угрозы, я свой долг исполню и сохраню порядок и спокойствие, которых властно требует общество для проведения реформ. Вместе с тем я готовлю туда врачей (нашел уже четверых), надеюсь, что несколько человек получу из Петербурга и пошлю их в уезды с сестрами милосердия.

Бог поможет мне, надеюсь, выйти и из этого затруднения.

Были сегодня в Галкинском приюте, смотрели забор, который хорош, дети здоровы, Лейкиной я приказал до возвращения ее отца с войны, не переводить в православие. Она очень на вид истощенная – кажется, у нее английская болезнь.

Мне так жаль, что я не вижу, как развивается мой сыночек. Так тянет к Тебе, солнцу моей жизни.

Что наши лошадки?

Целую Тебя, цветик Ты мой, когда-то расцелую Тебя «всурьез», как говорят мужики?

Люблю.

Кто пишет адреса? Я сначала пренебрежительно смотрел на эти конверты и открытки и открывал их последними. Сегодня нет письма – такая обида.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 20–21об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Арбенев Владимир Николаевич — действительный статский советник, в 1902 г. непременный член Саратовского губернского присутствия, гласный губернского земского собрания от Сердобского уезда Саратовской губернии, гласный уездного земского собрания. Член (от земства) отделения Крестьянского поземельного банка, член судебного присутствия уездного съезда, почетный мировой судья.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 июля 1905 г.

4-го июля 1905 г., Саратов

Милая, дорогая моя, получил сегодня Твое грустное письмо от 29-го июня. Мое назначение почетным членом Московского совета детских приютов вызвало и тут переполох. Со всех сторон запросы и, должен сказать, сожаление о моем будто бы уходе. Тут это поняли как назначение почетным опекуном. Ах, как бы это было покойно! Я сам не знаю, почему меня назначили по Московск[им] приютам! Тут в губернии нанимают дачу больным детям этих приютов — вероятно, это причина.

Ты пишешь про Гаврилку — je me félicite*, что он повергнут в прах без скандала и не впутав в это дело Твоего дорогого имени. Вся цель этой канальи, злой бабы, было втянуть Тебя своею дерзостью в какой-нибудь скандал, зная, что публика не разбирает и всегда рада осудить губернаторшу. Наш ковенский Неклюдов тоже покончил свое служебное поприще и назначен в совет министерства. Сегодня был у меня Брянчанинов, бывший Самарский губернатор, член Госуд[арственного] совета. Неутешительно рассказывает про Петербург.

Говорит, что Булыгин очень недолговечен. Лишь бы успел мне Кнолля провести.

Мне пришла на мысль еще кандидатура управляющего канцеляриею. Это Голованов[1]. Напиши свое мнение. Он владеет пером, но боюсь, не болтлив ли?

Ты спрашиваешь про Котляревского? У меня в кабинете многие из них хорошо настроены, но гипноз публики, властью царствующих идей, делает их людьми не свободными, а рабами.

Если бы я был политическим деятелем, то боялся бы всего более тирании и деспотизма партии, так как трудно служить одновременно партии и правде.

---

* я радуюсь (франц.).

Булгак пишет из Крестностока, что возвращается в Саратов. Видимо, минует Колноберже. Она описывает, как Государь обласкал матушку Елену. Ты пишешь, что пало 6 лошадей – ведь это рублей 500! И в такой тяжелый год.

Послезавтра уезжаю в Сердоб[ский] и Петровский уезды до 12-го июля. Ты опять будешь без писем, дорогая. Еду в Бековo, Хованщину (врач Беклемишев), Куракино (кн[язь] Курскин), Трескино (Похвиснев[2] и Дурново тов[арищ] м[инист]ра), потом к Васильчикову, Андр[ею] Дубенскому. Везде хочу лично воздействовать на крестьян. Кого Ты взяла вместо Корнила? Илья, конечно, избалован и едва ли годится нам. Вчера Харизоменова закатила роскошный обед и все три гурии ухаживали за мною до нельзя гостеприимно. Она сама делала пломбир. Она весела, услужлива и обязательна. Дай Бог, чтобы учительница удалась. Был сегодня в Хрисанф[ском] уб[ежище], смотрел ремонт. Хорошо. Чегодаева в отпуску. Одна из девочек заболела туберкулезом.

Храни Вас всех Господь. Целую, люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 22–23об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Голованов Вячеслав Иванович – коллежский асессор, податной инспектор Саратовского уезда, земский начальник 2-го участка в Саратовском уезде, член административного присутствия уездного съезда, входил в состав Саратовского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах.

[2] Похвиснев Владимир Борисович – коллежский асессор, земский начальник участка в Сердобском уезде Саратовской губернии, член административного присутствия уездного съезда.

Письмо О.Б. Столыпиной

5 июля 1905 г.

5 июля 1905 г., Саратов

Дорогая, сегодня посылаю Тебе перевод на 500 р[уб]., так как не хочется брать денег из банка, а из жалования посылаю еще 200 руб. У него был еще обвал – так все эти истории скучны.

Сегодня получил два Твоих письма, это для меня сюрприз, но горюю, что завтра перед отъездом уже не получу верно письма, а потом несколько дней буду без весточки от Тебя.

Сегодня был у меня Петровский предводитель Кропотов и упросил удлинить маршрут и посетить еще несколько сел, так что вернусь лишь 13-го числа.

Только что получил запоздалую телеграмму от Шенберга и ввиду ее милой редакции, посылаю ее Тебе.

Сегодня до одурения после приема писал письма всем управляющим. Теперь пообедал и сяду за бумаги, а после 9-ти пойду пешком в театр, куда позвал за преданность Букарей и Антипину.

Я уже думал об именинах и рождениях. Я бы выслал, но не знаю что.

Придется подарить деньги, они сами купят, или Лилиенберг купит книги.

Я все Голованова гоняю с асфальтом.

1) чехлы на мебель велю встряхнуть;

2) повар ворует по прошлогодней таксе;

3) полотер не найден, ходят противные;

4) в комнатах, коридоре и шкапной чисто (как будто). У Френюка в комнате грязь, и я на него накричал.

Мне хочется видеть моего мальчика, который кричит «yes»*.

Оля, Ты так хорошо пишешь, что молишься за меня. Господь, наша крепость и защита, спасет и сохранит нас. Страха я не испытывал еще и уповаю на Всевышнего.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 24–25об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

6 июля 1905 г.

6-го июля 1905 г., 8 ч[ас]. вечера. Саратов

Сейчас иду на поезд, ни минуты не было свободной в течение всего дня – je n'ai que le temps de t'embrasser. Quelle tristesse de rester sans nouvelles pendant plusieurs jours. Ne t'inquiéte pas, pour le moment tout est tranquille. Tu sais, que je ne te trompes pas. Aujourd'hui pas de lettres. J bless and I love you, my darling. I kiss the children. L'impression de la maitresse?**

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 26.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

---

* да (англ.).

** но только, чтобы обнять Тебя. Как грустно оставаться без новостей в течение стольких дней. Но не волнуйся, в настоящий момент все спокойно. Ты знаешь, я Тебя никогда не обманываю. Сегодня опять без писем. Благословляю и люблю Тебя, дорогая моя. Целую детей. Какое впечатление от гувернантки? (франц., англ.).

Письмо О.Б. Столыпиной

8 июля 1905 г.

8 июля 1905 г., Сердобск

Дорогая, пишу из вагона на стоянке. Вчера весь день ездил на лошадях. Утром приехал в Бековo, где меня встретил В.Н.Ознобишин со всеми земскими начальниками и слепой Гагарин, звавший к себе с бесконечными историями (конечно, не мог изменить маршрут).

Был в Хованщине и заехал к врагу Беклемишеву, который оказался премилым и любезным человеком. Его, бедного, 7 раз поджигали, и, надеюсь, что после моих разговоров с мужиками его оставят в покое.

Он все говорит про Тебя, что он с тобою танцевал.

Оттуда через погорелые усадьбы поехал к Мономахову[1], у которого вторично обедал – там громадная семья, сестры с детьми, внуки и проч[ее].

Ночевал у старика кн[язя] Курскина. У него дворец копия Гатчинского, построен при Екатерине. Картинная галерея, редкости, прямо музей, все сохранилось замечательно. Он прежде сильно пил, женился пьяный на матери М-me Похвисневой, но теперь уже несколько лет не пьет, образованный, остроумный и изысканно вежливый и приятный. Это брат ст[атс]-дамы Нарышкиной.

Сегодня утром после разговоров со сходом (его тоже все жгут и в земского начальника Бернова даже стреляли) приехал сюда и еду в Трескино, где имения Дурново, Акиных, Похвиснева, а оттуда на лошадях к Васильчикову ночевать.

Мое впечатление тут лучше, чем ожидал – думаю, что здесь крупных беспорядков не будет и, даст Бог, все обойдется хорошо.

Скучно без известий от Тебя, моя хорошая.

Целую, люблю крепко.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 27–28об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Мономахов** Николай Владимирович – поручик в отставке, непременный член Саратовского губернского присутствия, гласный губернского земского собрания от Сердобского уезда. Член учетно-ссудного комитета по сельскохозяйственному кредиту в саратовском отделении Государственного банка, в качестве представителя земства являлся непременным членом саратовского отделения Крестьянского поземельного банка.

Письмо О.Б. Столыпиной

12 июля 1905 г.

12-го [июля] 1905 г.

Петровск[ая] станция

Дорогая моя, сегодня день Твоего рождения. Нежно, нежно целую и грущу о разлуке.

2 последних дня делал по 100 верст и не было времени и возможности писать. Третьего дня ночевал у Дубенского. Тебе кланяются его сумасшедшая сестра Саня и старушка Богдановская.

Вчера обедал у Кропотова и затем ездил с ним два дня. Ночевал у Ознобишина – красивый старинный дом.

Меня огорчает поведение здешнего земства – собрали крестьян на экономический совет и говорили против губернатора, земских начальников, священников, решили, что надо всю землю землевладельцев поделить и уничтожить войско. Это постановление они отпечатали и рассылают по уезду.

Я по телеграфу выписал Микулина и Паперацева сюда и потребовал начатия дела, хотя бы пришлось арестовать всю управу. Будет всероссийский скандал. А 15-го июля губернское собрание и, вероятно, новые скандалы.

Тут мужики терроризированы шайками мужиков, жгущих, безобразничающих и грозящих всем. Пришел полк казаков – без них не сохранили бы порядка.

У помещиков паника, но крестьяне в общем еще царелюбивы.

Платья себе и Мате у Херзе закажи *непременно* –c'est une chance de l'avoir si près*. В Саратове перевод деньгам. Иметь хоть по 2 платья, но приличные. 600 руб. дешево.

Целую, люблю бесконечно.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 29–30об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

13 июля 1905 г.

13-го июля 1905 г., Саратов

Ангел, родная, вчера в день Твоего рождения писал из вагона, сегодня я уже дома после утомительного и угнетающего нервы

---

* это такая удача, что он находится поблизости (франц.).

путешествия. Боже, как все напорчено и как трудно будет поправлять. В начале августа, как только будет назначен Кнолль (тут все ждут назначения Шидловского), я буду проситься в Петербург, чтобы дать там картину всего происходящего. Оттуда надеюсь хоть на 2 недели к Тебе, мое сокровище. При теперешних обстоятельствах недобросовестно бросать дело надолго.

Ужасно утомлен, 12 часов и глаза слипаются.

Сначала дела: 1) звонок у письменного стола сделаю,

2) платья у Херза закажи непременно,

3) с деньгами, взятыми у Штраухмана, боюсь путаницы.

Теперь шармантерия*: сегодня дамский день: Каткова, Булгак и Киндякова шлют записки. Первая сидела днем, ее хотели громить и она в толпе собственноручно трех парней, наступавших на нее, швырнула в ворота. Вторая обедала и тараторила 1 ½ часа. Третья зовет послезавтра вечером.

Лилинюнчика благодарю за хорошее письмецо, напишу ей на днях. Сегодня получил от Ары и Олёчка интересные записки, а от Наташеньки получил в дороге.

Я так волновался за учительницу и оч[ень] рад, что она сносная.

Шомпулев прислал Аде образок Николая Чудотворца, который лежал на его мощах.

Сестре Александровой ответил за Твоею подписью.

Целую, люблю, не верю счастью скоро увидеть.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 31–32об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

14 июля 1905 г.

14 июля 1905 г., Саратов

Бесценная моя, прямо-таки некогда и писать Тебе – такие дни. Наши земцы вернулись из Москвы, где надсмеялись над полицией: с полициймейстера, который пришел закрывать их съезд, сняли фотографию, осмеяли, выгнали его и продолжали свои занятия. Они решили, что к правительству обращаться нечего, что властям подчиняться не надо и что надлежит обратиться с воззванием к русскому народу.

---

* от франц. charmant – очаровательно, прелестно.

Сегодня был у меня Котляревский и Давыдов, открыто говорят, что нет правительства, что проект Булыгина[1] идиотский и что нет выхода. Грустно все это ужасно. Думаю завтра сказать, открывая земское собрание, откровенное слово, теперь не время молчать. Но, вероятно, не успею подготовиться, так как весь день и вечер тормошат по неотложным делам и телеграммы о беспорядках и поджогах с разных сторон губернии.

Ты спрашиваешь, какое повышение получил Рогович[2]? Не знаю, я за газетами не слежу теперь, да считаю теперь всякое назначение и повышение наказанием.

Прошусь в Петербург около 10-го августа, не знаю, пустят ли?

Богданович, говорят, назначен по соседству в Тамбов Nous l'avons échappé belle*.

Люблю Тебя всею душою.

Твой

Ты, ангел, пишешь про требования кейданских рабочих. Серьезно ли это?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 33–34об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Имеется в виду проект Булыгинской думы, предусматривавший создание законосовещательной Думы, которой предоставлялось право обсуждать все законопроекты, бюджет, отчет государственного контроля, давать по их поводу заключения, которые затем передавались в Государственный совет, оттуда — с заключениями Думы и Совета — представлялись на Высочайшее благовоззрение. Дума избиралась на 5 лет. В выборах не участвовали женщины, лица моложе 25 лет, учащиеся, воинские чины, состоящие на действительной военной службе, «бродячие инородцы». Выборы устанавливались четырехстепенные (для крестьян), трехстепенные (для мелких землевладельцев), двухстепенные (для крупных землевладельцев и городских избирателей).

[2] Рогович А.П. в 1906 г. оставался причисленным к Министерству внутренних дел, а в 1908 г. уже был гофмейстером, тайным советником, сенатором, обер-прокурором Святейшего Синода.

Письмо О.Б. Столыпиной

18 июля 1905 г.

Ce 18 juillet 1905. Saratoff

Chère adorée. Deux mots avant de me mettre en wagon. Il est 8. h. du matin et je serai à midi sur place dans le district d' Аткарск.

* мы счастливо отделались (франц.).

J'y reste j'espére seulement jusqu' au soir et je vais au district de Балашов. Il y a des désodres dans plusieurs biens et entre autre nos Saratowiens s'amusent dans le bien de Solowoy, qui est dans le gouvernement de Тамбов sur notre frontière – увозят его хлеб. Tout cela durera encore 2 – 3 semaines jusqu'à la fin de la récolte. J'ai eu hier 4 dammes le soir sur mon <нрзбр.>. J'ai causé avec plaisir de vous tous et surtout de petit favori de ces dammes – Адюша. How I lowe You*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 35.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

22 июля 1905 г.

22. VII. 1905 г. Из Балашова

Сегодня [в] Балашове погромчески настроенная толпа [напала] на врачей, которых мне всех удалось спасти, несколько врачей избито, два дома разгромлены. Защищая врачей, и я получил незначительный ушиб пальца. Совершенно здоров.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 36.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

15 октября 1905 г.

15 октября 1905 г.

Между Костромою и Нижним [Новгородом]

Милая, продолжаю свой дневник, надеюсь, что он все же поздно ли, рано ли, к Тебе попадет. Я, во-первых, сегодня спокойнее, получив через Роговича Твою милую телеграмму. В Ры-

---

* 18 июля 1905 г., Саратов

Дорогая, обожаемая моя, буквально два слова перед тем, как сяду в вагон. Сейчас 8 часов утра, а в полдень я уже буду в Аткарском уезде. Надеюсь, что пробуду там только до вечера, и оттуда поеду в Балашовский уезд. Во многих имениях сейчас царят беспорядки, и среди прочих наши саратовцы балуют в поместье Солового, которое находится в Тамбовской губернии на нашей границе – увозят его хлеб. Это продлится еще недели две–три, до конца сбора урожая. Вчера вечером были у меня 4 дамы в моем <1 нрзбр.>. С удовольствием беседовал с ними, разговор шел о всех вас и особенно об их всеобщем любимце – маленьком Адюше. Как я люблю Тебя (франц., англ.).

бинске я пересел с ужасной посудины, на которой плыл от Твери, на отличный пароход и телеграфировал срочно Роговичу, что проеду ночью. Он ночью прислал своего курьера с письмом и с телеграммами от Тебя и Кнолля, последняя уже расшифрована, чтоб облегчить мне. Он (т. е. Рогович) выезжал вечером сам на Самолетский пароход, надеясь, что я еду на нем, но так видеться и не пришлось ввиду проезда в 4 ч[ас]. ночи. Телеграмма Кнолля мало успокоительная. Он описывает, как казаки разогнали толпу на Дегтярной площади, из толпы стреляли в казаков, ранили двух лошадей и прочее известное Тебе из газет. В Саратове магазины заперты, на улицах патрули. Конечно, Тебе можно будет приехать только когда все успокоится и движение будет вполне правильное. Когда это будет и когда-то мы увидимся? Я твердо уповаю на Бога. Он поможет нам, сохранит нас и выведет из трудного положения.

Очень меня беспокоит, как это Ты поедешь в зимнюю стужу. Впрочем, Бог спас уже нас от московского сидения, спасет и впредь. Ведь подумай, если бы выехали вместе, то Ты и теперь была бы в Москве, где уже в среду 12-го в день моего выезда было трудно достать молока. Я ведь чудом проскочил на последний пароход из Твери – просто не верится, что я теперь плыву на роскошном пароходе, в уютной каюте. А для Тебя с дорогими детками я бы не мог придумать более пока безопасного и удобного убежища, чем Колноберже. Надеюсь на нашего верного Штраухмана – я уверен, что он охранит Тебя от всякой опасности. Пусть девочки учатся пока с Матею. Она, добрая наша помощница, все сделает по мере сил, а добрые мои девочки, наверное, стараются не забыть пройденное и быть хорошими. Я все вспоминаю рыбукорову и Натольскую землю. Помнит ли меня мой Адя? Он так развился и столько в нем зачатков добра, ума и мужества. Поскорее бы всех вас прижать к своему сердцу.

Я не скрываю от себя трудности положения теперь в Саратове. Боюсь, как бы Кнолль теперь не переусердствовал и не обозлил наших радикалов. Теперь нужна большая осторожность и надо очень считаться с общественным настроением – в начале революций надо, наравне с твердостью, уметь вселить доверие всех слоев, не перешедших еще открыто на сторону противников правительства. Мне это тоже будет трудно после того, что меня так оболгали в Балашовском деле, но надеюсь на Божью помощь. Я и Юматову телеграфировал в Петербург, чтобы способствовать успокоению: «Уехал [в] Саратов через Тверь, по Волге. Постараюсь [в] пределах возможного пойти навстречу Вашему желанию, поскольку это не нарушает моего взгляда на дело».

Я думаю, что, с одной стороны, спокойная доброжелательность, а с другой – сила, внушительно организованная, единственный теперь способ действия.

Целую Тебя и деток, моя ненаглядная, единственная моя любовь. Мысли мои, сердце мое – все с Тобою. Да хранит Вас Всевышний, молюсь за Вас, люблю Вас.

Твой

Боюсь за Твои Херзевские платья – когда они теперь дойдут?

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 43–44об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

16 октября 1905 г.

16-го октября 1905 г.

Между Нижним [Новгородом] и Казанью

Безо всякой надежды, чтобы письмо пришло, по крайней мере, в скором времени, пишу Тебе, дорогое мое сокровище, ангел мой. Видимо придется нам перетерпеть многое – Господь Бог послал мне утешение перед длинною, видимо, разлукою наглядеться на вас, дорогие, бесценные мои, провести с Вами три чудные недели. Я почерпнул в этом крепость и силу и молю Бога, чтоб он оградил меня от пролития крови. Да ниспошлет Он мне разум, стойкость и бодрость духа, чтобы в той части родины, которая вверена мне в этот исторический момент, кризис удалось провести безболезненно.

Долго мы теперь не увидимся, в Нижнем говорят, что до января едва ли восстановится правильное движение. А ты-то все вещи отправила в Саратов, и теплого-то у Тебя и детей нет ничего. Самое больное то, что сегодня в Нижнем уже отказались принять телеграмму в Кейданы, так как провод на Москву перерезан. Я телеграфировал Саше, чтобы он, если можно, из Петербурга телеграфировал Тебе, а потом я поехал к Фредериксу (Унтербергера нет), чтобы он просил начальника телеграфа телеграмму Тебе отправить по возможности через Петербург. Ужасно будет, если совершенно между нами перервутся сообщения. Надеюсь на Бога. Я знаю Тебя в эти моменты! Знаю, какую Ты приносишь жертву детям, оставаясь далеко от меня в эти минуты. Но мы оба исполняем свой долг, и Господь Бог спасет нас.

В Нижнем сравнительно спокойно и если бы не забастовка железных дорог, то по внешнему виду города трудно было бы думать, что происходит нечто грозное. Фредерикс рассказывал, что недавно бросили бомбу в патруль, но больших скандалов нет.

Бедный Кнолль телеграфирует нехорошие вещи. Он разогнал несколько митингов, требовавших вооруженного нападения на правит[ельственные] учреждения, казначейство, оружейные магазины и проч[ее].

Я воспользовался у Фредерикса министерским шифром и телеграфировал Булыгину, прося, пока не кончилась навигация, прислать из Астрахани еще войск. Косичу же телеграфировал, чтобы он мне прислал на пароход уполномоченное лицо: во время стоянки в Казани надеюсь убедить его выслать мне еще войск.

В Самаре повидаю Засядко: там была грандиозная демонстрация с красными флагами.

Передо мною все веселенькая рожица Адули: раз, два, три, черы, пять. Когда-то я всех любимых своих расцелую.

Я еду на прекрасном пароходе, пассажиров почти нет, но обдумывать будущее почти не могу, мысли мои все в недавнем прошлом, которое мне кажется волшебно-счастливым покоем, каким-то чудным перерывом в тревожной действительности. Люблю.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 45–46об.
На бланке «Пароход Общества Самолет "Пушкин"».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Сохранилась телеграмма за подписью П.А. Столыпина, адресованная министру внутренних дел А.Г. Булыгину от 16 октября 1905 г.:

Сегодня [в] загородной роще близ товарной станции собралась толпа рабочих и интеллигентов до трех тысяч человек, между которыми вооруженные ружьями, револьверами кольями и кистенями. Решено было двинуться на город для вооруженной демонстрации и [с] песнями революционного содержания. Произведен выстрел по направлению приближавшегося железнодорожного жандарма. Были еще выстрелы [в] воздух. Все пути [в] город заграждены были заблаговременно размещенными [в] нескольких пунктах войсками. Увидя войска, демонстранты решили отложить демонстрацию на завтра. Сегодня вечером прибыли из Пензы два батальона, завтра у меня достаточно силы, чтобы дать охрану всем фабрикам и заводам, желающим начать работу. Депутация городских и земских гласных обратилась ко мне с просьбой не прибегать к силе, считая демонстрацию безвредной. Ответил, что приму самые крайние меры, но никакого шествия и демонстрации не допущу. (*Опубл.: Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. – Ч. I. – М., 1955. – С. 619–620*).

Письмо О.Б. Столыпиной

17 октября 1905 г.

17-го октября 1905 г.

Миновав Казань

Ненаглядный мой ангел, через 2 дня Ты должна была ехать, а я сам еще в пути. Вот они человеческие предположения. Сейчас я был в Казани и уехал под хорошим впечатлением, так что сегодня настроение у меня более оптимистическое. Хотя телеграммы от Тебя не было и это означает, что телеграф перерезан, но мою телеграмму приняли, и поезда из Казани на Москву пошли. Вообще вид Казани спокойный, магазины торгуют и хотя, говорят, была манифестация и вчера разгоняли нагайками, но сам народ и рабочие против беспорядков. Приехав в Казань, я узнал, что Косич в Петербурге, от Кнолля же получил шифрованную телеграмму, что нужны еще казаки, особенно в уезд. Поэтому я решил ехать в штаб округа. Поехал на электр[ическом] траме (город за 3 версты). В штабе один старенький генерал, заменяющий начальника штаба, plein de bonne volonté*, но ничего не знающий и не имеющий никаких прав. По его совету я телеграфировал Косичу в Петербург. На пароход приехал ко мне, впрочем, более толковый полковник Генерального штаба, который, кажется, понял необходимость усилить наш гарнизон, пока существует еще навигация. Кнолль в своих же телеграммах напирает, главным образом, на уезды.

В меня вползает червь беспокойства за Тебя и детей.

Уже из Нижнего я догадался послать Тебе весточку о себе через Сашу, рассчитывая, что, быть может, телеграф из Петербурга на Кейданы действует, сейчас же посылаю с ближайшей станции еще ему же телеграмму, чтобы он Тебя запросил по телеграфу о здоровье и дал ответ в Саратов.

Вообще, если прервана будет и впредь телеграфная линия, то нам надо будет установить телеграфное сношение через Сашу (Французская набережная 23).

Мне бы только знать, что Вы здоровы. Иначе я голову теряю.

Как ужасен этот монолог. Писать и быть почти уверенным, что письмо не дойдет.

Беспокоит меня и гувернантский вопрос.

Не знаю, долго ли будут ждать Шорта и Левенгрена, но из Берлина и из Лондона едва ли кто-нибудь теперь поедет.

---

* полный добрых намерений (франц.).

Боже, скорее, скорее дожить бы до минуты, когда прижму Тебя и деток к своему сердцу.

Целую Тебя нежно и много, голубок мой, хорошая моя.

Твой

Из каждого города ежедневно пишу Тебе в надежде, что хоть одно случайное письмо дойдет.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 47–48об.
На бланке «Пароход Общества Самолет "Пушкин"».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

18 октября 1905 г.

18 октября 1905 г.

Между Симбирском и Самарою

Дорогой ангел, злоключения мои продолжаются. Вот уже сутки, что наш обледенелый пароход стоит без движения между Симбирском и Самарою на маленькой пристани «Новодевичье». Налетела такая пурга и такой снег, что ничего не видно в двух шагах и опасно ехать. Опасно также и стоять, так как становится все холоднее (кругом зима, все под снегом) и мы можем тут зазимовать. Нефть тоже тратится на отопление парохода и ее может не хватить. Ко всему этому пассажиры 4-го класса взбунтовались, подняли крик, что им есть нечего — я думал, они разнесут кухню и буфет. Действительно положение их с маленькими детьми на палубе ужасно. Один купец из Самары догадался послать за хлебом в село, а я познакомился со студентом, который с товарищами что-то ораторствовал между пассажирами-мужиками. Оказалось, что он саратовец и тоже, как и мужики, требовал, чтобы везли, хоть с опасностью жизни. Оказалось, что у него до Саратова всего 40 коп. и скоро нечего будет есть. Я заставил его принять 5 руб. Теперь все успокоилось, но буря не унимается, и я не знаю, когда мы двинемся. Из Самары буду телеграфировать.

Вот уже десять дней, что я в дороге. Должен Тебе сказать что j'en ai assez*. Я смотрю на свой обмерзший пароход, и мне представляется, что это путешествие на Северный полюс.

Хотя мало сладкого ждет меня в Саратове, но мне все кажется, что там как-то легче с Тобою сноситься и там я начну ждать Твоего приезда, моя бесценная, ненаглядная.

---

* с меня довольно (франц.).

Некоторые железные дороги уже начали понемногу ходить, и я надеюсь, что и наша каторжная Рязанская скоро запыхтит.

Если завтра доеду днем до Самары, то посещу Засядко.

Ах, если бы меня утешила в Самаре телеграмма от Тебя.

Напиши мне, когда можно будет писать, допахали ли поля в Пилямонте, также в Колноберже.

Как посадки?

Оправдал ли в Пилямонте умолот мои предварительные расчеты.

Сегодня Шленобермский должен был привезти Тебе две тысячи. Я побаиваюсь немного по нынешним временам, что Ты дома держишь такие суммы. Ах, если бы я знал, что у вас все тихо и хорошо, а то иногда на меня вдруг нападает тоска и беспокойство по своим дорогим.

Люблю Тебя, ангелок мой. Ведь Ты знаешь и чувствуешь, как глубоко и крепко люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 49–50об.
На бланке «Пароход Общества Самолет "Пушкин"».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

23 октября 1905 г.

23 октября 1905 г.
Из Саратова
Здоров, [в] городе спокойно. Крупные беспорядки [в] уездах.
Целую, писать некогда.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 57.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

25 октября 1905 г.

25 октября 1905 г.
Из Саратова
[В] городе благополучно. [В] уездах бунты, погромы. Здоров.
Писать некогда.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 58.
На телеграфном бланке. Рукопись.

В телеграмме П.А. Столыпина, посланной 24 октября 1905 г. Д.Ф. Трепову, говорилось:

[В] городе сегодня порядок не нарушался. Из Пензы батальон прибудет только завтра, такое непоправимое замедление лишило меня возможности принять [в] уездах предупредительные меры и сегодня сожжено и разграблено еще несколько имений, людей не убивают; использовал всевозможные наличные силы, чтобы отстоять несколько крупных опасных центров, дабы не создать новых очагов; разгромы начинаются еще в трех уездах — Балашовском, Сердобском, Петровском; направляются все силы, [чтобы] локализовать распространение. Мариинское земледельческое училище укрепилось (находилось в с. Николаевский Городок Саратовского уезда; один из центров революционного крестьянского движения в губернии — *Ред.*), выкинуло красный флаг и приготовилось выдержать осаду. Послал вице-губернатора и войсковую часть и приказал силой взять виновных; телеграфировал командующим войсками о высылке необходимого количества войск, с прибытием которых надеюсь переловить и агитаторов; как только возможно будет выехать из города, не возбуждая опасности нового погрома, сам поеду [в] места беспорядков. (*ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 20. Л. 68. Опубл.: Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. — Ч. II. — М., 1955 . — С. 495*).

Телеграмма О.Б. Столыпиной

26 октября 1905 г.

26 октября 1905 г.

Из Саратова

Здоров, [в] городе спокойно, [в] уездах очень тревожно. Движение еще не вполне восстановилось, вагон едва ли может прийти раньше десяти дней.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 59.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

27 октября 1905 г.

27 октября 1905 г.

Из Саратова

Здоров, беспокоюсь без известий. [В] городе спокойно, [в] уездах очень плохо.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 60.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

27 октября 1905 г.

27 октября 1905 г.
Из Саратова
Телеграмму получил, здоров. Положение [в] уездах не улучшается, [в] городе спокойно. Ни разу не успел написать, но прошу писать Тебе наших друзей.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 61.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

28? октября 1905 г.

Милая, душка моя, хотя я изнурен работою с 8 утра без отдыха до 1 ч[ас]. ночи (а еще папки с бумагами не тронуты), но хочу поцеловать Тебя.

Дела идут плохо. Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало и они прибывают медленно. Пугачевщина! В городе все спокойно, я теперь безопаснее, чем когда-либо, т. к. чувствую, что на мне все держится и что, если меня тронут, возобновится удвоенный погром.

В уезд выеду, конечно, только с войсками, – теперь иначе нет смысла.

До чего мы дошли. Убытки – десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб[1].

Шайки вполне организованы.

Целую, обожаю Тебя, ангел.

Деток целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 102–102об.
На бланке «Саратовский губернатор».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] В телеграмме от 22 октября 1905 г. П.А. Столыпин сообщал Д.Ф. Трепову, что в Саратовской губернии разгромлено до 22 имений.

Письмо О.Б. Столыпиной

29 октября 1905 г.

29 октября 1905 г., Саратов

Два слова моей душке. Теперь 2 ½ ч[ас]. ночи и я с 8 утра за письм[енным] столом. Напрягаю все силы моей памяти и разума, чтобы все сделать для удержания мятежа, охватившего всю почти губернию. Все жгут, грабят, помещики посажены, некот[орые] в арестантские, мятежниками, стреляют, бросают какие-то бомбы. Крестьяне кое-где сами возмущаются и сегодня в одном селе перерезали 40 агитаторов.

Приходится солдатам стрелять, хотя редко, но я должен это делать, чтобы остановить течение. Войск совсем мало. Господи помоги!

В уезд не могу ехать, т. к. все нити в моих руках и выпустить их не могу. У Кнолля нарыв в ухе, но он завтра поедет.

Движение восстанавливается, и скоро пришлю вагон.

Люблю. Твой

Не верь газетной утке, что мне предложили пост министра внутр[енних] дел. Слава Богу, ничего не предлагали, и я думаю о том, как бы с честью уйти, потушив с Божьею помощью пожар.

От Тебя три дня ничего — меня это мучает.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 55–55об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

28 октября 1905 г. П.А. Столыпин отправил телеграмму в Главный штаб:

В Петровском у[езде] вспыхнуло движение, охватившее ранее с особою силою уезды Саратовский, Аткарский, Сердобский и Балашовский. Вчера ночью сожжены, разгромлены хутора: Аплечеева, Огарева; банды грозят имениям герцога Лейхтенбергского, Ермолаева, Кожина. Войска Петровского у[езда -] всего одна полусотня, одна рота. Завтра ночью рассчитываю на прибытие туда сотни из Самары. Самое опасное положение [на] границе Балашовского и Сердобского уездов, где грабят, громят целый ряд имений, жгут мосты, громят железные дороги. В Аткарском у[езде], после взятия земледельческого училища (Мариинского — *Ред.*), почти повсеместно водворен порядок, награбленное возвращается, но большинство учеников училища, разбежавшись по уездам, стали во главе банд совместно с крайними революционными элементами и выпущенными из тюрем задержанными во время летнего аграрного движения. В Саратовском у[езде] положение улучшается. Сегодня захвачена важная ириновская банда без кровопролития. В Балашовском у[езде] также разбита шайка, есть раненые. О положении и принятых мерах подробно телеграфировал ежедневно генералу Трепову, распорядился разъяснить манифест, который толкуется агитаторами как равное право всех на землю и отмена всякого начальства. С прибытием достаточного количества

войск движение удается подавлять без жертв, но Казанский округ не может удовлетворить потребность; поэтому вновь ходатайствую [о] присылке полка пехоты и двух сотен кавалерии немедленно же из других округов. Докладываю Вашему Сиятельству о серьезности движения, почва для которого давно подготовлена. В губернии, г. Саратове еще очень тревожно, но порядок поддерживается полный (*РГВИА, Ф. 400. Оп. 5. 1905. Д. 6. Л. 271–272. На телеграфном бланке. Опубл.: Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. – Ч. II. – М., 1955. – С. 428*).

Телеграмма О.Б. Столыпиной

29 октября 1905 г.

29 октября 1905 г.

Из Саратова

Здоров, положение то же. Вчера писал первый раз, сегодня некогда. Нежно целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 62.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

30 октября 1905 г.

30 октября 1905 г.

Из Саратова

Три дня без известий от Тебя. Здоров, положение [в] уездах плохое.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 63.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

30 октября 1905 г.

30 октября 1905 г., Саратов

Драгоценная, целую Тебя перед сном. Теперь час ночи – работаю с 8 час. утра!

В приемной временная канцелярия, писцы работают на ремингтонах. Околоточные дежурят и ночью. И вся работа бесплодна. Пугачевщина растет – все жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают. Во главе шаек лица, переодетые в мундиры с орденами.

Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро все слягут. Всю ночь говорим по аппарату телеграфному с разными станциями и рассылаем пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнод[орожный] путь. Приезжает от Государя ген[ерал]-ад[ъютант] Сахаров[1]. Но чем он нам поможет, когда нужны войска – до их прихода, если придут, все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновке осквернен был храм, в котором зарезали корову и испражнялись на Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет.

Я, к сожалению, не могу выехать из города, так как все нити в моих руках. Город совсем спокоен, вид обычный. Ежедневно гуляю. Не бойся, меня охраняют, хотя никогда еще я не был так безопасен. Революционеры знают, что если хоть один волос падет с моей головы, народ их всех перережет.

Лишь бы пережить это время и уйти в отставку, довольно я послужил, больше требовать с одного человека нельзя, а сознать, что чтобы ни сделал, свора, завладевшая общественным мнением, оплюет. Уже подлая здешняя пресса меня, спасшего город (говорю это сознательно), обвиняет в организации черной сотни.

Я совершенно спокоен, уповаю на Бога, который нас никогда не оставлял. Я думаю, что проливаемая кровь не падет на меня, и Ты, мой обожаемый ангел, не падай духом. Быть может, это местное явление – все сожгут и пройдет. Я обожду, если пройдет острый кризис, вышлю вагон; пока у Вас безопаснее. Если дело ухудшится, вышлю заграничный паспорт, отправлю вас в Берлин.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 64–65об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Сахаров** Виктор Викторович (1848–1905) – генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1897). Начальник Главного штаба (1898). Генерал-адмирал (1903). Военный министр (1904–1905). 30 октября командирован в Саратовскую губернию «для расследования возникших в ней беспорядков и для принятия, от имени Государя Императора, немедленных мер для прекращения таковых». 22 ноября был застрелен в губернаторском доме, в своем кабинете эсеркой А.А. Биценко, пришедшей к нему на прием. Похоронен в Новодевичьем монастыре в Петербурге.

Биценко Анастасия Алексеевна (1875–1938) – член Летучего отряда Боевой организации партии эсеров. Была приговорена к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу, которую отбывала до марта 1917 г. С ноября 1917 г. член ЦК партии левых эсеров. Входила в советскую делегацию на мирных переговорах в Брест-Литовске (1918). Расстреляна 16 октября 1938 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

31 октября 1905 г.

31 октября
Из Саратова
Движение усиливается, для подавления беспорядков по Высочайшему повелению командируется сюда бывший военный министр Сахаров. Нежно целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 66.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

31 октября 1905 г.

31 октября
Из Саратова
Здоров, положение без изменения, [в] городе спокойно, [в] уездах много человеческих жертв. Нежно целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 67.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

31 октября 1905 г.

31 октября 1905 г., Саратов
Олинька моя, кажется, ужасы нашей революции превзойдут ужасы французской. Вчера в Петровском уезде во время погрома имения Аплечеева[1] казаки (50 челов[ек]) разогнали тысячную толпу, 20 убитых, много раненых. У Васильчикова 3 убитых. Еще в разных местах 4. А в Малиновке крестьяне по приговору перед церковью забили насмерть 42 человека за осквернение святыни. Глава шайки был в мундире, отнятом у полковника, местного помещика. Его тоже казнили, а трех интеллигентов держат под караулом до прибытия высшей власти. Местные крестьяне двух партий воюют друг с другом. Жизнь уже не считается ни во что. Я рад приезду Сахарова – все это кровопролитие не будет на моей ответственности.
А еще много прольется крови.

В городе завтра хоронят убитого рабочего и готовится опять манифестация — весь гарнизон на ногах.

Дай Бог пережить все это.

Целую Тебя много, нежно и деток.

Как только уляжется, вышлю вагон.

Сахарова приглашу жить у нас.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 68–69об.
Рукопись. Автограф.

[1] Аплечеев Александр Всеволодович — действительный статский советник, почетный мировой судья, член судебного присутствия уездного съезда Волынского уезда, член уездного отделения комитета Общества попечительного о тюрьмах.

Письмо О.Б. Столыпиной

1 ноября 1905 г.

1 ноября 1905 г., Саратов

Дутя, ангел, сегодня как-то веселее. Сразу получил от Тебя первые три письма с письмами моих милых девочек. Сегодня хоронили одного убитого рабочего, хотели сделать грандиозную манифестацию, весь гарнизон был на ногах. Рабочие были у меня. Я с ними говорил и имел успех, так как граждане-рабочие не выкинули даже черного флага, как того хотели.

В уездах все та же пугачевщина. Каждый день несколько убитых и раненых.

Точно война!

Сегодня уехала Машинька Каткова. Она очень сердечно ко мне отнеслась во всех этих бедах.

Не знаю почему, но что-то мне подсказывает, что теперь уже мы движение одолели и оно будет ослабевать.

Завтра выезжаю в Ртищево, где съедусь с генералом Сахаровым, чтобы поставить его в курс дела.

В сущности, его приезд снимает с меня ответственность за пролитие крови.

Мне что-то кажется, что о вагоне можно подумать. Я послал Тебе телеграмму, забыв о сроке афер.

Прощай, возлюбленная.

Твой

Я для Сахарова купил одеяло — 13 рублей.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 70–71об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

3 ноября 1905 г.

3 ноября 1905 г.

Из Саратова

Выехал навстречу Сахарову [в] Ртищево. Здоров, надеюсь завтра вернуться. Жду ответа насчет возможного времени приезда, вагон высылать можно. [В] уездах все то же.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 72.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

4 ноября 1905 г.

4 ноября 1905 г., [Саратов]

Дорогая, глаза слипаются от утомления, но боюсь новой забастовки и пишу. Вчера часа 2 просидел в Ртищеве и, не дождавшись Сахарова, ночью вернулся в Саратов по тревожной телеграмме о том, что в Петербурге началась опять общая забастовка. Какой ужас! Неужели я опять разобщен буду с Тобою.

Сегодня прибыл Сахаров. Он очень мил, говорит, что приехал помогать мне. Тоже говорил о том, что меня прочат в министры. И Ты, дутя, уже горевала. Слава Богу, мне никто ничего не предлагал. А уже газеты начали по этому поводу ругаться. «Русь» написала, что после известных событий (Балаш[овская] ист[ория]) люди становятся конченными.

Да минует меня сия чаша. А что с Мимою? Куда и отчего он ушел?

А я вагон все-таки велел приготовить к отправке. Жду Твоей телеграммы, если только забастовщики пропустят.

Кроме проводника, посылаю надежного жандарма охранять вас в пути, дорогие мои.

Целую, люблю.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 98–99.
На бланке «Саратовский губернатор».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

20 ноября 1905 г.

20 ноября 1905 г., Саратов

Душка, родная моя, болезная. Я так измучился за эти два дня, что решаюсь отправить Тебе навстречу, хотя бы до самых Кейдан, околоточного надзирателя Равшу. По моим расчетам, выехав 16-го, Ты должна была быть здесь вчера – 19-го со скорым. Вообрази мою тревогу, когда мне из Ртищева сообщили, что Ты не едешь. Сейчас из Аткарска, к ужасу моему, сообщают, что и сегодня Ты не едешь со скорым. Действует только железнодор[ожный] телеграф на малых расстояниях и *ничего* узнать про Тебя не могу. Надеюсь на Бога и верю в Тебя, что за Тобою дети не пропадут. Я решил, что или кто-нибудь из детей заболел, или разлилась Кроста, или Ты побоялась, что вслед за почтою забастует и железная дорога и не решилась ехать. Железные дороги действуют и пока не хотят бастовать, и Ты бы проскочила. Равше приказал везде по пути осведомляться по этому поводу и доложить Тебе. Боюсь теперь и решать за Тебя. Жажду прижать Тебя к своему сердцу и многое решить, но понимаю Твою боязнь рисковать двинуться в путь. Наша Ряз[анско-]Ур[альская] дорога по-видимому будет и впредь работать, а она из самых бедовых. Не пишу про здешние дела, очень уж все безотрадно. Почему-то все ожесточены против Кнолля, будто бы за бездействие во время погромов. Одна бомба, готовящаяся ему, разорвала самого покусителя, а вчера ему под ноги бросили снаряд, начиненный динамитом, не взорвавшийся по какой-то случайности. Он приговорен, и я прошу перевести его в другую губернию.

Аграрные беспорядки пока затихли. Вчера я вернулся с ген[ералом] Сахаровым из Баланды. Все гимназии и школы бастуют и бунтуются. Творится что-то неописуемое. Я, кажется, безопасен, на меня не озлоблены. Если наш любимый Мимочка с Тобою, нежно его обнимаю. Если Равшу пошлешь накануне своего выезда, то через него можешь известить Сашу в Москве.

Нежно и много целую Тебя, только и живу мыслью о Тебе и детях.

Люблю.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 80–81об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

1906

Письмо О.Б. Столыпиной

26 апреля 1906 г.

26 апреля 1906 г., С.-Петербург

Оля, бесценное мое сокровище. Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране *окровавленной, потрясенной*, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает.

Поддержка, помощь моя будешь Ты, моя обожаемая, моя вечно дорогая. Все сокровище любви, которое Ты отдала мне, сохранило меня до 44 лет верующим в добро и людей. Ты, чистая моя, дорогая, Ты мой ангел-хранитель

Я задаюсь одним – пробыть министром *3–4 месяца*, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине. Вот как прошло дело – вчера получаю приказание в 6 ч[ас]. вечера явиться в Царское. Поехал экстренным поездом с Горемыкиным. Государь принял сначала Горемыкина, потом позвали меня. Я откровенно и прямо высказал Государю все мои опасения, сказал ему, что задача непосильна, что взять накануне Думы губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организованной оппозиции в Думе – значит обречь министерство на неуспех. Говорил ему о том, что нужен человек, имеющий на Думу влияние и в Думе авторитет и который сумел бы несокрушимо сохранить порядок. Государь возразил мне, что не хочет министра из случайного думского большинства, все сказанное мною обдумал уже со всех сторон. Я спросил его, думал ли он о том, что одно мое имя может вызвать бурю в Думе, он ответил, что и это приходило ему в голову. Я изложил тогда ему мою программу, сказал, что говорю в присутствии Горемыкина как премьера, и спросил, одобряется ли все мною предложенное, на что, после нескольких дополнительных вопросов, получил утвердительный ответ.

В конце беседы я сказал Государю, что *умоляю* избавить меня от ужаса нового положения, что я ему исповедовался и открыл всю мою душу, пойду только, если он, как Государь, прикажет мне, так как обязан и жизнь отдать ему и жду его приговора. Он с секунду промолчал и сказал: «Приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас – это на пользу России». Говоря это, он обеими руками взял мою и горячо пожал. Я сказал: «Повинуюсь Вам», – и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да, вероятно, у меня были слезы на глазах. Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее. Но вся душа страшно настроена, *обозлена* Основными законами, изданными помимо Думы, до сформирования кабинета, и будут крупные скандалы.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 82–83об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

26 апреля 1906 г.

Если и ждет меня неуспех, если придется уйти через 2 месяца, то ведь надо быть и снисходительным – я ведь первый в России конституционный министр внутренних дел.

Пишу подробно, так как завтра будет открытие Думы и целый день церемоний. Я надеялся, что назначение мое состоится после открытия, но сейчас мне сообщили, что оно завтра будет напечатано в «Прав[ительственном] вестнике» и мне уже прислан билет в Тронный зал.

На днях переберусь на Мойку 61, где займу 2–3 комнаты на первое время до дачи.

Дача, говорят, сухая и хотя немного тесна, но мы будем вместе; для поездок в Петербург будет свой катер – безопасно и приятно.

Горемыкин просил ему предоставить дом на Фонтанке (раззолоченный саркофаг Сипягина[1]), или дом на Мойке. Это останется открытым до осени, но я решаюсь взять дом на Мойке, где много хороших детских, а на Фонтанке только внешнее великолепие, а жить негде. Мои отношения с Горемыкиным самые приятные, и он вмешиваться и мешать делу не будет и предупредительно, где может, помогает.

Я должен был себе заказать у Henri целый гардероб. Завтра вызову смотрителя домов и подробно напишу Тебе про укладку и прочее.

Маша сегодня уехала. Встретил на улице доброго нашего Максимовича, мы друг другу страшно обрадовались.

Сегодня весь день сидел у Дурново и Горемыкина и не успел отдать визиты массе лиц, у меня побывавших.

Устал я, ангел, здоров.

Люблю, люблю Тебя.

Твой

Деточек милых моих целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 103–104об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – с октября 1899 г. управляющий Министерством внутренних дел, с 1900 г. министр. Убит в Мариинском дворце эсером С.В. Балмашевым.

Письмо О.Б. Столыпиной

29 апреля 1906 г.

29 апреля 1906 г., С.-Петербург

Обожаемая, пишу в интервале между иркутским генерал-губернатором[1] и д[иректо]ром департамента. Хотя еще докладов не принимаю, но трудиться приходится сплошь 18 часов. Со временем все это упростится. Градоначальник с рапортом является в 12 ч[ас]. ночи, а начальник охранного отделения в 11 ½ ч[ас]., чтобы все доложить за сутки.

Про открытие Думы и Гос[ударственного] совета я не пишу, так как все было в газетах. Скажу только, что Государь свою речь (которую сам сочинил) сказал с таким чувством, что надо было быть каменным, чтобы не расчувствоваться. Это была не речь, а пламенная молитва.

Что будет в Думе, какие там образуются партии, я не знаю, но большинство очень крайнее.

Покуда я, несмотря на чудную погоду, не переехал на дачу, чтобы быть тут поближе. Вообще я устраиваюсь только на лето, т. к. не знаю, что будет осенью. Порядок вообще будет поддержан. Я сейчас принимал высших чиновников министерства, речь мою Ты прочтешь в газетах.

Старикашка Богданович все-таки вылез вперед и ответил. Суходольский[2], Альфераки[3], старик Штрандман[4] в числе представляющихся (Суход[ольский] после удара).

Тут на Морской квартира чудная, т. к. представляет из себя семейный дом. Все разместимся прекрасно, хватит и на гостей. При доме три лакея в ливреях, посуда, столовое белье, карета, коляска, дрожки, пара лошадей. На даче в моем распоряжении катер для сношения водою с Петербургом, что и приятно, и безопасно.

С перевозчиком я условился – за упаковку 80 коп. с пуда и дорога за мой счет. Говорят, что это недорого, но, быть может, Ты на месте устроишься дешевле. Спроси Мораки.

Я предложил место Сарат[овского] г[убернато]ра гр[афу] Татищеву (из Вильны), и он согласился. Государю еще не докладывал. Дубасову[5], когда он поставит Татищева в курс, предоставлю тоже губернию. Положение с Думою оч[ень] тревожно: на почве амнистии конфликт неизбежен.

Целую, прощай, минуты нет.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 84–85об.
На бланке «Министр внутренних дел».
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Имеется в виду **Селиванов** Андрей Николаевич – генерал от инфантерии, 29 апреля 1906 г. назначен иркутским генерал-губернатором, оставался в этой должности до 24 июля 1910 г.

[2] **Суходольский** Сергей Павлович – член совета министра внутренних дел.

[3] **Альфераки** Ахилл Николаевич – в звании камергера, действительный статский советник, в Министерстве внутренних дел числился сверхштатным чиновником особых поручений, позднее был откомандирован в Главное управление по делам печати. Почетный мировой судья по Таганрогскому округу.

[4] **Штрандман** Константин Карлович – член совета министра внутренних дел.

[5] Действительный статский советник **Дубасов** Дмитрий Николаевич 7 октября 1906 г. был назначен симбирским губернатором, оставался в этой должности до 28 февраля 1911 г.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

2 мая 1906 г.

2. V. 1906 г.
Из С.-Петербурга
Сегодня переезжаю [в] министерский дом, Большая Морская 61, дача готова. Писем еще не получал. Здоров, целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 86.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Телеграмма О.Б. Столыпиной

11 мая 1906 г.

11. V. 1906 г.
Из С.-Петербурга
Сегодня переехал [на] дачу, завтра переезжает ко мне Алеша. Радостно ждем приезда дорогих.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 90.
На телеграфном бланке. Рукопись.

Письмо О.Б. Столыпиной

26 июля 1906 г.

Ce 26 Juillet 1906
Saratow
Il est minuit et demi, mais je ne veux pas laisser sans nouvelles mon adorée. Je suis revenu hier la nuit. Malgré cela il y avait une cinquentaine de personnes à la gare. Ухтомский[1] и Кропотов (deux maréchaux) à la tête. Aujourd'hui file toute la journée. J' ai en Львов toute la soirée — il ne veut pas exploiter les coups, qu'il a reçu et agit en gentelmen. Ici tout est tranquille. Antonina très fidèle, слушала молебен. Je ne pense qu'à toi et au chagrin, que je t'ai infligé. Pourvu que tu ne tombes pas malade. Comme j'espére me reposer vers le 15. août dans ton paradis*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 88.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Ухтомский** Александр Александрович — князь, надворный советник, гласный Саратовской городской думы от земства, саратовский уездный предводитель дворянства, председатель Саратовской уездной земской управы, член местного управления Российского общества Красного Креста, командор Саратовского речного яхт-клуба, член Саратовского окружного правления Императорского Российского общества спасения на водах.

---

* 26 июля 1906 г., Саратов
Сейчас половина первого ночи, но я не хочу, обожаемая моя, оставить Тебя без новостей. Я вернулся вчера вечером, но несмотря на это время, на вокзале было человек 50. Во главе с Ухтомским и Кропотовым (два маршала). Весь день сегодня тянулась вереница людей, а вечер я провел у Львова. Он не хочет отвечать на полученные удары и ведет себя по-джентельменски. Здесь все спокойно. Очень набожная Антонина слушала молебен. Думаю только о Тебе, о том, как Ты грустишь из-за меня. Только бы Ты не болела. Как я надеюсь где-то к 15 августа оказаться в Твоём раю (франц.).

1910

Письмо О.Б. Столыпиной

9 сентября 1910 г.

9 сентября 1910 г.

Казанская губ[ерния]

Душка моя милая, подъезжаем к Казани, а мысли мои на Елагинском, куда Ты вчера вечером с Божьей помощью, надеюсь, благополучно доехала. Твоя телеграмма об Арочке меня успокоила.

В Перми мы пробыли только несколько часов, но в деле очень интересные вещи: земство специально для нас устроило выставку всех кустарных изделий губернии. Вообще я вижу очень серьезное и внимательное отношение общественных групп к нашему путешествию: депутации от земств и городов приезжают из соседних местностей с подробным изложением местных своих нужд и скорбий. В Перми в соборе трогательно приветствовал меня преосв[ященный] Палладий[1]. Он благословил меня походным складнем.

Заезжал с визитом к Лопухиной — она за что-то благодарит Наташу, которая почему-то ее близкий друг.

Проехал сегодня мимо Чистополя. Вчера так хорошо и тихо было на пароходе даже вечером — настоящее лето. А сегодня страшный ветер и пароход качается так, что трудно писать.

Я в Казани, Симбирске, Самаре и Саратове буду осматривать землеустроительные работы и *на пароходе* буду иметь совещания с местными деятелями и в города буду избегать даже заезжать, до того отяготительны все эти официальные объезды и представления. Я упрощаю свою поездку до крайних пределов, а дружественные правые и левые газеты все же умудряются представить ее как торжественное шествие.

Более всего я боюсь Саратова в смысле помпезного приема и, насколько возможно, сокращаю там свое пребывание. Благодаря тому, что я взял с собою повара, нигде не принимаю ни одного завтрака или обеда. Поездке я придал характер чисто деловой, чернорабочий. И надеюсь, что она принесет результаты. Я, по крайней мере, увидел и узнал такие вещи, о которых из бумаг не узнал бы.

Теперь немного больше недели и я уже с Тобою. Какое счастие! Сейчас в Казани узнаю, как Ты доехала. Приедем в Казань

в 7 ½ ч[ас]. вечера. Вечер посвятим беседе с общественными деятелями, а утром едем на хутора. К сожалению, погода испортилась — холодно, дождь. Сегодня Еленочкин экзамен. Надеюсь, она не осрамила своего диктанщика. Целую нежно, много. Люблю.

Взяла ли ты сандовскую швейцарку? Надо до сезона устроить Наташины зубы. Переговори сама с дантистом. I am full of love*.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 92–93об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Палладий** (в миру Николай Добронравов) (1865—1922) — епископ Сарапульский и Елабужский, духовный писатель. В 1888 г. пострижен в монашество, 15 апреля 1890 г. рукоположен в иеромонаха. С 1892 г. преподавал в Вологодской, с 1894 г. — в Могилевской, с 1896 г. — в Тульской духовных семинариях. В 1897 г. возведен в сан архимандрита и назначен наблюдателем миссионерских курсов при Казанской духовной академии. В 1899 г. получил степень магистра богословия, занял пост ректора Литовской духовной семинарии. С 1901 г. — синодальный ризничий. 6 декабря 1903 г. хиротонисан в епископа Вольского; хиротония состоялась в Саратове в Крестовой церкви, чин хиротонии совершал епископ Саратовский Гермоген. С 22 ноября 1908 г. — епископ Пермский и Соликамский. С 30 июля 1914 г. — епископ Саратовский и Царицынский. С 1918 г. — епископ Сарапульский и Елабужский. В 1919 г. уволен на покой, согласно прошению. Жил в Москве, состоял настоятелем Новоспасского монастыря.

1911

Письмо О.Б. Столыпиной

20 августа 1911 г.

20 авг[уста] 1911 г.
Елагин

Душка моя, ангел, хотя я занят день и ночь, но, как всегда без Тебя, живу половинною жизнью. Главного, Твоего присутствия, хотя бы невидимого, в соседней комнате, не хватает. Вчера был парадный обед (мужской). Кажется, хорошо, что я приехал. Да и дел масса. Сегодня были у меня приехавшие из Китая монгольские князья и поднесли мимиаду подарок: прелюбопытные четки.

* я полон любовью (англ.).

Завтра свобода. Еду на яхте с Григоровичем (на Неве). С докладом еду в четверг. Надеюсь вечером же и уехать, а пятницу провести дома в Колноберже, выехав в Киев в пятницу же ночью. Все это может перемениться, так как, быть может, не справлюсь с делами. Нужно будет [провести] несколько заседаний Совета, но это очень соблазнительно.

Все поручения Твои исполнены. Норденштрем спрашивает, куда деть мундир Бориса? Я велел пока оставить у него: пусть Борис, когда приедет сюда, еще раз примерит. Я же уплачу теперь.

Клеопатра Черк. и мне вчера писала, и я велел выдать ей 100 руб. Но получив Твою телеграмму, приказал перевезти в госпиталь и сегодня же в 7 ч[ас]. вечера, т. е. через 3 часа после Твоей телеграммы, уже была приготовлена отдельная комната в Мариинской больнице и доктор поехал за стариком.

Иду спать, прощай, нежная.

Твой

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 94–95об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо О.Б. Столыпиной

23 августа 1911 г.

23 августа 1911 г., Елагин

Милая, дорогая. Пишу в последний раз, так как в пятницу в 9 $^1/_2$ утра сам обниму Тебя.

Очень устал, мучают весь день: сегодня Совет министров, завтра опять вечером, т. к. весь день занят. Вели во флигеле приготовить два умывальника: для Граве[1] и Есаулова[2]. На всякий случай хоть одноконную подводу за вещами (чемодан с вещами, оставляемыми в Колноберже).

Благодарю за открытые письма.

Завтра обедает у меня Гуськов. Послезавтра утром в Петергоф, даем доклады, а в 7 ч[ас]. – гайда в Колноб[ерже]. Как я рад денек отдохнуть в вашей теплоте.

Люблю, Твой

ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 2860. Л. 1–1об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] Граве Всеволод Владимирович (1881–1936) – коллежский советник, с 1902 г. служил в Министерстве иностранных дел. С 19 октября 1909 г. чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, личный секретарь П.А. Столыпина.

[2] Есаулов Владимир Евгеньевич – штабс-капитан, штаб-офицер для особых поручений; был взят в Киев для выполнения личных поручений министра внутренних дел П.А. Столыпина

Письмо О.Б. Столыпиной

28 августа 1911 г.

28 августа 1911 года, Киев

Дорогой мой ангел, всю дорогу я думал о Тебе. В вагоне было страшно душно. В Вильне прицепили вагон с Кассо и Саблером[1]. В Киев прибыли в час ночи. Несмотря на отмену официальной встречи, на вокзале, кроме властей, собралось дворянство и земство всех 3 губерний.

Сегодня с утра меня запрягли: утром митрополичий молебен в Соборе о благополучном прибытии Их Величеств, затем освещение Музея цес[аревича] Алексея, потом прием земских депутаций, которые приехали приветствовать Царя. Это, конечно, гвоздь. Их больше 200 человек – магнаты, средние дворяне и крестьяне. Я сказал им маленькую речь. Мне отвечали представители всех 6 губерний. Мое впечатление – общая, заражающая приподнятость, граничащая с энтузиазмом.

Факт, и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и кр[айне] правые. Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели.

Тут холод и дождь, все волнуются, что будет завтра к приезду Царя.

Были у меня обе Демидовы – говорят, что Маше лучше и что она меня лихорадочно ждет. Здесь стоят еще у генерал-губ[ернато]ра Кривошеин и вел[икий] кн[язь] Андрей Владимирович[2] (с завтрашнего дня).

Тягостны многолюдные обеды и завтраки.

Целую крепко и нежно, как люблю.

P.S. Сюда приезжает и Олсуфьев, который кому-то говорил, что он пристыжен и кается.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 96–97об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Саблер** (с 1915 – Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929) – действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор (1896), член Государственного совета по назначению (с 1905), группа правых. Почетный член Российского общества Красного Креста, обер-прокурор Святейшего Синода с 2 мая 1911 г. до 5 июля 1915 г.

[2] **Андрей Владимирович** Романов (1879–1956) – великий князь, двоюродный брат Николая II, генерал-майор свиты Его Величества, сенатор (1911).

Раздел IV

ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ

Письмо А.Ф. Мейендорфу

2 января 1900 г.

Дорогой Саша,

Жена и я сердечно поздравляем Тебя с Твоею помолвкою и от души желаем продолжительного и прочного счастия.

Ты знаешь, какую теплую симпатию мы к Тебе питаем и как живо нас интересует все, что Тебя касается.

Я лично рано познал все счастье и всю прелесть семейной жизни и искренно радуюсь за Тебя, что Ты впредь не один будешь на жизненном пути.

С нетерпением ожидаем возвращения в Ковну Ольги Николаевны Мертваго, чтобы по ее рассказам познакомиться с Твоею невестою, которой прошу передать от жены и от меня лучшие пожелания и поздравления.

Брата Сашу я сегодня же извещу о Твоей женитьбе.

Надеюсь, когда буду в Петербурге, застать Тебя там, если же Ты после свадьбы своей попадешь заграницу и проедешь через Ковну, то телеграфируй мне, чтобы я мог выехать на станцию повидать Тебя во время остановки поезда.

Сердечно Тебя обнимаю.

Преданный Тебе

Петр Столыпин

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

20 сентября 1902 г.

Дорогой Друг,

Благодарю Тебя за Твою любезность – Ты мне окажешь очень большую услугу, употребив свою проницательность по отношению к англичанке.

По отношению к Ханыкову, раз Ты его знаешь, то готов предоставить ему должность в Гродненской губернии, но предпочел бы устроить его не мировым посредником, а на другом какомлибо месте. Во-первых, министерство не назначит мир[овым] поср[едником] женатого на польке; во-вторых, на этой должности слишком много точек соприкосновения с попами и он будет поставлен в неловкое положение из-за belle-soeur. Но если откроется должность члена какого-нибудь присутствия, то рад заполучить хорошего человека.

Ты меня очень одолжишь, если узнаешь из верных источников, действительно ли восстанавливается у нас генерал-губернаторство и назначается Мирский? Об этом усиленно трубят в Вильне.

Аплодирую Тебе за победу, одержанную посредством постановки кабинетского вопроса.

Забыл сказать еще по отношению к гувернантке: очень желательно было бы, чтобы она знала также немецкий язык, так как до сих пор у нас были немки и жаль, если дети забудут этот язык.

Крепко жму Тебе руку.

Твой П. Столыпин

20-го сентября 1902 г.

Гродна

Извини за странный формат бумаги, но только что приехал, беспорядок и не заметил, что пишу на замаранном сверху листе.

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 3–4.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

28 августа 1903 г.

Саратов

Дорогой Саша.

Очень был тронут Твоим поздравлением – я очень счастлив, что после 19 лет брака дождался сынка.

Письмо Твое получил уже здесь. В Петербурге долго не буду. Прошу Тебя усердно высылай сюда барона Цеймерна – я его возьму чиновн[иком] особ[ых] поруч[ений] с удовольствием, если он порядочный человек. Мне необходим воспитанный человек, т. к. теперь у меня еще никого нет, привез одного чиновн[ика] особ[ых] пор[учений] кн[язя] Оболенского, очень милого, но поручений масса, а людей нет, швалью же окружить себя не желаю.

Как я завидую Твоей поездке в культурные страны.

Боже, как тут дико и какие тяжелые условия работы.

Целую ручки кузине.

Твой П. Столыпин

Иллюстрация: сюда командирован и будет сидеть 4 дня генерал Богданович, чтоб поучать рабочих и раздавать книжечки! Я завтра филирую в уезд.

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 5–6.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

31 октября 1904 г.

Саратов

Дорогой Саша,

Нет ли у Тебя еще чиновников, вроде Бреверна. Дело в том, что массу земских начальников взяли на войну, и я испрашиваю разрешение министра командировать Бреверна заведовать свободным земским участком, и затем скоро он, вероятно, получит место 3[-го] начальника. Мне бы нужно одного или двух чиновников особ[ых] поручений, из которых я мог бы готовить земских начальников. Надеюсь на Твою фабрику.

Прощай, дорогой друг, целую ручку Твоей жене.

Твой П. Столыпин

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 7.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

15 августа 1905 г.

Колноберже, 15 августе 1905 г.

Дорогой Саша,

Очень, очень Тебе благодарен, что Ты отозвал[ся] на те кошмары, которые я пережил. Балашов и до сих пор лишает меня сна.

Я убежден, что если бы не мое случайное присутствие в Балашове, то без человеческих жертв не обошлось бы. Смешно и жалко читать про организацию черных сотен. Сколько лжи и клеветы. Я был два дня в Петербурге, чтобы добиться Высочайшей резолюции, осуждающей самовольство толпы, так как иначе боялся дальнейших избиений. Из Петербурга на несколько дней проехал сюда к семье, а завтра назад в демонический Саратов.

Целую ручку кузине.

Твой П. Столыпин

Жена шлет поклон.

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 12.
Рукопись. Подлинник. Автограф

Письмо князю Н.П. Урусову

22 августа 1905 г.

22 августа 1905 г.

Саратов

Милый Коля.

Вернувшись в Саратов, нашел Твое письмо и спешу Тебя поблагодарить за Твои сердечные строки.

Время, правда, тяжелое и ужасное, и я согласен с Тобою, что отсутствие правительства создает невыносимое положение. Дай Бог пережить кризис и дождаться светлого времени или хоть просвета.

Ты спрашиваешь про казачью команду – она мне оказала неоценимые услуги, я выхлопотал освобождение ее чинов от мобилизации, иначе пропал бы. Комплектуется она почти всецело из Астраханских казаков, некоторые станицы которых расположены в Саратовской губернии. Больное место – офицеры. По положению это вышедшие в отставку по цензу казаки. Все пьяницы, рамолисменты* и с солдатами за панибрата. Теперь команда без офицеров, и вследствие этого одна часть ее на стоянке в одном имении надебоширила и разбаловалась. Я теперь хлопочу у Трепова, чтобы разрешил приписать офицеров регулярной кавалерии. Он обещал. Не присоединишься ли Ты к моему ходатайству? После 2 дней в Петербурге пробыл всю неделю с семьей в Колноберже ввиду мобилизации. Надеюсь в конце сентября съездить еще недели на две.

---

* здесь: слабаки (от франц. ramollier).

Поцелуй от меня ручки княгине и поблагодари за милую память.

Крепко Тебя обнимаю и остаюсь всегда Тебе преданный
П. Столыпин

РГАЛИ. Ф. 1335. Оп.1. Д. 179. Л. 1–2.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

17 марта 1906 г.

Дорогой Саша,

Спасибо за записку и за то, что не забываешь рекомендовать мне нужных мне до крайности людей.

Барону Тизенгаузену я могу пока предложить должность младшего штатного чиновника особ[ых] поручений. Содержание всего 700 р[уб]. в год. Есть у меня тоже должность кандидата к земским начальникам – жалованье 800 руб. и во время заведования участками по 3 рубля суточных, но надо сначала подучить этого плохо говорящего по-русски барона.

Если он согласен идти ко мне, то ответь, пожалуйста, поскорее.

Теперь у нас стало немного потише, но что будет завтра не знаю.

До свиданья, крепко жму руку, целую ручку кузине.

Твой преданный П. Столыпин
17 марта 1906 г.
Саратов

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 8–8об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо князю Н.П. Урусову

10 июня 1906 г.

Дорогой Коля.

Я искренно, сердечно скорблю о постигшей Тебя болезни, и для государства жалею, что Ты не можешь продолжить свою доблестную службу.

Я докладывал о Тебе Государю, который весьма Тебе сочувствует.

Он приказал мне передать Тебе, что не забудет и озаботиться о Твоем устройстве. Пока же Сенат переполнен, так что назначить не в департамент и не для работы министр юстиции не со-

глашается. Это, по-видимому, сделается по приезде Твоем в Петербург после выздоровления.

Пока Государь приказал назначить Тебя в Совет министров. Повторяю, что это пока, и Ты будешь устроен по достоинству.

Крепко Тебя обнимаю, целую ручку княгине и желаю Тебе скоро и вполне поправиться.

Твой старый друг
П. Столыпин
10 июля 1906 г.

РГАЛИ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.
Машинопись. Подлинник.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

8 июля 1910 г.

8-го июля 1910 г.
Ков[енская] губ., Кейданы
им[ение] Колноберже
Доверительно

Дорогой друг,

Прошу Тебя помочь мне сведениями, которыми Ты, вероятно, располагаешь. Я очень озабочен замещением поста министра народного просвещения лицом подходящим, который вел бы дело строго, твердо, последовательно и вместе с тем пользовался бы авторитетом и уважением.

Мне указывают, с одной стороны, на Сонина[1], с другой стороны, на Платонова[2]. Во всяком случае желателен знаток дела, а не дилетант. Ты долго вращался в профессорских кругах. Что Ты скажешь о названных мною двух профессорах?

Так хотелось бы напасть на человека твердого, который не расстроил бы школы, не поддавал[ся] бы разным влияниям и веткам, и вместе с тем разумного, способного завоевать доверие родителей и общества. Менее всего тут, конечно, нужен политик или политикан. Желателен человек не старый и верящий в возможность сделать дело.

Дай мне сведения, которыми располагаешь, чем очень обяжешь.

Преданный Тебе
П. Столыпин

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 10–10об.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

[1] **Сонин** Николай Яковлевич — тайный советник, председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения.

[2] **Платонов** Сергей Федорович — действительный статский советник, член Ученого комитета Министерства народного просвещения, директор Женского педагогического института.

Письмо А.Ф. Мейендорфу

25 июля 1910 г.

Дорогой друг,

Очень Тебя благодарю за ответ на мое письмо. Ты ошибаешься — я Кассо знаю. Он был у меня после назначения директором Лицея.

Я, конечно, помнил Твой отзыв о нем и, при настоящих обстоятельствах, вспомнил о нем. Смущает меня очень уж нерусский его вид, воспитание и, кажется, «внутренний мир».

Кроме того, близкое родство с такими великими интриганами, как Крупенский, тоже заставляет задуматься.

Во всяком случае, буду в начале августа в Петербурге и постараюсь устроить еще раз «смотрины».

Твой преданный
П. Столыпин
25 июля 1910 г.
Колноберже

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 11–11об.
Рукопись. Подлинник. Автограф

Приложение

I

РЕЧИ П.А. СТОЛЫПИНА В СОВЕТЕ ПО ДЕЛАМ МЕСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

Речь на открытии первой сессии Совета по делам местного хозяйства

11 марта 1908 г.

Открывая сегодня впервые Совет по делам местного хозяйства, я приветствую вас, Милостивые Государи, в уверенности той большой пользы, которую принесут труды людей земли в разработке начинаний Министерства внутренних дел и в полной надежде на успех вашей работы. Как вам известно, учреждение Совета по делам местного хозяйства предшествовало предначертаниям Государя Императора относительно изменения строя наших высших законодательных учреждений. Эти крупные реформы, крупные преобразования заставили забыть или во всяком случае отодвинули на задний план мысль о Совете местных деятелей, и многие думали, что Совет этот останется мертворожденным и во всяком случае обречен при новом строе существовать лишь на бумаге. Я думал иначе и в настоящее время убежден в противном. Моя мысль зиждется на том положении, что при громадном пространстве Российской империи, при разных условиях местностей, входящих в ее состав, между учреждениями исполнительными, которые разрабатывают законопроекты теоретически, и между законодательными учреждениями должно стоять еще промежу-

точное учреждение, промежуточная среда, оживотворяющая, вливающая живую силу в выработанные Министерством предположения. Эта мысль мне кажется тем более основательной, что при том громадном законодательном материале, который вносится в Государственную думу и в Государственный совет, эти учреждения могут осилить физически этот материал только если он чрезвычайно тщательно разработан и всесторонне освещен и проверен. Такой порядок, несомненно, целесообразен, и я думаю, что со временем он станет необходимым фактором подготовительной законодательной работы в законодательном нашем строе, который должен развиваться, конечно, по своему собственному, своеобразному руслу. Я при этом разумею только законодательство, касающееся местного самоуправления, так как законопроекты иного характера касаются учреждений других министерств. Конечно, был бы другой путь для получения мнений с мест. Это путь запросов органам местного самоуправления. Но опять-таки при громадном пространстве Российской империи этот путь мне кажется громоздким и медлительным. Я убежден, что только при живом сношении с теми лицами, которые составляют законопроекты, при словесном разъяснении недоразумений, при сношении между собою лиц, представляющих самые разнообразные интересы, может быть всесторонне и правильно освещено дело. Для работ Государственной думы и Государственного совета образование преддумия без всякой политической окраски, на чисто деловых основаниях, не может не иметь большого значения. Я совершенно не отрицаю необходимости в некоторых случаях запрашивать по вопросам крупного местного значения органы местного самоуправления, но я полагаю, что это целесообразно не во всех случаях и притом лишь после того, как вопрос будет обсужден в Совете по делам местного хозяйства. Совет не должен смущаться тем, что он не имеет решающего значения. Хотя он не связывает свободу решений министерства, но мнение Совета обязательно представляется в законодательные учреждения.

В настоящую сессию вам придется обсудить некоторые вопросы очень большой принципиальной важности. Как вам известно, перед открытием Второй думы Министерство внутренних дел разработало целый ряд законопроектов, целую схему преобразования нашего внутреннего устройства. Ход думской работы показал, во-первых, что целесообразность работы, добросовестность ее исключает поспешность и что поэтому переустройство наших местных учреждений не может воспоследовать в порядке

исключительной быстроты, а во-вторых, что реформы в отраслях одного ведомства затрагивают и соседние отрасли. Вот это и побудило министерство выработать известную последовательность в проведении реформ для того, чтобы приблизить время проведения их в жизнь без потрясений, и для того, чтобы логически во времени развить одну реформу из другой. Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязанность способствовать улучшению местного строя. Правительство убеждено, что, прекращая всякие попытки к беспорядкам, безжалостно прекращая их физической силой, оно обязано всю свою нравственную силу направить к обновлению страны. Обновление это, конечно, должно последовать снизу. Надо начать с замены выветрившихся камней фундамента и делать это так, чтобы не поколебать, а укрепить постройку. Порядок и благоустройство в селах и волостях — вот вопиющая нужда в деревне. Никто не будет отрицать, что интересы членов сельских обществ, связанные совместным владением землей, не поглощают интересов того же села по вопросам благоустройства; а чем больше село, тем больше в нем посторонних жителей, тем больше расчленяются эти интересы, тем меньше получают удовлетворение интересы благоустройства. Наши крупные села, наши железнодорожные поселки представляют из себя нечто хаотическое — какое-то накопление человеческого жилья без всяких признаков порядка и благоустройства. Но кроме интересов, ограничивающихся сельской и усадебной оседлостью, за пределами села и усадьбы имеются и другие интересы, соединяющие людей. Поэтому кроме проекта, идущего навстречу первой потребности, проекта о поселковом управлении, министерство должно было обратиться к удовлетворению нужд и интересов, о которых я уже упомянул. Это интересы, касающиеся мелких административных услуг, в которых нуждается каждый обыватель в волости, услуг по выполнению повинностей натуральных, денежных, воинской повинности, по принятию первоначальных полицейских мер, по ведению распорядка в местах скопления народа и т. п. Всем этим потребностям удовлетворяет в благоустроенных государствах мелкая административная единица. У нас эта единица — волость — имеет сословный крестьянский характер, но едва ли справедливо возлагать на одно сословие обслуживание нужд всех обывателей деревни. Отсюда и появилось предположение министерства о привлечении всех лиц, владеющих недвижимостью в волости, к выполнению волостных повинностей и, как последствие этого, к уча-

стию их в волостном управлении. Но так как нет страны достаточно богатой, чтобы параллельно, одновременно содержать и мелкую административную, и мелкую земскую единицу, то министерством предположено возложить на эту мелкую административную единицу и некоторые земские функции, некоторые поручения со стороны уездного земства. Я должен при этом оговориться, что министерство во всяком случае настаивает на необходимости иметь крепкую упорядоченную мелкую административную единицу, хотя и основанную на выборном начале, но ни в коем случае не могло бы помириться с созданием исключительно одной мелкой земской единицы, на которую в качестве привходящей функции было бы возлагаемо исполнение некоторых административных поручений. Правительственный законопроект исходит как раз из обратного построения, видит в этом необходимую гарантию порядка и сходится в этом с устройством большинства благоустроенных европейских государств.

Наряду с этим проектом о волости вам предстоит рассмотреть еще проект о правительственных участковых комиссарах, который находится в связи с внесенным в Государственную думу и рассматриваемым там проектом местного суда. Затем наличие мелкой административно-земской единицы вызывает необходимость пересмотра и вопроса о земском представительстве, о земском цензе, являющимся вопросом большого интереса. Почти все земские собрания в свое время уже заявляли министерству о необходимости уменьшения земельного ценза. Правительство соответственного проекта не вносило ни в Первую, но во Вторую Государственную думу, но первоначально предполагало обосновать земское представительство на цензе земельном, на цензе владения недвижимою собственностью, приурочив градацию его к цензу налоговому. По ближайшем, однако, рассмотрении, неоконченность земских оценочных работ привела министерство к убеждению в необходимости остановиться на прежних началах, т. е. на началах ценза, обусловленного владением известным пространством земли или соответственным имуществом. Во всяком случае, господа, я никогда не скрывал и не скрываю, что у правительства существует намерение настаивать на том, чтобы сохранить в земстве влияние и значение наиболее культурного, наиболее образованного элемента, наиболее, притом, привыкшего к земской работе, а именно — класса поместных землевладельцев.

Наконец, вам предстоит рассмотреть еще один вопрос настоятельной важности. Это вопрос о выделении крупных городов в самостоятельные земские единицы. С этим вопросом медлить

нельзя, так как чем дальше, тем труднее будет развязать взаимоотношения крупных городов и земств. Этим, господа, исчерпывается та программа, которая предложена вашему рассмотрению и которая должна быть рассмотрена вами в течение ближайших четырех недель. Я полагаю осенью опять созвать Совет по делам местного хозяйства для предварительного рассмотрения вопросов материального права и расширения компетенции земств. В настоящее время я предложил бы вам разбиться на четыре комиссии, соответственно четырем крупным заданиям, изложенным мною в программе. Председательство в Совете я передаю товарищу своему, сенатору Крыжановскому. Но во всех тех случаях, когда будут рассматриваться важнейшие принципиальные вопросы, я с большой охотой лично приму участие в ваших трудах. В заключение же позвольте мне еще раз пожелать полного успеха в ваших трудах и вашей работе.

Журнал заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 11 марта 1908 г. – СПб., 1908. – С. 2–4.

Речь на открытии второй сессии Совета по делам местного хозяйства

20 ноября 1908 г.

Господа, открывая вторую сессию Совета по делам местного хозяйства, я считаю необходимым указать вам на главнейшие основные положения тех законопроектов, которые предлагаются на ваше рассмотрение. Позвольте прежде всего напомнить вам о трудах предыдущей сессии для установления преемственной связи их с предстоящею вам работою.

Первый вопрос, которым вы занялись и который был вами подробно разработан прошлою зимою, был вопрос о волости и о поселке. Не случайно внимание ваше было в первую очередь направлено правительством на вопрос о переустройстве нашей деревенской жизни. Вы все, господа, живые свидетели того, что пережила наша деревня за последние годы, и на ваших глазах стал вырисовываться новый образ крепкого крестьянина — личного собственника.

Я не буду указывать вам на жертвы, принесенные государством, на громадность затраченной работы, на напряженное усилие мысли законодательных собраний, при наличности которых

нарождается у нас в настоящее время устойчивый слой государственно-сознательных землевладельцев. Но само собою понятно, что новое в государственной жизни явление требует новых форм, вследствие чего и понадобилось изменить облик волости и создать новые формы для жизни поселка.

Ваш житейский опыт внес много ценного в эти проекты, так же, как и в проект о земском избирательном законе. Проекты эти подлежат рассмотрению законодательных учреждений и, несомненно, установят больший порядок и устойчивость в нашей сельской жизни. Но самое развитие этой жизни потребует приспособления к ней двух соприкасающихся с нею механизмов — земского и административного.

Вопрос о расширении земской компетенции и о выработке основ материального земского права в виде земских уставов составит предмет будущей сессии Совета, в настоящую же мною внесены проекты о переустройстве уездного и губернского управления.

Не скрою от вас, что вопросам этим я придаю особое значение.

Раз страна начала жить политическою жизнью, раз получает развитие личность поселянина и осложняются местные отношения, то и административный строй должен получить большую крепость и определенность и не может оставаться на уровне потребностей чуть ли не начала прошлого столетия.

Нигде в Европе, ни в Германии, ни в Австрии, ни во Франции нет такой слабой по конструкции администрации, как у нас, между тем, усиление администрации означает ослабление произвола. У нас же в губернии власть разъединена, уезд же лишен целостного административного устройства. Если в разгар революционного движения не время было перестраивать ряды администрации, то теперь в этом представляется безусловная необходимость, и поднять этот вопрос лежало на обязанности правительства.

Перед вами, господа, три законопроекта, через которые проведена единая, объединяющая их мысль. Мысль эта заключается не в том, чтобы поднять власть исключительно наделением ее новыми чрезвычайными правами и полномочиями: значение ее предполагается усилить другими путями.

Во-первых, власть в губернии должна стать объединенной. Дело не в том, чтобы подчинить губернатору представителей других ведомств, — они каждый в своей сфере должны оставаться самостоятельны, — а в том, чтобы уничтожить на месте ведомственную политику и объединить общее направление местных дел в лице

представителя объединенной политики правительства – местного губернатора.

Затем правительство задалось мыслью создать такие условия, которые исключали бы пререкания, рознь между администрацией и органами самоуправления и облегчили бы правительству возможность устранять исключительные обстоятельства, тормозящие хозяйственную деятельность этих органов.

Наконец, и это самое главное, правительство считает необходимым, не производя большой ломки, приближаясь к существующим учреждениям, выделить в особую группу все те дела, которые, не принадлежа собственно к области управления, относятся к области административного суда и имеют предметом так называемую административную неправду, т. е. действия и решения лиц и учреждений, правительственных и общественных, совершенные в правомерной форме и хотя бы в пределах должной компетенции, но неправильные, вызывающие спор по существу. Для разрешения таких дел, строго отграниченных от сферы управления и надзора, предполагается установить особый порядок рассмотрения и особый состав советов с участием сил общественных.

Если присовокупить к этому особенное значение, отводимое в проекте общему присутствию губернского Совета в деле издания губернатором обязательных постановлений и заключений по ходатайствам местных общественных учреждений, если остановиться и на роли дисциплинарных присутствий Советов, то станет ясным, что предполагается не механическое лишь объединение губернских присутственных мест, а соединение их в одно живое целое.

Кстати будет тут упомянуть, что в скором времени будет закончен и проект полицейской реформы, которая поведет к объединению всех видов полиции, общей и жандармской, под начальством губернаторов.

Таким образом, в губернии реформа сводится, главным образом, к объединению и упорядочению административной власти, но в уезде задача сильно осложняется тем, что на значительном часто пространстве уезда совершенно до настоящего времени отсутствует объединяющий орган управления.

Нетрудно, конечно, соединить разрозненные присутствия и комитеты в единый совет, но если во главе уезда не будет поставлено лицо, обладающее распорядительной властью и уполномоченное давать общее направление делам, то едва ли уезд можно будет почитать устроенным. Отсутствие главы уезда, расстройство

уезда особенно сказалось в революционный период, когда у администрации не оказалось на местах ответственных руководителей.

Естественно, что ставить во главе управления уездом полицейского чиновника не было признано возможным. Само собой, взоры должны были обратиться на то лицо в уезде, на которое традиционно со времени реформ императора Александра II безвозмездно возлагалось исполнение всевозможных административных поручений, и которое бескорыстно несло эту службу. Я разумею уездного предводителя дворянства. Но тут встретились следующие неудобства: главное – это невозможность подчинить выборным лицам, уездным предводителям, уездную полицию, а без этого реформа теряет все свое значение; затем нельзя было не учесть печальное явление все возрастающей трудности заполнить по выборам на местах должности уездных предводителей, особенно лицами достаточно свободными, чтобы посвятить все свое время службе. Эти, главным образом, соображения заставили правительство проектировать новую должность начальника уезда, являющегося ответственным представителем администрации в уезде. Правительство не связывает насильственно этой должности с должностью предводителя дворянства, так как не все они и в состоянии принять на себя столь тяжелые обязанности, но, разрешая совместительство этих должностей, правительство тем самым первыми кандидатами на должности начальников уезда считает уездных предводителей. Что касается тех уездов, где это совместительство не осуществилось бы, то и там уездные предводители не утрачивают своего значения, оставаясь, независимо от своих сословных дел, во главе тех присутствий уездного совета, которые не носят чисто административного характера, т. е. присутствий землеустроительного и училищного (относительно последнего будет внесено дополнение в проект). Лишь в случае отсутствия предводителя начальник уезда автоматически заступает в этих присутствиях его место. Что касается участкового начальника, то он является органом административного действия, наблюдения и ревизионного надзора на территории уезда, что при наших громадных пространствах более чем необходимо.

Этим исчерпывается программа правительства, которое надеется таким путем установить, наряду с развивающимся самоуправлением, сильную и опирающуюся на правовую основу администрацию.

Я должен предупредить Совет, что предлагаемые его вниманию проекты представляют лишь их первоначальную схему.

Дело настолько важно, что придется, быть может, по окончательном установлении принципов реформы, вновь перередактировать проекты и вторично представить их на обсуждение Совета.

Все, что относится в них до административной техники, будет особенно обсуждено мною с г[осподами] губернаторами.

Я надеюсь, что участие ваше в деле этом, господа, обеспечит его жизненность и успех на местах. Я надеюсь также, что вы будете чувствовать себя хорошо в этом новом помещении, которое, по моей мысли, должно стать местом общения центральной власти с провинциальными общественными силами. Я прошу вас взять также на себя труд рассмотреть проект положения о справочном бюро при Совете, которое должно облегчить земствам и городам их непосредственные сношения с центральными учреждениями.

Журнал заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 20 ноября 1908 г. – СПб., 1908. – С. 1–4.

Речь на заседании общего присутствия Совета по делам местного хозяйства*

2 декабря 1908 г.

По окончании прений председатель Совета обратил внимание членов на высказанное во время суждений мнение о том, будто бы правительство желает построить все местное управление исключительно на бюрократических началах, с упразднением всего того уклада местной жизни, которым Россия жила до настоящего времени.

Правительство упрекают в известной законодательной лихости, с которой проектирована реформа. Но хуже было бы, быть может, если бы пришлось упрекать его в излишней законодательной робости. Однако ни лихости, ни робости здесь не было: была обдуманность. Правительство, разрабатывая проект, желало выслушать все возможные аргументы за и против намеченных преобразований, и недаром Общее присутствие Совета по делам местного хозяйства специально пополнено представителями дворянства.

В настоящее время предстоит отдать себе отчет, допустимо ли какое-либо согласование с основной идеей проекта пожеланий, вы-

---

* Данная речь П.А. Столыпина приведена в пересказе, однако стилистические особенности текста позволяют предполагать, что за небольшими сокращениями речь передана дословно.

сказанных комиссией, его рассмотревшей, или же надлежит, взвесив и оценив замечания комиссии, отвергнуть самый проект.

Обращаясь к указанным вопросам, статс-секретарь Столыпин коснулся выраженного А.Д. Самариным* мнения о том, что проектом, будто бы, умаляется авторитет уездных предводителей дворянства в сфере местной уездной жизни.

По этому поводу следует сказать, что все области государственной деятельности, в которых возможно участие общественного элемента, должны быть расчленены на три категории: деятельность эта может быть, во-первых, политическая, осуществляемая представительными собраниями, во-вторых, собственно общественная, выраженная в местном самоуправлении, и, наконец, административная. Правительство, с одной стороны, желало бы видеть наряду с широко развивающимся самоуправлением твердо поставленную и энергично действующую административную власть. С другой стороны, правительство нисколько не отрицает желательности участия общественного элемента и в чисто административной деятельности. Но в сем отношении необходимо отличать органы административно-общественные от органов административно-распорядительных.

Нисколько не опасаясь умалить власть уездного начальника и всемерно стремясь к утверждению авторитета уездного предводителя дворянства в области дел управления, имеющих общественное значение на местах, правительство признало необходимым сохранить за уездным предводителем первенствующее положение в той сфере местного управления, которая носит, по преимуществу, характер административно-общественный. Сюда правительство отнесло прежде всего обширную область землеустройства и не менее широкую область народного образования, не говоря уже о сфере всесословного местного самоуправления.

---

* Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) – из старинного дворянского рода, земский начальник в Бронницах (1892–1899), богородский уездный предводитель дворянства (1899–1908), московский губернский предводитель дворянства (1908–1915); егермейстер (с 1910), член Государственного совета (с 1912). Почетный опекун московского присутствия Опекунского совета, председатель правления и почетный опекун Института московского дворянства им. императора Александра III, председатель губернского училищного совета, попечитель комитета Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для раненых русско-японской войны, главный уполномоченный Всероссийского Красного Креста (с начала 1-й мировой войны). Обер-прокурор Святейшего Синода (июль-сентябрь 1915), в 1918 г. – участник Поместного Собора Русской православной церкви, в 1918–1920 гг. – председатель Совета объединенных приходов Москвы.

Но затем нужно было выделить круг дел административно-распорядительных. Здесь необходимо было задать вопрос себе: возможно ли пожертвовать настоятельными нуждами момента в пользу освященного столетием или, по крайней мере, несколькими десятилетиями, авторитетного положения предводителя дворянства?

Правительство задалось целью создать единую, сильную власть не только в центре, но и на местах, и притом не только в губерниях, но и в каждом уезде. Никто не станет отрицать, что теперь в уезде такой власти нет, но если, создавая сильную власть в уезде, поставить во главе предводителя дворянства, то получилось бы, несомненно, положение, не соответствующее всему значению этой должности. Со времени реформ Императора Александра II предводители дворянства несут безвозмездно целый ряд различных обязанностей в уездном управлении, с течением времени все более нараставших. Теперь, чтобы объединить в их лице уездную власть, пришлось бы придать им еще новые функции и, прежде всего, как то предположило большинство комиссии, предоставить им председательствование в чисто административном учреждении – уездном совете. Мысленно поставив себя в нынешние условия уездной жизни, нельзя не признать, что при таком порядке получилась бы вместо единства двойственность уездной власти. Ни для кого не тайна, что предводители дворянства часто находятся в отсутствии, а, следовательно, по отношению к текущему управлению уездом предводители являлись бы лишь случайными руководителями. И вот получилась бы такая картина: председателем уездного совета числился бы уездный предводитель дворянства; но в действительности председательствовать в этой коллегии, носящей, в общем, чисто распорядительный характер, он мог бы лишь наездом. Обычно же председательское кресло занимало бы другое лицо. Понятно, что таким образом была бы внесена двойственность в руководство занятиями коллегии, в директивы ее деятельности, и укоренилось бы нечто еще более опасное, чем простое отсутствие власти, укоренилась бы узаконенная рознь. Сторонники мнения комиссии в защиту своего положения могут сослаться на то, что за уездным начальником остается право протеста против постановлений уездного совета. При условии председательствования в уездном совете уездного начальника такое право протеста было бы весьма полезно. Уездный начальник пользовался бы им осторожно и в крайнем случае. С принятием же предположений комиссии, напротив того, возникает опасение, что уездный начальник, периодически уступающий первенство в уездном совете и руководство им другому лицу, окажется

склонным к некоторому злоупотреблению этим правом. Было бы, быть может, менее опасным в указанных условиях наделить такими полномочиями не представителя власти, а представителя общественности.

Министерство не отрицает принципа участия общественности в строе управления, но оно не желает создавать двоевластия, и вот почему оно не могло отнять от подчинения представителю правительства функций чисто распорядительных и вручить их представителю общественности. Но от того, что правительство решило упомянутый вопрос отрицательно, авторитет уездных предводителей дворянства не может считаться поколебленным. Правительство всегда относилось и относится с величайшим уважением к деятельности предводителей дворянства и высоко ценит их бескорыстную работу. Необходимо иметь в виду, что правительство предполагает сохранить уездных предводителей дворянства во главе тех учреждений в уезде, в которых не стоит на первом плане момент административно-распорядительный. Дворянству, следовательно, оставляется широкое поле для того, чтобы консерватизм и стойкость его могли развиваться в своей сфере. Но правительству при создании объединенной власти, власти сильной для поддержания порядка, нужны в местном строе подчиненные и ответственные органы.

Если бы принципы, положенные в основу проекта министерства и проекта комиссии, не представляли собою параллельных линий, то можно было бы попытаться пойти путем компромисса. Но при настоящем положении дела является вопрос: действительно ли осуществимо такое соглашение даже при самых широких уступках со стороны министерства? Остается ли после таких уступок достаточно оснований вообще для проведения проекта в жизнь? Ведь такой компромисс будет страдать грехом большинства компромиссов – непоследовательностью и двойственностью: путем его создано будет двоевластие.

Комиссией отвергнуто совместительство должности уездного предводителя и должности уездного начальника. Этим комиссия наносит сильный удар всему построению проекта. Лиц, достойных назначения на должности уездных начальников, не так много. Найти же двойной комплект как для замещения этих должностей, так и на должности уездных предводителей дворянства окажется еще труднее. С осуществлением предположений комиссии уездная реформа ограничится учреждением должности «улучшенного исправника», быть может, это даже будет исправник ухудшенный. В самом деле, на уездного начальника официально

возложена будет обязанность объединить всю административную деятельность в уезде, между тем как руководить ею в действительности он не окажется в состоянии, встречаясь с конкурирующим влиянием уездного предводителя дворянства в области административно-распорядительных дел.

При таких условиях неизбежно возникает вопрос, необходимо ли учреждение должности уездного начальника? Не лучше ли несколько исправить строй нынешней должности уездного исправника и совершенно отречься от попытки внести новый элемент в управление уездом?

В заключение председатель еще раз отметил, что мысль правительства состоит в создании сильной местной власти и в привлечении к этой власти местных общественных элементов, но в той дозе, при которой не нарушалась бы самостоятельность и планомерность местного управления, руководимого центральной объединенной властью.

В соответствии с сим статс-секретарь Столыпин полагает, что если представителями общественности в Совете не может быть принята объясненная точка зрения, если на пути проведения ее в местную жизнь становится иной взгляд, опирающийся на установившиеся традиции и на соображения о нежелательности ломки существующего уездного уклада, то, конечно, возникают серьезные осложнения для дела преобразования уездного управления на новых началах.

Журнал заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 2 декабря 1908 г. – СПб., 1908. – С. 3–5.

Речь на открытии третьей сессии Совета по делам местного хозяйства

6 октября 1909 г.

Господа, вы приглашены сюда для сотрудничества с министерством в очень большом и ответственном вопросе. Как вам известно, в прошлую сессию Государственной думы для правительства выяснилась возможность провести через законодательные учреждения законопроект о введении земского положения в 9 западных губерниях в том виде, в каком оно существует в губерниях центральных. Это устранило препятствия на пути приобщения западного края к земской жизни, так как раньше до этого разрешение частного вопроса о западном земстве с попутным обсуждением новых оснований земского устройства, т. е. вопроса, ка-

сающегося коренной России, считалось правительством и неудобным, и неосуществимым в короткий срок. Обстоятельства, при которых зародилась, развивалась мысль законодательных учреждений о своевременности распространения земских учреждений на Западный край, казались правительству точно так же весьма благоприятными. Вам, господа, особенно лицам, приехавшим с мест, понятно, что у правительства не было никаких сомнений относительно готовности Западного края восприять блага земского самоуправления – культурная готовность в 9 западных губерниях была вне вопроса. Сомнения правительства обращены были скорее в другую сторону – возможно ли изыскать способы передачи местному населению разрешения местных экономических и хозяйственных вопросов, не поступившись государственным началом, не поступившись повелительным долгом России приобщать к государственной культуре те окраины, которые в силу исторических причин ее утратили. Но так как толчком, поводом для возникновения вопроса о земстве был явно обнаружившийся дефект в нашем законодательстве, лишающий русское население возможности иметь свое представительство в Государственном совете, то для правительства стало несомненным, что и эта внутренняя сторона вопроса, несмотря на все ее трудности, все же преодолена. Я, господа, не буду вам подробно излагать оснований министерского законопроекта, вы с ним ознакомитесь из объяснительной записки, которая, к сожалению, могла быть вам роздана лишь перед началом наших занятий, а также из цифрового материала, собранного министерством. Я знаю, что могут быть попытки опорочить этот цифровой материал в частности, в деталях, но в общем представленные вам цифры верные, которые вполне соответствуют цифрам Центрального статистического комитета. Таким образом, из совокупности всех представленных вам материалов вам станет ясна основная мысль законопроекта. Механически, как я вам сказал выше, схема законопроекта построена на существующих уже в законе нормах. Проведен принцип земского положения [18]90-го года. Но земское положение [18]90-го года дает преобладание дворянскому сословию, между тем, дворянство в Западном крае преимущественно польское и по закону не имеет своего представительства. Поэтому в законопроект введена поправка, которая действует в настоящее время в тех частях земской России, где нет дворянского представительства, т. е. преимущественно в губерниях восточных, а именно проведен через весь законопроект принцип бессословности. Увеличив затем несколь-

ко число земских гласных ввиду того, что к этой мере приходилось в отдельных случаях прибегать и в губерниях центральных, проект выделяет в особую земскую единицу крупные губернские города – Минск, Вильно, Киев, подобно тому, как Положением [18]90-го года это сделано по отношению к С.-Петербургу, Москве, Кронштадту и Одессе. Необходимо это для того, чтобы с самого начала не переплетать, не перепутывать уездных земских потребителей, земских средств крупных губернских центров, с ресурсами чисто городскими. Едва ли обсуждение этих чисто технических вопросов вызовет в вашей среде большие затруднения, но я подхожу к вопросу иного порядка, разобраться в котором вам будет труднее. Нет необходимости доказывать, что главным камнем преткновения при выработке всех законопроектов, относящихся к Западному краю, является разноплеменность той территории, на которой будущие законы должны действовать. Земские учреждения – учреждения не политические, а хозяйственные; правильность и успешность их действия обуславливаются участием в них всех элементов, заинтересованных в правильной экономической жизни края. Но точно так же несомненно, что преобладание какой-нибудь народности в хозяйственной жизни края не может не придать определенной племенной окраски всей местности, так как хозяйственные интересы глубже проникают в народную толщу, чем даже интересы политические. Между тем ясно, что вековое громадное усилие государства в сторону обеспечения преобладания в Западном крае русской государственности не может быть сведено на нет, сведено на нет даже без всякой борьбы, просто в порядке законодательного просмотра или вследствие теоретического бездушного государственного творчества. Поэтому министерство поставило себе целью, как я упомянул в начале своей речи, застраховать будущие земские учреждения от крупной опасности превратиться в колонизационную сеть, разносящую по краю начала если не враждебные, то не совпадающие с государственностью. Этого принципа правительство держалось еще в 1906 году, когда создавало законопроект о Земском положении для Западного края, которое в то время предполагало и провести в порядке статьи 87 Основных законов. Тех же начал придерживается министерство и теперь. Не желая никого озлоблять, не желая противопоставлять одну часть населения другой, министерство в своем проекте просто в силу необходимости, в силу существующего положения вещей сочло необходимым провести определенную государственную черту, переступать которую было бы, по его мне-

нию, опасно. Опасность, по мнению министерства, заключается не только в возможности поглощения русского элемента тех местностей, где он находится в меньшинстве, но и в рискованности предоставления свободного состязания народности русской и народностей иных там, где первая преобладает численно, а другие экономически. Отсюда понятно, почему законопроект считает необходимым закрепить не только известное русское меньшинство в земстве по губерниям Виленской, Ковенской, в шести уездах Гродненской и в трех уездах Витебской губернии, но также в самом законе определить степень участия в земстве для сильной экономической группы польской там, где преобладает численно население русское. Вот почему вам, господа, придется обсуждать вопрос о национальных отделениях при выборе уездных гласных и о таких же отделениях в городских думах и уездных земских собраниях при выборе гласных губернских. Что касается определения числа земских гласных по национальностям, то в проекте предполагается остановиться на способе, отражающем действительное соотношение различных групп населения, для чего и принимаются в расчет два признака: первый – количество населения определенной национальности, а второй – ценность принадлежащих ей недвижимостей, подлежащих обложению земским сбором. Этим, господа, почти исчерпываются особенности, которые в силу разноплеменности Западного края вносятся в законопроект министерства. Принятая проектом постановка вопроса обеспечивает, казалось бы, справедливое участие в земстве всех групп населения Западного края. Она, может быть, и обеспечивала бы окончательно и интересы государственные, если бы в состав Западного края не входило несколько местностей с весьма слабым составом русского населения. Для обеспечения, главным образом, этих местностей от подчинения их чуждым им и новым до сих пор племенным влияниям необходимо еще внести в проект несколько привходящих минимальных требований. Минимум – это председатель губернской земской управы из лиц русского происхождения, все главнейшие должности по найму, не менее половины выборных должностей и не менее половины мелких служащих по найму также из русских. Если это не будет сделано, то в некоторых частях Западного края, особенно в Виленском генерал-губернаторстве, вводить земство было бы, быть может, неосмотрительным, так как на государстве лежит обязанность в тех местностях, где государственные начала недостаточно еще окрепли, поддерживать их силой самого закона. Я не буду дальше вхо-

дить в детали проекта, но попрошу вас в заключение, господа, изучить его с возможным спокойствием, внести в него поправки, подсказываемые вам знанием местных условий, местных интересов, не вдаваться в политические споры и не подчинять свои прения страстности, так как законопроекты диктуются разумом и логикой, единственное же чувство, законно входящее в эту область, — это, как я уверен, присущее всем вам чувство государственности.

Журнал заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 6 октября 1909 г. – СПб., 1909. – С. 2–4.

Речь на заседании общего присутствия Совета по делам местного хозяйства

15 октября 1909 г.

Господа, несколько дней тому назад мне пришлось открывать здесь заседание Совета по делам местного хозяйства по вопросу о введении Земского положения в губерниях Западного края. Теперь тому же Совету в несколько измененном лишь составе, т. е. с участием лиц, непосредственно в вопросе заинтересованных, предстоит высказаться по законопроекту министерства о введении Городового положения в городах губерний Царства Польского. В постановке обоих вопросов, в системе их дальнейшей разработки, в основной мысли и в конечной форме, в которую они вылились, полной аналогии нет.

Первым проектом министерство имело в виду приблизить хозяйственное положение губерний Западного края к хозяйственному распорядку, обиходу коренных русских губерний с тем, чтобы дать Западному краю реформированное земство впоследствии вместе со всей остальной Россией. Относительно городов и губерний Царства Польского министерство исходило из других оснований: предоставить этим городам полный объем прав по самоуправлению, которыми обладают города русские, сделать это в форме и в рамках, обычных местному населению, и установить сразу окончательный способ самоуправления, подлежащий уже дальнейшей эволюции, в зависимости от предстоящих изменений Городового положения в коренной России. Как в вопросе о введении земства в Западном крае министерство опиралось на существующий уже закон [18]90 года, так и разрабатывая проект о Городовом положении в городах губерний Царства Польского, министерство приняло в основу своей работы Городовое положение

[18]92 года. Но тогда как в первом случае министерству пришлось сделать несколько изменений в существующем узаконении с целью оградить русские национальные начала в разноплеменном русском крае, во втором случае министерство ограничивалось задачей, вводя самоуправление в городах с преобладанием польской культуры, обеспечить политические права государства, обезопасить новые учреждения от стремления в сторону автономии и наделить русских горожан, вне зависимости от воли большинства, правом участия в городском самоуправлении. Если, таким образом, в Западном крае министерство стремилось создать земство по окраске русское, то в городах губерний Царства Польского мы ожидаем увидеть самоуправление польское, подчиненное лишь русской государственной идее. Раз понятна основная мысль проекта, понятны будут и его подробности. Во-первых, необходимость привлечения в состав городских избирателей не только владельцев недвижимой собственности, обложенной городскими повинностями, но и квартиронанимателей. Необходимо это привлечение, с одной стороны, по существу, для пользы самого дела, а с другой стороны, чтобы обеспечить участие в городском управлении русских обывателей, которые в этом крае редко являются обладателями недвижимой собственности. Понятна должна быть также мысль – разделить городских избирателей на три курии, на три разряда, состоящие: первая – из русских, вторая – из евреев и третья – из остальных обывателей. Если к этому не прибегнуть, то русские горожане будут совершенно устранены от участия в городском управлении, а евреи, составляющие большинство населения городов, получат в городском управлении преобладание; по проекту же предполагается допустить их в городские думы в количестве не более одной пятой всего их состава. Для привлечения квартиронанимателей, о чем я говорил выше, необходимо сделать их плательщиками городских сборов, но правительство не может частично для городов губерний Царства Польского отказаться от государственного квартирного налога, поэтому проектирован добавочный к государственному – городской квартирный налог. Вместо оценочного сбора проект предполагает оставить в силе существующий ныне общий добавочный к государственному налогу сбор, точно так же проектируется оставить временно на три года ряд мелких городских сборов, существующих в разных городах, для того чтобы в этот срок разобраться, какие из них возможно упразднить и какие надлежит сохранить. Органы самоуправления предполагается несколько видоизменить. Проект устанав-

ливает, по примеру Петербурга, выборную должность – председателя городской думы и затем целый ряд должностей городских агентов, которые в качестве надзирателей и смотрителей базарных, санитарных и других несколько разгрузили бы местную полицию от переобременяющих ее обязанностей, не имеющих чисто полицейского характера. Названия президента и бургомистра полагается сохранить. Компетенция городов точно согласована с компетенцией городов центральной России. Некоторое изменение внесено в систему правительственного надзора за городским управлением. Весьма тягостною задачею считает администрация обязанность входить в рассмотрение не только законности принимаемых городами мер, но и разбираться в целесообразности их по существу, не имея при том никаких принудительных по отношению к городам прав. Поэтому проект выдвигает новый принцип полной самостоятельности городов в пределах законно принимаемых ими мер с параллельным правом губернаторов непосредственного выполнения за счет городов обязательных повинностей в тех случаях, когда города от исполнения этих повинностей уклоняются. Затем, в случае дальнейшего упорства городов не выполнять возложенные на них законом обязанности, предполагается предоставить правительству, каждый раз с соизволения Государя Императора, распускать городские думы до истечения срока полномочий их состава. Наконец, ввиду окраинного положения польских городов и возможности политических осложнений, министерство предполагает, помимо обязанностей по наблюдению за законностью действий городов, наделить правительство правом, также каждый раз с Высочайшего соизволения, заменять, по особым соображениям государственного порядка, на срок не более трех лет, общественные самоуправления непосредственным управлением правительственным. Последняя особенность законопроекта – это обязательность государственного языка для делопроизводства и сношений, допущение наряду с русским и польского языка во внутреннем домашнем делопроизводстве применительно к порядку, установленному для гминных управлений. Вот, господа, те главнейшие основания, на которых министерством разработан первый из законопроектов, касающихся губерний Царства Польского. После обсуждения его вами он будет внесен в Совет министров, а затем на рассмотрение законодательных учреждений. Я надеюсь, господа, что ваши суждения здесь, а затем и применение будущего закона на месте, послужат доказательством честного стремления польского населения воспользоваться бла-

гами самоуправления, на которые оно имеет право по высоте своей самобытной культуры, но без задней мысли обратить самоуправление в орудие политической борьбы или в средство для достижения политической автономии. Я надеюсь на это, тем более, что второй законопроект, который поставлен на очередь министерством, будет законопроект о введении в губерниях Царства Польского самоуправления земского.

Журнал заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 15 октября 1909 г. – СПб., 1909. – С. 1–3.

Речь на открытии пятой сессии Совета по делам местного хозяйства

9 ноября 1910 г.

Открывая пятую сессию Совета по делам местного хозяйства, я прежде всего обращаю ваше внимание, господа, на то особливое значение, которое имеют вопросы, подлежащие вашему обсуждению. Они касаются близкой местным людям экономической области, и поэтому правительство с особым вниманием отнесется ко всем вашим замечаниям и ко всем поправкам, которые будут иметь жизненный характер. Я остановлюсь сначала на проекте организации кредита для земств и городов. Правительству точно так же, как и вам, известно, насколько на местах выдвигаются теперь все новые потребности, насколько местное население ждет и требует от местных органов все новых шагов на пути усовершенствования местной жизни. Правительству точно так же, конечно, известно, насколько мало на местах средств, да едва ли обращение на одно поколение расходов по длительным предприятиям может считаться и справедливым. Поэтому на помощь местным средствам должен и может придти организованный долгосрочный кредит. Но долгосрочным кредитом до настоящего времени пользовались одни города. Притом доступен он одним крупным городам, которые выпускали облигационные займы, реализуя их, однако, не всегда на выгодных основаниях. Насколько эта операция затруднительна, видно уже из того, что до июля месяца 1909 г. из 895 городов Империи воспользовались этого рода кредитом всего только 57 городов. Что касается земств, то вам известно, господа, что земства этой формы кредита совершенно не знают, если, конечно, не считать займов из собственных капиталов, редких займов под залог недвижимых имуществ и случайных

небольших ссуд из сумм Государственного казначейства. Между тем, наравне с законным стремлением городов к монополизации городских предприятий, земства, со своей стороны, не могут оставаться равнодушными к властно выдвигаемым жизнью потребностям местного населения.

Сознавая это, правительство всегда шло навстречу земству, оказывало и, конечно, будет оказывать ему помощь в таких областях, как, например, область всеобщего обучения, организация агрономической помощи, устройство гужевых дорог и т. п. Но не погаснет ли земская самодеятельность, если земства ограничатся ролью распорядителей ассигнованного казною кредита, поневоле частичного, и будут лишены возможности восполнить его со своей стороны до полного обеспечения нужд земских плательщиков. Правительство сочло себя во всяком случае обязанным эту возможность облегчить как земствам, так и городам, путем предоставления им кредита не случайного, но организованного, доступного и дешевого. Что касается форм этого кредита, то он может быть: во-первых, частно-акционерный, затем взаимно-общественный и, наконец, государственный. Не отказываясь от частного кредита со стороны земельных банков, правительство вместе с тем не может не отдать себе отчета в некоторой опасности предоставления частным банкам монопольных прав в этой области. Правительство точно так же не может не обратить внимание на невольное притягательное для частных капиталов свойство крупных центров, крупных предприятий, независимо даже от предмета и целесообразности самой ссуды, самого займа. Наконец, правительство не может не учесть сугубой опасности предоставления частным банкам, частным предприятиям экзекуционного права по отношению к недоимочным земствам и городам. Взаимоотношение в этом вопросе частных капиталов и правительства вызвало в среде ведомств различные взгляды по отношению даже к земельным банкам; поэтому было признано целесообразным и в этом частном вопросе выслушать авторитетное мнение Совета по делам местного хозяйства. Что касается взаимно-общественного кредита, то, конечно, к нему нельзя относиться иначе, как с полнейшей симпатией. Но надо помнить, как бедна Россия деньгами, надо помнить, как трудно такому предприятию реализовать свои займы за границей; надо, наконец, помнить, что во Франции, стране свободных денег, такого рода займы облагаются чрезвычайно тяжелым 7% налогом. При этом надо точно так же не забывать, что и в западных государствах такая форма муниципального

взаимно-общественного кредита нигде до настоящего времени не осуществлена в чистой своей форме, и что повсеместно муниципальный кредит вошел в жизнь при полном содействии и поощрении со стороны государства. Мыслимо ли при таких обстоятельствах правительству укрываться за идею взаимно-общественного кредита и уклоняться от предложения организации правительственной. Это было бы недостойным умыванием рук со стороны правительства, и потому оно выработало схему кредита государственного. Схема эта, конечно, вами уже изучена, и я на ней поэтому подробно останавливаться не буду. Зиждется она, как известно, на принципе ограниченной ответственности казны с депонированием казною на 10 миллионов рублей государственной ренты и с заимствованием из Государственного казначейства еще 10 миллионов рублей на краткосрочные ссуды. Земства и города привлекаются к участию в деле путем 5% удержания с каждой выдаваемой ссуды. Одновременно предположено привлечь представителей земств и городов как к контролю и ревизии операций, так и к управлению банком. Наконец, вопрос о принудительном взыскании недоимок облечен в комбинацию, одинаково удобную и для государства, и для органов самоуправления.

Наряду с этим капитальным для местного самоуправления вопросом вам придется еще обратить ваше внимание на другой важный вопрос — об организации оснований помощи населению в случае неурожая. В новой постановке вопроса правительство отказывается от прежнего принципа обязательности для государства предоставления продовольственных и семенных ссуд всему населению безотносительно к тому, посильны ли для него эти ссуды, но с затаенной задней мыслью об обязательности для государства безвозвратной помощи населению из неистощимых средств Государственного казначейства.

Правительство переходит теперь к другому принципу — к принципу самопомощи, который должен выразиться в накоплении каждым участником этой самопомощи в личную собственность до 6 пудов зерна или эквивалентной нормы денежной суммы. Что касается необычных недородов, то, в случаях нужды, предполагается, конечно, и помощь извне. Она будет заключаться, согласно проекту, во-первых, в предоставлении оборотных средств тем, для кого кредит посилен, в трудовой помощи тем, кто может отплатить за эту помощь только своим мускульным трудом и, наконец, в благотворительной помощи для лиц совершенно беспомощных. Спорным вопросом является тут, кто, собственно гово-

ря, должен осуществлять эту помощь. Для правительства совершенно ясно, что централизация этого дела невозможна, что тут необходима активная деятельность, активная помощь со стороны местных деятелей. Между тем, повторяю, едва ли земствам пристало быть исключительными расходчиками казенных денег, тем более, что при оказании помощи населению из средств всего государства не был бы, конечно, положен предел тому развращающему началу казенного социализма, которое царило в этом деле у нас до настоящего времени. К тому же, едва ли для земств может быть особенно отяготительным двух—трехпроцентное к земским сметам отчисление на этот предмет. Надо помнить, что безвозвратными являются только расходы на благотворительную помощь, так как продажа хлеба по заготовительной цене или кредитные операции не требуют безвозвратных затрат. Что касается общественных работ, то они, конечно, соответствуют уже вполне назревшим нуждам населения. Но я прошу вас, господа, обратить внимание и на то, что правительство не задалось мыслью переложить всю тяготу помощи населению в неурожайные годы на скудные средства земских учреждений, и в этих видах проектом предусматривается помощь государства в форме не только ссуд земствам на льготных основаниях, но и безвозвратных ему пособий.

О способе финансирования земств вам придется иметь суждение также и при рассмотрении хорошо известного вам устава о гужевых дорогах, 10 и 11 главы которого трактуют, кроме вопросов натуральной повинности, также и вопрос о некотором вспомоществовании со стороны казны путем сметных ассигнований на дело устройства путей государственного значения, и вопрос о предоставлении земствам сборов с железнодорожных грузов взамен сборов мостовых и шоссейных на предмет поддержания других гужевых путей.

На рассмотрении этих вопросов закончится, господа, деятельность Совета по делам местного хозяйства настоящего состава. Вспоминая с благодарным чувством об его трудах, я не могу не обратить внимания на то, что через его рассмотрение прошли в течение 5 сессий вопросы громадного государственного значения. Начали вы с проектов административного переустройства села, волости, местного управления, земских выборов, введения Земского положения в Западном крае, введения в губерниях Царства Польского Городового положения. Но переходя от неизбежного изменения внешних форм местной жизни, вы теперь дошли до нового фазиса ваших работ: упорядочения и оживления эко-

номического бытия нашей деревни и города. И это только первые шаги. На этом пути впереди еще большая бодрая работа. В ней и впредь правительство рассчитывает идти вместе, рука об руку, с представителями местного самоуправления.

Журнал заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 9 ноября 1910 г. – СПб., 1910. – С. 1–3.

II

ВЫСОЧАЙШИЕ ДОКЛАДЫ И ЦИРКУЛЯРНЫЕ ПИСЬМА П.А. СТОЛЫПИНА

Письмо губернаторам

20 июня 1906 г.

Секретно
Циркулярно
Гг. Губернаторам

Согласно полученным сведениям некоторые члены Государственной думы обращаются иногда к гг. губернаторам, письменно или по телеграфу, с запросами о причинах содержания того или иного лица под стражею, о действиях чинов полиции во время аграрных беспорядков и проч.

Принимая во внимание, что законоположением о Государственной думе членам ее не предоставлено права требовать от местной административной власти каких-либо сведений и разъяснений по действиям, коими, по их мнению, нарушаются существую-

щие законоположения, прошу Ваше Превосходительство, в случае обращения к Вам с запросами по сему предмету членов Государственной думы, не сообщая просимых сведений, в ответных Ваших отзывах уведомлять, что таковые сведения могут быть затребованы лишь в порядке, указанном в статье 58 Учрежд[ения] Госуд[арственной] думы.

Подписал: Министр внутренних дел П. Столыпин
Скрепил: Директор Трусевич
20 июня 1906 г.
№ 6204

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 335. На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент полиции». Машинопись. Копия.

Письмо губернаторам

27 июня 1906 г.

Циркулярно

По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, местная губернская администрация препятствует проявлению свободной деятельности отделений некоторых обществ, возникших до 4-го марта сего года и представивших, во исполнение отдела VII Временных правил об обществах и союзах 4 марта, своевременно свои уставы, с правом открытия отделений, С.-Петербургскому градоначальнику для регистрации. Так, в некоторых местностях губернаторы запрещают деятельность отделений Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы), в других Союза Русского народа и Лиги образования.

Вследствие сего и во избежание дальнейших недоразумений считаю долгом указать Вашему Превосходительству, что С.-Петербургское городское по делам об обществах присутствие еще не открыло своих действий ввиду встреченных С.-Петербургским градоначальником сомнений при его образовании и что вопрос этот находится в настоящее время на рассмотрении Правительствующего Сената.

Принимая во внимание, что названные общества в точности выполнили требования закона 4 марта и что задержка регистрации их уставов происходит не по их вине, эти общества, с отделениями, должны считаться законно существующими и имеющими

право действовать на точном основании уставов, представленных С.-Петербургскому градоначальнику, если при регистрации не произойдет каких-либо изменений этих уставов или они будут признаны не подлежащими регистрации.

Об этом уведомляю Ваше Превосходительство для сведения и руководства как в отношении указанных обществ, так и в отношении других, возникших ранее 4 марта, регистрация которых в С.-Петербурге задерживается по тем же основаниям.

Подписал: Министр внутренних дел П. Столыпин
Скрепил: Директор Арбузов
27-го июня 1906 года
№ 24

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 125. Л. 13.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись. Копия.

Тезисы по вопросу об отмене черты оседлости для евреев

1907 г.

1) В еврейском вопросе каждый этап, каждый шаг должен быть сделан с соблюдением такого хладнокровия, при условии подчинения не чувству, но полит[ической] и госуд[арственной] необходимости.

2) Давление, которое, видимо, стремятся оказать на правительство крайние правые партии, показывает, что ими руководит страсть. Правительство же должно в данном вопросе особенно избегать развития страстности и, относясь внимательно ко всякому разумному мнению, руководствоваться можно и должно не желаниями отдельных групп, а общею госуд[арственною] пользою, как оно <1 нрзбр.> понимает.

3) Если правительство, после роспуска Гос[ударственной] думы, затронуло много корен[ных] государ[ственных] вопросов, то им руководила необходимость, после того волнения и сумятицы, которые вызвало беспорядочное поднятие Думою всех принципиальных вопросов с чисто теоретич[еской] стороны, поставить практически на очередь эти болезненные стороны русской жизни, от которых исходило все зло прежнего режима и окончат[ельное] упорядочение которых правительство ожидает от Думы.

С этим вместе страна была настолько возбуждена, что необходимо было, ранее созыва новых представителей и для того, чтобы вывести их работу из сферы полит[ических] интересов в русло спокойной работы, немедленно вскрыть и самые болезненные нарывы и положить на твердые рельсы начало реформ, которых так давно и справедливо ждет вся Россия.

4) Для этого надо было идти таким путем: откуда и где зло современной жизни и уклада? Ясно было, что неладно в области законодательства крестьянского, старообрядческого и т. д. В этой области и надлежало работать.

5) Но благополучно ли было в области еврейства? Естественно ли ненормальное, <1 нрзбр.>, озлобленное настроение пятимиллионного племени? Ясно, что и тут нелегко и необходимо поставить диагноз.

6) При этом основным условием должно было быть постановлено: никаких мер в порядке уступок революции, наглости и никакого ущерба коренному русскому населению, русскому народу.

7) Выходя отсюда, нельзя не прийти к убеждению, что уничтожение черты оседлости без Думы, без опроса представителей страны, было бы легкомысл[енным], поспешным актом, ничем не вызванною уступкою; разрешение же приобретения земельной собственности, в момент мобилизации почти всего земельного фонда государства, могло бы нанести и чувствит[ельный] вред народу, если принять во внимание большие денежные средства, находящиеся в распоряжении еврейства.

8) Поэтому те области, в которых без Думы может работать правительство в еврейском вопросе, касаются отмены полицейских стеснений в черте оседлости и уравнения под одни правила всех [народностей] вне этой черты, а также уничтожения стеснений торговых.

9) Сделано ли что-нибудь в этой области, что именно и в каких размерах облачится в форму закона, нам неизвестно, но вне этих границ, очевидно, правительство ничего задумать не могло.

10) Что выиграет от этого правительство, оно никого не купит и покупать не желает. Люди, [мыслящие] страстно, не разберутся в чем дело и начнут кричать об измене; еврейство, желающее полит[ического] преобладания, сочтет себя обиженным «полумерою». Но правительство может считаться лишь с [нравственной] необходимостью и [нравственным] началом. Оно не должно терпеть такого положения, при котором часть подданных может справедливо считать себя обиженными и искать выхода в <1 нрзбр.>.

Быть может, если стесненная в городах и местечках часть еврейства будет иметь возможность, без извест[ных] <1 нрзбр.> приемов, двигаться в пределах оседлости, найдет более широкую область для применения своего труда, не будет питаться одною селедкою в неделю, то не будет выделять из себя одних только бомбардиров и экспроприаторов, и от этого России будет не ущерб, а благо.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–2об.
Рукопись. Автограф. Черновик.

Записка

4 января 1907 г.

По всем учреждениям, кроме Д[епартамен]та пол[иции], прошу ограничиваться только самыми важными и нужными делами, а остальные докладывать подлежащим товарищам министра, так как я весьма обременен разрешением иных срочных вопросов.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 9.
На бланке «Записка для памяти от Председателя Совета министров». Рукопись. Подлинник. Автограф.

Письмо генерал-губернаторам, главноначальствующим, губернаторам и градоначальникам

16 февраля 1907 г.

Доверительно

Гг. генерал-губернаторам, главноначальствующим, губернаторам и градоначальникам

Достигшая в минувшем году небывалых размеров преступная деятельность революционных организаций, выразившаяся в целом ряде возмутительных злодеяний и попыток устройства вооруженных восстаний, вызвала необходимость принятия чрезвычайных для борьбы с ней мер. В порядок таковых мер, согласно Высочайше утвержденному, 19 августа 1906 года, положению Совета министров, генерал-губернаторам, главноначальствующим и

лицам, облеченным их властью, предоставлено было в местностях, состоящих на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, учреждать военно-полевые суды и предавать оным для суждения ускоренным порядком и с применением наказаний по законам военного времени виновных в таких преступных деяниях, совершение которых настолько явно и очевидно, что нет надобности в их расследовании.

Суды эти введены были в действие как чрезвычайное и временное средство борьбы с обнаружившимися в то время крайними проявлениями революционной смуты. Вынужденное ответить на них столь же решительными мерами противодействия, правительство силою вещей было поставлено в необходимость прибегнуть к установлению военно-полевой репрессии, нисколько не скрывая от себя и весьма серьезных отрицательных сторон ее. Поэтому при самом учреждении военно-полевых судов Совет министров признавал их мерою, совершенно исключительною и допустимою лишь временно, когда обычные приемы борьбы с нарушителями порядка оказываются недостаточными для прекращения принявшей угрожающие размеры преступной деятельности врагов государства и общественности.

Более чем пятимесячное применение военно-полевых судов, наряду с прочими мерами, направленными к восстановлению правильного течения общественной жизни, привело ныне к некоторому успокоению, сравнительно с недавним прошлым. Сплошные аграрные беспорядки и вооруженные возмущения прекратились. Деятельность революционных организаций значительно уменьшилась. Сообразно с этим постепенно сокращается и область применения чрезвычайных мер, причем военное положение и положение чрезвычайной охраны во многих местностях заменено уже положением охраны усиленной. Появившиеся признаки наступающего успокоения служат показателем, что обстоятельства, вызвавшие применение столь чрезвычайной меры, как военно-полевые суды, если не исчезли, то в значительной степени утратили свою остроту. В то же время можно надеяться, что обозначившееся уже успокоение укрепится еще более при восстановлении нормального хода законодательства во вновь собранной Государственной думе.

Указанные обстоятельства приводят Совет министров к убеждению, что в дальнейшем широком применении военно-полевых судов не настоит более надобности, если последующие в ближайшем времени события пойдут сравнительно благополучно. При

этом условии для ограждения общественного порядка возможно было бы, по мнению Совета, ограничиться прочими имеющимися в распоряжении административной власти мерами, в числе коих остается за нею и право передачи отдельных преступлений на рассмотрение военно-окружных судов в местностях, находящихся на военном положении или в состоянии чрезвычайной или усиленной охраны.

Ввиду сего Совет министров не предполагает, если не наступит каких-либо исключительных событий, сохранять закон о военно-полевых судах долее срока, установленного статьею 87 Основных государственных законов для временных мер, принятых на основании этой статьи, и, следовательно, 20 апреля 1907 года действие его прекратится. В предвидении сего, находя необходимым озаботиться подготовкою постепенного к этому сроку перехода к обычным приемам уголовной юстиции, Совет министров считает своим долгом обратить внимание Вашего <пропуск имени> на желательность всемерно воздерживаться на будущее время от применения военно-полевых судов, прибегая к ним лишь в самых крайних случаях.

Председатель Совета министров
16 февраля 1907 года

РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 625. Л. 30–31.
На бланке «Совет министров». Машинопись. Проект.

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями

20 апреля 1907 г.

Милостивый Государь,

Государственный секретарь обратился ко мне с письмом от 9-го сего апреля за № 1163, в котором, сообщая о выражении многими членами Государственного совета желания ознакомляться с вносимыми в Государственную думу законопроектами, ходатайствует о том, чтобы такие законопроекты, одновременно с внесением в Думу, препровождались подлежащими министерствами в Государственную канцелярию.

Совет министров, рассмотрев в заседании 13-го сего апреля означенное ходатайство статс-секретаря барона Икскуля, постановил просить гг. министров и главноуправляющих отдельными

частями сделать по вверенным им управлениям соответствующие распоряжения к доставлению в Государственную канцелярию по 250 экземпляров всех вносимых ими в Государственную думу законопроектов.

Сообщая о сем, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал П. Столыпин

20 апреля 1907 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 4. Л. 100.
Машинопись. Копия.

Телеграмма губернаторам

16 июля 1907 г.

Губернаторам

Циркулярно

Ввиду возникших на местах при применении Указа девятого ноября 1906 года сомнений по некоторым вопросам считаю необходимым преподать следующие указания: Первое. Домохозяева, желающие при общем переделе выйти из общины с укреплением за ними участков из общинной земли по действующей разверстке, обязаны заявить о том не позднее поверки передельного приговора земским начальником. Такие заявления рассматриваются и разрешаются уездными съездами одновременно с передельными приговорами. По всем заявлениям о выходе из общины, сделанным после поверки приговора о переделе, укрепление производится по новой разверстке, по утверждении передельного приговора. Второе. Числящиеся на домохозяине недоимки выкупных платежей не служат препятствием к укреплению в личную его собственность участков из общинной земли с тем, однако, что означенные недоимки переводятся на укрепленный участок. Третье. Укрепление в личную собственность участков из дарственных земель общинного пользования производится без уплаты обществу вознаграждения за излишки, предусматриваемого статьей 3 отдела первого Указа девятого ноября 1906 года.

Министр внутренних дел (подписал) Столыпин

16 июля 1907 года

РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 490а. Л. 263.
Машинопись. Копия.

Письмо губернаторам

9 сентября 1907 г.

Гг. Губернаторам

Циркулярно

При применении на практике Временных правил 4 марта 1906 г. о союзах и обществах губернскими и городскими по делам об обществах присутствиями встречен был ряд сомнений в толковании отдельных статей этого закона, ввиду чего установилось не одинаковое отношение к обществам, даже в соседних губерниях.

Признавая, вследствие сего, своевременным приступить к выработке, взамен означенных Временных правил, постоянного закона о союзах и обществах, с целью устранения замеченных на практике недостатков, прошу Ваше Превосходительство обсудить настоящий вопрос и сообщить, какие, по Вашему мнению, существуют недостатки действующего закона об обществах и в каком смысле следовало бы их исправить. Для руководства же Вашего Превосходительства при обсуждении этого вопроса считаю долгом обратить Ваше внимание, главным образом, на следующие положения:

1) Насколько признаки, коими по ст. 1 и следующей устанавливается понятие об обществе, подходящем под закон 4 марта, вызывали на практике сомнения и не следовало ли бы точнее определить понятие об обществе.

2) Желательно ли деление обществ на общества вообще и профессиональные.

Если профессиональные общества выделить в отдельную группу, то

а) Какими признаками следовало бы точно определить понятие о профессиональном обществе и его составе, так как ст. 1 и 7 существующего закона, ввиду действительной их неопределенности, дают основания к различному их пониманию.

б) Желательно ли сохранить существующий порядок регистрации этих обществ (ст. 9—14).

в) Насколько соответствует действительным потребностям профессиональных обществ предоставление им права устраивать публичные собрания и для увеличения их средств — концерты, спектакли и т. п.

3) Насколько соответствует действительным потребностям населения установленный порядок учреждения обществ — явочный и регистрационный.

4) Успешно ли губернские и городские по делам об обществах присутствия исполняют возложенные на них законом об обществах обязанности.

5) Не вызывает ли недоразумений существующий порядок открытия отделений обществами.

6) Ввиду совершенно особого характера деятельности клубов и общественных собраний не представляется ли желательным выделить их в особую группу, установив для них концессионный порядок учреждения.

К сему считаю долгом присовокупить, что настоящий перечень не должен считаться исчерпывающим и потому если бы Вы усмотрели недостатки еще в других положениях закона, не откажите высказать и о них свое мнение.

Требуемые сведения прошу Ваше Превосходительство доставить в возможно непродолжительном времени и во всяком случае не позже 1-го ноября сего года.

Министр внутренних дел П. Столыпин

9 сентября 1907 г.

№ 30

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1907. Д. 129а. Л. 1–1об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями

11 октября 1907 г.

Милостивый Государь,

Ввиду предстоящего 1 ноября сего года возобновления деятельности законодательных учреждений, считая необходимым озаботиться составлением к этому времени сводного перечня представляемых правительством на уважение сих учреждений законопроектов, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сообщить, в возможно непродолжительном времени, список тех законопроектов по вверенному Вам ведомству, которые Вы признаете нужным внести в Государственную думу в первую очередь, с подразделением сих законопроектов на такие: 1) которые были внесены в Государственную думу второго созыва и ныне лишь вновь представляются (с какими-либо изменениями

или без оных); 2) которые впервые вносятся на законодательное утверждение, и 3) которые представляются для оправдания мероприятий, осуществленных в порядке статьи 87 Основных государственных законов.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

11 октября 1907 года

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 18. Л. 145.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Копия

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями

31 октября 1907 г.

Милостивый Государь,

Обсудив возбужденный в Совете министров вопрос о порядке внесения ведомствами во вновь собранную Государственную думу законодательных представлений, внесенных уже на уважение Государственной думы второго созыва, но оставшихся в ней не рассмотренными, Совет остановился на следующих заключениях:

1. Относительно законопроектов, представленных в Государственную думу второго созыва в общем законодательном порядке (Осн[овные] гос[ударственные] зак[оны], изд. 1906 г., ст. 86), главным начальникам ведомств надлежит войти в сношение с Председателем новой Государственной думы, прося его представить означенные законопроекты вновь на рассмотрение Государственной думы. При этом надо отметить остаются ли эти законопроекты без изменений или же ведомство находит нужным внести в них некоторые изменения и какие именно (форма отношения по этому предмету к Председателю Государственной думы при сем прилагается; форма № 1)*.

---

* Форма № 1

Г. Председателю Государственной думы

В Государственную думу, созванную на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату 8-го июля 1906 года, внесены были, в числе прочих, следующие по (такому-то) ведомству законодательные представления:

2. Относительно представлений, внесенных в Государственную думу второго созыва в оправдание мер, принятых по статье 87 Осн[овных] гос[ударственных] зак[онов], изд. 1906 г., главным начальникам ведомств следует просить председателя Государственной думы назначить их вновь к рассмотрению Государственной думой. При этом точно так же необходимо отметить поддерживает ли ведомство означенные представления в том виде, в каком они внесены, или же считает нужным в чем-либо изменить их и в чем именно (форма отношения по этому предмету к Председателю Государственной думы прилагается; форма № 2)*.

Сообщая о сем, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

31-го октября 1907 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 547.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Копия.

(Перечисление представлений)

Принимая во внимание, что представления эти остались Государственною думою не рассмотренными за роспуском ее, по Высочайшему указу 3-го июня 1907 года, имею честь представить их вновь на рассмотрение Государственной думы.

(В случае необходимости каких-либо изменений в означенных представлениях об этом надлежит оговорить, указав существо и основания вводимых изменений).

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 549. Машинопись.

* Форма № 2

Г. Председателю Государственной думы

В течение времени между роспуском Государственной думы по Высочайшему указу Правительствующему Сенату 8-го июля 1906 г. и созывом на основании того же указа Государственной думы 20 февраля 1907 года ([по] такому-то) ведомству был осуществлен ряд мероприятий в порядке статьи 87 Осн[овных] гос[ударственных] зак[онов], изд. 1906 г. Вследствие сего в Государственную думу, созванную на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату 8-го июля 1906 г. (таким-то) ведомством были внесены в срок, указанный в означенной 87 статье, следующие законопроекты, соответствующие принятым мерам:

(Перечисление законопроектов)

Принимая во внимание, что законопроекты эти остались не рассмотренными Государственною думою за роспуском ее по Высочайшему указу 3-го июня 1907 г. и подлежат разрешению в установленном законодательном порядке, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, о назначении их к рассмотрению Государственной думы. (В случае необходимости каких-либо изменений в означенных законопроектах, об этом надлежит оговорить, указав существо и основания вводимых изменений.) (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 550. Машинопись).*

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями

9 января 1908 г.

Милостивый Государь,

Признав необходимым по примеру прошлого года распубликовать во всеобщее сведение через Правительствующий Сенат списки изданных в промежуток времени между роспуском второй Государственной думы и созывом третьей, на основании статьи 87 Основных государственных законов, узаконений: *а*) по коим представлены в Государственную думу до 1-го января 1908 г. подтверждающие их законопроекты и *б*) по коим таковых законопроектов на рассмотрение Думы к означенному сроку не было внесено, имею честь покорнейше просить Ваше <пропуск имени> сообщить помощнику управляющего делами советов министров таковые сведения по вверенному Вам ведомству к 13 января сего года.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и истинной преданности.

Подписал П. Столыпин

9-го января 1908 года

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 247–247об.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Копия

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями

22 февраля 1908 г.

Милостивый Государь,

Ввиду существующего предположения о том, чтобы летние каникулы Государственной думы были назначены не позже 1 июня сего года, необходимо своевременно озаботиться, чтобы до означенного срока Думою были рассмотрены по крайней мере те законодательные представления, незамедлительное разрешение коих является особенно настоятельным.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше <пропуск имени> сообщить мне в течение наступающей недели, какие из внесенных в Государственную думу по вверенному Вам ведомству законопроектов Вы изволите признавать наиболее спешными, дабы возможно было неотлагательно принять надлежащие

меры к скорейшему рассмотрению сих дел в законодательных учреждениях.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

22 февраля 1908 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 273.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Копия.

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Николаю II

29 марта 1908 г.

Образованный 22-го марта 1904 г. Совет по делам местного хозяйства, состоящий под моим председательством, созван на сессию с 11-го сего марта по 6-ое апреля, для обсуждения некоторых вопросов по местной реформе.

Кроме чинов Министерства внутренних дел и представителей отдельных ведомств, в состав означенного Совета входят представители земств и городов, из коих одни в числе 12-ти человек утверждены в звании членов Совета, а другие в числе 36-ти человек приглашены мною на весеннюю сессию 1908 года.

Означенные представители земств и городов ходатайствуют о Всемилостивейшем разрешении иметь счастие представиться Вашему Императорскому Величеству.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинный подписал министр внутренних дел,

Статс-секретарь Столыпин

29 марта 1908 года

№ 6814 и 6815

На подлинном Собственною Его Величества рукою начертано: «Съ».

Далее рукою министра написано: «Съ» (Согласен).

В Царском Селе 30 марта 1908 г.

Статс-секретарь Столыпин

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908. Д. 18. Л. 51.
Машинопись.

Список личного состава общего присутствия Совета по делам местного хозяйства весенней сессии 1908 года

Председатель:
Министр внутренних дел, гофмейстер, статс-секретарь
Петр Аркадьевич Столыпин

Заступающий место председателя:
Товарищ министра внутренних дел, сенатор, тайный советник
Сергей Ефимович Крыжановский

Члены:
Товарищ министра внутренних дел, сенатор, тайный советник
Александр Александрович Макаров
Товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник
Александр Иванович Лыкошин
Начальник Главного управления по делам местного хозяйства, действительный статский советник
Сергей Николаевич Гербель
Помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства, тайный советник
Николай Лукьянович Пшерадский
Управляющий отделом земского хозяйства, действительный статский советник
Михаил Владимирович Ислявин
Управляющий отделом городского хозяйства, действительный статский советник
Александр Осипович Немировский
И. д. управляющего отделом народного здравия и общественного призрения, член совета министра внутренних дел, статский советник
Николай Николаевич Анциферов
Управляющий отделом страхования и противопожарных мер, действительный статский советник
Петр Матвеевич Саладилов
Управляющий отделом дорожным, статский советник
Георгий Георгиевич фон Витте
Непременный член Совета по делам местного хозяйства, коллежский советник
Николай Петрович Дмитриев
Главный врачебный инспектор, доктор медицины, действительный статский советник
Леонид Николаевич Малиновский
Член от Министерства финансов: директор Департамента окладных сборов, действительный статский советник
Александр Александрович Вишняков
Заместитель: Вице-директор Департамента окладных сборов, статский советник
Иосиф Иосифович Палечек.
Член от Главного управления землеустройства и земледелия: член Совета и учебного комитета, действительный статский советник
Александр Александрович Шульц
Заместитель: И. о. вице-директора Лесного департамента, надворный советник
Николай Владимирович Грудистов
С.-Петербургский губернатор, шталмейстер
Александр Дмитриевич Зиновьев
И. д. Московского губернатора, флигель-адъютант, полковник
Владимир Федорович Джунковский
Директор Департамента полиции, действительный статский советник
Максимилиан Иванович Трусевич
Управляющий земским отделом, действительный статский советник
Яков Яковлевич Литвинов
Тургайский губернатор, действительный статский советник
Иван Михайлович Страховский
Помощник управляющего земским отделом, действительный статский советник
Константин Константинович Стефанович
Вице-директор Департамента общих дел, действительный статский советник
Евгений Гаврилович Шинкевич

Члены-представители земств и городов:

а) Утвержденные в звании членов Совета, на три года:

Бекетов, Сергей Андреевич,
гласный Казанского губернского земского собрания

Брянчанинов, Николай Семенович,
гласный Псковского губернского земского собрания

Говорухо-Отрок, Михаил Яковлевич,
председатель Курской губернской земской управы

Зубчанинов, Сергей Иванович,
председатель Псковской губернской земской управы

Инсарский, Василий Александрович,
гласный Нижегородского губернского земского собрания

Колчанов, Алексей Михайлович,
председатель Днепровской (Таврической губернии) уездной земской управы

Милорадович, Дмитрий Николаевич,
председатель Кременчугской (Полтавской губернии) уездный земский управы

Наумов, Александр Николаевич,
Самарский губернский предводитель дворянства

Попов, Сергей Александрович,
Лихвинский (Калужской губернии) уездный предводитель дворянства

Стерлигов, Илья Иванович,
председатель Тамбовской губернской земской управы

Сухов, Иван Александрович,
председатель Вятской губернской земской управы

Шидловский, Юрий Вячеславович,
Бирюченский (Воронежской губернии) уездный предводитель дворянства

б) Приглашенные на весеннюю сессию 1908 года:

Бродский, Эраст Эрастович,
Верхнеднепровский (Екатеринославской губернии) уездный предводитель дворянства

Беляков, Николай Федорович,
председатель Симбирской губернской земской управы

Варун-Секрет, Сергей Тимофеевич,
Елисаветградский (Херсонской губернии) уездный предводитель дворянства

Вяземский, князь, Сергей Александрович,
гласный Костромского губернского земского собрания

Гаслер, Владимир Федорович,
председатель Тверской губернской земской управы

Гевлич, Дмитрий Ксенофонтович,
Пензенский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета, по выборам

Голицын, князь, Александр Дмитриевич,
гласный Харьковского губернского земского собрания, член Государственной думы

Голицын, князь, Павел Павлович,
Новгородский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета, по выборам

Иванов, Павел Васильевич,
гласный Пермского губернского земского собрания

Казаринов, Иван Алексеевич,
гласный Одесской городской думы

Коробков, Владимир Аполлонович,
Саратовский городской голова

Коропачинский, Петр Флегонтович,
председатель Уфимской губернской земской управы

Кубаровский, Александр Евгеньевич,
гласный Смоленского губернского земского собрания

Маслов, Сергей Николаевич,
председатель Орловской губернской земской управы

Магницкий, Николай Флегонтович,
гласный Екатеринбургской городской думы

Межаков-Каютов, Сергей Павлович,
гласный Вологодского губернского земского собрания

Меллер-Закомельский, барон, Владимир Владимирович,
председатель С.-Петербургской губернской земской управы
Меморский, Александр Михайлович,
Нижегородский городской голова
Панчулидзев, Сергей Алексеевич,
гласный Саратовского губернского земского собрания
Перепелкин, Николай Митрофанович,
гласный Московской городской думы
Петров, Сергей Александрович,
председатель Владимирской губернской земской управы
Писарев, Николай Нилович,
гласный Рязанского губернского земского собрания
Погорелко, Александр Константинович,
Харьковский городской голова
Пуришкевич, Митрофан Васильевич,
гласный Бессарабского губернского земского собрания, помощник Аккерманского уездного предводителя дворянства
Расторгуев, Константин Иванович,
Рыбинский городской голова
Ратьков, Николай Александрович,
председатель Олонецкой губернской земской управы
Ратьков-Рожнов, Александр Геннадиевич,
гласный Ярославского губернского земского собрания
Рихтер, Николай Федорович,
председатель Московской губернской земской управы
Ростовцев, Николай Николаевич,
гласный Елецкой городской думы
Савицкий, Николай Петрович,
председатель Черниговской губернской земской управы
Сиротинский, Павел Парменович,
гласный городской думы гор. Николаева
Страдомский, Николай Федорович,
член Киевской городской управы
Унковский, Сергей Владимирович,
председатель С.-Петербургской городской думы
Урусов, князь, Александр Петрович,
гласный Тульского губернского земского собрания, член Государственной думы
Эзау, Иван Яковлевич,
Екатеринославский городской голова
Доррер, граф, Владимир Филиппович,
Курский губернский предводитель дворянства, член Государственной думы, заместитель представителя в Совете по делам местного хозяйства от Курской губернии

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1908. Д. 18. Л. 54–55. Машинопись.

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями

29 августа 1908 г.

Милостивый Государь,

Ввиду весьма значительного числа законопроектов, представленных в Государственную думу и ожидающих законодательного рассмотрения, является необходимым своевременно озаботиться, чтобы прежде всего были рассмотрены те из законодательных представлений, незамедлительное разрешение коих является особенно настоятельным.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне, в возможно непродолжительном времени, какие из внесенных или вносимых в Государственную думу по вверенному Вам ведомству законопроектов Вы изволите признавать наиболее спешными, дабы возможно было своевременно принять надлежащие меры к рассмотрению сих дел в первую очередь.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

29 августа 1908 г.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 19. Л. 337.
На бланке «Председатель Совета министров».
Машинопись. Копия.

Письмо губернаторам и градоначальникам

20 октября 1909 г.

Гг. губернаторам и градоначальникам

Циркулярно

Усматривая из имеющихся в Министерстве внутренних дел сведений, что, при применении Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил о союзах и обществах, в губерниях и градоначальствах установилась различная практика, и имея также в виду, что в некоторых губерниях и градоначальствах допускаются при этом существенные отступления от требований закона, обязываюсь обратить особое внимание Вашего Превосходительства на нижеследующее:

1) Так как все общества, за исключением торгово-промышленных или имеющих целью получение прямой прибыли для своих членов, а также тех, для учреждения коих специальными узаконениями установлен особый порядок, подлежат действию Временных правил 4 марта 1906 г., то, следовательно, губернатор или градоначальник только в тех случаях имеет право не вносить на рассмотрение присутствия по делам об обществах и союзах вопрос о регистрации данного общества или союза, если из дела усматривается, что, согласно проекту устава, общество или союз является единением торгово-промышленного характера или же принадлежит к числу единений, особыми узаконениями специально предусмотренных. Из означенного явствует, что, с одной стороны, должно быть признано прямым нарушением закона, если губернатор или градоначальник личной своей властью, помимо присутствия, утвердит или признает не заслуживающим утверждения

устав такого общества, устав коего, на основании п. 1 Временных правил 4 марта 1906 г., подлежит рассмотрению присутствия (например, клубы, общества взаимопомощи и т[ому] под[обное]), а с другой стороны, следует признать одинаково неправильным, если губернатор внесет на суждение присутствия и последнее примет к своему рассмотрению уставы обществ, кои, по составу своему или по целям, или по иным законом указанным обстоятельствам, подлежат утверждению в порядке особых изданных на сей предмет узаконений, или же в порядке ст. 5 и 9 Временных правил 4 марта 1906 г. В частности, надлежит иметь в виду, что всякого рода кассы, общества взаимопомощи и иные единения, образуемые при учреждениях, ст. 9 Временных правил 4 марта 1906 г. исчисленных, разрешаются к открытию не иначе, как в порядке ведомственного рассмотрения, согласно с указаниями ст. 9—12 вышеназванного закона. При этом в случаях, когда учреждается такое общество служащих, в состав коего, по уставу допускаются лица посторонние, Вам обязательно руководствоваться разъяснением Правительствующего Сената, указавшего, что под статью 9-ую закона 4 марта 1906 г. подходят все те общества в составе служащих и посторонних лиц, в которых участие служащих является необходимым элементом, сущностью самого общества. Действию тех же правил и в тех же пределах подлежат также и уставы обществ, образуемых служащими в земских, городских и сословных учреждениях, кои бесспорно должны быть признаваемы учреждениями правительственными.

Наконец, необходимо также принимать меры, чтобы, под видом взаимопомощи, профессиональных и иных и, следовательно, в порядке, установленном правилами закона 4 марта 1906 года, не регистрировались присутствием всякого рода торгово-промышленные предприятия, для учреждения коих законами установлен иной порядок. Если бы, однако, предварительное изучение проекта устава не дало Вам твердых оснований для признания того обстоятельства, что представляемый на суждение присутствия проект устава прикрывает собой учреждение торгово-промышленного предприятия, и устав в силу этого был бы принят присутствием к регистрации, Вам надлежит, при первых же определенных сведениях о том, что данное общество преследует торговые или промышленные цели или имеет в виду получение прибыли для своих членов, предложить присутствию о закрытии данного общества.

2) По отношению собственно к деятельности присутствия обязуюсь обратить внимание Ваше, как председателя присутствия,

на то, что закон 4 марта 1906 года, вводя регистрационный порядок учреждения обществ и образовывая для сего особые присутствия, имел целью установить возможно более тщательное коллегиальное обсуждение сих дел. В силу этого, для обсуждения дел как о регистрации обществ, так и для рассмотрения дел о закрытии таковых, Вам надлежит непременно созывать присутствие, не допуская рассмотрения дел путем так называемых летучих журналов. При этом о заседании присутствия, согласно ст. 37 отд. I закона 4 марта 1906 года, обязательно должны быть извещаемы заинтересованные лица, которые в случае их желания, должны быть допускаемы в присутствие для представления разъяснений по всем встреченным присутствием при рассмотрении уставов сомнениям. В случаях, когда по ходу дела встречается необходимость в оглашении каких-либо секретных бумаг или сведений, подлежащих тайне, Вам предоставляется, как это разъяснено Правительствующим Сенатом (опред[еление] Перв[ого] деп[артамента] от 19 ноября 1908 г., №№ 10005, 10008, 10009), на это время удалять упомянутых лиц из залы заседания. Заседаниям присутствия надлежит вести особый журнал, который должен быть подписан всеми присутствующими членами, причем в определении присутствия должны быть подробно указаны соображения, послужившие основанием к регистрации общества или к отказу в таковой. В целях надлежащей осведомленности присутствия я нахожу, что предварительно внесения в присутствие какого-либо дела, Вы могли бы, основываясь на ст. 36 отд. I закона 4 марта, производить возможно подробное расследование о предположенном к открытию обществе путем опроса заинтересованных лиц и учреждений, а в необходимых случаях путем сношений с губернаторами и градоначальниками иных губерний. В соответствии с разъяснениями Правительствующего Сената, преподанными в определениях Первого департамента от 5 апреля и 6 июня 1907 года за №№ 3944 и 6092, обращаю внимание Ваше и на то, что присутствия, рассматривая проекты уставов, не вправе собственной властью изменять таковые, а могут лишь или признать общество подлежащим регистрации на предположенных в проекте устава основаниях, или же отказать в регистрации. При этом, в случае отказа, при вторичном рассмотрении проекта устава сего общества, присутствие не вправе указывать на такие недостатки устава, которые уже имелись в первоначальном его проекте, но остались не отмеченными присутствием.

3) При рассмотрении проектов уставов обществ должно обращать особое внимание на то, чтобы выражения, в коих означен-

ные проекты устанавливают цели, способы деятельности общества, район его деятельности и иные существенные его части, были достаточно определены. Посему, например, в уставах не могут быть допущены такие выражения, как обозначение района деятельности общества словами: «город и его окрестности» или «те губернии, где в этом правление встретит надобность», или обсуждение цели общества словами: «учреждение и развитие новых государственных и общественных начал», или обсуждение способов деятельности общества словами: «и всякими иными способами, соответствующими целям общества», и тому под[обное].

4) Переходя к вопросу о надзоре за деятельностью обществ, обязываюсь указать Вам, что надзор за обществами вверяется Вашему Превосходительству как представителю власти. Посему в случаях, когда Вы усматриваете, что деятельность общества отступает от требований закона или устава, Вы или делаете обществу, согласно ст. 34 закона 4 марта, предупреждения, или, согласно ст. 35 и след., предлагаете на разрешение присутствия о закрытии общества. Но этим, как, впрочем, понятно само собой, никоим образом не предоставляется присутствию право делать, в свою очередь, какие-либо замечания или предупреждения данному обществу. Присутствие может или согласиться с предложением губернатора о закрытии общества, или отвергнуть таковое.

Придавая вместе с сим особое значение общественной самодеятельности, я нахожу, что губернатор и градоначальник, как представитель государственной власти, должен быть всесторонне осведомлен о действительном направлении означенной самодеятельности. Посему Вам надлежит иметь самый тщательный надзор за деятельностью существующих в пределах вверенной Вам губернии обществ.

5) При рассмотрении проектов уставов профессиональных обществ необходимо иметь в виду, сверх преподанных уже циркулярных разъяснений от 23 июля 1906 года за № 25 и от 30 ноября 1907 года за № 41, нижеследующее: *а*) в состав профессиональных обществ безусловно не должны допускаться лица посторонние, хотя бы и в качестве членов-сотрудников, соревнователей и почетных, так как, согласно ст. 7 отд. II закона 4 марта, в состав профессиональных обществ могут вступать лишь лица, занятые в торгово-промышленных предприятиях, или владельцы таковых предприятий; *б*) в состав одного и того же профессионального общества не могут входить лица, занимающиеся не одинаковыми, не однородными, либо не имеющими между собой связи

промыслами, а также владеющие не одинаковыми, не однородными, или не имеющими между собой связи торговыми или промышленными предприятиями; *в*) равным образом, не могут составлять одно профессиональное общество лица, занимающиеся данным или однородным, или находящимся в связи промыслом в торгово-промышленных заведениях, за исключением, впрочем, ремесленных заведений, и у себя на дому; *г*) профессиональные общества могут ставить себе лишь те цели, которые обозначены в п. 1 и 2 закона 4 марта по второму его отделу, почему цель профессиональных обществ не должна охватывать задач шире указанных в законе и, в частности, не могут быть допускаемы такие организации, задачей которых является косвенное или прямое влияние на самый ход данного торгово-промышленного предприятия; в число целей общества не может входить также стремление насильственно установить на практике, в пределах данного предприятия или промысла, такие правила, которые, в силу общей важности экономических их последствий, не могут быть вводимы иначе, как законодательным путем; *д*) в состав правления общества не могут быть допускаемы лица, состоящие на службе общества по вольному найму, если эти лица в то же время не состоят и членами общества; означенные лица не могут иметь в общих собраниях не только решающего, но и совещательного голоса; *е*) при регистрации уставов профессиональных обществ надлежит наблюдать, чтобы условия деятельности отделений, во всех подробностях, согласно точному смыслу ст. 10 закона 4-го марта по второму его отделу, определялись в самом уставе; *ж*) необходимо наблюдать также, чтобы в уставе точно указывалось, как именно понимаются права членов общества на получение помощи во время безработицы, ибо закон отнюдь не предполагает, чтобы членами профессионального общества могли быть лица, окончательно прекратившие занятия по своей профессии, или же такие, которые видят в поддержке своих сотоварищей по профессии не временную помощь, а постоянную возможность не заниматься своей профессией; *з*) осуществляя надзор за деятельностью профессиональных обществ, надлежит иметь в виду, что решения общего собрания, если к тому же они не противоречат законам и уставу общества, обязательны только для членов общества; из сего следует, что всякая попытка со стороны правления общества или членов его сделать это решение обязательным для третьих лиц является определенным основанием для возбуждения вопроса о закрытии общества; соответственно с этим нельзя счи-

тать законной деятельность и такого общества, которое принимает к своему обсуждению и выносит решения по делам, касающимся ближайшим образом не данного, а других, хотя бы и однородных, обществ; *и*) при обсуждении вопросов о способе изменения уставов профессиональных обществ надлежит иметь в виду, что, несмотря на отсутствие во II-ом отделе закона 4 марта точных указаний на порядок изменения уставов сих обществ, таковое изменение должно быть производимо не иначе, как в порядке ст. 12 отд. II закона, что вытекает, во-первых, из требования закона о том, что профессиональные общества могут быть образуемы только на основании зарегистрированного присутствием устава, и, во-вторых, из того, что вообще изменение уставов обществ, как это явствует из ст. 27 отд. I закона 4 марта, признается равносильным утверждению новых уставов; *й*) необходимо иметь наблюдение, чтобы профессиональные общества своевременно представляли свои годовые отчеты, согласно ст. 23 отд. II закона 4 марта и правил от 28-го января 1908 г., а также точно исполняли требования, изложенные в ст. 18 и 19 означенного закона; *к*) необходимо также иметь в виду, что предоставление профессиональному обществу права открывать чайные, столовые и другие заведения для потребления на месте съестных припасов не соответствует статье 2-ой отд. II закона 4 марта и может быть допущено не иначе, как в общем порядке, с надлежащего разрешения и *л*) необходимым представляется также отметить, что постановление ст. 21 отд. I закона 4 марта относительно того, что в уставе должны быть определены способы пополнения состава правления, обязательно, как это разъяснил Правительствующий Сенат (определение Первого департамента от 20 февраля 1909 г. за № 2034), и для профессиональных обществ, так как если закон вообще предъявляет к профессиональным обществам более строгие требования, чем к остальным, то тем самым он обязывает их к исполнению требований, обращенных к обществам непрофессиональным.

6) Помимо изложенного выше, обязываюсь обратить Ваше внимание на наблюдаемое в некоторых губерниях не основанное на законе переложение обязанностей по делам о профессиональных обществах с губернатора на старшего фабричного инспектора и лиц его заменяющих. Обязанности фабричного инспектора в данном отношении точно определены ст. 9, 12, 13, 19, 20 и 21 отд. II-го обсуждаемого закона и сводятся к принятию прошения о регистрации профессиональных обществ и к передаче его в присутствие, в заседаниях коего фабричный инспектор участвует

не более, как в качестве одного из членов коллегии. Посему допускаемая в некоторых губерниях практика, состоящая в том, что производство по регистрации профессиональных обществ ведется не под ближайшим и непосредственным наблюдением губернатора, а сосредоточено в канцелярии фабричного инспектора и что доклады по означенным делам в присутствии делаются фабричным инспектором, который у себя хранит все по сему предмету дела, а равно и отчеты профессиональных обществ, безусловно, должна быть признана неправильной.

7) Общества, учреждаемые явочным, а не регистрационным порядком, не обязаны платить деньги, указанные статьею 22, а посему взыскание с учредителей означенных денег является действием, не соответствующим требованиям закона.

8) Обязываюсь также обратить Ваше внимание на необходимость время от времени удостоверяться, правильно ли ведутся делопроизводством присутствия реестры обществам, вносятся ли в означенные реестры все изменения и необходимые отметки, в какой мере все это своевременно делается и т[ому] под[обное].

9) Ввиду того, что, по имеющимся в министерстве сведениям, значительная часть обществ, уже учреждаемых как по I-ой, так и по II-ой части закона 4-го марта, в действительности или не открывала своих действий, или давно прекратила ее, предлагаю Вашему Превосходительству теперь же собрать о каждом из внесенных Вами в реестр обществ соответствующие справки и безотлагательно внести в присутствие о закрытии тех обществ, которые прекратили свою деятельность, или же не могут указать состава своего правления, или же вообще нечем не могут засвидетельствовать, что они, действительно, существуют фактически. Такого же рода проверки Вам надлежит делать и впредь к началу каждого года.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
20 октября 1909 г.
№ 44

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 26. Л. 170–174об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо губернаторам

20 января 1910 г.

Гг. губернаторам

Циркулярно

С изданием Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. Временных правил об обществах и союзах среди инородческих элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию узкого национально-политического самосознания и образование для этой цели целого ряда обществ, под самыми разнообразными наименованиями, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве их исключительно национальных интересов.

Преследуя вышеуказанные цели, такие общества, несомненно, ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественным спокойствию и безопасности, как то и разъяснил Правительствующий Сенат в целом ряде решений (указы от 18 июня 1908 г. № 9120 по делу украинского общества Просвіта, от 4-го сентября 1909 г. за № 8397 по делу польского общества Освята и др.).

Ввиду сего я признаю учреждение подобных обществ, на основании п. 1 ст. 6 закона 4 марта 1906 г., недопустимым и считаю долгом указать Вашему Превосходительству, что при обсуждении ходатайств о регистрации каких бы то ни было инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей, местному по делам об обществах присутствию надлежит в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество вышеуказанных задач и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов, на точном основании приведенных указаний Правительствующего Сената.

Вместе с сим, Вам надлежит в настоящее время тщательно ознакомиться с деятельностью уже существующих инородческих обществ и в подлежащих случаях возбудить установленным порядком вопрос об их закрытии.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
Скрепил: Директор Арбузов
20 января 1910 г.
№ 2

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 260. Л. 22–22 об.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо губернаторам

6 мая 1910 г.

Гг. губернаторам
Циркулярно

Высочайше утвержденным в 9 день мин[увшего] апреля м[инувшего] года Особым положением Совета министров для выработки соответственных предположений относительно порядка празднования трехсотлетия со времени вступления на Всероссийский Престол Дома Романовых, для самого устройства такого празднования, а равно для рассмотрения предположений, исходящих от местных общественных установлений и частных лиц, в целях их взаимного согласования и объединения и оказания всяческого содействия к их осуществлению, образован Междуведомственный комитет, причем Государю Императору Всемилостивейше благоугодно было возложить председательствование в нем на члена Государственного совета гофмейстера Высочайшего Двора Булыгина.

Принимая во внимание, что означенным Высочайше утвержденным Положением Совета министров, между прочим, вменено в обязанность всем ведомствам, местным учреждениям и властям оказывать этому Комитету, в видах обеспечения успешного хода его работ, всестороннее содействие, сообщаю об этом Вашему Превосходительству к сведению и руководству.

Вместе с сим прошу Вас, Милостивый Государь, о всех предположениях, возникающих во вверенной Вам губернии по поводу празднования вступления на Всероссийский Престол Первого Царя из Дома Романовых сообщать с заключением Вашим на усмотрение Комитета.

Министр внутренних дел,
Статс-секретарь Столыпин
Директор Арбузов
6 мая 1910 г.
№ 18

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Д. 65. Л. 7.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел».
Машинопись. Подлинник с подписью.

Письмо губернаторам

25 июля 1910 г.

Гг. губернаторам

Циркулярно

Херсонское губернское по делам об обществах присутствие, рассмотрев проект устава, предположенного к учреждению в г. Елисаветграде «Общества обывателей г. Елисаветграда», нашло, что общество это ставит целью своей деятельности заботу о благоустройстве города Елисаветграда, знакомство с техникой и порядками городского хозяйства и разработку связанных с ними вопросов, устанавливает для своих членов известную тактику для проведения в число гласных городской думы желательных сему обществу лиц и вообще действует в пределах правил деятельности городской думы, установленных Городовым положением. Принимая же во внимание, что забота о благоустройстве городов и ведение городского хозяйства возложены ст. 2 Городового положения на органы общественного управления – городские думы и управы – и частным обществам предоставлены быть не могут, присутствие определило: ходатайство учредителей «Общества обывателей города Елисаветрада» о регистрации означенного общества оставить без последствий.

Правительствующий Сенат, рассмотрев принесенную на постановление присутствия жалобу, нашел, что, как видно из устава «Общества обывателей гор. Елисаветграда», названное общество предполагает развивать свою деятельность параллельно деятельности местной городской думы, по всем вопросам, подлежащим компетенции последней; так, например, общество предполагает составление докладов по всем отраслям городского хозяйства, разработку их в комиссиях и обсуждение в общих собраниях и т. д. Между тем образование частного общества, однородного по характеру своей деятельности с органами городского общественного управления, с одной стороны, не вызывается необходимостью, так как население города, на основании закона, принимает уже активное участие в ведении городского хозяйства и заведовании делами городского населения, посредством избрания своих представителей в городскую думу, а с другой стороны, совместная деятельность органов городского управления и частного общества по разрешению одних и тех же вопросов городского хозяйства и управления могла бы привести к нежелательным последствиям в случаях разрешения однородных вопросов в раз-

личных направлениях. Не усмотрев ввиду сего оснований к отмене обжалованного постановления Херсонского губернского по делам об обществах присутствия, Правительствующий Сенат определил оставить жалобу учредителей общества без последствий (Указ Правительствующего Сената № 4762). По однородным же соображениям Правительствующим Сенатом была оставлена без последствий и жалоба на отказ Петроковского по делам об обществах присутствия зарегистрировать устав «Общества домовладельцев г. Сосновиц» (Указ Правительствующего Сената № 4763).

Принимая во внимание приведенные решения Правительствующего Сената и имея в виду, что во многих местностях наблюдается стремление к учреждению подобных же обществ, под тем же наименованием «Обществ обывателей» или под наименованием «Обществ обывателей и избирателей», покорнейше прошу Ваше Превосходительство, руководствуясь указанными решениями Сената: 1) не допускать возникновения в пределах вверенной Вам губернии такого рода обществ, кои ставят задачей своей деятельности предметы, входящие в круг ведомства городских и земских общественных установлений и 2) внести на рассмотрение присутствия по делам об обществах о закрытии возникших ранее сего обществ подобного характера, причем в случае если бы присутствие не согласилось с Вашими предложениями, то об этом, в порядке ст. 39 отд. I закона 4-го марта 1906 года, представить на мое усмотрение.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
Директор Арбузов
25 июля 1910 г.
№ 36

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 240. Л. 70–71.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел».
Подлинник с подписью.

Письмо губернаторам

7 октября 1910 г.

Губернатору
Секретно

По доставленным Министерству сведениям, руководители младотурецкого движения, не ограничиваясь в пропаганде своих идей пределами Турции, решили способствовать возрождению ис-

лама и в других странах и, в частности, развивать панисламскую и пантюркскую идею в России. С этой целью младотурецкие вожди послали в Россию, под видом купцов, возвращающихся из Мекки богомольцев и т. п. лиц, ряд начитанных и преданных новым идеям ходжей для пропаганды среди наших мусульман теории о единстве всего мусульманского мира. Посылаются эти, опасные для единства нашего государства, проповедники большею частью на Волгу, в местности с значительным татарским и вообще мусульманским населением, затем в Крым, на Кавказ и в Туркестанский край.

Ввиду чрезвычайной серьезности предпринятой из Турции меры, могущей растлевающе повлиять на наше магометанское население, уже имеющее в своей среде немало лиц, сочувствующих обособлению своих единоверцев и тяготению их к Турции, как к религиозно-политическому центру, я считаю необходимым обратить на изложенное особое внимание Вашего Превосходительства. Без сомнения, что всякое влияние на наших подданных мусульман со стороны политических деятелей культурно враждебного нам государства, каким является Турция, должно быть пресечено в корне. Поэтому независимо от общих мер, которые Ваше Превосходительство имеете принять в зависимости от особенности местных условий, предлагаю Вам установить самое тщательное наблюдение за появлением означенного рода лиц из Турции и при обнаружении их принимать безотлагательно решительные меры для выдворения их за пределы Империи.

Об оказавшемся и о имеющих быть принятыми мерах Вашему Превосходительству надлежит незамедлительно доносить мне.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь (подписал) Столыпин

Директор,
в должности Гофмейстера Высочайшего Двора (скрепил) Ал. Харузин

Градоначальникам: 1. С.-Петербургскому; 2. Московскому.

Губернаторам: 3. Виленскому, 4. Нижегородскому, 5. Пермскому, 6. Пензенскому, 7. Вятскому, 8. Симбирскому, 9. Саратовскому, 10. Самарскому, 11. Оренбургскому, 12. Уфимскому, 13. Казанскому, 14. Астраханскому, 15. Таврическому, 16. Сыр-Дарьинскому, 17. Семипалатинскому, 18. Уральскому, 19. Семиреченскому, 20. Самаркандскому, 21. Ферганскому, 22. Закаспийскому, 23. Акмолинскому, 24. Ставропольскому, 25. Тобольскому, 26. Томскому, 27. Енисейскому, 28. Иркутскому,

и чрез канцелярию Наместника Кавказского губернским и областным начальствам: 29. Черноморскому, 30. Кубанскому, 31. Терскому, 32. Дагестанскому, 33. Елисаветпольскому, 34. Эриванскому, 35. Карсскому, 36. Бакинскому, 37. Тифлисскому, 38. Кутаисскому.

7 октября 1910 г.
№ 9667/1477

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469. Л. 9.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел». Машинопись. Копия.

Письмо губернаторам

8 декабря 1910 г.

Гг. губернаторам
Циркулярно

Циркуляром от 25 июля с. г. за № 36 я сообщил Вашему Превосходительству, для надлежащего руководства, преподанное Правительствующим Сенатом разъяснение о недопустимости «Обществ обывателей и избирателей».

Ввиду встреченного некоторыми губернскими начальствами сомнения, распространяется ли приведенный циркуляр и на «Общества благоустройства местностей», считаю необходимым указать Вашему Превосходительству, что таковой безусловно не имеет в виду таких Обществ, как единений, указанных в ст. 29-й п. 4 прил. к ст. 363 (прим.) т. I Свод. зак. по Прод. 1906 г., и предусматривает на точном основании вышеупомянутого разъяснения Правительствующего Сената лишь такие Общества, которые основой своей деятельности объемлют задачи, возложенные по закону на земские и городские органы самоуправления, и имеют своею целью теми или иными способами воздействовать на эти органы, или же контролировать их деятельность.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Превосходительство, для сведения и руководства.

Министр внутренних дел,
статс-секретарь Столыпин
Директор Арбузов
8 декабря 1910 г.
№ 61

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909. Д. 240. Л. 93.
На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел». Машинопись. Подлинник с подписью.

Мнение П.А. Столыпина о волостном суде

Декабря 1910 г.

Идея одного общего для всех граждан суда, которая проводится в правит[ельственном] законопроекте, не нарушается, если на низах дела, вызываемые первобытными условиями жизни, будут разрешаться упрощенным судом. У волостного суда, при настоящих условиях жизни, много сторонников, за него голосовали все крестьяне Гос[ударственной] думы. Поэтому в этот частный законопроект правительство согласилось внести [такие] изменения, как уступку требованиям жизни, имея в виду провести главнейшие основания реформы, нужнейшей в России – избавление от бессудия.

Декабрь 1910 года.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 320. Л. 1.
На бланке «Памятный листок». Рукопись. Копия.

Всеподданнейший доклад Николаю II

8 февраля 1911 г.

Всеподданнейший доклад П.А. Столыпина Императору Николаю II

Постановка всякого рода памятников на улицах, площадях и иных открытых местах в поселениях Империи допускается не иначе как по особым на то каждый раз Вашего Императорского Величества соизволениям.

В настоящее время, ввиду наступающего 19 сего февраля пятидесятилетия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости, многие крестьянские общества обращаются с ходатайством о разрешении постановки бюстов и памятников в Бозе почивающему Императору Александру II, причем предполагаемые к постановке памятники не являются сооружениями монументального зодчества, отличаются незначительной стоимостью и проектированы по одному образцу.

Принимая во внимание многочисленность подобных ходатайств и не смея утруждать Ваше Императорское Величество представлением всех отдельных проектов таких памятников, всеподданнейшим долгом поставляю испрашивать Всемилостивейшего Вашего Императорского Величества соизволения на предоставление мне права разрешать собственной властью постановку таких памятников без представления ходатайств о их сооружении, в каж-

дом отдельном случае, на Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подписал министр внутренних дел, статс-секретарь Столыпин
8 февраля 1911 г.
№ 39

На подлинном написано: «Собственною Его Императорского Величества рукою начертано «Съ» (Согласен). В Царском Селе 9 февраля 1911 года. Статс-секретарь Столыпин».

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1911. Д. 9а. Л. 1.
Машинопись. Копия.

Замечания П.А. Столыпина

15 сентября 1911 г.

Замечания [П.А. Столыпина] по записке группы крайней правой Государственного совета

Стр. 2. Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбою с революциею, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину: залечим язву, но зараженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот путь реформ торжественно возвещен, создана Государственная дума и идти назад нельзя. Это было бы и роковою ошибкою – там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем что, «опираясь на силу», смело становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признание бессилия правящей власти.

Стр. 3. Для укрепления власти необходима реорганизация уезда. Теперешние несколько сот даровых работников – предводителей, должны быть освобождены от черной работы, так как требовать ее от даровых, часто отсутствующих предводителей невозможно, и я по службе своей в провинции знаю, как это пагубно влияет на дело.

Предположенный новый порядок сохранит за предводителями влияние там, где они способны его сохранить.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1907. Д. 50а. Ч. 3. Л. 150.
Рукопись. Подлинник. Автограф.

Именной указатель

Абаза А.А., 323
Абасс, 59
Абрамов, 230
Абрамович, 494, 495, 506, 521, 523, 524, 537
Агаронян Е., 121
Адлерберг, 14
Адрианов А.А., 268, 269, 336, 430
Азеф Е.Ф., 91, 485
Акимов М.Г., 14 29–31, 314
Акины, 585
Алассе, 137
Алейников А.Ф., 400, 401
Александр II, 166, 195, 437, 466, 572, 628, 631, 674
Александр III, 26, 92, 111, 196, 323, 420, 433, 572, 630
Александр Михайлович, вел. кн., 14, 111, 413
Александра Федоровна, имп., 110, 179, 180, 373, 438
Александров, 397
Александров, 587
Александрова, 532
Алексей Александрович, вел. кн., 14
Алексей Николаевич, цесаревич, 558, 613
Алексий, еп., 342, 344
Алексинский Г.А., 27, 28, 35
Альфераки А.Н., 607, 608
Алябьев Б.И., 87, 89
Андреев Н.М., 450
Андреевский С.С., 371, 372
Андрей, еп., 342–344,
Андрей Владимирович, вел. кн., 613
Андрианов, 521
Андрианова А.Д., 476, 488, 504
Андрушкевич И.И., 435
Аникин П.А., 35
Анисимов В.А., 35
Аннушка, 436, 441, 446
Аносов, 444, 508, 547, 552
Аносова Е.А., 547, 548
Антипина, 584
Антоний, 344, 348
Анциферов Н.Н., 658
Аплечев А.В., 601, 602
Арбенев В.Н., 581, 582
Арбузов А.Д., 12, 164, 183, 196, 322, 329, 330, 334, 361, 373, 428, 431, 646, 668, 669, 671, 673
Арканцев М.П., 100
Арсеньев К.К., 15
Арсеньевы, 15
Афонский В.Б., 516, 517, 538
Ашеберг Н.П., 143, 145

Бадмаев, 68
Баженов И.А., 257
Базилевский П.А., 16
Байков, 202
Бак Ю.Б., 271
Бакановский В.С., 434, 435, 449
Бакрадзе, 231
Балашов И.П., 14, 113, 114, 302
Балашов Н.П., 14
Балашов П.Н., 427, 432
Балицкий Л., 321
Балмашев С.В., 607
Баранов И.И., 431
Бартельсен А.Н., 487, 502, 508, 517, 518, 577
Барятинские, 16
Баулин А.В., 243, 245
Бахметев (Пратасов-Бахметев) Н.А., 564
Башилов П.П., 133–135, 137–144
Башкиров Я.Е., 243, 244
Башмаков А.А., 295
Бегичев А.П., 499
Бедекер К., 562
Бекетов С.А., 658
Бекетова, 541
Беклемишев, 583, 585
Бекман В.А., 39, 50, 52, 53, 57, 337, 338
Бекнев А.Н., 83–86
Белогуров Н.А., 431
Белоусов Г.Е., 35
Бельгарт А.В., 291, 369
Беляков Н.Ф., 659
Берг Э., 57
Березин М.Е., 23
Бернов П.И., 508, 585
Берс, 202
Бетман-Гольвег фон Т., 377, 426
Бехлер, 554
Бибиков, 562
Бибиков М.М., 192, 197
Бибиков С.Д., 414, 415
Бибикова Д.М., 469, 470
Билетова, 530
Бирилев А.А., 128
Бирюкович А.А., 525
Биценко А.А., 600
Блинов А.В., 432
Блиновы, 244
Блюменау Э.Б., 308, 309
Бобриков Н.И., 51–53
Бобринские, 15
Бобринский А.А., 14, 16, 146, 147, 419
Бобринский В.А., 14, 16, 247
Бобровников Н.А., 351
Богданов Н.М., 91
Богданович Е.В., 14, 16, 198, 312, 588. 607, 616

Богдановская, 586
Боголепов Н.П., 277, 278
Бодянский А.М., 174, 178
Бок Б.И., 438, 580
Бонвеч Э.А., 475, 543
Борк А.Н., 432
Борошенко А.Я., 516, 517
Боткины-Гучковы, 15
Братин Е.М., 294
Браун, 478, 502, 514, 518, 522, 535, 565, 566
Бреверн В.Г., 470, 473, 516, 519, 525, 533, 535, 616
Брезанский, 136, 137
Брискорн В.П., 268
Бродский Э.Э., 659
Брожинский И.А., 495
Бруханский Б.П., 475, 506, 543
Брянчанинов А.С., 549, 550, 582
Брянчанинов Н.С., 659
Бугров А.П., 244
Бугров Н.А., 243, 244
Будберг, 474
Будберг А.А., 275, 347
Будберг О.Р., 140–142, 144
Будилович А.С., 307
Будилович Е.А., 307
Букари, 584
Букарь П.Г., 543, 574, 576, 581
Буксгевден А., 393, 394, 396, 399
Булгак, 583
Булгак М.М., 474, 535, 536, 574, 575, 577, 580, 587
Булгаков Ф.И., 298
Булыгин А.Г., 148, 151, 362, 363, 559, 561, 571, 582, 588, 592, 669
Бурцев В.Л., 91
Бутович В.Н., 346–349
Бутович Е.В., 347–349
Бутяйкин (Бутайкин) Ф., 202, 204
Бывалькевич П.Г., 85, 198

Ваксель П.Л., 16
Ванновский П.С., 277, 278
Варун-Секрет С.Т., 659
Васильев Б.А., 431
Васильчиков Б.А., 29, 30, 128, 130, 131, 155, 182, 207, 241, 257, 469, 547, 559, 564, 583, 585, 601
Васильчиковы, 15
Ватаци Э.А., 570, 572, 573
Вацлав, 458
Вераксин А., 431
Веревкин А.Н., 288
Веревкин П.В., 465, 526, 555
Верещагин А.А., 161–164
Вернадский В. И., 15, 17, 95, 96
Веселкина М.М., 557
Веселкина О.М., 462
Викерский, 446, 450
Виктория Федоровна, вел. кн., 466
Винавер, 526
Виноградов П.Т., 580
Вирениус А.А., 57
Виталия, игум., 511
Витгефт В.К., 559, 560
Витте фон Г.Г., 658
Витте С.Ю., 5, 7, 14, 30, 43, 51, 92, 100, 115, 116, 145, 153, 172, 182, 273, 275, 315, 316, 323, 324, 328, 385, 386, 392, 399, 423
Вишневский А.П., 431
Вишняков А.А., 658
Владимир Александрович, вел. кн., 14, 465, 466, 469
Владимирский А.В., 485
Владимирский В.А., 485
Воейский К.А., 16, 118
Волконские, 15
Волконский, 480
Волконский В.Г., 438
Волконский Ю.Н., 262
Володимеров С.А., 431
Вонаго Б.Ю., 161, 163, 164
Воронцов-Дашков И.И., 5, 14, 16, 26, 107–109, 112, 120, 125, 156, 158, 165, 167, 217, 220, 235–237, 239, 249, 258, 318, 355, 386, 387, 464, 467
Восторгов И.И., 16, 335, 336
Высоцкий И.И., 294
Вышеславцев И.М., 519
Вышнеградский И.А., 92
Вяземские, 16
Вяземский С.А., 659

Гагарин, 578, 585
Гагарина М.Д., 467, 468, 471, 510, 514
Гагарины, 15, 16, 461
Газенкампф М.А., 193–195, 201–204, 346, 457
Галкин-Врас[с]кий М.Н., 513, 515, 522
Галлер П.К., 478, 479, 488, 496, 500, 514, 516, 522, 535, 536, 538, 567
Гаммершмидт К., 371
Гарин Н.П., 362, 363
Гаслер В.Ф., 659
Гевлич Д.К., 659
Гейден А.Ф., 90, 91, 529, 534
Гейден П.А., 15
Герард, 39, 42, 43
Герард Н.Н., 43, 52
Герасимов О.П., 14, 42, 44, 165, 188
Герасимов П.В., 288
Гербель С.Н., 244, 291, 380, 400, 401, 564, 658
Гермоген, еп., 293, 458, 518, 611
Герус Л.Ф., 28, 35

Герценштейн М.Я., 25, 26, 338
Герье В.И., 16, 17, 174, 358
Гессе П.П., 559, 560
Гессен И.Ф., 115
Гессинг, 262
Гиляровский В.А., 558
Гиоева Т.Т., 18
Гирс А.А., 15
Гирс А.Н., 160, 164
Гирс А.Ф., 165
Гладыревский, 137
Глебов В.Н., 554
Глевер, 472
Глинка-Янчевский С.К., 369
Говорухо-Отрок М.Я., 431, 659
Голенищев-Кутузов А.А., 15
Голенищев-Кутузов П.А., 563
Голицын А.Д., 659
Голицын Г.С., 258, 260
Голицын Н.Н., 308, 309
Голицын П.П., 659
Голицыны, 15
Голованов В.И., 582–584
Головин Ф.А., 14, 17, 23, 24, 27–29, 31–33, 147, 151, 152, 154, 155
Гололобов Я.Б., 247
Голубев И.Я., 23
Гондатти Н.Л., 376
Гончаров С.С., 101, 102
Горбунов Г.А., 27, 28, 158, 159
Гордон, 563
Гордынский Г.Н., 79, 80
Горемыкин И.Л., 14, 100, 102, 118, 466, 605–607
Горчаков А.М., 470
Горчаков К.А., 469, 470
Горчаков М.Д., 437
Горчакова Н.М., 442
Горчаковы, 15
Граве В.В., 612
Граве Н.В., 363
Григорианц И.Г., 12
Григорович И.К., 417, 418, 612
Григоровский С.П., 348
Григорьев, 194, 195
Григорьев, 559
Грингмут В.А., 15, 16, 307
Грингмут Л., 307
Гроос, 254
Грудистов Н.В., 658
Гружевский И.Э., 75, 494, 495, 523, 524, 580
Грязнова, 319
Гуковский К.П., 516, 517
Гунько, 195
Гурко В.И., 365, 465, 466
Гурлянд И.Я., 14, 116, 117, 253, 269, 271, 276, 277, 290, 324, 332, 352, 353, 357, 365, 385, 386
Гурьев, 396
Гуськов, 612
Гучков А.И., 14, 17, 47, 94, 171, 359–361, 389, 401, 426

Давыдов П.Н., 529, 570, 588
Дадешкениани, 355
Данило, 489
Дедюлин В.А., 370
Дедюлин Н.А., 362, 363
Деллингсгаузен Э.Н., 140, 144
Делянов И.Д., 92
Демидовы, 613
Деревицкий А.Н., 351, 352
Дерюжинский Н.Ф., 275
Джапаридзе А.Л., 35
Джордж Г., 169, 171, 175
Джунковский В.Ф., 15, 658
Диков И.М., 182, 275, 290, 291, 301, 302
Дмитриев Н.П., 658
Дмитриева Л.А., 511, 512, 521, 564
Дмовский Р., 39–41
Добровольский, 233
Добрый Я.Б., 463, 464, 475, 575, 576
Добрынина В.А., 457, 458
Долгорукий А.С., 497, 498
Долгоруков П.Д., 97
Доррер В.Ф., 660
Драпкина Ф., 410
Драчевский Д.В., 327–329
Дубасов А.С., 292
Дубасов Д.Н., 608
Дубасов Ф.В., 19, 20
Дубенский А., 583
Дубровин А.И., 236, 397, 400, 430–432, 586
Дулевич В., 492, 493, 568
Думбадзе И.А., 198, 199, 246, 247
Дуранте К.А., 323, 324
Дурново П.Н., 71, 72, 97, 303, 409, 410, 558–563, 583, 585, 607
Дыбов Г.Г., 576
Дымша Л.К., 208–210

Евлогий, еп., 117
Евтуховский И.И., 457, 487, 490, 493, 499, 500
Екатерина II, 438, 585
Елена, 577, 583
Елизавета, 459, 460, 462
Елизавета Федоровна, вел. кн., 372, 373
Ельт Э., 52
Емельянов Н., 321
Еникеев Г., 299
Еникеева, 114
Ермолаев, 598
Ермолаев И.А., 164
Есаулов В.Е., 612
Ефремов И.Н., 288

Жеденев Н.Н., 432
Желобовский А.А., 348
Жеребцов Д.М., 567, 568
Жеребцова Н., 489, 499, 502, 514, 535, 538
Животовский А.А., 268

Жицкий М.И., 450, 451

Засулич М.И., 468
Засядко Л.И., 574, 592, 595
Зацвилиховский Ф.Ю., 521, 522, 548
Звонарев, 88
Зданович А.И., 275, 291, 301
Зейн Ф.А., 39, 50, 52
Зерчанинов А., 474
Зиновьев А.Д., 658
Зотов Л.Ф., 194
Зубатов С.В., 91
Зубовский П.П., 184
Зубчанинов С.И., 659
Зуев, 514
Зуев Н.П., 371
Зурабов А.Г., 31, 32, 35
Зуров А.Е., 522, 523
Зырянов П.Н., 6

Ибрагимов А.Р., 405
Иван, 436, 452
Иванов, 516
Иванов Г.В., 202, 204
Иванов К.С., 562
Иванов Н.И., 414, 415
Игнатьев И.П., 15
Игнатьев П.Н., 289
Извеков Е.Е., 374–376
Извольская М.К., 377
Извольский А.П., 14, 15, 52, 99, 101, 128, 178, 179, 182, 251, 260, 301, 302, 368, 376, 377, 409, 410, 425, 426
Извольский П.П., 14, 107, 117, 128, 158, 182, 185, 263, 271, 275, 291, 293, 301, 302, 314, 344, 359
Измайлов А.А., 485
Изнар С.А., 539
Иконникова-Галицкая, 531
Икскуль фон Гильденбандт Ю.А., 181, 182, 650
Илиодор, 66–68, 294
Илларионова, 394
Илья, 583
Инсарский В.А., 659
Иолос Г.Б., 25, 26, 397, 400
Ислави́н М.В., 308, 309, 658
Истомин, 489, 490

Йордан Ф.Ф., 92, 94, 492

Казанцев А.Е., 393–400
Казаринов И.А., 659
Казимир, 458, 459, 475, 492, 495, 508, 533, 537, 538, 540, 545, 547, 555–557, 560
Кайзерлинг Л., 439
Кал[ь]манович С.Е., 482, 484
Каляев И.П., 573
Каменецкие, 95, 97
Каменский, 469
Канищева Н.И., 18
Карлова Н.Ф., 14, 333, 408
Карпович П.В., 278
Карпунин И.И., 516, 517
Карпушин, 563
Касаткин-Ростовский Н.Ф., 100, 101
Кассо Л.А., 43, 62, 63, 186, 289, 383, 613, 620
Катков А.М., 505
Каткова М.В., 504, 505, 507, 538, 587, 602
Кауфман фон П.М., 14, 42–44, 128, 182, 188, 205, 206, 255
Каханов М.С., 82
Келлер Ф.Э., 467, 468
Килевейн Г., 97, 209
Киндерлен-Вехтер, фон А., 377
Киндякова А., 574, 575, 587, 609
Киндяковы, 577
Кириенко И.И., 35
Кирилл Владимирович, вел. кн., 466
Кирносов Н.С., 29, 30
Киселев С.И., 163, 164
Кислинский Н.А., 465
Клейн Ф.Г., 449, 450
Клементьев А.Н., 492, 493, 542, 544, 550
Клонозов, 516
Ключевский В.О., 15
Ключинский, 474
Клячко-Львов Л.М., 15
Кнолли, 580, 581
Кнолль З.А., 547
Кнолль И.Г., 320, 323, 456, 471, 473, 498, 514, 520, 524, 525, 527, 543, 547, 570, 582, 587, 590, 592, 593, 598, 604
Кобеко-Руднев Д.Ф., 401
Ковалев Г.С., 225, 236
Ковалев М.Г., 202, 203
Ковблер, 508
Кожин, 598
Козлов В.М., 531, 532
Коковцов В.Н., 14, 29, 30, 51, 60, 118, 127, 131, 154, 158, 182, 199, 204, 238, 255, 275, 292, 300, 385, 407, 427, 571
Кокуева М.И., 486, 487, 492, 508
Колосов, 230
Колосова Е.А., 294
Колчанов А.М., 659
Колчурин, 440, 444, 445, 551, 553
Комаров В.В., 257
Комаров В.И., 194, 195
Комаров Е.Г., 257
Комсин С., 209
Кондоиди В.Г., 413, 415
Кони А.Ф., 14, 15, 104–106, 120
Коновницын Э.И., 431
Кононович-Горбацкий П.В., 434, 435
Константин Константинович, вел. кн., 14, 388
Константин Николаевич, вел. кн., 388
Контрим И.Л., 482, 485, 516–520
Корбутовская З.Ф., 525
Корбутовский С.П., 504, 505, 508, 581

Корнева Н.М., 18
Корнил, 583
Корнилов, 15
Коробков В.А., 659
Коропачинский П.Ф., 659
Косич А.И., 499, 500, 507, 510, 522, 592, 593
Котляревский С.А., 501, 502, 582, 588
Кофод А.А., 106
Кочубей В.С., 105, 106, 437, 469, 470, 499, 580
Кошкин П.М., 361, 362, 559
Краац П.А., 57
Крамалей М.М., 539
Крапоткин (Кропоткин) А.А., 545, 546, 574
Крестовников Г.Е., 335
Кречетович И., 294
Кривошеин А.В., 14, 48, 49, 61, 63, 105, 114, 116, 172, 173, 257, 264, 275, 276, 291, 292, 294, 298, 301, 302, 330, 335, 372, 376, 379–382, 385, 416, 422, 425, 613
Кривский П.А., 482, 501
Кристи, 15
Кристи Г.И., 465–467
Кристи М., 523
Кропотов А.Е., 401, 402
Кропотов Г.С., 579, 583, 586, 609
Крупенский П.Н, 23, 620
Крыжановский С.Е., 12, 65, 128, 287, 291, 422, 625, 658
Крыльцов В.И., 228, 236
Кубаровский А.Е., 659
Кудревич И.И., 434, 435
Кудрявцев, 195
Кузнецов А.А., 28
Кузьмин И.А., 78
Кузьмин М.А., 15
Кулаковский П.А., 198
Кулешов, 171
Куломзины, 15
Купстас А.С., 28
Курис, 464
Курлов П.Г., 5, 370, 371, 400, 419–424
Куровский, 480, 483, 506
Курскин, 583, 585
Кутайсов П.И., 199

Лагорио А.Е., 266, 268
Лакер, 553, 563
Ламздорф В.Н., 497, 498
Лангоф А.Ф., 37, 38, 42, 345
Лашков, 270
Лашкорев, 449, 450
Левговд, 447, 554, 556, 557
Левенгрен, 593
Лейкина, 580, 581
Лейхтенбергский, герцог, 598
Лемм Д., 141, 145
Лендер В.А., 134, 135, 144
Ленин (Ульянов) В.И., 237
Ленин С.Н., 504, 505, 508
Леонид, 461
Леонтьев И.М., 464, 465
Лернер П.Я., 232, 238
Лидваль Л.И., 365, 466
Лилиенберг, 474, 584
Лилиенберг И.И., 449, 450
Лина, 436, 437, 441, 446
Лисевич П.М., 543, 545
Лисицын, 452
Литвинов П.Д., 555, 556
Литвинов Я.Я., 365, 658
Лихарев С.И., 507, 519, 579
Лиховидов Ф.Д., 431
Лишин В.Д., 86
Лозина-Лозинский М.А., 167, 387, 388
Лозинский, 451
Лопухин А.А., 89, 91, 469, 472, 478, 489, 495, 499, 502, 558, 559, 562, 564, 570, 572
Лопухина, 610
Лошаков В.Д., 184
Лубби А.Я., 141, 145
Луиза, 453
Лукьянов С.М.,5, 66–68, 314, 338, 346–349
Лурье Л.Н., 303–305, 307
Лухманова Н.А., 93, 94, 482
Луцкевич, 364
Лыкошин А.И., 68, 70, 238, 276, 291, 658
Львов, 570
Львов В.Е., 15
Львов В.Н., 205
Львов Е.Д., 12
Львов И.В., 576, 609
Львов Н.Н., 93, 94, 501, 504, 505
Львова, 543
Любимов Д.Н., 89, 91
Любовцов П.Н., 116
Людвиг IV, 180
Лю[т]ц Л.Г., 27, 28, 210
Люце М.Ф., 159, 163, 288

Магницкий Н.Ф., 659
Макарий, арх., 166, 204
Макаров А.А., 14, 107, 253, 260, 268, 314, 370, 390, 428, 431, 467, 482, 658
Маклаков В.А., 15, 39, 41, 288
Маклаков Н.А., 282, 288
Маковский В.Е., 244
Маковский К.Е., 243, 244
Максимов, 161, 163
Максимович, 607
Максимовский А.М., 194
Малиновский Л.Н., 658
Малышев Б.А., 93, 95, 501
Маляго, 432
Мамонтов А.П., 485
Мамчин Е.А., 432
Манасевич-Мануйлов И.Ф., 347
Мандельберг В.Е., 35

Мансуровы, 15
Мануйлов А.А., 43
Манухин С.С., 283
Мария Александровна, имп., 93, 461, 462, 475, 488
Мария Павловна, вел. кн., 411, 471
Мария Федоровна, имп., 14, 151, 409, 433, 575
Марков Н.Е., 431
Маркс А.Ф., 435
Маркс Л.Ф., 435
Масальская А.А., 469, 560, 562, 564
Масальский В.Н., 543, 545, 560
Масленникова Л.Л., 489, 493, 494, 505, 507, 509, 524, 547
Маслов С.Н., 659
Матеос II, 126
Махарадзе, 35
Махмудов Ш., 299
Мациевич, 62, 63
Медем О.Л., 412, 413
Межаков-Каютов С.П., 659
Мейендорф А.Ф., 14, 465, 472, 614–616, 618–620
Мейер, 453
Мейштович А.Э., 73, 77
Меллер-Закомельский А.Н., 132, 144, 210, 216, 217, 219, 241, 242, 254, 255, 292, 300, 659
Мельникова М.Ф., 510, 511, 524
Меморский А.М., 243, 659
Мертваго О.Н., 614
Метленко П.У., 84–86
Мещерские, 16, 465
Мещерский Б.Б., 521, 522, 524
Мещерский В.П., 90, 452, 453
Мигулин П.П., 131
Миклашевский И.И., 482, 485, 486
Микулин Д.Д., 513, 515, 586
Милашевский А.В., 482, 484
Милеант В.Г., 198
Миллер А.А., 434, 435, 449, 450, 461
Милорадович Д.Н., 659
Милюков П.Н., 14, 115, 116, 288
Милютин Ю.Н., 14, 129, 155, 465, 565
Милютина А.Ф., 467, 473
Минаков П.А., 43
Минин К.З., 243
Миркевич, 319
Мирский, 555, 615
Митров В.И., 35
Михаил Александрович, вел. кн., 14
Михаил Николаевич, вел. кн., 14, 111, 132
Михайлов А.П., 228, 236
Михайлов Н.Д., 497, 498, 504, 505
Мищенко П.И., 379
Мкртич Х.А., 109, 112, 120, 122, 124, 125, 218, 249, 258, 259
Могилевский К.И., 18
Молчанов М., 156
Монахов М., 321
Мономахов Н.В., 585
Мораки В.Н., 578, 579, 608
Мордвинов Н.Л., 89, 91
Мореншильдт С.А., 88, 89
Морозова, 425
Мосолов А.А., 15
Муравьев Н.Л., 16, 402, 404, 411, 413, 414, 561
Мурадбекян, 121
Муратов Н.П., 33, 34
Муромцев С.А., 97
Мурядян Е., 121
Мыльникова С.М., 486, 487, 492
Мюллер, 481
Мясоедов-Иванов В.А., 291
Мясоедовы, 14

Набоков В.Д., 97, 260, 261, 271
Надеждин Б.А., 13
Надеждин Г.Г., 432
Наливкин В.П., 27, 28
Нарышкин А.А., 101
Нарышкин А.Д., 111
Нарышкина Е.А., 110, 111, 585
Нарышкины, 15
Наумов А.Н., 659
Нейгардт А.Б. (Алеша), 12–14, 437, 439–443, 458, 459, 461, 465, 467, 469–473, 477, 479, 481–483, 490, 491, 504, 506, 507, 526, 541, 557, 577, 609
Нейгардт А.Б. (Саша), 456, 458, 463, 479, 483, 490, 491, 504, 506, 604
Нейгардт А.И., 156, 157
Нейгардт Б.А., 438, 452–454, 481
Нейгардт Д.Б. (Мима), 363, 417, 418, 437, 474, 477, 479, 480, 496, 506–508, 522, 526, 543, 557, 578, 603, 604
Нейгардт М.А., 93, 95, 460, 462, 463, 480, 481, 483
Нейгардты, 438, 442
Неклюдов А.А., 456
Неклюдов П.В., 467, 468, 582
Неклюдов С.П., 456
Немировский А.О., 467, 468, 658
Нератов А.А., 409, 410, 426
Нессельроде А.Д., 497, 498, 534, 540
Никодим, 348, 349
Николаев, 169, 178
Николаев Н.Н., 288
Николай I, 132

Николай II, 5, 9, 10, 12–14, 16, 17, 19, 20, 22–25, 27–31, 33–38, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 50, 54, 55, 57–61, 63, 64, 66, 68, 70, 92, 94, 106, 108, 132, 165, 166, 172, 180, 195, 199, 201, 206, 216, 217, 238, 244, 261, 272, 294, 324, 346–349, 355, 377, 399, 409, 420, 423, 427, 466, 470, 558, 572, 657, 674
Николай Михайлович, вел. кн., 14, 132, 145, 256, 270, 331, 408, 409
Николай Николаевич, вел. кн., 5, 14, 193, 201
Никольский А.П., 68, 69
Никольский Б.В., 14, 432
Никотин, 88
Нилов В.А., 469, 470
Новаков С.И., 575
Новиков, 199
Новиков Д.Г., 469, 470, 544
Новикова А.Н., 544
Новицкий, 492
Нольде А.Э., 307
Нольде Э.Ю., 14, 98, 99, 190, 301, 317
Норденштрем К.И., 467, 468, 612
Нюберг, 202

Облеухов Н.Д., 294
Оболенская Д.П., 465–467, 469
Оболенский А.В., 87, 88, 465, 502, 508, 517, 519, 525, 536, 562, 564, 572, 616
Оболенский А.Д., 101
Оболенский И.М., 564
Оболенский Н.В., 93, 95, 463, 464
Оболенский Н.Д., 467, 468, 473, 530, 533
Обручев С.Н., 88, 89
Обухов Н.Д., 257
Ознобишин В.Н., 497, 498, 585, 586
Олив С.В., 205, 275
Олсуфьев Д.А., 92, 93, 463, 473, 482, 519, 532, 536, 547, 548, 572, 613
Олсуфьевы, 15
Ольга Федоровна, вел. кн., 132
Орлов В.Н., 191, 192, 196, 197
Орлов И.Г., 482, 484
Орлов-Денисов В.П., 93, 95, 500
Орловы, 14
Осоргин М.М., 16, 88, 89
Осташева, 465
Остен-Сакен Н.Д., 426
Остроградский М.А., 286
Офросимов А.А., 52, 54
Офросимов В.А., 453
Офросимова М.А. (Маша), 453, 454, 607
Оффенберг А.Х., 137, 144

Павлов А.А., 465, 466, 497, 499, 504, 509, 575
Пайчадзе, 226
Пален К.И., 245, 247
Пален К.К., 245, 247, 248
Палечек И.И., 658
Палицын Ф.Ф., 291
Палладий, еп., 610, 611
Пальм Я.Я., 202, 204
Панчулидзев С.А., 14, 660
Паперацев, 586
Папкова А., 417
Парзянц С., 121
Пашенный Л.Н., 308, 309
Перевалов И.Я., 202, 204
Перепелкин Н.М., 660
Персидский В.А., 510, 511
Перцов Н.Н., 111, 112
Петерсон А.К., 87, 89, 537
Петерсон Н.Л., 354, 355
Петерсонша, 469, 472, 473, 543
Петр Николаевич, вел. кн., 14
Петров, 137
Петров Н.Н., 476, 490, 492, 525, 538
Петров С.А., 660
Петропавловская, 576
Петрункевич И.И., 271
Писарев Н.Н., 660
Писарев П.А., 87, 88
Питоев И.Е., 355
Платон, 348
Платонов А.И., 294
Платонов С.Ф., 16, 388, 619, 620
Плеве В.К., 7, 9, 14, 22, 43, 44, 65, 72, 80–82, 89, 90, 117, 464, 467, 469, 508, 515, 534, 544, 545, 548, 559, 573
Плеве Н.В., 12, 197, 198, 245, 333, 353
Погорелко А.К., 660
Подолинский, 14
Позднев П.А., 294
Позднев П.П., 294
Познанский Н.Н., 23
Поклевский-Козелл С.А., 58
Покровский, 432
Поливанов А.А., 15, 310
Поллицер (Политнер), 488, 514
Полнер Т.И., 15
Полозов М.К., 564
Полозова, 490
Полубояринова Е.А., 432
Полякова, 411
Померанцев Д.С., 508, 509
Похвиснев, 583, 585
Похвиснева, 585
Прокудин-Горский С.М., 388, 389
Протасов, 469
Прусаков А.И., 397, 400
Пузыревский А.К., 434, 435

Пунг, 134, 135
Пуришкевич В.М., 354, 355, 660
Путилов А.С., 13
Пушкин Е.А., 571, 573
Пшерадский Н.Л., 658
Пыхачев Н.А., 143, 145
Пярн П.Г., 143, 145

Равша, 604
Рамиашвили И.И., 100
Распопов, 506
Распутин Г.Е., 68, 294, 345, 464
Расторгуев К.И., 660
Расторгуевы, 192
Ратьков Н.А., 660
Ратьков-Рожнов А.Г., 660
Рафаилович А.Ф., 323, 324
Рафаилович Г., 324
Рафаиловичи, 323
Редигер А.Ф., 15, 32, 33, 128, 179, 182, 207, 275, 291, 301, 302
Резцов В.М., 202, 203
Рихтер Н.Ф., 660
Рогович А.П., 348, 516, 517, 588–590
Рогозинникова (Рогозникова) Е.П., 194
Родзевич, 253
Родзянко М.В., 14, 282, 482, 485
Родичев Ф.И., 7, 28
Рожественский З.П., 573
Розенверт Н.Л., 541, 542
Розенталь В.А., 521, 524, 525, 576
Ростовцев Н.Н., 660
Рунич, 231
Рункевич С.Г., 348
Рухлов С.В., 14, 412, 413

Саблер В.К., 613
Сабурова, 578
Савелий, 445
Савельев А.А., 243, 245
Савинский А.А., 77, 127
Савицкий Н.П., 660
Савич Г.Г., 183, 184
Сазонов Е.С., 82
Сазонов С.Д., 63, 376–378, 404, 406, 407, 437, 444, 446, 505
Сазонова А.Б. (Анна), 446, 459, 460, 480, 481, 483, 484, 490, 492, 497, 500, 503, 515, 524–526, 531, 541, 544, 545, 547, 552, 553, 580
Сазонович И.П., 301, 308
Сакович А.И., 432
Саладилов П.М., 658
Салтыков, 33
Салтыков, 578, 580
Салтыков С.Н., 35
Сальников С.И., 194, 195
Самарин А.Д., 103, 630
Самарин Ф.Д., 101–104
Самарины, 16
Самсонов А.В., 366–368, 372–379, 383, 384, 407
Сандо (Sandy), 458, 475, 565–567
Сапожников, 455
Сартори И.В., 487, 488
Сахаров В.В., 600–604
Сватковский В.П., 539
Свербеев Д.Д., 464, 465
Свербеевы, 15
Свербины, 456
Светлов В.Я., 435
Святополк-Мирский П.Д., 9, 15, 79–82, 86, 87, 89
Севастьянов, 291
Селезнева Е.А., 44, 446
Селиванов А.Н., 162, 163, 608
Селиванов Н.И., 463, 493
Селиванов Н.Ф., 563
Семен, 463, 480, 490, 491, 501, 508, 553, 557, 570
Семеновский Р.И., 435
Сенатов В.Г., 294
Сергей Александрович, вел. кн., 91, 151, 373, 572
Сергей Михайлович, вел. кн., 14
Сергий, архим., 574
Серпунин, 476
Сидоровнин Г.П., 6
Сикорская, 222
Сильман, 57
Синячкина, 488
Сипягин Д.С., 80, 606, 607
Сипягина А.П., 523
Сиротинский П.П., 660
Скалон В.Ю., 15, 365
Скворцов В.М., 294
Скворцова Е.К., 476, 477
Скворцова Ю.А., 294
Скроботов Н.А., 485
Смирнов, 436, 449
Смирнов В.Ф., 294
Снарский, 56
Соболевский А.И., 432
Соболевский В.М., 26, 365
Собченко М.А., 229, 230, 236
Соколов П.В., 431
Соколов С.С., 463, 464, 508
Соколова Н.Н., 492
Сокольницкий М.Д., 452
Соллогуб В.У., 140
Соловой, 483, 490
Соловьев В.С., 328
Соловьев К.А., 17, 18
Сольский Д.М., 324
Соминич Г.Е., 13
Сонин Н.Я., 619, 620
Сорокоумовский, 487, 516
Спешков С.В., 351, 352
Спув Н.В., 499, 500, 508
Станевич, 503
Старов К.П., 580
Старосельский В.А., 231, 237, 238
Стасюлевич М.А., 15
Стемман А.Ф., 16, 119, 120
Степанов, 194, 195
Степанов, 394, 395, 397, 398
Стерлигов И.И., 659
Стефанович К.К., 658

Стишинский А.С., 465, 466, 559
Столыпин А.А. (Саша), 12, 167, 171, 436, 443, 448, 452, 463, 465, 467, 469, 472, 473, 497, 521, 535, 539–541, 543, 557–565, 568, 570, 572, 575, 591, 593, 614,
Столыпин А.В., 437, 438
Столыпин А.Д., 437
Столыпин А.П. (Адя), 454, 455, 457, 460, 476, 491, 493, 494, 500, 502, 506, 507, 532, 533, 536, 547, 559, 560, 574, 587, 589, 590, 592
Столыпин Д.А., 451
Столыпин П.А., 3–14, 16–20, 22–25, 29–36, 38–42, 45–49, 52–61, 63–68, 71–73, 78–82, 85, 86, 88, 90, 91, 93–96, 98–120, 125, 127–132, 144–147, 150, 153–159, 163–168, 171–174, 176, 179, 180, 182, 184, 185, 187–192, 194, 196–201, 203, 205–207, 210, 216, 217, 219, 239, 241, 242, 244, 245, 247, 248, 251–257, 260, 261, 263–266, 268, 270–277, 281, 282, 290–293, 295–298, 300–302, 305, 307, 309, 310, 312, 314–324, 326–338, 342, 344–349, 351, 353–365, 367, 369, 370, 372–374, 377, 379–381, 383–387, 390, 398–402, 404–414, 419–428, 430–440, 442, 451–455, 458, 466, 468, 474, 485, 494, 501, 502, 534, 535, 580, 592, 596–598, 612, 614–621, 629, 630, 633, 644–646, 651, 653–658, 661, 667–669, 671–675
Столыпин П.В., 541, 542
Столыпина А.П. (Ара), 438–440, 443, 452, 460, 471, 475, 487, 488, 490, 514, 515, 519, 587, 610
Столыпина Е.П. (Елена, Лилишон), 438, 443, 446, 457, 475, 476, 523, 559, 578, 579, 587, 611
Столыпина М.П. (Матя), 438, 443, 453, 455, 457, 459, 472, 473, 476, 477, 481, 484, 487–489, 494, 496, 499, 501, 502, 504, 506, 510–512, 516, 517, 520–522, 525, 527, 532, 534–536, 541–545, 552–556, 559, 563, 565–568, 580, 586, 590
Столыпина Н.А., 436, 437, 449, 465, 469, 473, 499
Столыпина Н.П. (Наташа), 262, 275, 438, 443, 446, 457, 475, 476, 478, 479, 516, 524, 546, 547, 558, 559, 587, 610, 611
Столыпина О.Б., 6, 378, 433–434, 436–439, 441–444, 446–447, 449–456, 458–461, 463, 464, 467–470, 472–479, 484–487, 489, 492–495, 497, 499, 502, 503, 505–507, 509, 510, 512, 514, 517–520, 522–527, 529–558, 560, 561, 563–570, 573–576, 578, 579, 581–589, 591, 593–599, 601–613
Столыпина О.Н., 541, 571
Столыпина О.П. (Олёчек), 438, 439, 443, 445, 460, 504, 560, 587
Столыпины, 457, 458
Страдомский Н.Ф., 660
Страхов И.И., 528, 529, 533
Страховский И.М., 658
Стремоухов А.М., 534, 535, 537
Строгонова, 574
Струве П.Б., 16, 153, 154
Стэд (Stead) У.Т., 260, 261
Суворин А.А., 15, 539
Суворин А.С., 172, 298, 539, 561
Суворин М.А., 298, 561
Суворов А.В., 433
Судейкин В.Т., 42–44
Султанов Н.В., 253
Сумароков А.В., 578, 579
Сумароков-Эльстон Ф.Ф., 110
Сумцов Е.С., 301, 308, 309
Сухарев, 195
Сухов, 204
Сухов И.А., 659
Суходольский С.П., 252, 607, 608
Сухомлинов В.А., 324, 326, 347
Сухотин, 417
Сырнев Н.М., 294

Талызин А.С., 442
Талызины, 438
Тангианц М., 121, 125
Танеев А.С., 44, 45, 275, 314
Татищев, 608
Татищев С.С., 276
Таубе М.Ф., 431
Таубе Ф.Ф., 26, 228, 236, 291
Тебеньков М.М., 184
Тевкеев Е., 299
Темерев К., 210
Тер-Микаелян, 121
Тер-Мкртчан М., 121
Тер-Мовсесян М., 121, 123, 126

Терновский А.А., 469, 470
Тигранян С., 123
Тизегольт (Тизегольд) С.Р., 317
Тизенгаузен, 618
Тизенгаузен В.Ф., 11
Тилло А.А., 499, 500
Тимашев С.И., 357, 358
Тимирязев В.И., 207, 329, 330, 335
Тимофеев В.В., 136, 144
Тимрот, 456
Тихменев Н.П., 369, 417
Тихомиров Л.А., 14, 307
Тихон, 491
Ткачева М.Д., 476
Толмачев, 226
Толмачев И.Н., 253, 261, 262
Толстой Д.А., 277
Толстой И.И., 16
Толстой Л.Н., 5, 17, 167, 171, 174, 176, 178, 310, 311, 332
Тотлебен, 504
Тотлебены, 435, 456
Траубенберг В.А., 501
Трауберг А., 194
Трегубов Р.В., 431
Трепов В.Ф., 72, 409, 410
Трепов Д.Ф., 14, 115, 596–598, 617
Трепов Ф.Ф., 419–424
Троцкий В.Н., 42, 434
Трубецкой Е.Н., 328
Трубецкой П.Н., 43, 283
Трусевич М.И., 52, 54, 208, 209, 645, 658
Трусов Е.А., 562
Тукаев Ш., 29
Тхорь, 396
Тютчев И.Ф., 33, 34

Уваров А.А., 93–95
Уваров А.С., 94, 474, 500, 501, 508, 509
Уйлер, 522
Ульрих, 576
Ульянов Г.К., 189, 190, 384
Унковский С.В., 660
Унтербергер П.Ф., 51, 54, 591
Урбанчич, 514, 535, 538, 566, 567
Урусов А.П., 660
Урусов Н.П., 87, 89, 617, 618
Урусов С.Д., 16
Устинов А.М., 491
Устинов М.А., 491
Устинов С.А., 507
Ухтомский А.А., 609
Ухтомский Н., 320, 321
Ухтомский Э.Э., 534, 535, 539, 559, 563
Ушаков А.И., 88, 89
Ушаков М., 202
Ушакова Н.С., 473, 578

Фаберже, 461
Фад[д]еев С.А., 230, 237
Фан дер Флит В.Я., 489
Фармаковский С.П., 452
Федоров Б.Г., 6
Федоров В.Д., 394–400
Федоров М.П., 298
Фейнберг И.А., 578, 579
Фелонин А.В., 294
Фердинанд, 505
Феррейн В.К., 478, 479
Философов Д.А., 128, 182, 286
Фирсанов И.Г., 451
Флеровская А.А., 471, 472, 489, 509, 510, 525, 547,
Флоров, 162
Франц, 434
Фредерикс В.Б., 14, 128, 166, 180, 195, 196, 205, 243, 275, 301, 336–338, 345, 347–349, 354, 355, 420, 422, 591, 592
Фредерикс К.П., 591, 592
Френюк, 584
Фриш В.Э., 100
Фролов Н.П., 460
Фуллон И.А., 473, 474

Ханыков, 615
Харизоменова, 505, 516, 543, 548, 576, 577, 583
Харизоменовы, 579
Харитонов П.А., 182, 275, 292, 301, 302
Харузин А.Н., 83, 353, 494, 672
Хас-Мамедов Х., 299
Хвостов, 493, 496
Хвостов С.А., 471, 472
Хлобощин, 532, 558, 560
Ховен, 577
Холодовский Н.Н., 562
Хомяков А.С., 31
Хомяков Д.А., 30
Хомяков Н.А., 17, 101, 184, 185, 208, 210, 246, 247, 278, 316, 317, 319
Хомяковы, 16
Храмов П.И., 202, 204
Храповицкий А.А., 73, 77, 449, 450, 457, 565

Цеймерн, 616
Церетелли И.Г., 35
Цинк, 437, 438, 441–446, 525, 548, 551, 554
Цинки, 439

Чайковский Н.В., 128, 129, 260, 261
Чарыков Н.В., 158, 275, 291
Чегодаева, 486, 492, 508, 583
Челноков М.В., 15
Челокаев Н.Н., 33, 34
Черкасская М., 481
Черницкий, 210
Черносвитов К., 210
Чертков В.Г., 331
Чиабров Д.З., 576
Чичерины, 15
Чуликов В.А., 85
Чупров А.А., 15

Шайман Е., 53
Шаков, 222
Шанявский А.Д., 96

Шаталов, 447, 448
Шауфус Н.К., 14, 128, 182, 207, 275, 292, 301, 302
Шафранов П.А., 13
Шванебах П.Х., 128, 273–275
Шварц А.Н., 14–16, 42, 44, 185, 187–189, 204, 206, 207, 255, 261, 265, 266, 268, 275, 289, 291, 292, 295–297, 299, 302, 307, 316–319, 322, 326, 328, 344, 350, 356, 357, 364, 365, 369, 383, 384
Шелохаев В.В., 18
Шенберг, 584
Шереметев С.Д., 90
Шереметевы, 15, 16
Шетелов, 55
Шефтель М.С., 359
Шидловский К.М., 167
Шидловский Ю.В., 587, 659
Шинкевич Е.Г., 334, 335, 658
Шипов Д.Н., 16, 93, 94, 499
Шипов И.П., 207, 275, 286, 292, 301, 302
Ширков В.П., 288
Шми[д]т Е.О., 416, 417
Шмидт Ф.П., 476, 477
Шомпулев, 587
Шорт, 593
Шрамченко М.Н., 96, 244
Штевен И.В., 205
Штейн, 455, 459
Штиглиц Н.Н., 563
Штрандман К.К., 607, 608
Штраухман, 492
Штраухман О.Г., 475, 491, 494, 495, 523, 565, 587, 590
Штюрмер Б.В., 14, 101, 463–465, 467, 469, 471, 473, 546, 554, 558, 559
Шубинский Н., 317
Шувалов, 578
Шуваловы, 15
Шульц А.А., 437, 438, 440– 441, 443–446, 471, 658
Шуман, 449, 450

Щегловитов И.Г., 14, 128, 182, 207, 247, 248, 262, 275, 287, 291, 292, 301–303, 310, 313, 337, 362, 386, 405
Щекин А.К., 431
Щепкин Е.Н., 100
Щербаков, 84, 574
Щербатов В.А., 438
Щербатовы, 16
Щипа, 433, 436, 440, 442, 445

Эварницкий Д.И., 15
Эзау И.Я., 660
Эльберг, 173
Эльтеков С., 210
Энгельгардты, 15
Эрдели Я.Е., 265
Эртевциан Н., 122
Этман А.И., 516, 517

Юденич Н.Н., 26
Юматов А.Д., 93, 95, 499, 514, 521, 524, 529
Юматов В.Д., 493–495, 579, 590
Юрине Т.Я., 138, 141, 194
Юскевич-Красовский Н.М., 431
Юсупова З.Н., 110
Юсуповы, 15

Яблонский С.А., 93, 95, 502, 503
Языков Н.М., 580
Языков С.М., 580
Языкова О.Н., 476, 477, 492
Якобсон, 488
Якобсон В.Р., 100,
Якубович Б.М., 195, 196
Якубович В.А., 264, 265
Янжул И.И., 34
Яниц, 136, 137
Янсен, 488, 518
Янушкевич Б.М., 195, 196
Янышев И., 348
Ярмонкин В.В., 107
Яровой Т.И., 155, 156
Яхонтов А.Н., 79, 80

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 12

Раздел I
Переписка П.А. Столыпина с Николаем II

Письмо Николаю II, 13 августа 1906 г. 19
Письмо Николаю II, 3 декабря 1906 г. 19
Письмо Николаю II, 10 декабря 1906 г. 20
Письмо Николаю II, 20 февраля 1907 г. 23
Письмо Николаю II, 6 марта 1907 г. 24
Письмо Николаю II, 14 марта 1907 г. 25
Письмо Николаю II, после 30 марта 1907 г. 27
Письмо Николаю II, 9 апреля 1907 г. 28
Письмо Николаю II, 16 апреля 1907 г. 30
Письмо Николаю II, 17 апреля 1907 г. 31
Письмо Николаю II, 13 мая 1907 г. 33
Письмо Николаю II, 30 мая 1907 г. 34
Письмо Николаю II, 31 мая 1907 г. 35
Письмо Николаю II, 2 июня 1907 г. 36
Письмо Николаю II, 24 июня 1907 г. 37
Письмо Николаю II, 9 ноября 1907 г. 38
Письмо Николаю II, 16 ноября 1907 г. 39
Письмо Николаю II, 22 декабря 1907 г. 42
Письмо Николаю II, 30 декабря 1907 г. 44
Письмо Николаю II, 7 марта 1908 г. 45
Письмо Николаю II, 14 марта 1908 г. 47
Письмо Николаю II, 20 мая 1908 г. 48
Письмо Николаю II, 12 марта 1909 г. 50
Письмо Николаю II, 22 марта 1909 г. 54

Телеграмма Николаю II, 25 сентября 1909 г. 56
Телеграмма Николаю II, 27 сентября 1909 г. 57
Телеграмма Николаю II, 16 октября 1909 г. 57
Телеграмма Николаю II, 21 октября 1909 г. 58
Телеграмма Николаю II, 23 октября 1909 г. 59
Телеграмма Николаю II, 16 июля 1910 г. 59
Телеграмма Николаю II, 21 сентября 1910 г. 60
Письмо Николаю II, 26 сентября 1910 г. 61
Письмо Николаю II, 20 ноября 1910 г. 64
Письмо Николаю II, 26 февраля 1911 г. 66
Письмо Николаю II, после 17 марта 1911 г. 68
Письмо Николаю II, 1 мая 1911 г. 70

Раздел II

Переписка с политическими и общественными деятелями

Письмо А.Э. Мейштовичу, февраль 1902 г. 73
Письмо А.А. Савинскому, 17 июня 1902 г. 77
Письмо И.А. Кузьмину, 6 ноября 1902 г. 78
Письмо И.А. Кузьмину, 30 ноября 1902 г. 78
Письмо П.Д. Святополку-Мирскому, 2 декабря 1902 г. 79
Письмо П.Д. Святополку-Мирскому, 3 февраля 1903 г. 81
Письмо П.Д. Святополку-Мирскому, 23 февраля 1903 г. 82
Письмо П.Д. Святополку-Мирскому, 27 февраля 1903 г. 86
Письмо П.Д. Святополку-Мирскому, 28 февраля 1903 г. 87
Письмо П.Д. Святополку-Мирскому, 15 марта 1903 г. 89
Письмо графу Д.А. Оссуфьеву, 6 июня 1904 г. 92
Письмо В.И. Вернадскому, 7 мая 1906 г. 95
Телеграмма М.Н. Шрамченко, 17 мая 1906 г. 96
Письмо В.И. Вернадскому, 18 мая 1906 г. 97
Письмо барону Э.Ю. Нольде, 21 мая 1906 г. 98
Письмо А.П. Изволскому, 12 июня 1906 г. 99
Письмо И.Л. Горемыкину, 16 июня 1906 г. 100

Письмо А.П. Извольскому, 24 июня 1906 г. 101
Письмо И.Л. Горемыкину, 25 июня 1906 г. 102
Письмо Ф.Д. Самарину, 11 июля 1906 г. 102
Записка Ф.Д. Самарину, 13 июля 1906 г. 103
Телеграмма Временному военному генерал-губернатору, 14 июля 1906 г. 103
Письмо Ф.Д. Самарину, 20 июля 1906 г. 104
Письмо А.Ф. Кони, 20 июля 1906 г. 104
Письмо А.В. Кривошеину, 23 июля 1906 г. 105
Письмо А.Ф. Кони, 1 августа 1906 г. 106
Записка П.П. Извольскому, 8 августа 1906 г. 107
Телеграмма графу И.И. Воронцову-Дашкову, 15 августа 1906 г. 107
Письмо княгине З.Н. Юсуповой, 23 августа 1906 г. 110
Письмо Е.А. Нарышкиной, 28 августа 1906 г. 110
Письмо великому князю Александру Михайловичу, 4 сентября 1906 г. 111
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 13 сентября 1906 г. 112
Письмо И.П. Балашову, 30 сентября 1906 г. 113
Письмо А.В. Кривошеину, 15 октября 1906 г. 114
Письмо П.Н. Милюкову, 17 октября 1906 г. 115
Записка А.В. Кривошеину, 29 октября 1906 г. 116
Записка И.Я. Гурлянду, 3 ноября 1906 г. 116
Записка П.П. Извольскому, 12 ноября 1906 г. 117
Письмо К.А. Военскому, 24 ноября 1906 г. 118
Письмо И.Л. Горемыкину, 26 ноября 1906 г. 118
Письмо В.Н. Коковцову, 30 ноября 1906 г. 118
Письмо А.Ф. Стемману, 7 декабря 1906 г. 119
Письмо А.Ф. Кони, 21 декабря 1906 г. 120
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 24 декабря 1906 г. 120
Письмо А.А. Савинскому, 4 января 1907 г. 127
Письмо В.Н. Коковцову, 5 января 1907 г. 127
Письмо А.П. Извольскому, 12 января 1907 г. 128

Письмо Ю.Н. Милютину, 16 января 1907 г. 129
Письмо князю Б.А. Васильчикову, 28 февраля 1907 г. 130
Письмо великому князю Николаю Михайловичу, 28 февраля 1907 г. 132
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому, март 1907 г. 132
Письмо великому князю Николаю Михайловичу, 7 марта 1907 г. 145
Письмо графу С.Ю. Витте, 7 марта 1907 г. 145
Письмо графу А.А. Бобринскому, 9 марта 1907 г. 146
Письмо Ф.А. Головину, 21 марта 1907 г. 147
Письмо Ф.А. Головину, 29 марта 1907 г. 151
Письмо П.Б. Струве, 9 апреля 1907 г. 153
Письмо В.Н. Коковцову, 26 апреля 1907 г. 154
Письмо Ю.Н. Милютину, 26 апреля 1907 г. 155
Письмо Ф.А. Головину, 30 апреля 1907 г. 155
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 2 июля 1907 г. 156
Письмо В.Н. Коковцову, 7 июля 1907 г. 158
Письмо М.Ф. Люце, 31 июля 1907 г. 159
Записка А.Д. Арбузову, 8 августа 1907 г. 164
Телеграмма графу И.И. Воронцову-Дашкову, 9 августа 1907 г. 165
Письмо О.П. Герасимову, 22 августа 1907 г. 165
Телеграмма барону В.Б. Фредериксу, 22 августа 1907 г. 166
Телеграмма графу И.И. Воронцову-Дашкову, 28 августа 1907 г. 167
Записка А.А. Столыпину, 1 сентября 1907 г. 167
Письмо А.И. Гучкову, 2 сентября 1907 г. 171
Письмо А.В. Кривошеину, 9 сентября 1907 г. 172
Письмо А.В. Кривошеину, 15 сентября 1907 г. 173
Письмо В.И. Герье, 12 октября 1907 г. 174
Письмо Л.Н. Толстому, 23 октября 1907 г. 174
Письмо А.П. Извольскому, 17 ноября 1907 г. 178
Письмо А.Ф. Редигеру, 24 ноября 1907 г. 179
Письмо барону В.Б. Фредериксу, 5 декабря 1907 г. 180

Письмо А.Д. Арбузову, 11 декабря 1907 г. 183
Письмо Н.А. Хомякову, 14 декабря 1907 г. 184
Письмо П.П. Извольскому, 16 декабря 1907 г. 185
Письмо А.Н. Шварцу, 25 декабря 1907 г. 185
Письмо А.Н. Шварцу, 29 декабря 1907 г. 188
Письмо А.Н. Шварцу, 6 января 1908 г. 189
Письмо А.Н. Шварцу, 7 января 1908 г. 189
Письмо барону Э.Ю. Нольде, 8 января 1908 г. 190
Письмо князю В.Н. Орлову, 22 января 1908 г. 191
Письмо великому князю Николаю Николаевичу,
27 января 1908 г. 193
Письмо барону В.Б. Фредериксу, 30 января 1908 г. 195
Письмо князю В.Н. Орлову, 1 февраля 1908 г. 196
Записка Н.В. Плеве, 2 февраля 1908 г. 197
Записка Е.В. Богдановичу, 3 февраля 1908 г. 198
Записка графу П.И. Кутайсову, 6 февраля 1908 г. 199
Письмо В.Н. Коковцову, 10 февраля 1908 г. 199
Письмо великому князю Николаю Николаевичу,
10 февраля 1908 г. 201
Письмо В.Н. Коковцову, 15 марта 1908 г. 204
Письмо И.П. Шипову, 15 марта 1908 г. 207
Письмо Н.А. Хомякову, 17 марта 1908 г. 208
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому,
16 марта 1908 г. 210
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 2 апреля 1908 г. ... 217
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому,
8 апреля 1908 г. 219
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 11 апреля 1908 г... 220
Письмо В.Н. Коковцову, 11 апреля 1908 г. 238
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 28 апреля 1908 г... 239
Письмо князю Б.А. Васильчикову, 2 мая 1908 г. 241
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому, 2 мая 1908 г... 242
Письмо барону В.Б. Фредериксу, 7 мая 1908 г. 243
Записка Н.В. Плеве, 18 мая 1908 г. 245
Письмо Н.А. Хомякову, 19 мая 1908 г. 246

Письмо И.Г. Щегловитову, 21 мая 1908 г. 247
Письмо графу К.К. Палену, 21 мая 1908 г. 248
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 24 мая 1908 г. 249
Письмо А.П. Извольскому, 31 мая 1908 г. 251
Письмо И.Н. Толмачеву, 3 июня 1908 г. 253
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому,
4 июня 1908 г. 254
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому,
14 июня 1908 г. 255
Письмо великому князю Николаю Михайловичу,
15 июня 1908 г. 256
Письмо А.В. Кривошеину, 17 июня 1908 г. 257
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 25 июня 1908 г. 258
Письмо А.П. Извольскому, 26 июня 1908 г. 260
Письмо А.Н. Шварцу, 2 августа 1908 г. 261
Письмо И.Г. Щегловитову, 23 августа 1908 г. 262
Письмо П.П. Извольскому, 27 августа 1908 г. 263
Письмо А.В. Кривошеину, 6 сентября 1908 г. 264
Письмо А.Н. Шварцу, 6 сентября 1908 г. 265
Письмо А.Н. Шварцу, 7 сентября 1908 г. 268
Записка И.Я. Гурлянду, 7 сентября 1908 г. 269
Письмо великому князю Николаю Михайловичу,
16 сентября 1908 г. 270
Письмо И.Я. Гурлянду, 18 сентября 1908 г. 271
Письмо П.П. Извольскому, 22 сентября 1908 г. 271
Письмо графу С.Ю. Витте. 24 сентября 1908 г. 273
Записка А.В. Кривошеину, 24 сентября 1908 г. 275
Записка И.Я. Гурлянду, 25 сентября 1908 г. 276
Записка И.Я. Гурлянду, 28 сентября 1908 г. 277
Письмо Н.А. Хомякову, октябрь 1908 г. 278
Записка И.Я. Гурлянду, 2 октября 1908 г. 290
Письмо И.М. Дикову, 3 октября 1908 г. 290
Письмо барону А.Н. Меллер-Закомельскому,
4 октября 1908 г. 292
Записка А.Н. Шварцу, 4 октября 1908 г. 292

Письмо П.П. Извольскому, 9 октября 1908 г. 293
Письмо А.В. Кривошеину, 26 октября 1908 г. 294
Письмо А.Н. Шварцу, 30 октября 1908 г. 295
Письмо А.Н. Шварцу, 31 октября 1908 г. 295
Письмо А.Н. Шварцу, 31 октября 1908 г. 297
Письмо А.Н. Шварцу, 31 октября 1908 г. 297
Письмо А.В. Кривошеину, 1 ноября 1908 г. 298
Письмо А.Н. Шварцу, 13 ноября 1908 г. 299
Письмо В.Н. Коковцову, 18 ноября 1908 г. 300
Письмо барону В.Б. Фредериксу, 24 ноября 1908 г. 301
Письмо И.П. Балашову, 7 декабря 1908 г. 302
Письмо И.Г. Щегловитову, 13 декабря 1908 г. 303
Письмо А.Н. Шварцу, 21 декабря 1908 г. 307
Письмо И.П. Сазоновичу, 28 декабря 1908 г. 308
Письмо А.А. Поливанову, не позднее 8 января 1909 г. 310
Письмо И.Г. Щегловитову, 8 января 1909 г. 310
Письмо Е.В. Богдановичу, 15 января 1909 г. 312
Письмо И.Г. Щегловитову, 16 января 1909 г. 313
Письмо А.А. Макарову, 4 февраля 1909 г. 314
Письмо графу С.Ю. Витте 11 февраля 1909 г. 315
Письмо Н.А. Хомякову, 16 февраля 1909 г. 316
Письмо А.Н. Шварцу, 17 марта 1909 г. 317
Письмо барону Э.Ю. Нольде, 20 марта 1909 г. 317
Телеграмма А.Н. Шварцу, 28 марта 1909 г. 318
Письмо А.Н. Шварцу, 2 апреля 1909 г. 318
Письмо А.Н. Шварцу, 10 апреля 1909 г. 319
Письмо Н.А. Хомякову, 30 апреля 1909 г. 319
Записка И.Г. Кноллю, 3 мая 1909 г. 320
Письмо графу С.Ю. Витте, 4 мая 1909 г. 323
Записка И.Я. Гурлянду, 9 мая 1909 г. 324
Письмо В.А. Сухомлинову, 26 мая 1909 г. 324
Письмо А.Н. Шварцу, 27 мая 1909 г. 326
Письмо А.Н. Шварцу, 30 мая 1909 г. 328
Письмо Д.В. Драчевскому, 31 мая 1909 г. 328

Письмо В.И. Тимирязеву, 31 мая 1909 г. 329
Письмо А.В. Кривошеину, 13 июня 1909 г. 330
Письмо великому князю Николаю Михайловичу, 19 июня 1909 г. 331
Записка И.Я. Гурлянду, 5 июля 1909 г. 332
Письмо графине Н.Ф. Карловой, 28 августа 1909 г. 333
Записка А.Д. Арбузову, 28 августа 1909 г. 334
Записка Е.Г. Шинкевичу, 3 сентября 1909 г. 334
Письмо А.В. Кривошеину, 7 сентября 1909 г. 335
Телеграмма А.А. Адрианову, 10 сентября 1909 г. 336
Телеграмма барону В.Б. Фредериксу, 14 сентября 1909 г. 336
Телеграмма барону В.Б. Фредериксу, 14 сентября 1909 г. 337
Письмо С.М. Лукьянову, 19 сентября 1909 г. 338
Телеграмма барону В.Б. Фредериксу, 20 сентября 1909 г. 345
Письмо С.М. Лукьянову, 21 сентября 1909 г. 346
Письмо А.Н. Шварцу, 2 октября 1909 г. 350
Записка И.Я. Гурлянду, 10 октября 1909 г. 352
Записка Н.В. Плеве, 21 октября 1909 г. 353
Записка И.Я. Гурлянду, 22 ноября 1909 г. 353
Телеграмма барону В.Б. Фредериксу, 3 декабря 1909 г. 354
Письмо А.Н. Шварцу, 7 декабря 1909 г. 356
Письмо И.Я. Гурлянду, 16 декабря 1909 г. 357
Письмо С.И. Тимашеву, 30 января 1910 г. 357
Письмо В.И. Герье, 21 февраля 1910 г. 358
Письмо А.И. Гучкову, 4 марта 1910 г. 359
Письмо П.П. Извольскому, 8 марта 1910 г. 359
Письмо А.И. Гучкову, 28 апреля 1910 г. 360
Записка А.Д. Арбузову, 1 мая 1910 г. 361
Письмо П.М. Кошкину, 5 мая 1910 г. 351
Письмо И.Г. Щегловитову, 12 мая 1910 г. 362
Письмо А.Г. Булыгину, 17 мая 1910 г. 363
Письмо А.Н. Шварцу, 21 мая 1910 г. 364
Записка И.Я. Гурлянду, 29 мая 1910 г. 365
Письмо А.Н. Шварцу, 29 мая 1910 г. 365

Письмо А.П. Извольскому, 1 июля 1910 г. 368
Письмо А.Н. Шварцу, 14 июля 1910 г. 369
Письмо П.Г. Кулову, 19 июля 1910 г. 370
Письмо С.С. Андреевскому, 8 августа 1910 г. 371
Письмо А.В. Кривошеину. 14 августа 1910 г. 372
Записка А.Д. Арбузову, 16 августа 1910 г. 373
Письмо Е.Е. Извекову, 6 сентября 1910 г. 374
Письмо А.П. Извольскому, 21 сентября 1910 г. 376
Письмо С.Д. Сазонову, 29 сентября 1910 г. 378
Письмо А.В. Кривошеину, 30 сентября 1910 г. 379
Письмо А.В. Кривошеину, 30 сентября 1910 г. 381
Письмо А.В. Кривошеину, 3 октября 1910 г. 382
Письмо Л.А. Кассо, 12 октября 1910 г. 383
Записка И.Я. Гурлянду, 14(?) октября 1910 г. 385
Письмо А.В. Кривошеину, 16 октября 1910 г. 385
Записка И.Я. Гурлянду, 18 октября 1910 г. 386
Письмо графу И.И. Воронцову-Дашкову, 8 ноября 1910 г. ... 386
Письмо С.Ф. Платонову, 15 ноября 1910 г. 388
Письмо А.И. Гучкову, 18 ноября 1910 г. 389
Письмо графу С.Ю. Витте, декабрь 1910 г. 392
Записка П.Г. Курлову, 1 декабря 1910 г. 400
Письмо С.Н. Гербелю, 3 декабря 1910 г. 400
Письмо А.И. Гучкову, 7 декабря 1910 г. 401
Письмо графу Н.Л. Муравьеву, 9 декабря 1910 г. 402
Письмо С.Д. Сазонову, 13 декабря 1910 г. 404
Письмо И.Г. Щегловитову, 22 декабря 1910 г. 405
Письмо В.Н. Коковцову, 22 января 1911 г. 407
Письмо С.Д. Сазонову, 22 января 1911 г. 407
Письмо графине Н.Ф. Карловой, 2 марта 1911 г. 408
Письмо великому князю Николаю Михайловичу,
14 марта 1911 г. 408
Письмо А.А. Нератову, 15 марта 1911 г. 409
Письмо великой княгине Марии Павловне,
17 марта 1911 г. 411

Письмо графу Н.Л. Муравьеву, 23 марта 1911 г. 411
Письмо С.В. Рухлову, 1 апреля 1911 г. 412
Письмо графу Н.Л. Муравьеву, 26 апреля 1911 г. 413
Черновик письма А.В. Кривошеину, май 1911 г. 416
Письмо И.К. Григоровичу, 4 мая 1911 г. 417
Письмо графу А.А. Бобринскому, 21 мая 1911 г. 419
Телеграмма П.Г. Курлову, 10 июня 1911 г. 419
Письмо П.Г. Курлову, 10 июня 1911 г. 421
Письмо А.В. Кривошеину, 12 июня 1911 г. 422
Письмо барону В.Б. Фредериксу, 14 июня 1911 г. 422
Письмо Ф.Ф. Трепову, 15 июня 1911 г. 424
Письмо А.В. Кривошеину, 24 июля 1911 г. 425
Письмо А.П. Извольскому, 28 июля 1911 г. 425
Письмо П.Н. Балашову, 17 августа 1911 г. 427
Письмо А.А. Макарову, 23 августа 1911 г. 428
Письмо А.А. Адрианову, 24 августа 1911 г. 430
Письмо П.Н. Балашову, 30 августа 1911 г. 432

Раздел III
Письма П.А. Столыпина к жене О.Б. Столыпиной

Письмо О.Б. Столыпиной, 20 июня 1899 г. 433
Письмо О.Б. Столыпиной, 22 июня 1899 г. 434
Письмо О.Б. Столыпиной, 11 августа 1899 г. 436
Письмо О.Б. Столыпиной, 14 августа 1899 г. 437
Письмо О.Б. Столыпиной, 17 августа 1899 г. 439
Письмо О.Б. Столыпиной, 19 августа 1899 г. 441
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 августа 1899 г. 442
Письмо О.Б. Столыпиной, 24 августа 1899 г. 444
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 августа 1899 г. 446
Письмо О.Б. Столыпиной, 30 августа 1899 г. 447
Письмо О.Б. Столыпиной, 31 августа 1899 г. 448
Письмо О.Б. Столыпиной, 13 сентября 1899 г. 449
Письмо О.Б. Столыпиной, 27 сентября 1899 г. 450

Письмо О.Б. Столыпиной, 16 октября 1899 г. 451
Письмо О.Б. Столыпиной, 28 ноября 1899 г. 451
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 ноября 1899 г. 453
Письмо О.Б. Столыпиной, 13 августа 1903 г. 454
Письмо О.Б. Столыпиной, 18 сентября 1903 г. 455
Письмо О.Б. Столыпиной, 27 сентября 1903 г. 456
Письмо О.Б. Столыпиной, 12 октября 1903 г. 458
Письмо О.Б. Столыпиной, 13 октября 1903 г. 459
Письмо О.Б. Столыпиной, 14 октября 1903 г. 459
Письмо О.Б. Столыпиной, 16 октября 1903 г. 460
Письмо О.Б. Столыпиной, 17 октября 1903 г. 461
Письмо О.Б. Столыпиной, 1 марта 1904 г. 463
Письмо О.Б. Столыпиной, 2 марта 1904 г. 464
Письмо О.Б. Столыпиной, 3 марта 1904 г. 467
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 4 марта 1904 г. 468
Письмо О.Б. Столыпиной, 6 марта 1904 г. 469
Письмо О.Б. Столыпиной, 6 марта 1904 г. 470
Письмо О.Б. Столыпиной, 7 марта 1904 г. 471
Письмо О.Б. Столыпиной, 8 марта 1904 г. 472
Письмо О.Б. Столыпиной, 9 марта 1904 г. 473
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 11 марта 1904 г. 474
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 мая 1904 г. 474
Письмо О.Б. Столыпиной, 5 мая 1904 г. 476
Письмо О.Б. Столыпиной, 9 мая 1905 г. 477
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 мая 1904 г. 478
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 мая 1904 г. 478
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 мая 1904 г. 479
Письмо О.Б. Столыпиной, 16 мая 1904 г. 479
Письмо О.Б. Столыпиной, 17 мая 1904 г. 481
Письмо О.Б. Столыпиной, 18 мая 1904 г. 482
Письмо О.Б. Столыпиной, 19 мая 1904 г. 485
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 мая 1904 г. 486
Письмо О.Б. Столыпиной, 21 мая 1904 г. 487
Письмо О.Б. Столыпиной, 22 мая 1904 г. 488

Письмо О.Б. Столыпиной, 23 мая 1904 г. ... 489
Письмо О.Б. Столыпиной, 24 мая 1904 г. ... 492
Письмо О.Б. Столыпиной, 25 мая 1904 г. ... 493
Письмо О.Б. Столыпиной, 26 мая 1904 г. ... 494
Письмо О.Б. Столыпиной, 27 мая 1904 г. ... 495
Письмо О.Б. Столыпиной, 28 мая 1904 г. ... 497
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 мая 1904 г. ... 499
Письмо О.Б. Столыпиной, 30 мая 1904 г. ... 500
Письмо О.Б. Столыпиной, 31 мая 1904 г. ... 502
Письмо О.Б. Столыпиной, 1 июня 1904 г. ... 503
Письмо О.Б. Столыпиной, 2 июня 1904 г. ... 503
Письмо О.Б. Столыпиной, 3 июня 1904 г. ... 505
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 июня 1904 г. ... 506
Письмо О.Б. Столыпиной, 6 июня 1904 г. ... 507
Письмо О.Б. Столыпиной, 7 июня 1904 г. ... 509
Письмо О.Б. Столыпиной, 10 июня 1904 г. ... 510
Письмо О.Б. Столыпиной, 11 июня 1904 г. ... 511
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 июня 1904 г. ... 512
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 июня 1904 г. ... 512
Письмо О.Б. Столыпиной, 16 июня 1904 г. ... 515
Письмо О.Б. Столыпиной, 17 июня 1904 г. ... 517
Письмо О.Б. Столыпиной, 18 июня 1904 г. ... 518
Письмо О.Б. Столыпиной, 19 июня 1904 г. ... 519
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 июня 1904 г. ... 520
Письмо О.Б. Столыпиной, 21 июня 1904 г. ... 522
Письмо О.Б. Столыпиной, 22 июня 1904 г. ... 523
Письмо О.Б. Столыпиной, 23 июня 1904 г. ... 524
Письмо О.Б. Столыпиной, 24 июня 1904 г. ... 525
Письмо О.Б. Столыпиной, 25 июня 1904 г. ... 526
Письмо О.Б. Столыпиной, 26 июля 1904 г. ... 527
Письмо О.Б. Столыпиной, 27 июня 1904 г. ... 528
Письмо О.Б. Столыпиной, 28 июня 1904 г. ... 529
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 июня 1904 г. ... 530
Письмо О.Б. Столыпиной, 30 июня 1904 г. ... 531

Письмо О.Б. Столыпиной, 1 июля 1904 г. 532
Письмо О.Б. Столыпиной, 2 июля 1904 г. 533
Письмо О.Б. Столыпиной, 3 июля 1904 г. 535
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 июля 1904 г. 535
Письмо О.Б. Столыпиной, 5 июля 1904 г. 536
Письмо О.Б. Столыпиной, 6 июля 1904 г. 537
Письмо О.Б. Столыпиной, 7 июля 1904 г. 538
Письмо О.Б. Столыпиной, 10 июля 1904 г. 539
Письмо О.Б. Столыпиной, 10 июля 1904 г. 540
Письмо О.Б. Столыпиной, 11 июля 1904 г. 540
Письмо О.Б. Столыпиной. 14 июля 1904 г. 541
Письмо О.Б. Столыпиной, 14 июля 1904 г. 542
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 июля 1904 г. 544
Письмо О.Б. Столыпиной, 16 июля 1904 г. 545
Письмо О.Б. Столыпиной, 17 июля 1904 г. 546
Письмо О.Б. Столыпиной, 18 июля 1904 г. 546
Письмо О.Б. Столыпиной, 19 июля 1904 г. 548
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 июля 1904 г. 549
Письмо О.Б. Столыпиной, 21 июля 1904 г. 550
Письмо О.Б. Столыпиной, 23 июля 1904 г. 551
Письмо О.Б. Столыпиной, 25 июля 1904 г. 552
Письмо О.Б. Столыпиной, 27 июля 1904 г. 553
Письмо О.Б. Столыпиной, 28 июля 1904 г. 555
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 июля 1904 г. 556
Письмо О.Б. Столыпиной, 30 июля 1904 г. 557
Письмо О.Б. Столыпиной, 31 июля 1904 г. 558
Письмо О.Б. Столыпиной, 31 июля 1904 г. 559
Письмо О.Б. Столыпиной, 1 августа 1904 г. 560
Письмо О.Б. Столыпиной, 3 августа 1904 г. 561
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 августа 1904 г. 563
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 августа 1904 г. 564
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 августа 1904 г. 565
Письмо О.Б. Столыпиной, 7 августа 1904 г. 565
Письмо О.Б. Столыпиной, 7 августа 1904 г. 566

Письмо О.Б. Столыпиной, 9 августа 1904 г. 567
Письмо О.Б. Столыпиной, 12 августа 1904 г. 568
Письмо О.Б. Столыпиной, 19 декабря 1904 г. 569
Письмо О.Б. Столыпиной, 19 февраля 1905 г. 569
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 марта 1905 г. 570
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 мая 1905 г. 573
Письмо О.Б. Столыпиной, 25 мая 1905 г. 574
Письмо О.Б. Столыпиной, 31 мая 1905 г. 575
Письмо О.Б. Столыпиной, 3 июня 1905 г. 575
Письмо О.Б. Столыпиной, 30 июня 1905 г. 576
Письмо О.Б. Столыпиной, 1 июля 1905 г. 578
Письмо О.Б. Столыпиной, 2 июля 1905 г. 579
Письмо О.Б. Столыпиной, 3 июля 1905 г. 581
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 июля 1905 г. 582
Письмо О.Б. Столыпиной, 5 июля 1905 г. 583
Письмо О.Б. Столыпиной, 6 июля 1905 г. 584
Письмо О.Б. Столыпиной, 8 июля 1905 г. 585
Письмо О.Б. Столыпиной, 12 июля 1905 г. 586
Письмо О.Б. Столыпиной, 13 июля 1905 г. 586
Письмо О.Б. Столыпиной, 14 июля 1905 г. 587
Письмо О.Б. Столыпиной, 18 июля 1905 г. 588
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 22 июля 1905 г. 589
Письмо О.Б. Столыпиной, 15 октября 1905 г. 589
Письмо О.Б. Столыпиной, 16 октября 1905 г. 591
Письмо О.Б. Столыпиной, 17 октября 1905 г. 593
Письмо О.Б. Столыпиной, 18 октября 1905 г. 594
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 23 октября 1905 г. 595
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 25 октября 1905 г. 595
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 26 октября 1905 г. 596
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 27 октября 1905 г. 596
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 27 октября 1905 г. 597
Письмо О.Б. Столыпиной, 28? октября 1905 г. 597
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 октября 1905 г. 598
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 29 октября 1905 г. 599

Телеграмма О.Б. Столыпиной, 30 октября 1905 г. 599
Письмо О.Б. Столыпиной, 30 октября 1905 г. 599
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 31 октября 1905 г. 601
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 31 октября 1905 г. 601
Письмо О.Б. Столыпиной, 31 октября 1905 г. 601
Письмо О.Б. Столыпиной, 1 ноября 1905 г. 602
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 3 ноября 1905 г. 603
Письмо О.Б. Столыпиной, 4 ноября 1905 г. 603
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 ноября 1905 г. 604
Письмо О.Б. Столыпиной, 26 апреля 1906 г. 605
Письмо О.Б. Столыпиной, 26 апреля 1906 г. 606
Письмо О.Б. Столыпиной, 29 апреля 1906 г. 607
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 2 мая 1906 г. 608
Телеграмма О.Б. Столыпиной, 11 мая 1906 г. 609
Письмо О.Б. Столыпиной, 26 июля 1906 г. 609
Письмо О.Б. Столыпиной, 9 сентября 1910 г. 610
Письмо О.Б. Столыпиной, 20 августа 1911 г. 611
Письмо О.Б. Столыпиной, 23 августа 1911 г. 612
Письмо О.Б. Столыпиной, 28 августа 1911 г. 613

Раздел IV
Письма к друзьям

Письмо А.Ф. Мейендорфу, 2 января 1900 г. 614
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 20 сентября 1902 г. 615
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 28 августа 1903 г. 615
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 31 октября 1904 г. 616
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 15 августа 1905 г. 616
Письмо Н.П. Урусову, 22 августа 1905 г. 617
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 17 марта 1906 г. 618
Письмо князю Н.П. Урусову, 10 июня 1906 г. 618
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 8 июля 1910 г. 619
Письмо А.Ф. Мейендорфу, 25 июля 1910 г. 620

Приложение

I. Речи П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства

Речь на открытии первой сессии Совета по делам местного хозяйства, 11 марта 1908 г. 621
Речь на открытии второй сессии Совета по делам местного хозяйства, 20 ноября 1908 г. 625
Речь на заседании общего присутствия Совета по делам местного хозяйства, 2 декабря 1908 г. 629
Речь на открытии третьей сессии Совета по делам местного хозяйства, 6 октября 1909 г. 633
Речь на заседании общего присутствия Совета по делам местного хозяйства, 15 октября 1909 г. 637
Речь на открытии пятой сессии Совета по делам местного хозяйства, 9 ноября 1910 г. 640

II. Высочайшие доклады и циркулярные письма П.А. Столыпина

Письмо губернаторам, 20 июня 1906 г. 644
Письмо губернаторам, 27 июня 1906 г. 645
Тезисы по вопросу об отмене черты оседлости для евреев, 1907 г. 646
Записка, 4 января 1907 г. 648
Письмо генерал-губернаторам, главноначальствующим, губернаторам и градоначальникам, 16 февраля 1907 г. 648
Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями, 20 апреля 1907 г. 650
Телеграмма губернаторам, 16 июля 1907 г. 651
Письмо губернаторам, 9 сентября 1907 г. 652
Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями, 11 октября 1907 г. 653
Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями, 31 октября 1907 г. 654
Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями, 9 января 1908 г. 656

Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями, 22 февраля 1908 г. 656
Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Николаю II, 29 марта 1908 г. 657
Письмо министрам и главноуправляющим отдельными частями, 29 августа 1908 г. 660
Письмо губернаторам и градоначальникам, 20 октября 1909 г. 661
Письмо губернаторам, 20 января 1910 г. 668
Письмо губернаторам, 6 мая 1910 г. 669
Письмо губернаторам, 25 июля 1910 г. 670
Письмо губернаторам, 7 октября 1910 г. 671
Письмо губернаторам, 8 декабря 1910 г. 673
Мнение П.А. Столыпина о волостном суде, декабрь 1910 г. 674
Всеподданнейший доклад Николаю II, 8 февраля 1911 г. 674
Замечания П.А. Столыпина, 15 сентября 1911 г. 675

Именной указатель 676

П.А.Столыпин
ПЕРЕПИСКА

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 29.03.2004.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 44,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 9864

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6